

9(0.1)
Б

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

39206

БИБЛИОТЕКА
Орловского Дома
Красной Армии

ПРОВЕРЯ

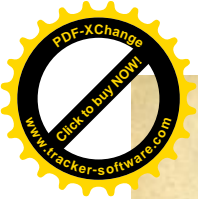
Библиотека Орловского Дома
Красной Армии
№ 3448

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 4/16. АПРѢЛЬ 1907

ПРОВЕРЕНО
1953 г.

ПЕТЕРБУРГЪ

ПРОВЕРЕНО

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Воспоминанія (шестидесятые и семидесятые годы). М. Ю. Ашенбреннера	1
2. Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году. (Личныя воспоминанія). С. И. Сомова	22
3. Къ вопросу о переговорахъ «Исполнительнаго Комитета Народной Воли» съ «Добровольной Охраной». (Изъ воспоминаній). В. К. Дебагорія-Мокрѣевича	56
4. Западные друзья Герцена. (По неизданнымъ даннымъ). М. О. Гершензона	62
5. Революціонеры во флотѣ. (Очеркъ второй). Э. А. Серебрякова	96
6. Карательная экспедиція ген.-лейт. П. К. Ренненкампа въ Забайкальской Области. (Очеркъ первый). П. Н. Переверзева	140
7. Стихотворенія П. С. Поливанова	164
8. Записки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 года. В. Е. Янушкина	167
9. Въ Мценской «гостинницѣ». Н. А. Виташевского	173
10. Матеріалы для біографіи А. А. Серно-Соловьевича. М. К. Лемке	192
11. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. И. П. Бѣлоконснаго	231
12. Къ событію 4 августа 1878 года. В. І.	256
13. Въ Архангельской ссылкѣ. Ю. Н. Лавриновича	259
14. По поводу статьи Н. С. Русанова «П. Л. Лавровъ». М. А. Антоновича	290
15. По поводу «Воспоминаній Народовольца» А. Н. Баха. Г. А. Лопатина	298
16. Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ. (Несколько словъ). В. Б.	300

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.
 1907.

17. Историческая библиография: 1) А. К. Брянчаниновъ.—Роспускъ Государственной Думы. 2) Т. В. Локоть.—Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ. 3) В. П. Алексѣевъ.—Первый русскій парламентъ. 4) Т. В. Локоть.—Первая Дума. 5) Н. Езерскій.—Государственная Дума перваго состава. 6) П. П. Семеновъ.—Первая Государственная Дума. 7) М. Б.-овъ и Ф. Данъ.—Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ. 8) В. Г. Тагъ.—Мужики въ Государственной Думѣ. 9) В. В. Брусанинъ.—Судьба первыхъ депутатовъ. **Ю. Н. Лавриновича.** 10) И. П. Ювачевъ, Шлиссельбургская крѣпость. **М. В. Новорусскаго.** 11) Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ. **В. В. Водовозова** 302

18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 316

19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Прокламація 1862 г. по поводу высылки проф. Павлова—21. Дѣло Карпинскаго (1862 г.)—95. Правила работы въ мастерской Шлиссельбургской крѣпости. **С. Кир—а.**—130. Открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдачѣ Л. Н. Гартмана—191. Къ исторіи ограниченія гласности судопроизводства—230).

20. Объявленія 322

Къ этой книгѣ приложены портреты: И. Арнольда, П. Сливичкаго, П. С. Поливанова, барона А. П. Штромберга и бр. Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей.

Мартовская книжка находится еще подъ арестомъ и будетъ разослана подписчикамъ тотчасъ по ея освобожденіи. Въ случаѣ обратномъ—редакція приметъ мѣры къ удовлетворенію подписчиковъ.

При этой книжкѣ иногороднимъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи журнала „Сѣверъ“.

Петръ Сергѣевичъ
ПОЛИВАНОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

(Шестидесятые и семидесятые годы).

I.

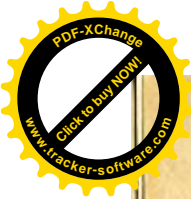
60-е и 70-е годы—время моей юности и молодости; съ этой поры я и начну свои воспоминанія. На своемъ отрочествѣ я не останавливаюсь. Мои записки не имѣютъ автобиографическаго значенія, а старо-кадетская жизнь описывалась многократно. На чисто художественное изображеніе дѣтства и отрочества я не дерзаю. Но сказать нѣсколько словъ о старо-кадетскомъ укладѣ нужно.

Въ корпусъ я поступилъ при старыхъ, суровыхъ порядкахъ. Носили тяжелыя каски съ султанами и тесаки. Большая каска на маленькомъ кадетѣ была смѣшна и мучительна; внутренніе винты и гайки больно давили голову. Небольшой вѣтеръ, раскачивая султанъ, валилъ съ ногъ мальчика. Зимой носили шинели, подбитыя вѣтромъ, т. е. безъ подкладки, и нитеные чулки: допускались только суконные рукавицы и наушники. Плохіе учителя неумѣло передавали свои скудныя знанія, поселяя въ ученикахъ лѣнь и отвращеніе къ ученію и недобрыя отношенія къ учителю. Педагогія нашихъ воспитателей—ротныхъ офицеровъ, исчерпывалась подзатыльниками, тумаками, лишеніемъ обѣда и пр. Слушались и учились хорошо только у тѣхъ, кто умѣлъ внушить къ себѣ любовь, а такія странныя непонятныя исключенія бывали, только не для дѣтей младшаго возраста. Напр., въ старшихъ классахъ въ серединѣ 50-хъ годовъ преподавалъ словесность другъ Герцена и Бѣлинскаго, поэтъ Василій Ивановичъ Красовъ. Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» говоритъ, что пылкій «жрецъ паѳоса», при каждомъ свиданіи съ Бѣлинскимъ, со слезами восторга сообщалъ своему другу о рожденіи новаго гения среди его учениковъ кадетъ ²⁾. Нашъ тогдашній строй покоился на 4-хъ китахъ: суровая дисциплина, шагистика, «рукоприкладство» и субботняя порка въ цейхгаузѣ. Въ день моего

¹⁾ Первая глава этихъ воспоминаній М. Ю. Ашенбреннера была напечатана въ 1904 году за подписью М. А-б-ръ въ газетѣ «Наша Жизнь». Всѣ остальныя главы печатаются въ первый разъ.

²⁾ О Красовѣ Тургеневъ говоритъ въ «Рудинѣ»: «Полусумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка».

Ред.

поступления, ротный командиръ капитанъ С. очень добрый человекъ и семьянинъ, погладилъ меня по головкѣ и сказалъ мнѣ съ кроткой улыбкой:

— Учись и веди себя хорошо. У мини всякая вина виновата: за единички и дурное поведеніе высику: будь у тиби семь пядей во лбу—высику! У мини законъ: помни день субботній. Виноватъ—значить—маршъ въ чикаузъ!

И дѣйствительно, по субботамъ водили въ «чикаузъ» по нѣсколько человекъ. Надъ одними производилась экзекуція, другіе, попадавшіе въ первый разъ, только смотрѣли. Регулярная порка, превратившаяся въ обычай, создала особый видъ молодечества: тѣлеснаго наказанія не стыдились и не страшились, но стыдились кричать, плакать и отпрашиваться, стараясь переносить наказаніе, не выдавая своихъ страданій—и заслуживали этимъ общее одобреніе товарищей. Бывали молодцы, которые хвалились, что молча выносили 50, 100 ударовъ. Начальство на это реагировало тѣмъ, что давало одной розгой менѣ, т. е. вмѣсто 50—49, приговаривая: «Не хвались, что получилъ 50!» Въ младшихъ ротахъ ближайшій надзоръ за поведеніемъ внѣ классовъ поручался кадетамъ старшаго возраста—унтеръ-офицерамъ. Эта была первая административная инстанція. Унтеръ-офицеръ имѣлъ право поставить провинившагося «подъ лампу», «у доски», «къ стѣнѣ», наказать «безъ пирога». И строгіе изъ нихъ этимъ правомъ пользовались широко; а другіе «рукоприкладствовали» и наказывали «безъ пирога», смотря «по своему аппетиту» и сѣдали на глазахъ у наказаннаго конфискованный пирогъ. Правда, присвоеніе пирога было противозаконно, но кадетъ никогда не жаловался на кадета: это считалось фискальствомъ. Корпусной міръ дѣлился на двѣ части, между которыми мало было общаго: съ одной стороны кадеты, съ другой—воспитатели, учителя и начальство. Фискаловъ и дурныхъ унтеръ-офицеровъ жестоко допекали и подводили. Маленькіе мстители за нарушеніе товарищескаго неписаннаго закона были очень изобрѣтательны и неутомимы въ преслѣдованіи, и побѣда всегда склонялась на ихъ сторону, какъ у лилипутовъ надъ Гулливеромъ. И образование въ военной закрытой школѣ 50-хъ годовъ не могло быть рациональнымъ. Старые, заслуженные наставники и наблюдатели преподавали по устарѣвшимъ учебникамъ «отъ сихъ до сихъ», а ученики зубрили, подсказывали или тупо молчали. Притязанія таковыхъ далѣе 6 балловъ не простирались¹⁾. Особенно типичны были нѣмецкіе и французскіе учителя. Напр., Штюрцваге грузно подымался на кафедру, не спѣша садился, вызывалъ мальчика, протягивалъ ноги и командовалъ: «снять сапоги!» На этотъ урокъ кадеты носили съ собой ваксу и щетки, для того чтобы чистить Ш. сапоги. Мстили такимъ учителямъ безпощадно. Расплатились съ Ш. остроумно и окончателно. Однажды съ него сняли обычнымъ порядкомъ сапоги и забросили ихъ на печь, очень высокую и доходившую почти до потолка, и затѣмъ подняли страшный шумъ, чтобы привлечь дежурнаго офицера и помощника инспектора. Ш. сначала оторопѣлъ, потомъ, должно быть, сообразилъ,

¹⁾ 6 балловъ, по 12 балльной системѣ, удовлетворительная отмѣтка.

что на шумъ непремѣнно придутъ и увидятъ его безъ сапогъ, и сталъ упрашивать не шумѣть и отдать ему сапоги, обѣщая за это поставить хорошіе баллы. Шумъ затихъ. Начались переговоры: «Доставай самъ!» отвѣчали ему.—Но какъ же, господа, я ихъ достану? Будьте умники, доставьте пожалуйста.—«Полѣзай самъ!»—Какъ же я туда влѣзу?—«Мы поставимъ доску и посадимъ!» Надо было спѣшить, и Ш. полѣзъ на печь, проклиная кадетъ, упрашивая ихъ не шумѣть и угрожая имъ. Какъ только онъ усѣлся на печкѣ и сталъ натягивать сапоги, доску приняли: врагъ попалъ въ ловушку, и классъ огласился криками торжествующаго побѣдителя, на которые сбѣжалось со всѣхъ сторонъ начальство. «Что за гамъ? Старшій! Гдѣ учитель?» спросилъ помощникъ инспектора. Школьники молча смотрѣли на печь, и туда обратились взгляды начальства. Тамъ сидѣлъ на карнизѣ, свѣсивъ ноги, учитель, весь измазанный известью и пылью, съ забранными панталонами, не рѣшаясь спрыгнуть. Дѣло было слишкомъ скандально, чтобы его выяснить при открытыхъ дверяхъ. Послѣ этого кадеты не видѣли больше Ш. Добрые учителя развлекали дѣтей любопытными, а чаще незанимательными баснословными сказаніями, или историческими анекдотами, которые повторялись уже много разъ.

Въ 4-мъ общемъ классѣ попадались взрослые, возмужалые, изъ тѣхъ, которые заживались по 2 года въ классѣ. Они занимались разнообразнымъ спортомъ, особенно гимнастикой, акробатикой, развивали въ себѣ басистый голосъ, читали въ церкви апостола, оказывались холодной водой, ходили переваливаясь, растегнувъ 3 нижнія пуговицы на курткѣ. Это были «старые кадеты или слоны». Учитель математики любилъ слоновъ, подтрунивалъ надъ ними и ставилъ имъ всегда 6 балловъ. «Г. Н., пожалуйста къ доскѣ!» вызывалъ онъ слона и задавалъ ему самый элементарный вопросъ:

«Скажите, пожалуйста, сколько въ окружности можно провести диаметровъ?»—«Сколько хочешь!» отвѣчалъ басомъ широкоплечій слонъ.—«Прекрасно, но позвольте, г. Н. я, кажется, говорю съ вами вѣжливо!» Какое же право вы имѣете говорить со мною на «ты»? Вы полагаете, что вѣжливость необязательна для слона?! Потрудитесь раздѣлить данную линію на 7 частей». Молчаніе.—«Что же-съ? Пожалуйста на Парнасъ; что въ умѣ держите, несите на Парнасъ!»—Молчаніе... Тогда учитель басомъ начинаетъ нараспѣвъ: «Братіе! взгляните на моя плечи!» и запѣваетъ на 7-ой гласъ «Славы и нынѣ:

«Украсилъ Богъ небо звѣздами,
«А кадетскій корпусъ дураками.
Пѣснь тебѣ всегда приносимъ!»

Весь классъ тихо повторяетъ эти стихи церковнымъ напѣвомъ.—Идите, господинъ слонъ: 6 балловъ.»—Это было, по крайней мѣрѣ, забавно. Въ высшихъ классахъ специальная, т. е. военная науки преподавались едва-ли лучше. Полковникъ К. заслуженный преподаватель фортификаціи излагалъ свой предметъ очень картинно: «Гг! чему, скажемъ, теперича равняется высота бруствера полевого укрѣпленія? Очень просто: средній балль, скажемъ теперича, 6, въ этомъ окрѣ 6

стеколь; у челѣвка 6 отверстій; митрополить ѣздитъ на 6 лошадахъ, высота бруствера, скажемъ теперича, 6 футъ.»

Эта система—наслѣдіе мрачныхъ временъ, не считалась съ психикой; дисциплинарный уставъ и катехизисъ были ея нравственнымъ закономъ. Своей цѣлью она поставила созданіе безусловныхъ исполнителей усмотрѣнія и храбрыхъ безотвѣтныхъ воиновъ и творила бы она покорныхъ слушателей-автоматовъ, еслибъ попутно и произвольно не сложилась кадетская спартанская община. Единицы обезличивались: онѣ склонялись подъ желѣзной рукой устава, а спартанская община, сильная взаимной выручкой и чувствомъ товарищества, служила защитительной оболочкой въ неизбѣжномъ антагонизмѣ кадета съ начальствомъ. Эта система, описанная здѣсь бѣглыми штрихами, существовала неизмѣнно многіе годы и, казалось, пустила глубокіе несокрушимые корни. А при первомъ дыханіи свѣжаго весенняго воздуха, при первомъ лучѣ свѣта, она исчезла, какъ дурной сонъ, правда, оставивъ послѣ себя кое-какіе пережитки. Но все дикое, грубое, омертвѣлое обречено на гибель, а хорошее, жизнеспособное осталось.

Когда наступила перемѣна, ¹⁾ бурбоны-офицеры исчезли, какъ «привидѣнія при крикѣ пѣтуха». Явились хорошо воспитанные офицеры. Одинъ ротный командиръ капитанъ О. изучалъ за границей педагогію. Ручная расправа исчезла вмѣстѣ съ бурбонами и тѣлесное наказаніе стало выходить изъ обихода, хотя директоръ корпуса генералъ Л. частенько возглашалъ: «стыдъ, срамъ, срамота, розгу дамъ!» Но чудомъ изъ чудесъ было появленіе образованныхъ учителей иностранныхъ языковъ, Лукавые кадетики, желая поднять насмѣхъ нѣмца, попросили однажды объяснить что-то изъ тригонометріи; учитель не только хорошо объяснилъ, но затѣмъ охотно помогаль и по другимъ предметамъ. Специальная наука преподавали молодые офицеры съ академическими значками. Простое перечисленіе преподавателей по общимъ предметамъ въ специальныхъ классахъ покажетъ, какъ измѣнилась учебная часть: ихъ имена еще до сихъ поръ не забыты. Статистику преподавали Корсакъ, Покровскій, С. С. Муравьевъ (потомъ проф. казанскаго университета). Законовѣдѣніе—Лялинъ (перев. Шиллера), исторію Альбертини, Ватсонъ, Дювернуа. Въ 3-мъ специальномъ, который былъ учрежденъ только что, преподавали Н. С. Тихонравовъ (словесность), М. Н. Капустинъ (законовѣденіе), С. М. Соловьевъ (исторію), Покровскій (статистику), Я. И. Вейнбергъ (физич. геогр.). Когда я былъ во второмъ специальномъ, и составъ учителей, и ихъ отношенія къ намъ, и способы преподаванія, да и самые предметы преподаванія измѣнились. Между учителемъ и учениками возникло сближеніе. Съ почтеніемъ я вспоминаю двухъ учителей, нашихъ друзей, М. и Л. Отъ М. мы впервые услышали о Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ и Добролюбовѣ. Онъ указалъ намъ на Современникъ. Я попалъ во 2-ой спец. классъ очень юнымъ, 16 лѣтъ, по успѣхамъ на экзаменахъ, но не по развитію, и читалъ до знакомства съ М. только романы. Первая серьезная статья, которую я прочелъ сознательно, съ увлеченіемъ это—«Литературныя мелочи за прошлый годъ» Добролюбова. Добро-

¹⁾ При военномъ министрѣ Д. А. Милютинѣ.

любова мы читали и читали, но Чернышевскій имѣлъ на насъ болѣе сильное и прямое вліяніе. Его мы знали наизусть, его именемъ клялись, какъ правовѣрный магометанинъ клянется Магометомъ, пророкомъ Аллаха; такъ что Тургеневъ ошибался, когда называлъ «Чернышевскаго простой змѣей, а Добролюбова очковой». Лучше сказать наоборотъ. Другой учитель Л. сдѣлалъ для насъ не менѣе. Онъ познакомилъ насъ съ Герценомъ. Были и между нами молодые люди, которые, познакомившись съ этимъ писателемъ, полюбили его всей душой. Знакомство же съ идеями Герцена сообщило имъ направленіе, которому они остались вѣрны до старости. Ихъ плѣнила въ Герценѣ глубина мысли, выраженной въ такой красивой формѣ, широта проникающаго ума, блестящее остроуміе, великая сила сарказма—но этимъ могли восхищаться и эстетики; эти же нѣкоторые чувствовали за его сатирой «невидимыя слезы», любовь къ родинѣ, истинъ, справедливости, жажду свободы—и увѣровали въ этого учителя и остались вѣрны его завѣтамъ. Другіе же, когда съ нихъ слетѣлъ блескъ молодости, «поумнѣли». Л. входилъ въ классъ. Мы ставили «махальнаго», и начиналось чтеніе: онъ читалъ намъ соч. Герцена «Колоколь», «Полярную Звѣзду», изданія эмигрантовъ Головина, Долгорукова и т. д. 3-й специальный классъ существовалъ недолго нѣсколько лѣтъ и состоялъ изъ 3-хъ отдѣленій: инженернаго, артиллерійскаго и генеральнаго штаба. Общіе предметы преподавали профессора Московскаго университета. Я шелъ по отдѣленію генеральнаго штаба, и весь курсъ нашъ состоялъ въ томъ, что профессора читали лекціи по поводу данныхъ намъ темъ для сочиненій. Сочиненія же давались для того, чтобы пріучить писать по источникамъ. Наши сочиненія были, конечно, ребяческими компиляціями, лучшую часть которыхъ составляли мысли и данныя, записанныя за профессоромъ и выписки изъ источниковъ. Но эти чужія мысли мало согласовались съ кадетской отсѣятиной. Пріучить насъ къ обращенію съ источниками и критическому отношенію къ нимъ и къ самостоятельности выводовъ, конечно, не удалось. По словесности была напр. такая тема: Сравнить типы Гамлета и Донъ-Кихота и разобрать тургеневскій взглядъ на эти типы». Для сочиненія служили источниками кромѣ Гамлета въ переводѣ и Донъ-Кихота на испанскомъ языкѣ и во французскомъ переводѣ, Гервинусъ о Шекспирѣ на нѣмецкомъ, Гизо о Шекспирѣ по-французски, статьи Бѣлинскаго и проч. По исторіи: исторія распространенія христіанства въ Россіи, исторія казачества, исторія Галицкой Руси—источники: лѣтописи, акты историческіе, акты археографической комиссіи, многотомныя исторіи христіанства Филарета, Макарія и многія другія книги на разныхъ языкахъ. По законовѣдѣнію: права дворянства до изданія жалованной грамоты Екатерины II. Источники: Токвиль «Старый порядокъ и революція» еще что-то и, наконецъ, Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

II.

Я былъ произведенъ въ офицеры и остался на службѣ въ Москвѣ. Связи съ корпусомъ у меня не порвались: тамъ еще учился бывший мой родственникъ Л. А.; вмѣстѣ съ тѣмъ завязались знакомства со студентами. Отъ нихъ я получилъ слѣдующія литографированныя изданія: Фейербаха: «Сущность религіи», его-же «Сущность христіанства», Герцена «Съ того берега» и «Былое и Думы», Бюхнера «Сила и Матерія», и нѣсколько нумеровъ «Колокола». Однажды 2 или 3 пріятели Л. А., кадеты старшаго возраста (но другаго кадетскаго корпуса), мнѣ повѣдали, что они составили тайное общество и собираются въ корпусныхъ подвалахъ по ночамъ. Въ одной классной комнатѣ былъ небольшой закоулокъ съ дверью — складъ географическихъ картъ, военныхъ плановъ и т. д. Въ этомъ мѣстѣ они подняли половицы и спустились въ подполье, изслѣдовали его, выбрали довольно изолированный уголокъ и, вырубивъ въ капитальной стѣнѣ небольшую камеру увѣшали ея бока одѣялами, поставили столъ, покрытый чернымъ сукномъ, а на столѣ положили черепъ и 2 обнаженныхъ кинжала. Вся обстановка была натаскана постепенно изъ цейхгауза, артиллерійскаго, зоологическаго и физическаго кабинетовъ, а затѣмъ тамъ явился литографскій станокъ. Въ это время университетская тайная литографія должна была на время прервать свою работу и мнѣ передали одну рукопись, которую я и предложилъ кадетскому тайному обществу налитографировать, что и было исполнено очень хорошо. Коридорному сторожу они платили, и тотъ имъ содѣйствовалъ. Въ это время въ корпусѣ появились обличительныя стихотворенія; предметомъ обличенія было начальство, особенно директоръ корпуса генераль Л. Вскорѣ тайная кадетская литографія провалилась. Ночью фельдфебель нестроевой роты, дѣлая обходъ, замѣтилъ, какъ изъ подполья вылѣзаль сторожъ. Сторожъ на допросѣ покаялся. Литографія была захвачена, но директоръ корпуса О. не разглашалъ инцидента, и открытіе обошлось безъ послѣдствій для участниковъ кадетъ. Вскорѣ ко мнѣ зашли 3 кадета и заявили, что они хотятъ для небольшого, ручнаго, самодѣльнаго типографскаго станка добыть шрифтъ и просили меня отправиться съ ними въ воскресенье въ словолитню Семена въ качествѣ офицера-воспитателя. По праздникамъ учащіеся допускались къ осмотру такихъ заведеній. Машины показывалъ молодой паренъ. Я долженъ былъ отвлечь его вниманіе, для того, чтобы дать возможность кадетамъ набить свои карманы шрифтомъ, который лежалъ въ большихъ и глубокихъ ящикахъ вдоль стѣнъ. Такъ и было сдѣлано. Но когда мы дома осмотрѣли добычу, оказалось что у насъ не хватало нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ, а слишкомъ много восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ. Нужно было сдѣлать покушеніе, было удачнѣе. Затѣмъ въ корпусѣ появились печатныя обличенія и начальство страшно всполошилось. На Л. А. пало подозрѣніе потому, что онъ прославился своими стихотворными произведеніями еще въ среднихъ классахъ и эта поэтическая слава довела

его до солдатской шинели. Экзамены кончились. Въ старшей ротѣ готовились къ спектаклю: въ актовомъ залѣ устраивали сцену. Во время этой праздничной, веселой суеты А. былъ арестованъ въ карцерѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Л. обратился къ старшей ротѣ съ такими словами: «Среди васъ есть дурной товарищъ, который васъ выдаетъ: откуда я узналъ, что Б. вернулся изъ отпуска пьяный?— отъ А. Кто мнѣ донесъ, что у В. дурная болѣзнь? а С., Д. и Е. играютъ въ карты? — Опять А.! — Стыдъ! Срамъ! Срамота! Такого испорченнаго кадета я исключу изъ корпуса!» Кадеты слушали его съ иронической улыбкой. Когда же онъ кончилъ, раздался голоса: «Мы не вѣримъ ни одному вашему слову! Мы знаемъ доносчика! Зачѣмъ вы посадили А. въ карцеръ, а теперь черните его за глаза?! Позовите его сейчасъ и повторите при немъ ваши слова!» — «Я не могу его освободить,— отвѣтилъ директоръ,— онъ арестованъ за распространеніе пасквилей и за это пойдетъ въ солдаты!» — «Это новая ложь!».. Объясненіе принимало бурный характеръ и генераль удалился, а кадеты въ ту же минуту побѣжали въ карцеръ, сломали двери и сообщили А. о томъ, что было, А. бросился въ кабинетъ директора, — квартира котораго выходила на большую площадку обширныхъ сѣней, по обѣимъ сторонамъ которыхъ вели внизъ въ швейцарскую двѣ широкія лѣстницы. А. бѣшено ворвался въ кабинетъ почти по слѣдамъ директора, Л. хотѣлъ забѣжать за письменный столъ, но былъ настигнутъ, и А., безъ дальнихъ объясненій, обозвавъ его «подлецомъ», далъ ему пощечину и отправился въ роту. Вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ на площадку и Л. По лѣстницѣ въ эту минуту поднимались рабочіе съ досками и переводинами для театральной сцены и дежурный по корпусу вышелъ изъ своей комнаты должно быть для наблюденія за ними. Л. былъ внѣ себя и прокричалъ: «Бросай тесь! Лови разбойника А.!» и обращаясь къ дежурному капитану С. сказалъ: «Арестуйте этого разбойника: онъ меня сейчасъ ударилъ по лицу!» — Но арестовать его уже было невозможно безъ крупнаго скандала. Онъ былъ среди товарищей, которые его не выдавали. На другой день былъ праздникъ; въ 7 часовъ вечера распускали въ отпускъ по домамъ. За А. пріѣхала мать; но въ пріемной ее уже ожидали товарищи А. и, рассказавъ ей въ чемъ дѣло, предупредили, чтобы она не вызывала сына къ себѣ потому, что его тутъ же арестуютъ. Старшая рота въ отпускъ не пошла. Кадеты хорошо знали, что ночью будетъ сдѣлана попытка арестовать А. и рѣшили отразить ночное нападеніе. Раздѣвшись, они положили около себя обнаженные тесаки, выбрали караульныхъ, изголовье А. перевязали съ изголовьемъ другой кровати, а его тюфякъ прикрѣпили къ кровати, чтобы его не вынесли соннаго на тюфякъ, или вмѣстѣ съ кроватью. Затѣмъ всѣ улеглись. Наступила тишина. Ночью два или три раза прослѣдовалъ по спальнѣ дежурный офицеръ и отдалъ приказаніе служителю убавить огня въ лампахъ. А потомъ съ двухъ сторонъ спальни вошли двѣ команды солдатъ служительской роты, подъ начальствомъ дежурнаго по корпусу и командира служительской роты. Когда солдаты направились къ кровати А., раздался сильный крики, и вся рота въ нижнемъ бѣльѣ съ тесаками, бросилась на солдатъ и жестоко ихъ избила. Атака была

отбита и противник бѣжалъ. Но нужно было закрѣпить за собой результаты побѣды и вотъ, въ 8 часовъ утра на другой день, той долѣ Москвы, которая рано встаетъ, довелось увидѣть на улицахъ удивительную процессію. По срединѣ улицы шла стройнымъ порядкомъ рота взрослыхъ кадетъ, со своими унтеръ-офицерами на мѣстахъ, въ самомъ растерзанномъ видѣ: куртки, панталоны были разорваны въ клочья, лица и руки въ крови, многіе несли въ рукахъ разорванныя и окровавленные подушки, одѣяла, рубахи и проч. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ бойцамъ и довелось получить нѣсколько ударовъ кулакомъ въ жару битвы, по солдатской неосторожности, при самозащитѣ, а можетъ быть и умышленно. Но несомнѣнно также, что побиты были солдаты, а не кадеты и что кадеты измазали себѣ лица и рубахи солдатской кровью, изорвавъ умышленно въ клочья свое бѣлье и платье. Одинъ кадетъ выломалъ себѣ зубъ, который шатался и наколотилъ себѣ синяки. И эта процессія шла по Москвѣ, привлекая къ себѣ изумленныхъ прохожихъ, шла къ генераль-губернатору. Генераль-губернаторъ Тучковъ привѣтливо принялъ кадетъ, доврчиво выслушалъ ихъ разсказъ, не скрывъ отъ нихъ своего возмущенія и отпустилъ ихъ, сказавъ, что сію минуту телеграфируетъ Государю о ночномъ избіеніи сонныхъ кадетъ. Черезъ день генераль Л. былъ отставленъ. Но взволнованная среда не можетъ сразу успокоиться. Вмѣстѣ съ главнымъ, основнымъ теченіемъ, возникаютъ побочныя, сообщающія ему особенную окраску. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Одинъ кадетъ, товарищъ А. по классу и ротѣ, въ минуту общаго упоенія побѣдой, собралъ около себя слушателей и съ большимъ пафосомъ сталъ проповѣдывать, что Бога нѣтъ. Сначала его выслушивали молча и довольно равнодушно: но дальнѣйшая аргументація заинтересовала нѣкоторыхъ. Онъ говорилъ, указывая на ротный образъ: «Вы видите этотъ образъ, я надругаюсь надъ нимъ; если есть Богъ, то пускай меня за это разразитъ громъ небесный, или пусть подо мной разступится полъ и я провалюсь въ преисподнюю! Если же этого не случится, значитъ Бога нѣтъ!»—«Вѣрно!»—отвѣтили ему нѣкоторые увлеченные такой постановкой вопроса. Сейчасъ же М. снялъ образъ, сорвалъ ризу и, сложивъ икону, сталъ топтать обломки ногами... Ну, что же г.г.! гдѣ громы небесные?» За этимъ послѣдовало краткое молчаніе какъ бы въ ожиданіи свидѣтельства свыше. «Вы видите, я цѣль—значитъ Бога нѣтъ!»—«Вѣрно»—отвѣтило нѣсколько голосовъ. Тогда они схватили обломки и бросили въ каминъ. Дня черезъ 3 пріѣхалъ изъ Петербурга генераль-адъютантъ Ж. для разслѣдованія обоихъ случаевъ. А. и М. были арестованы. Директоръ отрицалъ пощечину, утверждая, что А. обругалъ его подлецомъ и только замаяхнулся на него, но ему удалось отвести ударъ. А. заявилъ, что далъ ему полновѣсную пощечину и дастъ при первомъ случаѣ еще другую. Дѣло окончилось тѣмъ, что А. былъ назначенъ въ солдаты на 6 лѣтъ въ дальніе гарнизоны, а М. на 3 года. Директоръ уволенъ въ отставку и выѣхалъ за границу лечиться отъ флюса.

III.

Та войсковая часть, гдѣ я началъ службу, была переведена на новыя квартиры верстахъ въ 35 отъ Москвы и къ намъ былъ назначенъ новый командиръ полковникъ Б., пожилой, заслуженный воинъ, украшенный крестами за венгерскую и крымскую кампаніи. Съ прежнимъ командиромъ полковникомъ П., мы ладили и повѣрили недоброй оцѣнкѣ, сдѣланной имъ новому командиру. «Г. г.! сказалъ онъ намъ,—на васъ идетъ гроза и я думаю это васъ соединитъ». Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе разнохарактернаго состава общества офицеровъ и въ силу того, что тогда существовали выборныя должности: казначея и квартирмистра ¹⁾, за которыхъ общество отвѣчало своимъ карманомъ,—возникали почти повсемѣстно въ войскахъ партіи. Желаніе провести на эти должности своихъ кандидатовъ, желаніе, поддерживаемое нѣкоторой наиболѣе вліятельной по своему служебному положенію частью общества, было несомнѣнной причиной разлада. Полковникъ П. былъ уступчивъ и тактиченъ и при немъ мы жили довольно согласно и неизбѣжныя столкновенія вызывались разнохарактерностію состава и причинами общаго характера. Для общества было важно знать, какъ отнесется къ предстоящимъ выборамъ новый командиръ: внесетъ ли въ нашу среду смуту и разладъ, или соединитъ насъ? Наружность Б. не располагала въ его пользу. Простоватое лицо съ зачесанными впередъ височками, узенькія бакенбарды отъ ушей до угловъ рта, высоко подвязанный галстухъ, грудь колесомъ, безпокойная и ненужная суетливость человѣка, который видимо хотѣлъ быть вездѣшущимъ и все исполняющимъ. Вѣчно онъ носился въ своей длинной, ветхой шинели на распахку по казармамъ, кухнямъ, цейхгаузамъ, конюшнямъ, мастерскимъ, всюду вступая съ офицерами въ разговоры часто бесполезныя, словно ему хотѣлось убить какънибудь время. Положимъ, это были служебныя встрѣчи; но съ нимъ невозможно было разминуться и тамъ, куда мы ходили по своимъ личнымъ дѣламъ: въ бібліотекѣ, столовой, даже на мѣстномъ базарѣ и въ мѣстныхъ лавкахъ. Встрѣчнаго офицера онъ осматривалъ съ ногъ до головы, словно мѣрку снималъ, и отрывисто задавалъ ему чисто формальные вопросы: давно ли на службѣ, гдѣ учился, сколько лѣтъ отъ роду, женатъ или холостъ? Одинъ острякъ увѣрялъ даже, что командиръ спросилъ у кого-то, не имѣетъ ли онъ особенныхъ примѣтъ на тѣлѣ. Наши свѣдѣнія о новомъ командирѣ дополняли нѣкоторые добровольцы: младшій штабъ-офицеръ Г.—самое значительное по чину лицо послѣ командира, взявшій на себя миссію сближенія общества офицеровъ съ командиромъ, но въ сущности имѣвшій въ виду только свое личное сближеніе съ нимъ, и адъютантъ Ч. по обязанности посѣщавшій ежедневно Б. на квартирѣ.—Г. г., говорилъ Г. въ столовой, я узналъ, что вчера изъ Москвы привезли

¹⁾ А также бібліотекара и заведующаго столовой, въ избраніе которыхъ также участвовали командиры—и въ этомъ случаѣ приходилось платиться своимъ желудкомъ и читать отпрятительныя „Московскія Вѣдомости“.

командиру цѣлый обозъ мебели, ковровъ, фортепіано, ящики, должно быть съ книгами, картинами, и множество роскошныхъ вещей: честное слово, видѣлъ своими глазами!—«Должно быть забѣжалъ на кухню и пошпентался съ деньщиками!» пояснилъ сосѣду острякъ Н. Н. «Сегодня, г. г., прѣехали поварь, кондитеръ, домоправительница и горничная»,—Ручаюсь вамъ, что Г. лизалъ тарелки!—комментировалъ Н. Н. «Изъ послужнаго списка командира видно, что онъ женатъ на очень знатной полькѣ: чуть ли не изъ рода Ягеллоновъ» сообщилъ адъютантъ Ч. Это окончательно спутало всѣ наши представленія о Б. А черезъ недѣлю прибыла въ отличномъ дорожномъ экипажѣ съ остальнымъ своимъ штабомъ и сама командирша, красивая, стройная молодая дама съ темными строгими глазами въ черномъ платьѣ. Черезъ нѣсколько дней новое событіе очень взволновало кой кого, особенно адъютанта Ч. М-ме Б. посѣтилъ ксендзъ! вмѣстѣ съ тѣмъ Б. показался намъ въ новомъ видѣ: по прежнему онъ бѣгалъ всюду, но теперь фамильярно хваталъ встрѣчнаго за рукавъ, спрашивалъ: «Обѣдали? Ужинали?» и тащилъ къ себѣ. Увидитъ издали на улицѣ офицера, прибавитъ шагъ и закричитъ: «Кушали? идите ко мнѣ завтракать!» Выборы прошли какъ нельзя лучше: командиръ не только не вмѣшивался, а остался совсѣмъ въ сторонѣ. М-ме Б. принимала насъ очень любезно, гостеприимно, но казалась холодной и гордой; однако ея тихій, музыкальный голосъ былъ очень привлекателенъ: «тихій нѣжный голосъ большая прелесть въ женщинѣ.» Съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ приходилось измѣнять первоначальное мнѣніе и молодые люди входили въ гостиную къ М-ме Б. съ неуловимымъ чувствомъ ожиданія встрѣтить что-то новое, неиспытанное, интересное, увлекательное. И болѣе чуткіе скоро поняли, что ихъ отчуждала и умаляла не гордость и холодность аристократки и чужестранки, а нравственная прелесть ея высоко-развитой личности. Какая-то обаятельная зона, которая и притягивала и ставила на свое мѣсто—отталкивала отъ нея мало развитыхъ и испорченныхъ; а лучшіе, юные легко и охотно поддавались ея вліянію. М-ме Б. была очень образованная женщина, отличная музыкантша, а самъ Б. игралъ недурно на виолончели, къ великому изумленію старшихъ офицеровъ, которые этимъ были нѣсколько скандализированы. Хозяева пригласили насъ бывать за-просто ежедневно, а по воскресеньямъ и праздникамъ были назначены обѣды, по четвергамъ вечера, обязательные для всего общества: семейныхъ и холостыхъ. 4 молодыхъ офицера занимались музыкой, и М-ме Б. стала руководительницей этого музыкальнаго кружка. Другая небольшая группа была привлечена къ ней силою иного средства. Она намъ рассказывала съ такой теплотой о несчастіяхъ своей дорогой родины, которая тогда возстала, и это была простая и трогательная жалоба; но по временамъ въ ея рѣчахъ мы слышали голосъ возмущенной до глубины гражданки. Умышленной тонкой пропаганды не было: она свободно провозглашала свои задушевныя убѣжденія и открывала свою взволнованную душу: истина какъ бы говорила сама за себя. Когда она замѣтила, что мы слушали ее съ уваженіемъ и симпатіей, она стала съ нами такъ проста, добра и довѣрчива, какъ сестра. Но въ одномъ случаѣ мы рѣшительно не поддавались ея

вліянію. Эта искренно вѣрующая женщина была глубоко огорчена невѣріемъ своихъ новыхъ друзей. Мы дѣйствительно тогда исповѣдовали философское ученіе Людвигъ Фейебарха. Можетъ быть она опасалась за наше вѣчное спасеніе, а можетъ быть она знала, какую силу даетъ вѣра, и горячо желала сообщить эту силу тѣмъ, кому предстояли особенныя испытанія, и тутъ обнаруживалась пылкость ея характера. Она совѣтывала, упрашивала, умоляла и встрѣчая непреодолимое упорство, угрожала, стучала съ досадою ногой и наконецъ, обращалась къ мужу съ просьбой: «Б. да помоги же мнѣ!» Б. ставилъ вопросъ иначе: я вамъ дамъ батюшка, такую книгу, что вы пальчики оближете! Читали вы Лакордера? Нѣтъ! Вотъ это человѣкъ! Вы только прочтите, останетесь довольны.—Прошу васъ, прочтите пожалуйста, уговаривала М-ме Б.: Лакордеръ другъ Ламэне. Если вы возьмете книгу, продолжалъ Б., я вамъ въ ножки поклонюсь, а когда вы ее прочтете, вы мнѣ въ ножки поклонитесь!

— Но мнѣ некогда; я занятъ службой: я читаю по французски очень медленно, а между тѣмъ нужно ходить въ казармы, отговаривался А.—Б., обращалась къ мужу М-ме Б.—Освободи А. отъ службы: чтобы онъ не ходилъ въ казармы... Изволь мой другъ! Освобождаю васъ отъ казарменныхъ занятій, а когда прочтаете, мы вамъ дадимъ книгу еще почище этой! Такъ и было сдѣлано. М-ме Б. играла намъ польскіе гимны и революціонныя пѣсни. Отъ нея мы впервые услышали запрещенную тогда марсельезу. Носила она глубокой трауръ. Встрѣчали мы часто у нея ксендзовъ, людей несравненно болѣе свѣтскихъ и просвѣщенныхъ, чѣмъ наши попы и, наконецъ, познакомились тамъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Жверждовскимъ. Жверждовскій заходилъ къ одному изъ нашихъ товарищей Г-му, недавно исключенному за «исторію» изъ инженерной академіи, и тамъ онъ откровенно бесѣдовалъ съ офицерами о текущихъ событіяхъ. Я по неволѣ долженъ судить о тогдашнихъ обстоятельствахъ ретроспективно. Но мнѣ кажется, что и тогда мое юношеское, неопытное разумѣніе постигало непреклонную и желѣзную силу характера этого человѣка и его прямолинейность. Для него не существовало никакихъ сомнѣній. Чувство долга повелѣвало ему ломить все, что мѣшаетъ достиженію цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ бросалась въ глаза его практичность, умѣлость, бессознательная ловкость, можетъ быть, укрупненная наслѣдственностью. Сочетаніе этихъ свойствъ и поразило меня вѣроятно потому, что мы русскіе въ этомъ отношеніи отставали отъ поляковъ. Эта характеристика можетъ показаться недостаточно обоснованной: я видѣлъ Жверждовскаго два, три раза и, повидимому, не долженъ довѣрять своему юношескому сужденію. Но впечатлѣнія молодости такъ ярки; а моя настоящая опытность не вноситъ никакой поправки въ ту юношескую оцѣнку. Историческая же справка подтвердитъ мои выводы: дѣятельность въ Литвѣ Жверждовскаго-Топора была энергична, хотя и кратковременна; а кратковременность такой дѣятельности у насъ является общимъ правиломъ. Жверждовскій состоялъ при штабѣ гренадерскаго корпуса въ Москвѣ. Въ Московскомъ гарнизонѣ было достаточно войсковыхъ частей для пристрѣлки новыхъ ружей. Между тѣмъ Жверждовскій обратился къ

Б. съ просьбой пристрѣлять для ускоренія значительную партію этихъ ружей при нашемъ баталіонѣ, въ виду немедленнаго отправленія ружей въ дѣйствующую армію. Эту пристрѣлку очень тщательно исполнилъ нашъ завѣдующій оружіемъ. Черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось по дѣламъ ѣхать въ Москву и командиръ просилъ зайти на квартиру Жверждовскаго за какой-то справкой. Когда я позвонилъ, мнѣ отворилъ двери жандармскій унтеръ-офицеръ и пригласилъ войти. Я сообразилъ, что случилось что-то неладное. Тамъ меня спросили, кто я и зачѣмъ явился. Я объяснилъ, что командиръ приказалъ мнѣ зайти въ штабъ гренадерскаго корпуса за служебной справкой, что, не заставъ тамъ капитана Жверждовскаго, я по указанію писаря отправился къ нему на квартиру. Меня спросили, почему же я пошелъ за справкой не въ свой штабъ, а въ штабъ гренадерскаго корпуса. Я отвѣтилъ, что нашъ штабъ въ г. Ярославль и за всѣми справками мы обращаемся въ ближайшій штабъ. Мое имя и мѣсто служенія записали; я поспѣшилъ домой, чтобы предупредить Б. Но тамъ уже все было извѣстно. М-ме Б. меня встрѣтила словами: «Вотъ это патриотизмъ: Жверждовскій ушелъ умирать за свободу отчизны и ушелъ не съ пустыми руками!» Жверждовскій воспользовался совершеннымъ довѣріемъ командира корпуса барона Рамзая и вызвался самъ доставить въ дѣйствующую армію громадный транспортъ съ оружіемъ, боевыми припасами, деньгами, мундирными и амуническими вещами подъ прикрытіемъ сильнаго отряда, и сдалъ этотъ транспортъ вмѣстѣ съ прикрытіемъ въ Литовскихъ лѣсахъ повстанцамъ; а затѣмъ вскорѣ явился подъ именемъ Топора однимъ изъ главныхъ начальниковъ Литовскаго революціоннаго отдѣла. Карьера его была непродолжительна: онъ сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть городомъ Борисовымъ, былъ отбитъ, а потомъ въ одной битвѣ попалъ въ плѣнъ и повѣшенъ Муравьевымъ. Однажды вечеромъ Б. разсказалъ намъ, что въ одномъ гвардейскомъ полку, въ послѣднемъ дѣлѣ, вышло изъ строя нѣсколько офицеровъ, и что я назначенъ начальствомъ въ этотъ полкъ, какъ имѣющій право, по успешному окончанію курса, на переводъ въ гвардію, а потому долженъ отравиться на войну. Я отвѣтилъ при всѣхъ, что не желаю этого перевода. «Почему?» наивно спросилъ Б., вѣдь васъ переводятъ въ гвардію съ пониженіемъ одного чина и такимъ образомъ вы выигрываете чинъ; да тамъ заперестрѣлки схватите крестикъ, другой; мой совѣтъ ѣхать и ѣхать!» Я отвѣтилъ, что «не желаю принимать участіе въ этой несправедливой войнѣ». Что это за странный человекъ этотъ Б., думалъ я, неужели онъ думаетъ, что намъ суждены лишь благіе порывы, а совершить ничего не дано?—Но вѣдь я не могу сдѣлать такого донесенія, добавилъ Б., я донесу, что вы по болѣзни не можете воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Если это представленіе будетъ уважено—счастье ваше!—Я знала, что вы такъ отвѣтите! сказала М-ме Б., протянувъ мнѣ руку. Однако, командиру замаскировать мой отказъ не удалось. Одинъ изъ постоянныхъ нахлѣбниковъ Б—хъ давно и пристально слѣдилъ за тѣмъ, что тамъ творится, и написалъ обстоятельный доносъ, въ которомъ и меня не забылъ. Высшее начальство прислало слѣдователя. Б. держалъ себя при разслѣдованіи ук-

дончиво и неловко, М-ме Б. открыто и гордо. «Почему вы ходите въ трауръ?»—По отчизнѣ... что вы тамъ ищите г-нъ офицеръ?—Я ишу, сударыня, Марсельезу и революціонныя пѣсни.—Это вотъ здѣсь. Скажите пожалуйста, полковникъ, чей это портретъ въ арестантскомъ халатѣ виситъ надъ роялемъ? Это, знаете ли, портретъ одного родственника жены. Но отчего же онъ изображенъ въ кандалахъ? Я думаю, это причуда художника! Ахъ! нѣтъ, Б., зачѣмъ ты говоришь неправду?! Это портретъ Канарскаго. Офицерамъ не предлагали вопросовъ. Для меня дѣло кончилось благополучно. Въ теченіе слѣдующаго года меня переводили четыре раза: изъ Москвы въ Аккерманъ, оттуда въ Екатеринославъ, затѣмъ въ Миргородъ и наконецъ въ Ташкентъ. Два товарища были переведены въ армейскіе полки на Волгѣ. Одинъ изъ нихъ не хотѣлъ служить и вышелъ въ отставку. А командиръ былъ исключенъ изъ службы безъ пенсіона.

Лѣтъ черезъ 5, вернувшись изъ Туркестана, я разыскалъ въ Петербургѣ стараго своего сослуживца и очевидца только что разсказанной исторіи и узналъ о дальнѣйшей судьбѣ четы Б—хъ. М-ме Б. то же «не съ пустыми руками» пришла на служеніе своей отчизнѣ. Все свое большое состояніе она отдала на «дѣло» и затѣмъ осталась съ мужемъ въ нищетѣ. Б. постарѣлъ и опустился. Они жили въ Петербургѣ въ глухихъ мѣстахъ, на чердакѣ. Уроки музыки, которые давала М-ме Б., были ихъ единственнымъ ресурсомъ. Она сама стряпала, мыла полы, обшивала мужа, чистила ему сапоги... Послѣдній разъ товарищъ встрѣтилъ его у гостиннаго двора: какъ прежде, онъ бѣжалъ и длинная, ветхая его шинель развѣвалась по вѣтру. Онъ страшно обрадовался встрѣчѣ: расцѣловался и прослезился... вспоминали старину... Потомъ Б. внезапно промолвилъ: Пойдемте: я вамъ покажу хорошее мѣстечко. Они пошли къ Казанскому мосту. Смотрите! Убей меня Богъ! черезъ три года здѣсь будутъ рѣзаться: славная будетъ потасовка!.. Вскорѣ они съ женой покинули Россію и поселились гдѣ-то за границей.

IV.

Главный нашъ начальникъ генераль Г. учился кажется во времена Пушкина въ Царскосельскомъ лицей и былъ человекъ деликатный, стойкій и просвѣщенный. Онъ вводилъ во вѣрренныхъ ему войскахъ новое тогда стрѣлковое искусство и, повидимому, подлюбилъ всей душою это дѣло и связанныя съ нимъ другія занятія. Должно быть мысль его была совершенно поглощена этимъ дѣломъ, ибо о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ, къ тѣлодвиженіямъ сопутствующимъ слова, припутывалъ невольно какія нибудь техническія движенія: гимнастическія, фехтовальныя и проч. Мнѣ приказали явиться къ нему передъ отъѣздомъ. Когда я вошелъ въ приемную, онъ на одинъ моментъ принялъ фехтовальную позицію en garde, а потомъ очень привѣтливо поздоровался со мною. «Ну, вамъ придется ѣхать далеко! сказалъ онъ и приподнял нѣсколько голову, открылъ ротъ и протянулъ впередъ руки, изображая стрѣльбу на большое разстояніе при

высокомъ прицѣлѣ. Тамъ жарко, очень жарко... Я смотрю на увлеченія молодежи вотъ такъ: онъ приставилъ ладонь передъ правымъ глазомъ, прищуривъ лѣвый, какъ будто держалъ въ рукѣ ручную мишень съ дырочкой въ центрѣ для повѣрки спуска курка. «Я за вами буду слѣдить»... Онъ сдѣлалъ шагъ вправо и сталъ смотрѣть на какую то далекую точку черезъ мою голову, изображая должно быть процессъ глазомѣрнаго опредѣленія разстоянія... «И возьму васъ обратно черезъ нѣсколько лѣтъ». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ уже занималъ очень высокій постъ, онъ меня возвратилъ изъ Туркестана и встрѣтилъ очень ласково. Новый ближайшій начальникъ, смѣнившій Б. такъ спѣшилъ меня выслать, что не выдалъ даже денегъ на дорогу, объявивъ, что прогонныя я долженъ получать въ попутныхъ интендантствахъ ¹⁾. Но денегъ и тамъ мнѣ не дали потому, что я не имѣлъ свидѣтельства о неполученіи ихъ дома въ своемъ батальонѣ. Такъ какъ мнѣ очень не хотѣлось возвращаться за свидѣтельствомъ туда, откуда меня выслали въ 24 часа, а своихъ денегъ у меня было рублей 15—18, то я и послѣдовалъ совѣту знакомыхъ студентовъ, поискать случая и отправиться съ какимъ нибудь обозомъ, которые тогда перевозили товары изъ одного большого города въ другой. До Харькова я ѣхалъ на пароконномъ фургононѣ съ приказчикомъ колониальнаго магазина. Въ Харьковѣ я очень скоро пристроился къ обозу, который везъ въ Одессу разные товары на 20 или 25 повозкахъ. Красивый, кудрявый, могучаго сложенія парень лѣтъ 30—35, Асѣевъ запросилъ съ меня 5 рублей. Я согласился. «Ну такъ пойдемъ баринъ въ полпивную». Тамъ Асѣевъ спросилъ водки и закуски и, когда я сказалъ, что не пью, онъ огорчился и удивился: «Какъ же ты ахвицеръ, а не пьешь?.. Ты выпей хоть французской!» Намъ дали краснаго цвѣта сладкую водку. «Что ты баринъ не ѣхалъ по казенной почтѣ? Или ты бѣдный такой? Такъ я тебѣ уступлю». Я возсталъ противъ уступки, сказавъ, что въ Одессѣ у меня будутъ деньги. Мой чемоданъ положили на дно воза, упаковали товары, обернули возъ рогожами и увязали, сдѣлавъ впереди рогожняя будки. Асѣевъ подстелилъ для меня свой подушубокъ, на который я положилъ подушку, а подъ нее узелокъ съ бѣльемъ, и вотъ мы тронулись. Каждую повозку везли три крупныя, сильныя лошади. Самый возъ со стороны походилъ на большую копну сѣна. Лошади шли мѣрнымъ шагомъ, а рогожная копна тихо качалась, вздрагивая слегка, когда колеса натыкались на неровную колею. Возы поскрипывали. Лошади тихо качали головами и отмахивались хвостами. Пахло дегтемъ, а по временамъ наносило струю махорки. Съ ближняго воза доносился тихій говоръ, а иногда и пѣсня. Выѣзжали мы рано утромъ и дѣлали по холодку первую упряжку верстъ въ 25. По большимъ торговымъ трактамъ тогда всюду на этомъ разстояніи были разбросаны постоянныя дворы, иногда по два напротивъ другъ друга. Тамъ мы кормили лошадей и отдыхали всю жаркую пору дня и по холодку дѣлали вторую упряжку, подвигаясь еще верстъ на 25.

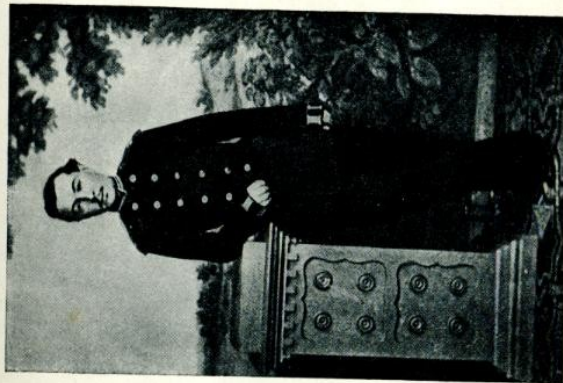
¹⁾ Оружия интендантства тогда были только что учреждены и офицеры, не стоявшие въ постоянныхъ отношеніяхъ къ нимъ, не знали толкомъ новыхъ порядковъ.

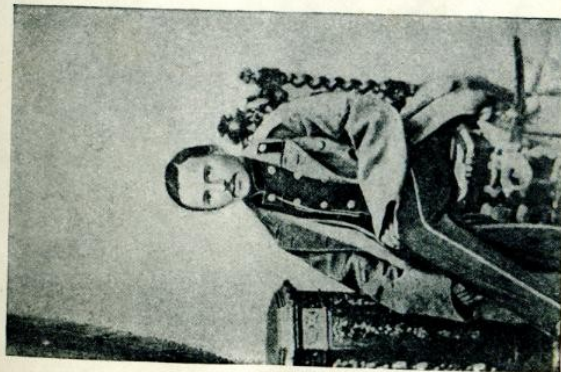
Передовая повозка вела весь обозъ и потому на очередномъ извозчикѣ лежала большая отвѣтственность. Остальные, свободные спали въ будкахъ, если не было своего или общаго дѣла, за исключеніемъ послѣдняго, хвостового тоже очереднаго, который слѣдилъ и за цѣлостью вещей, и за порядкомъ. Обозъ заѣзжалъ только въ свои излюбленные дворы на основаніи хозяйственныхъ или другихъ соображеній. Конечно для хозяина было выгодно накормить 60—70 лошадей и 20 извозчиковъ; а кормили извозчики своихъ лошадей отлично и сами ѣли хорошо и пили не мало. Вотъ почему, когда обозъ подъѣзжалъ ко двору, на крыльцо на встрѣчу выходилъ хозяинъ съ привѣтомъ и большой посудиною водки и подносилъ «встрѣчную чару» тутъ же; такъ же при отъѣздѣ хозяинъ подносилъ «отвальную». И эти чарки въ счетъ не ставились. За лошадьми они любовно ухаживали, давая имъ въ волю овса и сѣна. Сами ѣли вкусно и много: жирныя, прѣлыя щи съ мясомъ, крупную гречневую кашу съ масломъ, жареную баранину, иногда птицу; пшеничную кашу съ молокомъ, пироги, огурцы, арбузы, заливая это изряднымъ количествомъ водки, квасу и чая. Иногда разгуляются и начинаютъ угощать другъ друга водкой, затягиваютъ пѣсню и пускаются въ плясъ; тутъ и я не могъ уклониться отъ общаго веселія и угощенія. Самъ я не имѣлъ возможности ѣсть такъ много и хорошо, несмотря на всѣ ихъ настоятельныя просьбы, что ихъ видимо смущало, такъ какъ они, взявъ меня съ собой, считали меня какъ будто несовершеннѣйшимъ членомъ своей артели. Я тратилъ на харчи 10—15 коп. въ день и этого было для меня довольно. Мнѣ давали на 5 коп. большую миску шей съ кускомъ хлѣба и на 5 коп. достаточную порцію каши. Однажды въ пути я захотѣлъ переѣмнить бѣлье: изъ полушубка Асѣева на меня насѣли насѣкомыя. Я поднялъ подушку, и узелка съ бѣльемъ не нашель: полушубокъ сбился на сторону и мой узелокъ провалился черезъ петли веревочнаго переплета. Асѣевъ посоветывалъ мнѣ отдать кухаркѣ на постояломъ дворѣ помыть бѣлье, которое было на мнѣ. Около 11 часовъ утра мы остановились на постояломъ дворѣ въ какомъ-то небольшомъ городѣ. Пообѣдали и артель завалилась спать, а я пошелъ на кухню и сталъ просить кухарку помыть бѣлье; къ нашему разговору прислушивался молодой широкоплечій парень въ рубахѣ и босикомъ и сказалъ: «Пойдемъ баринъ со мной въ баню, я васъ вымою и выпарю, и бѣлье помою». Мнѣ понравилось такое предложеніе и я пошелъ къ нашему возу для того, чтобъ положить подъ подушку золотыя часы съ цѣпочкой. Изъ будки торчали ноги Асѣева. Я осторожно сталъ прятать часы; но Асѣевъ вскочилъ и спросилъ: «чего тебѣ родимый?» Когда я рассказывалъ въ чемъ дѣло, лицо Асѣева дѣлалось все строже. «Что ты родимецъ? Господь съ тобой! Одумайся! Съ кѣмъ ты пойдешь въ баню? Это первый жуликъ. Онъ тебя исколотитъ, отниметъ деньги, а то и убьетъ: за нимъ водится. А еще ахвицеръ, ученый! Словно ребенокъ не понимаешь! Ну, погоди рыжая собака! Слушай, ты поди какъ будто идишь съ нимъ въ баню, а я побужу нашихъ ребятъ: мы его поучимъ!»—и проучили... Другой разъ, когда мы ѣхали по Херсонской степи, ночью, Асѣевъ велъ обозъ. Ему захотѣлось спать. Онъ толкнулъ меня и говорить: «Спать

хочется: садись, родимецъ. На 7-ой верстѣ будетъ косогоръ, разбуди. Пуще всего не трогай возжу, не путай коней: кони сами знаютъ». Я съ удовольствіемъ сѣлъ на его мѣсто, а онъ свалился и захрапѣлъ. Ночь была тихая, свѣтлая; на встрѣчу ласково шелестилъ вѣтерокъ. Мнѣ чудился тихій шопотъ и какъ будто степь дышала. Я замечтался... Гдѣ я былъ тогда—не знаю, только не на своемъ мѣстѣ. Когда я очнулся, мнѣ показалось, что мы ѣдемъ косо; я инстинктивно схватилъ возжи и сталъ неумѣло заворачивать тройку. Лошади топтались, я дергалъ и вотъ нашъ возъ пошелъ какъ то бокомъ, наклоняясь правой стороной куда то внизъ. Лошади прибавили шагу, потомъ пошли рысцой, колеса застучали. Сзади загрохотали другія повозки. Движеніе все ускорялось и наконецъ наша и слѣдующія повозки бухнулись, словно выпалили изъ двустволки вдвоеннымъ ударомъ. Асѣвъ мгновенно поднялся на ноги и осматривался кругомъ съ недоумѣніемъ, «Что ты надѣлалъ, родимецъ!» зашепталъ онъ: «эка бѣда, эка бѣда! А еще ахвицеръ! Я же тебѣ говорилъ разбуди меня на 7-ой верстѣ! Что теперь будетъ съ нами?! Ну ахвицеръ! Ну!» Къ мѣсту катастрофы сбѣгались съ крикомъ извозчики. Насъ окружали. Всѣ кричали, размахивая руками. Асѣвъ молча и сокрушенно поворачивался то въ ту, то въ другую сторону. Изъ общаго крика выдѣлялись слова: «Ты спать?..—Братцы, это не я, а ахвицеръ!—Какъ ахвицеръ? Почему ахвицеръ? А ты ахвицеръ не за свое дѣло взялся?!... Такъ ты спать, а за себя посадилъ ахвицера!» Наконенъ этотъ нестройный хоръ завершился единогласнымъ восклицаніемъ: «Штрахъ!! Оштраховать обоихъ! Штрахъ и на ахвицера: не берись не за свое дѣло!» Тогда говоръ принялъ болѣе спокойный характеръ, и самъ Асѣвъ повеселѣлъ и занялъ въ сужденіи равновѣсное положеніе. На Асѣва наложили ведро водки, а на меня четвертную (2½ штофа). Но Асѣвъ сталъ горячо защищать меня, ссылаясь на мою бѣдность. Однако, никто не сомнѣвался въ моей виновности. Послѣ упорныхъ переговоровъ, пошли на компромисъ: рѣшено было, что я поставлю штофъ, а Асѣвъ отъ себя прибавитъ что-то еще. На первомъ же постояломъ распили штрафное вино, и я пиль—иначе и быть не могло; а потомъ пѣли и плясали; а надо мною смѣялись и говорили: «А вотъ завтра на вторую упряжку посажу вмѣсто себя ахвицера, а самъ завалюсь какъ баринъ!»..

Когда мы ѣхали между Вознесенскомъ и Одессой, гдѣ-то на открытомъ полѣ, какъ мнѣ казалось, мы увидѣли колодецъ-журавель. Обозъ свернулъ, и сталъ поить лошадей. И по мѣрѣ того какъ справлялись съ дѣломъ, одна повозка за другой выѣзжали на дорогу и наконецъ, весь обозъ вытянулся, только послѣдній возъ стоялъ противъ колодца на дорогѣ, окруженный большой толпой евреевъ, которые страшно галѣли. Сюда сбѣжалась изъ какой-то невидимой лоцины, словно изъ подъ земли выросла, вся еврейская колонія съ дѣтьми и женами. Обозъ остановился и туда побѣжали всѣ наши. Что тамъ дѣлалось, я не понималъ, но ко мнѣ подбѣжалъ взволнованный Асѣвъ и тогда дѣло объяснилось: «Родимецъ! поди прикажи жидамъ отдать ведро! Надень цаблю, да крикни на нихъ: какъ вы смѣете, жиды, обижать мужиковъ! Отдайте ведро, а то я васъ такіе, сякіе! Да

Поручикъ Иванъ АРНГОЛЬДТЪ.

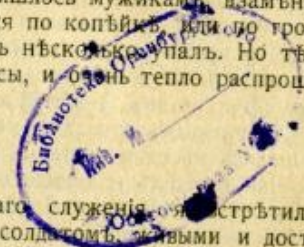
Подпоручикъ Петръ СЛИВИЦКІЙ 2-ой.

БИБЛИОТЕКА

погрозы!» Я было спрыгнуть съ воза, чтобы бѣжать на выручку; но Асѣвъ остановилъ меня и убѣдительно доказывалъ, что «безъ цари жиды не признають тебя за ахвицера, и не послушаютъ.» И я нацѣпилъ саблю, однако жиды были гораздо умнѣе, чѣмъ думалъ Асѣвъ, и меня не испугались, и пришлось мужикамъ, взявѣмъ арестованнаго ведра, заплатить кажется по копѣйкѣ или по грошу за лошадь. Съ тѣхъ поръ мой престижъ нѣсколько упалъ. Но тѣмъ не менѣе мы дружно доѣхали до Одессы, и тамъ тепло распрощались, особенно съ Асѣвымъ.

V.

Въ мѣстахъ моего послѣдующаго служенія, я встрѣтился съ нѣсколькими офицерами и однимъ солдатомъ, живыми и достовѣрными свидѣтелями драматическаго эпизода, случившагося въ 63—64 году. Отчеты объ этихъ событіяхъ были помѣщены въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ. О началѣ этой исторіи я имѣю скудныя свѣдѣнія; но развитіе ея давало тогда несомнѣнное право на нѣкоторые выводы, можетъ быть не слишкомъ смѣлые.

Вопросъ объ отношеніяхъ благожелательнаго дворянина къ вскормившему и вспоившему его мужику, или интеллигенціи къ народу, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ считался неразрѣшимымъ, проклятымъ вопросомъ. Говорили, что между мужикомъ и интеллигентомъ существовала непроходимая бездна, а между тѣмъ чуткая совѣсть призывала послѣдняго посвятить свою жизнь служенію этому народу для того, чтобы уплатить ему священный долгъ. Появленіе на сцену интеллигента-разночинца мало измѣнило это положеніе. По прежнему между двумя лагерями лежала пропасть. Исторія, о которой я рассказываю ниже, даетъ интересное разрѣшеніе конфликту: она показываетъ, при какихъ обстоятельствахъ «мужикъ въ сѣрой солдатской шинели и дворянинъ въ эполетахъ» протянули другъ другу руку черезъ эту бездну. Въ этомъ состоитъ высокій интересъ совершенно забытой исторіи, о которой я говорю.

Небольшая группа молодыхъ офицеровъ бригады, расположенной въ Варшавѣ, сблизилась съ извѣстными польскими революционными дѣятелями-офицерами Сѣраковскимъ, Домбровскимъ, который былъ въ послѣдствіи главнокомандующимъ войскъ парижской коммуны, и Потемней¹⁾. На своихъ совѣщаніяхъ они пришли къ признанію необходимости и практической осуществимости организациі военной силы для борьбы съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ Россіи. Истинными учредителями первой организациі, или, какъ они выражались, ядра или кадровъ русской революціонной арміи, были русскіе офицеры Арнольдъ, Сливицкій 2-й и Каплинскій. Были-ли Домбровскій и Сѣраковскій вдохновителями русскихъ офицеровъ, я не знаю. Возможно, что эти высокодаровитые и опытные люди сооб-

¹⁾ Потемня былъ также русскій офицеръ, перешедшій на сторону польскихъ повстанцевъ и убитый въ битвѣ съ русскими войсками подъ Песчаной Свалой 4 марта 1863 г.

Вопросъ
о томъ
какъ
было
разрѣшено
конфликту

щили имъ первый толчекъ. Какъ бы тамъ ни было, они скоро отошли въ сторону: у нихъ было на рукахъ много своего дѣла, такъ что первый революціонный кружокъ состоялъ, кажется, изъ слѣдующихъ офицеровъ стрѣлковой бригады: Арнольта, Сливickaго 2-го, Каплинскаго, Фенина, Новицкаго, Кутузова, а послѣднюю фамилію я забылъ. Они постановили организовать другіе кружки въ ближайшихъ войсковыхъ частяхъ и приступить къ пропагандѣ между солдатами, для чего захватить въ свои руки сводную учебную команду стрѣлковой бригады. Въ составъ учебной команды входило, если не ошибаюсь, около 75 молодыхъ солдатъ, которые по окончаніи годового курса возвращались въ свои роты, а составъ учебной команды возобновлялся. При командѣ находилось человѣкъ 12 унтеръ-офицеровъ инструкторовъ и человѣка 4 офицеровъ преподавателей. Завѣдовалъ учебной командой Арнольтъ, его ближайшими помощниками были Сливickій 2-й и Каплинскій. Пропаганда дала поразительные и неожиданные результаты, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ эпоху общественнаго пробужденія, связаннаго силы переходятъ въ живую форму и усчитать перераспределеніе вызванныхъ силъ не легкое дѣло. Пропаганда между солдатами оказалась дѣйствительнѣе, чѣмъ между офицерами.

Конспирація въ военной средѣ невозможна: офицеры слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ разными узлами. Школьная связи, личная дружба, совмѣстная служба, ежедневныя встрѣчи, весь бытовой складъ соединяютъ ихъ въ одну семью. Около членовъ кружка группируются близкіе членамъ его офицеры, которые знаютъ слишкомъ много, но способные только на сочувствіе чисто платоническое. Горячія, неосторожныя рѣчи въ присутствіи такихъ лицъ дѣло неизбѣжное. Святые узы товарищества выручаютъ 99 разъ изъ 100, но для провала достаточно и одного случая. Когда дѣло было въ полномъ развитіи, Арнольтъ и Сливickій 2-й напечатали въ «Колоколѣ» прокламацію къ офицерамъ русской арміи и призывали ихъ къ борьбѣ съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ, оканчивая воззваніе словами: «Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся». Эту прокламацію я прочиталъ впоследствии. «Колоколъ» тогда не попадалъ къ офицерамъ. Старшій братъ Сливickaго 2-го Сливickій 1-й (капитанъ) зналъ очень много. Однажды онъ явился къ командиру 4-го стрѣлковаго баталіона полковнику Х. и сообщилъ ему, что по долгу службы и присяги онъ сейчасъ же отправится къ намѣстнику и доложить ему о военномъ заговорѣ, составленномъ Арнольтомъ и Сливickимъ 2-мъ, съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка. Х. конечно былъ изумленъ этимъ откровеніемъ, можетъ быть онъ не повѣрилъ бы доносчику, во всякомъ случаѣ, его болѣе поразила необычайная особенность этого доноса — предательство товарищей и брата. Онъ сталъ умолять Сливickaго 1-го оставить это намѣреніе. Сливickій 1-й отвѣтилъ, что по обязанности службы онъ пришелъ только заявить, что идетъ съ доносомъ къ старшему начальнику, и что его намѣреніе непоколебимо. Говорили, что Х., стараясь смягчить его, упалъ на колѣни и со слезами умолялъ отложить, по крайней мѣрѣ, свой доносъ на нѣсколько часовъ, чтобы дать возмож-

ность спастись брату и товарищамъ за границу. Тогда Сливickій 1-й сталъ угрожать и самому командиру. Въ эту минуту вошелъ адъютантъ и, увидѣвъ такую небывалую сцену, вообразилъ, что командиръ сошелъ съ ума... Сливickій 1-й отправился прямо къ намѣстнику. Намѣстникъ давалъ аудіенцію по опредѣленнымъ днямъ, и Сливickому 1-му пришлось направиться къ помощнику намѣстника генералу Рамзаю. Сдѣлавъ доносъ, Сливickій 1-й, въ награду за вѣрность, просилъ перевода тѣмъ же чиномъ въ гвардейскій царскосельскій стрѣлковый баталіонъ—награда, которую въ военное время даютъ за особенные военные подвиги, такъ какъ это равняется повышенію на два чина. Рамзай обѣщаль ходатайствовать. Арнольтъ, Сливickій 2-й и Каплинскій были арестованы. Кажется Фенинъ и еще кто-то другой пытались бѣжать за границу, но были остановлены. Одинъ изъ нихъ отравился, другой застрѣлился¹⁾. Новицкій и Кутузовъ также были арестованы. Ночью объ арестѣ Арнольта, Сливickaго 2-го и Каплинскаго узнала учебная команда и, по своему почину, съ оружіемъ въ рукахъ бросилась въ Александровскую цитадель, ворвалась туда, обезоружила караулъ и освободила арестованныхъ офицеровъ. Но въ крѣпости ударили тревогу, со всѣхъ сторонъ собирались большія массы войска, Арнольтъ, Сливickій и Каплинскій, не желая безполезнаго кровопролитія, уговорили команду удалиться, простились съ нею и остались подъ арестомъ. Въ ту же ночь они были перевезены въ Ивановгородъ. Молодой офицеръ Берлинскій, совершенно непричастный къ дѣлу, потребовалъ, чтобы и его арестовали, такъ какъ солидаренъ съ арестованными. По приговору полевого суда были расстрѣяны Арнольтъ, Сливickій 2-й и унтеръ-офицеръ Ростовскій. Каплинскій пошелъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы²⁾. Учебная команда была арестована. На допросѣ «съ пристрастіемъ» никто изъ солдатъ не проговорился. Унтеръ-офицеръ Шуръ умеръ подъ розгами, не сказавъ ни слова. Остальные пошли въ арестантскія роты, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, переведенныхъ на нестроевыя должности въ отдаленные баталіоны.

Между тѣмъ командиръ царскосельскаго стрѣлковаго баталіона графъ Ш. собралъ своихъ офицеровъ и держалъ имъ рѣчь въ такомъ смыслѣ: «Гг.! я никогда не оказывалъ давленія на ваши рѣшенія. Мы жили согласно, и я предвижу вашъ отвѣтъ. Въ нашу семью прорисся капитанъ Сливickій, предавшій своего брата и своихъ товарищей».

Конечно, общество офицеровъ заявило командиру о своемъ нежеланіи служить съ такимъ человѣкомъ. Говорили, что и другія гвар-

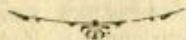
¹⁾ Такъ ли это? Офицеръ Фенинъ перешелъ на сторону польскихъ повстанцевъ и затѣмъ скрылся за границу, гдѣ и умеръ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть это другой Фенинъ?
Ред.

²⁾ Официальная свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ перепечатаны изъ № 130 «Русскаго Иллюстра» за 1862 годъ въ сборникѣ Богучарскаго «Государственныхъ преступленій въ Россіи». Т. I, стр. 114—115 (Русская Историческая Библиотека № 1), а нѣкоторые дополнителныя, напечатаны въ № 143 «Колокола», перепечатаны въ сбор. Богучарскаго «Материалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ» стр. 28—29 (Русская Историческая Библиотека № 2).
Ред.

дейскія части отказались принять его въ свою среду. Артиллерійскій офицеръ Огородниковъ съ товарищами отслужили панихиду по разстрѣляннымъ. Какой-то батюшка «прошепталъ Господу Богу на ухо» эту панихиду. За это Огородниковъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ были уволены изъ службы и заключены въ крѣпости. Огородниковъ оставилъ очень интересныя записки о своемъ заключеніи въ Новогеоргіевской крѣпости, напечатанныя, кажется, въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾.

М. Ашенбреннеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прокламація 1862 г. по поводу высылки профессора Павлова¹⁾.

(съ печатнаго подлинника).

Профессоръ Павловъ сосланъ въ Ветлугу. Кѣмъ? За что? Кѣмъ—не сказано. Кто же распоряжается нами: III Отдѣленіе? Неужели какой нибудь Долгорукій или Валуевъ рѣшаютъ судьбу людей? А будетъ еще хуже. Военнымъ начальникамъ дозволено же стрѣлять крестьянъ, отчего же гражданскимъ властямъ не сослать; отчего не дать это право губернаторамъ, кварталнымъ и станovýmъ?

И общество молчитъ! Или честныхъ людей у насъ нѣтъ; или не грозитъ каждому изъ насъ опасность очутиться въ какой нибудь Ветлугѣ только за то, что человѣкъ не созданъ мерзавцемъ и идиотомъ, что правду Долгорукихъ и Валуевыхъ человѣкъ считаетъ ложью и развратомъ? Куда же идемъ мы? Позоръ и стыдъ, малодушіе и трусость.

И чего трусить. Всѣхъ не сошлютъ. Пусть выхватили Павлова, сослали Михайлова, собираются сослать еще нѣсколькихъ.—что же! Или уже нѣтъ людей имъ на смѣну?..

Протестуйте, подавайте адресъ, жертвуйте деньгами, придумайте, что хотите, но не сидите сложа руки. Откликнитесь на нашъ призывъ—покажите, что въ Россіи есть еще честные и энергическіе люди!

¹⁾ Официальное сообщеніе о высылкѣ проф. Павлова напечатано въ № 51 „Русскаго Инвалида“ за 1862 г. и печатано въ сборникѣ Богучарскаго „Государственнаго преступленія въ Россіи“ т. I, стр. 111—112 (Русская Историческая Библиотека № 1), а рѣчь, за которую Павловъ былъ высланъ, напечатанная въ № 3 заграничнаго журнала кн. П. В. Долгорукова „Правдивый“ (1862 г.), перепечатана въ сбор. Богучарскаго „Материалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ стр. 52—53 (Русская Историческая Библиотека № 2).

¹⁾ См. „Историческій Вѣстникъ“, 1882 г. №№ 6—9.

Ред.

Ред.

Изъ исторіи соціалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году.

(Личныя воспоминанія).

Начало описываемыхъ мной событій относится къ осеннимъ мѣсяцамъ 1904 года, когда въ туманѣ петербургской грязи и слякоти, подъ отдаленнымъ грохотомъ пушекъ и потоками народной крови на Дальнемъ Востокѣ, повѣяло слабыми признаками «весны». Наверху въ «надпольномъ» мѣрѣ газеты впервые заговорили смѣлымъ, достойнымъ чело­вѣка, неслыханнымъ въ Россіи, языкомъ, начался періодъ банкетовъ, кончавшихся неизмѣнной резолюціей о необходимости «реформы» и ограниченія всевластія «бюрократіи». Все оживилось, напряглось и ждало переменъ; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе освѣжающей бури. Какъ же отозвалась «весна» на скрытомъ отъ непосвященныхъ подпольномъ мѣрѣ, гдѣ сотни людей вели свою кропотливую и самоотверженную работу? Какъ вообще обстояло дѣло къ тому времени въ подпольномъ мѣрѣ?

Мои замѣтки будутъ касаться лишь соціалдемократической работы въ Петербургѣ, но насколько я знаю, за исключеніемъ окраинъ, въ другихъ мѣстахъ Россіи дѣло немногимъ отличалось отъ того, что происходило въ Петербургѣ, и поэтому я имѣю право считать петербургскія условія довольно типичными, характерными для всей Россіи.

Петербургская соціалдемократическая организація того времени была необыкновенно слаба. Борьба между фракціями большинства и меньшинства достигла во всей Россіи своего апогея и парализовала даже ту небольшую работу, которая дѣлалась. Во главѣ петербургской соціалдемократической организаціи стоялъ мѣстный комитетъ, состоявшій преимущественно изъ интеллигентовъ, студентовъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Петербургъ былъ раздѣленъ на 6 районовъ: городской, петербургская сторона, васьильевскій островъ, выборгскій, невскій и нарвскій (къ которому присоединялась также и московская застава) районы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, или по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть, свою районную организацію. Организационные планы старой «Искры» были выдержаны крайне строго, по крайней мѣрѣ, въ своихъ отрицательныхъ чертахъ, настолько строго, что доходили порой до каррикатурности. Демократизмъ былъ изгнанъ

изъ организаціи: отъ него не осталось и слѣдовъ, и о немъ говорили не иначе, какъ съ насмѣшкой. Комитетъ считался руководящей организаціей, отъ которой исходили безапелляціонныя рѣшенія по всѣмъ возникающимъ вопросамъ, которая вырабатывала общія директивы партійной работы и имѣла право смѣщать отдѣльныхъ людей, кассировать цѣлыя организаціи и т. д. Для каждаго района комитетъ изъ числа своихъ членовъ назначалъ организатора, который обязанъ былъ однако только «руководить» работой, а для того, чтобы въ своемъ «руководствѣ», въ проведеніи руководящихъ принциповъ и лозунговъ, не отвлекаться повседневной мелкой работой въ организаціи, организаторы районовъ обыкновенно не занимались текущей работой въ своемъ районѣ: они время отъ времени, — а нѣкоторые очень рѣдко — наѣзжали въ свои «владѣнія», контролировали работу пропагандистовъ, выдавали деньги на расходы, сообщали директивы партійныхъ центровъ, извѣщали о затѣваемыхъ листкахъ; вся же остальная работа лежала на ихъ помощникахъ, пропагандистахъ и агитаторахъ. Такимъ образомъ въ подпольѣ создался мѣрѣ, нѣкоторыми существенными своими чертами напоминавшій надпольный режимъ. Во главѣ подпольнаго міра стояла безконтрольная группа революціонеровъ, своего рода партійная бюрократія. Она обладала всѣми недостатками бюрократіи. И какъ въ надпольномъ мѣрѣ, въ низахъ организаціи также шло глухое броженіе и недовольство, и также сначала не объединенное какими-либо общими принципами, а поддерживаемое лишь неспособностью и бездѣятельностью партійной бюрократіи. Руководящій органъ, петербургскій партійный комитетъ, былъ не только оторванъ отъ широкихъ слоевъ пролетаріата, онъ былъ оторванъ и отъ своей собственной организаціи. Желая стоять надъ организаціей, онъ фактически стоялъ внѣ ея. Желая концентрировать въ своихъ рукахъ всѣ техническія и идейныя средства, всю «полноту власти», онъ, чуждый своей организаціи, подобно всякой «всесильной» бюрократіи, страдалъ полнымъ безсиліемъ и крайне плохо выполнялъ даже функціи технического руководства. Листки появлялись крайне рѣдко и не на темы, которыя требовали низы партіи; впрочемъ, требованія низовъ по большей части игнорировались или застрѣвали по пути къ высшимъ сферамъ: техническія средства дѣйствовали крайне несовершенно.

Недовольство росло. Интеллигентовъ, желающихъ работать для партіи и предлагавшихъ ей свои услуги, было очень много, но за отсутствіемъ всякаго выработаннаго плана работы и руководящихъ практическихъ принциповъ всѣ они толклись на одномъ мѣстѣ, жаловались на то, что комитетъ не даетъ имъ работы, усиливали атмосферу недовольства и неудовлетворенности и тѣмъ способствовали лишь еще большей дезорганизаціи дѣятельности мѣстной соціалдемократической организаціи. И снова точно такъ же какъ въ надпольномъ мѣрѣ нужень былъ громкій крикъ и сильное пораженіе, чтобы заставить скрытую, накопившуюся горечь и неудовлетворенность вырваться наружу и превратить потенциальную энергію оппозиціи въ силу активную, точно такъ же партіи нужно было потерпѣть сильную, уничтожающую и очевидную для всѣхъ неудачу, чтобы заставить недовольные элементы сплотиться и напречъ всѣ силы для того, чтобы положить конецъ

ненормальному положенію. Такимъ ударомъ, приведемъ въ движеніе всѣ активныя силы подпольнаго міра, послужила неудавшаяся демонстрація 28 ноября, назначенная комитетомъ безъ предварительнаго обсуждения вопроса низами партіи, лишь на основаніи теоретическаго убѣжденія мѣстнаго центра, что демонстрація противъ войны необходима. Мы не будемъ описывать здѣсь этой демонстраціи, и скажемъ лишь, что, несмотря на то, что она была назначена въ періодъ повышенной общественной температуры, съ крайне популярнымъ лозунгомъ, направленнымъ противъ войны, петербургскій пролетаріатъ не откликнулся на призывъ социалдемократической организаціи, и отдѣльныя единицы изъ рабочаго класса незамѣтно мелькали въ негустой массѣ учащейся молодежи.

Послѣ этой неудачи начались, какъ это всегда бываетъ послѣ всякихъ неудачъ, взаимныя обвиненія, нареканія и упреки партійныхъ верховъ и низовъ. Низы партіи упрекали комитетъ въ томъ, что онъ принялъ рѣшеніе устроить демонстрацію вопреки явно выраженному низами мнѣнію, что демонстрація несвоевременна и кончится неудачей. Комитетъ съ своей стороны обвинялъ низы и периферію партіи въ недисциплинированности, въ агитаціи противъ рѣшенія мѣстнаго партійнаго центра, даже въ уничтоженіи листовъ, призывавшихъ къ демонстраціи, которые кстатѣ въ нѣкоторые районы попали въ день демонстраціи за часъ или 2 до предполагавшагося ея начала. Кто правъ, кто виноватъ былъ въ этой ссорѣ, конечно, неинтересно. Вѣрно то, что тогда и низы и верхи были одинаково неправы въ оцѣнкѣ основной причины всякихъ неудачъ російской социалдемократіи, и нужна была еще не одна неудача и не одно пораженіе, чтобы внутри партіи образовалось теченіе съ болѣе правильной оцѣнкой какъ задачъ партіи, такъ и причины ея слабости и оторванности отъ массъ. Какъ бы то ни было, но послѣ демонстраціи 4 района изъ шести вынесли резолюцію, въ которой они констатировали бездѣтельность и неспособность комитета и отказались впредь признавать его своей руководящей организаціей, да и въ остальныхъ районахъ голоса за и противъ комитета раздѣлились приблизительно пополамъ. Недовольные интеллигенты начинаютъ устраивать общія собранія, гдѣ также принимаются рѣшенія дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ комитета, и наконецъ изъ нихъ выдѣляется небольшая группа, которая рѣшаетъ взять на себя функціи и задачи комитета и дѣлается центромъ *меньшевистскаго* теченія въ Петербургѣ.

Но при чемъ же тутъ принципы меньшинства? спроситъ читатель. Вѣдь неспособность руководить и бездѣтельность не принадлежатъ къ тактическимъ приемамъ исключительно большинства? Приходится дѣйствительно признать, что оппозиція противъ комитета не стояла на какомъ либо опредѣленномъ принципиальномъ базисѣ, что въ нее входили самые разнообразныя элементы, что ее объединяли лишь общая неудовлетворенность бюрократическимъ отношеніемъ къ партійной работѣ со стороны руководящей организаціи и общее желаніе работать безъ всякихъ внутреннихъ помѣхъ, которая часто неожиданно и властно останавливали не очень, конечно, большое, но полезное дѣло. Но этотъ порой несознаваемый протестъ противъ «бю-

рократическаго централизма» сближалъ оппозицію съ меньшевиками, и потому когда группа, состоявшая преимущественно изъ меньшевиковъ и отчасти изъ отдѣльныхъ старыхъ рабочедѣльцевъ сдѣлала попытку взять на себя роль объединяющей и руководящей организаціи, она была встрѣчена почти повсюду сочувственно.

Новой группѣ, получившей впоследствии названіе *Петербургской группы при центральномъ комитетѣ російской социалдемократической рабочей партіи*, пришлось прежде всего выхлопывать у центрального комитета право на существованіе, что ей и удалось послѣ нѣкоторыхъ треній. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ ея основанія она фактически сосредоточила въ своихъ рукахъ всю социалдемократическую работу въ Петербургѣ; петербургскій комитетъ влачилъ въ эти мѣсяцы самое жалкое существованіе.

Каково же было вліяніе и организованность социалдемократіи въ Петербургѣ за это время? Центральная группа прежде всего и постаралась освѣдомиться о состояніи социалдемократической работы въ разныхъ районахъ. Картина получилась крайне печальная. Правильно функционировавшія организаціи оказались лишь въ нарвскомъ районѣ, на петербургской сторонѣ и отчасти на Васильевскомъ островѣ. Да и въ нихъ организованность слѣдуетъ понимать съ значительными оговорками. Въ нарвскомъ районѣ напр., съ его 30.000 рабочихъ вся социалдемократическая организація состояла изъ 6—7 кружковъ рабочихъ Путиловскаго и вагоностроительнаго заводовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было 5—6 рабочихъ, причѣмъ работа велась по стародавнимъ приемамъ съ продолжительными занятіями по политической экономіи и по первобытной культурѣ.

Правда, была также и районная организація изъ представителей кружковъ, но содержаніе ея работы довольно трудно опредѣлить. Заводская жизнь не находила въ кружкахъ никакого отклика; глухое броженіе, которое началось тогда въ петербургскомъ пролетаріатѣ и нашло себѣ выраженіе въ мощно развивавшемся гапоновскомъ движеніи, въ которомъ столь ярко проявилось стремленіе рабочихъ массъ къ широкой организаціи и къ классовому объединенію, игнорировалось, какъ зубатовщина. Да и рабочіе—члены нашихъ кружковъ были по большей части люди крайне молодые, только что вышедшіе ученики, не пользовавшіеся никакимъ вліяніемъ въ своей заводской средѣ. Еще хуже обстояло дѣло въ другихъ районахъ. Авторъ этихъ строкъ, вошедшій въ центральную группу, былъ назначенъ организаторомъ невскаго района и вотъ какое положеніе дѣлъ ему пришлось констатировать въ этомъ громадномъ рабочемъ центрѣ. За невской заставой было всего 3 кружка: одинъ на обуховскомъ заводѣ, одинъ на семяниковскомъ и одинъ—смѣшанный фабричный на фабрикахъ Торнтонна и Наумана. Никакого общаго плана пропагандистской работы не было, прежній организаторъ даже въ лицо не зналъ кое-кого изъ пропагандистовъ, и пишущему эти строки стоило не малаго труда отыскать какъ кружки, такъ и ихъ руководителей интеллигентовъ. Послѣдніе иногда сходились, мечтали о томъ, что хорошо было бы, если бы группа назначила имъ «настоящаго» организатора, но далѣе мечтаній дѣло не шло, и кружки вели вялое и мертвое существованіе. Послѣ немалыхъ

усилій мнѣ удалось устроить собраніе наиболѣе видныхъ партійныхъ рабочихъ за невской заставой и потолковать съ ними о дальнѣйшей работѣ. Собраніе это было крайне интересно. Оно назначено было въ одно изъ воскресеній утромъ на квартирѣ одного уже не молодого рабочаго Обуховскаго завода. Я пришелъ на собраніе часовъ въ 10 и долженъ былъ часовъ до двухъ ждать, пока медленно собирались рабочие. Однако я не потерялъ даромъ своего времени. Хозяйкой квартиры оказалась умная, опытная, рѣдко развитая и толковая ткачиха, пережившая уже не одинъ періодъ нашей партійной жизни. Говорила она прекрасно, чисто литературнымъ языкомъ и хорошо разбиралась въ тактическихъ вопросахъ; впоследствии я узналъ, что она была извѣстна въ своей средѣ подъ именемъ «курсистки». Встрѣтила она меня не то съ недоумѣніемъ, не то съ какой-то трогательной жалостью. Такъ мы часто относимся или къ безнадежно больнымъ или къ людямъ, носящимся съ безнадежно химерическими планами. У насъ скоро завязался разговоръ о нашей социалдемократической работѣ, и она мнѣ откровенно заявила, что, по ея мнѣнію, лучшіе рабочие къ намъ не идутъ и не пойдутъ; что результаты нашей работы настолько ничтожны, что за нихъ подвергаться риску быть арестованнымъ и оставить на голодъ и холодъ семью, ни одинъ разумный человекъ, даже склонный къ самопожертвованію, не рѣшится. «Я помню», говорила она, что у васъ были раньше кружки и не мало приверженцевъ. Гдѣ они теперь? За всей нашей заставой у васъ теперь есть какой-нибудь десятокъ рабочихъ, а вы все продолжаете говорить о широкихъ планахъ, зовете на политическую борьбу. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ все сводится лишь къ регулярнымъ и скучнымъ занятіямъ въ кружкахъ и изрѣдка къ предоставленію намъ недурной книженки. Нѣтъ, лучше идите въ гапоновскія организаціи, туда идутъ тысячи народу, народъ вѣрится въ нихъ и надѣется на нихъ. Не бѣда, что они теперь ставятъ себѣ мелкія задачи, это не можетъ долго продолжаться и отчасти отъ васъ можетъ зависѣть расширеніе тамошней работы. Впрочемъ не слѣдуетъ и отпугивать народъ сразу слишкомъ рѣзкими и непрактичными требованіями».

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что я отъ нея впервые узналъ о дѣйствительно широкомъ влияніи гапоновскихъ организацій. До тѣхъ поръ съ презрѣніемъ произносимое по отношенію къ нимъ слово: «зубатовщина» совершенно прекращало у насъ всѣхъ всякія заботы о болѣе точномъ опредѣленіи нашихъ отношеній къ громадному пролетарскому движенію, скрывавшемуся подъ этимъ именемъ.

Къ часу собрались рабочие. Всего явилось человекъ около десятка: 3 обуховцевъ, человекъ 2 отъ семяниковскаго завода, 1 или 2 отъ Александровскаго завода и 2 отъ фабрики Торнтонна. Народъ былъ очень скептически настроенъ, былъ убѣжденъ, что рабочие не откликнутся на нашъ призывъ итти въ нашу организацію, да и организація наша, по ихъ мнѣнію, была ничего не стоящая, ничего не дѣлающая и ничего не желающая дѣлать. Я попытался въ довольно подробной рѣчи доказать имъ, что социалдемократическая партія должна быть организаціей, стоящей не внѣ рабочей массы, а въ крѣпкой связи съ ней, что сами рабочие должны взять созданіе партіи въ свои руки, что

лишь самостоятельность—тотъ нервъ, который придаетъ жизненность партіи. Я пытался изобразить имъ организацію, построенную на заводскихъ группахъ, листками, рѣчами отзывающихся на всѣ бѣды заводской жизни и мало-по-малу превращающуюся благодаря этому въ глазахъ всей рабочей массы въ защитницу рабочихъ интересовъ, для которой все, что имѣетъ отношеніе къ пролетарской борьбѣ,—свое родное дѣло. Созданіе такой партіи, говорилъ я, возможно однако лишь тогда, когда сами рабочие перестанутъ надѣяться, что чужіе ихъ классу люди придутъ и будутъ дѣлать все необходимое для жизни партіи, а сами направятъ свои силы на то, чтобы связать партію съ рабочими массами и чтобы внутри партіи всѣ функціи выполнялись преимущественно рабочими.

Успѣхъ моей рѣчи былъ очень небольшой. Рабочіе, хотя и не возражали по существу, и соглашались, что только партія, отзывающаяся на всѣ классовыя проявленія рабочей жизни, можетъ имѣть успѣхъ, но все время чувствовалось, что между мной и ими лежитъ какая то стѣна, какой-то нерастаявшій ледъ. Лишь значительно позже я узналъ главную причину недоумѣнія, которое встрѣтила моя рѣчь. Отношеніе къ партіи у моихъ слушателей было, какъ я говорилъ уже, полно недоумѣнія; ко всякимъ ея обѣщаніямъ относились съ вѣжливымъ скептицизмомъ. Ее упрекали за то, что она даже кружки ведетъ не какъ слѣдуетъ, неаккуратно и неинтересно. Что касается отклика на рабочія нужды, то тутъ рабочие наталкивались на такое игнорированіе и непониманіе, что у нихъ просто руки опускались. Я между прочимъ узналъ, что незадолго до того на Обуховскомъ заводѣ произошелъ слѣдующій любопытный фактъ. Во время войны завод работалъ очень усиленно и почти во всѣхъ цехахъ были повышены расцѣнки. Но въ одной мастерской мастеръ безъ вѣдома администраціи,—изъ злобнаго ли чувства къ рабочимъ или изъ личныхъ выгодъ—установилъ такія расцѣнки, которая даже понизила средней заработокъ рабочихъ. Рабочіе этой мастерской обратились въ нашу организацію съ просьбой выпустить по этому поводу коротенькій листокъ, и пригрозить забастовкой этой мастерской въ случаѣ если злоупотребленія не прекратятся. Рабочіе были убѣждены, что до забастовки дѣло, вѣроятно, и не дойдетъ, такъ-какъ мастеръ испугается, что изъ за листка его продѣлки откроются, и постарается удовлетворить рабочихъ и замаять дѣло. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль тянулись хлопоты рабочихъ у организаціи, но рабочие такъ таки и не дождались листка и вѣроятно ни безъ озлобленія махнули рукой на помощь организаціи и отвернулись отъ нея. При подобномъ отношеніи социаль-демократической организаціи къ насущнымъ вопросамъ рабочей жизни, у рабочихъ естественно было мало вѣры въ ея обѣщанія и ко всякимъ разговорамъ о задачахъ партіи они часто относились съ нескрываеваемой насмѣшкой. Мой призывъ къ самостоятельности рабочихъ они поняли, какъ желаніе свалить вину съ больной головы на здоровую, какъ стремленіе партійной интеллигенціи отказаться вообще отъ всякой работы и слѣдовательно отъ всякой ответственности и предоставить всю работу имъ, рабочимъ. Словомъ моя рѣчь произвела впечатлѣніе идейной защиты, оправданія партійной бездѣятель-

ности. Но повторяю, что я понял это лишь впоследствии, на самом же собрании слова одного рабочего: «что же, товарищ, мне токаремъ быть, и въ типографіи работать, и пропагандистскій кружокъ вести, а можетъ и листки писать»—казались мне страннымъ недоумѣніемъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я съ этого рабочего собрания, на которомъ мне пришлось бесѣдовать съ нашими лучшими рабочими за невской заставой. До того времени мне всегда казалось, что призывъ къ самодѣятельности затрагиваетъ наиболее чуткія струны въ сердцахъ рабочихъ, что онъ является отвѣтомъ на самые наболевшіе вопросы нашей партійной жизни. Оказалось однако, что почва недоувѣрія настолько неблагоприятна, что не даетъ всходить и самымъ лучшимъ сѣменамъ, а для возбужденія и развитія этого недоувѣрія наша организація не жалѣла никакихъ трудовъ. Приходилось поэтому постепенно втягивать рабочихъ во всю работу, совместно съ ними выработать планъ работы, и пытаться въ процессѣ работа разбить недоувѣріе и приучить ихъ къ мысли, что партійная работа—ихъ собственное рабочее дѣло. Мы устроили нѣсколько собраний изъ всѣхъ лучшихъ рабочихъ и интеллигентовъ работавшихъ или желавшихъ работать за невской заставой, для собесѣдованій о планѣ нашей работы. Приступить однако къ осуществленію плана намъ уже не пришлось, такъ какъ русская жизнь уже начала напоминать двинувшуюся лавину, которая вскорѣ, раскрывъ предъ нами болѣе широкіе горизонты, окончательно насъ поглотила; начались историческіе гапоновскіе дни, предвѣстники январскихъ событій. Прежде чѣмъ я перейду, однако, къ нимъ или вѣрнѣе къ нашему участию въ январскихъ событіяхъ, я еще нѣсколько остановлюсь на всей петербургской социалдемократической работѣ, руководимой центральной группой.

Не лучше, чѣмъ за невской заставой, обстояло дѣло въ городскомъ районѣ. Въ другихъ районахъ кружковъ было больше, они собирались аккуратно, но общаго плана работы и тамъ не было, а еще меньше было реагированія на пролетарскія повседневныя нужды. Характеръ партіи былъ исключительно кружковой и вся организація представляла собой общество пропаганды социалдемократическихъ идей,—преимущественно политическихъ—имѣвшее свои самостоятельную, лишенную общаго руководства и разбросанные по всему Петербургу, отдѣленія. Центральная группа прежде всего и попыталась внести единство въ социалдемократическую работу въ Петербургѣ. Однимъ изъ членовъ ея былъ выработанъ и предложенъ на обсужденіе организаціонный планъ, въ основѣ котораго лежали принципы, о которыхъ я кратко упомянулъ, рассказывая о своемъ дебютѣ за невской заставой. Основной ячейкой организаціи должна была быть, согласно этому плану, заводская группа, состоящая изъ наиболее сознательныхъ и вліятельныхъ рабочихъ даннаго завода. Главной задачей этой группы должно было быть реагированіе листками на всякія болѣе крупныя событія заводской жизни, столкновения съ администраціей, злоупотребленія послѣдней, какъ въ области вопросовъ, касающихся матеріальныхъ условій жизни рабочихъ, такъ и затрагивающихъ рабочего, какъ гражданина, напр., въ случаѣ часто практиковавшагося

тогда сбора пожертвованій на войну или на икону, которая должна была быть послана на поле военныхъ дѣйствій. Отзываясь на подобные факты, заводская группа должна была приучить рабочую массу обращаться къ ней за помощью и прислушиваться къ ея голосу при возникновеніи всякихъ вопросовъ, затрагивающихъ рабочего, какъ наемника и гражданина, и такимъ образомъ, стать выразительницей рабочихъ интересовъ всего завода, настоящимъ пролетарскимъ авангардомъ завода. Представители всѣхъ заводскихъ группъ даннаго района должны были образовывать районное собраніе, вѣдающее вопросы всего района, между прочимъ и занятіями въ пропагандистскихъ кружкахъ. Авторъ этого проекта предполагалъ, что эти заводскія группы могутъ послужить зародышемъ будущихъ профессиональныхъ союзовъ въ свободной Россіи подобно тому, какъ районныя собранія станутъ инициаторами политическихъ клубовъ и политическихъ союзовъ. Это было, однако, крайнее мнѣніе, которому въ группѣ же противостояло другое крайнее мнѣніе, отрицавшее вообще возможность какой бы то ни было организаціи при полицейскихъ условіяхъ самодержавной Россіи и сводившіе всю роль социаль-демократическихъ комитетовъ къ политической агитаціи листками, брошюрами и ихъ распространенію среди рабочихъ. Согласно этому мнѣнію, центральная организація должна была быть литературной коллегіей, совместно вырабатывающей политическіе лозунги, редактирующей соответствующіе листки и при помощи остального крайне простаго организаціоннаго аппарата распространяющей ихъ возможно шире. Между этими двумя крайними мнѣніями колебалось большинство центральной группы, которая не успѣла, однако, прийти къ опредѣленному рѣшенію по этому вопросу, такъ какъ наступили событія, когда было не до организаціонныхъ экспериментовъ надъ сотней—другой молодыхъ рабочихъ.

Само собой разумѣется, что центральная группа, будучи, въ сущности, какъ уже было сказано, главой социалдемократическаго пропагандистскаго общества, не мирилась съ этой своей ролью, подобно всей социалдемократической партіи, смотрѣла на себя, какъ на организацію, объединяющую авангардъ петербургскаго пролетаріата, какъ на руководителя его классово-борьбы. Она поэтому не довольствовалась своей кружковой дѣятельностью и пыталась приспособить свою работу къ вопросамъ выдвинутымъ сильно поднявшимися волнами освободительнаго движенія въ Россіи. При этомъ однако интересно и крайне поучительно, что въ то время, какъ петербургская организація социаль-демократической *рабочей* партіи оставалась глуха къ той громадной стихійно совершающейся у всѣхъ на глазахъ работѣ организаціоннаго и классоваго самоопредѣленія петербургскаго пролетаріата, она старалась очень интенсивно реагировать на общее оппозиціонное движеніе другихъ классовъ, на либеральное движеніе въ земствахъ и на банкетахъ. Вопросъ объ участіи партійныхъ рабочихъ на банкетахъ не разъ обсуждался въ петербургскихъ группахъ. По поводу декабрьскаго банкета литераторовъ было даже создано собраніе наиболее выдающихся партійныхъ рабочихъ всего Петербурга, которое послѣ продолжительныхъ и страстныхъ прений опредѣлило какъ свое отношеніе къ банкетамъ, такъ и свою относительно ихъ тактику.

Большинство собрания смотрѣло на участіе въ банкетахъ съ точки зрѣнія необходимаго классоваго самоопредѣленія и разграниченія либераловъ и социалдемократовъ, и потому рабочимъ рекомендовалось участвовать на банкетахъ въ цѣляхъ педагогическихъ. На этихъ банкетахъ социалдемократы должны были прежде всего рѣзко и выпукло высказать классовую основу социалдемократіи и тѣмъ заставить другія оппозиціонныя партіи обнаружить свой непролетарскій характеръ. Рабочимъ эти банкеты должны были дать возможность проникнуться сознаниемъ той принципиальной пропасти, которая отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ теченій. Въ виду этого, всѣ рѣчи, которыя выработывались для этихъ банкетовъ, имѣли своимъ содержаниемъ рѣзкую критику какъ принциповъ, такъ и тактики либеральной оппозиціи и осмѣивали безсильныя банкетныя резолюціи и затѣвавшіяся петиціи.

Въ этихъ псевдо-педагогическихъ задачахъ проповѣдывавшагося тогда «схожденія во всѣ классы» при полномъ игнорированіи классоваго объединенія рабочихъ въ гапоновскомъ движеніи ярче всего сказывалась *интеллигентская нерабочая психологія социалдемократической организаціи*. Въ самомъ дѣлѣ, интеллигентъ, выходецъ непролетарскаго класса, доходитъ чисто теоретическимъ книжнымъ путемъ до сознанія принципа классовой борьбы, онъ нуждается поэтому въ возможно большемъ числѣ иллюстрацій и доказательствъ классовыхъ противорѣчій, существующихъ въ обществѣ. Ему крайне интересно въ педагогическихъ цѣляхъ, для «доказательства отъ противнаго», посѣщать всякіе непролетарскіе оппозиціонные слои и организаціи, чтобы на нихъ учиться и въ нихъ раскрывать ихъ непролетарскую сущность. Рабочій же обыкновенно «учится» классовой борьбѣ ежедневно, для него она не столько теоретическій принципъ, сколько голый, никогда не прекращающійся жизненный фактъ, который онъ постоянно видитъ предъ собой и который ему диктуетъ и классовое объединеніе, и классовая средства борьбы. Для него «педагогическое» участіе на банкетахъ совершенно излишня и ненужная роскошь. Его лучший учитель—сама классовая борьба, коллективная и организованная.

Этотъ же непролетарскій характеръ партіи помѣшалъ ей, несмотря на всю ея классовую фразеологию, предвидѣть и противопоставить банкетнымъ резолюціямъ и истинно пролетарское, классовое средство политической борьбы. Это пролетарское средство борьбы было выдвинуто не партией: оно вышло изъ глубинъ рабочихъ массъ, явившись продуктомъ стихійнаго пролетарскаго творчества. Этому средству борьбы,—общей стачкѣ—и пришлось сыграть, какъ извѣстно, рѣшающую роль во всей русской революціи, а въ частности и въ январскіе дни 1905 года, къ которымъ я и перейду.

II.

Объ участіи социалдемократіи въ январскихъ событіяхъ существуетъ въ литературѣ два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Одни—противники социалдемократической партіи,—утверждаютъ, что январскія событія прошли безъ всякаго ея участія и вліянія, что она

не только не была причастна къ подготовкѣ движенія, но что роль ея даже въ самые январскіе дни равна нулю. Напротивъ, въ социалдемократической прессѣ можно было читать такія описанія указанныхъ событій, на основаніи которыхъ легко вывести заключеніе, что социалдемократія была душой движенія, что, если лозунги и требованія рабочихъ росли и оформились въ процессѣ событій, то это произошло благодаря растущему вліянію социалдемократіи. Мы склонны думать, что то и другое мнѣніе одинаково далеки отъ истины, и попытаемся въ дальнѣйшемъ, на основаніи личныхъ наблюденій, дать матеріалъ для болѣе вѣрной характеристики какъ участія, такъ и роли социалдемократіи въ январскихъ событіяхъ, причемъ считаемъ необходимымъ оговориться, что въ наши намѣренія не входитъ ихъ полное описаніе.

Путиловская стачка, послужившая поводомъ для январскаго гапоновскаго движенія, была совершенной неожиданностью для петербургской социалдемократической организаціи. До этого до насъ черезъ рабочихъ стали доходить слухи, что гапоновскія собранія привлекаютъ массу рабочихъ, что на нихъ произносятся рабочими смѣлыя, горячія рѣчи, что къ 19 февраля 1905 года готовятся огромныя собранія, на которыя Гапонъ хотѣлъ бы пригласить и социалдемократовъ. Мало того, мы узнали, что нѣсколько оппозиціонныхъ литераторовъ попытались читать на этихъ собраніяхъ еженедѣльные обзоры событій по легальнымъ газетамъ, и что это встрѣчено было шумными одобреніями рабочихъ. Всѣ эти извѣстія заставили насъ принять рѣшеніе слѣдить болѣе внимательно за гапоновскимъ движеніемъ, но въ то же время мы настойчиво продолжали совѣтовать какъ рабочимъ, такъ и интеллигентамъ не выступать на гапоновскихъ собраніяхъ, такъ какъ для насъ зубатовское происхожденіе гапоновщины заслонило все то, что въ этомъ движеніи было здороваго и многообѣщающаго. Къ тому же у отдѣльных рабочихъ, и въ отдѣльных кружкахъ нашимъ пропагандистамъ приходилось встрѣчаться съ Гапономъ, вступать съ нимъ въ побѣдоносные диспуты, и мы изъ-за этихъ легкихъ побѣдъ въ кружкахъ склонны были смотрѣть на Гапона, какъ на *quantité négligéable*; благодаря этому, мы и проглядели громадное массовое движеніе, связанное съ его именемъ. Такимъ образомъ январскіе дни застигли насъ совершенно *врасплохъ* и потому какого-либо общаго рѣшенія мы по отношенію къ нимъ не приняли. Наша организація, какъ цѣлое, вообще не функционировала за эти дни, и каждый районъ дѣйствовалъ на свой собственный счетъ и по собственному усмотрѣнію. При этомъ событія насъ до такой степени захватили, что, когда группа собралась лишь за дня 2 до 9 января опредѣлить свою тактику, было уже поздно. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *въ непосредственной подготовкѣ событій, въ выработкѣ плана ихъ мы не принимали никакого участія*. Но столь же несомнѣнно, что когда событія начались, социалдемократамъ удалось въ отдѣльных районахъ приобрести значительное вліяніе на движеніе. Они были тѣмъ постоянно недовольнымъ и неудовлетвореннымъ элементомъ, который не могъ успокоиться на настоящемъ и постоянно толкалъ, по край-

ней мѣрѣ, идейно, движеніе впередъ и влѣво. Первыя выступленія социалдемократическихъ ораторовъ, ихъ непривычныя рѣчи съ рѣзкими, порой столь далекими, столь чуждыми настроенію массы лозунгами и требованіями, часто раздражали собраніе, вносили диссонансъ въ столь цѣльную тогда своимъ мистическимъ настроеніемъ толпу, но они заставляли призадумываться, не позволяли движенію застыть на одномъ, созданномъ лишь общимъ недовольствомъ, настроеніи, будили мысль и обогащали ее новыми, невѣдомыми Гапоновцамъ вопросами. Правда, социалдемократы не столько вліяли на толпу, сколько сами поддавались громадному захватывающему вліянію толпы. Общее настроеніе массы сообщалось и имъ, и всѣ острые углы, всѣ созданные далекимъ отъ дѣйствительной жизни съ ея реальными вопросами, искусственнымъ, маленькимъ партійнымъ міркомъ, интересы и тактическія положенія обрубались, перерабатывались и преобразовались при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Но въ результатъ этого взаимодѣйствія создавалось,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ районахъ,—болѣе опредѣленное революціонное направленіе движенія, являвшееся противвѣсомъ сильной вѣры въ «ба-тюшку царя», который выслушаетъ своихъ «дѣтей» и положить конецъ ихъ страданіямъ. Поясню сказанное своими личными наблюденіями за это время.

Крайне слабо было вліяніе социалдемократіи въ городскомъ и нарвскомъ районахъ. Сильнѣе оно было на выборгской сторонѣ, вассильевскомъ островѣ и петербургской сторонѣ и особенно за невиской заставой, гдѣ пишушему эти строки пришлось главнымъ образомъ наблюдать и участвовать въ движеніи. Большое вліяніе социалдемократовъ въ невискомъ районѣ объясняется тѣмъ, что само гапоновское движеніе было здѣсь очень молодо и наиболѣе слабо: гапоновскій отдѣлъ былъ основанъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до январскихъ событій. Кромѣ того уровень развитія рабочихъ металлургическихъ заводовъ этого района былъ гораздо выше, чѣмъ этого требовало гапоновское движеніе. Долгая работа социалдемократовъ въ этомъ районѣ, сравнительно крупное вліяніе, которое удалось приобрести въ этомъ районѣ петербургскому союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса въ концѣ 90-хъ годовъ, а главное, довольно широкая культурная дѣятельность вечернихъ и воскресныхъ школъ, частныхъ легальныхъ библиотекъ, имѣли своимъ результатомъ, что въ этомъ районѣ гуще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, разбросаны были отдѣльныя единицы и кучки рабочихъ, сравнительно очень культурныхъ, начитанныхъ, съ большими духовными и политическими интересами. Гапоновское движеніе захватило поэтому въ этомъ районѣ,—въ противоположность другимъ районамъ—сравнительно менѣе культурную и даже совсѣмъ отсталую часть рабочихъ. Въ этомъ районѣ не мало было социалдемократовъ—рабочихъ, которые, хотя и не шли въ партію, но сохраняли полувраждебный нейтралитетъ къ гапоновскому движенію, а когда разгорѣлись январскія событія и этихъ рабочихъ также потянуло въ гапоновскіе отдѣлы, сдѣлавшіеся центрами охватившаго рабочихъ броженія, они создавали сочувствующую аудиторію для социалдемократическихъ ораторовъ. Способствовала вліянію

социалдемократіи, пожалуй, и сама слабость ея организаціи. Работавшіе тамъ социалдемократы были такъ мало связаны интересами своей собственной организаціи, что совершенно ушли въ гапоновское движеніе: они менѣе всего могли думать о томъ, чтобы использовать это громадное движеніе въ интересахъ своей почти несуществовавшей организаціи.

Какъ только стачка охватила весь Путиловскій заводъ, и стала распространяться лозунгъ расширять забастовку на весь Петербургъ, социалдемократы вечеромъ 3 января созвали за невиской заставой своихъ немногихъ рабочихъ и рѣшили на слѣдующій день утромъ отправиться по заводамъ и останавливать ихъ. Такъ какъ рабочихъ для этого было мало, то нѣсколько интеллигентовъ присоединилось къ нимъ сначала съ намѣреніемъ утромъ рѣчами воздѣйствовать на остановку работъ, но этого дѣлать не пришлось, такъ какъ рабочіе и безъ всякихъ рѣчей охотно и легко поддавались первому призыву къ остановкѣ работъ. Громадныя толпы забастовавшихъ рабочихъ повалили въ гапоновскія собранія, и вмѣстѣ съ ними туда проникли и мы, всѣ дѣйствовавшіе въ этомъ районѣ социалдемократы, съ твердымъ намѣреніемъ заставить себя выслушать.

Мнѣ еще теперь памятно то громадное впечатлѣніе, которое произвело на меня и на моихъ товарищей это собраніе. Въ собраніи царилъ все время какой-то мистическій, религіозный экстазъ: въ страшной тѣсотѣ и жарѣ часами стояли другъ возлѣ друга тысячи народу и жадно ловили безыскусственныя, поразительно сильныя, простые и страстныя рѣчи измученныхъ своихъ ораторовъ рабочихъ. Содержаніе рѣчей все время было бѣдное, на всѣ лады повторялись фразы: «мы не можемъ уже больше терпѣть», «нашему терпѣнію уже пришелъ конецъ», «страданія наши превзошли уже всякую мѣру», «лучше смерть, чѣмъ подобная жизнь», «нельзя драть съ человѣка три шкуры» и т. д. Но всѣ онѣ произносились съ такой удивительной, трогательной искренностью, настолько выходили изъ самыхъ глубинъ измученной человѣческой души, что та же фраза, произнесенная въ сотый разъ, вызывала слезы на глаза, заставляла глубоко ее чувствовать и вливала твердую увѣренность, что дѣйствительно нужно на что нибудь рѣшиться, чтобы дать выходъ этому переливавшему черезъ край рабочему горю, рабочей неудовлетворенности. Эта необычная мистическая обстановка сначала насъ совершенно ошеломила, и когда первый нашъ ораторъ съ большой неохотой, и лишь повинувшись раньше принятому нами рѣшенію, взявъ слово, рѣчь его, по содержанію несомнѣнно гораздо болѣе богатая, чѣмъ другія рѣчи и въ общемъ очень хорошая, хотя и гораздо менѣе «крайняя», чѣмъ было рѣшено, прозвучала какъ-то странно чуждо, необыкновенно слабо, какъ будто то былъ отголосокъ другого далекаго міра. Нѣсколько хлопковъ, которые бросили ему по обязанности партійные рабочіе, очень скоро замерли. Въ рѣчи своей онъ, главнымъ образомъ, указывалъ, что нужно говорить всю правду рабочимъ, что не слѣдуетъ потворствовать ихъ предрасудкамъ, какъ дѣлаютъ гапоновцы, а расширить ихъ горизонты новыми требованіями, преимущественно по-

литическими, неотдѣлимыми отъ экономическихъ. Выясненію этихъ требованій главнымъ образомъ посвящена была его рѣчь.

Послѣ его рѣчи наступило неловкое молчаніе въ нѣсколько секундъ, а затѣмъ предѣдатель собранія, рабочій, который, въ общемъ, относился враждебно къ социалдемократамъ, не желая, очевидно, добивать и безъ того безсильнаго и неопаснаго врага, мягко и очень вѣжливо сказалъ, что все сказанное ораторомъ о необходимости политическихъ реформъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо и вѣрно, но пусть имъ дадутъ работать спокойно, и они мало-по-малу сами до всего договорятся. Послѣ этого опять полились прежнія простыя, но сильныя рѣчи, одна толпа уходила и смѣнялась другой, у подъѣзда на дворѣ открывались новые, еще большіе митинги, настроеніе все росло, и наконецъ и мы не выдержали, поддались общему настроенію и, вмѣсто прежней критики гапоновца, наши ораторы стали выступать съ призывомъ къ борьбѣ, съ яркими описаніями невозможнаго положенія рабочихъ и необходимости положить ему конецъ, съ проповѣдью самой широкой борьбы во всѣхъ сферахъ. Словомъ и отъ насъ полились рѣчи, хотя и болѣе содержательныя, чѣмъ рѣчи гапоновцевъ, но тонъ ихъ, но ихъ настроеніе были уже иные, всецѣло созданные этой мягущейся толпой. Съ этого времени вліяніе социалдемократическихъ ораторовъ растетъ, толпа ихъ охотно слушаетъ, не разбираясь совершенно въ томъ, что отличаетъ ихъ отъ гапоновцевъ. Многіе такъ и называютъ ихъ «гапоновскими социалдемократами» и твердо убѣждены, что при гапоновскомъ отдѣлѣ состоятъ особая должностныя лица, называемыя социалдемократами. Они кромѣ этого видятъ, что социалдемократы довольно свѣдущіе «умственные» гапоновскіе чиновники, и потому рабочіе отдѣльныхъ заводовъ обращаются къ нимъ, когда приходится вырабатывать отдѣльныя заводскія требованія своей заводской администраціи. Такимъ образомъ наряду съ общими, публичными собраніями начинается рядъ полуконспиративныхъ собраній наиболѣе зрѣлыхъ рабочихъ каждого завода и фабрики, собранія, на которыхъ социалдемократы помогаютъ рабочимъ составлять листки со спеціальными заводскими и фабричными требованіями. Мнѣ приходилось быть на нѣсколькихъ такихъ собраніяхъ, и характерной чертой ихъ являются проникавшіе всѣ требованія «поиски справедливости», общее стремленіе покончить съ создавшимися невозможными условіями. При выработкѣ требованій рабочіе не только занимались будущими улучшеніями, но также старались получить реваншъ за всѣ свои прежнія, давнишнія долготѣнія обиды и злоупотребленія. Такъ они требуютъ, чтобы рабочимъ выдавали наградныя, отмѣненныя уже десятки лѣтъ за всѣ эти годы, вознагражденія за пониженія расцѣнокъ, практиковавшіяся долгіе же годы. На одномъ собраніи рабочій даже предложилъ мнѣ вписать въ листокъ требованіе, чтобы при введеніи восьмичасоваго рабочаго дня рабочимъ выдали вознагражденіе за неуплаченные имъ лишніе ежедневные 2—3 часа работы въ продолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. И мнѣ казалось, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ рабочіе руководились не столько соображеніями матеріальнаго характера, сколько чисто моральнымъ стремленіемъ устроить все «по справедливому» и

заставить хозяевъ искупить свои прежніе грѣхи. А грѣховъ открылось на этихъ собраніяхъ чрезвычайно много! И листокъ съ требованіями на каждомъ заводѣ обыкновенно грозилъ растянуться до безконечныхъ размѣровъ.

Эти собранія, на которыхъ обыкновенно участвовало отъ 50 до 100 рабочихъ, также способствовали росту симпатій рабочихъ къ социалдемократіи, но, конечно, главную роль все таки играло то, что социалдемократическіе ораторы подчинились настроенію толпы и приспособляли къ нему свои рѣчи. Политическія требованія являлись лишь вѣнцомъ, заключеніемъ рѣчи, которая уже предварительно успѣвала завоевать симпатіи. За эти дни у социалдемократовъ выдвигаются видныя агитаторскія силы. Интеллигентъ подъ названіемъ «Андрей Обуховецъ» былъ любимой фигурой на трибунѣ, на бочкѣ на дворѣ, на крышѣ какого то сарая во дворѣ. Онъ овладѣлъ тайной говорить 20 разъ въ день объ одномъ и томъ же съ равнымъ, никогда себѣ не измѣнявшимъ, искреннимъ увлеченіемъ, лишеннымъ всякихъ патетическихъ фразъ, въ самыхъ простыхъ и понятныхъ выраженіяхъ. Къ нему относились крайне нѣжно и трогательно. Разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то рабочій, посмотрѣвъ на его драные сапоги, отозвалъ его въ сторону, скинулъ свои галоши и упробилъ его взять ихъ себѣ. Другой разъ, когда онъ, стоя на дворѣ на бочкѣ, въ трескучій морозъ говорилъ передъ большой толпой, я вдругъ замѣтилъ въ сторонѣ маленькаго старика рабочаго, который тихо плакалъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ, вызвавшей его слезы, и получилъ отвѣтъ: «Эхъ, и какой же это парень, а вѣдь погибаетъ, губитъ себя парень, вѣдь не сносить ему головы». Нѣкоторое вліяніе имѣлъ также и другой интеллигентъ, говорившій очень невнятно, но въ то же время съ такимъ жаромъ и такой живой жестикуляціей, что рабочіе съ снисходительной ироніей такъ и прозвали его «Трясучкой». Появился у насъ также и имѣвшій большой успѣхъ, бродячій ораторъ, у котораго глубоко прочувствованная рѣчь соединялась съ превосходнымъ артистическимъ дарованіемъ. Худой и очень блѣдный, съ мягкой длинной бородой и нервнымъ измученнымъ лицомъ, одѣтый въ жалкій зипунишко и въ русскихъ высокихъ сапогахъ, онъ напоминалъ тѣхъ бѣдныхъ, нѣсколько запуганныхъ, но умственныхъ крестьянъ, которые только что попали въ большой городъ и не успѣли еще прийти въ себя отъ всего того новаго, что имъ пришлось увидѣть. Онъ вездѣ, на дворѣ, у воротъ, на углахъ улицъ останавливалъ рабочихъ, образовывалъ кучки и толпы, тихимъ, тягучимъ голосомъ, чуть-чуть заикаясь, но замѣчательно просто и душевно, съ нѣкоторымъ поэтическимъ лиризмомъ, говорилъ рабочимъ о лучшемъ будущемъ, о необходимой борьбѣ, растолковывалъ элементарныя и сложныя политическія требованія и повсюду вызывалъ къ себѣ напряженное вниманіе, а нерѣдко и страстные диспуты. Его потомъ стали встрѣчать очень охотно, просили говорить, предлагали вопросы, а онъ, начиная издали, постоянно тянулъ одну линію и всегда возбуждалъ огромное довѣріе къ себѣ. Мнѣ пришлось видѣть однажды, какъ онъ явился утромъ на дворъ гапоновскаго собранія и немедленно былъ окруженъ стариками и пожилыми «сѣрыми» рабо-

чими, которые охотно вступали съ нимъ въ бесѣду. Онъ поклонился имъ въ ноги. Всѣ кругомъ отвѣтили ему, какъ одинъ человекъ, тѣмъ же глубокимъ поклономъ. А затѣмъ полилась приблизительно слѣдующая, не совѣмъ обычная, рѣчь: «Съ добрымъ утромъ, товарищи! Славный у насъ сегодня денекъ, у насъ, у рабочихъ. И славный онъ не потому, что солнце сегодня не по зимнему грѣеть и свѣтитъ, что снѣгъ приятно хруститъ подъ ногами, а потому, что у насъ въ душѣ должно быть хорошо. А хорошо у насъ на душѣ потому, что мы впервые опомнились, почувствовали себя людьми, впервые всѣ дружно пошли на борьбу съ своими врагами. На какую борьбу и съ какими врагами?» И тутъ пошли длинныя прекрасныя разъясненія, кто врагъ рабочаго, за что нужно бороться, — разъясненія, настолько просто и артистически «по крестьянски» изложенныя, что даже мы забывались и съ удивленіемъ слушали, какъ этотъ захудалый мужиченко такъ умно рассказываетъ такія интересныя вещи. «Все это театрально и нѣсколько фальшиво», скажетъ какойнибудь трезвый читатель. Можетъ быть, но въ то время естественный здравый смыслъ часто пасовалъ передъ повышенной, мистической театральностью. Другой разъ у меня на глазахъ произошла слѣдующая комическая сцена. Упомянутый агитаторъ остановился на крыльцѣ и открылъ собесѣдованіе. Вдругъ откуда-то выскочилъ дворникъ и сталъ разгонять народъ, «здѣсь не мѣсто собираться», кричалъ онъ, «здѣсь къ тому же говорятъ всегда тѣ, которымъ не позволяютъ говорить внутри помѣщенія, бунтовщики. Кто здѣсь говоритъ? кто бунтуетъ?» Нашъ агитаторъ спокойно подошелъ къ сердитому дворнику, и смотря на него своимъ нѣсколько робкимъ взглядомъ, самымъ ласковымъ голосомъ произнесъ: «Да это я здѣсь говорю, товарищъ». Дворникъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сразу понизилъ тонъ. «А? это ты? Ну тебѣ то говорить можно. Что ты, дуракъ, можешь дурного сказать?» Раздался громкій хохотъ стоявшихъ кругомъ рабочихъ, очевидно уже слышавшихъ «дурныя» рѣчи «дурака». И дворникъ, обидѣвшись за «дурака», уходя, бросилъ слѣдующія сентенціонныя слова: «Стыдно, ребята, смѣяться надъ сѣрымъ человекомъ. Ну глупъ онъ еще, успѣть поумнѣть, а смѣяться надъ нимъ все же не слѣдуетъ».

Начиная съ 3 января движеніе съ каждымъ днемъ или вѣрнѣе съ каждымъ часомъ расширялось и углублялось. Настроеніе повышалось. За невской заставой, въ помѣщеніи гапоновскаго отдѣла, собранія шли цѣлый день съ 8—9 часовъ утра до 10 или 11 вечера. Каждый часъ одна толпа смѣняла другую. Кромѣ этого на огромномъ дворѣ, несмотря на жестокіе морозы, все время шли грандіозные митинги. Намъ приходилось работать ежедневно до полной потери силъ. Фактически социалдемократы преимущественно и говорили. Былъ разъ 2 какой-то неизвѣстный мнѣ литераторъ, разъ говорилъ на дворѣ социалистъ революціонеръ, но въ общемъ всю тяжесть непрерывной агитаціи пришлось выдерживать нѣсколькимъ социалдемократамъ и одному-двумъ гапоновскимъ рабочимъ. Вначалѣ послѣдніе относились съ нескрытаемой враждебностью къ «конкуренціи» социалдемократовъ. Но потомъ, когда они убѣдились, что никакихъ конфликтовъ отъ этого не

проистекаетъ, что мы вмѣстѣ съ ними ведемъ одну линію, и, наконецъ, когда ими было рѣшено не замалчивать политики, они стали даже нѣсколько завистъ отъ насъ, такъ какъ въ области политической агитаціи они чувствовали себя довольно таки безпомощными. Впослѣдствіи они намъ сами заявили, что раньше нашъ разговоръ съ толпой казался имъ смѣшнымъ, но потомъ, когда мы переняли ихъ приемы и ихъ умѣнье дѣйствовать на массу, мы такъ расширили содержание рѣчей, что уже имъ отъ насъ приходилось учиться.

Въ виду этого мы все время работали очень дружно, сообща исполняли даже такія функции, какъ раздачу помощи стачечникамъ, контролированіе дѣйствительно нуждающихся и т. п. Вліяніе наше за эти дни настолько окрѣпло, что въ первый день, когда Гапонъ сталъ читать на собраніяхъ свою петицію, онъ пригласилъ насъ на совмѣстное совѣщаніе. Задачей совѣщанія было, по словамъ Гапона, его желаніе выяснить отношеніе социалдемократовъ къ хожденію къ Зимнему дворцу 9 января и столкнуться съ ними о необходимыхъ практическихъ приѣмахъ. Это совмѣстное совѣщаніе состоялось 7 января отъ 9 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Со стороны Гапоновцевъ, кромѣ самого Гапона, присутствовало 6—7 наиболѣе выдающихся его рабочихъ разныхъ районовъ; со стороны социалдемократовъ 1 рабочей и 3 интеллигента, среди которыхъ былъ и авторъ этихъ строкъ. Въ виду большого интереса какъ личности Гапона, такъ и вообще этого совѣщанія, постараюсь воспроизвести его возможно точнѣе.

Встрѣтили насъ гапоновскіе рабочіе съ торжествующей воинственностью. «Смотрите, говорили они, на плоды нашей работы: какія массы народа удалось намъ привести въ движеніе. Что представляютъ собой въ сравненіи съ ними ваши маленькіе кружки? Гдѣ результаты вашей долготѣйшей работы?» Мы отвѣтили, что въ гапоновскомъ движеніи, безъ сомнѣнія, учитывается и наша долготѣйшая работа, что во главѣ у нихъ часто находятся люди, получившіе революціонное крещеніе въ нашихъ кружкахъ, что, наконецъ, и масса отчасти была нѣсколько подготовлена нашими листками, распространявшими революціонно-боевыя лозунги, и что она настолько привыкла къ нашимъ листкамъ и вѣритъ имъ, что даже гапоновскую петицію очень многие называютъ прокламаціей. «Но, въ такомъ случаѣ, спросили гапоновцы, зачѣмъ вы насъ позорили, называли зубатовцами, провокаторами?»

Мы откровенно отвѣтили, что они въ настоящее время несомнѣнно наши товарищи по борьбѣ, но нельзя отрицать, что въ началѣ гапоновское движеніе находилось въ сношеніяхъ съ Зубатовымъ. Разговоръ грозилъ принятъ шекотливый оборотъ, и Гапонъ вмѣшался. Онъ правдиво призналъ, что начало движенія, связаннаго съ его именемъ, дѣйствительно «темное», но нѣсколько грубоватой лестью скоро успокоилъ, какъ своихъ обидѣвшихся приверженцевъ, такъ и озлившисьшихся социалдемократовъ—послѣднихъ преимущественно тѣмъ, что онъ «въ сторону» шепнулъ своимъ—однако такъ, что мы всѣ слышали: «Какіе восхитительные парни—эти социалдемократы!»

Послѣ этого маленькаго инцидента у насъ пошла продолжительная товарищеская бесѣда до поздней ночи. Гапонъ производилъ впечатлѣніе человека несомнѣнно хитраго, себѣ на умѣ, очень често-

любиваго, съ большими личными планами, но въ то же время крайне и искренно увлеченнаго событіями, захватившими его цѣликомъ, морально выросшаго, благодаря своей роли, и дѣйствительно глубоко проникнутаго сильнымъ желаніемъ служить рабочимъ и быть имъ полезнымъ. Въ то же время онъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ непосредственныхъ опасностяхъ движенія; я бы сказалъ даже, что онъ не вполне замѣтилъ и все то громадное развитіе, котораго оно достигло, а поскольку замѣтилъ,—недостаточно проникся мыслью, что для событій такихъ размѣровъ требуются и большіе горизонты и большая отвѣтственность. Подобно намъ, но, конечно, въ безконечно большей степени, онъ былъ захваченъ могучей, съ силой естественнаго потока развивавшейся стихіей; незамѣтно очутившись на ея гребнѣ, онъ сразу всталъ передъ фактомъ ея чудовищной силы, которую онъ не только не былъ въ силахъ какъ либо направить, измѣнить, но которую не могъ даже умственно охватить. Въ этой его несознательности и заключалась, на мой взглядъ, одна изъ главныхъ тайнъ той огромной роли, которую этой въ общемъ невѣжественной, не выдающейся личности, этому не блестящему человѣку и даже плохому оратору суждено было играть: несложность и цѣльность его натуры, его неспособность широко и всесторонне охватить явленія огромной важности, его неумѣніе ориентироваться въ сложныхъ событіяхъ и предвидѣть ихъ возможные послѣдствія позволили ему, предоставляя событіямъ естественно развиваться, спокойно идти къ намѣченной цѣли, не глядя ни назадъ, ни слишкомъ далеко впередъ. Ему, повидимому, были чужды какъ сильныя угрызения совѣсти, такъ и внутренняя борьба, вызываемая сознаніемъ сильной отвѣтственности, равно какъ и глубокая долгія думы надъ событіями. Не мудрствуя лукаво, онъ всецѣло подчинялся толкавшей его все дальше и дальше стихіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ былъ очень мало «испорченъ» излишними знаніями и свѣдѣніями. По своему умственному уровню онъ едва ли стоялъ выше развитыхъ рабочихъ. Это сближало его съ массой, психологіей которой онъ совершенно проникался и даже ей подчинялся: онъ прекрасно понималъ рабочихъ, какъ и они его. Даже способъ выраженія онъ заимствовалъ у рабочихъ, и если-бы не священническая ряса, мы бы въ тотъ вечеръ приняли его за средняго рабочаго. Словомъ, «герой» былъ: вполне дѣтищемъ «толпы», русская политически мало сознательная рабочая масса могла выдвинуть тогда только мало сознательнаго вожака, и потому послѣдній и былъ ей такъ близокъ, такъ понятенъ и такъ обаятеленъ.

На самомъ совѣщаніи мы, по предварительному рѣшенію, не высказывали своего отношенія къ хожденію къ Зимнему дворцу, а занимались больше «интервьюированіемъ» Гапона. Въ тотъ вечеръ онъ вполне вѣрилъ, что народъ будетъ допущенъ къ Зимнему дворцу, о возможности кровавыхъ расправъ онъ даже и не думалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что правительство для вида, быть можетъ, попытается полицейскими мѣрами задержать рабочія массы и не допустить ихъ до Зимняго дворца, но что при настойчивости масса добьется своего. Но онъ сильно сомнѣвался въ устойчивости, прочности и выдержанности боевого настроенія массы. По его мнѣнію, широкое броженіе, охва-

тившее рабочія массы, хотя и проявляется въ шумныхъ и трогательныхъ формахъ, но очень поверхностно, не глубоко и можетъ при первомъ серьезномъ сопротивленіи исчезнуть. «Я прошу васъ, социал-демократовъ», говорилъ онъ, поставить свои кадры въ послѣднихъ рядахъ манифестаціи. Социал-демократы—народъ стойкій, убѣжденный и не испугаются первыхъ насильственныхъ дѣйствій полиціи. Мой же народъ, какъ и «соціалъ-революціонеры»—народъ хотя и славный и умереть готовъ за дѣло, но способны ли они на что нибудь другое, кромѣ мгновеннаго порыва, за которымъ слѣдуетъ упадокъ духа, я не знаю». Чтобы поддерживать все время боевое настроеніе рабочихъ, онъ совѣтовалъ по пути ломать шлагбаумы, прогонять полицейскихъ съ ихъ постовъ и прибѣгать ко всякимъ «мелкимъ» формамъ проявленія силы массъ. Но въ то же время онъ просилъ социал-демократовъ не выкидывать красныхъ знаменъ, не дѣлать слишкомъ рѣзкихъ восклицаній и вообще избѣгать всего того, что можетъ нарушить цѣльность настроенія массъ и отпугнуть рабочихъ. На нашъ вопросъ, какъ онъ представляеть себѣ ходъ предстоящихъ событій 9 января, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Я думаю, что тѣмъ или инымъ путемъ масса доберется до Зимняго дворца. Передъ дворцомъ мы, конечно, встрѣтимъ много войска. Я и другіе рабочіе депутаты приблизимся однако къ войску и, отъ имени всего рабочаго народа Петербурга, попросимъ ауденціи у Государя. Я думаю, что мы получимъ аудіенцію. Если царя не окажется въ Петербургѣ, мы заявимъ, что мы остаемся передъ дворцомъ ждать его приѣзда, и, по всей вѣроятности, его дождемся. На аудіенціи мы, отъ имени петербургскаго народа, передадимъ Государю нашу петицію, которую я предложу обсудить, но я въ то же время заявлю, что не уйду, если не получу немедленнаго торжественнаго обѣщанія удовлетворить слѣдующіе два требованія: амнистію пострадавшимъ за политическія убѣжденія и созывъ всенароднаго земскаго собора. Если я получу удовлетвореніе, я выйду на площадь, махну бѣлымъ платкомъ, принесу радостную вѣсть и начнется великій народный праздникъ. Въ противномъ случаѣ я выкину красный платокъ, скажу народу, что у него нѣтъ царя, и начнется народный бунтъ». Впрочемъ на послѣднемъ случаѣ онъ мало останавливался, считая его, очевидно, мало вѣроятнымъ: онъ только говорилъ, что тогда всѣмъ разрушительнымъ элементамъ, къ числу которыхъ онъ между прочимъ относилъ и всѣ революціонныя партіи, должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій. Но онъ очень подробно развивалъ послѣдствія благопріятнаго оборота дѣлъ. Лишь только два основныхъ требованія будутъ удовлетворены, всеобщая стачка должна прекратиться: всенародному земскому собору должна быть предоставлена выработка основныхъ законовъ; но въ числѣ немедленныхъ временныхъ мѣръ, подлежащихъ осуществленію еще до созыва земскаго собора, долженъ быть введенъ восьмичасовой рабочій день: необходимо дать немедленно крупное удовлетвореніе рабочимъ массамъ, тѣмъ болѣе, что послѣ громаднаго броженія, послѣ душевныхъ бурь, пережитыхъ петербургскимъ пролетаріатомъ, онъ психологически не будетъ въ состояніи проводить цѣлые дни на заводахъ и фабрикахъ. Но есть еще болѣе важная причина, дѣлающая необходи-

мымъ соединить восьмичасовой рабочей день съ созывомъ всенародного земскаго собора: отъ самихъ народныхъ массъ будетъ зависеть ихъ дальнѣйшая судьба, онѣ сами будутъ призваны выковывать свое собственное будущее счастье. Нужно поэтому дать народу достаточный досугъ, чтобы развиваться, учиться и ориентироваться въ государственныхъ дѣлахъ. Это мыслимо лишь при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Изъ такой смѣси наивныхъ дѣтскихъ химеръ и вѣрныхъ наблюдений, свидѣтельствующихъ о глубокомъ знаніи рабочей души этого періода, состоялъ весь планъ, всѣ предвидѣнія этого загадочнаго перваго руководителя пролетарскихъ массъ Петербурга.

Не входя въ обсужденіе плановъ Гапона по существу, мы заявили, что никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній по вопросу о нашемъ участіи въ предполагавшемся хожденіи 9 января мы дать не можемъ, такъ какъ наша центральная организація вопроса этого не обсуждала, но что мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что организація наша постановитъ принять самое активное участіе въ назначенной демонстраціи. Мы, однако, не скрывали передъ Гапономъ своихъ болѣе пессимистическихъ взглядовъ, сказали ему, что мы предвидимъ кровавый оборотъ движенія и, повидимому, намъ удалось нѣсколько поколебать его оптимизмъ. На слѣдующій день утромъ, послѣ дальнѣйшихъ разговоровъ съ социалдемократами, заночевавшими съ нимъ въ той же квартирѣ, Гапонъ написалъ свое извѣстное письмо къ князю Святополкъ-Мирскому.

На слѣдующій день мы созвали два собранія социалдемократическихъ рабочихъ невскаго района, число которыхъ за эти дни значительно увеличилось, — одно въ селѣ Смоленскомъ, другое въ селѣ Александровскомъ, — для совмѣстнаго обсужденія вопроса нашего участія въ событіяхъ 9 января. Рабочіе, въ особенности обуховцы, въ общемъ отрицательно относились къ гапоновскому движенію, и сильно настаивали на томъ, что социалдемократы должны отказаться отъ всякаго участія въ немъ. Позорно и недостойно социалдемократіи, говорили они, идти крестнымъ ходомъ подъ предводительствомъ попа къ Зимнему дворцу просить тамъ сжалиться и пожалѣть рабочихъ, тѣмъ болѣе, что все это кончится лишь разстрѣлами и массовымъ избіеніемъ. Лишь послѣ долгихъ преній намъ удалось убѣдить ихъ въ томъ, что наше участіе или неучастіе въ демонстраціи не можетъ имѣть никакого вліянія на самый фактъ ея осуществленія, но что мы не имѣемъ права вернуться спиной къ этому первому массовому выступленію петербургскаго пролетаріата и обязаны своимъ участіемъ въ немъ бороться противъ отрицательныхъ чертъ гапоніады и пытаться внести въ него болѣе широкіе лозунги. И въ самой петербургской центральной группѣ раздавались голоса, видѣвшіе измѣну принципамъ социалдемократіи въ нашей совмѣстной дѣятельности съ Гапономъ; по ихъ мнѣнію, обязанностью социалдемократовъ было—вести борьбу и самую упорную борьбу какъ съ Гапономъ, такъ и съ его планами. Большинство группы, однако, вполнѣ отдавало себѣ отчетъ въ мировомъ значеніи развертывавшихся передъ нами событій и высказывалось за самое рѣшительное участіе въ нихъ.

Событія 9 января настолько извѣстны, что я считаю излишнимъ останавливаться на нихъ подробно. Рабочіе невскаго района, на мой взглядъ, дали меньшей процентъ участниковъ демонстраціи, чѣмъ другіе районы, при чемъ въ сторонѣ отъ движенія остались наиболѣе передовые слои рабочихъ. Извѣстно, что невскіе рабочіе были задержаны на границѣ города, что послѣ нѣсколькихъ холостыхъ залповъ, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ разогнать толпу казаками, которые наталкивались на колѣнопреклоненныхъ женщинъ и стариковъ, вся толпа бросилась черезъ Неву, и разными путями проникла въ городъ. Кромѣ городскихъ рабочихъ, преимущественно рабочіе изъ за невской заставы наполняли собой Невскій проспектъ и площадь у Александровскаго сада. Жертвы, понесенныя рабочими невскаго района, были поэтому меньше, чѣмъ въ другихъ районахъ. Не стану я также описывать всѣхъ ужасовъ этого дня. Скажу лишь, что правительственная расправа превзошла даже самую мрачную опасенія и носила провокаціонный характеръ: до того она противорѣчила терпимому отношенію полиціи къ революціонной агитаціи предшествующихъ дней. Что мы, активные участники движенія, которые чувствовали и свою долю отвѣтственности, должны были пережить въ тотъ памятный день, едва ли поддается описанію. Убивались и разстрѣливались не только тысячи молодыхъ жизней, но и наивная вѣра, воспитанная и выросшая въ народѣ долгими вѣками, та непосредственная дѣтская вѣра въ то, что стоитъ только громко провозгласить свое горе, такъ громко, чтобы оно было услышано, наконецъ, тамъ гдѣ оно всегда скрывается недругами народа, — и спасеніе сразу явится; былъ нанесенъ смертельный ударъ тому стихійному энтузіазму, который впервые рабочія массы вложили въ дѣло своего освобожденія. Хорошо ли это освобожденіе народа отъ вредныхъ и нежизненныхъ иллюзій такими средствами—вопросъ другой. Но въ тотъ кровавый день этотъ отвѣтъ пулями и саблями на трогательное довѣріе массъ порождалъ не только негодованіе и жажду мести, но и горькую обиду за эту рабочую массу и безконечную жалость къ ней.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправился я вечеромъ того же дня на собраніе центральной социалдемократической группы, на которомъ присутствовало, кромѣ членовъ группы, еще много другихъ социалдемократическихъ работниковъ изъ всѣхъ районовъ. На собраніе должны были стекаться отчеты о событіяхъ этого дня и здѣсь же должны были выработаться рѣшенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Оказалось, что повсюду произошло одно и то же: во всѣхъ районахъ безоружный народъ разстрѣливался, не оказывая никакого сопротивленія. Только на Васильевскомъ островѣ была сдѣлана слабая попытка строить баррикады. Но какъ это ни странно, оказалось, что общій тонъ собранія противорѣчилъ индивидуальному настроенію каждаго изъ насъ. Тонъ собранія былъ крайне бодрый, большинство его участниковъ выражало твердую увѣренность, что теперь рабочіе окончательно распростиются съ своими прежними иллюзіями и что на слѣдующій же день начнется активное выступленіе рабочихъ массъ уже подъ истинно революціонными лозунгами. Отчеты о настроеніи рабочихъ изъ разныхъ районовъ изображали его сильно повышен-

нымъ, боевымъ и жажущимъ мщенія за погубленную жизнь и разбитыя иллюзіи. Рѣшено было поэтому на слѣдующій день вызывать новыя выступления и продолжать начавшуюся революцію. Нѣкоторые, вновь прѣхавшіе, товарищи были откомандированы въ районы на помощь старымъ, усталымъ работникамъ. Слѣдующій день принесъ намъ, однако, большое разочарованіе. Продолжаю разсказъ свой о невоскомъ районѣ, тѣмъ болѣе, что все, что относится къ нему, въ большей или меньшей степени примѣнимо ко всему Петербургу.

Утромъ я и одинъ новый товарищъ отправились за невоскую заставу. Самый видъ улицъ предмѣстья принесъ первое опроверженіе нашихъ расчетовъ на то, что теперь у рабочихъ можетъ быть лишь одно настроеніе—революціонное, и одно желаніе—идти на борьбу, чтобы отомстить за убитыхъ товарищей и поруганныя надежды. По пути намъ то и дѣло попадались большіе плакаты—треповскія объявленія, которыя молчаливо читались группами рабочихъ, а порой возлѣ объявленія стоялъ треповскій же ораторъ съ характерной «переодѣтой» фізіономіей и комментировалъ объявленіе. И нужно отдать справедливость полиціи: за одну ночь она не дурно успѣла сорганизовать дѣло. Нужно было во что бы то ни стало изобрѣсти жертву, на которую могъ бы быть направленъ гнѣвъ рабочихъ, нужно было найти виновника его разочарованія,—и объ этомъ полиція позаботилась самымъ отеческимъ образомъ. «Переодѣтые» ораторы убѣждали рабочихъ, что во всемъ виноваты студенты съ переодѣтымъ студентомъ Гапономъ во главѣ, которые завлекли рабочихъ не въ свое дѣло, подвели подъ выстрѣлы и сами скрылись, воспользовавшись деньгами, собранными у рабочихъ и якобы для рабочихъ. Мнѣ лично пришлось выслушать рѣчь одного такого «оратора» передъ треповскимъ объявленіемъ, въ которой онъ подробно разсказывалъ о видѣнныхъ имъ многочисленныхъ изуродованныхъ трупахъ убитыхъ рабочихъ; доведя своимъ разсказомъ негодованіе рабочихъ до высокой степени, онъ прибавилъ, что все это были трупы «русскаго народа» и что ни одного студента или «демократника» тамъ не было. Всѣ они 9 января попрятались. Сбитые съ толку, рабочіе въ первые дни очень легко поддавались на эту удочку. Попытки гапоновскихъ вожаковъ и нашихъ агитаторовъ бороться противъ такихъ «объясненій» успѣха не имѣли, и тѣ же рѣчи, которыя раньше зажигали энтузіазмъ рабочихъ, выслушивались ими теперь угрюмо и съ мрачнымъ недоверіемъ. Кромѣ того рабочая масса, сильная своимъ единствомъ, была раздроблена: гапоновскіе отдѣлы были почти повсюду закрыты, и рабочіе не могли собираться и совмѣстно разбираться въ той страшной загадкѣ, которую создалъ для нихъ день 9 января. Мы съ товарищемъ прежде всего направились въ невоскій гапоновскій отдѣлъ, который почему-то еще не успѣли закрыть. Намъ удалось собрать небольшую толпу, открыть собраніе и въ небольшой рѣчи попытаться подвести итоги вчерашняго дня. Но на первое рѣзкое слово критики существующихъ политическихъ условій, изъ толпы раздался голосъ: «Въ пропасть ты насъ тащишь!» «Повѣсить тебя надо!» Хотя эти возгласы и не были поддержаны толпой, но въ общемъ настроеніе было такое вялое и растерянное, что послѣ нѣкоторыхъ тщет-

ныхъ попытокъ расшевелить ее, намъ пришлось закрыть собраніе. Послѣ этого и этотъ послѣдній гапоновскій отдѣлъ былъ закрытъ полиціей, и гапоновское движеніе, какъ нѣчто организованное и самостоятельное, сошло со сцены.

Черезъ два-три дня невоская организація получила приглашеніе отъ нѣсколькихъ гапоновцевъ явиться къ нимъ по какому-то конспиративному дѣлу. Я и еще одинъ товарищъ пошли по приглашенію и застали наиболѣе видныхъ изъ учлѣвшихъ гапоновцевъ этого района. Они заявили намъ, что теперь они убѣдились въ правотѣ нашихъ взглядовъ, что раньше можно было работать лишь «по гапоновски», т. е. выставляя только наиболѣе понятныя и близкія требованія и замалчивая болѣе отдаленныя, политическія—теперь же, послѣ всего совершившагося, остается работать лишь по нашимъ указаніямъ. Мы могли бы считать себя удовлетворенными этимъ успѣхомъ, если бы тотчасъ же не оказалось, что о нашихъ взглядахъ у нихъ составилось нѣсколько своеобразное представленіе. Они намъ заявили, что и они убѣдились въ томъ, что рабочая масса крайне инертна, тупа и не сознательна, что она теперь неспособна бороться за себя, и что если ожидать, пока она разовьется,—пройдутъ долгіе годы безъ всякихъ перемѣнъ. Остается поэтому наиболѣе сознательнымъ, наиболѣе самоотверженнымъ рабочимъ взять дѣло борьбы за рабочіе интересы въ свои руки. Эта наибольшая группа рабочихъ должна прежде всего въ ближайшее воскресенье выйти съ бомбами и револьверами, чтобы отомстить за своихъ товарищей и добиться терроромъ сознательнаго меньшинства того, чего не могла достичь вся рабочая масса. На нашъ вопросъ, много-ли у нихъ приверженцевъ, они отвѣтили, что наиболѣе сознательные гапоновцы всѣ склоняются къ такимъ взглядамъ. Мы, конечно, попытались имъ дать болѣе вѣрное пониманіе нашихъ воззрѣній и отклонить ихъ отъ ихъ безнадежнаго предпріятія, но, кажется, они разстались съ нами, нѣсколько разочарованные нашей холодностью и несочувствіемъ къ ихъ презрѣнію къ массѣ и къ своеобразной теоріи ея замѣстительства. Приблизительно съ такими же тенденціями мнѣ пришлось встрѣтиться нѣсколько позже среди гапоновскихъ приверженцевъ на Путиловскомъ заводѣ за нарвской заставой, куда я былъ командированъ послѣ январскихъ событій центральной группой и гдѣ мнѣ приходилось принимать активное участіе въ дальнѣйшихъ фазахъ рабочаго движенія этого бурнаго года.

III.

Оцѣпененіе, въ которое впалъ петербургскій пролетаріатъ подъ вліяніемъ ужасовъ 9 января, продолжалось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ полиція дѣлала все зависящее отъ нея, чтобы сбить его съ толку и направить его разочарованіе по ложному адресу, мимо главныхъ виновниковъ только-что пережитаго издѣвательства надъ народной вѣрой. Стачка медленно умирала. Но какъ это уже часто случалось съ нашими властью имущими, они и на этотъ разъ пере-

усердствовали. Треповъ такъ вошелъ въ роль благодѣтеля петербургскихъ рабочихъ, что рѣшилъ удовлетворить и самую завѣтную мечту ихъ: допустить ихъ до царя. Была импровизирована знаменитая царская депутация. Ко всѣмъ фабричнымъ и заводскимъ администраціямъ Треповымъ были отправлены вѣстники съ приказомъ разыскать наиболѣе подходящихъ и благонамѣренныхъ рабочихъ и наложить на нихъ новую повинность,—идти во дворецъ. Иногда полиція сама выбирала въ депутаты рабочихъ, которые были ей извѣстны по постояннымъ «служебнымъ» сношеніямъ съ ними. Трудно представить себѣ негодованіе рабочихъ, когда они изъ газетъ и объявленій узнали, что «они послали» депутацию къ царю. На нѣкоторыхъ заводахъ они рѣзко высказывали порицаніе хозяевамъ и директорамъ за то, что тѣ согласились, безъ вѣдома рабочихъ, посылать отъ ихъ имени депутацию. На заводѣ Рѣчкина за московской заставой рабочіе въ видѣ протеста даже забастовали. На многихъ заводахъ они потребовали отъ «депутатовъ» объясненія, предварительно гарантировавъ имъ «неприкосновенность личности». И когда стали извѣстны подробности аудіенціи, рассказанныя по большей части сѣрыми и темными депутатами, къ негодованію рабочихъ прибавился и презрительный смѣхъ. Для политическаго развитія петербургскаго пролетаріата дѣйствительно, кромѣ ужаса и отвращенія къ власти имущимъ, въ то время было настоятельно необходимо еще и презрѣніе къ нимъ, и объ этомъ Треповъ отечески позаботился. Инцидентъ съ депутатіей былъ поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи рабочихъ. Растерянность мало-по-малу начинаетъ проходить и опять растетъ желаніе бороться. Средство борьбы и протеста остается прежнее, уже испытанное въ январскіе дни. Начинается широкое забастовочное движеніе, непрерывное, но бессистемное. Наиболѣе частымъ требованіемъ рабочихъ является восьмичасовой рабочей день, но каждая фабрика, каждый заводъ ведетъ борьбу за свои спеціальныя нужды, а иногда бастуетъ, не выставляя никакихъ требованій. Всѣ попытки социалдемократовъ упорядочить и объединить движеніе не имѣютъ успѣха. Имъ только удается—и чѣмъ дальше, тѣмъ легче—вносить политическія требованія, сообщать экономической борьбѣ рабочихъ политическій характеръ. На болѣе отсталыхъ заводахъ и фабрикахъ это давалось не безъ труда и послѣ 9 января. Но фактически рабочіе ведутъ все это время уже борьбу со всѣмъ режимомъ. Своей беспорядочной, непрекращающейся борьбой они расшатываютъ весь строй и не только вносятъ дезорганизацию въ хозяйственную жизнь, но и создаютъ состояніе неувѣренности и неустойчивости во всей жизни страны.

Центральнымъ боевымъ моментомъ этого, непосредственно слѣдовавшаго за январскими днями, періода была кампанія по поводу комиссіи Шидловскаго, когда социалдемократіи единственный разъ удается не только активно вмѣшаться по всей линіи въ эту кампанію, но и имѣть рѣшающее вліяніе на весь ходъ ея. Сама комиссія, которая должна была выяснитъ причины недовольства рабочихъ и работать мѣры для его устраненія, вызвала въ разныхъ слояхъ петербургскаго пролетаріата не одинаковое отношеніе къ себѣ. Рабочіе

металлургическихъ заводовъ съ самаго начала смотрѣли на комиссію, какъ на ловкій пріемъ для того, чтобы отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ и направить ихъ на мелкія заводскія нужды. Практическихъ результатовъ они не ждали отъ этой комиссіи, какъ и отъ всѣхъ другихъ комиссій, которыя въ то время работали по всѣмъ вѣдомствамъ на благо русскому народу. Иначе относились отсталые рабочіе многихъ петербургскихъ фабрикъ. Въ ихъ средѣ велись неустанные разговоры о требованіяхъ, которыя слѣдуетъ предъявлять въ комиссію, о прошеніяхъ, которыя нужно туда направлять. Тамъ искренно вѣрили, что въ лицѣ комиссіи созданъ органъ, куда можно будетъ отправлять ходяковъ съ изложеніемъ нуждъ. Въ общемъ же комиссія Шидловскаго вызвала огромное оживленіе въ рабочихъ кругахъ и въ то время повсюду, на квартирахъ, за работой, въ трактирахъ, на улицѣ рабочіе оживленно обсуждали вопросы, связанные съ ней, охотно посѣщали массовки, шли въ кружки, посѣщали легальныя собранія разныхъ союзовъ и вездѣ настойчиво ставили вопросы о своей тактикѣ въ этой комиссіи. На почвѣ этого сильнаго интереса, вызваннаго комиссіей, социалдемократической мѣстной группѣ удалось развить интенсивную агитацию и значительно расширить свою организацию. О самой организациі я расскажу подробнѣе въ слѣдующей главѣ, а пока буду продолжать рассказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ своихъ за этотъ періодъ повышеннаго интереса петербургскихъ рабочихъ ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ.

Въ началѣ социалдемократы были склонны пропагандировать воздержаніе, бойкотъ выборовъ въ комиссію Шидловскаго. Они хотѣли прежде всего потребовать осуществленія условій, дѣлающихъ возможными правильные выборы депутатовъ. Въ частности они выставили требованія неприкосновенности личности, свободы собраній и публичности засѣданій комиссіи. Только при осуществленіи этихъ требованій они рекомендовали рабочимъ принимать участіе въ выборахъ. Но очень скоро оказалось, что хотя открытыхъ собраній рабочихъ не было, была все таки возможность вести довольно широкую выборную агитацию, и стало очевидно, что болѣе или менѣе успѣшнаго бойкота провести во всякомъ случаѣ не удалось бы. Къ тому же выборы въ комиссію представляли такую прекрасную почву для политической агитации, что сразу разрушать ее многимъ казалось нелѣпымъ. Въ виду этого немедленно по опубликованіи правилъ о выборахъ въ комиссію социалдемократы рѣшили начать интенсивную выборную кампанію и обходя нѣкоторыя избирательныя ограниченія, повсюду провести выборы выборщиковъ, и если окажется необходимымъ, и депутатовъ, но потомъ либо отказаться отъ выборовъ депутатовъ, либо отъ участія въ комиссіи, если не будетъ удовлетворенъ рядъ общедемократическихъ требованій, обнимающихъ всѣ гражданскія права и объединяемыхъ въ основномъ требованіи созыва учредительнаго собранія. Какъ извѣстно, всю эту кампанію удалось провести по этому плану.

Мнѣ приходилось, какъ я уже указалъ, работать за это время за нарвской заставой,—на Путиловскомъ заводѣ, и за московской заставой. Кромѣ того въ самый горячій періодъ кампаніи приходилось

также вести продолжительныя бесѣды съ крайне отсталыми депутатами и рабочими російско-американской резиновой мануфактуры.

Путиловскій заводъ съ его 13000 рабочихъ до январскихъ дней былъ однимъ изъ самыхъ отсталыхъ металлургическихъ заводовъ Петербурга. Число рабочихъ, посѣщавшихъ социалдемократическіе кружки, до этого періода никогда не превосходило тамъ человѣкъ 50. Это былъ, какъ я уже указалъ, народъ очень молодой: 2—3 человѣка лѣтъ 25, а всѣ остальные 17—20 лѣтъ. Въ противоположность социалдемократамъ, гапоновское движеніе захватило кадры самыхъ пожилыхъ рабочихъ, и во главѣ его стояла старая заводская рабочая аристократія, сравнительно хорошо зарабатывавшая, имѣвшая порой даже свои домишки при заводѣ и прочно въ немъ усѣвшаяся. Я вспоминаю свое пріятное изумленіе, когда я явился впервые въ трактиръ на собраніе гапоновскихъ рабочихъ вожаковъ и увидѣлъ передъ собой зрѣлыхъ самостоятельныхъ людей съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ. Настроеніе ихъ было очень боевое: и они, подобно своимъ товарищамъ за невской заставой, были проникнуты глубокимъ разочарованіемъ по отношенію къ рабочей массѣ, и главный, если не единственный, способъ воздѣйствія на заводъ или администрацію для завоеванія уступокъ, видѣли въ фабричномъ террорѣ. Это рѣшительное настроеніе наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ, ужасныя жертвы, понесенныя рабочими этого завода 9 января, въ связи съ крайне неискреннимъ отношеніемъ къ рабочимъ со стороны администраціи завода съ директоромъ Смирновымъ во главѣ, поддерживали на заводѣ состояніе постоянного недовольства, готоваго каждую минуту перейти въ забастовку. И если рабочіе въ своихъ многочисленныхъ стачкахъ лишь попутно ставили политическія требованія, то ясно было, что ихъ борьба не прекратится, пока не исчезнетъ весь режимъ со всѣми его стѣсненіями, которыя онъ ставитъ свободному развитію классовой борьбы. На заводѣ почти немедленно послѣ январскихъ событій были выбраны представители мастерскихъ, которые вели постоянныя переговоры съ администраціей, добились отъ нея значительныхъ уступокъ, но заводская масса стачками постоянно толкала своихъ представителей на новыя требованія: регулярная производственная жизнь не могла установиться на заводѣ за весь 1905 г. Когда были объявлены выборы въ комиссію Шидловскаго, у путиловцевъ прежде всего возникъ вопросъ, выбирать ли новыхъ депутатовъ или поручить старымъ представительству заводской массы въ комиссіи. По этому вопросу были созданы массовки, онъ также обсуждался въ социалдемократическихъ кружкахъ, сильно разросшихся за это время, и было рѣшено, въ виду присутствія среди прежнихъ заводскихъ депутатовъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ элементовъ, а также изъ агитаціонныхъ цѣлей, добиваться новыхъ выборовъ. При этомъ предполагалось на дворѣ завода созвать обширный митингъ и провести выборы подѣ объединяющимъ всѣ требованія лозунгомъ созыва учредительнаго собранія. Администрация завода приняла съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы помѣшать какъ собранію, такъ и новымъ выборамъ вообще; она не сдѣлала необходимыхъ для выборовъ техническихъ приготовленій, вывѣсила лишь поздно объявленіе о выборахъ и послѣдніе дѣйствительно

прошли при очень значительномъ числѣ воздержавшихся рабочихъ. Съ своей стороны полиція приняла всѣ мѣры, чтобы помѣшать постороннимъ заводу элементамъ проникнуть въ заводъ. У воротъ завода были арестованы 3 агитатора, и такимъ образомъ большія собранія не могли состояться. Пишущему эти строки удалось, однако, проникнуть на заводъ и присутствовать на выборахъ въ трехъ мастерскихъ. Въ большей части мастерскихъ выборы прошли подѣ значительнымъ вліяніемъ социалдемократовъ, и кандидаты, намѣченные ими, въ большинствѣ были избраны. Если большихъ рѣчей почти нигдѣ не было, то во время выборовъ социалдемократическіе рабочіе вели усиленную агитацію за извѣстныхъ кандидатовъ и опредѣленную избирательную платформу. Для рабочаго состава социалдемократическихъ кружковъ характерно то, что всѣ кандидаты и выборные, кромѣ одного, не принадлежали къ партійной организаціи, и намъ приходилось агитировать за нѣкоторыхъ изъ нихъ даже безъ ихъ вѣдома. Кое съ кѣмъ изъ выборныхъ мы знакомились лишь передъ самими выборами для того, чтобы подвергнуть первоначальному «экзамену» ихъ «сознательность». Своихъ же организованныхъ рабочихъ вслѣдствіе ихъ малой вліятельности на заводѣ не было никакой надежды проводить.

Въ виду этого агитація среди самихъ выборныхъ получила громадное значеніе. И она дѣйствительно велась нами съ большой энергіей. Мнѣ напр. ежедневно приходилось бывать на собраніяхъ выборныхъ, къ которымъ обыкновенно присоединялось не мало и другихъ рабочихъ. О политическомъ уровнѣ выборныхъ путиловскихъ можегъ дать нѣкоторое понятіе то, что наиболѣе интересующимъ ихъ вопросомъ было требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. На первыхъ бесѣдахъ приходилось прежде всего устанавливать тѣсную зависимость экономической борьбы отъ осуществленія гражданскихъ правъ и затѣмъ подробно и популярно выяснять сущность этихъ правъ. И лишь на послѣднихъ собраніяхъ въ качествѣ вѣнца требованій поставить созывъ учредительнаго собранія. Изъ выборныхъ немедленно выдѣлились крайне интересныя личности. Несомнѣннымъ лидеромъ выборныхъ путиловскаго завода является рабочій—слесарь К., лѣтъ 40—45, очень интеллигентный, много читавшій на своемъ вѣку, въ особенности по изящной литературѣ и литературной критикѣ, вполне освѣдомленный по вопросамъ русской публицистики и самъ писавшій стихи, очень красивые и грустные. Онъ былъ прекраснымъ ораторомъ, говорившимъ вполне литературнымъ языкомъ, и въ особенности превосходнымъ чтецомъ, и обыкновенно въ трактиръ, на улицахъ, и въ особенности у себя дома собиралъ вокругъ себя народъ и либо говорилъ, либо артистически читалъ имъ. Дома у него постоянно толпился народъ и онъ усердно приглашалъ насъ къ себѣ, обыкновенно прибавляя при этомъ, что онъ уже успѣлъ все рассказать, что зналъ, что онъ уже «надобѣлъ» своимъ слушателямъ, и потому новые люди должны его замѣнить. И дѣйствительно у него всегда можно было найти свѣжую, жадно ловившую слова оратора, аудиторію, относящуюся къ хозяину съ большимъ уваженіемъ. Самъ К. когда-то былъ высланъ изъ одной изъ центральныхъ губерній, на Путиловскомъ заводѣ работалъ года 3, сначала попалъ въ зубатовское общество, и

даже окончательно не порвалъ съ нимъ связей до послѣдняго времени и рассказывалъ намъ о разныхъ гнусныхъ мѣрахъ, которыя тамъ затѣвались противъ передовыхъ рабочихъ. Въ общемъ К. былъ несомнѣнно талантливая натура, но слишкомъ мало инициативная и недостаточно активная; получивши толчекъ, онъ временно увлекался, проявлялъ довольно широкую дѣятельность, но потомъ быстро уставалъ и по обыкновенію... выпивалъ. Послѣ кампаніи по поводу комиссіи Шидловскаго, онъ ушелъ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ и, кажется, даже уѣхалъ изъ Петербурга.

Другой, хотя и менѣе одаренной, но психологически чрезвычайно интересной и привлекательной личностью былъ партійный кандидатъ въ выборные такжеслесарь К. Онъ былъ очень преданный, очень революціонно настроенный, вѣчно чего-то ищущій и неудовлетворенный, очень мало свѣдущій рабочій съ чисто интеллигентской душой. Долженъ прибавить еще, что онъ сильно пилъ. За этотъ періодъ онъ безпрерывно и безстрашно агитировалъ, гдѣ только могъ. Трудно было часто уловить точный смыслъ его рѣчей, но онъ всегда сильно возбуждалъ слушателей, подкупая ихъ своей искренностью и страстностью. Когда я однажды сталъ его убѣждать воздержаться отъ чрезмернаго употребленія спиртныхъ напитковъ, онъ меня мрачно выслушалъ и столь же мрачно отвѣтилъ, что ему скучно жить. Тогда же онъ мнѣ рассказалъ, что когда онъ впервые познакомился съ интеллигентами социалдемократами, они произвели на него громадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, говорилъ онъ, что «если есть на свѣтѣ такіе люди, то еще стоитъ жить на свѣтѣ». Онъ бросилъ тогда пить, посѣщалъ кружки, ходилъ на домъ къ интеллигентамъ, присматривался, предлагалъ вопросы и скоро... опять сталъ пить. Онъ увидѣлъ, говорилъ онъ, что большинство интеллигентовъ дѣлаетъ свое прекрасное дѣло не потому, что ихъ толкаетъ внутренняя сила, а главнымъ образомъ потому, что и имъ нужно отогнать скуку и наполнить чѣмъ-нибудь свою жизнь. О себѣ онъ говорилъ, что ему хочется быстро сгорѣть, и глубоко жалѣлъ, что социалдемократы, къ которымъ онъ относился съ огромнымъ уваженіемъ, не признаютъ террора, къ которому онъ себя считалъ наиболѣе приспособленнымъ.

На собраніяхъ выборныхъ Путиловскаго завода изъ общаго числа 26-и перебывало 22, и когда на послѣднемъ собраніи былъ прочитанъ манифестъ, выработанный мѣстной центральной группой, который приведенъ ниже, онъ съ восторгомъ былъ ими принятъ.

За московской заставой руководящимъ заводомъ былъ вагоностроительный, бывшій Рѣчкина, съ 4000 рабочихъ. И на этомъ заводѣ удалось провести прекрасный составъ выборныхъ. Главную роль въ агитации среди нихъ играли однако не партійные агитаторы, а рабочій—электротехникъ С., сначала совсѣмъ не связанный съ партіей, а потомъ въ процессѣ работы все болѣе и болѣе сближавшійся съ ней и впоследствии даже вошедшій въ нее. Это былъ чрезвычайно энергичный и умный рабочій лѣтъ 30, почти ничего не читавшій въ своей жизни и вообще не любитель чтенія, но съ прекраснымъ темпераментомъ и необыкновенной активности. Выдвинувшись еще въ гапоновскіе дни, онъ часто появлялся въ толпѣ, устраивалъ огромныя

собранія на дворѣ завода, на неподалеку лежавшемъ путиловскомъ валу, говорилъ ярко, картинно и пользовался громаднымъ влияніемъ. Было отдано распоряженіе арестовать его, но въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ онъ былъ неуловимъ, хотя чуть ли не ежедневно являлся въ заводъ, заставлялъ себѣ открывать его и устраивалъ собранія. Онъ первымъ попалъ въ выборщики отъ завода въ комиссію Шидловскаго и тогда сталъ расширять свою агитацію, перенесъ ее на неподалеку отъ завода расположенную большую мануфактуру механической обуви съ 3000—3500 рабочихъ. Всякія требованія, принимаемая заводомъ Рѣчкина, онъ пересылалъ въ мануфактуру, и на слѣдующій день получалъ обратно листъ, на которомъ краснымъ карандашомъ отмѣчались непонятныя требованія. Онъ возвращалъ листъ съ необходимыми разъясненіями и потомъ, когда во всемъ районѣ были избраны выборные, онъ устраивалъ правильныя общія собранія выборныхъ, и въ качествѣ предсѣдателя на этихъ собраніяхъ руководилъ всей агитационной работой за московской заставой. Онъ не ограничивался агитацией среди однихъ выборныхъ, а старался всѣ рѣшенія коллегіи выборныхъ довести до свѣдѣнія рабочихъ на большихъ собраніяхъ. Для того, чтобы защитить его отъ ареста, его обыкновенно до заставы сопровождала большая толпа рабочихъ, а тамъ онъ всегда искусно исчезалъ. Во всей этой работѣ онъ, конечно, дѣйствовалъ въ согласіи съ социалдемократической районной организаціей, но все время оставался душой движенія. Онъ же провелъ приводимый ниже социалдемократическій манифестъ на общемъ собраніи выборныхъ района.

Чтобы дать понятіе о настроеніи болѣе отсталыхъ круговъ петербургскихъ рабочихъ за этотъ періодъ, расскажу еще свои наблюденія надъ тѣмъ, какъ реагировали на комиссію Шидловскаго рабочіе россійско-американской резиновой мануфактуры. Это громадное предприятие, насчитывающее около 8000 рабочихъ, изъ которыхъ лишь 600—700 квалифицированныхъ, до сихъ поръ всегда очень слабо реагировало на общественныя событія и въ исторіи рабочаго движенія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Независимо отъ общаго низкаго культурнаго уровня большинства рабочихъ, этому способствовала еще и широкая чернотенная агитація, которую вела и ведетъ администрація завода, состоящая преимущественно изъ «истинно русскихъ» иностранцевъ. Социалдемократы имѣли на этомъ заводѣ лишь нѣсколько кружковъ молодыхъ рабочихъ, влияние которыхъ на остальную массу было равно нулю. Гапоновское движеніе возбудило было сильный интересъ, привлекло въ качествѣ дѣятельныхъ членовъ группы матеріально лучше поставленныхъ рабочихъ и въ качествѣ обыкновенныхъ посѣтителей собраній нѣсколько сотъ другихъ наиболѣе отзывчивыхъ рабочихъ, но послѣ 9 января реакція въ этомъ предпріятіи была особенно упорная. Не безъ участія администрации здѣсь усиленно распространялись слухи, что деньги гапоновскихъ отдѣловъ были присвоены отдѣльными гапоновцами, что движеніе потерпѣло крахъ благодаря студентамъ и социалистамъ, выкинувшимъ красныя флаги и тѣмъ вынудившимъ правительство прибѣгнуть къ разстрѣламъ. Всѣ эти клеветы вмѣстѣ съ арестами и увольненіями болѣе сознательныхъ рабочихъ настолько испугали и сбили съ толку рабочихъ, что послѣ

9 января исчез всякий живой духъ на заводѣ, хотя, несомнѣнно, взбудораженное всѣми необычайными событиями чувство рабочихъ и этой мануфактуры, какъ и рабочихъ всего Петербурга, окончательно улечься не могло и нуженъ былъ лишь новый толчекъ, чтобы снова вызвать сильное брожение. Такимъ толчкомъ и послужилъ указъ о созывѣ комиссиа Шидловскаго. Но въ массѣ рабочихъ резиновой мануфактуры, состоявшей главнымъ образомъ изъ недавно сидѣвшихъ на своей землѣ крестьянъ, вѣра въ комиссию была большая. Здѣсь подробно говорили о тѣхъ бѣдахъ, о которыхъ нужно будетъ черезъ ходоковъ—депутатовъ довести до свѣдѣнн «его превосходительства, сенатора Шидловскаго», и искренно надѣялись, что уже теперь, черезъ сенатора, рабочія бѣды будутъ услышаны, гдѣ слѣдуетъ. Словомъ настроеніе было крайне оптимистическое, и болѣе всего здѣсь настаивали на томъ, чтобы не ставить рѣзкихъ и широкихъ требованій, чтобы не допустить къ себѣ крамольниковъ, которые снова могутъ лишь увлечь рабочихъ на несправедные пути.

Выборы между тѣмъ приближались, въ каждомъ отдѣленіи мануфактуры были заранѣе намѣчены выборные,—то были наиболѣе пожилые и старые рабочіе; до рабочихъ мануфактуры все чаще стали доходить слухи о собраніяхъ на другихъ заводахъ, о прошеніяхъ, которыя посылались Шидловскому, о разговорахъ, которые съ нимъ имѣли выборные, и резиновцы съ своей стороны стали опасаться, что они «прозѣваютъ» ожидавшихся отъ комиссиа благодарній. Намѣченные выборные стали собираться съ другими вліятельными рабочими и обсуждать, что имъ предпринять, но по необходимости ли, или вообще по некультурности, ни до чего толкомъ не могли договориться. Пробовали было немногочисленные рабочіе социалдемократы этого завода привести свою агитаторшу на одно такое обсужденіе, но лишь только собраніе увидѣло передъ собой человѣка съ крамольной физиономіей курсистки, какъ оно болѣе чѣмъ на $\frac{3}{4}$ уменьшилось: всѣ старые и вліятельные рабочіе немедленно искали спасенія отъ крамолы въ бѣгствѣ. Положеніе создалось такимъ образомъ довольно затруднительное.

При такихъ-то обстоятельствахъ мнѣ случайно удалось проникнуть къ резиновцамъ. На одномъ изъ собраній, когда они горевали, что у нихъ ничего толкомъ не выходитъ, одна недавно поступившая къ нимъ работница, умная и энергичная дѣвушка, которая вела знакомство съ социалдемократическими рабочими—путиловцами, предложила собранію привести къ нимъ своего брата, выборнаго Путиловскаго завода, человѣка уже не молодого, токаря и «умницу» («онъ у меня четыре класса городского кончилъ»), который и скажетъ, какъ взялись за дѣло путиловскіе рабочіе. Предложеніе было охотно принято и на слѣдующій день въ качествѣ брата работницы «умницы и путиловскаго токаря» попалъ къ нимъ на собраніе и авторъ этихъ строкъ. Послѣ этого мнѣ приходилось съ ними имѣть частыя и продолжительныя бесѣды. Оказалось, что и въ ихъ средѣ, въ особенности среди квалифицированныхъ рабочихъ ремонтной слесарной мастерской, были люди, много читавшіе и очень мыслящіе и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ за умъ и познанія. Но какъ

мнѣ приходилось не разъ уже замѣчать въ другихъ мѣстахъ, это были по большей части люди мало активные: они настолько дорожили своей «умственностью», настолько поглощены были своей духовной жизнью и въ то же время имъ такъ нравилось ихъ положеніе общепризнаваемого всей массой «умственнаго» авторитета, что въ мелкія дѣла «мира сего» они очень мало вмѣшивались. Были также среди рабочихъ и люди, видавшіе разные виды и лучшія времена, потерпѣвшіе крушеніе на другихъ поприщахъ и стоявшіе значительно выше остальной массы, но къ нимъ большого довѣрія не было. Правда, всѣ эти люди въ бурные періоды выдвигались и даже становились во главѣ массы, но проходилъ острый моментъ, и прежняя, воспитанная всей русской жизнью, неактивность снова брала свое и они снова уходили въ свой уголь. Вліяніемъ въ своей средѣ пользовались обыкновенно люди, не блещущіе познаніями, но сильные, умѣвшіе ладить съ администраціей, но никогда не терявшіе собственного достоинства и, способные въ нужные моменты показать ей острые зубы и настоять на своемъ, въ особенности хорошо знающіе свое ремесло рабочіе. Къ мнѣнью такихъ людей прислушивался весь заводъ и они задавали тонъ. Большинство выборныхъ состояло также изъ этихъ элементовъ, хотя были единичные представители и первыхъ двухъ категорій.

На первомъ собесѣдованіи резиновскіе депутаты засыпали меня своими требованіями, составлявшими злобу дня на заводѣ, и раскрыли такую картину не только экономической эксплуатаціи, но и моральныхъ стѣсненій, и при этомъ обнаружили такую вѣру въ то, что «сенаторъ» за нихъ заступится, что приходилось долго убѣждать ихъ въ томъ, что безъ правъ, создающихъ для рабочихъ возможность соединяться и совместно обсуждать дѣла, никакія серьезныя улучшенія не прочны. На второмъ собраніи они охотно приняли предложеніе обратиться къ Шидловскому съ письмомъ, заключающимъ въ себѣ требованія элементарныхъ гражданскихъ правъ. Я настоялъ однако на томъ, чтобы письмо до послышки было прочитано и распространено на заводѣ. Письмо съ требованіями было отбито на пишущей машинкѣ въ 4—5 экземплярахъ, и выборные стали показывать это письмо рабочимъ. Нѣкоторые рабочіе раньше, чѣмъ приступить къ чтенію, справлялись, не нелегальный ли это листокъ, другіе высказывали недовольство, что въ письмѣ нѣтъ достаточной почтительности къ сенатору (не было обращенія «Ваше превосходительство», не было сказано «покорнѣйше просимъ», а «требуемъ») просили смягчить рѣзкія, по ихъ мнѣнью, выраженія, но въ общемъ большинство рабочихъ одобрило содержаніе письма. Письмо на слѣдующемъ нашемъ собраніи было на половину смягчено, и въ такомъ видѣ отправлено Шидловскому. Въ процессѣ нашихъ общихъ собесѣдованій выборные все расширяли свои требованія, охотно присоединились къ общимъ требованіямъ того времени, но учредительное собраніе приняли скорѣе изъ вѣжливости, чѣмъ отъ внутренняго убѣжденія. Въ общемъ однако мысль рабочихъ настолько сильно прогрессировала, что даже эти отсталые представители отсталыхъ рабочихъ болѣе, чѣмъ оправдали мои надежды. Мнѣ пришлось видѣть ихъ на общемъ собраніи выборщиковъ въ народномъ домѣ графини Паниной, и ока-

залось, что мои резиновскіе выборщики поддались общему боевому настроенію и обнаружили такую сознательность и пониманіе значенія всей затѣи Шидловскаго, что я ихъ просто не узнавалъ.

Въ остальной части Петербурга выборы дали приблизительно тѣ же результаты. Почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ былъ выбранъ народъ наиболѣе передовой и сознательный. Организованныхъ социалдемократовъ былъ лишь самый незначительный процентъ. Нѣсколько болѣе успѣхъ послѣдніе имѣли на Васильевскомъ островѣ и на отдѣльныхъ заводахъ за невской заставой. Но идейное вліяніе социалдемократіи было, повторяю, рѣшающее, и агитация среди выборщиковъ велась ею очень интенсивно и успѣшно. Большинство выборщиковъ приняло манифестъ, выработанный мѣстной центральной социалдемократической группой.

Когда результаты выборовъ стали извѣстны, центральная группа постановила рекомендовать выборнымъ выбирать депутатовъ въ комиссію, но лишь для того, чтобы депутаты явились на первое ея собраніе, провозгласили свои болѣе гражданскія требованія, и по полученіи несомнѣнно отрицательнаго отвѣта въ томъ смыслѣ, что комиссія не уполномочена обсуждать этихъ вопросовъ,—отказались бы отъ дальнѣйшаго участія въ комиссіи и удалились. Группа выработала и соотвѣтствующій манифестъ, который она и рѣшила предложить депутатамъ прочесть въ комиссіи передъ ихъ удаленіемъ. Привожу этотъ манифестъ цѣликомъ, какъ чрезвычайно характерный документъ для выясненія всей тактической позиціи и содержанія агитациі меньшевистской организациі въ Петербургѣ за это время. Манифестъ этотъ гласитъ:

...«Неслыханныя бѣдствія терзаютъ нашу родину. Второй годъ длится кровопролитнѣйшая, невиданная міромъ, война. Изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ истребляются сотни тысячъ жизней, погибающихъ въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ. Сотни тысячъ семействъ, лишенныхъ кормильцевъ, обрекаются на голодную смерть. Каждый выбитый изъ строя солдатъ—это пущенная по міру семья.

«Хозяйственная жизнь страны пріостанавливается. Сокращается работа на фабрикахъ и заводахъ. Тысячи, десятки тысячъ рабочихъ выбрасываются на улицу. Земля, отъ которой отвращается работникъ-крестьянинъ, остается невоздѣланной. Намъ ждетъ еще такой голодъ, такой неурожай, какого даже наша многоизвѣдавшая Русь не видала. Или смерть на войнѣ отъ непріятельской руки, или смерть здѣсь дома отъ голода и безработицы—вотъ участь милліоновъ нашего народа.

«Кто вызвалъ эту ужасную войну? Кому она нужна была?

«Единственнымъ ея виновникомъ мы считаемъ правительство. Оно вызвало войну, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неурядицъ. Война ему понадобилась, чтобы блескомъ военной славы ослѣпить волнуемую народную массу, чтобы громкими побѣдами заставить ее забыть о своихъ невзгодахъ и страданіяхъ.

«Но правительство ошиблось въ расчетѣ.

«Какъ это случилось уже не разъ съ другими государствами, какъ это уже случилось съ Россіей въ Крымскую кампанію, война

только обнаружила внутреннюю гниль, полную неспособность самодержавной бюрократіи управлять государствомъ. Милліарды денегъ они затрачивали на устройство и вооруженіе флота, на содержаніе безчисленнаго войска. По количеству солдатъ ни одна страна въ мірѣ не можетъ съ нами сравниться. И тѣмъ не менѣе съ самаго начала войны до настоящаго дня мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ, одно крупнѣе другого. Маленькая Японія, населеніе которой въ три раза, а занимаемая площадь въ 50 разъ меньше Россіи, оказалась во много разъ сильнѣе первой по военному могуществу мировой державы.

«И еще въ одномъ отношеніи ошиблось правительство. Народъ не забылъ своихъ страданій. Напротивъ. Война, увеличивая эти страданія, явилась могучимъ рычагомъ, развивающимъ его сознаніе. То, чего такъ не хотѣло правительство, наступило противъ его воли. Съ каждымъ днемъ умножается число тѣхъ, которые начинаютъ понимать, гдѣ корень нашихъ несчастій, кто виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. И скоро не останется ни одного человѣка на Руси, который не зналъ бы по имени этого виновника... имя его—*самодержавіе*.

«Сначала робко и одиноко потомъ смѣлѣе, шире и требовательнѣе стали раздаваться голоса недовольства. Заговорила либеральная печать. Зашумѣли либеральные банкеты. Посыпались резолюціи отъ разнаго рода обществъ. Потребовали реформъ, конституціи... «Все-подданнѣе припадая къ стопамъ Его Величества», часть земскихъ учреждений высказалась за реформы политической жизни, за земскій соборъ. О необходимости политической свободы заявили московское купечество и петербургскіе фабриканты. Всеобщей забастовкой поддерживають свое требованіе кореннаго политическаго переустройства все русское студенчество.

«Рѣшительнѣе и грознѣе всѣхъ высказался рабочій классъ. Первымъ поднялся петербургскій пролетаріатъ. А за нимъ съ поразительнымъ единодушіемъ выступили рабочіе массы всей Россіи. Противъ всероссійскаго самодержца сталъ лицомъ къ лицу всероссійскій пролетаріатъ...

«Злодѣйская бойня, устроенная правительствомъ въ отвѣтъ на мирное выступленіе рабочаго класса, превзошла всѣ его прежнія преступленія. Улицы почти всѣхъ городовъ Россіи снова, и на этотъ разъ обильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, оросились пролетарской кровью. Тысячи убитыхъ, тысячи раненыхъ,—вотъ чѣмъ заплатилъ рабочій классъ за попытку выразить свое недовольство.

«Общее положеніе нашей родины таково: полное разстройство всей народнохозяйственной и государственной жизни. Всѣ силы народныя истребляются двоякаго рода войной—внѣшней и внутренней: войной съ Японіей на далекихъ поляхъ Манчжуріи и войной съ русскимъ народомъ на нашихъ родныхъ нивахъ. На одной сторонѣ—самодержавное правительство, темная шайка грабителей, безжалостно расхищающихъ народное тѣло, на другой—весь русскій народъ и, какъ передовая его часть, революціонный рабочій классъ Россіи.

«Гдѣ выходъ изъ этого положенія? Какъ разрѣшить этотъ всеобщій государственный кризисъ?

«Самодержавіе ищетъ этотъ выходъ въ разнаго рода комиссіяхъ съ правленіемъ «свѣдущихъ лицъ изъ общества». Сегодня оно устроило комиссію «для составленія новаго устава о печати», комиссію «для разработки правилъ о полномочіяхъ правительственныхъ органовъ». Завтра оно «учредитъ» еще подобныя совѣщательныя комиссіи. Такую же комиссію «для выясненія причинъ нашего недовольства», послѣ кровавыхъ январскихъ дней, правительство даровало рабочимъ. Страна жаждетъ безотлагательнаго и кореннаго политическаго переустройства, а правительство подобными полумѣрами хочетъ *примирить* съ собой негодующую народную совѣсть. Неспособность самодержавія сдѣлать чтобы то ни было для блага родины стала ясна для всѣхъ, а оно все еще пытается удержать власть въ своихъ рукахъ. Самодержавіе научило насъ недоувѣрчиво относиться къ его начинаніямъ. Еслибы у насъ еще осталась капля вѣры въ искренность правительства, то отвѣтъ его на требованія, выставленныя нами по поводу выборовъ депутатовъ въ комиссію, открылъ глаза самому довѣрчивому изъ насъ. Мы требовали свободы предвыборной агитаціи, мы хотѣли столкнуться о нашихъ нуждахъ. Намъ этого не дали. Мы требовали освобожденія нашихъ депутатовъ, — этого требованія не удовлетворили. Мы хотѣли прямыхъ и честныхъ выборовъ, ихъ намъ не дали. Еще и еще разъ самодержавіе показало, что, покуда оно существуетъ, невозможны свободы мысли и слова, невозможно отстаивать и защищать свои интересы.

«Петербургскіе рабочіе рѣшили воспользоваться представившимся случаемъ, приглашеніемъ въ эту комиссію, чтобы заявить черезъ насъ передъ лицомъ всей Россіи свои требованія. Мы боремся за восьми-часовой рабочей день, мы желаемъ фабричной инспекціи, составленной изъ представителей рабочаго класса, намъ нужно такое государственное страхованіе, при которомъ будутъ соблюдены ихъ интересы.

«Далѣе мы требуемъ: немедленнаго прекращенія войны, свободы собраній, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и стачекъ, свободы совѣсти и неприкосновенности личности и жилища, дароваго всеобщаго народнаго образованія, мы требуемъ широкаго народнаго управленія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы, представители петербургскаго пролетаріата, непоколебимо убѣждены въ томъ, что единственный способъ удовлетворить всѣ эти требованія, какъ и единственный выходъ изъ современнаго политическаго положенія, — немедленная передача государственной власти въ руки народа. Мы твердо увѣрены въ томъ, что единственнымъ спасителемъ нашей родины можетъ быть самъ народъ. Онъ самъ можетъ быть кузнецомъ своего счастья. Онъ долженъ взять свою судьбу въ собственныя руки.

«Отъ имени насъ избравшихъ мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Только такое собраніе выработаетъ новый государственный порядокъ, въ которомъ рабочій классъ, вооруженный всѣми политическими правами, сумѣетъ повести

дальнѣйшую борьбу за свое полное освобожденіе отъ всякаго рода гнета и эксплуатаціи, за освобожденіе всего человѣчества.»

Предполагалось, повторяю, что это заявленіе будетъ прочтено депутатами на первомъ засѣданіи комиссіи, передъ ихъ уходомъ, но настроеніе выборныхъ оказалось болѣе революціоннымъ, чѣмъ мы предполагали. На общемъ собраніи всѣхъ выборщиковъ, состоявшемся наканунѣ выбора депутатовъ, было рѣшено послать Шидловскому ультимативныя требованія элементарныхъ свободъ, безъ предварительнаго осуществленія которыхъ рабочіе отказывались приступить къ выборамъ. Собраніе это прошло въ крайне приподнятомъ настроеніи. Застрѣльщиками являлись рабочіе металлургической промышленности, которые увлекли за собой громадное большинство остальныхъ выборныхъ. Небольшая группа выборныхъ Ушаковцевъ, встрѣченная негодующими криками собранія, публично отреклась отъ своего прошлаго и громогласно заявила, что и они всѣ присоединяются къ политическимъ требованіямъ. Въ центральной социалдемократической группѣ рѣшено было въ день перваго засѣданія комиссіи призывать рабочихъ къ стачкѣ для манифестированія солидарности всей рабочей массы со своими представителями. Это предложеніе было принято противъ другаго предложенія, рекомендующаго объявить забастовку тогда, когда неудовлетворенные депутаты удалятся изъ комиссіи. Предложеніе это обсуждалось рабочими въ разныхъ районахъ и во многихъ изъ нихъ было принято лишь потому, что первый день засѣданія предполагался 19 февраля, и рабочіе съ воодушевленіемъ высказывались за празднованіе этого историческаго дня. 18 февраля назначены были выборы по секціямъ; отвѣта на свои требованія отъ Шидловскаго рабочіе конечно не получили и во всѣхъ секціяхъ, кромѣ двухъ, отказались отъ выбора депутатовъ. Выборные покинули выборныя собранія возбужденные, съ криками, «это новый обманъ!» «Товарищи, бастуйте!» и разошлись по районамъ, чтобы призвать рабочихъ къ стачкѣ. Стачка была почти всеобщая, и хотя снова рабочіе толковали преимущественно объ экономическихъ нуждахъ, но на этотъ разъ требованіе учредительнаго собранія было гораздо болѣе популярно въ массахъ, чѣмъ когда либо раньше.

С. Сомовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“.

(Изъ воспоминаній).

Лѣтомъ 1882 года, когда я уже совсѣмъ собрался уѣзжать изъ Парижа въ Марсель, откуда съ ожидавшимъ меня тамъ Н. Судзиловскимъ мы должны были отправляться дальше въ Константинополь, я вдругъ получилъ телеграмму отъ Михаила Петровича Драгоманова; онъ звалъ меня въ Женеву «по очень важному дѣлу». Въ телеграммѣ не было сказано въ чемъ именно состояло дѣло; но такъ какъ Драгоманову извѣстно было мое плачевное матеріальное положеніе и то обстоятельство, что я приготовился уѣзжать изъ Франціи, и слѣдовательно совсѣмъ не имѣлъ ни свободнаго времени, ни лишнихъ денегъ, и разъ, несмотря на все это, онъ все же звалъ, то для меня это служило доказательствомъ того, что на самомъ дѣлѣ было какое то очень важное дѣло, а потому, не мѣшкая, съ ближайшимъ же поѣздомъ я отправился въ Женеву.

Въ Женевѣ на квартирѣ Драгоманова я былъ представленъ какому то господину, съ своей стороны рекомендовавшемуся мнѣ подпольской фамиліей, которую съ точностью не могу теперь припомнить ¹⁾. Такъ какъ, по его словамъ, у него въ Петербургѣ имѣлось гдѣ то гидро-терапевтическое заведеніе, то я буду называть его просто «Докторомъ», хотя былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ докторъ или нѣтъ, я этого утверждать не могу. То былъ человекъ на видъ лѣтъ около сорока, полный, бѣлобрысый, въ золотыхъ очкахъ. Съ первыхъ же словъ онъ заявилъ, что состоитъ членомъ организаціи «Добровольной Охраны», во главѣ которой стоитъ Шуваловъ (при этомъ, помню, онъ подчеркнул имя *Петра* Шувалова въ отличіе отъ какого то другого Шувалова) и что пріѣхалъ онъ изъ Петербурга за границу съ тою цѣлью, чтобы отыскать пути къ «Исполнительному Комитету» для вступленія съ нимъ въ соглашеніе. На вопросъ,— что за организація «Добровольная Охрана» и каковы ея цѣли,— Докторъ разсказалъ, что въ правительственныхъ, придворныхъ кругахъ существуетъ два теченія—враждебныя, борющіяся между собою,—реакціонное и либеральное, и что либеральное теченіе, поставившее своей цѣлью проведеніе конституціонной реформы въ Россіи, именно и создало организацію «Добровольной Охраны»; а самое названіе «Охраны» организація присвоила потому, что ближайшей задачей своей ставитъ охрану Царя отъ убійства, которымъ угрожаютъ ему революціонеры. При

¹⁾ Я почти увѣренъ теперь, что фамилія его была *Понискій*, но я долженъ объяснить, что эта увѣренность сложилась у меня окончательно послѣ того, какъ я встрѣтилъ эту фамилію въ журналѣ „Высое“.

этомъ Докторъ напиралъ на то обстоятельство, что не должно смѣшивать «Добровольной Охраны» съ обыкновенной полицейской охраной, окружающѣй Царя, такъ какъ если полиція свои усилія направляетъ на то, чтобы переловить такъ называемыхъ злоумышленниковъ, то «охранцы» никоимъ образомъ не ставятъ себѣ подобной задачи. «Въ опасные моменты говорилъ Докторъ—охранцы просто на просто окружаютъ Царя, не подпускаютъ къ нему никого посторонняго и защищаютъ его такъ сказать собою, своими собственными тѣлами. И если замѣтятъ злоумышленника, то не будутъ предавать его полицейскимъ властямъ, а возмутъ за руку и отведутъ въ сторону». Здѣсь я долженъ оговориться, что въ безусловной подлинности приводимыхъ мною словъ и выраженій—конечно я не могу ручаться. Но въ какомъ видѣ воскресаетъ теперь въ моей памяти все происшедшее—въ такомъ именно видѣ я и передаю.

Такъ какъ члены «Исполнительнаго Комитета» внутри Россіи держались конспиративно и не было никакой возможности вступить съ ними въ прямыя сношенія, то поэтому «охранцы» намѣтили трехъ лицъ за границей, какъ посредниковъ для предполагаемыхъ переговоровъ, и съ этими тремя лицами Докторъ и долженъ былъ видѣться и начать переговоры. Эти три лица были: Михаилъ Петровичъ Драгомановъ, Петръ Лавричъ Лавровъ и я. Почему выборъ палъ на Драгоманова и Лаврова само собою понятно: то были самые видные представители нашей заграничной прессы, и слѣдовательно «охранцы» имѣли основаніе считать ихъ вліятельными среди революціонеровъ; но почему намѣченъ былъ я—нахожу нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя разъясненія. Въ то время почти всѣ наши эмигранты, проживавшіе въ г.г. Женевѣ и Парижѣ, были лица, покинувшія Россію значительно раньше народовольческаго періода; я же бѣжалъ за границу уже послѣ цареубійства; это обстоятельство повидимому давало основаніе «Охранцамъ» предполагать, что у меня имѣлись прямыя связи съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», а это имъ и нужно было.

Правда, мѣсяца четыре передъ тѣмъ въ Парижъ пріѣхала Марина Никаноровна¹⁾, только что эмигрировавшая изъ Россіи, но свой пріѣздъ она до того законспирировала, что о ней знали только самые близкіе люди. Тихомирова же въ ту минуту, кажется, еще совсѣмъ не было за границей, по крайней мѣрѣ, на сколько мнѣ извѣстно появился онъ только осенью 1882 года, а то, о чѣмъ я разсказываю, происходило лѣтомъ.

Но «охранцы» ошибались относительно меня: прямыхъ сношеній съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» у меня не было. Поэтому вмѣсто себя я предложилъ ввести въ переговоры Марину Никаноровну, а для этого нужно было мнѣ обратнo ѣхать въ Парижъ. Переговоривши обо всѣмъ съ Драгомановымъ, мы такъ и рѣшили сдѣлать; въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ Докторъ и я отправились въ Парижъ.

Я долженъ сказать, что въ то время я переживалъ очень тя-

¹⁾ Подъ именемъ Марины Никаноровны Половской въ Парижѣ жила извѣстная дѣятельница партіи Народной Воли Марія Николаевна Оловеникова-Ошанина-Баранчикова. Ped.

желое настроеніе: разбитый въ своихъ революціонныхъ вѣрованіяхъ, въ замѣну ихъ я еще не успѣлъ выработать никакихъ твердыхъ, опредѣленныхъ взглядовъ. Правда, мнѣ удалось уже отрѣшиться отъ прежней исключительности и на добро, какъ бы мало оно ни было, я сталъ смотрѣть какъ на добро, а не какъ на зло; я уже отдѣлался отъ той теоріи, согласно которой реформы выходили вредны, а не полезны, такъ какъ онѣ притупляли у народа чувство ненависти къ своимъ угнетателямъ, тогда какъ нужно было стремиться къ обостренію этихъ чувствъ; я уже сознавалъ, что уступки со стороны правительства, хотя бы даже незначительныя, все же были плюсомъ для дальнѣйшаго прогресса, и потому я сочувствовалъ предложенію Доктора, мнѣ очень хотѣлось, чтобы люди какъ нибудь согласились, договорились до чего нибудь, чтобы хоть капельку чего то лучшаго возможно было добиться. Съ такимъ чувствомъ я ѣхалъ въ Парижъ.

Въ Парижъ нашъ поѣздъ прибылъ раннимъ утромъ. Докторъ остановился въ отелѣ; я же, чтобы не застать Петра Лаврича еще въ кровати, сначала побродилъ немного по улицамъ и бульварамъ, и потомъ зашелъ къ нему. Сообщивши въ общихъ чертахъ о дѣлѣ, я предложилъ ему пойти вмѣстѣ къ Маринѣ Никаноровнѣ, чтобы условиться, гдѣ и въ которомъ часу должна была произойти встрѣча съ Докторомъ. У Марины Никаноровны опять рассказалъ сущность дѣла и затѣмъ, договорившись собраться спустя часъ времени на квартирѣ Петра Лаврича, куда я долженъ былъ привести Доктора, я отправился въ отель за Докторомъ.

Но вотъ мы и собрались уже у Петра Лаврича на его безсмѣнной квартирѣ въ улицѣ St Jacques. Петръ Лавричъ помѣстился въ креслѣ за своимъ длиннымъ рабочимъ столомъ; Марина Никаноровна стояла сзади его; Докторъ съ низко остриженной, бѣлобрысой головой сѣлъ на стулѣ и, поворотившись лицомъ къ Петру Лавричу и блестя золотыми очками, принялся излагать все по порядку. Онъ началъ съ заявленія о томъ, что онъ членъ организаціи, называющейся «Добровольная Охрана», разъяснилъ какого рода была эта организація, каковы были ея цѣли, составъ (не помню, чтобы упоминалъ и въ этотъ разъ кого либо еще кромѣ Шувалова) и пр. Однимъ словомъ повторилъ то, что я уже передалъ выше. Но теперь изъ его словъ для меня яснѣе очертился характеръ борьбы, ведшейся партіями при дворѣ царя. Обѣ партіи, преслѣдуя различныя цѣли, одна—реакціонная, другая—либеральная, для достиженія этихъ своихъ цѣлей шли однимъ и тѣмъ же путемъ, держались одного и того же средства, именно стать къ царю ближе своихъ противниковъ. Такъ что все дѣло сводилось къ тому, которой изъ двухъ партій удастся заручиться большимъ довѣріемъ у царя Александра III. «Подъ страхомъ угрозы «Исполнительнаго Комитета», говорилъ далѣе Докторъ—Царь легко можетъ склониться въ сторону реакціонеровъ. Чтобы уменьшить ихъ шансы на успѣхъ, «Охранцы» рѣшили войти въ переговоры съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», убѣдить «Исполнительный Комитетъ» такъ сказать кассировать свой смертный приговоръ надъ царемъ Александромъ III.» «Охранцы» надѣялись, что когда Александръ III не будетъ ощущать занесенной надъ собою руки револю-

ціонеровъ, то имъ возможно будетъ удержать свое вліяніе при дворѣ и провести извѣстныя политическія реформы. При этомъ Докторъ высказалъ увѣренность, что конституцію желаютъ всѣ въ Россіи и вѣроятно точно также и социалисты. Но Петръ Лавричъ на это сталъ возражать. «Безъ всякаго сомнѣнія социалисты ставятъ въ свою программу завоеваніе свободы, говорилъ онъ, но свобода, къ которой стремятся социалисты-революціонеры, ничего общаго не имѣетъ съ конституціей, которая нужна буржуазіи, такъ какъ истинная свобода не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена экономическая эксплуатація». Потомъ Петръ Лавричъ сталъ укорять русскихъ либераловъ за то, что они мало дѣятельны, не энергичны, не предпринимаютъ рѣшительныхъ мѣръ для осуществленія своей программы. Я не буду передавать всего того, что было высказано тогда Лавровымъ; знакомому съ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ извѣстенъ, конечно, установившійся тогда взглядъ на политическую свободу, котораго держался покойный Лавровъ. Но того ли самаго взгляда на политическую свободу держался въ 1882 году и «Исполнительный Комитетъ», не знаю; помню только, что присутствовавшая при этомъ Марина Никаноровна ни однимъ словомъ не обмолвилась.

Такимъ образомъ предложеніе «Добровольной Охраны», какъ это выяснилось для меня на этомъ собраніи, состояло въ томъ, чтобы «Исполнительный Комитетъ» снялъ съ царя свой приговоръ (объявленный въ одной изъ прокламацій, не помню когда и по поводу чего выпущенной «Исполнительнымъ Комитетомъ»), о чемъ и долженъ былъ опубликовать; «охрана» же съ своей стороны надѣялась провести конституціонную реформу въ Россіи.

Но разговаривая съ нами отъ лица «Добровольной Охраны», Докторъ не могъ, конечно, не понимать того обстоятельства, что для насъ, непосвященныхъ въ придворныя тайны, эта представляемая имъ «охрана» могла казаться просто таки мифомъ, вымысломъ; правда, чтобы сколько нибудь легализировать такъ сказать ее въ нашихъ глазахъ, онъ упоминалъ о томъ, что въ ней принимаетъ участіе Шуваловъ, но сущность дѣла отъ упоминанія одного имени мало измѣнялась; не знаю, замѣтилъ ли Докторъ у кого либо изъ присутствовавшихъ сомнѣніе, или же все это раньше было имъ обдуманно, но вотъ какъ онъ пошелъ на встрѣчу этому щекотливому положенію вещей. «Мое положеніе, господа, выгодное вашего, замѣтилъ онъ; я знаю, кто вы всѣ. Но я для васъ неизвѣстная величина и слѣдовательно ко всему тому, что я здѣсь говорю и предлагаю, вы имѣете основаніе относиться съ недоувѣріемъ. Чтобы вы могли увѣриться въ томъ, что наша организація представляетъ дѣйствительную силу, я предлагаю слѣдующее доказательство: кого хотите изъ эмигрантовъ «Добровольная Охрана» возьмется легализировать и дать возможность возвратиться въ Россію». Исключенію подлежали только двое: П. Кропоткинъ, легализація котораго невозможна была, на сколько припоминаю, по словамъ Доктора, по той причинѣ, что о немъ въ самыхъ высшихъ сферахъ составилось мнѣніе, какъ о весьма опасномъ человѣкѣ, и еще кто то, но я забылъ кто именно.

Вотъ болѣе или менѣе все, что тогда говорилось на этомъ собраніи.

Сколько разъ послѣ того еще собирались и бесѣдовали съ Докторомъ, введенъ ли былъ еще кто нибудь изъ эмигрантовъ въ эти переговоры и до чего въ концѣ концовъ договорились, рассказать не могу, такъ какъ своимъ отъѣздомъ изъ Франціи я совершенно устранилъ себя отъ дальнѣйшаго участія въ переговорахъ. Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Парижа.

Прошло послѣ того четыре года. Мнѣ случилось жить въ Женевѣ. Въ этотъ свой пріѣздъ я близко сошелся и полюбилъ Михаила Петровича Драгоманова. Одно время чуть не всякій день, когда только погода позволяла, онъ съ своимъ пятилѣтнимъ сыномъ, а я съ со-всѣмъ еще маленькой дочкой на рукахъ или въ колясочкѣ выходили на прогулки и гуляли вмѣстѣ по окрестностямъ Женевы. Собесѣдникъ онъ былъ удивительный, благодаря его огромной памяти и обширнымъ знаніямъ; всякій разъ что нибудь новое можно было отъ него услышать; всегда уравновѣшенный, бодрый, онъ вызывалъ такое же бодрящее чувство и у другихъ, съ кѣмъ сталкивался. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ Доктора пріѣзжалъ еще какой то господинъ отъ «Добровольной Охраны» и велъ переговоры съ Тихомировымъ, но что всѣ эти переговоры ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ не привели, такъ какъ въ придворныхъ интригахъ «охранцы» потерпѣли неудачу, попали въ немилость и потеряли вліяніе на дѣла.¹⁾ Реакціонеры взяли верхъ. Далѣе Драгомановъ разсказалъ, что спустя нѣкоторое время ему пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ главарей этого придворнаго теченія, высокопоставленнымъ лицомъ (не помню, чтобы онъ называлъ имя этого человѣка), пріѣзжавшимъ за границу. Изъ бесѣды съ нимъ Драгомановъ узналъ, что освобожденіе Чернышевскаго изъ Сибири было устроено ими уже послѣ того, какъ они потеряли вліяніе при дворѣ; что съ этимъ имъ пришлось обратиться къ кому то изъ великихъ князей, который будто отвѣтилъ, что въ фактѣ освобожденія Чернышевскаго онъ не усматриваетъ ничего политическаго, а лишь простой гуманный поступокъ, и далъ свое согласіе ходатайствовать; послѣ чего и былъ освобожденъ Чернышевскій. Кромѣ того Драгомановъ передавалъ, что тогда же дѣлались попытки вступить въ соглашеніе съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» и другими правительственными лицами, такъ сказать «правымъ» крыломъ его; переговоры эти велись въ тюрьмѣ съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ по такъ называемому процессу семнад-

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ эпизодѣ, разсказанномъ въ «Визомѣ» въ ст. Н. Я. Наволадзе «Освобожденіе Чернышевскаго». *Ред.*

цати. Господа «правые» (реакціонеры) сулили какія то экономическія реформы для народа.¹⁾

Не помню, отъ Драгоманова или отъ кого то другого я слышалъ, будто бы «Исполнительнымъ Комитетомъ» тогда же (1882—1883 г.) была сдѣлана публикація въ желательномъ для «охранцевъ» смыслѣ въ одномъ изъ польскихъ революціонныхъ изданій, въ газетѣ, что ли, печатавшейся кажется въ Варшавѣ.

Но объ этомъ лучше пусть разскажетъ кто нибудь другой, ближе знакомый съ этимъ дѣломъ.

Февраль 1907 года.

Вл. Дебогорій-Монріевичъ.

¹⁾ Какъ известно читателямъ изъ напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Визога» за прошлый годъ статьи А. П. Прибыловой-Корбы «по поводу процесса 17-ти», никакихъ переговоровъ между правительствомъ и подсудимыми по этому процессу не велось, и всѣ слухи о такихъ переговорахъ были ни на чемъ не основаны. *Ред.*

Западные друзья Герцена.

(По неизданным данным).

Въ жизни Герцена есть сторона, еще почти совѣмъ неизвѣстная, это та, которая была обращена на западъ. Герценъ не только прожилъ въ Европѣ двадцать съ лишнимъ лѣтъ: въ отличіе отъ Тургенева, которому Европа служила только гостинницей, онъ много и интенсивно жилъ западной жизнью. Это объясняется, прежде всего, космополитическимъ характеромъ его міровоззрѣнія. Со дней своей возмужалости до смерти Герценъ сознавалъ себя свидѣтелемъ и участникомъ одной всемірной революціи,—не въ томъ наполовину символическомъ смыслѣ, какой обыкновенно придается понятію міровой борьбы за свободу и равенство, а въ самомъ конкретномъ и дѣловомъ. Старый феодально-монархическій міръ, выросшій на почвѣ порабощенія человѣка человѣкомъ, несправедливый и неразумный, готовъ рухнуть; его мѣсто долженъ занять осмысленный укладъ жизни—соціализмъ. Мы наканунѣ этого переворота; въ 1847 году Герценъ, какъ и вся тогдашняя демократія, вѣрилъ, что онъ совершится завтра; но и послѣ великой катастрофы 1848—49 г. онъ считалъ побѣду дѣломъ сравнительно близкаго будущаго. Эта революція, по его мысли не только универсальна по своей сущности, но и фактически всѣ культурные народы, включая, разумѣется, и Россію, связаны съ ней круговой порукой. При такомъ взглядѣ на дѣло Герценъ естественно долженъ былъ принимать близко къ сердцу перипетіи западной борьбы; вотъ почему онъ даетъ деньги на пропаганду Прудона, почему итальянское дѣло ему „близко, какъ родное“, и т. д. и т. д. Такова была идейная сторона его отношеній къ западнымъ людямъ. А рядомъ съ нею дѣйствовалъ личный характеръ Герцена—его огромная и заразительная экспансивность. Онъ не могъ жить безъ живого общенія съ людьми, а благодаря привлекательнымъ свойствамъ его натуры, это общеніе сплошь и рядомъ вело къ дружбѣ, къ теплымъ, сердечнымъ отношеніямъ.

Такихъ дружбъ, основанныхъ частью на идейной близости, частью на симпатіи, у Герцена за границей завязалось множество. Памятникомъ этихъ отношеній являются уцѣлѣвшія письма къ нему иностранцевъ, которыя здѣсь впервые предлагаются вниманію читателей.

Эти письма представляютъ собою первоклассный матеріалъ для біографіи Герцена въ заграничный періодъ его жизни. Принадлежатъ почти исключительно перу радикальныхъ дѣятелей тогдашней Европы,

они въ своей совокупности даютъ такое живое, наглядное представленіе о кругѣ, въ которомъ вращался тамъ Герценъ, о нравахъ, интересахъ и работѣ тогдашней европейской демократіи и особенно ея передовой фаланги—эмиграціи, какого не могутъ дать даже блестящіе литературные очерки самого Герцена. Многое въ немъ самомъ становится понятнымъ только на этомъ фонѣ. Кромѣ того, они содержатъ, разумѣется, богатый фактической матеріалъ, какъ въ смыслѣ характеристики его отношеній къ его западнымъ друзьямъ, такъ и со стороны его личныхъ дѣлъ и настроеній.

Обобщить всѣ эти данныя, ввести ихъ въ общую картину жизни Герцена—дѣло будущаго біографа. Задача предлагаемыхъ страницъ только сдѣлать доступнымъ сырой и доселѣ неизданный матеріалъ.

Прудонъ.

1.

Годы 1848—1850 представляютъ собою кульминаціонный пунктъ жизни и дѣятельности Прудона. Февральская революція застала его совершенно сложившимся, но еще мало популярнымъ писателемъ. Онъ былъ до сихъ поръ только теоретикомъ; въ своихъ главныхъ двухъ сочиненіяхъ: „Что такое собственность“ и „Система экономическихъ противорѣчій“, онъ подвергъ беспощадному анализу основные устои современной соціальной жизни, и людямъ, дорожившимъ свободой мысли, его имя было уже хорошо извѣстно. Ему было почти 40 лѣтъ; періодъ критической мысли для него завершился: его тянуло къ положительной, творческой, по возможности практической дѣятельности. Съ этимъ переходнымъ моментомъ въ его личномъ развитіи и совпала февральская революція, и онъ ринулся въ борьбу со всей энергіей большой нетронутой силы. Несокрушимая убѣжденность, острый аналитическій умъ, темпераментъ борца, первоклассный литературный талантъ—такія данныя не могли не выдвинуть его сразу. Въ серединѣ апрѣля началась журнальная дѣятельность Прудона изданіемъ *Représentant du Peuple*. Пламенно проповѣдуя *соціальную* революцію, онъ въ ея интересахъ ратовалъ противъ *политическаго* доктринерства и революціонной традиціи, а когда обманутые временнымъ правительствомъ рабочіе вызвали ужасную іюньскую рѣзню, онъ съ такой силой обрушился на реакцію, что газета была закрыта. За немногіе мѣсяцы ея существованія онъ сталъ признаннымъ вождемъ пролетаріата. Еще въ мартѣ делегаты рабочихъ, засѣдавшіе въ Люксембургскомъ дворцѣ, вычеркнули его имя изъ списка кандидатовъ въ Національное Собраніе, а 5 іюня, на дополнительныхъ выборахъ, онъ уже былъ выбранъ 78 тысячами голосовъ депутатомъ отъ департамента Сены. Теперь онъ продолжалъ борьбу одновременно въ собраніи и въ газетѣ. Въ концѣ августа былъ закрытъ *Représentant du Peuple*, а въ сентябрѣ начала выходить новая газета Прудона, *Peuple*, тиражъ которой достигалъ 70.000 экземпляровъ; здѣсь, между про-

чимъ, онъ окончательно разработалъ свой завѣтный планъ мѣноваго банка и открылъ подписку на его акціи. Статьи Прудона въ этой газетѣ—непревзойденные образцы боевой публицистики. Съ безпредѣльнымъ напряженіемъ силъ, съ неистощимой страстью, дисциплинированной научнымъ умомъ, онъ безъ усталы велъ борьбу на два фронта—противъ реакціонной буржуазіи и противъ беспочвеннаго радикализма, игравшаго ей въ руку, и ярость обоихъ становъ, казалось, только удваивала его энергію: «Я живу въ огнѣ, какъ саламандра», писалъ онъ въ эти дни. Его предсказанія оправдались вполнѣ; доктринерство и реакція соединенными силами похоронили республику: палата, увлеченная безумной импровизаціей Ламартина, вотировала прямое избраніе президента, и 10 декабря 1848 года страна пятью милліонами голосовъ выбрала Луи Бонапарта, который не замедлилъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ протянуть руку реакціи. Прудонъ уже въ январѣ открылъ противъ него рѣзкую кампанію въ *Peuple*; результатомъ было то, что въ февралѣ Національное Собраніе постановило предать его суду за оскорбленіе президента, и въ мартѣ онъ былъ приговоренъ къ 3-хъ лѣтнему тюремному заключенію и штрафу. Мѣсяца два онъ скрывался, то въ Бельгіи, то въ самомъ Парижѣ, но наконецъ въ первыхъ числахъ іюня былъ взятъ. *Peuple* все время выходилъ неукоснительно, и почти ежедневно въ немъ появлялись статьи Прудона, пока въ день неудачной демонстраціи 13 іюня отрядъ національныхъ гвардейцевъ, ворвавшись въ редакцію *Peuple*, не разбилъ типографскіе станки и разбросалъ шрифтъ. Въ этотъ же день газета была пріостановлена формально. Прудонъ и не думалъ складывать оружіе. Для возобновленія газеты нужно было внести залогъ въ 24.000 франковъ; Прудонъ изъ тюрьмы лично и черезъ друзей обращался къ разнымъ лицамъ, и вотъ, по предложенію общаго пріятеля, Сазонова, эту сумму согласился дать Герценъ. Такъ нашъ изгнанникъ сталъ соиздателемъ третьей Прудоновской газеты *La Voix du Peuple*.

До этого Герценъ только два встрѣтилъ Прудона у Бакунина и вовсе не былъ съ нимъ близокъ. Но онъ давно зналъ и цѣнилъ его, какъ писателя, а въ данный моментъ, при тѣхъ взглядахъ, какіе сложились у Герцена подъ влияніемъ европейскихъ событій 1848-49 г.г., въ Европѣ, можетъ быть, не было человѣка, чья политическая дѣятельность вызвала бы въ Герценѣ большую симпатію, нежели дѣятельность Прудона.

Ихъ сближала, разумѣется, не общность положительныхъ стремленій. На что могъ надѣяться Герценъ въ ближайшемъ будущемъ, видя повсемѣстное торжество реакціи въ Европѣ и мертвый штиль, царившій въ Россіи? Онъ стоялъ, какъ Моисей, передъ разбитыми скрижалями, еще потрясенный крушеніемъ великихъ надеждъ, и маленькая идея дароваго кредита, которую съ такимъ воодушевленіемъ проповѣдовалъ Прудонъ, какъ панацею, имѣющую спасти міръ, должна была казаться Герцену не болѣе, какъ дѣтской игрушкой. Ихъ сближала общая религія свободы и, въ особенности, одинаковое пониманіе того, что такое свобода.

Изъ горькихъ испытаній революціоннаго года Герценъ вынесъ эту свою вѣру не только нетронутой, но еще очищенной и просвѣт-

ленной. Если до сихъ поръ онъ обожалъ свободу въ ея традиціонныхъ формахъ—партіянаго радикализма, республики, революціи,—то теперь онъ на дѣлѣ узналъ, какъ легко духъ свободы покидаетъ эти формы, уступая мѣсто пристрастію, корысти и произволу. Онъ понималъ, что истиннымъ врагомъ свободы является не что-либо конкретное, не старый политико-экономическій укладъ, основанный на насиліи, а самый этотъ духъ нетерпимости и насилія, еще болѣе опасный въ *своихъ*, нежели въ противномъ станѣ. Все его «Съ того берега» (1848—49 г.)—вдохновенный гимнъ истинной свободѣ въ разумѣ и совѣсти, звучащей бодрой вѣрою изъ самой глубины отчаянія.

Совершенно такое же пониманіе свободы выработалъ себѣ Прудонъ еще задолго до революціи. Когда въ 1846 г. Марксъ пригласилъ его къ сотрудничеству въ *Deutsch-französische Jahrbücher*, Прудонъ въ отвѣтномъ письмѣ писалъ ему, между прочимъ,—и съ какой радостью Герценъ подписался бы подъ этими строками!—«Покажемъ міру примѣръ мудрой и осмотрительной терпимости, но остережемся—(потому что мы стоимъ во главѣ движенія)—сдѣлаться вождями новой нетерпимости; не будетъ выдавать себя за апостоловъ новой религіи, хотя бы то была религія логики или разума»; и дальше: «Я полагаю, что мы не должны объявлять революціонное дѣйствіе средствомъ къ реформѣ, потому что это средство—ничто иное, какъ призывъ къ насилію и произволу, словомъ—противорѣчіе.»

Этими принципами было опредѣлено все направленіе журнальной дѣятельности Прудона въ 1848—49 г.г. Мы видѣли, что онъ направлялъ свои удары столько же противъ политическаго радикализма, сколько противъ реакціи, и обоихъ возстановилъ противъ себя одинаково. Онъ съ самаго начала указывалъ на опасность революціонныхъ средствъ и пріемовъ. «Февральская революція—говорилъ онъ,—разыгралась подъ звуки марсельезы и старыхъ республиканскихъ гимновъ. Снова воспоминаніе, снова противорѣчіе!... Марсельеза не просвѣщаетъ, а оглушаетъ гражданъ. Кто поетъ ее, тотъ творитъ реакцію и смуту.» Онъ писалъ, обращаясь къ радикаламъ: «Вы ищете свободы, равенства и братства, вы хотите организовать трудъ! И у васъ нѣтъ другого орудія, какъ насиліе, другого авторитета, какъ диктатура, другого принципа, какъ страхъ, другой теоріи, кромѣ штыка!» Съ самаго начала онъ предостерегалъ Францію противъ увлеченія политикой, доказывалъ народу, что сѣющей насиліе пожинаетъ не свободу, а насиліе же, и предсказывалъ въ результатѣ борьбы партій неизбѣжный деспотизмъ. Когда эти партіи заявляютъ, что социальная революція—цѣль, а политическая—средство, то это все равно, говоритъ онъ, какъ еслибы они сказали: предоставьте намъ власть надъ вашей жизнью и вашимъ имуществомъ, и мы сдѣлаемъ васъ свободными; «то же самое уже шесть тысячъ лѣтъ говорятъ намъ цари и священники». вмѣсто того, чтобы пріучить народъ самому организоваться, вмѣсто того, чтобы апеллировать къ его опытности и уму, отъ него требуютъ только власти и силы; между тѣмъ всякое правительство, даже самое радикальное, по самой своей природѣ враждебно той истинной, свободной, творческой революціи—социальной—которая одна можетъ дать намъ свободу. Когда предсказанія Прудона

оправдались и Франция въ лицѣ Луи Бонапарта приобрѣла новаго господина, Прудону оставалось только указать, что узурпація 2 декабря — логически-точное слѣдствіе направленія, которое приняла общественная жизнь страны за послѣднее время: всѣ партіи составляли разговоры, готовились къ переворотамъ, мечтали о диктатурѣ — и успѣхъ, какъ естественно, достался самому смѣлому или наиболее сообразительному.

Всѣ эти мысли были, какъ разъ въ это время, самыми завѣтными мыслями Герцена. Онъ долженъ былъ съ глубокой отрадой читать пламенные передовыя Прудона въ *Représentant du Peuple* и въ *Peuple* и съ братскимъ участіемъ слѣдить за его дѣятельностью въ собраніи, за его борьбой и гоненіемъ. Подводя итогъ 1849 году, онъ писалъ въ *Omnia mea mecum porto*: «Прошедшій годъ, чтобы достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: *борьбу свободнаго чело-вѣка съ освободителями чело-вѣчества*. Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, беспощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ; они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархій, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не люди для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего... И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привилегированные освободители чело-вѣчества! Они боятся свободы; имъ надобенъ господинъ для того, чтобы не избаловаться, имъ нужна власть, потому что они не довѣряютъ себѣ».

Вотъ на чемъ основывалась солидарность Герцена съ Прудономъ: на общей ненависти — равно къ поработителямъ и къ освободителямъ чело-вѣчества, на общемъ культѣ истинной, неподдѣльной свободы. Это и было главной причиной, побудившей Герцена бросить деньги на вѣрную потерю, чтобы дать возможность Прудону продлить борьбу еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

2.

По разсказу Герцена въ «Быломъ и Думахъ» и по сохранившимся подлиннымъ бумагамъ мы можемъ возстановить исторію его переговоровъ съ Прудономъ. Они начались, повидимому, чрезъ общаго друга, Шарля Эдмонда (Хоецкаго). Надо думать, что Ш. Эдмондъ, посоветовавшись съ пріятелемъ Герцена, Сазоновымъ, находившимся въ Парижѣ, написалъ соотвѣтственное письмо Герцену въ Женеву, — и къ этому письму Прудонъ сдѣлалъ слѣдующую приписку (она сохранилась въ альбомѣ Герцена съ помѣткою: 1849 г.): «P. S. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Шарля Эдмонда о необходимости безотлагательно приступить къ изданію новой демократической газеты. Законы

о печати не должны насъ останавливать; задача не въ томъ, чтобы возбудить народъ пафосомъ, а въ томъ, чтобы уяснить самой буржуазіи ея истинные интересы. Главное, надо не дать демократіи власть въ отчаяніе, что неизбѣжно случится, если не объяснять ей изо дня въ день положеніе вещей и смыслъ событий.»

Эта конкретная, мѣстная цѣль для Герцена отступала далеко назадъ передъ общими интересами свободы, и въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ онъ озаботился ясно подчеркнуть это. Онъ выражалъ согласіе внести требуемую сумму подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставлено было право помѣщать свои и чужія статьи и завѣдывать всѣмъ иностраннымъ отдѣломъ, и при этомъ указывалъ, что *онъ* считаетъ основной задачей газеты: подобно Прудону, онъ съ радостью видитъ, какъ разваливается старый міръ, — и онъ думаетъ, что ихъ призваніе — возвѣщать этому міру его близкую кончину. «Ваши соотечественники, — продолжалъ онъ, — далеки отъ того, чтобы раздѣлять эти идеи. Я знаю одного свободнаго француза, — это васъ. Ваши революціонеры — консерваторы. Они христіане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ негачіи и переворота на высоту науки, и вы первый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спастись изъ него нечего, что самыя его донятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ Барро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборъ послѣднихъ европейскихъ событий, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ — это чрезвычайно легко, — но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надобно обличить круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сантиментальности затрогивать и побѣжденных.»

Прудонъ, какъ и надо было ожидать, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на такую постановку вопроса. «Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ такъ называемыхъ республиканцевъ; разумѣется, это одинъ видъ общей породы доктринеровъ. Что касается этихъ вопросовъ, намъ не въ чемъ убѣждать другъ друга. Во мнѣ и въ моихъ сотрудникахъ вы найдете людей, которые пойдутъ съ вами рука въ руку».

Среди бумагъ А. И. Герцена сохранился подлинникъ его договора съ Прудономъ; этотъ любопытный документъ заслуживаетъ быть приведеннымъ полностью.

«Нижеподписавшіеся Александръ Герценъ, домовладѣлецъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ (пропускъ)¹⁾, и П.-Ж. Прудонъ, журналистъ и бывший депутатъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ Мазась 70,

¹⁾ Герценъ скрывалъ фактъ покупки дома въ Парижѣ или, по крайней мѣрѣ, мѣстонахожденіе этого дома. См. М. К. Лемке, «А. И. Герценъ въ Европѣ», *Миръ Божій*, 1906 г., окт., стр. 54.

а нынѣ находящійся подъ заключеніемъ въ Консьержри, условились о слѣдующемъ.

«Нижеподписавшіеся имѣютъ намѣреніе сообща основать въ Парижѣ ежедневную газету подъ названіемъ «*La Voix du Peuple*». Для осуществленія этого плана они заключили между собою слѣдующее соглашеніе.

«Ст. 1-ая. Г. Герценъ обязывается въ возможно кратчайшій срокъ внести въ казну 24000 фр., требуемые закономъ, какъ залогъ за названную газету.

«Ст. 2-ая. Во все время, пока означенная сумма будетъ оставаться, какъ залогъ въ государственномъ казначействѣ, администрація газеты уплачиваетъ г. Герцену дополнительный процентъ за нее въ размѣрѣ 5 годовыхъ.

«Ст. 3-ья. Г. Герценъ обязывается, сверхъ того, не требовать ея возвращенія ранѣе пяти лѣтъ, считая съ нынѣшняго числа. Однако г. Прудонъ вправѣ вернуть ее и раньше этого срока, заявивъ о томъ за три мѣсяца впередъ, и начисленіе процентовъ прекращается въ день уплаты капитальной суммы.

«Ст. 4-ая. Такъ какъ законъ о залогахъ требуетъ, чтобы поручитель являлся собственникомъ четвертой части залоговой суммы, то г. Герцену будетъ выдано формальное удостовѣреніе о принадлежности ему трехъ четвертей залога, внесеннаго въ казну, и въ удостовѣреніи будетъ указано, что его право подлежитъ удовлетворенію преимущественно передъ всякимъ другимъ.

«Ст. 5-ая. Общее завѣдываніе редакціей газеты «*La Voix du Peuple*» предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 6-ая. Что касается редакціонной части, то г. Герценъ оставляетъ за собою право во всякое время доставлять статьи по общей политикѣ; эти статьи должны быть помѣщаемы въ газетѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ неудобство будетъ очевиднымъ, или когда ихъ напечатаніе можетъ повлечь за собою судебную кару. Въ этомъ отношеніи обѣ стороны имѣютъ руководствоваться ст. 5 ой.

«Ст. 7-ая. Г. Прудонъ обязывается посвящать все свое вниманіе названной газетѣ и дѣлать все зависящее отъ него для ея успѣха.

«Ст. 8-ая. Такъ какъ предпріятіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является по своей природѣ дѣломъ коммерческимъ, то оно можетъ потребовать соглашеній съ третьими лицами, имѣющихъ выразиться въ формальныхъ договорахъ. Опредѣленіе условий такихъ договоровъ предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 9-ая. Во всякомъ случаѣ онъ теперь же принимаетъ на себя обязательство тратить доходы предпріятія единственно на распространеніе тѣхъ идей, органомъ которыхъ будетъ газета, или—если на то представится возможность и удобство—на основаніе банка, предназначеннаго организовать и развивать даровой кредитъ.

«Ст. 10 ая. Такъ какъ г. Герценъ намѣренъ участвовать въ данномъ дѣлѣ лишь на правахъ финансирующаго предпріятіе, то ему въ возможно кратчайшій срокъ будутъ даны гарантіи, установленныя ст. 4-ой.

«Писано и подписано въ двухъ экземплярахъ въ Парижѣ г. Прудонъ 14 августа 1849 года.» Подпись: П.-Ж. Прудонъ.

3.

Пробный номеръ «*Voix du Peuple*» вышелъ 20 сентября 1849 г., а съ 1 октября газета начала выходить ежедневно. Она прекратилась вслѣдствіе цензурныхъ репрессій 14 мая 1850 г. на 223-мъ номерѣ. Все время ею руководилъ изъ тюрьмы Прудонъ.

Задачей «*Voix du Peuple*» онъ ставилъ—содѣйствовать примиренію классовъ. Онъ хотѣлъ уяснить народу, что реакція, монархія, государственные перевороты черпаютъ силы исключительно въ антагонизмѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, что въ разжиганіи этого антагонизма—вся тактика контръ-революціи. Это «примиреніе классовъ» являлось для Прудона, конечно, не самоцѣлью, а лишь необходимой предпосылкой истинной, социальной революціи. Въ концѣ октября онъ писалъ одному другу: «*Voix du Peuple*» идетъ тихо. Мнѣ нужно провести такія большія идеи, что приходится быть до-нельзя осторожнымъ. Одни говорятъ, что я мѣняюсь, другіе—что я продаюсь, третьи—что я трушу, четвертые—что тюрьма убиваетъ меня... Истина въ томъ, что, такъ какъ цѣль у меня высокая и далекая, и такъ какъ я не хочу промахнуться, то я долженъ быть такъ же плосокъ и благодушень, какъ *Siecle*.»¹⁾

Газета шла отлично—отъ 35—60 тысячъ номеровъ въ день, но штрафы истощали кассу и постепенно съѣдали залогъ, а по мѣрѣ того, какъ «*Voix du Peuple*» становилась все неудобнѣе для правительства, оно тѣснило и самого Прудона: перевело его изъ одной парижской тюрьмы, гдѣ онъ содержался очень льготно, въ другую, худшую, а потомъ и вовсе увезло изъ Парижа—въ Дулланскую тюрьму. Кромѣ передовыхъ по вопросамъ дня, Прудонъ напечаталъ въ «*Voix du Peuple*» двѣ знаменитыя серіи политическихъ статей—противъ Бастіа. «о даровомъ кредитѣ» и противъ Луи Блана, «о пользѣ государства въ настоящемъ и возможности его въ будущемъ». Мѣновой банкъ и анархія—это и были тѣ «увѣсистойя идеи», которыми онъ былъ теперь преданъ безраздѣльно.

Герценъ едвали сколько нибудь серьезно вліялъ на общее веденіе газеты. Первые три мѣсяца (до конца декабря) его даже вовсе не было въ Парижѣ, онъ жилъ въ Женевѣ, потомъ ѣздилъ въ Цюрихъ къ матери, и вообще все время, до апрѣля 1850 г., былъ занятъ хлопотами по своимъ денежнымъ дѣламъ. Къ тому же, въ его семейной жизни было неладно: «штиль между двухъ ударовъ грома, штиль давящій, тяжелый, но не казистый...» говоритъ онъ объ этомъ времени. Онъ рассказываетъ, что по его предложенію, иностранный отдѣлъ «*Voix du Peuple*» былъ порученъ Сазонову, который однако же черезъ мѣсяць передалъ его Хоецкому, не ужившись съ Прудонъ. Этотъ иностранный отдѣлъ носилъ характерное двойное заглавіе:

¹⁾ Correspondance de P. J. Proudhon, v. III p. 38—39.

«Всеобщая политика.—Солидарность народовъ.» Здѣсь, въ трехъ нумерахъ за ноябрь и декабрь 1849 г., была напечатана обширная статья Герцена о Россіи за подписью: «Русскій».

Это было первое публичное обращеніе Герцена къ западнымъ людямъ. Вступая въ компанію съ Прудономъ, онъ имѣлъ въ виду, разумѣется, послужить не только дѣлу свободы вообще, но и особенно дѣлу русской свободы. И вотъ онъ взялся за перо, чтобы завоевать русскому народу подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ народовъ, борющихся за свободу, мало того,—чтобы показать демократической Европѣ, насколько она сама заинтересована въ исходѣ русской борьбы. Позднѣе онъ еще не разъ возвращался къ этимъ вопросамъ,—тѣмъ любопытнѣе эта первая, неувѣренная попытка ихъ рѣшенія, гдѣ еще можно разглядѣть самый процессъ рожденія его идей. ¹⁾

Онъ чрезвычайно искусно облекъ свое разсужденіе въ форму письма къ западному демократу, что даетъ ему возможность сразу стать на одну плоскость съ нимъ и такимъ образомъ сразу завязать узелъ общихъ судебъ Европы и Россіи. Онъ начинаетъ съ того, что оба они—изгой: вы, говоритъ онъ, ушли, если не тѣломъ, то духомъ, изъ вашего стараго монархически-феодальнаго міра, гдѣ почернѣлыя и потрескавшіяся отъ времени стѣны ежеминутно грозятъ паденіемъ и гдѣ вамъ было до-нельзя душно; я же не увнесъ тепло-влажной атмосферы нашего недостроеннаго зданія, насыщенной испареніями извести,—и вотъ, выйдя изъ двухъ противоположныхъ пунктовъ—вы изъ госпиталя, я изъ дѣтскихъ яслей,—мы сошлись въ одной и той же точкѣ, оба чуждые своей родинѣ, оба на чужбинѣ. Но, установивъ общее сходство положеній, Герценъ спѣшитъ указать и на существенное различіе: его положеніе выгоднѣе, ему не пришлось выдерживать такой трудной внутренней борьбы; мы, русскіе, морально свободнѣе европейцевъ, и не только потому, что мы были избавлены отъ тѣхъ тяжкихъ испытаній, чрезъ которыя суждено было пройти западу, но и потому, что у насъ нѣтъ прошлаго, которое властвовало бы надъ нами. Наша исторія бѣдна, и первымъ условіемъ нашего обновленія было—отречься отъ нея совершенно; у насъ осталось отъ нашего прошлаго только національный бытъ, національный характеръ и государственная форма; все остальное—вопросъ будущаго.

Итакъ, позиція русскаго частью даже выгоднѣе позиціи западнаго человѣка; но въ какомъ отношеніи? передъ какимъ дѣломъ они равны, для какого дѣла русскій поставленъ удобнѣе? Рѣчь идетъ, очевидно, о нѣкоемъ общемъ идеальномъ дѣлѣ — о всемірно-историче-

¹⁾ Статья эта въ русской печати неизвестна, не вошла ни въ одно изданіе сочиненій Герцена и не была отдѣльно издана ни имъ самимъ, ни послѣ него. Она носитъ форму письма къ тогдашнему другу Герцена, Гервегу; въ *Voix du Peuple* адресъ помѣченъ только инициалами (А. Г. Н.). Въ 1850 г. Герценъ напечаталъ ее; но нѣмецки въ видѣ приложенія къ *Vom anderen Ufer* (Гамбургъ. Hoffmann und Campe), подъ заглавіемъ „An Georg Herwegh“, съ подписью „Варшавъ“, и съ пометкою—не „Лондонъ“, какъ въ *Voix du Peuple*, а „Монтрѣ“.—Отрывокъ отсюда о сельской общинѣ—Герценъ перепечаталъ потомъ въ приложеніи къ *Du développement des idées revolutionnaires en Russie*.

ской борьбѣ за свободу; и дальше, говоря объ этомъ дѣлѣ, Герценъ уже больше не отдѣляетъ себя отъ своего собесѣдника-европейца, и все время говоритъ объ обоихъ: мы. Мы, это люди будущей свободы, все равно—русскій, или нѣмецъ; не съ точки зрѣнія русскаго, а съ точки зрѣнія демократа, исключительно въ видахъ общей борьбы за свободу, Герценъ и ведетъ свое разсужденіе о Россіи.

Въ немногихъ словахъ онъ набрасываетъ картину положенія дѣлъ въ Европѣ. Чудный весенній сонъ 1848 года быстро разбѣлся; старая Европа, обезсиленная, апатичная, стоитъ на краю обрыва, и Россія готовится столкнуть ее въ бездну, какъ злой мальчишка, ведущій къ пропасти слѣпотаго нищаго. Хуже всего то, что и большинство демократовъ умышленно закрываетъ глаза. Человѣкъ вообще не любитъ истины,—а когда она идетъ въ разрѣзъ съ его желаніями, когда она разрушаетъ его любимѣйшія мечты, когда усвоить ее онъ можетъ лишь цѣною своихъ надеждъ и иллюзій, тогда онъ чувствуетъ къ ней ненависть, какъ будто она виновата. Реакція торжествуетъ по всей линіи, а демократы считаютъ ее чѣмъ-то случайнымъ и скоропреходящимъ. Лишь немногіе изъ нихъ понимаютъ, что реакція сильна, потому что революція оказалась слаба: политическіе демократы испугались социалистическихъ демократовъ, и революція сломилась, обрушившись на самое себя.

Что же дальше? Примиреніе невозможно, всѣ мосты между прошлымъ и будущимъ разрушены. Или старая Европа падетъ подъ ударами социализма, какъ палъ Римъ подъ натискомъ христіанства, или же она побѣдитъ его и уцѣлѣетъ со своей рутинной вмѣсто идей и дряхлостью вмѣсто энергіи, и, какъ новая Византія, будетъ влачить черезъ вѣка апатичное существованіе, предоставивъ развитіе, будущность, жизнь другимъ народамъ и странамъ. Можетъ быть, впрочемъ, не случится ни то, ни другое, а воцарится надолго хаосъ непрерывной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, ожесточенная и пустая смута, которая приведетъ къ деспотизму и взаимному истребленію. Точно предвидя ужасы подавленія коммуны, Герценъ пророчитъ время слезъ и страданій, стонów и зубоваго скрежета. Уже июньскіе дни показали, какъ велика накопленная злоба. Третье сословіе, потратившее въ теченіе вѣковъ столько труда и усилій, чтобы добыть хоть немного свободы, готово опять пожертвовать всѣмъ. Оно видитъ, что на почвѣ законности, на которой стояли еще Полиньякъ и Гизо, ему не удержаться,—и оно сознательно отступаетъ къ временамъ Варволомеевой ночи, Тридцатилѣтней войны и Нантскаго эдикта, за которыми виднѣются варварство, разрушеніе, новыя скопленія народовъ и слабые зачатки новаго міра. Историческое зерно зрѣетъ медленно; понадобилось пять вѣковъ тьмы, чтобы сколько-нибудь организовать христіанскій міръ, а передъ тѣмъ пять же вѣковъ длилась агонія римскаго міра.

Трудное, печальное время! Все рушится, все кипитъ въ безплодномъ волненіи, самыя мрачныя предчувствія оправдываются съ ужасающей быстротой. Вспоминая свой третій діалогъ, „*Consolatio*“, писанный шесть мѣсяцевъ назадъ, гдѣ ставился вопросъ, есть ли еще что дѣлать, Герценъ замѣчаетъ, что теперь этотъ вопросъ уже не имѣть

смысла: теперь люди уже начинают спрашивать себя, можно ли жить. Франция сдѣлалась западной Австріей и все глубже погружается въ грязь и безчестіе. Прусская сабля останавливаетъ послѣднія движенія нѣмецкой революціи, Венгрія истекаетъ кровью подъ топоромъ вѣнчаннаго палача, Швейцарія грозитъ войною со всѣхъ сторонъ, Римъ гибнетъ геройски, наложивъ печать вѣчнаго позора на чело Франціи, бывшей до сихъ поръ либимицей народовъ. Для свободо-мыслящаго, который не хочетъ преклониться передъ силою, нѣтъ во всей Европѣ другого убѣжища, какъ только палуба корабля, готоваго отплыть въ Америку.

Говорятъ, что гибель Франціи грозитъ опасностью всему чело-вѣчеству; и это было бы вѣрно, еслибы подъ челоуѣчествомъ надо было разумѣть только германо-романскую Европу. Такъ ли это? Дѣйствительно ли все, что лежитъ за предѣлами нашего міра,—лишнее и ненужное? Катонъ пронзилъ себѣ грудь мечемъ, потому что Римъ погибалъ и потому что онъ не видѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ Рима; но правъ оказался не онъ, а Тацитъ, кинувшій взоръ за предѣлы римскаго міра и не убоившійся признать, что будущее принадлежитъ варварамъ—германцамъ. Судьбы челоуѣчества не ограничены Западной Европой. Если она не сумѣетъ обновиться путемъ социальнаго преобразования,—преобразуются другія страны, и есть уже одна, которая готова къ этому, и другая, которая готовится: первую—Соединенные Штаты—Европа знаетъ, второй—Россіи—не знаетъ вовсе. Между тѣмъ Россія идетъ на Европу, вѣрнѣе уже пришла, уже вѣзлась въ нее, ведомая Габсбургами и Гогенцоллернами. Но Цезарь лучше зналъ галловъ, нежели Европа—русскихъ.

И точно: пока западная Европа вѣрила въ себя, пока будущее представлялось ей, какъ линія ея собственнаго развитія, она не могла заниматься Восточной Европой. Но теперь обстоятельства измѣнились: это надменное пренебреженіе уже не къ лицу теперешней Европѣ; оно смѣшно какъ высокомеріе кастильскаго гидальго, на которомъ сапоги безъ подошвъ и рваный плащъ. Европѣ стало нечѣмъ гордиться передъ Россіей. Упрекайте русскихъ, сколько хотите, въ томъ, что они рабы; они въ свою очередь спросятъ васъ: а вы—свободны? Они могутъ даже прибавить, что Европа никогда не освободится иначе, какъ путемъ освобожденія Россіи; и вотъ почему ей полезно нѣсколько ближе познакомиться съ Россіей.

Герценъ рассказываетъ дальше, какъ впечатлѣніе поразительной фигуры Петра возбудило въ европейцахъ интересъ къ Россіи, какъ этотъ интересъ поддержала Екатерина II и побѣдитель Наполеона—Александръ, какъ потомъ его же союзъ съ европейской реакціей впервые пробудилъ въ европейцахъ враждебное чувство къ Россіи, и какъ, наконецъ, жестокое усмиреніе Польши поселило въ ихъ сердцахъ глубокую ненависть къ ней. Онъ характеризуетъ европейскую литературу о Россіи и подробно останавливается на книгахъ Кюстина и Гакстаузена. Первый видѣлъ тронъ, второй общину, но оба не замѣтили, что въ русской жизни есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ община, и болѣе сильное, нежели царская власть, что трудно выразить словами, еще труднѣе указать пальцемъ. Это—та глубоко-скры-

тая и не сознающая себя сила, которая такъ чудно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, которая, наперекоръ унижительной дисциплинѣ крѣпостнаго права, сохранила крестьянину его открытое, прекрасное лицо и живой умъ, которая на царскій приказъ образоваться отвѣтила вѣкъ спустя колоссальнымъ явленіемъ Пушкина и которая среди всѣхъ историческихъ превратностей поддерживаетъ въ русскомъ народѣ непоколебимую вѣру въ себя.

Оправдываетъ ли эта вѣра? Герценъ думаетъ, что да. Залогъ великой будущности русскаго народа онъ видитъ въ общинѣ. Онъ даетъ подробный очеркъ общиннаго строя, подчеркивая элементы социализма въ немъ, и приходитъ къ выводу, что полудикій укладъ русской жизни болѣе соотвѣтствуетъ идеалу, взлелѣянному Европой, нежели культурный бытъ романо-германскаго міра: что для Запада—лишь надежда, къ которой направлены его усилія, то—дѣйствительность нашихъ первыхъ шаговъ на міровой сценѣ; угнетенные абсолютизмомъ императорской власти, мы тѣмъ не менѣе идемъ навстрѣчу социализму, какъ древніе германцы, поклонники Тора и Одина, шли навстрѣчу христіанству.

Но община, говоритъ Герценъ, отучая отъ личной инициативы и замыкая кругъ интересовъ, убавкивала русскій народъ, и сонъ его становился все глубже, пока наконецъ Петръ грубымъ толчкомъ разбудилъ часть націи. Онъ вызвалъ искусственно нѣчто вродѣ борьбы и антагонизма, и именно въ этомъ провиденціальномъ смыслѣ петербургскаго періода русской исторіи. Петръ сдѣлалъ большую ошибку: онъ не понялъ, что тѣ элементы европейской цивилизаціи, которые вызвали его удивленіе, не только не обусловлены существовавшими тогда въ Европѣ политическими формами, но, напротивъ, стоятъ въ прямой оппозиціи къ этимъ формамъ, и что послѣднія сами обречены смерти; онъ ждалъ только своего Петра I—великой революціи,—чтобы исчезнуть. Ослѣпленный Западомъ, Петръ принялся его копировать, ненавидя все старо-русское, какъ дурное, такъ и хорошее, онъ подражалъ всему европейскому, хорошему, какъ и дурному. Добрая половина чужеземныхъ формъ, перенесенныхъ имъ въ Россію, была совершенно чужда духу русскаго народа. Онъ хотѣлъ сломить, разсѣять всеобщій застой и апатію, которые видѣлъ вокругъ себя,—и, рѣшивъ обновить кровь, текущую въ русскихъ жилахъ, взялъ для этого старую испорченную кровь, прививъ тѣмъ нашему молодому организму дряхлость Европы.

Реформа Петра разслоила Россію на три группы: правительство, интеллигенцію и народъ. Народъ остался тѣмъ же; благодаря своему пассивному сопротивленію и силѣ характера онъ уцѣлѣлъ морально и сохранилъ свой общинный строй—залогъ будущаго. Дворъ и правящіе классы остались вѣрны формальному наслѣдію Петра, той внѣшней государственной цивилизаціи, которая, въ видѣ заимствованнаго съ Запада канцеляризма, сочеталась съ московскимъ деспотизмомъ въ петербургское императорство. Духу Петровской реформы осталась вѣрна интеллигенція. Въ ней—зерно и умственный центръ будущей русской революціи. Ея положеніе въ высшей степени тра-

гично: она чужда народу, потому что ея отцы и дѣды примкнули къ цивилизирующему правительству, и чужда правительству, потому что она дѣйствительно цивилизовалась. 14 декабря она вызвала официальную Россію на бой. Декабрьскимъ возстаніемъ закончился первый этапъ петербургскаго періода. Вопросъ былъ рѣшенъ: своей активной ненавистью къ деспотизму образованный классъ доказалъ, что онъ догналъ своихъ западныхъ братьевъ, что онъ одушевленъ тѣми же чувствами и мыслями, какъ Ріего, Конфалоньери и карбонари.

И вотъ правящая Россія стоитъ между двухъ буферовъ—между Россіей общинной и Россіей мыслящей, ненавидимая обѣими и гнетя обѣ. Первая пассивна, вторая активна, и противъ нея-то, обезумѣвъ отъ ярости, свирѣпствуетъ правительство. Но воздвигая гоненіе на культуру, оно подрубаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ оно сидитъ. Оно забыло, что оно родилось въ Петербургѣ, что оно правительство цивилизованной Россіи, что оно связано обязательствами, которыя оно приняло на себя передъ европейской цивилизаціей. Уничтожая культуру, оно роетъ себѣ могилу, но и позволяя ей расти, оно готовило бы себѣ гибель. Возможно, впрочемъ, что подъ давленіемъ невыносимаго гнета Россія распадется на части; возможно и то, что она просто ринется впередъ безъ оглядки и нетерпѣливымъ движеніемъ сброситъ съ себя своего неловкаго всадника.

Герценъ спрашиваетъ себя въ заключеніе, какова же всемірно-историческая идея русскаго народа? Въ этомъ первомъ своемъ обращеніи къ западнымъ людямъ онъ еще не рѣшается открыто выразить свою гордую патриотическую мысль. Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на общія преимущества Россіи: она выступаетъ на міровую арену въ блескѣ молодости и свѣжихъ силъ, когда остальные народы, уставъ отъ долгой, бурной жизни, уже жаждутъ покоя. А что до пресловутаго преимущества Европы—до ея свободы, — то что случилось съ нимъ? надо быть слѣпымъ или лицомъромъ, чтобы замѣчать царизмъ только подъ 59° сѣверной широты. Издѣвайтесь сколько хотите надъ смиренной покорностью русскихъ и возмущайтесь русскимъ абсолютизмомъ, но научитесь же различать деспотизмъ подъ всякой личиной, которую онъ одѣваетъ, будь то президентъ республики, временное правительство или національное собраніе. Стыдно въ 1849 году, послѣ утраты всѣхъ надеждъ и всѣхъ приобрѣтеній, передъ трупами павшихъ и разстрѣлянныхъ, при видѣ сосланныхъ и гонимыхъ изъ страны въ страну, цѣпляться, какъ прежде, за либеральный конституціонализмъ, за эту платоническую и бесплодную любовь къ политикѣ. Тотъ оптической обманъ, посредствомъ котораго рабству придавали видъ свободы, разсѣялся, маски упали, и мы теперь доподлинно знаемъ, чего стоитъ республиканская свобода Франціи и конституціонная свобода Германіи, мы видимъ теперь (или, если не видимъ, то это наша вина), что всѣ существующія правительства, отъ самаго скромнаго швейцарскаго кантона до самодержца всея Руси,—лишь вариации одной о той же темы: «надо пожертвовать свободой порядку, личностью обществу, и стало быть, чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ лучше». Если тяжело жить въ Россіи, то и въ Европѣ не легче: она стала похожа на Петербургъ, и инья мѣста въ ней стали хуже Петербурга.

Герценъ еще не рѣшался сказать, что въ русской общинѣ—ключъ къ рѣшенію социальнаго вопроса для всѣхъ народовъ.

4.

Какъ извѣстно, въ «*Voix du peuple*» была напечатана и статья Герцена о Донозо Кортесѣ, составившая потомъ послѣднюю главу «Съ того берега»; она появилась въ номерѣ отъ 15 марта 1850 г. и подписана: I—r, docteur en théologie. Эта статья, написанная, какъ рассказываетъ самъ Герценъ, по предложенію редакціи газеты, держится въ сферѣ общихъ идей: это—отвѣтъ социалиста апологету реакціи, вариация излюбленной Герценомъ темы о сходствѣ социализма съ зарождавшимся христіанствомъ.

La Voix du peuple прекратилась въ маѣ 1851 г., а въ іюнѣ Герценъ былъ высланъ изъ Франціи. Ближайшіе два года онъ прожилъ въ Ниццѣ. Это было самое страшное время его жизни, отсюда уѣхала отъ него Наталія Александровна къ Гервегу, здѣсь разразился надъ ними, по ея возвращеніи, ударъ 16 ноября 1851 г., здѣсь полгода спустя, умерла Н. А.—Прудонъ эти два года провелъ въ тюрьмѣ—частью въ Консьержи, частью въ Сень-Пелажи; срокъ его заключенія кончился только въ іюнѣ 1852 г.

23 марта 1851 года Герценъ писалъ Прудону:

«Давно уже я собираюсь напомнить вамъ о себѣ, но въ моей душѣ такое *vacuum horrendum*, я такъ боленъ и, если не впалъ въ малодушіе, то, по крайней мѣрѣ, жизнь мнѣ такъ опротивѣла, что я не находилъ ничего, что стоило бы сообщать вамъ. Наше время принадлежитъ къ тѣмъ изнурительнымъ эпохамъ, о которыхъ исторія ничего не говоритъ, въ которыхъ ничего не случается, но въ которыхъ годъ всетаки состоитъ изъ 365 дней и человѣческое сердце дѣлаетъ свои 60 ударовъ въ минуту. Это—эпохи субъективныхъ страданій, лиризмъ которыхъ выдыхается, не достигая даже сухого почетнаго упоминанія въ лѣтописи.—По счастью, отрадное извѣстіе о малюткѣ нашего друга Эдмонда оживило насъ на нѣсколько часовъ, и я пользуюсь этимъ поводомъ, чтобы позвать вамъ руку и поблагодарить васъ также съ нашей стороны за ваше дружеское содѣйствіе, потому что и мы съ женой имѣемъ нѣкоторыя права на маленькую Марію... Вы должны скоро переѣхать въ тюрьму. Дай Богъ, чтобы большая не показала вамъ болѣе неприятной, нежели маленькая. Пьемонтъ—всетаки лучшей уголокъ Европы. Можетъ быть, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ здѣсь? Привѣтствую васъ отъ всей души.»

Отвѣчалъ ли Прудонъ на это письмо, неизвѣстно, но въ ноябрѣ, узнавъ отъ общихъ друзей о несчастіи, постигшемъ Герцена (16 ноября утонула мать Герцена, его сынъ Коля и воспитатель послѣдняго Шпильманъ), Прудонъ написалъ ему то удивительное письмо, которое самъ Герценъ напечаталъ потомъ (въ переводѣ) въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды». Это письмо—вмѣстѣ плачь и проклятіе. Съ безпредѣльнымъ участіемъ, со страшной скорбью Прудонъ оплакивалъ ударъ, павшій на Герцена. Потеря друга напомнила ему соб-

стенныя потери—самоубійство брата, преждевременную смерть отца и матери, замученных проклятымъ режимомъ; раскрылись старыя раны, и онъ съ бѣшенствомъ посылаетъ проклетія ненавистному Молоху, отнимающему у насъ все, что намъ дорого,—потому что и въ горѣ, постигшемъ Герцена, онъ видитъ слѣдствіе все той же гнетущей силы, которою онъ самъ запертъ въ тюрьму. «Въ чемъ разница между крестьяниномъ, у котораго сынъ взятъ въ солдаты, хозяйство разорено налогами и пр., который ломится подъ тяжестью безвыходнаго положенія, — и вами, обреченнымъ на скитанье изъ страны въ страну, на всѣ случайности переѣздовъ, у котораго часть семьи гибнетъ въ волнахъ?.. О, сколько слезъ и крови, въ которыхъ я имѣю право спросить отчета у гнетущей силы!.. Такъ много, что я отчаиваюсь при жизни свести счеты и только повторяю съ псалмопѣвцемъ: *Beatus qui retribuet tibi retributionem tuam, quam retribuisti nobis!*»

Это письмо было датировано 27 ноября 1851 г., и Герценъ въ Ниццѣ получилъ его почти одновременно съ потрясающимъ извѣстіемъ о переворотѣ 2 декабря. Подъ двойной тяжестью общаго и личнаго горя онъ отвѣчалъ Прудону 26 декабря:

«Благодарю васъ искренно за ваше прекрасное письмо отъ 27 ноября; оно было для меня благотворно. Ваше сочувствіе мнѣ дорого; оно сдѣлало мнѣ мои страданія менѣе тягостными, болѣе человѣчными.

«Вы говорите мнѣ: «Торопитесь оплакать ваши домашнія горести, потому что, если вамъ не вернетъ спокойствія крайнее напряженіе умиротворяющаго разума, вы увидите скоро такія вещи, которыя сдѣлаютъ ваше сердце нечувствительнымъ для всѣхъ вашихъ бѣдъ.»

«Эти пророческія слова оправдались страшнымъ образомъ, и умиротворяющему разуму не пришлось сдѣлать крайнихъ усилій. У меня больше нѣтъ слезъ. Мнѣ кажется иногда, что ужасная катастрофа, лишившая меня матери, ребенка и друга, случилась уже очень давно. Со времени этого кораблекрушенія успѣлъ потерпѣть крушеніе цѣлый міръ. Горькая участь—перейти непосредственно отъ погребенія своихъ близкихъ на общія похороны, не давъ ни часу отдыха разбитому сердцу!

«Крушеніе этого міра всѣ предвидѣли, но горе всегда поражаетъ, какъ что-то неожиданное. Діалектическіе выводы не утѣшаютъ. Больше двухъ лѣтъ назадъ вы сказали: «Не Катилина у вашихъ воротъ, а смерть!» Тогда она постучалась, теперь она отперла ворота. Царство буржуазной революціи прошло, царство фрондирующаго либерализма, риторическаго республиканизма, словъ и абстракцій—кончилось. Буржуазія продала свободу, честь, словомъ—все, чтобы сохранить свои деньги и монополію,—что-жъ! развѣ не справедливо, чтобы за эту симонію она была наказана безграничнымъ рабствомъ? Она боялась чрезмѣрной свободы—и добилась чрезмѣрнаго деспотизма, боялась варварства снизу—и достигла варварства сверху, не хотѣла ничего уступить народу—и вотъ народъ спокойно смотритъ, какъ разстрѣливаютъ республиканцевъ во имя порядка. Существовала ли когда-нибудь на свѣтѣ болѣе тощая, болѣе жалкая идея, нежели идея порядка? Порядокъ и скупость взаимнѣ престола и церкви! Но принципъ католической мо-

нархії былъ въ тысячу разъ болѣе позитивенъ и социаленъ. Манія порядка и барышничества—вотъ чума, губящая этотъ міръ; онъ умираетъ безобразно, но въ общемъ это убиваетъ его не хуже, нежели его убило бы коммунизмъ,—и въ результатѣ его судьбы исполнятся. Но надо предоставить мертвымъ хоронить мертвецовъ.

«Какъ намъ было бы отрадно знать, что вы внѣ Парижа и Франціи! Парижъ—это Іерусалимъ послѣ Іисуса; слава его прошлому, но это—прошлое.

«Теперь остается еще только одинъ культурный уголокъ, одна консервативная страна—Англія. Только тамъ личность можетъ быть свободна. Внѣ Англіи существуетъ одна только Россія—юная Россія петербургская и старая французская. Между ними, какъ тряпка межъ двухъ алмазовъ,—Германія, лимфатическая, трансцендентальная и пассивная. Мы можемъ различать сквозь варварство, поглотившее континентъ, красную нить прогресса, но безъ принужденія невозможно вести человѣческую жизнь среди необузданной низости, среди этой оргіи произвола.

«Вы сдѣлали безмѣрно много. Вы употребили всѣ усилія, чтобы показать Франціи приближающуюся опасность. Вы указали средства спасенія и перехода. Вамъ удивлялся весь міръ отъ Москвы до Нью-Йорка. Но, говоря откровенно,—поняла ли васъ Франція? Когда вы говорили о мирѣ, она слышала призывъ къ войнѣ, когда вы проповѣдывали примиреніе, она принимала ваши слова за крикъ ненависти.

«Теперь *troppo tardi*—катастрофа разразилась, венсенскіе казаки и попы порядка одержали верхъ. Отвернемся отъ печальнаго зрѣлища охваченнаго безуміемъ міра и постараемся освободить и спасти самихъ себя, если мы не съумѣли спасти міръ.

«Жму вашу руку съ искренней, глубокой симпатіей. Разсчитывайте на меня. Я былъ бы радъ доказать вамъ на дѣлѣ мою дружбу и преданность».

Все это время до переѣзда Герцена въ Лондонъ отношенія между нимъ и Прудонемъ поддерживались черезъ Шарля Эдмонда, который жилъ, какъ и Герценъ, въ Ниццѣ, и съ которымъ Прудонъ былъ въ постоянной перепискѣ. Черезъ него Прудонъ то и дѣло посылаетъ поклонъ Герцену, черезъ него привлекаетъ Герцена къ сотрудничеству въ проектируемыхъ имъ изданіяхъ:—Исторія современной демократіи, Всеобщемъ біографическомъ словарѣ, и т. п. По выходѣ изъ тюрьмы (въ іюнѣ 1852 г.) Прудонъ тотчасъ принялся хлопотать о возстановленіи въ правахъ своихъ ближайшихъ друзей—Pilhès'a, Duchêne'a, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, и Ш. Эдмонда и Герцена, лишенныхъ права жить въ предѣлахъ Франціи. Извѣщая объ этомъ Герцена, онъ пишетъ ему 7 августа 1852 г.: «Запрещеніе въѣзда во Францію бесполезно для вашей славы и для нашего дѣла; продолжайте ваши переѣзды; но необходимо, чтобы вы могли пріѣзжать въ Парижъ, потому что, въ концѣ концовъ, только здѣсь человѣкъ свободенъ и только здѣсь мыслить¹⁾» Эти хлопоты, конечно, не привели къ положительному результату,—да Герцену онъ уже и не

¹⁾ Correspond., т. IV, p. 317.

былъ нуженъ: въ срединѣ августа онъ уѣхалъ въ Лондонъ, и на многіе годы.

5.

Прошло три года. Лѣтомъ 1855 г. Герценъ, предпринимая изданіе «Полярной Звѣзды», въ числѣ другихъ славныхъ иностранцевъ пригласилъ къ сотрудничеству и Прудона. Роли перемѣнились, теперь въ бой ополчался Герценъ—и замѣчательно, что Прудонъ счелъ нужнымъ предостеречь его противъ той самой опасности, на которую шесть лѣтъ назадъ, при основаніи *Voix du peuple*, указывалъ ему Герценъ. Онъ выражалъ готовность участвовать въ журналѣ Герцена,—разумеется, ихъ дѣло—общее, дѣло свободы; но онъ долженъ напомнить Герцену, кто истинный врагъ. «Наше положеніе ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я, напротивъ, смотрю на управляемыхъ. Не слѣдуетъ ли, прежде чѣмъ нападать на деспотизмъ притѣснителей, напасть на деспотизмъ освободителей? Видали ли вы что-нибудь ближе подходящее къ тираніи, чѣмъ народные трибуны, и не казалась ли вамъ иной разъ нетерпимость мучениковъ такъ же отвратительной, какъ бѣшенство ихъ гонителей? Деспотизмъ оттого такъ трудно сокрушить, что онъ опирается на внутреннее чувство своихъ антагонистовъ, я долженъ бы сказать—своихъ соперниковъ, такъ что писатель, дѣйствительно любящій свободу, истинный другъ революціи, часто не знаетъ, въ которую сторону ему направлять свои удары, въ скопище ли утѣснителей, или въ недобросовѣстность утѣсненныхъ. Вѣрите ли вы, напримѣръ, что русское самодержавіе произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нѣтъ ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ русскаго народа? Я спрашиваю васъ, какъ одного изъ самыхъ откровенныхъ людей, которыхъ я зналъ,—неужели вы не приходили въ негодованіе, въ отчаяніе отъ притворства, отъ макіавелизма тѣхъ, которыхъ такъ или иначе европейская демократія признаетъ или *выноситъ* своими главами? Не надо распадаться передъ неприятелемъ, скажете вы; но, любезный Герценъ, что страшнѣе для свободы—распаденіе или измѣна?

...«Сдѣлаемъ союзъ, какъ Бертранъ дю Гекленъ и Оливье де Клиссонъ, за свободу *quand même*, противъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ. Будемъ поддерживать дѣло освобожденія, откуда бы оно ни шло и какимъ бы образомъ оно ни являлось, и будемъ безъ пощады сражаться противъ предрасудковъ, хотя бы мы ихъ и встрѣтили у нашихъ единомышленниковъ и братьевъ»¹⁾.

Герценъ тотчасъ отвѣчалъ на это письмо:

«Дорогой и уважаемый другъ! Я отдалъ бы Богъ знаетъ что, чтобы пожать вамъ руку по прочтеніи вашего письма. Грустно, что мнѣ ни разу не довелось жить сколько-нибудь продолжительное время въ одномъ городѣ съ вами. У меня есть тщеславная увѣренность, что даже среди вашихъ друзей лишь немногіе понимаютъ васъ лучше и съ большимъ діалектическимъ сочувствіемъ, нежели я. Вы одни—я

¹⁾ Письмо отъ 26-го іюля 1855 г., Пол. Зв. V, стр. 225—227.

столько разъ говорилъ это другимъ, что не могу не сказать этого и вамъ—вы одни являетесь *автономнымъ* мыслителемъ революціи; у большинства остальныхъ—готовая, законченная, безусловная система идей. Они похожи на протестантскихъ священниковъ, которымъ позволено разсуждать до богословскаго шлагбаума; достигнувъ его, они принуждены жевать жвачку въ видѣ безконечныхъ варіацій на старыя темы съ арабесками и риторикой. Этого довольно, чтобы показать вамъ, что я очень хорошо понялъ вторую часть письма, и я также живу почти въ полномъ обособленіи.

«Благодарю васъ отъ всего сердца за готовность поддержать нашъ журналъ. Ваше имя—уже важный залогъ успѣха,—васъ обожаютъ на сѣверѣ. Но позвольте мнѣ настаивать на статьѣ; у васъ еще много времени до 1-го декабря. Разрѣшите мнѣ два—три раза напомнить вамъ объ этомъ.

«Что касается Россіи и славянства, то мой взглядъ на нихъ едва ли можно назвать идеалистическимъ или «exaltado». Вотъ мои основныя положенія: 1. Сельская община, опирающаяся на постоянный передѣлъ земли между хлѣбопашцами, и рабочая артель, основанная на раздѣлѣ заработка, не уравнительномъ, но по согласію всѣхъ,—даютъ мнѣ право заключать, что въ самой природѣ славянскаго племени заложены элементы социализма. 2. Государство—ни до Петра I, ни послѣ никогда не было въ силахъ искоренить эти элементы. Государство сдѣлалось очень сильнымъ, очень централистическимъ, послѣ Петра I оно стало искусственнымъ (что стануть дѣлать теперь, вернувшись къ рационализму,—я не знаю); государство все спаяло—и Николай, послѣдній неограниченный самодержецъ, уже не зналъ, ни что ему дѣлать, ни куда идти¹⁾. 3. Я думаю, что безъ участія западныхъ социалистическихъ идей у славянскихъ народовъ никогда не хватить пылкости, чтобы отъ патриархальнаго коммунизма перейти къ сознательному социализму. Россія скромнѣе Савойи и не *farà da se*; ей нужны сочувствіе и помощь европейскихъ народовъ. Но, съ другой стороны, я убѣжденъ, что свободная свобода не воцарится на Западѣ, пока Россія будетъ оставаться какъ-бы солдатомъ на службѣ петербургскаго императора. Послѣ смерти Николая уже все пошатнулось. Александръ колеблется между Нессельроде и Ермоловымъ, между своимъ братомъ Константиномъ—и стайей нѣмецкихъ родственниковъ. Онъ добръ и слабъ, плачетъ съ офицерами, цѣлуется съ солдатами; онъ разрѣшилъ солдатамъ (въ Россіи это равносильно конституціи) разстегивать воротникъ и всѣмъ желающимъ—курить на улицѣ. И Украина встаетъ, а крѣпостные говорятъ: мы готовы идти умирать подъ Севастополемъ, но барщины работать не будемъ. Можно ли на казывать за это въ военное время?

«Прощайте, дорогой другъ,—не забывайте меня! Мысль о томъ, что вы немного меня любите, будетъ утѣшать меня за непонятную для меня ненависть многихъ. Во всякомъ случаѣ, не забывайте, что вы имѣете во мнѣ не только поклонника, но и друга».

¹⁾ Прим. Герцена. Хотя еще возможенъ паръ-музыкъ, съ бородой и тройной складю.

6.

Последняя пара писем Герцена и Прудона, которою мы располагаем, относится к марту 1860 г., когда Герценъ напомнил о себѣ Прудону, приславъ ему чрезъ одного русскаго письмо и французскій экземпляръ «Былого и Думъ». Прудонъ тотчасъ отозвался дружескимъ письмомъ. Это было время наибольшей силы Герцена; его «Колоколъ» не только пользовался громаднымъ влияніемъ въ Россіи, но являлся и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ демократическихъ органовъ Европы,—и зоркій Прудонъ спѣшилъ использовать эту новую силу въ интересахъ общаго дѣла свободы. Онъ приступалъ въ это время къ печатанію выпусками второго изданія своей книги «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise» съ поправками и обширными дополненіями въ каждомъ выпускѣ. И вотъ онъ предлагаетъ Герцену время отъ времени перепечатывать въ «Колоколѣ» кое-что изъ этихъ выпусковъ, общая съ своей стороны цитировать въ нихъ Герцена. Это имъ было бы положено начало единенію Франціи съ Россіей; мы найдемъ, пишетъ онъ, корреспондентовъ—нѣмцевъ, фламандцевъ, голландцевъ, можетъ быть также англичанъ, швейцарцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ, испанцевъ, американцевъ, грековъ и т. д.—и при нѣкоторомъ усердіи мы можемъ въ шесть мѣсяцевъ покрыть нашей сѣтью всю Европу¹⁾.

На это приглашеніе Герценъ отвѣчалъ изъ Лондона, Park-House, 23 марта:

«Только что получилъ ваше письмо и тотчасъ отвѣчаю. Искренно благодарю васъ за приглашеніе помѣстить что-нибудь въ вашемъ изданіи. Но долженъ вамъ сказать, что я и мой другъ Огаревъ завалены работой (у насъ въ рукахъ «Колоколъ», «Полярная Звѣзда» и «Голосъ изъ Россіи» все это мы одни редактируемъ, а въ «Колоколѣ» и «П. Звѣздѣ» основныя статьи пишутся нами же). Но вотъ что могу вамъ предложить—переводъ (приспособленный для французской публики) серіи писемъ о «Россіи и Польшѣ». Эти письма будутъ отвѣтомъ на три или четыре статьи, опубликованныя поляками въ Парижѣ²⁾. Надо сообщить вамъ основную мысль этихъ писемъ. Въ моихъ глазахъ Польша представляетъ собою старую цивилизацію въ славянскомъ мірѣ,—и это при всей ея трагической красотѣ, при всѣхъ преимуществахъ несчастія, со своими героическими воспоминаніями, стремленіемъ къ свободѣ, просвѣщеннымъ католицизмомъ и радикальной аристократіей; все это прекрасно, но все это не жизнеспособно. Мы, русскіе, ненавидимъ свое двойное прошлое: московское преданіе и петербургскую статистику; мы—изгой челоуѣчества, наше племя—помѣсь съ татарами, финнами, туранскими народами. Западная цивилизація становится намъ ненавистной, разъ она колеблется

¹⁾ Corresp. IX, стр. 347—350.

²⁾ Герценъ говоритъ, безъ сомнѣнія, о тѣхъ двухъ своихъ письмахъ «Россія и Польша», которыя были напечатаны въ №№ 65—67 *Колокола* за 15 марта и 1 апрѣля 1860 г.

перейти Рубиконъ и вступить въ социализмъ. Мужикій, раскольничій, сельскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ Петербургомъ. Наша аристократія—это татары, произведенные въ нѣмцы. Народъ выставляетъ, вмѣсто права на трудъ, даровое право на землю, общинный строй, раздѣлъ земли, общее владѣніе и артель.

«Если это подходитъ для васъ, я примусь за переводъ. Но за время пребыванія въ Лондонѣ я забылъ французскій языкъ, такъ что придется выправить слогъ и орфографію.

«Я поговорю о вашемъ изданіи въ «Колоколѣ»: васъ любятъ и почитаютъ въ Россіи. Вашими врагами въ Россіи являются экономисты, сторонники полнаго laissez-faire, либералы оттѣнка Ламартина—Одиллонъ Барро; но быть предметомъ ненависти этихъ кретиновъ—чистое удовольствіе.

«Имѣется ли проспектъ вашего изданія? Я напечаталъ бы его въ «Колоколѣ». Если вы будете называть имена вашихъ сотрудниковъ, назовите и меня. Огаревъ (онъ занимается специально общиннымъ, экономическимъ и административнымъ устройствомъ въ Россіи)—одинъ изъ самыхъ выдающихся людей—хочетъ прислать вамъ кое-что и впередъ вамъ напишетъ.

«Нашъ Людовикъ XVI¹⁾, Александръ, хоть и дуется на насъ, но читаетъ насъ неизмѣнно. Съ мѣсяцъ тому онъ написалъ на одномъ докладѣ вн. дѣлъ: «Я читалъ это въ Колоколѣ еще двѣ недѣли назадъ». Онъ начинаетъ безумствовать: произведенъ рядъ арестовъ и затѣянъ политическій процессъ—первый за это царствованіе».

7.

Какъ показываетъ письмо Прудона къ Герцену отъ 21 апрѣля 1861 г. (въ отвѣтъ на утраченное письмо Герцена отъ 13-го²⁾), сношенія между ними не прекращались и позднѣе. Въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды» (1859) Герценъ напечаталъ ту часть «Былого и Думъ», которая содержитъ разсказъ объ изданіи «Voix du peuple» и характеристика Прудона. Для насъ неважно знать, вѣрна ли эта характеристика объективно; но она, безъ сомнѣнія, въ высшей степени характерна для самого Герцена. Онъ совершенно игнорируетъ положительную сторону дѣятельности и ученія Прудона: согласно своему общему взгляду на европейскій міръ, онъ видитъ въ Прудонѣ только разрушителя и цѣнитъ въ немъ только идущее до конца безстрашіе аналитической мысли. Онъ говоритъ, что у Прудона нѣтъ никакой системы, что онъ просто изучаетъ и объясняетъ процессъ разложенія старой Европы и въ своей критикѣ не останавливается даже передъ освященными символами и кумирами революціи. Высшая его похвала Прудону—что онъ «перенесъ нравственность на единственную реальную почву—грудь челоуѣческую, признающую одинъ разумъ и никакихъ кумировъ «развѣ его». И потому онъ прощаетъ

¹⁾ Такъ назвалъ Александра II въ своемъ письмѣ Прудонъ.

²⁾ Corresp. XI, p. 21.

Прудону всё ошибки и противорѣчія,—но когда Прудонъ, «великій иконоборецъ», испугался освобожденной человѣческой личности, и, освободивъ ее отвлеченно, повелъ на закланіе богу безчеловѣчному, холодному богу *справедливости*, новому кумиру,—Герценъ съ грустью закрылъ его книгу: «Тяжкое... тяжкое время!.. Разлагающій воздухъ его одуряетъ сильнѣйшихъ»...

Прудонъ умеръ 19 января 1865 г. Въ номерѣ «Колокола» отъ 1 февраля (л. 194) Герценъ посвятилъ ему коротенькій, задушевный некрологъ. Здѣсь—та же оцѣнка, чрезвычайно отчетливая,—не со стороны положительныхъ результатовъ, а со стороны *метода*. «Прудонъ не разрѣшилъ великихъ вопросовъ, не снялъ страшныхъ сомнѣній, онъ не основалъ школы, но оставилъ деалектической тарань. Можетъ онъ и думалъ, что умѣетъ лечить, но сила его была не въ леченіи, а въ разсѣченіи труповъ. Прудонъ не создавалъ, онъ ломалъ, онъ воевалъ, а главное, онъ двигалъ, онъ все двигалъ, все покачивалъ, все затрагивалъ, отбрасывая условныя уваженія, освященныя навкомъ понятія и принятый безъ критики церемоніаль. Надобно вспомнить внутреннюю робость романской мысли—дерзкой снаружи, волнуемой на поверхности, быстро несущейся въ извѣстномъ слѣдѣ и упорно хранящей въ глубинѣ своей завѣтныя начала, занесенныя вѣковой тиной,—туда-то и проникалъ Прудонъ, и несмотря на крикъ негодованія и скрежетъ зубовъ, своей крѣпкой, плебейской, крестьянской рукой толкалъ эти мнимые клады въ общій потокъ. Это была своего рода *ликвидация*—нравственно недвижимыхъ имуществъ».

Мишле.

Осенью 1856 года въ фельетонѣ газеты *Avènement du peuple* были напечатаны статьи Мишле о Косцюшкѣ—первая изъ его «Сѣверныхъ демократическихъ легендъ». Это была не простая біографія. Цѣль Мишле заключалась въ томъ, чтобы высказать поработенной Польшѣ свое горячее сочувствіе и особенно свою вѣру въ ея будущее, въ ея великое всемірно-историческое назначеніе. Для этого ему пришлось развить полную философію русской и польской исторіи: эта философія исторіи и являлась основнымъ содержаніемъ очерка, біографія же Косцюшко служила лишь иллюстраціей къ ней.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мишле—цѣликомъ или въ изложеніи—читалъ знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева (онъ и упоминаетъ о немъ) и именно отсюда заимствовалъ свои главныя мысли о русскомъ народѣ. Но онъ самостоятелно обосновалъ и дополнилъ ихъ, а главное—горькое проклятіе Чаадаева подъ его перомъ превратилось въ безпощадный и враждебный приговоръ. Что внушило гуманному, благородному, мягкому Мишле эту жестокость и злобу, съ которыми онъ предсказывалъ или, вѣрнѣе, констатировалъ духовную гибель русскаго народа?—Тутъ соединились разныя причины. Главную изъ нихъ было, разумѣется, состраданіе къ Польшѣ и естественная ненависть къ ея поработителямъ. Далѣе, Мишле приступилъ къ размышленію о Россіи не только безъ знакомства съ нею, но такъ ска-

зать, во всеоружіи невѣжества: перечитавъ все, что было писано о ней европейцами, прочитавъ даже знаменитую книгу Гакстаузена о русской общинѣ (она вышла въ 1847 году), Мишле, конечно, не узналъ психологіи русскаго народа, но зато приобрѣлъ увѣренность въ своихъ сужденіяхъ о ней, и это увѣренное невѣжество, въ соединеніи съ галльской склонностью къ стройнымъ схемамъ, позволило ему на почвѣ чаадаевскихъ посылокъ воздвигнуть такую философію русской исторіи, въ которой нѣтъ ни русскаго, ни обще-историческаго правдоподобія. Наконецъ, не осталось безъ вліянія и то, что эти статьи писались наканунѣ переворота 2 декабря; душа Мишле была полна горечи и острой ненависти къ деспотизму, надвигавшемуся на Францію, и къ деспотизму вообще,—а это неминуемо должно было придать сугубую страстность его враждѣ къ царской Россіи.

Но въ послѣдней главѣ, какъ бы желая смягчить свой приговоръ, Мишле заявляетъ, что онъ далекъ отъ безнадежности чаадаевскаго взгляда на Россію: онъ видитъ искру подъ гробовой плитой. Къ этимъ словамъ онъ сдѣлалъ такую выноску: «Эта искра—не въ той ли она чудесной брошюрѣ, которая только что появилась? Авторъ, русскій по рожденію, но отчасти и съ благороднѣйшей рейнской кровью въ жилахъ, пишетъ на нашемъ языкѣ съ поразительной силой, которая разоблачаетъ его анонимъ и обнаруживаетъ всюду пламеннаго патриота. Я десять разъ перечитывалъ ее съ изумленіемъ. Мнѣ чудилось—древніе герои Сѣвера безпощаднымъ мечемъ начертали здѣсь приговоръ этому жалкому міру... Увы! Это приговоръ не одной Россіи, но и Франціи и Европѣ.—«Мы бѣжимъ изъ Россіи, говоритъ онъ; но Россія—всюду, Европа—тюрьма».—Но пока въ Европѣ есть такіе люди, еще нельзя отчаяваться». Мишле говоритъ о французской брошюрѣ Искандера—Герцена «Развитіе революціонныхъ идей въ Россіи», вышедшей лѣтомъ этого года (1851). Очевидно онъ еще не зналъ Герцена лично, но уже слышалъ о немъ отъ общихъ друзей.

Отвѣтъ Герцена на статьи Мишле о Косцюшкѣ («Русскій народъ и социализмъ») появился уже черезъ мѣсяцъ или два послѣ нихъ. Какъ разъ въ этотъ промежутокъ и завязалась переписка между Герценомъ и Мишле. Кто началъ ее, мы не знаемъ; но вотъ первое изъ сохранившихся тридцати писемъ Мишле. Оно не датировано. Герценъ жилъ въ это время въ Ниццѣ, куда только что вернулась къ нему и Наталія Александровна.

«Я былъ счастливъ,—писалъ Мишле,—по крайней мѣрѣ отчасти выразить въ моихъ польскихъ и русскихъ легендахъ мое глубокое уваженіе къ вашему таланту и характеру. Надѣюсь при случаѣ поговорить о вашей книгѣ обстоятельно и *по душѣ*.

«Пожалуйста, не судите этихъ легендъ по крайне неточному тексту, который появился въ газетѣ. Я собираюсь перепечатать ихъ книгою, и не премину доставить ихъ вамъ очищенными отъ типографскихъ и многихъ моихъ собственныхъ ошибокъ. Я вычеркну особенно мой несправедливо рѣзкій отзывъ о русской литературѣ. Мнѣ жаль сказаннаго мною о славныхъ патриотахъ, великая заслуга которыхъ заключалась въ томъ, что они своими головами приподня-

ли этот страшный ледяной сводъ и открыли хоть малую щель, чтобы погребенный народъ могъ нѣсколько вздохнуть.

«Мнѣ говорили, что вы собираетесь напечатать нѣкоторыя замѣчанія на мои легенды. Если это такъ, каковы бы они ни были, я буду вамъ благодаренъ за эту высокую честь и приложу всѣ старанія, чтобы дать вашей критикѣ возможно большое распространеніе.

«Вѣрьте, что узы, соединяющія меня съ вами, слишкомъ прочны, чтобы какое нибудь внушеніе литературнаго тщеславія могло повредить или ослабить ихъ. Меня связываетъ съ вами и общность убѣждений, и общность друзей, память Бакунина и всѣхъ великихъ патріотовъ, русскихъ и польскихъ, нашего времени».

Этимъ письмомъ, повидимому, и было положено начало перепискѣ. Герценъ отвѣчалъ, и слѣдующее письмо Мишле уже было отвѣтомъ на его письмо. У нихъ оказалось много общихъ интересовъ и, очевидно, также теплое взаимное чувство. Со стороны Мишле письма такъ и посыпались; послѣ перваго, сейчасть цитированнаго, они слѣдуютъ другъ за другомъ въ такихъ разстояніяхъ: 21 и 27 октября, 3, 7, 11, 17, 21, 30 ноября.

Здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ. Кто-то, общій знакомый, вѣроятно участникъ революціи 48-года, томясь въ тюрьмѣ, по слухамъ началъ выдавать; Герценъ, повидимому, посылаетъ Мишле статейку, гдѣ опровергаетъ эти слухи, съ просьбою помѣстить ее въ какой-нибудь газетѣ посмѣлѣе; такъ надо понять начало письма Мишле отъ 21 октября. Онъ пишетъ, что употребитъ всѣ старанія, чтобы статейка была помѣщена, и что надѣется на успѣхъ: «Они нерѣшительны и робки, но напечатаютъ. Я думаю въ *post-scriptum*'ѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ несчастномъ; хочу сказать, главное, что изъ него невозможно извлечь что либо по той простой причинѣ, что онъ ничего не зналъ. Всѣ знали его непринужденность, открытый характеръ и героическую нескромность, и никто не рискнулъ бы довѣрить ему что нибудь. Эта ужасная вѣсть рѣзнула меня по сердцу. Я утѣшалъ себя мыслью, что онъ умеръ. Насколько это было бы лучше, нежели стать игрушкой тигровъ!»

По поводу толковъ о намѣреніи Николая отмѣнить крѣпостное право Мишле высказываетъ свое предположеніе, что царь старается только запугать дворянство, но въ сущности ничего не думаетъ сдѣлать для крестьянъ; желая опровергнуть эти вредные слухи съ фактами въ рукахъ, онъ проситъ у Герцена совѣта и литературныхъ указаній. Онъ спрашиваетъ, есть ли портреты Пестеля, Рылѣва и Бакунина (онъ хотѣлъ бы помѣстить ихъ въ своемъ «кюльѣ»), добивается знать, вѣритъ ли Герценъ слуху о смерти Бакунина, проситъ у него біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ, чтобы воспользоваться ими при переизданіи своихъ сѣверныхъ легендъ, сообщаетъ ему о своихъ хлопотахъ по разсылкѣ «Развитія революціонныхъ идей въ Россіи» во французскія газеты для отзыва (конечно, по просьбѣ Герцена).

Между ними, повидимому, было условлено, что рукопись своей критики на «Легенду о Косцюшкѣ» Герценъ пришлетъ Мишле, который постарается помѣстить ее въ какомъ нибудь изъ передовыхъ

французскихъ органовъ печати. Въ началѣ ноября статья была въ рукахъ Мишле; это, какъ извѣстно, «Русскій народъ и социализмъ». Восторгъ Мишле не зналъ границъ. 3 Ноября, тотчасъ по полученіи рукописи, онъ пишетъ Герцену: «Каждое ваше слово *дѣло*. На этотъ разъ ваша рѣчь тронула меня до слезъ. Нѣтъ, вы не погибнете. Мы спасемся всѣ вмѣстѣ. Франція воскреснетъ въ 52 году, и міръ еще будетъ жить. Вы, очевидно, въ извѣстномъ смыслѣ, — авангардъ чело-вѣчества. Избави меня Богъ спорить съ тѣми, кто занимается этотъ почетный постъ! Еще до полученія вашихъ замѣчаній я исправилъ сказанное мною о русско-й литературѣ». Онъ пишетъ, что въ новомъ изданіи своей легенды онъ публично выразитъ Герцену свою благодарность и изложитъ свои сомнѣнія по частнымъ пунктамъ, самую же статью Герцена постарается устроить въ какой нибудь ежедневной газетѣ, если же не удастся, то въ журналѣ. Очевидно, ему не удалось ни то, ни другое: статья Герцена была издана сразу отдѣльно, еще въ томъ же 1851 году, въ Ниццѣ¹⁾.

Недѣлю спустя послѣ этой рукописи Мишле получилъ отъ Герцена другую, именно — просимыя біографическія свѣдѣнія о Бакунинѣ. «Только что, — пишетъ онъ 11 ноября, съ радостью получилъ вашу прекрасную замѣтку, полную душевной теплоты и благородства, какъ все, что вы пишете. Скажу откровенно, я считаю васъ однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей на нашемъ языкѣ, кто же осмѣлится васъ исправлять? Я извлеку большую пользу изъ этого прекраснаго письма для тѣхъ немногихъ словъ, которыя и говорю о Бакунинѣ въ концѣ моихъ «Русскихъ мучениковъ», первый экземпляръ коихъ вы скоро получите. Но необходимо, чтобы оно кромѣ того было напечатано *цѣликомъ* въ газетахъ съ прибавкою нѣсколькихъ словъ въ началѣ и концѣ. Мнѣ очень хочется, *если вы позволите это*, сдѣлать изъ него такое употребленіе, которое, я увѣренъ, пришлось бы по душѣ бѣдному Бакунину, если бы онъ былъ живъ: именно, использовать ваше письмо для прокормленія семьи, умирающей съ голоду. Я поручу его пополненію одному бѣднягѣ, заслуживающему впрочемъ всякаго уваженія, Леону Ноэлю, которому приходится содержать жену, дѣтей, отца и мать. Онъ помѣститъ его или въ *Avènement*, или въ *National*. Въ газетахъ уже было кое-что о Бакунинѣ, но, я думаю, онъ не откажется помѣстить такую подробную, вразумительную и краснорѣчивую замѣтку, какъ ваша. Отвѣчайте мнѣ объ этомъ какъ можно скорѣе. Я ничего не предприиму до полученія вашего согласія».

Въ половинѣ ноября, въ *Avènement*, конечно стараніями Мишле, были помѣщены обширные выдержки изъ письма Герцена къ Мишле съ замѣткой отъ редакціи: «Чтеніе «Демократическихъ легендъ» г. Мишле, помѣщенныхъ въ *Avènement*, вызвало со стороны одного изъ наиболѣе выдающихся патріотическихъ писателей Россіи отвѣтъ, трогательное краснорѣчіе котораго заставитъ биться всѣ сердца. Спѣшимъ представить отрывки изъ него друзьямъ свободы во всѣхъ странахъ»²⁾. — Теперь Мишле предлагалъ большую статью Герцена о Ба-

¹⁾ Что касается поправки въ первомъ отдѣльномъ изданіи «Легенды о Косцюшкѣ», то, не видѣвъ этого изданія, мы не можемъ о нихъ судить.

²⁾ *Avènement du peuple*, № 63, отъ 19-го ноября 1851 г.

кунинъ отдать (какъ сказано, съ поправками Ноэля) въ National, и тамъ же помѣстить другую полученную имъ одновременно статью Герцена—о Петрашевскомъ. Но объ статьи, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, оставались въ рукописи еще лѣтомъ слѣдующаго 1852 г., когда Мишле писалъ Герцену, что его статья о Бакунинѣ («передѣланная на мой ладъ») и статья о Петрашевскомъ будутъ напечатаны «на-дняхъ»¹⁾.

Правда, въ промежуткѣ обоемъ было не до литературы: 16-го ноября утонули мать и сынъ Герцена, 2-го декабря Людовикъ Бонапартъ объявилъ себя господиномъ Франціи. 30-го ноября Мишле писалъ: «М-г Мишле, узнавъ о страшномъ несчастіи, постигшемъ m-г Герцена, пораженъ глубокой скорбью. Онъ знаетъ несокрушимую силу его характера и надѣется, что и на этотъ разъ онъ устоитъ противъ судьбы. Какъ перенесла m-me этотъ ужасный ударъ?» А спустя пять недѣль послѣ переворота, 10-го января 1852 г., онъ пишетъ: «Если можете, извѣщайте меня о вашемъ здоровьи и здоровьи вашей супруги. Мое сердце съ вами. Я раненъ, но не мертвъ. Какъ я хотѣлъ бы, чтобы вы были здѣсь; я сказалъ бы вамъ всю мою мысль. Состояніе больного вовсе не безнадежно. Не придавайте кризису слишкомъ большого значенія. Эту микстуру надо было проглотить; онъ принялъ ее потому, что хотѣлъ выздороветь. Безъ этого сильнаго рвотнаго онъ навсегда остался бы прикованнымъ къ постели: это метода Разори—500 гранъ рвотнаго... Лишь только рвотное подѣйствуетъ а этого недолго ждать,—онъ совершенно оправится». Это письмо, писанное элоповскимъ языкомъ, подписано одной только буквой М.: такъ приходилось остерегаться въ тѣ мрачные дни, когда людей во Франціи хватили тысячами и судили военно-административнымъ судомъ безъ права обжалованія.

16-го марта Мишле, обезпокоенный молчаніемъ Герцена, просить у него свѣдѣній о состояніи здоровья Наталіи Александровны. При этомъ онъ рассказываетъ исторію того рисунка, который онъ на-дняхъ послалъ Герцену. За столомъ у него шелъ разговоръ о несчастіи, постигшемъ Герцена, и особенно о словахъ послѣдняго въ письмѣ къ Мишле: «Я погибъ вмѣстѣ съ цѣлымъ міромъ» (J'ai péri avec un monde). Среди находившихся здѣсь друзей былъ извѣстный скульпторъ Огюстъ Прео (Préaut): онъ-то, подъ впечатлѣніемъ этого разговора, и набросалъ рисунокъ: *Скорбь, владыкующая міромъ, терзающая его и приводящая его въ движеніе*: она попираетъ ногами земной шаръ, который вертится, не подвигаясь впередъ; даль—это либо море, либо Сибирь, вообще—безплодная безконечность, по выраженію Гомера. «Примите этотъ рисунокъ, какъ свидѣтельство горячей симпатіи, которую питаетъ къ вамъ здѣсь все, что мыслить, какъ залогъ глубокой связи между великими художниками и славными патриотами всѣхъ странъ».

¹⁾ Статья о Бакунинѣ, повидимому, такъ и не попала въ печать. Въ январѣ 55 года Мишле пишетъ Герцену, что хотѣлъ помѣстить «вашу статью о Бакунинѣ» въ одномъ журналѣ, но редакторъ отвѣтилъ ему, что не желаетъ закрывать себѣ доступа въ Россію.

Герценъ посвятилъ Мишле и въ ту исторію увлеченія Наталіи Александровны Гервегомъ, которая рассказана въ ненапечатанной доселѣ пятой части «Былого и Думъ». Эта исторія вообще получила большую огласку въ эмигрантскихъ кругахъ, и Герценъ глубоко страдалъ отъ кривотолковъ, отъ инсинуаций своихъ недруговъ или друзей Гервега. Болѣзненная чуткость, съ которою онъ воспринималъ все касавшееся этого дѣла, лишала его самообладанія и толкала на ложные шаги; онъ метался, какъ раненный звѣрь, изнемогая отъ боли и ярости, и если уцѣлѣлъ и не надѣлалъ безумствъ, то это была заслуга нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, которые своимъ сердечнымъ участіемъ поддержали и сдержали его. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ и Мишле. Съ горячей любовью и нѣжной деликатностью писалъ онъ Герцену въ эти дни. Онъ самъ, уже почти старикъ, переживалъ тогда тяжелое время. Въ 1851 году онъ за пропаганду демократическихъ идей былъ лишенъ каведры въ Collège de France.—теперь, въ іюнѣ 1852 г., за отказъ дать присягу, онъ потерялъ свою службу въ Национальномъ архивѣ и принужденъ былъ покинуть Парижъ.

2-го мая 1852 года умерла Наталія Александровна, а въ концѣ іюня Мишле изъ Нанта писалъ Герцену: «Нечего говорить вамъ, съ какимъ глубокимъ волненіемъ я узналъ объ этомъ новомъ несчастіи, постигшемъ васъ. Чувство вашего положенія превозмогло мою собственную грусть,—ибо что я потерялъ въ концѣ концовъ? Возможность жить въ Парижѣ, возвышенное общеніе съ публикою, которымъ я жилъ такъ давно, наконецъ мое трудовое уединеніе въ архивѣ, гдѣ я провѣлъ 22 года. Нѣтъ, все это ничто въ сравненіи съ невыразимой скорбью, павшей на васъ. Братъ! я давно написалъ бы вамъ, еслибы не это разореніе моего очага. Въ два мѣсяца я трижды мѣнялъ мѣсто жительства: изъ Терна въ Парижъ, и изъ Парижа въ Нантъ. Два обстоятельства побудили меня поселиться здѣсь. Во-первыхъ, дешевизна жизни (мой небольшой доходъ цѣликомъ уходитъ на уплату двумъ пансіонамъ за моихъ дѣтей); во-вторыхъ, въ нантскомъ архивѣ я нахожу цѣнные документы для окончанія моей исторіи революціи, что возьметъ у меня, можетъ быть, годъ, если только улучшение общихъ условій не позволитъ мнѣ вернуться въ Парижъ. Я хотѣлъ бы быть съ вами и видѣть вашу душу, знать, какъ ваше мужественное сердце переноситъ эти великія страданія; это дало бы мнѣ силу для меня самого. Я увѣренъ, что испытаніе не превышаетъ вашихъ силъ. *Magno magna*. Съ тѣхъ поръ, какъ и я сталъ изгнанникомъ, я чувствую себя въ болѣе тѣсномъ общеніи съ вами, и тѣмъ болѣе братски я жму вашу руку, дорогой и великій патриотъ».

Въ отвѣтъ на письма Герцена о дѣлѣ Гервега Мишле писалъ: «Ради Бога, не думайте, что у меня на одну минуту возникло сомнѣніе въ отношеніи тѣхъ интимныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, о которыхъ вы мнѣ писали. Очевидно, я дурно выразился въ моемъ письмѣ. Напротивъ, во мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ безусловнаго довѣрія и благоговѣнія къ вамъ. Да, именно благоговѣніе чувствую я, читая вашъ возвышенный манифестъ о союзѣ Россіи съ Польшою. Эти строки исторгаютъ слезы нѣжности и удивленія». Другой разъ онъ пишетъ, очевидно—о томъ же дѣлѣ: «Позвольте мнѣ дать вамъ братскій со-

вѣтъ. Изложивъ ситуацію тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые пользуются нравственнымъ авторитетомъ,—бросьте дѣло; когда ожидаемые обстоятельства явятся, оно пойдетъ своимъ путемъ. Первая забота демократіи будетъ состоять въ томъ, чтобы очиститься и запретить безчестнымъ людямъ вмѣшиваться въ ея дѣла». Въ этомъ письмѣ Мишле сообщаетъ, что онъ установилъ въ своемъ салонѣ на первомъ мѣстѣ портретъ «нашего Бакунина». Этотъ портретъ рисовала для него осенью 1851 года Наталія Александровна,—и потому, говоритъ Мишле, онъ дорогъ ему вдвойнѣ: ради Бакунина и ради нея. Это письмо онъ кончаетъ словами: «Сердечно жму вашу руку, дорогой другъ и дорогой братъ».

Съ половины 1852 года, когда Герценъ переселился въ Лондонъ, наступаетъ долгій перерывъ въ перепискѣ. Она возобновляется, по почину Герцена, въ началѣ 1855 года и, то учащаясь, то снова прерываясь надолго, тянется до конца жизни Герцена; за эти 15 лѣтъ накопилось, со стороны Мишле, 16 писемъ.

Теперь это была обыкновенная дружеская переписка двухъ писателей, сердечно симпатизирующихъ другъ другу и глубоко уважающихъ одинъ другого, но раздѣленныхъ пространствомъ и разностью умственныхъ интересовъ. Мишле неизмѣнно посылаетъ Герцену каждую свою новую книгу и при этомъ обыкновенно въ письмѣ объясняетъ ея характеръ или цѣль; часто онъ проситъ у него содѣйствія по разсылкѣ своихъ книгъ англійскимъ редакціямъ. И точно также Герценъ посылаетъ ему свои писанія и изданія, и Мишле заботится о появленіи отзывовъ во французскихъ журналахъ и старается пристроить у издателей французскій переводъ «Тюрьмы и ссылки».

Онъ по-старому обожаетъ Герцена, какъ человѣка и писателя, и по-прежнему съ интересомъ слѣдитъ за русскимъ дѣлами. «Мое сердце среди васъ», пишетъ онъ однажды. Онъ проситъ свѣдѣній о дѣятельности лондонской типографіи! «Это мнѣ нужно знать ради великаго дѣла—и ради васъ, дорогой другъ, чье благородное сердце послѣ столькихъ несчастій нашло въ немъ убѣжище». «Какъ обстоятъ дѣла съ вашей «Полярной Звѣздой» и другими вашими изданіями? Это меня крайне интересуетъ. Удалось ли вамъ завязать сношенія съ этимъ темнымъ и неизмѣримымъ океаномъ—Россіей? Говорятъ, тамъ есть сердца, бьющіяся за свободу,—но въ какомъ кругу?»—и онъ радуется отвѣту Герцена, что «Полярная Звѣзда» приобрѣла друзей въ Россіи, и отъ души привѣтствуетъ зарю русскаго пробужденія; онъ увѣренъ что при такихъ условіяхъ Герценъ долженъ былъ стать въ Россіи «королемъ сердецъ и властителемъ умовъ». Онъ былъ счастливъ, узнавъ, что Бакунинъ живъ: «Его легенда, его заключеніе, его смерть—все это сотни разъ вспоминалось мнѣ ночью». Когда въ 59 году Герценъ прислалъ ему портретъ свой и Чаадаева, онъ писалъ: «Сердечно благодарю васъ за прекрасныя гравюры. Похожъ ли вашъ портретъ? или васъ такъ измѣнила борода? Портретъ Чаадаева изумителенъ. Онъ запечатлѣнъ глубокой мыслью невѣдомаго міра». Получивъ лондонское изданіе записокъ Екатерины II, Мишле пишетъ: «Я рѣдко читалъ что-нибудь болѣе интересное и что лучше позволяло бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ нащупать самую основу натуры,

нежели ваши *Мемуары* Екатерины. Вы вѣрно сказали въ вашемъ чудесномъ введеніи: во всемъ этомъ недостаетъ одного—Россіи. Династическое таинство созданія наслѣдника *во что бы то ни стало* было уже раньше постигнуто одной датской королевой, но здѣсь оно было осуществлено, по признанію самой пациентки, гораздо лучше. Все это замѣчательно, да недурно и то, что она говоритъ дальше,—что первый мужчина былъ неваженъ, и второй былъ неваженъ, такъ—шутъ гороховый, и третій плохъ (это о Понятовскомъ); это должно было внушить пациенткѣ отчаянное презрѣніе къ мужчинамъ. По одному слову уже можно догадаться, что, примирившись со столькими вещами, она пойдетъ и на убійство Петра III. Это настоящая заслуга съ вашей стороны, и большое мужество. О такихъ вещахъ династіи помнить вѣрнѣе, нежели о какой бы то ни было политической оппозиціи. Искреннимъ и теплымъ чувствомъ проникнуты строки Мишле, когда онъ касается личности Герцена. Въ 1861 г., по выходѣ во французскомъ переводѣ перваго тома «Былого и Думъ», онъ пишетъ: «Я только что съ живѣйшимъ интересомъ прочелъ вашу прелестную книгу. Въ ней тысяча вещей, трепещущихъ жизнью; еврейскіе мальчики, встрѣча съ женщиной вечеромъ—исторгаютъ слезы. Необыкновенно трогательно любовное свиданіе на кладбищѣ. Все это такъ живо напомнило мнѣ самыя тяжкія ваши страданія,—мое сердце скорбитъ о нихъ; и у меня есть драгоценное напоминаніе объ этой прелестной женщинѣ—портретъ Бакунина, который она была такъ добра нарисовать для меня. «Иногда письма Герцена служили ему поддержкою въ его собственныхъ скорбяхъ; такъ было, когда онъ потерялъ дочь, такъ и въ другой разъ онъ пишетъ: «для меня утѣшеніе въ моихъ тѣлесныхъ немощахъ получить письмо вродѣ вашего и чувствовать, что *наша церковь*, правовѣрная церковь, крѣпнеть и сплачивается».

Когда Герценъ умеръ, Мишле было уже 72 года. Два года спустя, находясь временно во Флоренціи, гдѣ сынъ Герцена, Александръ Александровичъ, былъ профессоромъ университета, онъ перечиталъ свои письма къ Герцену и, возвращая ихъ, писалъ А. А-чу, что они напоминали ему его «страсть» къ его отцу и къ Мицкевичу, изъ которыхъ каждый воплотилъ въ себѣ сліяніе Россіи съ Польшею. «Господи! какъ я ихъ любилъ! И какой идеаль будущаго!» Напомнили они ему и многое другое; въ Пизѣ, куда онъ ѣдетъ теперь, онъ хотѣлъ бы оять почитать о Россіи: «не знаете ли вы тамъ кого-нибудь, кто хоть немного интересуется этими вещами?»

В. Гюго, Кинэ, Луи-Бланъ и др.

1.

Былъ ли Герценъ лично знакомъ съ В. Гюго, мы не знаемъ. Приступая къ изданію «Полярной Звѣзды», онъ въ числѣ другихъ демократическихъ знаменитостей Запада просилъ о сотрудничествѣ и Гюго, и послѣдній—тогда самъ изгнанникъ—отвѣчалъ съ Джерсея (25 іюля 1855 года) восторженнымъ согласіемъ, котораго, разумѣется

не предполагалъ осуществить. Отрывокъ изъ этого письма Герценъ напечаталъ въ первой книжкѣ «Пол. Зв.», значительно смягчивъ въ своемъ переводѣ его необузданную риторичность.

Сохранилось, кромѣ этого, еще пять писемъ Гюго къ Герцену; ¹⁾ почти всѣ они писаны въ отвѣтъ на присылку послѣднимъ его новыхъ книги и статей. Такъ по поводу статьи Герцена «Смерть Ст. Ворцеля», онъ писалъ ему 15 марта 1857 г.: «Дорогой изгнанникъ и дорогой братъ по скитаніямъ! Благодарю за ваши великія и благородныя слова о доблестномъ умершемъ. Вы сказали о Ворцелѣ, какъ Ворцель сказалъ бы о васъ. Но вы—живите. Живите для борьбы, которой нужны свѣтлыя сердца и лучезарныя умы, какъ ваши. Жму вашу руку. Викторъ Гюго». Годъ спустя, очевидно по получении «La France ou l'Angleterre?» Гюго пишетъ (13 апрѣля 1858 г.): «Ваше сочиненіе, мой доблестный и дорогой согражданинъ, существенно, какъ мысль, и сильно, какъ убѣжденіе. Я называю васъ согражданиномъ, потому что у васъ и у меня — одна мысль: будущее, и подъ ногами одна почва — единеніе человѣчества. Вы освѣтили положеніе яркимъ лучемъ; я согласенъ съ вами почти во всемъ, и отъ полнаго сердца, съ кликомъ, смѣло вперед! посылаю вамъ братское рукопожатіе». Любопытно впечатлѣніе, вынесенное великимъ французскихъ поэтомъ изъ чтенія 1-го тома «Былого и Думъ», который вышелъ по французски въ 1860 г. 15 іюля этого года, Гюго пишетъ Герцену: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію—(потому что изгнаніе—нынѣ отечество всѣхъ честныхъ душъ)—жму вашу руку. Благодарю васъ за прекрасную книгу, которую вы прислали мнѣ. Ваши воспоминанія—это лѣтопись счастья, вѣры, высокаго ума и добродѣтели. Вы мастеръ мыслить и страдать—два высшихъ дара, какими можетъ быть надѣлена душа человѣка. Поздравляю васъ отъ глубины сердца. — Въ этой прекрасной и доброй книгѣ я пожалѣлъ лишь объ одной страницѣ (218); вы больше, чѣмъ кто нибудь, были достойны оцѣнить великое поколѣніе 1830 года, которое во Франціи довершило революцію дѣла революціей идей, которое сразу породило социализмъ и романтизмъ, т. е. новый міръ съ его глаголомъ, и которое нынѣ продолжаетъ свое апостольство сопротивленіемъ и свое служеніе—изгнаничествомъ. Когда-нибудь васъ охватитъ желаніе воздать ему справедливость, и вы прославите юншество 1830 г. и заклейте молодежь 1860-хъ. Исключая этой страницы, повторяю, ваша книга восхищаетъ меня отъ начала до конца. Вы внушаете ненависть къ деспотизму, вы помогаете раздавить чудовище; въ васъ соединились неустранный боецъ и смѣлый мыслитель. Я съ вами. Викторъ Гюго». Нѣсколько лѣтъ спустя, получивъ отъ Герцена остальные томы французскаго перевода «Былого и Думъ» и медаль въ память десятилѣтія вольной русской типографіи въ Лондонѣ, Гюго писалъ Герцену 16 мая 1864 г.: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію! Мнѣ подobaетъ благодарить васъ, и я благодарю васъ за медаль, благодарю за ваши прекрасныя воспоминанія, продолженіе которыхъ я буду читать съ тѣмъ же сочувственнымъ и глубокимъ интересомъ, съ какимъ чи-

¹⁾ См. кромѣ того „Колоколъ“ № 6 (1 дек. 1857 г.) и № 35 (1 февр. 1859 г.).

талъ начало; благодарю васъ наконецъ и особенно за то, что вы—вы, краснорѣчивый и доблестный человѣкъ, служащій дѣлу народовъ, русской, реабилитирующей Россію писатель во имя прогресса и свободы, апостоль-патріотъ и космополитъ».

Въ февралѣ 1863 года, въ разгарѣ польскаго возстанія, Герценъ напечаталъ въ «Колоколѣ» (листъ 156 ой) обращеніе Гюго къ русскому войску. Сохранилось письмо, при которомъ Гюго послалъ Герцену это воззваніе: «Мой доблестный братъ по борьбѣ и испытаніямъ! Одинъ русский офицеръ написалъ мнѣ, прося о тѣхъ строкахъ, которыя я посылаю вамъ здѣсь. Напечатайте ихъ, воспользуйтесь ими, если думаете, что это можетъ быть бесполезно. Будемъ помогать другъ другу. Мы всѣ — одинъ народъ, и законъ — одинъ: пока нѣтъ свободы — освобожденіе, по освобожденіи — прогрессъ. Я слѣжу за вашей краснорѣчивой и побѣдоносной пропагандой; я рукоплещу вамъ и люблю васъ. В. Гюго».

2.

Въ „Посмертныхъ сочиненіяхъ“ Герцена есть *примѣчаніе* о Луи-Бланѣ, болѣе содержательное, чѣмъ цѣлая біографія, и опять таки необыкновенно характерное для самого Герцена и его отношенія къ Европѣ. „Когда я ближе познакомился съ Луи-Бланомъ, пишетъ онъ, меня поразили внутренній невозмутимый покой его. Въ его разумѣни все было въ порядкѣ и рѣшено; тамъ не возникало вопросовъ, кромѣ второстепенныхъ прикладныхъ. Умъ его, подвижной въ ежедневныхъ дѣлахъ и подробностяхъ, былъ японски неподвиженъ во всемъ общемъ. Эта незыблемая увѣренность въ основахъ, однажды принятыхъ, слегка провѣтриваемая холоднымъ рациональнымъ вѣтеркомъ, прочно держалась на нравственныхъ подпорочкахъ, силу которыхъ онъ никогда не испытывалъ, потому что вѣрилъ въ нее. Мозговая религиозность и отсутствіе скептическаго сосанія подъ ложечкой обводили его китайской стѣной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнѣнія».

Письма Луи-Блана къ Герцену, немногочисленные и случайныя, любопытны тѣмъ, что непосредственно вводятъ насъ въ интересъ, печали и дрязги той эмигрантской массы, среди которой Герценъ жилъ въ Лондонѣ. Вотъ два смежныхъ письма отъ 18 и 20 февраля 1857 года. Гражданинъ Кадэ, изгнанникъ, находится въ отчаянномъ положеніи; онъ безъ средствъ, а въ Бирмингемѣ ему навѣрное обѣщано мѣсто, которое обезпечитъ ему безбѣдное существованіе, но ему не на что добраться изъ Лондона въ Бирмингемъ. Луи-Бланъ его лично не знаетъ, но довѣряя представленной имъ рекомендаціи, самъ помогъ ему пятью шиллингами и проситъ о помощи для него и Герцена: «Въ числѣ тѣхъ изъ насъ, у кого великодушное сердце и кто менѣе бѣденъ, я называю васъ, хотя хорошо знаю, какія тяготы вы несете и какъ много вы уже сдѣлали для нашихъ товарищей. Простите. Съ такой просьбою можно обратиться лишь къ человѣку, котораго уважаешь и любишь». Герценъ немедленно отозвался, прося

Луи-Блана вручить гражданину Каде за его счет фунтъ стерл. Луи-Бланъ благодарить его, и тутъ же пишетъ: «Очень сожалѣю, что не былъ на погребеніи нашего бѣднаго друга Ворцеля, но я тутъ ни при чемъ, такъ какъ ничего не зналъ: распорядители похоронъ либо забыли, либо не сочли нужнымъ извѣстить меня». Слѣдующее затѣмъ письмо, отъ 21 апрѣля 1858 г., опять просьба о помощи французскому эмигранту, бывшему кавалерійскому офицеру, высланному изъ Брюсселя за то, что имѣлъ у себя складъ джерсейской газеты «L'Homme». Далѣе Луи-Бланъ пишетъ: «Съ живѣйшимъ интересомъ прочиталъ я вашу краснорѣчивую брошюру (рѣчь идетъ о «La France ou l'Angleterre?»). Въ ней есть страницы, которыя я радъ былъ бы считать своими и гдѣ ваше сердце билось въ униссонъ съ моимъ. Но вы почти склонны думать, что Франція умерла, я же вопреки всей видимости чувствую въ ней жизнь. Что касается вашего утверженія, что философія социализма вся воплощена въ Прудонѣ, то я по совѣсти не могу согласиться съ вами. Скажу вамъ даже откровенно, что не понимаю этого. Но да здравствуетъ свобода мнѣній! Tradidit mundum disputationibus eorum.»

Осенью 1860 г. между Герценомъ и Луи-Бланомъ возникла переписка, отъ которой уцѣлѣло только одно письмо послѣдняго (отъ 31 окт.) и предметомъ которой послужилъ, какъ видно, неблагопріятный отзывъ Герцена о французской революціонной власти 48 года. «Дорогой Герценъ,—пишетъ Луи-Бланъ. Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Я, разумѣется, ни одной минуты не думалъ, что ваше вступленіе относилось лично ко мнѣ, но я долженъ былъ думать, судя по тексту, что вы нападаете на временное правительство 48 года. Хотя я принадлежалъ къ меньшинству въ этомъ правительствѣ и роль моя въ немъ была отъ начала до конца оппозиціонной, тѣмъ не менѣе я не могу не признавать несправедливыми тѣ упреки, которыми теперь принято осыпать это правительство, остающееся все-таки однимъ изъ лучшихъ, какія знаетъ исторія. Оно могло сдѣлать и гораздо больше и гораздо лучше, пусть: не мнѣ отрицать это; но оно сдѣлало много, установивъ за два мѣсяца республику въ странѣ, еще глубоко взволнованной трагическими воспоминаніями 93 года, и если она была низвергнута, то отвѣтственность за это не можетъ падать на временное правительство, миссія котораго окончилась 4 мая 1848 года. Судить его надо по тѣмъ указамъ, которые оно обнародовало въ краткій промежутокъ двухъ мѣсяцевъ, а между ними нѣтъ ни одного, который не являлся бы торжественной данью верховенству разума и человѣческому достоинству. Его великой ошибкой было то, что оно удалилось слишкомъ рано, грѣхъ, во всякомъ случаѣ, довольно необычный для правительства. Въ заключеніе прошу васъ простить мою обидчивость, обусловленную ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ справедливости».

3.

Въ той же мѣрѣ, какъ съ Луи-Бланомъ, Герценъ былъ близокъ въ Лондонѣ и съ другими выдающимися представителями фран-

цузской эмиграціи. Онъ сохранилъ на память—и вклеилъ въ свой альбомъ автографовъ—письмо Ледрю-Роллена, рекомендующее ему превосходное бургонское, которое берется доставлять одинъ его знакомый, эмигрантъ и прекрасный патриотъ,—коротенькую записочку (просьбу сообщить адресъ Виллиха) французскаго коммуниста Бартелеми (1854 г.), позднѣе казненнаго въ Англии, записку Рибейроля, редактора джерсейской газеты l'Homme, извѣщающаго, что не можетъ сегодня прислать, какъ обѣщалъ, неизданные стихи В. Гюго, такъ какъ еще не получилъ изъ Бельгіи корректурнаго оттиска, и т. д. Всѣ они съ нимъ на короткой ногѣ, всѣ обращаются къ нему со словами «дорогой Герценъ», или, по крайней мѣрѣ «дорогой гражданинъ». Его общительность далеко оставляетъ за собой границы теоретическаго согласія: онъ пріятель и съ буржуазными республиканцами, и съ якобинцами социализма, и Бартелеми кончаетъ свою записочку къ нему увѣреніемъ въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ, тотъ самый Бартелеми, который въ своей ненависти къ буржуазіи и буржуазному радикализму доходилъ до готовности истребить и Гюго, и Маццини, и Кошута, потому что—говорилъ онъ (и какъ близка была эта мысль Герцену!)—«чтобы революція десятый разъ не была украдена изъ нашихъ рукъ, надобно дома, въ нашей средѣ, сломить голову злѣйшему врагу. За прилавкомъ, за конторкой мы его всегда найдемъ,—въ своемъ станѣ слѣдуетъ его побить!»

4.

Переписка Герцена съ Кинэ относится къ послѣднимъ годамъ жизни перваго. Они познакомились, безъ сомнѣнія, еще въ началѣ 50-хъ годовъ (Кинэ былъ лучшимъ другомъ Мишле). Когда, въ 1865 г., вышла знаменитая книга Кинэ о революціи, Герценъ написалъ ему письмо, которое затѣмъ самъ напечаталъ въ «Колоколѣ», въ 5-мъ своемъ «Письмѣ къ будущему другу» («Кол.» 213, отъ 1 февраля 1866 г.). Въ этой книгѣ онъ опять увидѣлъ примѣръ западнаго человека, наполовину освободившагося внутренне, но неспособнаго освободиться вполне, останавливающагося въ суевѣрномъ почтеніи передъ идеей собственности,—и онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать Кинэ, что для того, чтобы выйти изъ разваливающагося зданія старой Европы, надо перешагнуть черезъ эту идею, и что на это способна только юная Россія со своимъ общиннымъ строемъ. Сохранился отвѣтъ Кинэ на это письмо. 4 января 1866 г. онъ писалъ Герцену: «Было бы очень досадно, еслибы ваше письмо оказалось только для меня; мнѣ больше всего жаль, что оно появится по-русски. Вы имѣете за себя традицію, фактъ, очень мало извѣстный намъ. Многіе изъ насъ обнимаютъ облако: сведите ихъ на землю». Очевидно, Герценъ сообщилъ Кинэ, что письмо его будетъ напечатано въ «Колоколѣ».

Въ эти годы они, повидимому, не разъ видались въ Швейцаріи, гдѣ жилъ тогда добровольнымъ изгнанникомъ Кинэ и куда часто набѣжалъ Герценъ. Такъ, въ цитированномъ сейчасъ письмѣ (изъ Вейто) Кинэ пишетъ Герцену, что ждетъ его у себя завтра.

Годъ спустя въ томъ же Вейто жилъ и Мишле. Однажды Герценъ прочиталъ ему, въ присутствіи Кинэ, переводъ своей статьи «Мазурка», напечатанной въ «Колоколѣ» отъ 15 іюня 1867 г.—и оба они стали настойчиво убѣждать его послать эти блестящія страницы въ какую-нибудь парижскую газету. Но «вѣтеръ былъ неблагопріятенъ»—газета отказалась напечатать статью. Года полтора спустя, въ началѣ января 1869 г., т. е. тотчасъ по прекращеніи французскаго «Колокола», Герценъ получилъ отъ Кинэ слѣдующее письмо: «Одно слово—и тысяча пожеланій для васъ. Никто больше меня не сожалѣетъ о прекращеніи «Колокола». Его ничто не замѣнитъ. Мнѣ нужно поблагодарить васъ за пріятные часы, которыми я обязанъ вамъ. Каждый вашъ номеръ былъ лучезарнымъ сѣвернымъ сіяніемъ въ нашей западной ночи. Я прошу васъ дать намъ по крайней мѣрѣ переводъ той неподражаемой «Мазурки», которую вы читали намъ въ Вейто». Когда затѣмъ Кинэ снова подтвердилъ эту просьбу при личномъ свиданіи въ Женевѣ, Герценъ рѣшилъ исполнить ее. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ предисловія Герцена къ отдѣльному французскому изданію «Мазурки», помѣченнаго 29 мая 1869 г. въ Женевѣ. Это рѣдкое теперь изданіе представляетъ собою тоненькую брошюрку всего въ 8 стр. подъ заглавіемъ: «*La Mazourka, un article du «KoloKol», dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen (Iskander)*». Письмомъ отъ 16 іюня Кинэ благодарилъ Герцена за это посвященіе, и въ заключеніе писалъ отъ своего лица и отъ имени своей жены: «Какимъ вечеромъ мы обязаны вамъ! Какіе рассказы, какія краски, какая жизнь! Все это до сихъ поръ еще оживаетъ во мнѣ при всякомъ поводѣ. Если въ Брюсселѣ (куда ѣхалъ Герценъ) я смогу быть вамъ полезенъ чѣмъ-нибудь, это будетъ честью для меня. Дайте мнѣ только знать. Добраго здоровья, счастливаго пути, и возвращайтесь къ намъ поскорѣе».

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Гершензонъ.

Дѣло Карпинскаго.

(1862 года).

«Въ 1862 г. былъ преданъ военному суду дворянинъ Каменецъ-Подольской губ. Іеронимъ Карпинскій за храненіе и приобрѣтеніе запрещенныхъ книгъ, составленіе имъ самимъ политическихъ сочиненій предосудительнаго содержания и распространеніе возмутительныхъ воззваній.

Карпинскій въ 1860 г. поступилъ въ университетъ, откуда въ 1864 г. былъ исключенъ; затѣмъ онъ въ качествѣ домашняго учителя проживалъ разныхъ помѣщиковъ въ Подольской губерніи. По полученіи полиціею свѣдѣній о пропагандической дѣятельности Карпинскаго, онъ былъ арестованъ. При обыскѣ у него оказались: нѣсколько запрещенныхъ книгъ; рисованный карандашемъ портретъ челоуѣка подъ висѣлицею съ веревкой на шеѣ, вѣнкомъ на головѣ и съ подписью—Артуръ-Черный Завиши, казненный въ 1833 г.; такой же карандашный портретъ ксендза Людвигъ Ясинскаго, со знаменемъ въ рукахъ и надписью—впередъ, братья, во имя Бога и отчизны, впередъ, маршъ; восемь польскихъ стихотвореній самого Карпинскаго, гдѣ Польша уподобляется мученицѣ въ цѣпяхъ рабства; пять прозаическихъ статей, между прочимъ и самого Карпинскаго, о возстановленіи Польши; воззваніе Карпинскаго къ подольскимъ дворянамъ.

«Деспотизмъ дописываетъ уже свои послѣднія страницы своихъ гнусныхъ дѣяній, излагалось въ воззваніи, движеніе въ Варшавѣ, это востокъ новой жизни, заря воскресенія; весь міръ теперь смотритъ на Польшу и искренне сочувствуетъ всякимъ признакамъ нашего пробужденія. Повсюду начался поворотъ къ завоеванію самобытнаго существованія. Варшавяне изъ ударовъ сердца составили адресъ къ Императору, съ домогательствомъ возстановленія Польши. Неужели одни мы будемъ засыпать въ лѣнности? Неужели, держась особнякомъ, мы будемъ подкрѣплять мнѣніе Петербургскаго кабинета, что мы—россіяне? Нѣтъ! мы обманывали бы такимъ образомъ и свое отечество, и этихъ же самыхъ родственниковъ намъ россіянь. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о какой вооруженной демонстраціи, но пора напомнить Европѣ, что и мы должны пользоваться такими же правами, какъ и жители Царства, потому что мы составляли одну съ ними семью. Сама Россія будетъ благодарна намъ за это, потому» . . . Здѣсь воззваніе обрывается.

Военный судъ приговорилъ Карпинскаго къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ заключить его въ крѣпости на четыре года. Это заключеніе было Высочайше подтверждено 14 іюня 1862 г.»

Революціонеры во флотѣ.

(Очеркъ второй ¹⁾).

Въ послѣдующіе годы вплоть до 1879 года намъ не случалось приходиться въ непосредственное соприкосновеніе съ революціонерами—этому было много причинъ.

Революціонеры въ то время не задавались цѣлью политическаго переворота и не признавали политической борьбы. Это былъ періодъ хожденія въ народъ и „Земли и Воли“, а потому они не интересовались пропагандой среди войскъ и въ общемъ революціонные и радикальные кружки относились съ предубѣжденіемъ къ офицерской средѣ и мало знали ее.

Офицерство съ своей стороны совершенно не понимало революціонеровъ того времени и относилось къ нимъ съ неменьшимъ предубѣжденіемъ. Даже для болѣе образованнаго и оппозиціонно настроеннаго офицерства было совершенно чуждо господствовавшее тогда въ революціонной средѣ почти анархическое міровоззрѣніе. Да и трудно было бы оставаться на службѣ при этомъ міровоззрѣніи. Зачѣмъ? Съ какою цѣлью? Не легко было оставаться на службѣ и государственнику, враждебно настроенному противъ правительства, но тамъ было объясненіе, была цѣль и нѣкоторое право, опиравшееся на формулу „служба государству, а не правительству“. У революціонера же того времени не было ни смысла, ни оправданій для продолженія службы, а потому совершенно понятно, что тѣ сравнительно рѣдкіе офицеры, которые проникались господствовавшимъ тогда ученіемъ, сдѣлали оставивъ службу и уйти въ ту среду, которая стремилась провести это ученіе въ жизнь. Въ общемъ-же офицеры, какихъ бы политическихъ воззрѣній не держались, въ большинствѣ случаевъ всегда государственники. Среди нихъ попадались люди, любившіе народъ, готовые сочувствовать всякимъ политическимъ и экономическимъ реформамъ, которые могли бы вывести народъ изъ его печальнаго униженнаго положенія. Были среди нихъ и люди понимавшіе, что тогдашній политическій строй былъ вреденъ для страны и которые относились бы сочувственно къ измѣненію его даже насильственнымъ

¹⁾ См. „Вилое“, февраль 1907 г.

путемъ. Но не только господствовавшій въ то время анархизмъ, но и социализмъ были вполне чужды для нихъ.

Выше я говорю только о незначительномъ меньшинствѣ. Огромное же большинство офицеровъ не имѣло никакого представленія не только о политикѣ, но даже о своей собственной роли въ государствѣ. Они были преданы Императору и Россіи, но какія обязанности возлагала на нихъ эта преданность и въ чемъ она могла выразиться (кромѣ, конечно, участія въ сраженіяхъ), они себѣ не представляли. Да имъ и трудно было себѣ это представить, такъ какъ по большей части все промежуточное между Императоромъ и ими они не уважали и постоянно жаловались на все окружающее; среди нихъ господствовало недовольство довольно сильное, но неясное и неопредѣленное.

Насколько офицеры въ то время придавали мало значенія политическимъ убѣжденіямъ и тому или иному отношенію къ тогдашнему правительству, ярко характеризуется нѣкоторыми эпизодами, о которыхъ я буду говорить далѣе; теперь же приведу для иллюстраціи одинъ случай.

Среди моихъ товарищей и личныхъ пріятелей былъ нѣкто А. П., очень неглупый человекъ, по происхожденію изъ старой дворянской семьи, весь пропитанный дворянскими традиціями, презиравшій мужика и всѣ сословія, кромѣ дворянскаго, ярый защитникъ самодержавія со всѣми его атрибутами. Онъ искренно ненавидѣлъ не только революціонеровъ, но и самыхъ скромныхъ либераловъ. Онъ былъ до того нетерпимъ, когда дѣло касалось политики, что между нами было рѣшено никогда не затрагивать политическихъ вопросовъ.

И вотъ, когда въ 1878 году былъ арестованъ Луцкій и разнесся слухъ, что ему грозитъ вѣзліца, ко мнѣ прибѣгаетъ весь блѣдный А. П.

— Ты слышалъ, Есперь? — воскликнулъ онъ — что нашего Владимира Владиміровича хотятъ повѣсить.

— Слышалъ, — отвѣчалъ я, — но это не можетъ быть, за что его вѣшать?

— О, они способны на все! Это такъ оставить нельзя, надо обдумать планъ его освобожденія. Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду къ другимъ.

И онъ въ волненіи побѣжалъ къ другимъ товарищамъ.

Я не знаю на какой шагъ онъ рѣшился бы, — человекъ онъ былъ твердый и смѣлый. Къ счастью, слухъ оказался ложнымъ и все успокоилось.

Въ этомъ случаѣ духъ товарищества одолѣлъ не только политическія убѣжденія, а чуть было не поставилъ въ открыто враждебныя отношенія съ существовавшимъ режимомъ его яраго защитника. И это было не исключеніемъ, но въ той или другой формѣ среди офицерства, по крайней мѣрѣ во флотѣ, духъ товарищества всегда пересиливалъ сознаніе долга предъ (не говоря уже о начальствѣ, оно не считалось) правительствомъ въ цѣломъ. Будь здѣсь вопросъ объ Императорѣ, то несомнѣнно А. П. былъ бы

противъ Луцкаго, но правительство никогда не отождествлялось ни съ Императоромъ, ни съ Россіей.

Кромѣ того въ этотъ періодъ сильно приподнялось патриотическое настроеніе. Возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ, Сербско-Турецкая война, возстаніе Болгаріи и, наконецъ, русско-турецкая война волновали умы, возбуждали патриотизмъ и отвлекали отъ внутренней политики всю Россію, а тѣмъ паче офицерство. На сколько тогда было приподнято патриотическое настроеніе, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые, почти революціонно настроенные офицеры ушли добровольцами въ Сербію. Изъ моихъ ближайшихъ товарищей вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Сербію мичманъ В. Луцкій, который по возвращеніи изъ Сербіи уже болѣе не поступалъ на службу.

Но къ концу 1878 года патриотизмъ упалъ. Война съ Турціей раскрыла глаза на печальную картину русскихъ порядковъ. Особенно сильно сказалось это на офицерахъ, бывшихъ свидѣтелями того, какъ несчастные солдаты, выносившіе на своихъ плечахъ всю тяжесть войны, пытались гнилымъ хлѣбомъ съ известкой, ходили безъ подошвъ, оставались безъ медицинской помощи и не потому, что въ Россіи не было средствъ накормить своихъ солдатъ, а потому, что казнокрадство во время войны достигло размѣровъ открытаго дневного грабежа и никакіе протесты, никакія усилія и хлопоты порядочныхъ офицеровъ не могли помочь горю. Я не буду на этомъ долго останавливаться, приведу только два примѣра: одинъ—казнокрадства, а другой—отношенія офицеровъ къ интендантству.

Мои товарищи, бывшіе на войнѣ, рассказывали между прочимъ, что недалеко отъ моста, гдѣ они стояли, былъ расположенъ кавалерійскій запасъ; имъ завѣдовалъ какой-то ротмистръ. Онъ жилъ въ прекрасномъ домѣ и держалъ открытый столъ. Всякій знакомый и незнакомый офицеръ могъ къ нему захватить, сколько угодно ѣсть, пить шампанское, курить лучшія сигары,—все это стояло цѣлыми ящиками въ его квартирѣ. Откуда же такая роскошь? Очень просто: онъ получалъ по 2 рубля въ день на каждую лошадь, лошадей считалось двѣ тысячи, а никогда не было болѣе пяти сотъ, да и для тѣхъ фуражъ очень часто получался хозяйственнымъ образомъ. И вотъ, этотъ ротмистръ получалъ отъ *трехъ до четырехъ тысячъ* безгрѣшного дохода *въ день*. И, вы думаете, онъ скрывалъ это? Нисколько. Это былъ веселый, добродушный гуляка, откровенно ведшій свои дѣла, раздававшій деньги направо и налѣво—всѣмъ, кто попроситъ, и рассказывавшій всѣмъ и каждому, какое золотое дно ему досталось и что онъ не знаетъ, куда дѣвать деньги. Онъ, очевидно, не сознавалъ, что грабить казну—преступленіе. Объ этомъ знало и начальство, и окружающіе подчиненные.

Какъ смотрѣли офицеры на интендантовъ?

Вотъ сценка:

Собрались офицеры въ кафе-шантанѣ.—За отдѣльнымъ сто-

ликомъ расположились нѣсколько интендантовъ... одинъ изъ нихъ пошелъ за чѣмъ-то въ глубину залы... вдругъ раздается крикъ:

— Господа, бѣжимъ! Нашихъ бьютъ!—кричитъ спасающійся бѣгствомъ отлучившійся интендантъ, преслѣдуемый офицерами.

Его товарищи буквально исполняютъ его совѣтъ—и кто въ шапкѣ, кто безъ нея, кто съ саблей, кто позабывъ о ней,—спасаются бѣгствомъ.

Интендантовъ можно было бить и сорвать такимъ образомъ свою злобу. Но кто повыше, тѣхъ нельзя было бить, а недовольство ими было не меньшее, а большее. И не только потому, что не интендаты, а они были главными виновниками казнокрадства, а также и потому, что они выказывали не только невѣжество въ военномъ дѣлѣ, но полное равнодушіе къ интересамъ родины, къ страданіямъ солдатъ и офицеровъ и заботились только о чинахъ, орденахъ, да занимались взаимными интригами.

Само собою офицерство, оскорбленное въ своемъ патриотизмѣ, въ своей любви къ народу и къ солдату и обиженное лично, обратило свое вниманіе на изысканіе причинъ подобнаго положенія вещей.

Само собою взоры офицерства обратились въ сторону оппозиціи и революціонеровъ, и оно скупало нелегальную литературу въ Румыніи. Но офицеры нашли мало серьезныхъ и подходящихъ книгъ, а много всякаго хлама, благодаря тому, что аферисты изъ румынскихъ книготорговцевъ, въ виду огромнаго спроса на нелегальную литературу, скупили устарѣвшія и неудачныя произведенія, цѣлые годы валявшіяся на чердакахъ въ Цюрихѣ, Женевѣ, и у берлинскихъ книгоиздательскихъ фирмъ и наводнили ими Бухарестъ и другіе города Румыніи, гдѣ они могли свободно продаваться. Только Драгомановъ написалъ двѣ-три брошюры на злобу дня, а революціонеры, по всей вѣроятности, продолжали игнорировать армию, какъ цѣлое, и не воспользовались удобнымъ моментомъ, не постарались дать отвѣтъ на вопросы, интересовавшіе офицерскія массы, взволнованныя видимыми ими на войнѣ послѣдствіями неурядицы, царствовавшей тогда въ Россіи, такъ что десятки пудовъ литературы, вывезенные изъ Румыніи офицерами, мало помогли разобраться въ волновавшихъ ихъ вопросахъ, и революціонеры для нихъ были такъ же чужды и непонятны, какъ и раньше. Мнѣ не разъ приходилось видѣть офицеровъ, добросовѣстно прочитавшихъ романъ „На Жизнь и Смерть“¹⁾ или т. п. произведенія, и въ недоумѣніи спрашивавшихъ: „что же такое наши революціонеры? чего же они хотятъ?“

А офицерство въ то время было настроено очень оппозиціонно: съ одной стороны—война, съ другой—все усиливающейся и усиливающейся приливъ молодыхъ силъ, прошедшихъ школу въ реформированныхъ Милютинимъ военно-учебныхъ заведеніяхъ,—

¹⁾ Впоследствии за границей я не встрѣтилъ ни одного изъ студентовъ и революціонеровъ, которые имѣли бы мужество прочесть болѣе одной главы этого объемистаго романа.

нарушили рутину офицерской среды и заставили ее интересоваться внешним миром. Мало-по-малу повсюду—и в армии и во флоте—возрос интерес к политическим и философским наукам: где в одиночку, где целыми кружками офицеры занялись серьезным чтением; кое-где полковые библиотеки стали пополняться хорошо подобранными книгами, и спрос на нелегальную литературу все возрастал и возрастал, и понемногу офицеры стали знакомиться с революционными взглядами того времени.

У нас, в Кронштадте, нелегальная литература среди молодого офицества циркулировала довольно свободно. Кое-где во флоте, армии и артиллерии начали образовываться кружки, но революционеры еще не входили в серьезные сношения с офицерством. Революционно настроенные офицеры тоже не очень доверчиво относились к способу и плану действий тогдашних революционеров, да к тому же еще неясно понимали различие программ существовавших тогда партий.

В то время наш товарищеский кружок¹⁾ был уже иного состава, чем в первое время. Луцкий к этому времени уже вышел в отставку, Паскевич поступил в коммерческий флот, Уклонский совсем разочаровался в политик; куда дѣлся Кулеш—не помню, так что из китоловов нашего выпуска я оставался один. Зато многие другие из старых товарищей прониклись большим интересом к политик, и мы вместе не мало толковали и раздумывали о том, как быть и что дѣлать нам в такое тяжелое время. О революционной деятельности мы не думали, хотя и встречали по временам в Петербурге у Луцкого кое-кого из революционеров; но как то у нас с ними находилось мало общаго. Это были, по большей части, люди с анархическим мировоззрением, которое для нас было тогда мало понятно и во всяком случае казалось беспочвенным в современной России. Помимо того, несмотря на оппозиционность, мы были сравнительно мирно настроены, верили в возможность культурной работы, к которой некоторые из нас готовились, мечтая выйти в отставку и работать в земствѣ.

Серьезные сношения революционных партий с офицерством начались в 79 году. После раскола общества „Земля и Воля“ на две фракции: партию „Народной Воли“ и „Черный Передѣл“, первой из этих фракций был ясно поставлен вопрос о необходимости политической борьбы и даже допустимости политического заговора, а следовательно необходимость содействия армии немедленно же выяснилась для революционеров.

В Кронштадте первый партийный революционный кружок создали черно-передѣльцы²⁾. Это был кружок молодых мичманов, который занимался пропагандой среди матросов с целью приготовить из них будущих пропагандистов в деревню.

¹⁾ См. Билое, февраль 1897 г.

²⁾ Об этом я узнал впоследствии от некоторых из участников этого кружка.

Повидимому, пропаганда шла довольно успешно—так, по рассказам одного из участников этого кружка, они сорганизовали на передѣльческой программѣ от 80 до 100 человек матросов. Но так как чернопредѣльческая программа не ставила своей задачей непосредственную политическую борьбу, то она и не могла имѣть успеха среди офицества, и через сравнительно короткое время этот кружок распался и большая часть членов примкнула к нам.

Около того же времени образовался и артиллерийский кружок среди офицеров Кронштадтской крепостной артиллерии. Какова была его программа в то время, я не знаю. Впоследствии этот кружок примкнул к партии „Народной Воли“. Около этого же времени кой-где на юге и в центре России революционеры завязали болѣе или менѣе серьезные связи с офицерством, но настоящими основателями военной организации были Желябов и Суханов. Но об этом в слѣдующих главах.

II.

Ранѣе, чем продолжать дальше, скажу несколько слов о Сухановѣ, игравшем такую крупную роль в дѣлѣ военной организации.

Николай Евгеньевич Суханов, как уже известно читателю, участвовал в китоловном обществѣ (я с ним тогда был мало знаком), после провала нашей кадетской конспирации, он потерял интерес к внутренней политикѣ. По своему характеру и темпераменту он не был создан для политической деятельности. По натурѣ это был мягкий, добрый, мирный человек, с большой склонностью к наукѣ, и живи он в другое время, из него, вѣроятно, выработался бы крупный ученый культурный дѣятель. Но вмѣстѣ с тѣм Николай Евгеньевич был глубоко честный и прямолинейный человек, не способный ни на какие компромиссы—и если раз он убѣждался в чем-нибудь, для него уже не существовало сомнений и колебаний—и он шел прямо, не уклоняясь в сторону. Эти-то свойства его характера и сдѣлали из него, мирнаго, мягкаго человека—рѣшительнаго, и передѣльцы не останавливавшегося революционера.

Будучи произведенъ в офицеры, он недолго пробыл в Кронштадте, а перевелся в сибирскую флотилію, где и пробыл несколько лѣтъ. Служба на Дальнем Востоке много содействовала его переходу в революционный лагерь. Там он волей-неволей ознакомился с продуктами господствовавшего тогда в России режима: казнокрадством, произволом, унижением человеческой личности и т. п., которые гораздо рѣзче выступают на окраинах, чем в центре. Он даже сам отчасти пострадал от этого режима.

Суханов был назначен ревизором на одном из судов сибирской флотиліи. В заграничном плаваніи командир, реви-

зоры и старшіе механики обыкновенно наживали цѣлыя состоянія на разныхъ закупкахъ. Главной доходной статьей были уголь: записывалось невѣрное число оборотовъ винта и благодаря этому въ расходъ выводилось гораздо большее, чѣмъ въ дѣйствительности, количество израсходованнаго угля; кромѣ того, по соглашенію съ консулами устанавливались искусственно высокія справочныя цѣны—въ концѣ концовъ загребались огромныя куши, которые дѣлились между командиромъ, ревизоромъ и старшимъ механикомъ. Конечно, часть перепала консуламъ и подрядчикамъ за фиктивные счета. Когда Сухановъ принялъ должность ревизора, ему вскорѣ предложили подписать квитанцію въ приемъ такого-то количества угля, по такой-то цѣнѣ. Сухановъ проверилъ количество и цѣны и отказался подписать. Командиръ просилъ и угрожалъ, Сухановъ требовалъ, чтобы количество и цѣны угля были выставлены настоящія. Дѣло кончилось тѣмъ, что Сухановъ подалъ рапортъ командиру, и никакія убѣжденія не могли заставить взять его обратно. Дошло до суда, въ которомъ, конечно, заседали такіе же командиры, также наживавшіеся на углѣ, но хотя имъ потушить дѣло не удалось, они приговорили своего коллегу-командира за *воровство* временно отставить отъ командованія, Суханова же за несоблюденіе какихъ то формальностей въ рапортѣ отставили отъ производства въ слѣдующій чинъ, не помню на какой срокъ, да и самый приговоръ составили такъ, что было трудно разобрать, въ чемъ дѣло, кто воровалъ уголь. Этотъ эпизодъ, конечно, былъ нагляднымъ урокомъ для Суханова, какъ легко бороться даже за казенные интересы легальными средствами.

Во время этой же службы въ Сибири Сухановъ познакомился съ нѣкоторыми изъ политическихъ ссыльныхъ, и онъ узналъ кого и за что отправляютъ въ Россію въ ссылку и каторгу. Ему волей неволей пришлось задуматься надъ вопросами внутренней политики. А разъ онъ задумался, то и пришелъ къ выводу, что необходимо бороться за измѣненіе порядковъ, господствовавшихъ въ Россіи.

Въ такомъ настроеніи онъ возвратился изъ Сибири въ Россію, и здѣсь у своей сестры Зотовой встрѣтился съ товарищемъ ея мужа Желябовымъ, а черезъ него познакомился и съ другими выдающимися членами партіи „Народной Воли“, заинтересовался ея программой, проникся къ ней сочувствіемъ, мало-по-малу сталъ ей содѣйствовать и въ концѣ концовъ сдѣлался членомъ „Исполнительнаго Комитета“ этой партіи.

Осенью 1879 года, возвратившись изъ плаванія, я отправился къ своимъ двумъ пріятелямъ У. и З., съ которыми не видался уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

— А знаете-ли, Есперь Александровичъ, сказалъ мнѣ У.,— что Сухановъ знакомъ съ социалистами и общалъ имъ набрать у насъ въ Кронштадтѣ 300 человѣкъ офицеровъ въ ихъ партію.

— Да—замѣтилъ З.—у него бываетъ членъ Исполнительнаго Комитета, и знаешь, Есперь, онъ рассчитываетъ на тебя; ты ему почему-то очень понравился.

— Но я ему сказалъ—воскликнулъ У.,— что относительно вась-то, онъ ошибается въ расчетѣ, что я знаю ваши убѣжденія и вы никогда не согласитесь на его предложенія.

— Вы совершенно правы—отвѣтилъ я—я никогда не соглашусь фигурировать на Казанской площади, чтобы быть побитымъ шорниками, или въ чемъ нибудь въ этомъ родѣ.

Разговоръ нашъ сейчасъ перешелъ на другіе предметы, и, разставаясь съ пріятелями, я почти забылъ объ этомъ эпизодѣ.

Недѣли черезъ двѣ, въ воскресенье, обѣдая въ клубѣ, я встрѣтился съ Сухановымъ, который, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Послушайте, Есперь Александровичъ, зайдите-ка ко мнѣ сегодня вечеромъ: у меня хорошій человѣкъ будетъ.

Я сейчасъ же догадался, что этотъ хорошій человѣкъ никто иной, какъ тотъ членъ Исполнительнаго Комитета, о которомъ я слышалъ у пріятелей, и изъ любопытства согласился.

Когда я вечеромъ пришелъ къ Суханову, то засталъ у него одного штурманскаго офицера К. Николай Евгеньевичъ сообщилъ мнѣ, что пріятель его, съ которымъ онъ хотѣлъ меня познакомить, сегодня не будетъ, а пріѣдетъ въ слѣдующее воскресенье, а теперь онъ приглашаетъ меня провести вечеръ втроемъ и побесѣдовать.

Во время разговора въ этотъ вечеръ меня поразили крайніе взгляды Николая Евгеньевича и третьяго нашего собесѣдника. Особенно горячо я спорилъ съ ними обоими о французскомъ террорѣ девяностыхъ годовъ—они его защищали, доказывая его неизбежность, необходимость и продуктивность. Я же стоялъ на томъ, что французскій терроръ на половину погубилъ дѣло французской революціи. Ни они меня, ни я ихъ не разубѣдили и мы разстались каждый при своихъ взглядахъ.

На слѣдующее воскресенье я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пріятелями, пошелъ къ Суханову. У него мы застали большую компанію офицеровъ и двухъ штатскихъ, которыхъ Николай Евгеньевичъ представилъ намъ, назвавъ одного Андреемъ, другого Глѣбомъ¹⁾.

Сначала разговоръ шелъ объ общихъ предметахъ, мало интересныхъ. Въ разговорѣ я не принималъ почти никакого участія, а все свое вниманіе сосредоточилъ на присутствовавшихъ статскихъ, желая разгадать, кто изъ нихъ интересующій меня членъ Исполнительнаго Комитета. Назвавшійся Андреемъ былъ замѣчательно красивъ; высокаго роста, съ темнорусыми бородами и волосами; сѣрые глаза его, казавшіеся темными, были замѣчательно живы, и выразительны. Другой—невысокаго роста, съ лицомъ, почти совсѣмъ закрытымъ густой черной бородой, съ пронзательными черными, какъ уголь, глазами.

Разговоръ продолжался недолго. Немного времени спустя послѣ нашего прихода Сухановъ прервалъ разговоръ и, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ:

— Господа, эта комната имѣетъ двѣ капитальныя стѣны; двѣ другія ведутъ въ мою-же квартиру; мой вѣстовой—татаринъ,

¹⁾ Это были, какъ мы узнали потомъ, Желябовъ и Кологубовъ.

почти ни слова не понимающей по русски; а потому нескромных ушей намъ бояться нечего, и мы можемъ приступить къ дѣлу. Потомъ, повернувшись къ высокому штатскому, прибавилъ:

— Ну, Андрей, начинай!

Тогда штатскій, назвавшійся Андреемъ, всталъ и, обращаясь къ офицерамъ, произнесъ съ большимъ энтузіазмомъ длинную горячую рѣчь.

— Такъ какъ Николай Евгеньевичъ передалъ мнѣ, началъ онъ, что вы, господа, интересуетесь программой и дѣятельностью нашей партіи, борющейся съ правительствомъ, то я постараюсь познакомить васъ съ тою и другою, какъ умѣю:—мы террористы-революціонеры требуемъ слѣдующаго...

Я не могу точно передать его рѣчи, но суть ея заключалась въ обзорѣ положенія дѣлъ въ Россіи, въ самой рѣзкой критикѣ правительства и его дѣйствій, въ доказательствахъ неизбежности революціи, въ изложеніи и объясненіи программы партіи и въ отвѣтствіи ея тогдашнему положенію дѣлъ въ Россіи и въ доказательствахъ необходимости центрального террора.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на присутствующую публику этой рѣчью. Всѣ бывшіе въ этотъ вечеръ у Николая Евгеньевича, за исключеніемъ насъ, не были подготовлены услышать подобную смѣлую рѣчь. Всѣ они привыкли говорить о правительствѣ, особенно же о революціонныхъ партіяхъ, только въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ и то въ извѣстной формѣ. Никому изъ нихъ Николай Евгеньевичъ не сказалъ, кто у него будетъ; и они даже не подозревали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Сухановъ всѣхъ, кто ему явился, приглашалъ къ себѣ по одному и тому-же способу: „приходите ко мнѣ тогда-то, у меня хороший человѣкъ будетъ“—говорилъ онъ и больше никакихъ объясненій не давалъ.

Когда Андрей произнесъ слова „мы террористы-революціонеры“, всѣ какъ бы вздрогнули и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга. Но потомъ, подъ вліяніемъ увлекательнаго краснорѣчія оратора, начали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Интересно было видѣть перемѣну, происшедшую въ настроеніи всего общества.—Беззаботная, довольно веселая компанія офицеровъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, стала похожа на группу заговорщиковъ. Лица понемногу блѣднѣли, глаза разгорались, всѣ какъ бы притаили дыханіе, и среди мертвой тишины раздавался звучный пріятный голосъ оратора, призывавшій окружающихъ его офицеровъ на борьбу съ правительствомъ. Кто зналъ Желябова, тотъ, вѣроятно, помнитъ, какъ увлекательно онъ говорилъ. Эта же рѣчь была одною изъ самыхъ удачныхъ, по его же собственному признанію.

Андрей кончилъ... подъ вліяніемъ его рѣчи начались оживленные разговоры, строились всевозможные планы самаго революціоннаго характера. И если бы въ это время вошелъ посторонній человѣкъ, онъ былъ бы увѣренъ, что попалъ на сходку самыхъ горячихъ заговорщиковъ-революціонеровъ. Онъ не повѣрилъ бы, что за часъ до этого всѣ эти люди частью почти совсѣмъ не ду-

мали о политикѣ, частью даже относились отрицательно къ революціонерамъ. Ему и въ голову не пришло бы, что завтра же большая часть изъ этихъ революціонеровъ будетъ съ ужасомъ вспоминать объ этомъ вечерѣ.

Первый разъ мнѣ пришлось увидѣть, что можетъ сдѣлать талантливый ораторъ съ своими слушателями. Позови въ этотъ вечеръ Желябовъ все присутствовавшее офицерство на какое угодно предпріятіе—всѣ пошли бы. Между тѣмъ дѣйствительно сочувствующихъ было ничтожное меньшинство: всѣхъ же офицеровъ было болѣе двадцати и большинство изъ нихъ продолжаетъ вѣроятно и теперь быть благополучными россиянами. Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что двадцать человѣкъ офицеровъ, не занимавшихся политикой,—подъ вліяніемъ сильной и увлекательной рѣчи оратора на минуту повѣрили въ силу революціонной партіи, въ слабость правительства—оказались готовыми вступить въ борьбу съ послѣднимъ?

По моему, это объясняется очень просто: усиліями воспитателей, начальства и властей, въ той части головы, въ которой у западнаго человѣка помѣщаются политическія убѣжденія, пониманіе своихъ обязанностей и своей роли въ государствѣ, у русскихъ офицеровъ образовалось пустое пространство, въ которомъ свободно перекатывались, подобно шарикамъ, ничѣмъ между собою не связанныя слова—православіе, самодержавіе и народность, и стоило умѣлому человѣку заполнить эту пустоту чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ, шарики переставали перекатываться и офицеры начинали говорить другимъ языкомъ, а потомъ тѣ, у которыхъ головныя дверцы были слабы, выйдя на свѣжій воздухъ, растеривали вновь пріобрѣтенное и у нихъ въ головѣ опять начинали перекатываться излюбленные шарики.

Но на нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, въ томъ числѣ на моихъ товарищей и на меня этотъ вечеръ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Мы и ранѣе были болѣе, чѣмъ оппозиціонно настроены, и многое изъ того, что говорилъ ораторъ, отвѣчало нашему настроенію и было извѣстно намъ. На насъ произвела особенно сильное впечатлѣніе личность говорившаго, его вѣра и убѣжденность, а главнымъ образомъ ясное, точное пониманіе и послѣдовательное, логическое изложеніе плана и способа борьбы съ господствовавшимъ въ Россіи режимомъ и ихъ возможность и осуществимость. Ранѣе, какъ я уже упоминалъ, у насъ было недовѣріе къ революціоннымъ партіямъ и революціонной борьбѣ, главнымъ образомъ потому, что мы не вѣрили въ силу партій, будучи убѣждены, что онѣ не имѣютъ ясныхъ, опредѣленныхъ программъ и состоятъ главнымъ образомъ изъ зеленой молодежи и энтузіастовъ. Въ этомъ убѣжденіи поддерживало насъ и то обстоятельство, что сталкиваясь послѣдніе годы съ революціонерами, мы встрѣчали лицъ, которыя не могли намъ ясно показать, чего они хотятъ и какимъ образомъ могутъ добиться своей цѣли. Послѣ же встрѣчи съ Желябовымъ и Колоткевичемъ, наше мнѣніе о революціонерахъ рѣзко измѣнилось. Въ нихъ мы встрѣтили не только умныхъ, но силь-

ныхъ людей съ яснымъ политическимъ пониманіемъ. Такой же переворотъ въ нашихъ взглядахъ произвели программы партіи „Народной Воли“. Въ ней вопросы учредительнаго собранія и націонализаціи земли были поставлены ясно и точно, что вполне соответствовало нашему міровоззрѣнію, и не будь въ программѣ террора, мы немедленно бы примкнули къ партіи.

Во всякомъ случаѣ послѣ этого вечера, мы стали посѣщать Николая Евгеньича каждый разъ, когда къ нему пріѣзжали Андрей или Глѣбъ. Мы живо интересовались дѣятельностью партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ насъ все росла вѣра въ нее и въ людей ее составлявшихъ. Эти посѣщенія и душевные бесѣды вели къ нашему тѣсному сближенію съ Николаемъ Евгеньевичемъ и посѣщавшими его нелегальными. Повидимому, самъ Сухановъ тоже еще въ то время не принадлежалъ къ организаціи. Это можно было заключить по той рѣзкой перемѣнѣ, которая произошла въ немъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время онъ хотя и относился крайне сочувственно къ партіи, но по многимъ вопросамъ относительно участія въ ней офицеровъ отказывался высказать свое категорическое мнѣніе—такъ, на мое заявленіе, что меня останавливаетъ отъ вступленія въ партію главнымъ образомъ ея террористическая дѣятельность, онъ отвѣчалъ:

— Я бы понялъ, если бы вы не соглашались принимать участіе въ террористической дѣятельности партіи только потому, что будучи офицеромъ и держась военныхъ традицій, вамъ тяжело принимать участіе въ тайномъ способѣ уничтоженія врага и вы предпочитаете способъ открытой борьбы. Но я не понимаю, какъ можете коробить человѣка уничтоженіе врага народнаго, разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что это дѣйствительно врагъ народа.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ у Николая Евгеньевича не было никакихъ сомнѣній. Онъ уже состоялъ тогда членомъ Исполнительнаго Комитета. Кто зналъ характеръ Суханова, тому понятно было, что онъ не могъ вступить въ партію, не разрѣшивъ всѣхъ своихъ сомнѣній, но зато, если примкнуть, то уже не станеть оглядываться назадъ.

Свиданія наши у Суханова съ Желябовымъ и другими продолжались до марта мѣсяца 1880 года, но ни разу уже не собиралось такъ много офицеровъ, какъ въ первый разъ. Мы заявили Суханову, и Желябовъ насъ поддержалъ, что невозможно ходить на эти свиданія, если Николай Евгеньевичъ сохранить прежній запорожскій способъ приглашенія людей. Сухановъ съ трудомъ на это согласился.

— Между нами, господа, нѣтъ предателей,—возражалъ онъ— и по мнѣ такъ: если хороший человѣкъ, то пусть придетъ послушать, не требовать же аттестата.

Около этого же времени возвратился изъ Сибирской флотиліи мой старый товарищъ Александръ Павловичъ баронъ Штромбергъ. Прекрасный и милый товарищъ, общій нашъ любимецъ, но всегда стоявшій далеко отъ политики, благодаря своему воспитанію и баронскимъ традиціямъ,—онъ былъ изъ Прибалтійскаго края.

И вотъ, къ удивленію, нашъ баронъ, какъ мы его шутя называли, оказался не такимъ, какимъ уѣхалъ. Онъ уѣхалъ на Дальній Востокъ—барономъ, возвратился—чистымъ народникомъ и почти революціонеромъ. Онъ не только принялъ сейчасъ-же участіе въ нашихъ посѣщеніяхъ Суханова, но относился ко всему гораздо горячѣе насъ, и все рвался впередъ.

Съ марта мѣсяца свиданія съ Желябовымъ прекратились, такъ какъ намъ нужно было готовиться къ плаванію. Свиданія эти на первый взглядъ казались не привели ни къ какимъ результатамъ? Мы распространяли среди офицеровъ нелегальную литературу, занимались пропагандой партійной программы и оказывали кое-какія услуги партіи, но вопреки стараніямъ Желябова отказывались организоваться и принять на себя какія-нибудь ясныя и точныя обязательства. Это происходило потому, что мы не могли рѣшить вопроса, принимать ли намъ участіе въ дѣятельности партіи, какъ офицеры, или выйти въ отставку. Останавливали насъ также и вопросъ о террорѣ. Вскорѣ мы всѣ, въ томъ числѣ и Сухановъ, ушли въ плаваніе.

Во время плаванія мнѣ мало приходилось говорить о революціи, я былъ тогда вахтеннымъ начальникомъ на кадетскомъ отрядѣ и составъ офицеровъ, хотя и очень порядочный, былъ таковъ, что исключалъ всякую возможность политической пропаганды. Но во время плаванія мнѣ пришлось убѣдиться, что не мы одни входили въ сношенія съ революціонерами. Такъ, когда нашъ отрядъ пришелъ въ Либаву, я, сойдя на берегъ, отправился повидать своего стараго товарища, лейтенанта Петра Осиповича Серебренникова, впоследствии командира Бородина, погибшаго со своимъ кораблемъ въ Цусимскомъ бою. Во время разговора съ нимъ я передалъ ему о нашихъ сношеніяхъ съ революціонерами. Онъ отнесся къ этому весьма сочувственно и сообщилъ мнѣ, что у него также есть знакомства въ революціонной средѣ, что ему не разъ приходилось оказывать ему услуги, благодаря его службѣ на таможенной флотиліи. Еще не далѣе, какъ этимъ лѣтомъ онъ съ однимъ артиллерійскимъ офицеромъ перевезли ночью на лодкѣ изъ Лиавы въ Мемель двухъ нелегальныхъ, желавшихъ скрыться за границу.

Сухановъ возвратился изъ плаванія раньше меня и уже успѣлъ переѣхать въ Петербургъ, къ тому времени, какъ я возвратился. Онъ прекрасно кончилъ минныя офицерскіе классы и былъ временно прикомандированъ въ Петербургъ для слушанія лекціи въ Университетѣ. Профессоръ физики Вандерфлитъ взялъ его къ себѣ въ ассистенты.

III.

Въ началѣ осени 1880 года, возвратившись изъ плаванія, мы шестеромъ: Штромбергъ, З—въ, Р—въ, Юнгъ (впоследствии командиръ броненосца „Орелъ“, убитый въ Цусимскомъ бою) и я стали обсуждать вопросъ о нашемъ отношеніи къ партіи. Штромбергъ стоялъ на немедленномъ и безусловномъ присоединеніи къ

ней. Другіе относились не вполне опредѣленно, а и Юнгъ были противъ. Штромбергъ, недовольный нашими колебаніями, заявилъ намъ, что если мы не присоединимся къ партіи всѣмъ нашимъ кружкомъ, то онъ присоединится къ образуемому среди артиллеристовъ кружку и вмѣстѣ съ нимъ войдетъ въ составъ партіи. Наши пренія закончились рѣшеніемъ присоединиться къ партіи, если наши обязательства будутъ таковы, что мы сохранимъ за собою свободу выбора нашей дѣятельности и мы условились обратиться къ Суханову съ просьбой устроить намъ свиданіе съ Желябовымъ.

Вскорѣ послѣ нашихъ совѣщаній я поѣхалъ въ Петербургъ и зашелъ къ Николаю Евгеньевичу; увидя меня онъ воскликнулъ:

— Ну, Есперъ Александровичъ, мы довольно философствовали въ прошломъ году; пора и за дѣло приниматься.

— Дайте мнѣ опомниться, Николай Евгеньевичъ, и тогда потолкуемъ, въ какомъ дѣлѣ и чѣмъ мы можемъ быть полезны.

— Но знаете, Есперъ Александровичъ, куда будемъ толковать и опоминаться, то сдѣлаютъ все и безъ насъ.

Вскорѣ затѣмъ пришли Желябовъ, Вѣра Николаевна и одинъ изъ моихъ товарищей З—нъ. Послѣ нѣкотораго совѣщанія вмѣстѣ съ пришедшими, мы порѣшили, что недѣли черезъ двѣ соберемъ нѣсколько сочувствующихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ, куда пріѣдутъ Желябовъ съ Сухановымъ, и мы покончимъ съ вопросомъ объ организаціи.

Недѣли черезъ двѣ, действительно, пріѣхали Желябовъ съ Сухановымъ и мы послѣ долгихъ обсужденій и споровъ согласились организовать въ кружокъ и принять небольшія обязательства, изложеніе которыхъ общались приготовить къ слѣдующему пріѣзду Желябова. Въ тотъ же вечеръ Желябовъ съ Сухановымъ уѣхали.

Во время этихъ споровъ объ организаціи выяснилась разница между Сухановымъ, — для котораго дѣло организаціи было ново и который, подъ влияніемъ охватившихъ его чувствъ, стремился какъ можно скорѣе привлечь симпатичныхъ ему людей на самую боевую дѣятельность въ партіи, а потому на самомъ дѣлѣ нѣсколько отпугивавшей ихъ — и Желябовымъ, опытнымъ организаторомъ, понимавшимъ, что не слѣдуетъ побуждать людей брать на себя большія обязательства, чѣмъ они въ настоящій моментъ вполне расположены на себя взять, что вообще обещанія въ заговорщическомъ дѣлѣ играютъ ничтожную, формальную роль. Въ дѣятельности важны не большія или маленькія обязательства, а люди ихъ давшіе, что каждый, вступившій въ партію, выполнитъ свою роль соответственно своимъ свойствамъ, а не обязательствамъ имъ даннымъ.

На другой день вечеромъ мы почти въ томъ же составѣ, какъ и наканунѣ, сидѣли за чаемъ, вдругъ отворяется дверь, входитъ Сухановъ и, оглядѣвшись кто находится въ комнатѣ, говоритъ:

— Ну, господа, давайте писать конституцію.

— Вы поздоровайтесь, сперва, а потомъ, пожалуй, и будемъ писать конституцію, — закричали ему.

Для писанія конституціи мы перебрались въ отдаленную комнату квартиры, сказали вѣстовымъ никому не отворять дверей, не предупредивъ насъ. И, принявъ такимъ образомъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности, мы приступили къ составленію кружковой конституціи.

— Нужно обратить вниманіе, господа, началъ говорить Сухановъ, на то, чтобы въ первые пункты нашихъ обязательствъ не вошли устройство кружковой кассы и денежная помощь партіи, а то можетъ случиться, какъ съ другими кружками: напишутъ много параграфовъ о кассѣ, и больше ничего, или какъ мертворожденный кружокъ офицера Н., у котораго сколько угодно теоретическихъ разсужденій, а дѣла ни на грошъ.

Мы съ нимъ согласились и рѣшили, по его предложенію, поставить во главѣ обязательствъ слѣдующій параграфъ:

„Будучи убѣждены, что прогрессъ и счастье народа, а слѣдовательно и всей Россіи, не могутъ быть достигнуты безъ социально-политическаго переворота, и признавая, что программа партіи „Народной Воли“ вполне соответствуетъ нашему взгляду на лучший способъ достиженія возможно быстро переворота, мы присоединяемся къ партіи „Народной Воли“ и объявляемъ, что отнынѣ первенствующей цѣлью нашей жизни будетъ работа въ пользу вышесказаннаго переворота въ рядахъ партіи „Народной Воли“ и что всю личную нашу жизнь мы подчиняемъ этой цѣли.“

Затѣмъ слѣдовали пункты, практически опредѣляющіе наши отношенія къ партіи и нашу дѣятельность; въ самомъ концѣ стояла касса, чѣмъ Николай Евгеньевичъ былъ очень доволенъ.

Обязательства, которые мы взяли на себя, были гораздо обширнѣе, чѣмъ мы раньше предполагали взять на первый разъ, и это произошло, благодаря влиянію Суханова. Мы не хотѣли сразу брать большіхъ обязательствъ не потому, что желаніе содѣйствовать партіи было у насъ недостаточнымъ, а частью по неувѣренности въ полномъ соответствіи организаціи партіи, которая была намъ въ то время мало извѣстна, частью же потому, что не легко было превращаться сразу изъ простыхъ офицеровъ въ настоящихъ заговорщиковъ. Но такъ сильно вліялъ Николай Евгеньевичъ своей цѣльностью и нравственной чистотой, что ему трудно было возражать такъ: „хотя, дескать, я убѣжденъ въ необходимости борьбы съ правительствомъ и согласенъ на организацію, но не могу на это рѣшиться сразу.“

Но мы точно установили, что будемъ заниматься только военной организаціей и, что тѣ изъ товарищей, которые захотѣли бы принять участіе въ боевой (кромѣ вооруженнаго восстанія) и террористической дѣятельности, должны выйти изъ военной организаціи. Мы установили также, что если партіи понадобятся тѣ или другія услуги нашихъ товарищей, то они могутъ оказывать ихъ по взаимному соглашенію, а не обязательно.

Взявъ нашу конституцію, Сухановъ уѣхалъ въ тотъ же ве-

черъ въ Петербургъ и пригласилъ насъ къ себѣ черезъ недѣлю, въ воскресенье, для получения отвѣта отъ Исполнительнаго Комитета.

Въ назначенное воскресенье мы вчетверомъ или впятеромъ, хорошенъко не помню, поѣхали къ Суханову. Тамъ мы застали большую компанію; кромѣ Суханова и его сестры у него были: Софья Львовна Перовская, называвшаяся тогда Софьей Павловной, Вѣра Николаевна Фигнеръ, Желябовъ и Колоткевичъ, а потомъ пришелъ нашъ старый товарищъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы, В. В. Луцкій со своей женой. Когда мы пришли, шелъ оживленный разговоръ о черно-передѣльцахъ. Мы приняли въ немъ участіе, стараясь выяснитъ себѣ непонятную для насъ новичковъ въ партійныхъ розняхъ — острую враждебность между двумя такими родственными народническими фракціями.

Если деревенщики признаютъ, говорили мы, главнымъ образомъ работу въ деревнѣ, то пусть и работаютъ; вѣдь вы тоже признаете ее весьма важной, хотя въ настоящее время и не главной. Ваша же городская работа и политическая борьба ихъ работѣ мѣшать не могутъ, почему-же вмѣсто товарищескихъ споровъ такая острая вражда.

Намъ на это отвѣчали, что не только ничего не имѣли бы противъ работы деревенщиковъ въ деревнѣ, если они могутъ тамъ работать, а были бы даже рады ей; но дѣло въ томъ, что въ городахъ много деревенщиковъ и они вездѣ ведутъ враждебную агитацію противъ „Народной Воли“.

Эти объясненія меня не удовлетворили и мало что мнѣ объяснили. До сихъ поръ у меня плохо укладывается въ головѣ не споры, не антагонизмъ, и не соперничество, а враждебность часто очень близкихъ между собою фракцій, не умѣющихъ объединяться для борьбы и въ критическіе моменты переживаемые страной.

По окончаніи этихъ разговоровъ Желябовъ и Колоткевичъ пригласили насъ въ отдѣльную комнату, гдѣ и передали намъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, что наши условія приняты — и мы съ этого дня состоимъ членами партіи. Они также просили насъ выбрать одного изъ нашихъ товарищей для предполагаемаго центрального военнаго кружка, который долженъ былъ состоятъ изъ представителей кружковъ и двухъ членовъ Исполнительнаго Комитета. При этомъ они намъ заявили, что въ настоящее время представителями Исполнительнаго Комитета въ центральномъ военномъ кружкѣ назначены они — Желябовъ и Колоткевичъ.

По возвращеніи въ Кронштадтъ мы окончательно составили нашъ, такъ называемый, морской кружокъ. Въ первое время онъ состоялъ изъ лейтенантовъ: Штромберга, З — на, Р — ва, Г — го и меня; мичмана — Юнга и двухъ штурманскихъ офицеровъ К — ча и П — ва.

Организовавъ кружокъ, мы приступили къ выбору нашего представителя. Вопросъ для насъ очень нетрудный: мы были

старые товарищи, взаимно довѣрившіе другъ другу и не имѣвшіе другъ отъ друга тайнъ, намъ было все равно кого послать представителемъ, и мы рѣшили выбрать Штромберга, какъ болѣе свободнаго, болѣе преданнаго партіи и имѣвшаго большія знакомства среди ея членовъ. Мы спросили Штромберга, согласенъ ли онъ, онъ согласился и дѣло было кончено.

Кронштадтскій артиллерійскій кружокъ, состоявшій, если и не ошибаюсь, изъ восьми—деяти человекъ, послалъ своимъ представителемъ подпоручика Папина.

Петербургскіе артиллерійскіе академики, человекъ пять—шесть — штабсъ-капитана Похитонова.

Инженеры, — не помню сколько, — капитана К.

Кромѣ этихъ четырехъ представителей вошли въ центральный кружокъ Сухановъ, артиллерійскій поручикъ Рогачевъ, имѣвшій большія связи среди офицеровъ въ западномъ краѣ, отставной артиллерійскій штабсъ-капитанъ Дегаевъ и два члена комитета Желябовъ и Колоткевичъ.

Изъ этихъ лицъ и составилъ первый центральный военный кружокъ, при чемъ было рѣшено, что это не будетъ окончательнымъ военнымъ центромъ партіи, а послужитъ только временнымъ объединительнымъ центромъ, пока не разовьется военная организація, и что затѣмъ уже, сообразно силамъ и составу организаціи, будетъ созданъ соответствующій центръ, которому и уступить свое мѣсто центральный кружокъ.

Теперь, я думаю, кстати сказать нѣсколько словъ о первыхъ членахъ центральной военной организаціи. О Сухановѣ я уже говорилъ и еще много буду говорить впереди, а потому перейду къ другимъ.

Лейтенантъ Штромбергъ — лихой морской офицеръ, не знавшій страха, во многомъ походившій на Суханова; онъ былъ человекъ рѣчистый, во всѣхъ отношеніяхъ прямолинейный и неспособный на компромисы; хотя и менѣе разносторонне образованный чѣмъ Сухановъ, и не имѣвшій его склонности къ теоріямъ, онъ обладалъ удивительной способностью разбираться — гдѣ кончается правда и начинается ложь; онъ, какъ бы чутьемъ, угадывалъ фальшь и этимъ своимъ свойствомъ вліялъ на многихъ, гораздо болѣе образованныхъ и талантливыхъ людей.

Штабсъ-капитанъ Похитоновъ — умный образованный офицеръ, отличившійся въ русско-турецкую войну, былъ убѣжденнымъ народовольцемъ и пользовался большимъ вліяніемъ среди своихъ товарищей.

Поручикъ Рогачевъ — настоящий атлетъ, обладавшій нечеловѣческой физической силой, имѣлъ пріятный, мягкій голосъ и всей своею личностью располагалъ къ себѣ людей. Офицерская молодежь приходила отъ него въ восторгъ. Онъ, благодаря своему брату Дмитрію Рогачеву ¹⁾, съ давнихъ поръ имѣлъ постоянныя сношенія съ революціонерами.

¹⁾ Известный пропагандистъ, сосланный по процессу 193 на каторгу.

Подпоручикъ Папинъ—служившій въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, былъ очень умный, образованный и даже галантный человѣкъ, но нерѣшительный и слабохарактерный, и на его лицѣ всегда былъ какой-то отпечатокъ грусти. Онъ, какъ я слышалъ потомъ, покончилъ въ ссылкѣ самоубійствомъ.

Дегаевъ—въ то время недавно вышедшій въ отставку артиллерійскій штабсъ-капитанъ, успѣвшій въ то время оказать уже много услугъ партіи, а потому и пользовавшійся довѣріемъ и любовью многихъ изъ ея членовъ. Но одновременно съ этимъ нѣкоторые изъ ея членовъ не очень-то долюбливали его. Охарактеризовать его въ то время было бы затруднительно. Очевидно умный и очень способный человѣкъ—не безъ хитрости. Несомнѣнно, преданный въ то время партіи, онъ, несмотря на всѣ эти качества, нѣкоторымъ (весьма немногимъ) не внушалъ къ себѣ довѣрія: не то чтобы отъ него ожидали чего-нибудь грязнаго, нѣтъ, объ этомъ никто не думалъ; всѣ считали его честнымъ человѣкомъ и, по моему, совершенно правильно. Въ то время онъ дѣйствительно былъ таковымъ и я увѣренъ, что если бы онъ былъ арестованъ по серьезному дѣлу, то держалъ бы себя хорошо ¹⁾, и его жизнь сложилась бы совсѣмъ иначе. Но въ немъ какъ-то сказывалось, что преданность дѣлу и партіи у него только головная, а сердце, если и принимаетъ въ этомъ участие, то ужъ очень мало и невольно чувствовалось, что онъ *единомышленникъ*, а не *товарищъ*.

Въ этомъ мнѣніи между прочимъ сходились Софья Львовна Перовская и Сухановъ. То же впечатлѣніе онъ производилъ на меня.

IV.

Послѣ нашего официальнаго вступленія въ партію, нѣкоторымъ изъ насъ, благодаря нашей дружбѣ съ Сухановымъ и постояннымъ съ нимъ сношеніямъ, пришлось познакомиться со многими нелегальными. Всякому извѣстно, какой замѣчательный подборъ нелегальныхъ людей (комитетскихъ) былъ тогда въ Петербургѣ. Это были люди, долгое время работавшіе для революціи, люди, можно сказать, закаленные въ бою; мало того—это были сливки партіи, собранные изъ лучшихъ ея элементовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И вотъ, среди подобныхъ-то людей Николай Евгеньевичъ, офицеръ, раньше не занимавшійся революціонной дѣятельностью, дожившій до 28 лѣтъ въ офицерской средѣ, сразу сталъ своимъ, нисколько не отличаясь отъ окружающихъ его борцовъ, и сравнялся даже съ наиболее выдающимися изъ нихъ; такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорили его новые товарищи. Онъ приобрѣлъ общую любовь и уваженіе всѣхъ ея дѣятелей.—Да оно и не могло быть иначе при натурѣ Николая Евгеньевича. Ярый про-

¹⁾ Онъ дѣйствительно былъ арестованъ въ 81 году, но только по подозрѣнію и вскорѣ выпущенъ, такъ какъ полиціи не удалось ничего открыть.

Баронъ Александръ Павловичъ
ШТРОМБЕРГЪ.

тивникъ всякихъ компромисовъ въ теоріи и практикѣ, Николай Евгеньевичъ никогда не входилъ въ сдѣлки со своею совѣстью. Для него непонятно было, какъ можно, будучи убѣжденнымъ въ одномъ, дѣлать другое или уклоняться отъ дѣла, которое нужно совершить. Натура самая чистая, онъ и другихъ людей считалъ такими же, и много нужно было совершить дурного человѣку, чтобы Сухановъ счелъ его дурнымъ; а то, о комъ ни заговори съ нимъ, всегда одинъ отвѣтъ: „Какъ хотите, господа, а по мнѣ это хорошій человѣкъ!“ Сдержанный обыкновенно въ сношеніяхъ съ людьми, онъ терялъ эту сдержанность при видѣ только какойнибудь явной подлости, что часто могло очень компрометировать. Такъ, во время университетскаго акта въ Петербургѣ, когда Коганъ-Бернштейнъ говорилъ рѣчь, нѣкоторые изъ студентовъ, совместно со шпіонами и частью благомысленной публики, кричали: „вонъ его, вонъ его!“ Одинъ изъ такихъ стоялъ недалеко отъ Суханова.

— Вы вѣроятно служите въ третьемъ отдѣленіи?—спросилъ его громко Сухановъ.

Студентъ переконфузился и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, но почему же вы это думаете?

— Ваши крики изобличаютъ вашу профессію и вы можете, называя себя студентомъ.

Студентъ, окончательно сконфуженный, замолкъ и куда-то скрылся.

Сухановъ былъ смѣлъ до безразсудства и не заботился почти о своей безопасности, но онъ страшно цѣнилъ безопасность другихъ. Онъ просто выходилъ изъ себя, если чья либо неосторожность хоть слегка компрометировала другого. Кто-то изъ офицеровъ, узнавъ, что фамилія Андрея—Желябовъ, сказалъ это двумъ-тремъ товарищамъ. Узнавъ объ этомъ, Сухановъ вышелъ изъ себя и требовалъ, чтобы съ этимъ офицеромъ никто не велъ сношеній.

— Человѣкъ, не умѣющій оберегать товарищей, не годится для насъ, говорилъ онъ.

Вѣра въ дѣло партіи, въ людей ее составляющихъ, у него была безпредѣльная. Честь партіи онъ цѣнилъ выше всего. Будучи замѣшанъ въ самыхъ крупныхъ дѣлахъ, онъ говорилъ:

— Если меня арестуютъ, то я сейчасъ признаюсь во всемъ, что я сдѣлалъ, конечно, никого не компрометируя, и заявлю властямъ, что поступалъ такъ по приказанію Исполнительнаго Комитета.

На возраженіе, что это глупо, что если онъ попадетъ съ пустяками и будетъ возможность оправдаться, то нечего губить себя задаромъ, онъ отвѣчалъ:

— Наше дѣло, господа, чистое, и мы не должны давать малѣйшаго повода думать, будто стыдимся своего дѣла или боимся ответственности; мы должны всегда съ гордостью заявлять, кто мы и что мы дѣлаемъ, а не вилать въ разныя стороны.

Довѣріе къ Суханову изъ нелегальной комитетской среды пе-

ренеслось отчасти и на насъ, его друзей. Квартира Суханова была однимъ изъ центральныхъ сборныхъ пунктовъ тогдашнихъ нелегальныхъ, и мы, только что вступившіе въ организацію, бывали тамъ, какъ дома, встрѣчались съ комитетскими людьми, знали ихъ настоящія фамиліи; при насъ о многомъ говорилось, и многое мы знали—вообще нашимъ присутствіемъ не стѣснялись, и мы постепенно знакомились со средой этихъ замѣчательныхъ людей; а съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напримѣръ съ Желябовымъ, у насъ установились теплыя отношенія. Мнѣ лично пришлось въ это время познакомиться у Суханова съ Желябовымъ, Колоткевичемъ, Перовской, Фигнеръ, Кибальничемъ, Исаевымъ, Златопольскимъ, Грачевскимъ и многими другими. Встрѣчу и разговоры съ этими обаятельными личностями производили на насъ неизгладимое впечатлѣніе: съ каждой новой встрѣчей мы все болѣе и болѣе уходили тѣломъ и душой изъ стараго міра, въ которомъ жили раньше, въ новый полный чистоты и самоотверженія. Мы чувствовали, что сами становимся лучше и нравственно вырастаемъ.

Вліяніе этихъ апостольскихъ натуръ я чувствую на себѣ и до сихъ поръ, несмотря на протекшіе многіе годы. И, если въ моей душѣ и до сихъ поръ, несмотря на все пережитое и все испытанныя разочарованія, еще живетъ нѣсколько наивная, романтическая идеализація людей, то это благодаря тому, что я имѣлъ счастье бывать въ обществѣ нашихъ незабвенныхъ погибшихъ товарищей. Кто знаетъ ихъ, тотъ не можетъ разочароваться въ людяхъ,—онъ скорѣе будетъ склоненъ идеализировать ихъ.

V.

Образовавъ нашъ кружокъ, мы стали заниматься привлеченіемъ къ нашему дѣлу другихъ офицеровъ, и мало-по-малу нашъ кружокъ сталъ понемногу расширяться, и въ концѣ концовъ онъ состоялъ изъ четырнадцати человекъ: лейтенантовъ—Штромберга, З—на, Р—го, Г—ва, и меня; мичмановъ, Д—скаго, Д—на, С—ва. Е—чь, А—ва, А—нъ (впослѣдствіи командиръ одного изъ броненосныхъ кораблей Портъ-Артура), Юнга и штурманскихъ офицеровъ К—ча и П—ва.

Но помимо нашей пропаганды, о которой я буду говорить далѣе, мы оказывали кое-какія услуги партіи.

Наши поѣздки къ Суханову въ Петербургъ по дѣламъ военной организаціи и для бесѣдъ съ людьми партіи по поводу тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ служили иногда поводомъ къ оказанію небольшихъ услугъ партіи. Такъ для примѣра расскажу, какъ двое изъ нашихъ товарищей очищали квартиру В. Н. Фигнеръ.

Какъ то разъ у Николая Евгеньевича сидѣли Штромбергъ и З—нъ и о чемъ-то бесѣдовали. Вдругъ приходитъ Грачевскій и сообщаетъ:

- Нужно очистить квартиру, Григорій (Исаевъ) взять.
- Сухановъ сейчасъ же вскочилъ, сказавъ:
- Пойдемте, господа!

И компанія, состоявшая изъ трехъ офицеровъ и одного нелегальнаго, отправилась въ походъ. Подходя къ квартирѣ Вѣры Николаевны, они замѣтили подозрительное движеніе полиціи, которой около этихъ мѣстъ было болѣе обыкновеннаго. На бѣду еще не могли увидѣть знака, такъ что нельзя было опредѣлить: открыта полиціей квартира или нѣтъ. Что дѣлать. Идти назадъ? Нельзя же оставить товарища, который тамъ находится, безъ помощи; идти въ квартиру—почти вѣрный провалъ.

— Я пойду, господа, меня какъ офицера, не заподозрятъ; спрошу какуюнибудь фамилію,—и все,—сказалъ Сухановъ.

Его не пустили, пошелъ Грачевскій, условившись съ оставшимися, что если онъ тотчасъ же не выдетъ, то значитъ—плохо. Съ замраніемъ сердца ждали его возвращенія офицеры. Въдъ здѣсь дѣло шло о судьбѣ двухъ такихъ цѣнныхъ лицъ, какъ Грачевскій и Вѣра Николаевна, сидѣвшая въ квартирѣ. Ожиданіе продолжалось недолго. Минуты черезъ двѣ показался Грачевскій, и всѣ отправились на верхъ. Въ квартирѣ сидѣла Вѣра Николаевна; на столѣ былъ самоваръ, и она спокойная, веселая, занималась чаепитіемъ. Поздоровавшись съ пришедшими, Вѣра Николаевна сказала:

— Не хотите ли чаю, господа?

— Отстаньте вы со своимъ чаемъ, кругомъ полиція, давайте скорѣе вещи и идемъ¹⁾.

Въ этой квартирѣ была типографія „Рабочей Газеты“ и какія-то жестяныя бомбы съ бумажными фитилями (кажется, петарды для обороны конспиративныхъ квартиръ), всего было пудовъ около пяти, шести. Шрифтъ пришлось класть частью въ пакетахъ, подъ сюртуки, частью брать въ мѣшкахъ въ руки, а станки прятались въ чемоданъ. На З—на, благодаря его крѣпкому тѣлосложенію, навалили массу груза. На грудь ему, напримѣръ, положили наборъ „объявленія къ крестьянамъ“, такъ что онъ сдѣлался весь синий и еле дышалъ, какъ онъ впослѣдствіи мнѣ рассказывалъ; да и всѣмъ было не легко. Когда забрали вещи, Вѣра Николаевна подмела комнату, и всѣ двинулись въ путь. Опять то же необыкновенное движеніе полиціи и усиленное количество ея. Удивительно, какъ тогда не арестовали очищавшихъ квартиру. Я думаю, что спасъ мундиръ, ибо въ то время онъ былъ еще нѣтъ подозрѣній.

Какъ послѣ намъ сообщали, полицейское оживленіе происходило отъ того, что начальству была извѣстна мѣстность, гдѣ находилась квартира Исаева; домъ же еще не былъ опредѣленъ, и дворники этой улицы были уже въ это время посланы въ полицію, гдѣ имъ показывали Исаева, спрашивая, не узнаетъ ли кто изъ нихъ своего жильца.

Вскорѣ потомъ тѣ же товарищи перевезли эту типографію къ намъ въ Кронштадтъ и мы помѣстили ее у члена нашего кружка, штурманскаго поручика П—ва.

Подобныя услуги чаще всѣхъ оказывалъ Штромбергъ про-

¹⁾ Эту сцену я описалъ такъ, какъ мнѣ тогда рассказывали товарищи.

водившей почти половину своего времени в Петербург и не раз принимавшей участие в очистке нелегальных квартир.

Мы доставляли также партии некоторые нужные для нея материалы и оружие.

Мы так же сообщали кое-какия политическия свѣдѣнія, благодаря тому, что некоторые изъ насъ вращались тогда въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества. У меня, на примѣръ, въ то время были обширныя знакомства во вліятельныхъ судейскихъ сферахъ, а въ двухъ знакомыхъ домахъ я имѣлъ возможность встрѣчаться съ членами государственнаго совѣта и сенаторами.

Двое изъ нашихъ товарищей по кружку отвозили номера „Народной Воли“ изъ Петербурга, гдѣ была тайная типографія, въ Москву. Р—въ отвезъ два чемодана, кажется, съ седьмымъ номеромъ, а Д—скій такое-же количество экземпляровъ девятаго номера. Тогда очень строго слѣдили за проѣзжающими, и нелегальнымъ трудно было доставить быстро такое-же количество экземпляровъ для распространенія въ Россіи, потому обращались къ намъ, такъ какъ въ то время безъ особенно важныхъ причинъ, полиція не осмѣливалась задерживать офицеровъ или обыскивать ихъ багажъ.

Наши сношенія съ Сухановымъ и нелегальными поддерживались также приѣздами ихъ къ намъ. Сухановъ часто бывалъ у насъ одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ нелегальныхъ. Вскорѣ послѣ 1-го марта, онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, привезъ съ собою „Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“, „Воззваніе къ европейскому обществу“ и „Объявленіе къ крестьянамъ“.

Прочитавъ письмо, Сухановъ передалъ намъ предложеніе И. К. освободить Нечаева, Ширлева и некоторыхъ другихъ заключенныхъ въ Алексѣевскомъ ревелинѣ. Мы согласились, такъ какъ это вполне соответствовало нашему тогдашнему настроенію.

Я былъ увѣренъ въ этомъ, господа,—сказалъ Сухановъ,—и уже сообщилъ въ Комитетъ, что на такое дѣло морской кружокъ всегда согласится. Теперь намъ нужно выбрать распорядителя.

Некоторые предложили выбрать распорядителемъ Суханова, но тотъ категорически отказался.

Я не способенъ быть начальникомъ въ такомъ дѣлѣ, сказалъ онъ; лучше выберемъ Г—го, онъ самый подходящий для этого человѣкъ, и я съ удовольствіемъ пойду за нимъ, какъ рядовой.

Г—го, дѣйствительно обладалъ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ и имѣлъ способность все видѣть, наблюдать и предусмотрѣть. Рассказывали, что еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ провозилъ въ Литву порохъ для заговорщиковъ (онъ былъ Литовецъ).

Когда начали обсуждать планъ освобожденія, Сухановъ сообщать, что Нечаевъ распропагандировалъ и сьорганизовалъ почти всю внутреннюю стражу ревелина, а потому дѣло не будетъ представлять непреодолимыхъ затрудненій, такъ какъ намъ придется дѣйствовать только снаружки, внутри же будетъ помогать организованная Нечаевымъ стража.

Кромѣ насъ въ этомъ предпріятіи долженъ былъ принять участие и Николай Михайловичъ Рогачевъ, но оно не состоялось, благодаря провалу Нечаевской организаціи среди равелинской стражи.

Въ этотъ же вечеръ Сухановъ спросилъ: „кто изъ насъ согласился бы принять участие въ террористическихъ актахъ“, но мы всѣ отказались. И Сухановъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ этого, я какъ то сидѣлъ у себя дома, вдругъ неожиданно заходитъ Сухановъ.

— А я къ вамъ гостью привезъ—проговорилъ онъ.

— Кого? спросилъ я.

— Вѣру Николаевну, она внизу на извозчикѣ дожидается, нужно проводить ее на квартиру Штромберга и З—на.

Я спустился внизъ и мы проводили Вѣру Николаевну на квартиру къ названнымъ товарищамъ, гдѣ и устроили для нея комнату. Она провела дней десять—двѣнадцать. Оказалось, что ее ищетъ полиція по всему Петербургу, и ей необходимо было временно укрыться.

Пребываніе у насъ этой замѣчательной женщины было настоящимъ праздникомъ для всего нашего кружка; и мы всѣ къ ней привязались. Но не только на насъ она имѣла вліяніе, но и на многихъ, случайно заходившихъ сослуживцевъ, которымъ ее представляли, какъ кузину З—на, она оставляла глубокое впечатлѣніе своимъ умомъ и энергіей, соединенными съ поразительной женственностью и граціей.

Расскажу маленькій эпизодъ изъ ея пребыванія, который могъ бы окончиться очень печально:

Кто-то изъ товарищей, желая развлечь Вѣру Николаевну, предложилъ пойти вмѣстѣ съ нею въ клубъ, въ музыкальную комнату, поиграть на роялѣ. Некоторые выразили опасеніе, но другіе настаивали на томъ, что это пустыя, разъ мы будемъ въ музыкальной комнатѣ, туда никто войти не сможетъ, да и Вѣру Николаевну здѣсь никто не знаетъ. В. Н. приняла ихъ сторону и мы пошли и провели очень пріятный вечеръ въ музыкальной комнатѣ—играли и пѣли.

Однако оказалось, что это было не такъ безопасно.

Уже послѣ отъѣзда Вѣры Николаевны, ко мнѣ въ клубъ подошелъ знакомый докторъ Н—въ и говоритъ:

— Какъ можно быть такими легкомысленными, какъ вы и ваши товарищи.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Ну, какъ можно было вести въ клубъ Вѣру Фигнеръ, я узналъ ее, когда она проходила съ вами по залѣ.

— Развѣ вы ее знаете?

— Встрѣчалъ въ Москвѣ, когда былъ студентомъ, да и я не одинъ ее здѣсь знаю.

Хорошо, что это былъ докторъ Н—въ, сочувствующій человѣкъ, а не кто другой.

Былъ между прочимъ планъ освобожденія осужденныхъ по

дѣлу 1-го марта: Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова и Рысакова.

Предполагалось собрать человекъ триста петербургскихъ рабочихъ, разделить ихъ на три группы: двѣ—человекъ по пятидесяти, а одну—въ двѣсти. Во главѣ этихъ группъ должны были находиться всѣ петербургскіе и кронштадтскіе офицеры. Группы предполагалось распределить на трехъ, выходящихъ на Литейный проспектъ параллельныхъ улицахъ: на крайнихъ—малыя группы, на средней—большую. И вотъ, когда процессія проходила бы среднюю группу, всѣ три группы, по сигналу, должны были броситься впередъ, увлекая въ своемъ порывѣ толпу, и одновременно прорвать шпалеры войскъ, боковыя группы произвели бы замѣшательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочивъ на которыя офицеры обрѣзали бы веревки на осужденныхъ и увлекли бы ихъ въ толпу, съ которой вмѣстѣ отхлынули бы обратно въ боковую улицу, гдѣ должны были ожидать двѣ кареты съ платьемъ и всѣмъ нужнымъ для передѣванія.

Не знаю кѣмъ былъ выработанъ этотъ планъ, но когда насъ о немъ извѣщали, то вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили, что инициатива освобожденія принадлежитъ рабочимъ, распропагандированнымъ Рысаковымъ, что нужное число рабочихъ уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этотъ планъ не состоялся и насколько серьезно имъ занимались, я не знаю.

Вскорѣ послѣ этого намъ было предложено заняться печатаніемъ партійной литературы, особенно военной (тектографированіемъ мы уже занимались). Для этого предполагалось использовать перевезенную къ намъ типографію, а Грачевскій долженъ былъ насъ научить набору.

И вотъ, къ назначенному времени, насъ человекъ пять собралось на квартиру З—на, туда П—въ перевезъ типографію, приѣхалъ Грачевскій и долженъ былъ приѣхать Сухановъ. Но только мы успѣли разложить типографскія принадлежности, и Грачевскій началъ намъ показывать, какъ надо набирать, раздался стукъ и вошелъ нашъ товарищъ по кружку лейтенантъ Г—го, только что возвратившійся изъ Москвы, куда онъ провожалъ Вѣру Николаевну.

Мы обрадовались его возвращенію и сейчасъ спросили его благополучно ли доѣхала Вѣра Николаевна.

— Она-то благополучно, но готовится другая бѣда. — отвѣтилъ онъ.

— Какая бѣда? Въ чемъ дѣло?—засыпали мы его вопросами.

— Подходи къ квартирѣ Суханова, я замѣтилъ усиленное движеніе полиціи,—разсказывалъ приѣзжій—перешелъ на другую сторону, сталъ наблюдать за квартирой и замѣтилъ, что какую-то женщину, вышедшую съ запиской изъ дому, гдѣ жилъ Сухановъ, околodочный остановилъ, взялъ записку, вѣроятно посмотрѣлъ адресъ, и возвративъ записку, отпустилъ женщину. Замѣтивъ это, я рѣшился, не заходя къ Суханову, ѣхать предупредить насъ.

Мы, конечно, поняли, что дѣло веладно и немедленно-же сложили типографію, отправили ее сначала къ Р—ву, а потомъ опять

къ П—ву. Грачевскаго я взялъ къ себѣ на квартиру, и мы рѣшили на другой день встрѣтиться въ морскомъ клубѣ и тамъ узнать, какъ обстоятъ дѣла.

Хорошо, что Г—го во время предупредилъ насъ. На другой день въ 4 ч. утра былъ арестованъ Сухановъ, а въ 11 ч. того же дня были произведены обыски у Штромберга, Г—го и Ө—на. Черезъ два дня Штромбергъ и Г—го были арестованы и увезены въ Петербургъ. Все это произошло 28-го апрѣля 1881 года.

VI.

Далѣе мнѣ уже не придется говорить ни о Сухановѣ, ни о Штромбергѣ, ни о Г—го, а потому я считаю не лишнимъ познакомить теперь же читателей съ ихъ судьбою.

Г—го, когда его привезли въ Петербургское комендантское управленіе и тамъ потребовали у него оружіе, онъ иронически замѣтилъ „а, если я не отдамъ?“—и замолчалъ; и молчалъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ своего заключенія, что ему было весьма легко, такъ какъ и на волѣ онъ кромѣ друзей почти ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривалъ. Его заподозрили въ психическомъ разстройствѣ и поместили въ Николаевскій госпиталь. Оттуда онъ завелъ, черезъ докторовъ, сношенія съ нами. Наконецъ властямъ надоѣло его держать и, не имѣя противъ него никакихъ уликъ, его выпустили съ переводомъ въ Каспійскую флотилію.

Передъ отправленіемъ туда, онъ зашелъ въ Кронштадтъ къ одному изъ нашихъ сослуживцевъ и вотъ какъ послѣдній передавалъ происходившій между ними разговоръ. Г—го вошелъ, поздоровался и сейчасъ же спросилъ:—гдѣ З—нъ?

— Въ плаваніи.

— Серебряковъ?

— Въ плаваніи.

— Юнгъ? и т. д. въ томъ же родѣ. Г—го, пересчитавъ нѣсколькихъ друзей и, получая тотъ же отвѣтъ, сѣлъ за фисгармонику, проигралъ краковьякъ, поклонился удивленному хозяину квартиры и ушелъ, не произнося болѣе ни слова. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій.

Штромбергъ—при первомъ же допросѣ, когда у него спросили о комъ-то изъ знакомыхъ, съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Что-же, вы меня за шпіона принимаете!

Болѣе подобныхъ вопросовъ ему не задавали, да и вообще почти не допрашивали, такъ какъ онъ скорѣе отказался давать какія бы то ни было показанія. Черезъ шесть или восемь мѣсяцевъ его сослали въ Верхоленскъ, тамъ онъ очень страдалъ тяжелой формой пытки. Изрѣдка мы, черезъ его сестру, получали о немъ извѣстія и исполняли его порученія.

Черезъ два года, вслѣдствіе показаній Дегаева, Штромберга привезли обратно въ Петербургъ, гдѣ на первомъ же допросѣ онъ опять отказался давать показанія. Сидя въ заключеніи, онъ забо-

лѣлъ тифомъ, былъ при смерти, наконецъ оправился. По выздоровленіи опять допросъ и опять тотъ же отказъ отъ показаній.

Послѣ смертнаго приговора, когда осужденнымъ предложено было подать прошеніе о помилованіи, Штромбергъ на вопросъ Рогачева:

— Что вы думаете объ этомъ? отвѣтилъ: „я для этого не грамотенъ“.

Вскорѣ послѣ того они вмѣстѣ съ Рогачевымъ были перевезены въ Шлиссельбургъ и тамъ повѣшены.

Квартира Суханова ¹⁾ была окружена полиціей съ воскресенья утра до понедѣльника, когда онъ былъ арестованъ. На квартирѣ у него былъ довольно большой складъ революціонной литературы. Узнавъ объ этомъ, Николай Михайловичъ Рогачевъ рѣшилъ пойти очистить квартиру. Войдя въ подъѣздъ, онъ замѣтилъ штатскаго, разговаривающаго со швейцаромъ и, между прочимъ, услышалъ слѣдующія слова:

— Это тотъ?—спросилъ штатскій, указывая глазами на Рогачева.

— Нѣтъ, тотъ маленькій съ большой бородой—отвѣтилъ швейцаръ ²⁾.

Поднявшись къ Суханову, Рогачевъ забралъ всю бывшую у него литературу, уложилъ ее подъ мундиръ, и уходя, спросилъ Суханова:

— Будете ли вы оказывать вооруженное сопротивленіе?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сухановъ.—Я боюсь напугать сестру и племянника ³⁾.

Простившись съ Сухановымъ, Рогачевъ отправился. Увидя двухъ извозчиковъ, онъ хотѣлъ нанять лучшаго изъ нихъ. Тотъ отказался, сказавъ, что занятъ; другой же, плохенькій, согласился за немнѣрною дешевою цѣною. Когда Рогачевъ поѣхалъ, вслѣдъ за нимъ поѣхалъ какой-то штатскій на хорошемъ извозчикѣ. По дорогѣ Рогачевъ соскочилъ съ извозчика и ушелъ черезъ проходной дворъ.

Насколько безукоризненный человекъ былъ Николай Евгеньевичъ, можно отчасти судить по тѣмъ толкамъ, которые шли среди офицеровъ въ Кронштадтѣ послѣ его ареста. Обыкновенно, когда случится несчастье съ человекомъ и онъ уже не можетъ защищаться, начинается клевета; рассказываютъ небывалыя вещи, обвиняютъ въ невѣроятныхъ преступленіяхъ. Но такъ чиста была его репутація среди моряковъ, такимъ уваженіемъ онъ пользовался, что никто не рисковалъ рассказывать о немъ чтонибудь позорящее. Даже враги его, которыхъ было не мало, довольствовались только тѣмъ, что обвиняли его въ соучастіи въ террорѣ и въ томъ, что онъ опозорилъ морской мундиръ.

¹⁾ Суханова выдали Меркуловъ, встрѣчавшій его на Малой Садовой у Кобозева-Богдановича, изъ квартиры котораго велся подкупъ.

²⁾ Очевидно, по описанію подразумѣвался Штромбергъ.

³⁾ Съ нимъ жила сестра съ сыномъ пяти лѣтъ.

Исторія адреса моряковъ по поводу ареста Суханова—такова: Завѣдующій миннымъ классомъ, капитанъ 1-го ранга Верховскій боялся, что арестъ Суханова отзовется на немъ, такъ какъ Сухановъ былъ переведенъ въ Петербургъ по его настоянію. Онъ напугалъ главнаго командира Кронштадтскаго порта тѣмъ, что тотъ можетъ потерять свое мѣсто.

Главный командиръ, согласившись съ нимъ, приказалъ старшинамъ клуба написать адресъ; члены же клуба для подписи адреса были созваны повѣстками отъ своихъ экипажныхъ командировъ слѣдующаго содержанія:

„Предписываю Вашему Благородію явиться въ клубъ тако-го-то числа для подписанія адреса“.

Адресъ былъ составленъ старшиною клуба, капитанъ-лейтенантомъ Бирилевымъ (впослѣдствіи морской министръ), и, какъ всѣмъ извѣстно, былъ составленъ не особенно удачно ¹⁾. Масса офицеровъ, собравшись въ клубѣ, была въ мрачномъ настроеніи. Всѣ были крайне недовольны этой комедіей.

Арестъ Суханова вызвалъ оживленные толки не только въ Кронштадтѣ, но и въ петербургскомъ обществѣ. О немъ слагались цѣлыя легенды. Нѣкоторые высказывали мнѣніе, что Сухановъ былъ предѣдателемъ Исполнительнаго Комитета, что съ его арестомъ „Народная Воля“ окончательно разбита. Но въ петербургскомъ обществѣ, какъ и въ кронштадтскомъ, никто не смѣлъ бросить въ него грязью, какъ въ частнаго человека. Всѣмъ извѣстно, какъ держалъ себя Сухановъ во время суда, а также извѣстна и рѣчь его: простой, чистосердечный рассказъ о причинахъ, побудившихъ его выйти на борьбу съ правительствомъ. Сухановъ не былъ краснорѣчивъ, но когда онъ говорилъ, то въ его голосѣ, въ его манерахъ была такая чистосердечность и искренность, что онъ производилъ въ высшей степени сильное впечатлѣніе на слушателей. Когда онъ сказалъ свою рѣчь, то судьи прослезились, и даже, какъ мнѣ рассказывалъ членъ судебной палаты присутствовавшій на судѣ Дрейеръ ²⁾ и тотъ пролилъ крокодилову слезу.

Почти черезъ годъ послѣ ареста привезли Николая Евгеньевича въ сѣрой арестантской шинели въ Кронштадтъ для разстрѣла. Казнь совершалъ первый экипажъ. Зная любовь офицеровъ къ Суханову, начальство не рѣшилось назначить командиромъ взвода производимаго разстрѣла, офицера, а назначило унтеръ-офицера. Всею церемоніей командовалъ контръ-адмиралъ Крузенштернъ.

Очевидцы казни рассказывали, что Николай Евгеньевичъ за время своего заключенія почти не измѣнился и, какъ они выражались, во взглядѣ его было больше доброты, какъ бы святости. Держалъ себя во время казни Николай Евгеньевичъ смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромно. Когда онъ вышелъ изъ кареты, то оки-

¹⁾ Вся легальная пресса осмѣяла его, а въ высшихъ сферахъ, какъ намъ передавали, нашли его неумѣстнымъ.

²⁾ Предсѣдатель особаго присутствія Сената, судившаго Суханова и др. народовольцевъ (Процессъ 20-й).

нуль взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. Послѣ же во все время приготовления къ казни, онъ уже не смотрѣлъ на публику, какъ бы боясь своимъ взглядомъ скомпрометировать кого-нибудь изъ друзей. Послѣ прочтенія приговора онъ самъ надѣлъ рубаху съ длинными рукавами, когда же его привязали къ столбу и стали завязывать глаза, онъ что-то сказалъ матросу, который, поправивъ повязку, отошелъ.

— Мы всѣ какъ будто замерли, устремивъ глаза на Суханова—разсказывать мнѣ очевидецъ.—Вдругъ раздался залпъ, голова Суханова опустилась на грудь, и я почувствовалъ, какъ что-то у меня оборвалось въ груди; слезы подступили къ глазамъ и я, боясь разрыдаться, долженъ былъ быстро уйти.

VII.

Такъ какъ намъ приходилось главнымъ образомъ вести пропаганду въ той средѣ, въ которой мы выросли, которую считали своей и которой доверяли, то мы вели ее недостаточно конспиративно, а потому вскорѣ во флотѣ мы стали извѣстны, какъ революціонеры и социалисты. Особенно сильно начали объ этомъ говорить послѣ ареста Суханова, Штромберга и Г—го. Но въ то время морская среда была такъ дружна и корпоративна, что изъ ея среды очень мало и очень рѣдко что либо могло дойти до ушей департамента полиціи. А ваша популярность достигла обширныхъ размѣровъ.

Однажды я встрѣчаю на улицѣ знакомаго лейтенанта И., служившаго въ то время въ Инспекторскомъ Департаментѣ. Онъ съ удивленіемъ на меня взглянулъ и воскликнулъ:

— Какъ, вы не арестованы?!

— За что?—спросилъ я.

— Вѣдь вы въ одной компаніи съ Сухановымъ и Штромбергомъ.

Въ другой разъ въ клубѣ я познакомился съ одной барышней, дочерью адмирала ***, она просила меня бывать у нихъ и сказала, что ея отецъ пришлетъ мнѣ приглашеніе.

Приглашенія я не получилъ, но на слѣдующій разъ при встрѣчѣ въ клубѣ, она мнѣ съ удивленіемъ говоритъ:

— Ничего не понимаю, отецъ никогда не мѣшаетъ мнѣ приглашать, кого хочу; а теперь—только я успѣла упомянуть вашу фамилію, какъ онъ воскликнулъ: Я не хочу, чтобы этотъ социализмъ бывалъ у меня въ домѣ! я просто поражена.

Мой командиръ безъ моего вѣдома выхлопоталъ мнѣ переводъ въ артиллерійскіе офицерскіе классы, очевидно съ цѣлью избавиться отъ меня. А старшій офицеръ, заходя ко мнѣ, говаривалъ:

— Ну, Есперъ Александровичъ, если у насъ хорошенько поискать, то...—и онъ не доканчивалъ фразы.

Кстати расскажу маленькій эпизодъ, какъ всякое вѣдомство старается отклонить отъ себя неприятности.

Вскорѣ послѣ 1-го марта, еще до ареста Суханова, когда были найдены бомбы на Тельжной улицѣ, заподозрили, что въ нихъ были употреблены запалы морского министерства; потребовали специалиста изъ Кронштадта. Былъ посланъ минный офицеръ лейтенантъ В.—реакціонеръ по убѣжденію. И вотъ, что онъ говорилъ въ клубѣ о своей поѣздкѣ.

— Прихожу, показываютъ запалы... смотрю наши!—никакого сомнѣнія наши!... Но чортъ ихъ побери, я имъ втеръ очки... доказалъ, что австрійскіе. А то такую бы кашу заварили.

Но все это среди большого круга офицерства. Между-же близкими товарищами многіе хорошо знали, что мы въ партіи, даже тѣ, которые держались самыхъ реакціонныхъ взглядовъ. У насъ съ ними бывали страшные споры; нѣкоторые изъ нихъ ругали революціонеровъ; говорили, что для нихъ мало кола и висѣлицы; а на нашъ вопросъ,—что же такое мы?—отвѣчали:

— Вы?—вы—дураки! которыхъ водятъ за носъ эти хитрые и скверные людишки.

Нѣкоторые изъ нихъ шли дальше и если, приходя къ намъ въ наше отсутствіе, находили нелегальную литературу, то жгли ее съ желаніемъ спасти насъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось у меня два раза.

По большей части споры съ товарищами-реакціонерами оканчивались ничѣмъ. Они обыкновенно не приводили никакихъ аргументовъ, а просто бранились. Вотъ напр. мой разговоръ съ однимъ изъ нихъ, лейтенантомъ С—мъ. Войдя ко мнѣ, онъ увидѣлъ у меня на столѣ сочиненія Добролюбова.

— Зачѣмъ у тебя этотъ мерзавецъ?—спросилъ онъ.

— А ты его читалъ?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ почему-же ты знаешь, что онъ мерзавецъ; прочти, тогда и говори.

— Не хочу его читать, отвѣтилъ онъ.

— Бойшься?

— Не боюсь, а не хочу! и онъ, проговоривъ это, поспѣшно ушелъ.

Очевидно, онъ боялся; чувствовалъ, что потеряетъ равновѣсіе. Это подтверждаетъ другой подобный случай: у меня съ другимъ сослуживцемъ, лейтенантомъ Т—мъ произошелъ почти такой-же разговоръ. Но послѣднему дней черезъ пять послѣ разговора я предложилъ вмѣсто Добролюбова, Вѣлинскаго. Онъ постѣснялся отказаться и, отъ нечего дѣлать, сталъ его читать. И что же? Мѣсяца черезъ три онъ прочелъ Лассала, потомъ взялся за Маркса, а мѣсяцевъ черезъ шесть согласился работать для партіи.

Съ другимъ товарищемъ, убѣжденнымъ консерваторомъ, пришлось вести много споровъ, начиная съ избранія на престолъ Михаила Федоровича Романова, и разбирать вопросъ о томъ, представлялъ ли собою Земскій Соборъ всю Россію и вручилъ ли онъ самодержавіе избранному имъ Михаилу Федоровичу, или—сохранилъ за народомъ право голоса въ дѣлахъ страны. Нашъ това-

ришь все обдумывать, боролся, но мало-по-малу, убежденный историческими фактами, стал быстро отступать и наконец убедился, что ни в одной стране, ни один народ никогда добровольно не отказывался иметь голос в решении дела его касающихся. Разъ этотъ фундаментъ былъ разрушенъ, онъ чрезвычайно быстро сталъ воспринимать новое мировоззрѣніе, сталъ намъ сочувствовать и содѣйствовать. При этомъ интересно замѣтить, что жена его, бывшая курсистка, была либеральная дама и вначалѣ нашихъ споровъ поддерживала насъ, когда же онъ сталъ краснѣть, она начала блѣднѣть, и черезъ полгода онъ былъ съ нами, а она превратилась въ консервативную даму. Она знала, что ея мужъ человекъ честный и прямолинейный—онъ былъ прямолинейнымъ консерваторомъ и, если перемѣнилъ взглядъ, то будетъ такимъ-же прямолинейнымъ радикаломъ, и фразами не удовольствуется.

Вообще въ наше время, какъ я замѣтилъ, часто было легче имѣть дѣло съ чистымъ, убежденнымъ консерваторомъ, чѣмъ съ такъ называемыми либеральничаящими. Тутъ была борьба двухъ искреннихъ убежденій и, если спорящіе дѣйствительно искали истины, то правая сторона брала верхъ. Тогда, какъ либеральствующіе очень много говорили высокихъ фразъ, но какъ дѣло касалось какого-нибудь опредѣленнаго окончательнаго мнѣнія, то сейчасъ какъ-то ускользали изъ рукъ. Они вообще были какіе-то половинчатые люди, не имѣвшіе яснаго опредѣленнаго мировоззрѣнія.

Наибольшимъ успѣхомъ наша пропаганда пользовалась среди офицеровъ серьезно образованныхъ и уже самостоятельно пришедшихъ къ убежденію, что господствовавшій въ то время режимъ устарѣлъ и ведетъ Россію къ гибели.

Былъ еще одинъ типъ офицеровъ—философовъ.

Я зналъ кружокъ офицеровъ, перечитавшихъ почти всѣхъ философовъ, постоянно искавшихъ абсолютной истины и, конечно, никогда ее не находившихъ.

Съ ними невозможно было сговориться. Для рѣшенія самаго простаго вопроса нужно было выдвигать всю философскую армію и начинать чуть ли не съ Адама.

Что происходило во флотѣ, то отчасти происходило и въ некоторыхъ другихъ частяхъ войска. Такъ напр. не помню, кто изъ артиллеристовъ рассказывалъ мнѣ, что хотя онъ и одинъ изъ своей батареи состоитъ членомъ партіи, но вся батарея объ этомъ знаетъ и ея командиръ сказалъ ему съ глазу на глазъ:

— Если вы начнете серьезное дѣло (очевидно вооруженное возстаніе), то моя батарея будетъ съ вами.—Такихъ рассказовъ было много и ходъ организаціи доказывалъ, что эти рассказы не безосновательны.

Кромѣ личной пропаганды мы занимались и распространеніемъ партійной литературы среди офицерства. Въ этомъ намъ помогали всѣ сочувствующіе намъ офицеры, и литература распространялась въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Партійная литература производила не одинаковое впечатлѣніе

на офицеровъ. Все, что было написано просто и ясно, читалось съ интересомъ. Нѣкоторые вещи имѣли даже огромный успѣхъ, какъ напр. „Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“. Мнѣ приходилось часто слышать не только отъ офицеровъ флота, но и въ обществѣ отъ многихъ лицъ, что они обѣими руками подписались бы подъ условіями, заключавшимися въ этомъ письмѣ. Среди лицъ, отъ которыхъ я это слышалъ, было не мало гвардейскихъ офицеровъ и лицъ высокопоставленныхъ судебного и другихъ вѣдомствъ.

Но то, что было написано въ слишкомъ приподнятомъ стилѣ, въ особенности, если дѣло касалось офицеровъ, вызывало неодобреніе и даже насмѣшки. Такъ я помню Исполнительный Комитетъ выпустилъ, не посоветовавшись съ нами, прокламацію. Одинъ экземпляръ этой прокламаціи попалъ къ адъютанту перваго экипажа лейтенанту Сергѣеву, тотъ передалъ ее экипажному командиру, контръ-адмиралу Крузенштерну, а этотъ послѣдній совалъ всѣхъ насъ въ комнату и прочелъ громко прокламацію. Отовсюду послышались остроты и насмѣшки. Прокламація, дѣйствительно, была составлена неудачно—въ высокомъ декламаторскомъ стилѣ.

Мы распространяли литературу и пропагандировали идею партіи не только среди офицерства, но и въ петербургскомъ обществѣ (объ этомъ, впрочемъ, въ другой разъ).

VIII.

Съ арестомъ Желябова, Колоткевича, Суханова и Штромберга центральныи военный кружокъ лишился своей наиболѣе активной половины. Но туда вошелъ лейтенантъ Будевичъ, замѣнившій потерю Суханова.

Это былъ чрезвычайно талантливый организаторъ, обладавшій удивительной способностью разыскивать связи и привлекать людей. Онъ окончилъ курсъ въ морской академіи, а затѣмъ прослушалъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и служилъ въ Петербургѣ въ министерствѣ путей сообщенія. Его знакомство въ обоихъ министерствахъ и въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества давали ему возможность примѣнить свои способности организатора. Темпераментъ онъ имѣлъ не очень горячій, но былъ настойчивый и твердый въ своихъ убежденіяхъ человекъ.

Вскорѣ послѣ ареста Суханова къ намъ въ Кронштадтъ пріѣхалъ штабсъ-капитанъ Похитоновъ и передалъ, что, кромѣ ареста Суханова, все въ военномъ дѣлѣ обстоитъ благополучно. Онъ просилъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ пріѣхалъ для переговоровъ въ Петербургъ къ нему на квартиру, которую онъ вмѣстѣ съ Рогачевымъ нанялъ на Кирочной улицѣ. Черезъ нѣсколько дней нашимъ представителемъ поѣхалъ З—нъ и сношенія возобновились. Но это уже былъ май мѣсяцъ, и мы всѣ ушли въ плаваніе.

Я пробылъ въ плаваніи около четырехъ мѣсяцевъ и почти

сейчасъ-же по возвращеніи въ Кронштадтъ уѣхать въ отпускъ на два мѣсяца, по своимъ личнымъ дѣламъ; по пути въ Москвѣ исполнилъ небольшое порученіе—завязать связи съ двумя тамошними офицерами.

По моемъ возвращеніи, вслѣдствіе обыска сдѣланнаго у Похитонова, центральный военный кружокъ сталъ иногда собираться у меня на квартирѣ въ Кронштадтѣ. На первомъ его собраніи мы узнали, что произошло за время нашего отсутствія.

За эти шесть мѣсяцевъ, благодаря поѣздкамъ Бугевича и Рогачева, были завязаны связи и созданы кружки: въ Одессѣ, Николаевѣ, на Кавказѣ, Западномъ краѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, изъ которыхъ теперь я помню только Вильну. Въ самомъ Петербургѣ количество примкнувшихъ офицеровъ увеличилось, и Бугевичу удалось завязать связи въ штабѣ перваго армейскаго корпуса, такъ что онъ могъ содѣйствовать переводу нѣкоторыхъ офицеровъ въ полки этого корпуса. Онъ же завелъ связи съ нѣкоторыми изъ высокопоставленныхъ лицъ. Не могу теперь вспомнить какимъ образомъ и подъ какимъ предлогомъ онъ заручился обѣщаніемъ известнаго генерала Драгомірова дать статью о русской арміи для нелегальнаго изданія.

Вообще въ это время дѣло военной организаціи обѣщало широкое распространеніе. Изъ разныхъ мѣстъ самыми разнообразными путями приходили извѣстія о самостоятельномъ образованіи офицерскихъ кружкахъ, ищущихъ связи съ центральной военной организаціей. Такъ, напримѣръ, черезъ петербургскую студенческую группу народолюбцевъ получило указаніе, что въ Минскѣ образовался кружокъ изъ четырехъ ротныхъ командировъ, полковаго адъютанта и доктора, который проситъ прислать къ нимъ агента центральной военной организаціи.

Въ другомъ мѣстѣ агентъ Исполнительнаго Комитета случайно натолкнулся на кружокъ офицеровъ, члѣвъкъ въ пятнадцать. Этотъ кружокъ не хотѣлъ входить въ сношенія съ мѣстной партійной организаціей, а просилъ дать ему связи съ центральнымъ военнымъ кружкомъ. Такіе случаи были не единственными. Вообще по всемъ признакамъ среди офицерства въ то время шло очень сильное броженіе. И если бы военная организація обладала, въ то время, хотя бы небольшимъ количествомъ свободныхъ людей, которые могли бы развѣивать, то она достигла бы обширныхъ размѣровъ. Но въ этомъ отношеніи она была безсильна, офицерамъ очень трудно было получать отпуска, и то не болѣе, какъ на два мѣсяца и разъ въ два года. Болѣе частые и длинные отпуска можно было получать по особымъ причинамъ и съ большими затрудненіями. Опытныхъ нелегальныхъ въ то время у партіи было очень мало, такъ что ихъ не хватало выполнять и другія нужды партіи. Такъ, напр., работавшіе въ то время съ военной организаціей члены Исполнительнаго Комитета Савелій Златопольскій и Анна Павловна Корба вели всѣ дѣла партіи въ Петербургѣ.

Благодаря подобному положенію вещей, центральный военный

кружокъ могъ мало содѣйствовать развитію дѣла военной организаціи. Даже выработанные центральнымъ кружкомъ уставы для себя и мѣстныхъ организацій, фактически, были мертвой буквой. Если дѣло шло впередъ, то только благодаря мѣстнымъ силамъ, а иногда и частной инициативѣ отдѣльныхъ офицеровъ.

Но и въ самомъ центральномъ военномъ кружкѣ постоянно мѣнялся составъ, старые члены его выбывали или лишались возможности энергично работать. Такъ Рогачевъ уѣхалъ изъ Петербурга къ своему мѣсту службы; Похитоновъ, въ виду сдѣланнаго у него обыска, долженъ былъ вести себя очень осторожно; Дегаевъ въ началѣ 82 года уѣхалъ на Кавказъ, и вся главная работа въ Петербургѣ лежала на Бугевичѣ; онъ, дѣйствительно, дѣлалъ много, но и онъ не могъ удѣлнить всѣхъ своимъ силъ дѣлу военной организаціи.

Въ виду недостатка людей въ партіи, его привлекли и къ другой партійной дѣятельности. Онъ вмѣстѣ съ Анной Павловной Корбой и Грачевскимъ былъ выслѣженъ и арестованъ въ маѣ 1882 года по поводу устройства динамитной мастерской въ квартирѣ Прибылевыхъ.

Но несмотря на это, военная организація разрасталась. У насъ въ Кронштадтѣ къ веснѣ 82 года во всѣхъ трехъ кружкахъ: морскомъ, артиллерійскомъ и пѣхотномъ было въ общемъ члѣвъкъ 25—30, а если считать сочувствующихъ, то набралось бы 50—60. Въ Петербургѣ было не меньше, если не больше. Во многихъ городахъ были группы и кружки. Теперь я могу вспомнить только, что кружки были въ Новгородѣ, Москвѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Николаевѣ, на Кавказѣ, въ Минскѣ, въ Вильнѣ и во многихъ другихъ городахъ, такъ-что въ общемъ военная организація достигала нѣсколькихъ сотъ члѣвъкъ. Но, какъ я выше указалъ, связь между этими кружками была весьма слабая.

IX.

Арестъ весною 1882 года Бугевича, Анны Павловны Корбы и Грачевскаго, нанесъ сильный ударъ военной организаціи. Этотъ арестъ совпалъ съ нашимъ уходомъ въ плаваніе, съ отъѣздомъ Похитонова къ мѣсту службы въ Кобеляки и съ разгромомъ партіи въ Москвѣ, такъ что все дѣло не существовало центрального военнаго кружка и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ мы были оторваны отъ партіи и другъ отъ друга. И когда мы возвратились изъ плаванія, то оказались вполне отрѣзанными и отъ военной организаціи и отъ партіи.

Въ сентябрѣ или октябрѣ неожиданно пріѣхалъ Дегаевъ и передалъ намъ, что, несмотря на пораженія, партія собирается съ силами и необходимо постараться возстановить единство военной организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ выслать ему въ Одессу хранившуюся у насъ типографію, которую мы ему и выслали.

Вскорѣ по его отъѣздѣ пріѣхали два артиллерійскихъ офи-

цера изъ Новгорода, и намъ удалось возстановить кое съ кѣмъ связи. Кромѣ того я съ артиллерійскимъ штабъ-капитаномъ Кунаевымъ побывалъ у многихъ изъ петербургскихъ членовъ нашей организаціи и возстановилъ съ ними связи.

Приблизительно въ октябрѣ пріѣхалъ къ намъ поручикъ Николай Михайловичъ Рогачевъ и сообщилъ, что онъ прямо съ юга, гдѣ видѣлся съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ, которая предложила ему выйти въ отставку въ виду того, что силъ у партіи мало, особенно недостаетъ опытныхъ и рѣшительныхъ людей для активной работы въ партіи. Она также просила его, чтобы онъ подобралъ еще нѣсколько офицеровъ, которые согласились бы выйти въ отставку для той-же цѣли. Онъ спросилъ, не хочетъ ли кто изъ насъ выйти въ отставку, но мы всѣ отказались. Между прочимъ онъ сообщилъ, что партія сильно озабочена разстройствомъ дѣлъ въ военной организаціи и хотѣла бы возстановить ея взаимную связь, что для переговоровъ объ этомъ отъ южныхъ военныхъ кружковъ пріѣдетъ подполковникъ М. Ю. Ашенбреннеръ, который для этой цѣли возьметъ одиннадцати-мѣсячный отпускъ.

Дѣйствительно, кажется, въ декабрѣ пріѣхалъ къ намъ подполковникъ Ашенбреннеръ. У насъ состоялись нѣсколько совѣщаній, въ которыхъ принимали участіе Ашенбреннеръ, З—чь, Панинъ и я (не помню принималъ ли кто еще участіе или нѣтъ). На этихъ совѣщаніяхъ мы обсуждали вопросъ, какую форму придать центральной военной организаціи, такъ какъ въ прежней своей формѣ она не удовлетворяла своему назначенію, фактически не имѣя возможности вліять на офицерскіе кружки и содѣйствовать имъ въ ихъ работѣ. Было рѣшено устроить нѣсколько районовъ сообразно расположенію войскъ и путямъ сообщенія. Каждый районъ долженъ былъ имѣть свой центральный кружокъ, состоящій изъ делегатовъ мѣстныхъ кружковъ. Центральная военная организація должна была состоять изъ обязывающихъ районовъ агентовъ и еще нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ какъ бы штабъ военной организаціи. Имена офицеровъ знали бы только обязывающіе агенты, каждый въ своемъ районѣ; а центральный кружокъ зналъ бы только общія цифры и явку для возстановленія сношеній на случай ареста обязывающаго агента.

Однимъ изъ такихъ агентовъ предполагался М. Ю. Ашенбреннеръ, который между прочимъ предложилъ въ агенты также своего товарища капитана Крайскаго.

Для выполненія этого плана было рѣшено, что Ашенбреннеръ объѣхавъ нѣсколько городовъ, встрѣтится со мною въ Харьковѣ и мы съ нимъ поѣдемъ по южнымъ городамъ, гдѣ онъ познакомитъ меня съ мѣстными кружками и капитаномъ Крайскимъ, и тогда можно будетъ окончательно рѣшить, какіе устроить районы и кого еще можно будетъ выбрать въ объѣздные агенты. И приблизительно въ половинѣ февраля Ашенбреннеръ уѣхалъ. Предъ его отъѣздомъ произошли два факта, оставившіе на насъ тяжелое впечатлѣніе. Штабъ-капитанъ Кунаевъ зашелъ къ Ашенбреннеру и заявилъ, что онъ выходитъ изъ партіи на годъ. Что это означало,

такъ мы и не могли понять. Другимъ еще болѣе печальнымъ фактомъ для насъ явилось извѣстіе объ арестѣ Вѣры Николаевны Фигнеръ.

Послѣ отъѣзда Ашенбреннера, я съ большимъ трудомъ хлопоталъ себѣ отпускъ и въ назначенное время пріѣхалъ въ Харьковъ. Но тамъ не засталъ, какъ было условлено, М. Ю. Ашенбреннера. Вскорѣ я узналъ объ арестѣ его и Похитонова. Такъ нашъ новый проектъ и остановился.

Изъ отпуска мнѣ пришлось ѣхать прямо въ Ревель на свой корабль „Батарею Кремль“, находившійся въ артиллерійскомъ отрядѣ и уже начавшій кампанію. Прибылъ я на свой корабль въ маѣ мѣсяцѣ и до перваго августа ничего ни о комъ не слышалъ. Въ этотъ же день, когда я стоялъ на вахтѣ, ко мнѣ подошелъ матросъ, возвратившійся съ берега и, подавая маленькую бумажку, проговорилъ:

— Ваше благородіе, вольный на берегу проситъ передать вамъ записку.

Я развернулъ бумажку и прочелъ: „Ваши друзья хотятъ васъ видѣть, приходите въ такую-то гостиницу“.

По окончаніи вахты я съѣхалъ на берегъ и встрѣтилъ тамъ своего знакомаго Степурина, бывшаго артиллерійскаго офицера, но уже вышедшаго въ отставку. Онъ мнѣ сообщилъ, что по всей Россіи идутъ аресты офицеровъ. Со дня на день ждутъ арестовъ въ Кронштадтѣ, а на судахъ артиллерійскаго отряда должны арестовать меня и Р—ва, что эти извѣстія получены посредствомъ какихъ-то связей Сергѣй Петровичемъ (Дегаевымъ), который просилъ его, Степурина, извѣстить меня объ этомъ. Степуринъ¹⁾ совѣтовалъ мнѣ ѣхать за границу; я не соглашался, и на этомъ мы съ нимъ разстались, условившись въ перепискѣ.

Возвратясь на батарею, я посоветовался съ лейтенантомъ Т—мъ (о которомъ я говорилъ раньше). Онъ тоже совѣтовалъ уѣхать. Пріѣхалъ ко мнѣ Р—въ, который служилъ, кажется, тогда на „Русалкѣ“. Я ему передалъ разговоръ со Степуринымъ, онъ категорически отказался уѣхать. Такъ прошло недѣли двѣ, я получилъ нѣсколько писемъ отъ Степурина, убѣждавшаго меня поспѣшить съ отъѣздомъ, но мнѣ не хотѣлось уѣзжать. На третьей недѣлѣ пріѣхалъ нелегальный Овчинниковъ, передалъ мнѣ паспорта и рассказалъ, что аресты среди военныхъ продолжаются; я рѣшилъ уѣхать, 19-го августа 1883 года оставилъ корабль и послѣ долгихъ мытарствъ попалъ за границу.

3. Серебряновъ.

¹⁾ Покончилъ самоубійствомъ въ домѣ предварительнаго заключенія въ 84 году.

Правила работы въ мастерской Шлиссельбургской крѣпости.

Всякій народъ имѣетъ свою Бастилю. Ея имя служить символомъ гнета и насилія. Ея мученики дороги всѣмъ прогрессивно-настроеннымъ людямъ, всѣмъ сочувствующимъ освободительной борьбѣ.

Для насъ русскихъ Бастилей была Шлиссельбургская крѣпость, павшая подъ напоромъ революціоннаго движенія. Правительство тратило огромныя суммы для содержанія нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. А передъ амнистіей узниковъ было всего 13. Тѣмъ не менѣе тюрьма стояла. Она была нужна, какъ угроза. Само правительство смотрѣло на нее, какъ на символъ своей власти, своего самовластія.

Но если самодержавному правительству было такъ трудно уничтожить Шлиссельбургъ¹⁾, то тѣмъ труднѣе изгладить теперь память о немъ у русскаго человѣка. Она намъ дорога, какъ память о героической борьбѣ, полной самоотверженія и любви къ родинѣ. Намъ дороги всѣ воспоминанія о жизни этихъ страдальцевъ, характеризующія мрачныя застѣнки Шлиссельбурга. Ниже мы приводимъ небольшой документъ, оставшійся въ одной изъ рабочихъ камеръ крѣпости, послѣ того какъ послѣдніе узники были оттуда увезены. Это—объявленіе, повидимому писанное рукой одного изъ заключенныхъ, все ислѣвшее и пожелтѣвшее, вѣроятно, висѣвшее долгіе годы. Камера служила для токарныхъ работъ. Текстъ объявленія таковъ:

Всѣмъ работающимъ въ этой мастерской предлагается:

- 1) По окончаніи работы вытирать весь станокъ тряпкой отъ стружекъ и пыли.
- 2) Приводить въ порядокъ болванки подъ нарами и за кроватью, а работу складывать на полку, выбрасывая всѣ ненужные остатки.
- 3) Лакъ плотно затыкать и складывать съ ватой и бумагой въ коробку и ящикъ. Лакъ съ чужими именами не трогать.
- 4) Расколотыя ручки пистр. замѣнять сейчасъ-же новыми, а въ случаѣ какой-нибудь ломки пистр. или въ станкѣ исправлять самому, или . . .²⁾ и во всякомъ случаѣ записывать . . .²⁾
- 5) Кто разобьетъ посуду долженъ . . .²⁾ на замѣнъ ей и записать на доскѣ, что это онъ разбилъ.

¹⁾ Увы, Шлиссельбургъ оказался даже и не „уничтоженнымъ“: его снова „населить“ . . .
Ред.

²⁾ Оторвано (исслѣло).

6) Не оставлять въ раковинѣ пролитыхъ красокъ, очищая ее пескомъ или стружками.

7) Не марать стола и наръ, подкладывая къ-нб. дощечку при употребленіи красокъ, лаку и клея.

8) Когда выходить укусуеъ, перецъ, горч., сч.-же отдавать посуду жп. ¹⁾ чб. дали къ слѣд. дню.

9) Въ случаѣ грязи и безпорядка при *приходѣ* въ мастерскую дѣлать надписи на доскѣ и извѣщать, послѣ кого именно найденъ безпорядокъ.

Это объявленіе написано чернилами на четвертушкѣ бумаги (съ 2-хъ сторонъ). Его текстъ показываетъ, съ какимъ вниманіемъ и любовью относились заключенные къ своему труду. Это умѣнье работать, эта безконечная энергія, непотухающая въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ даже у *отпчныхъ* узниковъ — поражаетъ всякаго человѣка.

Отмѣтимъ и искру юмора, которая иллюстрируетъ бодрое настроеніе узниковъ. Подъ объявленіемъ внизу приписано карандашомъ слѣдующее четверостишіе:

Я эту конституцію
Охотно подпишу
И вплоть до революціи
Ни въ чемъ не погрѣшу.

Подпись (иниціалы) неразборчива, но напоминаетъ буквы В. Ф. (Вѣры Фигнеръ).

С. Нир—ъ.

¹⁾ Жаңдарму.

Карательная экспедиція Генералъ-Лейтенанта П. К. Ренненкампа въ Забайкальской Области.

Очеркъ первый.

До экспедиціи.

Генералъ Ренненкампа былъ посланъ въ январѣ 1906 г. въ Забайкальскую Область не для подавленія вспыхнушаго тамъ революціоннаго движенія, а для искорененія крамолы, для должнаго возмездія буйнымъ гражданамъ по старому приказному рецепту, «дабы другимъ неповадно было».

Какъ увидитъ читатель вполнѣдствіи, въ январѣ мѣсяцѣ въ Забайкальской Области уже нечего было усмирять. Подъ вліяніемъ событій въ Россіи, революціонная волна, взметнувшаяся очень высоко въ концѣ 1905 г., шла быстро на убыль, и поколебленные основы власти были снова водворены на мѣсто если не усилями администраціи, то изволеніемъ утихшаго народа.

Да и сами пославшіе Ренненкампа очевидно именно такъ понимали его миссію. Въ началѣ января 1906 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, предписывая губернатору Забайкальской Области г.-л. П. В. Холщевникову рядъ предварительныхъ репрессивныхъ мѣръ противъ забастовщиковъ, стачечниковъ и вообще революціонеровъ, начинаетъ свою телеграмму заявленіемъ, что «командированныя въ Читѣ лица разберутъ всѣ подробности происходившаго мятежа. До прибытія этихъ лицъ прошу сдѣлать по всей области слѣдующія распоряженія и т. д.» Такимъ образомъ въ глазахъ правительства еще до появленія Ренненкампа въ Читѣ вопросъ о «мятежѣ», охватившемъ область, былъ вопросомъ прошлаго, а не настоящаго времени, что и было въ дѣйствительности.

Но въ виду того, что въ обществѣ, а отчасти у самого правительства, да даже и у генерала Ренненкампа, какъ можно судить по приказу его отъ 26 мая 1906 г., сложилось убѣжденіе, что генералу Ренненкампу выпало на долю усмирить мятежъ въ Забайкальѣ, а не разобратъ только «въ его подробностяхъ»,—необходимо для установленія истинной оцѣнки дѣйствій генерала выяснить съ точностью

тѣ условія, при которыхъ приходилось Ренненкампу исполнить свою миссію въ Забайкальѣ.

Чтобы избѣгнуть упрековъ въ пристрастіи, я рѣшилъ описать эти условія только при помощи тѣхъ данныхъ, которыя почерпнуты мною изъ официальныхъ источниковъ или изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ очевидцами, впрочемъ послѣдняя категория данныхъ играетъ въ моемъ изложеніи второстепенную роль: вездѣ по мѣрѣ возможности я стараюсь подтвердить свѣдѣнія, полученныя мною отъ частныхъ лицъ, тѣмъ или другимъ официальнымъ документомъ, исходящимъ отъ органовъ правительственной власти.

Я конечно далекъ отъ мысли представить полную картину революціоннаго движенія въ Забайкальѣ: во первыхъ, я думаю—для этого еще не настало время, во вторыхъ въ мою задачу не входитъ описать насколько возможно полнѣе карательную дѣятельность генерала Ренненкампа.

Я думаю, что я долженъ ограничиться только описаніемъ революціоннаго движенія въ Забайкальѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено высшему правительству донесеніями его агентовъ. Въдѣ посылая Ренненкампа, оно руководилось только этими донесеніями и подлинной правды о событіяхъ не знало.

Составленіе, если можно такъ выразиться, официального отчета о главнѣйшихъ моментахъ освободительнаго движенія въ Забайкальѣ является необходимымъ и потому, что карательная дѣятельность генерала выразилась главнымъ образомъ въ судебныхъ процессахъ. Чтобы не дробить матеріала и избѣгнуть повтореній, удобнѣе предварительно представить картину событій, которыя вмѣнялись въ вину подсудимымъ въ разныхъ процессахъ.

Считаю также необходимымъ остановиться и на тѣхъ причинахъ, которыя обусловили исключительное даже для того времени безсиліе власти въ Забайкальѣ передъ возникшей революціей. Это безсиліе сыграло не малую роль въ созданіи преувеличенной, далеко не соотвѣтствующей дѣйствительности славы о Читинской революціи; поэтому правильная оцѣнка разыгравшихся тамъ событій невозможна безъ краткаго хотя бы очерка тѣхъ условій, при которыхъ приходилось въ 1905 г. дѣйствовать мѣстной администраціи. Условія эти тѣмъ болѣе интересны, что они были даны извнѣ и отъ доброй воли мѣстной власти совершенно не зависѣли.

I

Взрывъ революціоннаго движенія въ Забайкальской Области въ концѣ 1905 г. слѣдовалъ съ такой же стремительностью и быстротой, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашей родины. Администрація края, смущенная еще за долго до 17 октября неуверенной и явноколеблющееся политикой министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ многочисленнымъ и непрерывнымъ проявленіямъ «смуты», была положительно ошеломлена появленіемъ знаменитаго манифеста о свободахъ.

Буря революционных идей, стремительно ворвавшаяся в мирный обиход жизни влѣдъ за этимъ манифестомъ, окончательно поколебала устои мѣстнаго управления, а быстрое проникновение въ ряды давно уже волновавшихся войскъ революционныхъ лозунговъ окончательно лишило власть всякой возможности подавить смуту и возстановить порядокъ. Дружный стройный натискъ на власть былъ такъ неотразимъ, такимъ широкимъ и стремительнымъ разливомъ охватилъ «устои законности и порядка», что несомнѣнная и окончательная побѣда революціи стала убѣжденіемъ самихъ вчера еще «грозныхъ властителей земли», какъ острилъ по поводу губернаторовъ Сибири одинъ изъ мѣстныхъ юмористическихъ листковъ ¹⁾. Укорененію этого убѣжденія не мало, конечно, способствовала отдаленность мѣстныхъ управленій отъ метрополи, осложняла дѣло почтово-телеграфная забастовка, окончательно прекратившая возможность всякихъ непосредственныхъ сношеній мѣстныхъ властей съ Петербургомъ. Несмотря на крайне тревожные симптомы волненій среди рабочихъ Забайкальской ж. д., выразившихся съ начала 1905 г. въ непрерывныхъ столкновенияхъ съ начальствомъ, забастовкахъ, собраніяхъ и усиленной агитаціонной и организаціонной дѣятельности, о чемъ генераль-губернаторъ Области Холщевниковъ весьма обстоятельно и ясно доносилъ въ Петербургъ и главнокомандующему Манчжурской арміей, и въ Петербургъ и въ Харбинъ очевидно не представляли себѣ съ достаточной ясностью того опаснаго положенія, въ какое постепенно попадала администрація края. Изъ Петербурга въ отвѣтъ на тревожныя телеграммы Холщевникова, шли циркуляры, телеграммы съ указаніемъ на прежніе циркуляры сперва съ великолѣпной невозмутимостью бюрократической увѣренности въ силу всяческихъ предписаній, а потомъ съ явнымъ отраженіемъ той смуты и той нерѣшимости, какой отмѣчена вся дѣятельность высшихъ органовъ власти вплоть до кровавыхъ декабрьскихъ дней Московскаго возстанія.

Холщевниковъ между прочимъ постоянно просилъ войскъ для борьбы съ народнымъ движеніемъ. Съ Востока генераль Надаровъ отвѣчалъ ему сухими телеграммами, въ тонъ которыхъ сквозило явное недоверіе къ донесеніямъ губернатора и въ которыхъ Надаровъ, отказывая Холщевникову въ присылкѣ войскъ, заявлялъ ему, что никакого усиленія гарнизона ему, въ сущности говоря, не надо и онъ прекрасно можетъ справиться съ безпорядками и съ тѣми силами, которыя имѣются у него въ распоряженіи.

Изъ Петербурга циркулярно предписывалось не злоупотреблять военной силой при усмиреніи безпорядковъ; циркуляръ этотъ очевидно былъ отзвукомъ тѣхъ жалобъ военныхъ начальниковъ, которыя поступали въ военное министерство на слишкомъ усердное подавленіе безпорядковъ вооруженною силой.

Такъ въ циркулярѣ своемъ губернаторамъ отъ 3 сентября 1905 г. № 10053 министръ полиціи Треповъ писалъ слѣдующее. «... Изъ поступающихъ въ настоящее время сообщеній военнаго вѣдомства усматривается, что командированныя въ распоряженіе гражданскихъ

¹⁾ „Фонарь“ въ Красноярскѣ.

властей воинскія части вызываются иногда послѣдними безъ настоятельной къ тому необходимости и часто употребляются не по предмету ихъ прямого назначенія.

Принимая во вниманіе, что такой способъ распоряженія воинскими частями ведетъ къ полному переутомленію послѣднихъ и заставляя непрерывно смѣнять командируемыя части, лишаетъ военное начальство возможности слѣдить за правильнымъ обученіемъ и спеціальнымъ воспитаніемъ войскъ, прошу Васъ, Милостивый Государь, прибѣгать къ содѣйствию командированныхъ въ Ваше распоряженіе воинскихъ частей лишь въ случаяхъ настоятельной необходимости. . . . »

Однако влѣдъ за этимъ циркуляромъ Треповъ, подъ давленіемъ быстро развивающихся событій, шлетъ Холщевникову другую телеграмму отъ 13 октября 1905 г., гдѣ говоритъ: «въ виду участившихся случаевъ уличныхъ безпорядковъ, прошу принимать рѣшительныя мѣры подавленія, не останавливаясь примѣненіемъ вооруженной силы. Особенное вниманіе обратите на охрану правительственныхъ учреждений и т. д. . . . »

Опубликованіе манифеста 17-го октября, кстати сказать, упавшаго, какъ свѣтъ на голову, мѣстнымъ властямъ, влечетъ за собой нѣкоторое ослабленіе воинственнаго тона министерскихъ телеграммъ, что вызываетъ у генерала Холщевникова недоумѣніе, какъ согласовать манифестъ и слѣдующія за нимъ телеграммы съ предыдущими циркулярами товарища министра (телеграмма Холщевникова Трепову отъ 25-го октября 1905 г., за № 9409).

Въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма интересная телеграмма Трепова относительно преслѣдованія политически неблагонадежныхъ лицъ, въ коей проглядываетъ явная тенденція стать на твердо законную почву. Въ телеграммѣ этой (военному губернатору изъ Петербурга отъ 24-го октября 1905 г. за подписью завѣдующаго политической частью Рачковскаго), между прочимъ говорится, что «лишеніе свободы по разслѣдованіямъ въ порядкѣ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія отнынѣ должно примѣняться исключительно къ тѣмъ лицамъ, которыя своею ясно проявленною дѣятельностью внушаютъ безусловно основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, при томъ преступная дѣятельность коихъ въ теченіе указаннаго въ положеніи объ охранѣ срока можетъ быть доказана съ положительностью, и дѣло можетъ быть направлено безъ продленія срока ареста въ формальномъ ¹⁾ порядкѣ, указанномъ 1035 статьей уст. угол. суд. Изложенныя указанія товарищъ министра, завѣдующій полиціей, предлагаетъ принять къ неуклонному руководству».

Затѣмъ изъ телеграммъ Трепова, овѣянныхъ «духомъ манифеста 17-го октября», слѣдуетъ указать на двѣ: одну отъ 23-го октября 1905 г., а другую отъ 27-го того же октября, адресованныя Чита-губернатору.

Въ первой изъ нихъ Треповъ говоритъ: «Вновь (?) прошу про-

¹⁾ Слово „формальный“ г. Рачковскій очевидно ставитъ здѣсь вмѣсто „законный“

явить всю полноту власти для прекращения беспорядковъ, напиль и погромовъ, дабы во что бы то ни стало обезпечить личную и имущественную безопасность обывателей; при этомъ считаю необходимымъ обратить вниманіе вашего превосходительства, что результаты достигаются своевременнымъ принятіемъ предупредительныхъ мѣръ, а не однимъ лишь кровопролитіемъ, которое всегда является неизбѣжнымъ, когда эти мѣры приняты не были».

Во второй телеграммѣ Треповъ, подтверждая свои прежніе циркуляры объ усмиреніи обывателя, предписываетъ «въ примѣненіи ихъ дѣйствовать въ духѣ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября».

Собственно этими телеграммами, редактированными въ выраженіяхъ весьма неточныхъ и только крайне смущавшими мѣстную администрацію, исчерпывается все разъясненіе свыше «началь манифеста 17-го октября». Къ концу октября событія принимаютъ бурный характеръ и явившійся на смѣну Трепова министръ внутреннихъ дѣлъ засыпаетъ администрацію рядомъ предписаній въ духѣ добраго стараго времени, гдѣ неподражаемо сплетаются жгучая ненависть къ свободѣ съ трепетнымъ страхомъ передъ грозой революціи. Но и телеграммы новаго министра все-таки не даютъ руководящихъ началъ, даются они по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ борьбы со «смутой» и въ нихъ нѣтъ и тѣни того яснаго толкованія «началь манифеста 17-го октября въ духѣ разумно понятой свободы», которое преподнесъ Россіи министръ-президентъ Столыпинъ.

Впрочемъ, Дурново не пришлось долго сносить съ Забайкальской областью. Почтово-телеграфная забастовка, начавшаяся здѣсь 15-го ноября 1905 г., прекратила всякіе способы сношенія министерства съ подчиненными органами и если отъ Дурново и его соратниковъ приходили въ Читѣ какіе-либо приказы и посланія, то они достигали мѣста назначенія либо случайно, путемъ нарочныхъ, либо передавались самими бастовавшими почтово-телеграфными чиновниками, считавшими оглашеніе безсильныхъ приказовъ министра необходимымъ въ агитационныхъ цѣляхъ.

Изъ «случайныхъ» телеграммъ Дурново небезынтересно отмѣтитъ одну, относящуюся къ днямъ, предшествующимъ декабрьскому возстанію въ Москвѣ, днямъ, когда бюрократія мучительно боролась между страхомъ передъ революціей и страстнымъ желаніемъ утопить въ крови ненавистную смуту. Телеграмма эта содержитъ приказъ о разоруженіи рабочихъ и составлена такъ неясно и сбивчиво, что изъ нея рѣшительно нельзя было сдѣлать никакихъ практическихъ выводовъ. Она такъ и осталась втунѣ и найдена была мною въ архивѣ генераль-лейтенанта Холщевникова, какъ яркій образчикъ трусливой и вмѣстѣ злобной канцелярской отписки. Вотъ ея текстъ: «Разоруженіе должно быть производимо съ большой осмотрительностью по вашему усмотрѣнію, но весьма рѣшительно, по очереди и съ такимъ расчетомъ, чтобы дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было сдѣлано навѣрняка».

Изъ приведенныхъ отрывковъ циркуляровъ и предписаній изъ Петербурга видно, что центральная власть не отдавала себѣ яснаго отчета о неуклонно возрастающемъ народномъ движеніи. На отчаян-

ныя телеграммы Холщевникова, стоявшего лицомъ къ лицу съ грозно набѣгавшими волнами революціи, получались отвѣты, гдѣ было все: и совѣты осторожно дѣйствовать, и дѣйствовать навѣрняка, воздерживаться отъ кровопролитія и принимать немедленно рѣшительныя мѣры; циркуляры пестрѣли противорѣчивыми директивами и безсмысленными ссылками на старые циркуляры, но существеннаго отвѣта, отвѣта на то, какъ спасти колеблющуюся власть, не было въ этихъ сумбурныхъ предписаніяхъ изъ Петербурга. А кажется Холщевниковъ весьма ясно ставилъ вопросъ: революція одолеваетъ, лѣзетъ изъ всѣхъ щелей, захватываетъ всѣ слои населенія, проникаетъ въ гарнизонъ, нѣтъ вооруженной силы, чтобы держать революцію въ страхѣ, пришлите войска, войска, войска—вотъ сущность его телеграммъ въ Петербургъ и на Востокъ въ теченіе всего 1905 года. Но изъ Петербурга шли канцелярскія отписки, циркуляры, разъясненія, а съ Востока... шли тоже телеграммы, но войскъ не давали. Ни тамъ, ни здѣсь не понимали, что надо дѣлать или можетъ быть боялись поступать круто. Врагъ былъ неопредѣленъ еще, а буря негодованія, глухіе раскаты народной ненависти очевидно сильно воздѣйствовали на полководцевъ и невольно заставляли откладывать минуту рѣшительнаго боя.

Всѣ просьбы губернатора и даже настойчивыя требованія о присылкѣ войскъ на усиленіе мѣстнаго гарнизона *долго* оставались безъ удовлетворенія, когда наконецъ пламя открыто вспыхнувшей революціи заставило власти принятъ за крайнія мѣры, но, увы, и вслѣдствіе растерянности самихъ властей, и вслѣдствіе неотразимаго напора революціонныхъ идей, проникавшихъ въ войска съ невѣроятной быстротой, мѣры эти не могли дать желанныхъ результатовъ.

Войска послѣдно были двинуты изъ Манчжуріи вглубь Сибири въ концѣ 1905 г., о чемъ начальникъ тыла дѣйствующихъ армій генераль Надаровъ извѣщалъ мѣстныя власти слѣдующей телеграммой, въ которой ясно сквозитъ растерянность и страхъ передъ нахлынувшей грозой.

Харбинь, 21-го октября 1905 г. Секретно.

«Чита—генералу Холщевникову. Сообщаю для свѣдѣнія и руководства телеграмму главнокомандующаго № 11670. Генераль Кутайсовъ сообщаетъ нарочнымъ въ Мысовую и оттуда по телеграфу, что въ Иркутскѣ образовано революціонное правительство, мятежъ въ полномъ разгарѣ, рѣзня неизбѣжна и что необходима спѣшная помощь, присылка войскъ. Желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе съ Иркутскомъ прервано. Въ виду изложеннаго предлагаю вамъ всѣ телеграфныя и желѣзнодорожныя части, имѣющіяся въ вашемъ распоряженіи, немедленно направить къ полковнику Захарову въ помощь ему для скорѣйшаго открытія желѣзнодорожнаго и телеграфнаго сообщенія съ Читой и Иркутскомъ. О томъ, сколько именно желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ ротъ вы отправите, меня увѣдомить, на тотъ случай, если этого числа будетъ мало, чтобы приготовить новый резервъ. Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, что я на него и на весь 13 корпусъ возлагаю охрану Забайкальской желѣзной дороги отъ ст. Манчжуріи до Иркутска включительно. Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, чтобы онъ на каждой станціи оставлялъ та-

кую часть войск, какую онъ признаетъ необходимымъ... Сообщите мнѣ, гдѣ въ настоящее время находится генераль Плева... Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плева, что по случаю тяжелаго положенія въ Читѣ и особенно въ Иркутскѣ необходимо генералу Плева продвинуться съ войсками въ Читу и въ Иркутскъ возможно скорѣе. За тринадцатымъ корпусомъ непосредственно отправляется девятый армейскій корпусъ № 11670».

Характерно, что тотъ же самый Надаровъ еще 13-го октября 1905 г. т. е. за 5 дней до этой телеграммы на просьбу Холщевникова усилить гарнизонъ г. Читы отвѣтилъ отказомъ, закончивъ свою телеграмму изъ Харбина 13-го октября 1905 г. за № 3863 слѣдующей фразой: «Продолжаю настаивать, что имѣющихся у васъ войскъ достаточно для противодѣйствія безпорядкамъ въ Читѣ».

Этой телеграммой начинается рядъ мѣръ, направленныхъ къ спасенію отечества. Колоссальная Манчжурская армія была единственной опорой администраціи въ ея борьбѣ съ развертывающимся освободительнымъ движеніемъ, отсюда изъ этой массы вооруженныхъ силъ ждала она спасенія, туда съ надеждой и тоской обращала свои взоры и слаба тревожные призывы, говоря о мятежѣ готовомъ уже смыть основы порядка и полицейскаго благочинія. И отсюда дѣйствительно пришло спасеніе, но только не сразу; сперва отсюда неожиданно, негаданно явились силы, сыгравшія роль масла, подлитаго въ огонь революціи.

О томъ какое положеніе заняли въ области «желѣзнодорожныя и телеграфныя части», можно судить по даннымъ секретной переписки, возникшей между начальствомъ командированнаго въ Читу 3 резервнаго батальона и начальникомъ военныхъ сообщений тыла Манчжурскихъ Армій вскорѣ по прибытіи батальона на мѣсто. Уже 21 ноября 1905 г. командиръ этого батальона полковникъ Доріанъ доносилъ Начальнику Сообщеній рапортомъ за № 37, что среди нижнихъ чиновъ батальона возникаетъ недовольство тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ задерживаютъ на службѣ и не выдаютъ пособій ихъ семьямъ на родинѣ. Полковникъ глухо пишетъ, что недовольство это, «съ которымъ нельзя не считаться, съ теченіемъ времени будетъ усиливаться. Положеніе дѣла, говоритъ онъ, усложняется тѣмъ, что о времени увольненія нижнихъ чиновъ въ запасъ я не могу сообщить имъ ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе чего находясь въ полной неизвѣстности о времени возвращенія на родину и получая изъ дому неутѣшительныя вѣсти о матеріальномъ положеніи своихъ семействъ, нижніе чины впадаютъ въ крайне угнетенное состояніе духа». Рапортъ этотъ заканчивается просьбой уволить нижнихъ запасныхъ чиновъ и пополнить составъ батальона чинами дѣйствительной службы, стоявшими въ Европейской Россіи въ мѣстечкѣ Барановичахъ.

Просьба эта была удовлетворена, и начальство вознамѣрилось прислать въ батальонъ молодыхъ солдатъ. Но 14 декабря 1905 г. тотъ же полковникъ Доріанъ въ отвѣтъ на запросъ, сколько требуется ему новыхъ солдатъ, пишетъ, другой рапортъ за № 47, гдѣ уведомляетъ начальника Военныхъ Сообщеній, что «большинство города Читы,

гарнизона¹⁾ и почти всѣ агенты Забайкальской желѣзной дороги принадлежать къ социаль-демократической партіи, пропаганда которой ведется въ настоящее время открыто и быстро охватываетъ вновь прибывающія части и команды, въ особенности, если въ составѣ ихъ много бывшихъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ и вообще развитыхъ. Солдаты въ томъ числѣ и моего батальона участвовали и участвуютъ во всѣхъ митингахъ и поддерживаютъ всѣ резолюціи.

«При такомъ положеніи дѣла полагаю, пишетъ полковникъ, что прикомандированіе къ батальону новыхъ командъ хотя бы и дѣйствительной службы или пополненіе батальона молодыми солдатами изъ Барановичей не даетъ батальону надлежащаго спокойствія, такъ какъ нѣтъ средствъ предохранить ихъ отъ пропаганды. Я не могу поручиться, что въ случаѣ забастовки желѣзной дороги нижніе чины станутъ на эксплуатацію, имѣю основаніе предполагать, что они скорѣе примкнутъ къ забастовавшимъ. Вообще должно замѣтить, что событія здѣсь развиваются съ такой быстротой, что мѣра, цѣлесообразность которой была бы безспорна двѣ недѣли назадъ, теперь уже почти непримѣнима.»

Не лучше обстояло дѣло и съ тринадцатымъ корпусомъ генерала Плева, о чемъ также свидѣтельствуютъ данныя секретной переписки командующихъ эшелонами лицъ съ губернаторомъ области. Такъ въ рапортѣ командира 2 батальона 144 пѣхотнаго Каширскаго полка, состоявшаго въ этомъ корпусѣ, говорится (рапортъ 6 Декабря 1905 г. за № 567) что уже въ ноябрѣ 1905 г. «въ средѣ запасныхъ, мѣстной прессой, въ связи съ тоской по родинѣ и получаемыми извѣстіями изъ дому, что семьи на родинѣ, не получая вовсе никакого пособія, терпятъ крайнюю нужду, началось броженіе, которое привело къ заключенію, что, несмотря на царскую волю, ихъ запасныхъ задерживаетъ умышленно начальство²⁾. Убѣжденіе это все болѣе и болѣе крѣпнетъ до настоящаго времени, несмотря ни на какіе доводы и убѣжденія ихъ ближайшаго начальства». Далѣе въ рапортѣ говорится о волненіяхъ въ батальонѣ, о требованіяхъ солдатъ немедленно отправить ихъ на родину, о недовѣрїи къ словамъ начальства, основанномъ между прочимъ на томъ, что «дорога можетъ пропускать по десяти паръ поѣздовъ въ сутки, а воинскихъ поѣздовъ приказано отправлять не болѣе четырехъ», и рапортъ кончается слѣдующимъ безнадежнымъ заявленіемъ: «Въ настоящее время я получилъ свѣдѣніе, что на сходкѣ 5 сего декабря рабочихъ на ст. Чита, въ которой участвовали и нижніе чины, было постановлено, чтобы роты ввѣреннаго мнѣ батальона, находящіяся на охранѣ, стянуть помимо распоряженія начальства въ Читу, а затѣмъ требовать о немедленной смѣнѣ и отправленіи въ мѣсто постоянной стоянки полка для увольненія въ запасъ арміи». Въ заключеніе надо добавить, что батальонъ добился немедленно удовлетво-

¹⁾ Курсивъ неахт. мой.

²⁾ Какъ и было на самомъ дѣлѣ. 13-й корпусъ былъ въ сущности отправленъ въ Россію и миссія узиротворенія, которую корпусъ долженъ былъ исполнять по дорогѣ, была извѣстна только начальству.

ренія своихъ требованій ¹⁾ и, продефилировавъ при огромномъ стеченіи народа съ красными флагами по главной улицѣ города, благополучно отбылъ на родину.

Безсиліе мѣстной власти въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ объясняется, какъ видимъ, весьма просто: сперва для подавленія движенія въ средѣ рабочихъ не доставало вооруженной силы—этого единственнаго практикуемаго нашей администраціей средства борьбы съ политическими движеніями русскаго народа; потомъ, когда эта сила явилась въ самый разгаръ политической борьбы, она была мгновенно охвачена огнемъ революціи и нанесла послѣдній роковой ударъ «престижу власти», тому самому страшному престижу власти, за поруганіе котораго генералы Ренненкамфъ и Меллеръ-Закомельскій явились мстителами безъ разбора и пощады.

II

Революціонное движеніе въ Забайкальѣ, для котораго весьма благоприятными условіями было замѣшательство властей и полное ихъ безсиліе въ борьбѣ съ народомъ, было конечно самымъ тѣснымъ образомъ связано съ событіями въ Европейской Россіи. Оно и шло по пути Великой Сибирской Дороги, концентрируясь сперва на большихъ станціяхъ дороги, гдѣ имѣлись депо и мастерскія съ массой рабочихъ, охватывая затѣмъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и только въ концѣ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г., широкой волной разливаясь далеко въ глубину необозримыхъ лѣсовъ и равнинъ Сибири.

Для выясненія постепеннаго хода и развитія народныхъ волненій въ Забайкальѣ весьма цѣнный матеріалъ представляютъ показанія генералъ-лейтенанта Холщевникова, данныя имъ на дознаніи по возникшему противъ него обвиненію въ государственной измѣнѣ. Въ показаніяхъ этихъ генералъ даетъ подробный отчетъ о всѣхъ случаяхъ беспорядковъ и забастовокъ на линіи желѣзной дороги, и въ этомъ перечнѣ фактовъ ярко развертывается движеніе, проникнутое духомъ возстанія и тѣсно связанное съ взрывомъ революціонныхъ страстей поколебавшихъ основы старой Россіи въ 1905 году. Мы позволимъ себѣ сдѣлать выдержки изъ этихъ показаній, приводя изъ нихъ только тѣ части, которыя касаются непосредственно фактической стороны дѣла.

«Рабочее движеніе въ Забайкальской области, говоритъ генералъ, главнымъ образомъ въ Читѣ, рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и депо, началось еще съ ноября 1904 года, которое выразилось въ кратковременныхъ забастовкахъ на ст. Чита и Оловянная; по ближайшему изслѣдованію черезъ чиновъ жандармской желѣзно-дорожной полиціи забастовки эти были на экономической почвѣ.

«Съ началомъ 1905 года броженіе желѣзно-дорожныхъ рабочихъ вновь началось и продолжалось періодически въ теченіе всего времени

¹⁾ Они были отправлены по слѣдующей телеграммѣ: «Приказомъ начальника Военныхъ Сообщеній Тѣла роты Каширскаго полка съ позученіемъ сего должны быть сняты съ охраны и отправлены по назначенію». Телеграмма эта отъ 9 декабря за № 11879 за подписью подполковника Давановскаго.

до октября включительно. 28 января рабочіе депо и мастерскихъ ст. Чита прекратили работы подъ предлогомъ невыдачи жалованья; желѣзно-дорожное начальство поспѣшило удовлетворить претензію рабочихъ, и послѣдніе стали на работы 31 января.

«Въ февралѣ мѣсяцѣ броженіе рабочихъ опять возобновилось. По должности военнаго губернатора я донесъ главному начальнику тыла отъ 13 февраля за № 127, что рабочіе Забайкальской дороги намѣреваются произвести общую забастовку по всей линіи и тѣмъ самымъ приостановить усиленное движеніе поѣздовъ, предполагая въ то же время произвести полный разгромъ станціи Чита... Далѣе генералъ говорилъ, что онъ окружилъ станцію войсками, поставилъ на ней эшелонъ проходящихъ войскъ и тѣмъ предотвратилъ грозившую по его мнѣнію опасность ¹⁾. «Рабочіе стали на работы, продолжаетъ Холщевниковъ, но броженіе не успокоилось. 19 февраля, въ одномъ домѣ на окраинѣ города Читы тайно собралось сборище до 80 желѣзно-дорожныхъ рабочихъ. Поставленной объ этомъ въ извѣстность городской полиціи удалось накрыть это сборище и задержать 8 человекъ рабочихъ, остальные разбѣжались; при рабочихъ было разное оружіе. Всѣ задержанные были заключены въ тюрьму. Большая часть желѣзно-дорожныхъ рабочихъ заволновалась, требуя выдачи арестованныхъ, такъ что для охраны меньшинства рабочихъ (около 150), выставленъ былъ войсковой нарядъ»...

«Въ мартѣ опять повторилась забастовка, началась 15 марта, окончилась 22 числа. Настроеніе рабочихъ было тревожное и вызывающее; можно было опасаться беспорядковъ, которые могли перейти въ городъ... Въ апрѣлѣ 5—7 опять повторилась забастовка, продержалась два дня; выставлена была войсковая охрана внутри депо для безопасности желающихъ работать. Командированный изъ Иркутска, на усиленіе жандармскаго надзора, по дорогѣ подполковникъ Бушенъ, донося мнѣ объ этой забастовкѣ, 9 апрѣля назвалъ главныхъ вожаковъ рабочихъ: Карповича, Саламатова, Васильева, Антипова, Байчука, Свѣшковскаго и Холодова, и просилъ уволить ихъ изъ депо». Они были высланы административнымъ порядкомъ. Лѣтніе мѣсяцы іюнь и іюль генералъ Холщевниковъ провелъ въ поѣздкахъ по области и по возвращеніи въ началѣ августа узналъ, что въ рабочихъ мастерскихъ и депо станціи Чита идетъ забастовка, начавшаяся 25 іюля. Забастовка эта кончилась 8 августа. Къ сожалѣнію, генералъ ограничивается въ своихъ показаніяхъ только указаніемъ времени забастовокъ, причины же и характеръ ихъ остаются большею частью невыясненными; очевидно эта сторона дѣла была неясна для него самаго; но насколько можно судить по отрывочнымъ замѣчаніямъ въ его показаніяхъ, съ февраля мѣсяца въ мотивы забастовокъ все болѣе и болѣе входятъ политическіе моменты. Такъ забастовка въ концѣ февраля возникла въ слѣдствіе ареста товарищей на «тайномъ сборищѣ» 19 февраля, причѣмъ размыры этой забастовки были довольно внушительны, если меньшинство, стоявшее на работахъ и нуждавшееся поэтому въ

¹⁾ На самомъ дѣлѣ рабочіе и не думали громить станцію и портить пути. Въ такомъ видѣ забастовка была представлена генералу доносеніями чиновъ жандармской полиціи.

охранѣ «войскового наряда», какъ видно изъ показаній Холщевникова, состояло изъ 150 человекъ, тогда какъ всѣхъ рабочихъ въ депо и мастерскихъ на ст. Чита нѣсколько тысячъ человекъ. Предшествовавшая этой забастовка 13 февраля, судя по тревожнымъ свѣдѣніямъ полученнымъ о ней администраціей края (намѣреніе произвести полный разгромъ станціи Чита и т. п.), также вѣроятно имѣла политическую подкладку. Относительно июльской забастовки генераль Холщевниковъ въ своихъ показаніяхъ говорилъ слѣдующее: «Въ виду того, что эта забастовка имѣетъ политическую подкладку и есть основаніе предполагать, что рабочіе добиваются общими забастовками по линіи прекратить временно движеніе и т. д.» Такимъ образомъ несомнѣнно, что къ осени 1905 года волненія среди рабочихъ на линіи Забайкальской желѣзной дороги принимаютъ все болѣе и болѣе политическій характеръ, что видно также изъ тревожныхъ донесеній губернатора начальнику тыла армій, съ постоянно повторяющимися просьбами прислать желѣзно-дорожныхъ и строевыхъ войскъ, для борьбы съ забастовками, и подавленія беспорядковъ. Однако до августа 1903 г. политическій характеръ забастовокъ не былъ, очевидно, первенствующимъ мотивомъ въ тактикѣ рабочихъ, или вѣрнѣе говоря характеръ этотъ не былъ еще выраженъ настолько ярко и рѣзко, чтобы можно было всѣ волненія среди рабочихъ понимать, какъ чисто-революціонное движеніе.

Такъ мы думаемъ потому, что генераль Холщевниковъ, въ своемъ описаніи хода рабочихъ волненій на линіи, проводитъ рѣзкую черту между забастовками до и послѣ августа 1905 г. Описавъ забастовку, кончившуюся 8 августа, онъ говоритъ: «Такимъ образомъ окончился первый періодъ броженія въ 1905 году рабочихъ Читинскихъ депо и мастерскихъ». «Оставленіе станціи Читы безъ вооруженной силы, говорилъ онъ далѣе, дало возможность рабочимъ, какъ показали слѣдующія событія, сплотиться и сьорганизоваться, составить серьезную силу, въ рукахъ которой въ концѣ концовъ и оказалась дорога». Продолжая далѣе лѣтопись революціонныхъ событій, генераль пишетъ: «Съ 29 сентября, я былъ въ служебной поѣздкѣ для обзора Нерчинской каторги, возвратился въ Читу 14 октября около 4 часовъ дня. На вокзалѣ дороги жандармскій подполковникъ Кохъ и полиціймейстеръ города Прошутинскій доложили мнѣ, что въ мастерскихъ и депо желѣзной дороги забастовка, движеніе поѣздовъ прекращено, повреждены телеграфъ и паровозы... 15 октября толпа рабочихъ на ст. Чита-Вокзалъ пыталась овладѣть вагономъ съ винтовками въ матеріальномъ складѣ желѣзной дороги, но была отбита войсками охраны, причемъ одинъ рабочій раненъ, затѣмъ толпа рабочихъ около 300 человекъ съ красными флагами двинулась къ станціи Чита-Городъ, но у самой станціи была остановлена войсками и послѣ увѣщанія опустила флаги и пошла обратно, затѣмъ однако по одиночкѣ прошла на базарную площадь и тамъ соединилась съ нѣсколькими стами городскихъ рабочихъ; но по прибытіи войскового наряда толпа постепенно разсѣялась».

«...16-го и 17-го броженіе среди рабочихъ продолжалось, перешло въ городъ». Губернаторъ, усилилъ караулы у правительственныхъ учре-

жденій и 17-го октября расклеилъ по городу объявленіе о воспрещеніи «всякаго рода сборищъ, сходокъ и собраній на улицахъ, площадяхъ и прочихъ публичныхъ мѣстахъ», гдѣ грозилъ ослушникамъ примѣненіемъ вооруженной силы. Того же 17-го октября былъ отданъ имъ по гарнизону приказъ за № 424 о дѣйстви войскъ при прекращеніи беспорядковъ, «предписывающей войскамъ дѣйствовать на точномъ основаніи устава гарнизонной службы... противъ всякой упорствующей толпы», т. е., попросту говоря, при первомъ случаѣ разстрѣливать непокорныхъ.

Какъ видимъ, въ доброй волѣ у генерала Холщевникова недостатка не было: и объявленіе расклеилъ, и приказъ «не жалѣть патроновъ» отдалъ, словомъ, онъ сдѣлалъ все, какъ полагается по ритуалу нашей бюрократической мудрости, но однако событія шли и нарастали съ головокружительной быстротой, сметая какъ вихремъ бумажные приказы и объявленія власти. «18-го октября, читаемъ въ показаніяхъ генерала, предсѣдатель совѣта старшинъ желѣзно-дорожнаго собранія донесъ мнѣ, что въ собраніи, вопреки всякаго разрѣшенія со стороны администраціи, служащіе, рабочіе дороги и постороннія лица устраиваютъ самовольно сходки и сходбища». Къ этому времени волненіе перешло уже въ городъ. Въ гимназіи была объявлена учащимися забастовка. Въ гимназіи устраивались митинги, учащіеся участвовали въ манифестаціяхъ, одну изъ которыхъ, состоявшую исключительно изъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній казаки, разогнали плетью по приказанію Холщевникова. Это вызвало страшный взрывъ негодованія въ городѣ. Въ чувствѣ возмущенія, ненависти и презрѣнія къ власти, напустившей на дѣтей казаковъ, слились всѣ классы населенія, не исключая чиновниковъ и военныхъ. При общемъ сочувствіи вспыхнула забастовка въ мѣстной классической гимназіи, и губернаторъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія долженъ былъ допустить митингъ въ окруженной войсками гимназіи; о митингѣ просилъ губернатора директоръ гимназіи Еленевъ, заявившій, что «на сходкѣ будетъ обсуждаться вопросъ, какъ приступить къ занятіямъ». Митингъ въ гимназіи былъ еще 20-го октября, и 27-го октября гимназія была закрыта по постановленію педагогическаго совѣта.

Съ другой стороны депутаты желѣзнодорожныхъ рабочихъ добились у губернатора разрѣшенія собираться рабочимъ и служащимъ дороги на митинги для разрѣшенія вопроса о забастовкѣ. Губернаторъ, уступая настояніямъ рабочихъ, приводитъ между прочимъ отъ себя слѣдующее соображеніе въ пользу разрѣшенія рабочихъ митинговъ: «я разрѣшилъ имъ собираться въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ опредѣленное время, чтобы эти сходки не сдѣлать уличными, къ которымъ присоединились бы толпы разнаго люда города и произошелъ бы тогда общій беспорядокъ, войскъ же для поддержанія порядка почти не было». Разрѣшеніе на сходки дано было рабочимъ 20-го октября.

Этимъ обращеніемъ депутатовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ къ Холщевникову за разрѣшеніемъ собраній кончаются подчиненныя сношенія рабочихъ съ администраціей. Послѣ этого влѣтъ до среднихъ чиселъ января 1906 г. управленіе Забайкальской желѣзной дорогой, охватывающее всѣ распорядки на линіи по движенію поѣздовъ

и службъ пути, а также работы въ депо и мастерскихъ и условия жизни и дѣятельности рабочихъ организаций, переходить всецѣло въ руки рабочихъ и агентовъ дороги и не только администрація края, но даже и прямое начальство дороги теряютъ фактически всякую силу и вліяніе на ходъ дѣла.

Произошло это съ одной стороны вслѣдствіе дѣйствительно широкаго развитія рабочихъ организаций и ихъ согласной дѣятельности, съ другой—въ силу отсутствія у начальства фактической возможности разрушить эти организациі, а главнымъ образомъ вслѣдствіе открытаго перехода на сторону «забастовщиковъ» эшелоновъ запасныхъ, двигавшихся съ Востока домой и облеченныхъ тайной отъ нихъ самихъ миссіей попутнаго усмиренія революціи.

Эшелоны эти, какъ мы уже говорили, усиленно были двинуты съ Востока послѣ знаменитой телеграммы Надарова, увѣровавшаго наконецъ въ донесенія Холщевникова о безвыходномъ положеніи власти. Какъ мы уже говорили, этотъ первый опытъ былъ неудачнымъ. Собственно въ городъ Читѣ прежде пресловутаго 13 армейскаго корпуса были двинуты отрядъ забайкальскихъ казаковъ. Нельзя было придумать болѣе удачнаго средства поддержать революціонное броженіе въ Забайкальѣ, какъ присылка 4 казачьяго льготнаго третьей очереди батальона, состоявшаго по словамъ Холщевникова изъ стариковъ. Батальонъ этотъ явился въ Читѣ 25-го октября 1905 г. «Въ это время, говорить въ своихъ показаніяхъ Холщевниковъ, запасные нижніе чины всѣхъ частей гарнизона уже волновались на почвѣ просьбы немедленнаго увольненія ихъ въ запасъ, по случаю прекращенія яко бы пособій ихъ семьямъ на родинѣ и возникшей тамъ нищеты и голода. Волненія запасныхъ немедленно передались и на льготныхъ казаковъ стоявшихъ въ городѣ запасныхъ казачьихъ частей (2 сотни и артиллерійскій взводъ), а затѣмъ и батальона. Казаки начали предъявлять просьбы (и послѣднія становились весьма настойчивы) увольненія на льготу, ссылаясь, что они уже выслужили срокъ; война кончилась, дома нѣтъ работниковъ и наступила голодовка для людей и скота». Казаки эти дѣйствительно были скоро распущены по домамъ, но нѣсколько недѣль пребыванія ихъ въ Читѣ отразились на нихъ самымъ роковымъ образомъ. Они вошли въ прямое и весьма тѣсное общеніе съ мѣстной организаціей рабочей социаль-демократической партіи, составили вмѣстѣ съ мѣстными запасными и прочими частями гарнизона объединенный совѣтъ солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ выступленіяхъ революціонныхъ организацій противъ властей и наконецъ созвали съѣздъ депутатовъ Забайкальскаго казачьяго войска, поставившій на очередь разрѣшеніе самыхъ существенныхъ политическихъ и экономическихъ нуждъ мѣстнаго населенія. Въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи отдаленному Забайкальскому казачеству пришлось такимъ образомъ сыграть роль совершенно противоположную той, которая въ Европейской Россіи доставила столь своеобразную популярность казачеству войску. Забайкальскіе казаки не только поддерживали «крамольныхъ» рабочихъ во время своего невольнаго пребыванія въ городѣ Читѣ, они разнесли революціонныя идеи въ глу-

бину Забайкальской области въ свои отдаленныя, глухія станицы, они передали ихъ крестьянамъ и инородцамъ, имѣвшимъ, какъ и казаки, старые счета съ управленіемъ кабинетскихъ земель, тѣснымъ кольцомъ охватившихъ казачьи и крестьянскія земли. И въ исторіи красныхъ дней 1905 г. Забайкальскіе казаки имѣли своихъ героев и мучениковъ, память о нихъ ничѣмъ нельзя истребить среди казачьяго населенія, равно какъ ничѣмъ нельзя угасить духа свободы, принесеннаго ими въ дикое приволье Забайкальскихъ степей.

Самостоятельная дѣятельность служащихъ Забайкальской желѣзной дороги выразилась въ концѣ октября прежде всего въ возстановленіи пассажирскаго и грузового движенія по всей линіи, начинающаго отъ ст. Манчжури вплоть до Иркутска.

Настоятельная потребность въ усиленномъ движеніи по линіи вызывалась двумя весьма серьезными причинами. Съ одной стороны съ Востока двигались массы войскъ, нетерпѣливо рвавшихся домой; съ другой стороны, вслѣдствіе безобразныхъ порядковъ на дорогѣ, въ теченіе всего 1905 г. въ Забайкальѣ ощущался страшный недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ потребленія, а къ концу 1905 г., вслѣдствіе неурожае мѣстныхъ хлѣбовъ, населенію всей огромной области сталъ грозить голодъ.

Для забравшихъ въ свои руки дорогу «забастовщиковъ» предстояло немедленно же привести въ порядокъ засоренную и вообще хаотически-безпорядочно работающую линію желѣзной дороги и не только возстановить по ней движеніе, но и усилить его до максимальныхъ предѣловъ провозоспособности.

Для того, чтобы сдѣлать это быстро и достичь желанныхъ результатовъ, что и было исполнено «забастовщиками» нужны были не только колоссальный трудъ и усердіе, но и согласная, добросовѣстная и неутомимая дѣятельность всѣхъ рабочихъ и всѣхъ высшихъ и низшихъ агентовъ дороги.

Какъ я уже замѣтилъ, задача эта была разрѣшена превосходно, а приходилось работать не только при неблагоприятныхъ, но и при весьма грозныхъ условіяхъ.

Военное начальство Дальняго Востока (собственно говоря завѣдующій передвиженіемъ войскъ генералъ Надаровъ), признавъ необходимымъ сломить революцію и видя корень ея въ забастовочномъ движеніи на линіи, рѣшило дѣйствовать не только силой, на которую совершенно правильно оно и не рассчитывало, но и хитростью. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ усиленнымъ движеніемъ на Западъ эшелоновъ рвавшихся домой запасныхъ, оно стало внушать солдатамъ, негодовавшимъ не медленное отправленіе ихъ домой¹⁾, что задержка къ ихъ возвращенію на родину происходитъ по винѣ «забастовщиковъ» желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ, останавливающихъ ради своихъ цѣлей движеніе по линіи и препятствующихъ этимъ ускоренному проходу воинскихъ поѣздовъ. Это внушеніе дѣлалось обезумѣвшимъ отъ лишеній, тревогъ и тоски по родинѣ людямъ не только въ

¹⁾ Какъ читатель помнитъ изъ цитированныхъ выше документовъ военное начальство установило для запасныхъ только четыре поѣзда въ сутки

частяхъ и командахъ подлежащимъ начальствомъ, но и расклеивалось на станціяхъ, гдѣ это было возможно, и питательныхъ пунктахъ въ видѣ большихъ плакатовъ, напечатанныхъ огромными буквами.

Къ счастью эта военная хитрость нѣсколько запоздала. Еще до середины октября, когда съ Востока началось усиленное движеніе войскъ, желѣзно-дорожные служащіе, усмотрѣли грозный признакъ въ странномъ бездѣйствіи своего главнаго начальства по установленію порядковъ на линіи. Цѣль этого бездѣйствія была ими понята въ томъ смыслѣ, что путемъ засоренія дороги и почти полнаго поэтому прекращенія движенія воинскихъ поѣздовъ, мудрое начальство желаетъ излить на ихъ головы неудержимый бѣшеный гнѣвъ темной и озлобленной массы запасныхъ, потерявшихъ надежду возвратиться на родину къ голоднымъ брошеннымъ семьямъ. Въ какомъ бы ужасномъ видѣ вылилась эта ярость отчаявшихся людей и какія непоправимыя послѣдствія для дороги и всего края могъ бы имѣть погромъ «забастовщиковъ», можно судить по тѣмъ къ счастью исключительнымъ эксцессамъ, извѣстнымъ намъ по газетамъ, какими сопровождалось движеніе эшелоновъ запасныхъ по великому Сибирскому пути.

Къ счастью эта опасность была своевременно замѣчена и предотвращена. Помимо распоряженій таинственно бездѣйствующаго начальства желѣзнодорожники образовали изъ своей среды такъ называемые смѣшанные комитеты, куда вошли представители всѣхъ службъ дороги, немедленно собрали и пересчитали всѣ теплушки, въ страшномъ безпорядкѣ разбросанныя по линіи и въ огромномъ количествѣ скопившіяся на различныхъ пунктахъ дороги, привели ихъ въ порядокъ и очень быстро организовали провозъ запасныхъ въ размѣрахъ дотолѣ небывалыхъ: въ сутки дорога пропускала по двадцать паръ поѣздовъ, въ которыхъ на Западъ шли эшелоны запасныхъ, а на Востокъ продукты для арміи и края.

Надо знать невѣроятный беспорядокъ, царившій до того на Забайкальской дорогѣ, чтобы по достоинству оцѣнить заслугу забастовщиковъ, какъ ихъ упорно величало начальство, передъ Манчжурской арміей и краемъ. Вѣдь если волненія находящихся въ пути запасныхъ могли быть опасны для рабочихъ и служащихъ дороги, то волненія въ арміи отрѣзанной отъ родины могли бы повлечь за собой такія потрясенія и принять такіе размѣры, передъ которыми поблѣднѣли бы всѣ ужасы владивостокскихъ событій и первымъ бы поплатилось при этомъ хитроумное начальство, безмятежно натравливавшее запасныхъ на «забастовщиковъ» и крамольниковъ.

Конечно, при такомъ усиленномъ движеніи воинскихъ и товарныхъ поѣздовъ пришлось сократить до крайнихъ предѣловъ отправленіе пассажирскихъ поѣздовъ для «чистой публики», приходилось невольно лишать ее комфорта и желаемой скорости пробѣга по трехтысячеверстному пути, и вопли этихъ «обиженныхъ» защитниковъ родины, торопившихся увезти домой свои свѣжіе лавры, породили нелѣпный и ложный слухъ о забастовкѣ на линіи обслуживающей армію и о злостныхъ издѣательствахъ революціонеровъ—желѣзнодорожниковъ надъ доблестными защитниками родины.

Злостная клевета на забастовщиковъ съ самаго-же начала своего

распространенія потеряла всякое значеніе въ глазахъ возвращавшихся съ Востока солдатъ. «Забастовщики», какъ я уже замѣтилъ выше, везли солдатъ въ хорошихъ теплушкахъ, по мѣрѣ возможности замѣняя ихъ вагонами 4 и 3 классовъ, везли ихъ, пропуская по 10 поѣздовъ въ сутки, тщательно заботясь о томъ, чтобы на питательныхъ пунктахъ солдаты получали своевременно горячую пищу. А какъ везло ихъ начальство, имѣвшее заднюю мысль удерживать ихъ въ различныхъ пунктахъ пути для усмиренія, лучше всего видно изъ официального уже цитированнаго нами документа—рапорта о волненіяхъ въ батальонѣ Каширскаго полка. «При самомъ отправленіи изъ Харбина, говорится въ рапортѣ, произошелъ *незначительный случай*, который впоследствии далъ запаснымъ право винить начальство, что о нихъ мало заботятся, и подозрѣніе, что ихъ неохотно отправляютъ изъ Манчжури: по прибытіи батальона вечеромъ наканунѣ отправленія на станцію Харбинъ, оказалось, что *вовсе не были заготовлены теплушки*, такъ какъ по маршруту батальонъ долженъ былъ отправиться въ 7½ часовъ утра, а слѣдовательно прибыть на станцію для посадки съ вечера, а по наряду у коменданта станціи отправленіе эшелона должно было состояться лишь въ 6 часовъ вечера; поэтому люди должны были переночевать въ столовой продовольственного пункта, весьма тѣсной для 900 человекъ и ночью *взвѣтивъ настоящихъ теплушекъ были приспособлены для перевозки людей обыкновенные товарные вагоны*. Несмотря на то, что не было достаточно тепло, ¹⁾ такъ какъ *тонкія стѣнки покрывались къ утру отъ морозовъ инеемъ и платье примерзало ночью къ стѣнкамъ*, тѣмъ не менѣе люди не жаловались на это неудобство, благодаря радостному настроенію, что ихъ везутъ на родину. По прибытію на ст. Манчжурія я получилъ черезъ коменданта станціи телеграмму отъ командира корпуса, смѣнить роты Можайскаго полка на станціи Борзя, Оловянная, Адриановка и Чита. Вскорѣ послѣ смѣны наступили сильные морозы въ 30 и болѣе градусовъ, а между тѣмъ на постахъ не было теплой постоной одежды, а въ Харбинѣ *людямъ были выданы валенки и старые короткіе полушубки, часть состава ротъ получила папачи*».

Это эпическое спокойствіе, съ которымъ «отецъ-командиръ» рапортуетъ о «незначительномъ случаѣ» путешествія своихъ солдатъ въ нетопленныхъ сквозныхъ вагонахъ при 30° морозѣ въ старыхъ короткихъ и рваныхъ полушубкахъ, свидѣлствуетъ о томъ, что этотъ «случай» не былъ исключительнымъ, начальство присмотрѣлось къ подобнымъ ужасамъ солдатскаго положенія и если докладывало о неудобствахъ путешествія, то лишь затѣмъ, чтобы оправдать свое безсиліе въ борьбѣ съ вліяніемъ на солдатъ «митинговъ и агитаціи мѣстныхъ органовъ социаль-демократической партіи».

Забайкальская желѣзная дорога начинается съ Востока отъ ст. Манчжурія. Отъ этой станціи до ст. Харбинъ идетъ Китайская дорога, которая была всецѣло въ рукахъ военнаго начальства. Поэтому районъ распространенія клеветы на забастовщиковъ ограничивается

¹⁾ Въ ноябрѣ морозы въ Забайкальѣ доходятъ до 30° по Реомюру.

только участкомъ дороги отъ Харбина до Манчжурии и клевета эта жива была долгое время послѣ открытія по Забайкальской дорогѣ правильнаго и усиленнаго движенія воинскихъ поѣздовъ.

Начальство, которому надо было задерживать отходящія части для усмиренія, увѣряло солдатъ, что они задерживаются въ пути потому что тамъ дальше на западъ бастуютъ желѣзнодорожники. Но вскорѣ эти наивныя хитрости надо было оставить: дѣйствительность слишкомъ явно и быстро разоблачила тайныя цѣли и явную ложь начальственныхъ увѣреній. Непреодолимая сила вещей не только заставила начальство умолкнуть о препятствіяхъ чинимыхъ отъѣзду солдатъ «забастовщиками» и снять со станцій клеветническіе плакаты, но и принудила его войти въ соглашеніе съ этими забастовщиками для согласованія и болѣе успѣшнаго движенія воинскихъ поѣздовъ Китайской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ. Генералъ адъютантъ Линевицъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ принималъ представителей смѣшанныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ и вмѣстѣ съ ними вырабатывалъ схемы движенія воинскихъ и продовольственныхъ поѣздовъ. За эти дѣйствія вызванныя необходимостью и свидѣтельствующія только объ умѣ и добросовѣстности стараго генерала, онъ едва не былъ привлеченъ къ суду по обвиненію также какъ и Холщевниковъ въ государственной измѣнѣ, о которой въ 1906 году неустанно твердили Читинскіе усмирители.

Знаменитые плакаты о забастовщикахъ явились снова на сцену вмѣстѣ съ карательными поѣздами Ренненкампа. Съ возстановленіемъ «порядка» на линіи запасныхъ стали везти по прежнему въ скверныхъ вагонахъ, медленно, забывая то тамъ, то сямъ приготовить имъ пищу, а противъ «смѣшанныхъ комитетовъ» было возбуждено грозное обвиненіе въ посягательствѣ на государственный строй, и только сложность процесса вслѣдствіе громаднаго количества привлеченныхъ лицъ спасла ихъ всѣхъ отъ суда при отрядѣ генерала Ренненкампа, т. е. отъ смерти и безсрочной каторги. Громадный процентъ желѣзнодорожныхъ служащихъ былъ исключенъ изъ службы и теперь ждетъ надъ собою суда. Такъ военное начальство отплатило желѣзнодорожникамъ за услуги, оказанныя ими арміи въ смутное и тяжелое время всеобщей растерянности и замѣшательства.

Въ моемъ распоряженіи имѣются и официальные документы, подтверждающіе фактъ полезной для края дѣятельности упомянутыхъ смѣшанныхъ комитетовъ.

Генералу Холщевникову въ ряду другихъ обвиненій было предъявлено также обвиненіе въ сношеніи съ революціонными смѣшанными комитетами Забайкальской ж. д.

Обвиненіе это возникло на почвѣ слѣдующихъ фактовъ.

Со времени перевозки по Забайкальской ж. д. военныхъ грузовъ для области настало трудное время хроническаго недостатка предметовъ самой первой необходимости. Острота кризиса чувствовалась тѣмъ значительнѣй, что Забайкальская область за исключеніемъ весьма небольшой ея части представляетъ бесплодную пустыню, населенную кочевыми племенами или осѣдлыми инородцами, занимающимися исключительно скотоводствомъ для собственнаго потребленія. Бѣдность

естественныхъ запасовъ пищи и отдаленность отъ рынковъ ставили въ особенно тяжелое положеніе область съ населеніемъ, захваченнымъ въ располхъ желѣзнодорожной неурядицей.

Завѣдовавшее съ начало войны перевозкой частныхъ грузовъ министерство путей сообщенія, видя полную безпомощность своихъ агентовъ въ борьбѣ съ держателями пресловутыхъ военныхъ свидѣтельствъ на неочередный провозъ грузовъ, передало это дѣло Управленію Военныхъ Сообщеній Главнаго Штаба, полагая вполнѣ справедливо, что разъ выдача военныхъ свидѣтельствъ на провозъ грузовъ зависитъ отъ этого Управленія, то оно лучше чѣмъ кто либо другой парализуетъ зло, причиняемое не совсѣмъ осмотрительной, говоря деликатно, выдачей этихъ свидѣтельствъ. Но Управленіе военныхъ сообщеній не справилось съ этой задачей и невѣроятные беспорядки въ доставкѣ частныхъ грузовъ, беспорядки, описаніе которыхъ могло составить цѣлый томъ и которые явились плодомъ наглаго и виртуознаго хищничества, заставили его передать дѣло по завѣдыванію и распоряженію доставкой частныхъ грузовъ военному губернатору Забайкальской области. Тотъ немедленно учредилъ въ Читѣ особый продовольственный комитетъ при городской управѣ, но и онъ безсиленъ былъ распутать гордіевъ узелъ, завязанный алчными руками мелкихъ и крупныхъ взяточниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства.

Чтобы охарактеризовать въ общихъ чертахъ каковы были порядки по доставкѣ частныхъ т. е. не военныхъ грузовъ въ Забайкальскую область въ 1905 г., достаточно привести слѣдующія цифры, почерпнутыя изъ отчетовъ Забайкальскаго продовольственнаго комитета.

Съ 1 января по 8 октября 1905 года забайкальскимъ губернаторомъ было передано въ Управленіе Военныхъ Сообщеній по телеграфу 513 ходатайствъ городскихъ управленій и разныхъ учреждений о нарядѣ въ отправку въ Забайкальскую область 4601 вагона съ продовольственными грузами. Изъ этого количества было доставлено всего лишь 1717 вагоновъ, такимъ образомъ область не получила 2884 вагона, т. е. около двухъ милліоновъ груза, составлявшаго предметы первой необходимости.

Осенью 1905 г. стало ясно, что Забайкалью вслѣдствіе неурожая въ большой части области грозитъ голодъ. Администрація своевременно приняла мѣры къ выясненію недостающаго количества хлѣба и закупила 180.000 пудовъ хозяйственнымъ способомъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, а на доставку 500.000 пудовъ ржи и 24.000 п. овса заключила контрактъ съ подрядчиками, обязавшимися доставить означенное количество хлѣба изъ Западной Сибири. Для провоза этого груза, который долженъ былъ приходиться, начиная съ сентября, въ количествѣ отъ 50 до 70 тысячъ пудовъ въ мѣсяцъ выдавались особыя разрѣшительныя свидѣтельства. «Такихъ свидѣтельствъ, melancholически заключаетъ въ своемъ отчетѣ Комитетъ, и выдано въ сентябрѣ на 30 вагоновъ, октябрѣ 60, ноябрѣ 70, декабрѣ 123, январѣ 123, всего 406 ваг. или почти на 305 тысячъ пудовъ, что при правильной доставкѣ вполнѣ бы обезпечивало населеніе отъ голода. На самомъ же дѣлѣ было получено только 23-30 вагоновъ муки и нѣсколько вагоновъ овса».

Вообще положеніе къ концу 1905 г. создавалось отчаянное, а состояніе желѣзной дороги не давало никакихъ надеждъ на благополучный исходъ.

«Въ области наступилъ окончательный голодъ, телеграфируетъ осенью 1905 г. Холщевниковъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, провозъ хлѣбныхъ грузовъ приостановился. Для голоднаго населенія казаковъ и крестьянъ по 500 нарядамъ съ августа мѣсяца получено лишь 50 вагоновъ. На дорогахъ полное безначаліе, неизвѣстно къ кому обращаться... Населеніе волнуется: можно ожидать большихъ беспорядковъ на почвѣ исключительно голодовки».

Въ протоколѣ засѣданія Продовольственнаго Комитета 8 декабря 1905 г. мы находимъ рѣзкій отзывъ о возмутительныхъ порядкахъ на дорогѣ. «Что такое очередная отправка, читаемъ въ протоколѣ изъ рѣчи предсѣдателя К. А. Гриневицкаго, знаетъ по нынѣшнимъ временамъ каждый. Очередь исхлопатываетъ себя тотъ, кто везетъ товаръ, на которомъ можно нажать рубль на рубль, или кто изворотливѣе; при такомъ положеніи хлѣбные грузы должны обязательно итти гдѣ-нибудь во хвостѣ всѣхъ очередей, что въ дѣйствительности и видимъ».

Спиртъ, напримѣръ, для монополіи приходитъ по 70 вагоновъ, шляпы и модные товары также, а хлѣба нѣтъ какъ нѣтъ...»

Въ такомъ безвыходномъ положеніи администрація рѣшилась обратиться къ смѣшаннымъ желѣзнодорожнымъ комитетамъ, начавшимъ уже тогда свою дѣятельность и сразу заявившимъ себя разумнымъ и энергичнымъ начальникомъ и хозяиномъ желѣзной дороги.

Объ обращеніи своемъ къ смѣшаннымъ комитетамъ генералъ Холщевниковъ сообщаетъ Министрамъ въ только что цитированной телеграммѣ. 8 декабря 1905 г. въ засѣданіи Продовольственнаго Комитета, принявшаго уже въ свой составъ къ этому времени представителей мѣшанскаго общества, купцовъ, потребительныхъ обществъ и «всѣхъ прочихъ организаций, находящихся въ г. Читѣ»¹⁾, было постановлено обратиться за содѣйствіемъ къ «мѣстному смѣшанному комитету служащихъ желѣзной дороги и рабочихъ и ко всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ остальной части Забайкальской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ».

Тутъ же въ протоколѣ этого засѣданія находимъ и свѣдѣнія о составѣ, роли и дѣятельности смѣшанныхъ комитетовъ.

«Смѣшанные комитеты, говорится въ протоколѣ, состоятъ изъ выборныхъ представителей отъ всѣхъ службъ и рабочихъ извѣстнаго участка желѣзной дороги, они связываются съ таковыми же сосѣдними по всей дорогѣ, а затѣмъ и съ сосѣдними дорогами. Смѣшанные комитеты имѣютъ своей цѣлью возможное ускореніе способа передвиженія войскъ, но въ силу того, что они состоятъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ, они пользуются громаднымъ фактическимъ вліяніемъ въ особенности въ смыслѣ контроля. Формированіе этихъ коми-

¹⁾ Протоколъ Засѣданія Забайкальскаго Областнаго Правленія отъ 22 ноября 1905 г. (Забайкальскія Областныя Вѣдомости № 250 1905 г.).

тетовъ, правда, еще не закончено, они не связаны еще между собою, но, по мнѣнію предсѣдателя, они или подобныя имъ учрежденія въ настоящее время являются единственно могущими оказать продовольственному комитету существенную помощь. 7 декабря, докладываетъ предсѣдатель, онъ входилъ въ сношеніе съ мѣстнымъ смѣшаннымъ комитетомъ и этотъ послѣдній принялъ самоеоживое участіе въ этомъ дѣлѣ и обѣщаль всякое содѣйствіе, какое онъ только будетъ въ состояніи оказать».

Въ томъ же засѣданіи присутствовалъ и членъ мѣстнаго смѣшаннаго комитета. Собраніе единогласно постановило командировать на линію особыхъ уполномоченныхъ, которымъ и «просить выдать всѣ необходимыя бумаги и полномочія Губернатора Забайкальской области и мѣстный смѣшанный комитетъ, чтобы такимъ образомъ уполномоченные дѣйствовали параллельно у *юридическихъ и фактическихъ властей*, вѣдающихъ движеніемъ по Забайкальской и Сибирской желѣзнымъ дорогамъ». При этомъ собраніе «выразило глубокую благодарность въ лицѣ представителя смѣшанному комитету».

Заботы «фактической власти» желѣзной дороги захватили всю дѣятельность смѣшанныхъ комитетовъ, которые одни только и представляли изъ себя сплоченную организацію желѣзнодорожно-служащихъ. Такимъ образомъ, выражаясь языкомъ бюрократическихъ донесеній, революція на Забайкальской желѣзной дорогѣ въ средѣ ея агентовъ къ концу 1905 году завершилась организаціей и работой смѣшанныхъ комитетовъ. Комитеты эти съ необычайной для нашихъ служебныхъ порядковъ быстротой привели въ порядокъ хронически засоренную линію 3-хъ тысячеверстнаго пути, гдѣ движеніе почти уже было парализовано, довели провозоспособность дороги до 20 паръ поѣздовъ въ сутки, избавили армію Линевица отъ буйныхъ элементовъ запасныхъ войскъ рвавшихся домой, обезпечили войскамъ стоявшимъ въ Манчжуріи правильный подвозъ необходимыхъ продуктовъ, избавили Забайкалье отъ голода, подступившаго уже что называется вплотную, разрѣшили хотя отчасти тяжкій товарный кризисъ въ области, и этотъ колоссальный нечеловѣчскій трудъ, предотвратившій ужасы погромовъ и голодной смерти, «забастовщики» при явномъ равнодушіи и тайномъ противодѣйствіи «юридическихъ властей» дороги совершили въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ. Они были такъ увлечены этимъ трудомъ, они такъ были увѣрены, что исполняя его, они служатъ цѣлямъ порядка и благополучія своихъ гражданъ, что когда съ Востока и Запада налетѣли на нихъ карательные поѣзда, эти скромные и безвѣстные труженики и не думали покидать своихъ постовъ.

И мстительная десница упала на нихъ прежде всего. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы скажемъ въ свое время. Но сколько погибло ихъ безвѣстныхъ въ зловѣщемъ молчаніи Сибирскихъ холодныхъ ночей, гдѣ ихъ застигла внезапно налетѣвшая смерть! Они шли къ лобному мѣсту, не вѣря страшной дѣйствительности—такъ невѣроятны были неожиданные приговоры, объявлявшіеся среди издѣвательствъ и глумленія. Суровая Сибирская тайга и молчаливыя пустынные степи, гдѣ затерялись печальныя станціи Великаго пути, хранятъ, какъ святыню, память этихъ невинныхъ страдальцевъ.

Страшная смерть надѣла имъ терновые вѣнцы и вчера еще простые, обычные и сѣрые люди стали героями свободы, и память о нихъ жжетъ сердца. Это они посылаютъ изъ далекихъ равнинъ Сибири лѣвыхъ депутатовъ въ Государственную Думу, это они требуютъ признанія ихъ правоты и невиновности, тихіе, простые, скромные люди, сметенные кровавой рукою безумія. Миръ ихъ праху! Придетъ время, имена ихъ станутъ извѣстны, и родина отведетъ имъ должное мѣсто въ великомъ саркофагѣ жертвъ революціи. Но при жизни революціонерами они не были. Ихъ убили какъ революціонеровъ безъ суда и слѣдствія. А когда правосудіе, даже и военное, коснулось ихъ дѣяній въ судѣ надъ генераломъ Холщевниковымъ, оно не нашло въ ихъ поступкахъ вины: генераль Холщевниковъ, признавшій фактъ сношеній своихъ со смѣшанными комитетами и обвинявшійся въ этомъ прокуратурой какъ за сношеніе съ революціоннымъ сообществомъ, былъ по этому пункту обвинительнаго акта признанъ судомъ невиновнымъ.

Революціонныя организаціи социалистическихъ партій вели усиленную дѣятельность среди рабочихъ и солдатъ мѣстнаго гарнизона, желая закрѣпить то положеніе, которое создано, благодаря колебанію и безсилію власти.

Главное мѣсто въ этой дѣятельности принадлежало социаль-демократической рабочей партіи, которая вела усиленную пропаганду, выступая на митингахъ и агитируя среди демократическихъ слоевъ населенія. Благодаря этой энергичной работѣ въ Читѣ къ концу ноября 1905 г. образовался Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, охватившій собою весь гарнизонъ города и предъявившій 25 ноября губернатору, какъ начальнику гарнизона и наказному атаману, длинный рядъ требованій, касавшихся преимущественно казачьихъ и солдатскихъ нуждъ и заканчивавшихся требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ.—Внутренніе размѣры и крѣпкая сплоченность созданныхъ этою партіей организацій внушала особый страхъ мѣстной администраціи.

Администраціи было извѣстно, что революціонеры, къ услугамъ которыхъ были ружья и пушки гарнизона, располагаютъ еще складами взрывчатыхъ веществъ и винтовокъ похищенныхъ ими изъ вагоновъ съ грузами военного вѣдомства. Такъ въ декабрѣ губернатору говорили, что социаль-демократическая партія имѣетъ въ Читѣ четыре тысячи членовъ, вооруженныхъ винтовками и готовыхъ по первому сигналу выйти на улицу и дать бой вѣрнымъ присягѣ войскамъ.

Насколько точны были эти свѣдѣнія мы теперь судить не можемъ. Относительно похищенія революціонерами оружія по официальнымъ даннымъ намъ извѣстны два только случая: 5 декабря 1905 г. толлоу рабочихъ Читинскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ было взято 787 винтовокъ изъ цѣйхауза 3 резервнаго желѣзнодорожнаго батальона, стоявшаго на линіи (Рапортъ полковника Доріана отъ 16 декабря 1905 г. за № 45). 4 января 1906 г. на станціи Чита былъ захваченъ революціонерами цѣлый транспортъ винтовокъ, шедшій въ 13 вагонахъ. Винтовокъ въ немъ было около 28000. (Рапортъ началь-

ника Читинскаго артиллерійскаго склада подполковника Боярскаго отъ 12 января 1907 г. за № 115).

Вотъ и все, что мы знаемъ о похищеніи оружія. Второе похищеніе винтовокъ сдѣлано было уже въ то время, когда высоко поднявшаяся волна революціи опадала и оружіемъ этимъ серьезно никто воспользоваться не думалъ. Вагоны просто были заведены въ депо и почти весь ихъ грузъ былъ отобранъ властями послѣ прибытія Ренненкампа.

Вообще о дѣятельности революціонныхъ социалистическихъ партій, ведшихъ упорную и смѣлую работу для упроченія положенія, созданнаго неожиданно налетѣвшей революціонной грозой, властямъ въ точности было мало извѣстно. Обычный спутникъ русскаго подпольнаго революціонера—сыщикъ и провокаторъ испарился яко дымъ въ эти страшные дни свободы и великихъ надеждъ. Жандармы и полиція бездѣйствовали или скромно издали наблюдали за торжествомъ стариннаго врага. Этимъ объясняется также и то, что въ синодикѣ жертвъ карательныхъ экспедицій видные вожаки революціонныхъ партій и вообще партійные дѣятели, какъ таковые, составляютъ рѣдкое исключеніе.

Эта работа удаленная отъ глазъ перепуганной власти, была самой молчаливой, хотя можетъ быть поэтому и самой страшной для защитниковъ порядка. Она составляла основу революціи—ея глубоко уходящіе въ почву корни и движеніе этихъ корней заставляло сотрясаться всю ветхую и я скажу убогую махинацію средствъ защиты и нападенія, которую административный строй могъ и смѣлъ противопоставить побѣднымъ шагамъ революціи.

Гораздо больше шумѣло, больше бросалось въ глаза и больше потому было извѣстно администраціи то броженіе революціонныхъ идей, которое наблюдалось въ городскихъ буржуазныхъ слояхъ населенія, въ чиновничествѣ и офицерствѣ. Поддерживаемое могучимъ давленіемъ глубоко-революціонныхъ демократическихъ низовъ народа, это движеніе принимало яркія неожиданныя формы, въ немъ громко звучали увѣренныя ноты успѣха и надежды. И оно причинило начальству много хлопотъ. Оно заставило его проявить ту колеблющуюся политику «видимыхъ» уступокъ революціи, за которую потомъ пришлось нести тяжелый отвѣтъ передъ «безтрепетной» властью, разяснившей послѣ усмиренія истинную сущность манифеста 17 октября.

Почтово-телеграфная забастовка началась въ Забайкальѣ 15 ноября 1905 г. и окончилась 12 января 1906 г. Протекала она также какъ и во всей остальной Россіи, но передъ концомъ своимъ осложнилась совершенно особеннымъ и своеобразнымъ образомъ. Все населеніе области или во всякомъ случаѣ большая часть его настолько были охвачены сочувствіемъ въ борьбѣ съ произволомъ, что никакой неприязни къ бастовавшимъ чиновникамъ не было и гѣни. Наоборотъ, многія состоятельныя лица даже оказывали бастующимъ матеріальную поддержку, послѣ того какъ имъ правительство прекратило выдачу жалованья. Отчасти подъ влияніемъ этихъ симпатій населенія, отчасти вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія среди

почтово-телеграфныхъ чиновниковъ возникла странная, не вполне ясная мысль о передачѣ почты въ Забайкальской области народу и объ открытіи послѣ этого почтово-телеграфныхъ операций. Возникшая и разработанная на митингахъ, куда стекалось все многообразное населеніе города, мысль эта быстро и окончательно овладѣла умами почтовыхъ чиновниковъ. При обсужденіи этой мѣры на митингахъ представители революціонныхъ партій относились къ ней отрицательно и предлагали населенію захватъ въ свои руки всѣхъ правительственныхъ учреждений области. Рѣчи объ этомъ и породили слухи о Даурской республикѣ ¹⁾, но они такъ и остались рѣчами и городское населеніе болѣе склонялось къ передачѣ почты народу и немедленномъ открытіи ея функций въ предѣлахъ области. Революционеры, не сочувствуя въ принципѣ этому рѣшенію, обѣщали городу свою поддержку, въ случаѣ если администрація силой будетъ противиться сдачѣ почтово-телеграфныхъ зданій и имущества чиновникамъ прекращающимъ забастовку на условіяхъ службы не правительству, а народу.

21 декабря въ 11 часовъ дня въ областное присутствіе, гдѣ находился губернаторъ Холщевниковъ, явилась депутація гражданъ съ городскимъ головой, Шешминцевымъ. Губернаторъ, засѣдавшій въ то время въ областномъ совѣтѣ, принялъ депутацію въ залѣ засѣданія въ присутствіи совѣта. Депутація состояла изъ городского головы начальника почтово-телеграфной конторы Замошникова, трехъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и поручика Дмитревскаго. Она заявила губернатору, что она явилась къ нему отъ имени Читинской городской думы, которая въ состоявшемся только что публичномъ собраніи съ участіемъ гражданъ постановила просить губернатора передать временно почтово-телеграфныя учреждения въ руки города и особаго избраннаго комитета почтово-телеграфныхъ чиновъ. Губернаторъ отвѣтилъ депутаціи, что онъ не можетъ удовлетворить этой просьбы своею властью, а соберетъ для этого особое совѣщаніе представителей всѣхъ правительственныхъ учреждений области и поставить на ихъ обсужденіе этотъ вопросъ. Кузнецовъ и Шешминцевъ просили губернатора немедленно удовлетворить это ходатайство, утверждая, что этимъ онъ можетъ избавить себя отъ худшаго положенія, что если онъ хоть немного промедлитъ, «то будетъ поздно, нечего будетъ передавать, такъ какъ представители рабочихъ заявили на собраніи, что у администраціи ничего не слѣдуетъ просить, что почту нужно взять силой и предлагали свои услуги взять не только почту, но и другія учреждения» ²⁾ губернаторъ однако отказался дать немедленно просимое рязрѣшеніе, но въ виду серьезности положенія немедленно въ тотъ же день 21 декабря въ 3 часа дня созвалъ особое совѣщаніе представителей вѣдомствъ, которое по закону губернаторы могутъ созывать въ исключительныхъ случаяхъ (ст. 280 свода губернскихъ учреждений томъ II. св. зак.). Совѣщаніе это немедленно соб-

¹⁾ „Забайкальская область“—это русское бюрократическое названіе края. Коренное населеніе—бураты называютъ свою родину Дауріей.

²⁾ Показанія Хошеникова на дознаніи.

ралось въ областномъ присутствіи; на него явились: командиръ стоявшей въ области 1 сибирской пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ Морозовъ, командиръ 1-го Читинскаго пѣхотнаго полка г. м. Румшевичъ, командиръ 2-го резервнаго батальона полковникъ Бѣляцкій, Читинскій воинскій начальникъ Воложаниновъ, и. о. начальника штаба Забайкальской дивизіи подполковникъ Гловачевскій, подполковникъ Виц — нуда, командиръ 6 Восточнаго Сибирскаго запаснаго батальона Плысковскій, помощникъ начальника Иркутскаго губернскаго жандармскаго управления въ Забайкальской области ротмистръ Балабановъ, вице-губернаторъ Забайкальской области д. с. с. Бѣломѣстновъ, товарищъ предсѣдателя Читинскаго окружнаго суда с. с. Гервагенъ, и. д. управляющаго Забайкальской казенной палатой с. с. Тыжновъ, предсѣдатель комиссіи по размежеванію земель Забайкальскаго казачьяго войска д. с. с. Морозовъ, начальникъ Забайкальскаго почтово-телеграфнаго округа д. с. с. Данилевичъ, управляющій акцизными сборами въ Забайкальской области д. с. с. Вержболовичъ, Забайкальскій областной землемѣръ к. с. Поповъ, непремѣнный членъ областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія кол. ас. Гриневицкій, старшій совѣтникъ Забайкальскаго областного правленія с. с. Семидаловъ, совѣтники того же правленія с. с. Бочаровъ и н. с. Николаевъ, директоръ гимназіи с. с. Еленевъ, предсѣдатель казачьяго войскаго управления полковникъ Головачевъ, и. д. Читинскаго уѣзднаго начальника коллежскій секретарь Глинка и за полиціимейстера его помощникъ тит. сов. Горпинченко. Въ засѣданіи же присутствовалъ и Читинскій городской голова Шешминцевъ ¹⁾. Предсѣдательствовала военный губернаторъ генераль-лейтенантъ Холщевниковъ. Въ началѣ засѣданія предсѣдателемъ была доложена, представленная городскимъ головой резолюція, принятая на экстренномъ засѣданіи 21 декабря городской думы «при участіи гражданъ и представителей отъ партій и союзовъ». Резолюція эта гласила слѣдующее: «гласныя думы, собравшійся 21 декабря 1905 г. въ экстренномъ засѣданіи, вмѣстѣ съ представителями партій и союзовъ выслушали: докладъ городского головы о почтово-телеграфной забастовкѣ въ г. Читѣ, резолюцію принятую на митингѣ 19 декабря 1905 года, на которомъ подробно обсуждался вопросъ о названной забастовкѣ, а также докладъ почтово-телеграфныхъ чиновъ союза объ организациі почтово-телеграфнаго дѣла въ г. Читѣ. Обсудивъ всесторонне всѣ обстоятельства дѣла, въ присутствіи представителей партій, союзовъ и громадной массы гражданъ, единогласно постановили:

1. Господствующее правительство, а также и мѣстная администрація безсилны возстановить почтово-телеграфное сообщеніе, а потому оно должно быть временно изъято изъ рукъ правительства и передано при посредствѣ городского общества въ руки чиновъ почтово-телеграфнаго союза.

2. Городское общество изъ своей среды избрало комиссію для наблюденія за правильнымъ ходомъ почтово-телеграфныхъ дѣлъ и

¹⁾ Въ донесеніи о засѣданіи 21 декабря почерпнуты изъ подлинныхъ протоколовъ и резолюцій совѣщанія. *Доп.*

денежной отчетности, въ составѣ г.г. А. К. Кузнецова, Дмитревскаго, Н. Н. Соболева и Волкова, 1) сверхъ того партіямъ и союзамъ предоставляется право избирать своихъ представителей, которые и входятъ въ составъ комиссій.

3. Временное управление почтово-телеграфнымъ дѣломъ возложить на исполнительный комитетъ союза Читинскихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, состоящій изъ слѣдующихъ лицъ: председатель Н. А. Хмѣлевъ, члены: Замошниковъ, Костыревъ, Запольскій, Андріевскій и Красовицкій.

4. Просить г. губернатора черезъ выборныхъ депутатовъ немедленно снять всѣ военные посты на почтово-телеграфной конторѣ.

5. По снятіи печати произвести описи всего наличнаго имущества при помощи почтово-телеграфныхъ чиновъ и совмѣстно съ выборными отъ общества.

6. Для приведенія дѣлъ въ порядокъ чины почтово-телеграфной конторы должны избрать комиссію, которая обязана составить протоколъ и представить его обществу.

7. По окончаніи засѣданія съѣзда чиновъ почтово-телеграфныхъ делегатовъ округа, созданныхъ на 21 декабря с/г. въ г. Читѣ, долженъ быть избранъ комитетъ изъ служащихъ почтово-телеграфныхъ конторъ Забайкалья для совмѣстнаго съ делегатами отъ общества опредѣленія порядка дальнѣйшей передачи почтово-телеграфнаго дѣла во всемъ Забайкальи въ руки общества и завѣдыванія этимъ дѣломъ.

8. Содержаніе чиновникамъ и служащимъ почтово-телеграфныхъ конторъ и другіе хозяйственные расходы будутъ выплачиваемы изъ поступающихъ на приходъ суммъ, остатки же сихъ суммъ будутъ храниться по указанію комитета изъ служащихъ почтово-телеграфныхъ конторъ Забайкалья, который долженъ быть организованъ на основаніи предъидущаго пункта, совмѣстно съ представителями городского общества».

Резолюція эта была представлена городскимъ головой въ копіи. Обсужденіе ея въ особомъ совѣщаніи и постановленіе, сдѣланное имъ, настолько интересны, такъ ярко характеризуютъ настроеніе переживаемаго населеніемъ момента, что несмотря на обширность протокола совѣщанія мы сочли нужнымъ привести изъ него большія выдержки.

«По выслушаніи этой резолюціи нѣкоторые члены совѣщанія заявили, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ передача правительственной регалии въ другія руки не достаточно одной копіи съ резолюціи, а необходимо подлинное постановленіе Городской Думы, дабы судить въ законномъ-ли составѣ оно состоялось; почему полагали бы обсужденіе этого вопроса отложить до завтра. На такое заявленіе однимъ изъ присутствующихъ было высказано, что будетъ-ли разрѣшаться этотъ вопросъ сегодня или завтра, положеніе дѣла не

1) Всѣ эти лица, крокъ Кузнецова, не были гласными думы. Поручикъ Дмитревскій былъ представитель союза военнослужащихъ, а Н. Н. Соболевъ — с. д. р. партія. «Городское общество» въ резолюціи замѣнило собой «народъ», которому на митингѣ рѣшено было передать почту.

Авторъ.

измѣниться, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, Городская Дума не вправѣ подвергать своему обсужденію дѣла, не входящаго въ кругъ ея компетенціи и не можетъ ни принимать въ свое вѣдѣніе правительственнаго учрежденія, ни гарантировать отвѣтственности за послѣдствія. Почтово-телеграфныя учрежденія могутъ быть взяты въ руки общества лишь революціоннымъ путемъ подъ напоромъ вооруженной силы; другимъ изъ членовъ было обращено вниманіе на то, что въ 1 пунктѣ резолюціи говорится объ изъятіи изъ вѣдѣнія правительства и передачѣ почтово-телеграфнаго сообщенія при посредствѣ городского общества въ руки чиновъ почтово-телеграфнаго союза. Слѣдовательно, по смыслу этого пункта резолюціи выходитъ, что почтово-телеграфное дѣло должно быть передано не городскому общественному Управленію, а какому-то союзу почтово-телеграфныхъ чиновъ при посредствѣ лишь городского общества. Въ разъясненіи изложенныхъ замѣчаній Читинскій городской голова доложилъ, что особаго постановленія собственно Городской Думы объ изъятіи изъ вѣдѣнія правительства почтово-телеграфныхъ учреждений г. Читы, за неавкою въ засѣданіе опредѣленнаго закономъ числа гласныхъ, пока еще не составлено, но что послѣ этого засѣданія онъ видѣлся съ большинствомъ гласныхъ Думы и при обсужденіи съ ними въ частности настоящаго вопроса, послѣдніе тоже высказались за передачу почтово-телеграфнаго дѣла, черезъ посредство Думы, въ вѣдѣніе союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, такъ что вопросъ этотъ можно считать рѣшеннымъ Думой въ принципѣ утвердительно. При этомъ городской голова вновь подтвердилъ заявленіе депутаціи о томъ, что, въ случаѣ рѣшенія даннаго вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, можно ожидать очень серьезныхъ послѣдствій со стороны социаль-демократической рабочей партіи, т. е. насильственнаго захвата не только почтово-телеграфной конторы, но и другихъ правительственныхъ учреждений».

Послѣ этого заявленія возраженія со стороны чиновъ совѣщанія прекратились и было приступлено къ составленію резолюціи. Приводимъ ее цѣликомъ.

«Обсудивъ всесторонне обстоятельства настоящаго дѣла и принимая во вниманіе, 1) что для мѣстной администраціи, какъ это установлено неоднократно совѣщаніями, является полная невозможность возстановленія почтово-телеграфнаго движенія; 2) что почтово-телеграфные чиновники, несмотря на всѣ принятія мѣры увѣщанія обратиться къ занятіямъ, категорически заявили, что они служатъ правительству не желая до полнаго удовлетворенія политическихъ и экономическихъ требованій, предъявленныхъ ихъ союзомъ; 3) что освободительное движеніе приняло въ Забайкальѣ настолько широкіе размѣры, что захватило всѣ классы населенія, не исключая и военнаго; 4) что численность гарнизона совершенно недостаточна для огражденія почтово-телеграфной конторы въ случаѣ насильственнаго захвата ея; 5) что отрицательный отвѣтъ на требованія думы могъ бы послужить сигналомъ для начала кровавой анархіи, такъ какъ въ заявленію депутаціи и городского головы, бывшаго на совѣщаніи, въ случаѣ неуваженія сего ходатайства социаль-демократическая партія въ числѣ

4000 человекъ, вооруженныхъ винтовками, предложила услуги насильственно взять не только контору, но и всѣ правительственныя учрежденія, *совѣщаніе единогласно постановило*: почтово-телеграфныя учрежденія области временно передать Читинской Городской Думѣ, какъ постоянному учрежденію, которая, какъ органъ юридического лица, подъ контролемъ гласныхъ Думы, можетъ передать эти учрежденія союзу почтово-телеграфныхъ чиновниковъ Забайкальскаго округа, но безъ всякой отвѣтственности правительства и казны за могущій быть ущербъ и вредъ. Сдача можетъ быть произведена только утромъ 22-го декабря».

Таковъ былъ текстъ смиренной капитуляціи мѣстной бюрократіи передъ «освободительнымъ движеніемъ». Несомнѣнно, что это было самое сильное униженіе власти передъ революціей, и изъ этого инцидента видно, какъ въ сущности еще далеко было населеніе города отъ насильственнаго сокрушенія существующаго строя. Смущенный лепетъ довольно-таки безтолковой резолюціи совѣщанія ¹⁾ достаточно свидѣтельствуетъ о совершенно безпомощномъ положеніи начальства. Хотя Холщевниковъ и думалъ, что у него находились тогда 600 «вѣрныхъ долгу солдатъ», но это было далеко не такъ и онъ дѣйствительно правильно поступилъ, отказавшись вызвать рабочихъ на открытый бой; «кровавой анархіи», какъ боялись чиновники, отъ этого не произошло бы, но можетъ быть нѣсколько дней Даурской республики стали бы не фразой въ устахъ обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ усмирителей, а совершившимся фактомъ. Но повторяемъ, что очевидно въ населеніи не было сознанія въ необходимости и полезности вооруженнаго возстанія и это положеніе станетъ для насъ особенно яснымъ, если мы бросимъ хотя бы бѣглый взглядъ на остальные моменты «освободительнаго движенія» въ области.

Чтобы покончить съ передачей почты, надо сказать, что 23-го декабря почтово-телеграфная контора со всѣми аппаратами и имуществомъ была сдана представителямъ города и почтово-телеграфнаго союза и благополучно функционировала, служа нуждамъ мѣстнаго сообщенія, до 12-го января 1906 г., когда съ прекращеніемъ всероссийской почтово-телеграфной забастовки почтово-телеграфные чиновники снова явились къ губернатору и смиренно просили его принять почту въ вѣдѣніе правительства. За все время владѣнія почтой и телеграфомъ, какъ было установлено загѣмъ на судѣ, не пропало ни одной копѣйки казенныхъ денегъ, не было никакихъ поврежденій, безпорядковъ и упущеній въ дѣлахъ.

¹⁾ Она была редактирована товарищемъ председатели Читинскаго окружнаго суда Гервагенемъ, до крайности перенукавшимъ человекомъ. Ему, какъ юристу, растерявшемуся чиновнику для написать резолюцію въ слабой надеждѣ, что онъ сумеетъ написать ее такъ, что впоследствии «не къ чему будетъ придаться». Бѣдный Гервагенъ конечно могъ состричь только самую криминальную резолюцію, ибо такова была сила вещей. Но онъ пытался все-таки «спасти положеніе»; слѣдъ этой попытки виденъ въ совершенно ненужной фразѣ: «какъ органъ юридического лица», зачѣмъ ее вставилъ Г.—непонятно. Но нѣкоторые изъ чиновъ, особенно военнаго вѣдѣнія, сколько можно было заключить впоследствии по ихъ разговорамъ, видѣли въ этомъ непонятномъ для нихъ «юридическомъ лицѣ» какую-то тѣнь спасенія. Гервагенъ, подписавшій резолюцію, приложилъ еще къ ней «особое мнѣніе» написанное на многихъ листахъ и совершенно уже безтолковое и непонятное.

Революціонное броженіе съ особенной силой сказалось также въ средѣ офицеровъ войскъ гарнизона и приходящихъ и проходящихъ мимо Читы частей. Стихийная сила возмущенія и гнѣва, которая волновала ряды нижнихъ чиновъ, отражалась и на ихъ непосредственномъ начальствѣ, пришедшемъ къ убѣжденію о радикальномъ и немедленномъ измѣненіи существующаго строя. Параллельно съ организаціей солдатскихъ и казачьихъ комитетовъ образуется движеніе въ средѣ офицеровъ и чиновниковъ мѣстныхъ строевыхъ и казачьихъ войскъ. Немедленно вслѣдъ за упомянутой выше резолюціей совѣта солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, собираются одинъ за другимъ (25 и 27 ноября) обширные митинги военно-служащихъ, гдѣ присутствуютъ и «члены партій и союзовъ» и гдѣ военными и штатскими говорятся пламенные рѣчи о свободѣ и гремятъ проклятія позору и безправію родины. На митингѣ 27 ноября вырабатывается и немедленно опубликовывается въ мѣстныхъ газетахъ резолюція, гдѣ офицеры и военные чиновники привѣтствуютъ резолюцію совѣта солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, объявляютъ лишеннымъ довѣрія страны «существующее самодержавное правительство, вся дѣятельность котораго направлена на вредъ народа», отказываются исполнять всѣ исходящіе отъ него приказы и распоряженія и объявляютъ, что они образуютъ союзъ, который «всѣми силами будетъ помогать борцамъ за народную свободу и свое оружіе будетъ употреблять только противъ враговъ освободительнаго движенія, дѣятельность же свою прекратитъ только послѣ созыва Учредительнаго Собранія, созваннаго всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ». Эта смѣлая резолюція была покрыта подписями 53 офицеровъ и 42 военныхъ чиновниковъ. Ее подписали офицеры всѣхъ родовъ службы, она пестритъ аристократическими фамиліями, ее подписали и военные врачи, и казаки, и мелкіе военные чиновники.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ сложился окончательно союзъ военнотружениковъ, выработалъ и опубликовалъ свой уставъ, избралъ комитетъ и выпустилъ нѣсколько воззваній къ арміи и народу. Но революціонный порывъ, сказавшійся со стихійною силою въ первыхъ выступленияхъ радикальнаго офицерства, упалъ также быстро, какъ и налетѣлъ. Уже къ срединѣ декабря союзъ состоялъ изъ нѣсколькихъ только человекъ, его чуралось большинство подписавшихъ резолюцію 27 ноября, дѣятельность его была крайне слабой и ничтожной и въ началѣ января онъ тихонько умеръ естественной смертью. Не смотря на краткость своего существованія, союзъ военно-служащихъ сыгралъ большую роль въ революціонномъ движеніи въ Читѣ въ томъ смыслѣ, что выступленіемъ своимъ окончательно лишилъ администрацію края всякой надежды на подавленіе революціи вооруженной рукой. Генераль Ренненкампфъ хотѣлъ жестоко расправиться съ захваченными имъ послѣ 20 января 1906 г. участниками офицерскаго движенія и многие изъ нихъ заплатились бы жизнью за смѣлую хотя и недолгую мечту о свободѣ. Но ихъ спасло отъ этой страшнаго участи юридическое безграмотство генерала и его свиты. Къ моменту суда надъ ними генераль успѣлъ перессориться со всѣми находящимися во временномъ военномъ судѣ судьями и прокурорами, настоялъ

передъ Гродековымъ на ихъ отозваніи, создавъ свой знаменитый «судъ при отрядѣ» и при помощи своихъ бравыхъ «молодыхъ друзей» сотниковъ, ротмистровъ и капитановъ сталъ ничто же сумняшеся стряпать обвинительные акты. Первые блины выходили конечно комомъ. Но хотя «судъ при отрядѣ» поглощалъ эти комья съ большою легкостью, актъ о военномъ союзѣ вышелъ настолько чудовищнымъ, что даже Ренненкампфъ не рѣшился судить по немъ людей. Есаулы при отрядѣ, исполнявшіе амплуа прокуроровъ, долго старались исправить это неудачное дѣтище поистинѣ «солдатской словесности», да такъ и не успѣли до того момента, какъ у Ренненкампфа къ великому облегченію края было отнято право суда, и десятки военной молодежи были спасены отъ смерти и каторги ¹⁾).

Революціонныя организациі рабочихъ и солдатъ, какъ мы уже говорили выше, заняты были своей работой среди огромныхъ массъ трудового населенія и для администраціи ихъ роль выяснялась только на митингахъ, гдѣ выступали революціонные ораторы, принимались революціонныя резолюціи, откуда иногда исходили и рѣшенія, заставлявшія администрацію подчиняться волѣ народа. Такъ было, какъ я уже говорилъ, съ дѣломъ «передачи почты народу». Проникнутый революціоннымъ духомъ народъ еще разъ въ болѣе рѣшительной и болѣе

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ обвинительнаго акта:

«Обращаясь къ сути этого постановленія (говорится о резолюціи 27 ноября) ясно видно, что собраніе гг. офицеровъ, военныхъ врачей и чиновниковъ, не смотря на то, что въ средѣ его были весьма почтенные офицеры какъ во чинахъ, такъ и по годамъ службы, во 1-хъ не опредѣлило смысла выраженія: «если они (т. е. приказы и распоряженія) идутъ во вредъ народу», во 2-хъ не потрудились удостовериться въ правдивости газетныхъ извѣстій, хотя бы путемъ разсужденія, и въ 3-хъ или забыло или не знало или вовсе игнорировало, послѣднее же несомнѣнно, такъ какъ между ними были люди и съ высшимъ военнымъ образованіемъ, основаніе воинскіе законы, точно указаніе кв. XXII в XXIV С. В. П. 1869 г., законы гражданскіе обязательные для всѣхъ состоящихъ на службѣ Государственной и наконецъ тѣ подписки, которыя въ лицѣ своихъ членовъ, оно (?) давало при вступленіи въ службу Государству—о непринадлежности къ недоувереннымъ и тайнымъ сообществамъ, а что главнѣе всего: *данную ими присягу (курсивъ подлиннаго)* . . . Подобное отношеніе къ заведомо преступнымъ подчиненнымъ еще болѣе усиливало уверенность въ *ихней* безнаказанности . . .

Тутъ председательствовалъ поручикъ Родіоновъ, разлапавъ рѣчи, въ родѣ рѣчи Бирюкова, прославлявшія бывшихъ Государственныхъ преступниковъ, какъ Петрашевца, Землеволицы, Игуменица, ихъ главный возмръ Карамоловъ и др., говорилъ о священникѣ, и поручикѣ-салерѣ, и прапорщикѣ, и почтово-телеграфные чиновники (Карповъ), и какой-то молодой чиновникъ и кто-то сообщившій о забастовкѣ. Затѣмъ проеходить смысла председателя поручика Родіонова—штатскимъ Кузнецовымъ, нѣтъ вр. Военнымъ Судомъ приговореннымъ къ смертной казни (болѣе въ актѣ объ этомъ Кузнецовъ и его хлѣбъ—ни слова) Казалось бы на этомъ и стать, на этомъ и остановиться скажано все, чего не имѣетъ права, ни по совѣсти, ни по долгу, говорить честный и желающій пользы своему Отечеству офицеръ и солдатъ, такъ нѣтъ, показалось мало.»

Составитель «обвинительнаго акта» рѣшилъ привлечь только тѣхъ лицъ, которыхъ Ренненкампфъ успѣлъ арестовать въ Читѣ, отъ другихъ онъ отказывается, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: «Остальные лица хотя и подписали первую резолюцію, но никто не опрошенъ на дознаніи за отбытіемъ изъ Читы, такъ какъ: кто выѣхалъ вслѣдствіе увольненія въ запасъ, кто въ командировкахъ, кто въ отпуску, одинъ убитъ и нѣсколько человекъ бѣжалъ со службы».

Такъ и не могли свести концы съ концами въ этомъ несчастномъ актѣ, и находящійся у меня печатный его экземпляръ не имѣетъ выводовъ и ссылки на статьи закона, за нарушенія войскъ привлекаются къ суду обвиняемые; такъ писали обвинительные акты въ карательномъ отрядѣ Ренненкампфа!

революціонной формѣ выставилъ передъ администраціей свои требованія и настоялъ на ихъ исполненіи. Объ этомъ случаѣ генераль Холщевниковъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ 26 ноября 1905 г. за № 8888 слѣдующее: «24 ноября въ 5½ час. дня къ моему дому прибыла демонстративно огромная толпа, представителі которой явились ко мнѣ и предъявили мнѣ требованіе отъ составившихъ толпу рабочихъ, солдатъ и казаковъ Читинскаго гарнизона и нѣкоторыхъ гражданъ города объ освобожденіи бывшихъ матросовъ съ транспорта Прутъ, находящихся въ Акатуевской тюрьмѣ, а равно и всѣхъ пострадавшихъ за политическія дѣла, въ томъ числѣ содержавшагося въ Читинской тюрьмѣ мѣшанина Кривоносенко, ранившаго въ Читѣ городского, и двухъ казаковъ Полутова и Мисюркѣва, осужденныхъ въ дисциплинарный батальонъ за оскорбленіе офицера».

Холщевниковъ освободилъ немедленно Кривоносенко, Полутова и Мисюркѣва, а объ освобожденіи Акатуевскихъ заключенныхъ донесъ на благоусмотрѣніе главнокомандующему г.-а. Линевицу. Но «составлявшіе толпу 24 ноября рабочіе, солдаты и казаки» не стали ждать отвѣта Линевица и въ среднѣхъ числахъ декабря отправили выборныхъ отъ себя по 2 человекъ въ количествѣ 6 человекъ, которые явившись въ Акатуй предъявили тюремной администраціи требованіе освободить арестантовъ матросовъ съ «Прута», что и было исполнено безпрекословно, хотя депутаты отъ читинскихъ рабочихъ и гарнизона было 6 человекъ безоружныхъ, а начальникъ Акатуевской тюрьмы, удаленной отъ Читы на 500 верстъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 70 человекъ конвойной команды. Такъ сильно было въ эти дни обаяніе «вѣднѣй революціоннаго народа!» Матросы съ великимъ почетомъ и торжествомъ были приняты въ Читѣ, появлялись тамъ на митингахъ и благополучно въ 20 числахъ декабря уѣхали изъ Забайкалья. Амнистія политическимъ была кажется единственнымъ завоеваніемъ читинской революціи, не отобранномъ вновь воспрянувшей властью.

Къ срединѣ января 1906 г. высоко взметнувшаяся волна революціоннаго движенія, возникшаго въ связи съ событіями въ Европейской Россіи, совершенно упала. Желѣзнодорожники усиленно возили солдатъ и товарные грузы и были всецѣло поглощены этимъ дѣломъ, совершенно забросивъ политику; союзъ военнотружущихъ прекратилъ свою дѣятельность; почтово-телеграфные чиновники пришли съ повинной, возвратили почту правительству и ждали разрѣшенія начальства тянуть снова старую лямку, движеніе среди солдатъ и казаковъ также улеглось: запасные давно, еще въ 20-хъ числахъ декабря, были распущены по домамъ и покинули Читу, а оставшія роты желѣзнодорожнаго и запаснаго Сибирскаго и резервнаго батальона неполнаго состава въ силу своей совершенно ничтожной численности никакого движенія опаснаго для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія не проявляли. Въ средѣ рабочихъ правда шла невидимая и грозная для начальства работа, и страхъ вооруженнаго возстанія, къ которому по слухамъ готовились рабочіе мастерскихъ и депо дороги, продолжалъ витать надъ смущенной душой представителей власти. Но всетаки слухи эти были

глухи и неопредѣленны и администрація справедливо могла думать, что страшный мигъ миновалъ и что появленіе новыхъ войскъ въ томъ количествѣ и составѣ, о которыхъ все время съ осени 1905 г. настойчиво доносили куда слѣдуетъ генераль Холщевниковъ, прекратитъ всякія мечты о возстаніи и старый порядокъ снова мирно водворится на аренѣ недавнихъ торжественныхъ выступленій «революціоннаго народа». Перепуганныя и растерявшіяся власти снова поднимали голову. Да и съ Запада шли благоприятныя вѣсти о подавленіи революціи; сношенія съ Петербургомъ возобновились, и 17 декабря отъ Дурново Холщевниковымъ была получена телеграмма, гдѣ уже звучалъ властный тонъ побѣдителя. Гласила она слѣдующее: «Командированныя въ Читѣ лица разберутъ всѣ подробности происходившаго мятежа. До прибытія этихъ лицъ прошу сдѣлать по области слѣдующія распоряженія: первое, начальника округа Данилевича устранить отъ должности¹⁾, второе, начальника Читинской конторы и всѣхъ зачинщиковъ подстрекателей и членовъ почтового союза посадить въ тюрьму; третье, почтовую контору и управление округомъ поручить временно исполнѣ благонадежнымъ лицамъ; четвертое, всѣхъ забастовщиковъ и членовъ союза уволить отъ службы и выселить изъ казенныхъ квартиръ, оставить можно только тѣхъ, которые бастовали по малодушію. Кромѣ того, взять подъ стражу всѣхъ членовъ революціонныхъ комитетовъ, стачечныхъ комитетовъ и главныхъ революціонеровъ безъ различія званій. Также распорядиться со всѣми чиновниками и служащими по выборамъ, которые содѣйствовали мятежу или виновны въ попустительствѣ».

Такова была программа пролога къ послѣднему кровавому акту Читинской драмы. О «командированныхъ въ Читѣ лицахъ» было уже извѣстно администраціи: съ Востока двигался Ренненкампфъ, а съ Запада Меллеръ-Закомельскій. Въ засѣданіи 18 января 1906 г. особаго совѣщанія состоявшаго, за исключеніемъ немногихъ, изъ тѣхъ же лицъ, которыя 21 декабря 1905 г. сдали почту народу, было постановлено согласно этой телеграммѣ министра арестовать и выселить забастовщиковъ, зачинщиковъ и подстрекателей почтово-телеграфнаго вѣдомства; относительно членовъ революціонныхъ и прочихъ комитетовъ было рѣшено обождать прибытія отряда Ренненкампфа, такъ какъ присутствовавшіе на совѣщаніи жандармскіе офицеры, полковникъ Кохъ и ротмистръ Балабановъ заявили, что хотя ими и намѣченъ къ аресту цѣлый рядъ лицъ, но «таковой арестъ они предполагаютъ привести въ исполненіе только по обезоруженіи желѣзнодорожныхъ рабочихъ и городской милиціи». Въ томъ же засѣданіи

¹⁾ Ст. сов. Данилевичъ безтрепетно охранялъ казенный интересъ въ смутные дни, увѣщивалъ, интриговалъ, пускался въ провокацію, желая внести расколъ въ среду почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и сорвать забастовку. грозилъ имъ всѣми страхами, не платилъ жалованья на основаніи телеграммы Дурново отъ 26 ноября 1905 г. въ случайно полученныхъ въ Читѣ номерахъ „Руся“, „Начала“ и „Нашей Жизни“, вызвалъ неоправданное и презрѣніе своихъ подчиненныхъ, былъ лишенъ ими прислуги, объявленъ подъ бойкотомъ, бѣдствовалъ и дрожалъ за свою жизнь и за все это былъ по достоинству награжденъ своимъ высокимъ патрономъ, очевидно, ничего не знавшимъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Курьезно, что Данилевичъ такъ и не былъ реабилитированъ. Вотъ ужъ действительно пострадалъ за правду. Авторъ.

была доложена и другая телеграмма Дурново не менѣ грознаго содержанія: «Въ виду объявленнаго въ области военного положенія всѣ митинги, сборища и шествія должны быть запрещены. Газеты революціоннаго содержанія подлежатъ запрещенію. Съ нарушителями спокойствія и порядка справляться силою оружія, рѣшительно и безъ всякихъ колебаній. Виновныхъ въ сопротивленіи властямъ и насиліяхъ предавать военному суду». По поводу этой телеграммы Совѣщаніе между прочимъ замѣчаетъ, что «въ Читѣ за послѣднее время митинги совершенно не имѣютъ мѣста за самымъ малымъ исключеніемъ, когда на митингъ собираются незначительныя группы населенія для обсужденія экономическихъ и другихъ вопросовъ». *Замѣчаніе это какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ успокоеніи, наступившемъ къ этому времени въ Читѣ.* Въ этомъ же засѣданіи было постановлено закрыть мѣстныя прогрессивныя газеты «Азіатская Русь» и «Забайкалье».

Это совѣщаніе состоялось 18 января 1906 г.; изъ постановленій его видно, что мѣстныя власти были безсильны въ это время только передъ революціонными организаціями рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Все же населеніе города не внушало уже больше имъ никакихъ тревогъ своимъ настроеніемъ. Начальство постепенно натягивало бразды правленія и спокойно ждало «лицъ командированныхъ въ Читѣ», чтобы съ ними отпраздновать торжество «порядка и закона». А эти лица уже стремительно летѣли къ Читѣ съ Запада и Востока, быстро справляясь на ходу съ крамолой и горя желаніемъ покорить мятежный городъ «Даурской республики». Въ Читѣ еще никто не зналъ, какой ужасъ несутъ съ собой эти командированныя лица.

19 января стало извѣстно, что рабочіе вооруженнаго сопротивленія правительственнымъ войскамъ оказывать не будутъ.

20 января прибылъ съ полкомъ стрѣлковъ новый губернаторъ области генераль-майоръ Сычевскій и арестовалъ въ мастерскихъ дороги безъ всякаго сопротивленія со стороны рабочихъ оставленное ими оружіе.

21 января къ Читѣ подошелъ карательный поѣздъ Ренненкампфа. Революція кончилась. Начинаясь «разборъ» всѣхъ подробностей происходившаго мятежа.

П. Н. Переверзевъ.

Замѣтка и стихотворенія П. С. Поливанова.

Въ декабрѣ 1887 г. нашу тюрьму посѣтилъ какой то чинъ м-ва юстиціи,—не то одинъ изъ оберъ прокуроровъ сената, не то какой то другой сенатскій чиновникъ. Онъ держалъ себя очень развязно, нахально даже. Онъ говорилъ, между прочимъ, что нигдѣ не дають заключеннымъ такихъ «льготъ», какъ въ Шлиссельбургѣ; что такой тюрьмы нѣтъ ни въ Россіи, ни за границей; что у насъ «такой гуманнѣй комендантъ», и т. п. Комендантомъ былъ Покрошинскій, жандармскій полковникъ, родомъ полякъ, служившій до того времени въ Польшѣ (былъ начальникомъ жанд. упр. въ Сувалкахъ); низкая, подлая тварь; къ чести его надо сказать, что подъ конецъ его замучила совѣсть. Въ 1888 г. онъ сталъ пить запоемъ и его постоянно преслѣдовала мысль, что его убьютъ за совершавшіяся въ Шлиссельбургѣ жестокости. Однажды онъ залѣзъ на стѣну и, увидѣвъ на озерѣ какого то рыбака, поднялъ страшную тревогу. Онъ былъ охваченъ паническимъ ужасомъ и сталъ говорить, что это «бдуть «соціалисты», что они взорвутъ крѣпость и убьютъ его, Покрошинскаго. Насилу успокоилъ его вахмистръ Жестовскій (проживающій теперь въ Полтавской губ., гдѣ онъ купилъ на свои «сбереженія» участокъ земли), убѣждавшій полоумнаго начальника, что это—чухонецъ, который выѣхалъ рыбки половить, и что онъ не имѣетъ никакихъ дурныхъ замысловъ, и т. д.

Когда ревизоръ ушелъ, Ла ¹⁾ простучала мнѣ: «Тригоны спрашиваютъ тебя, кто былъ у тебя?»

Я отвѣтилъ: какой то *стриюцкій*. Спрашивалъ о здоровьи и не имѣю ли какихъ заявленій. Я, по обыкновенію, отвѣтилъ: «никакихъ». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Тригоны, не знавшій, что означаетъ на московскомъ жаргонѣ слово «стриюцкій», сталъ послѣ этого стучать дальше: «у Поливанова былъ прокуроръ Стрюцкій, спрашивалъ, и т. д.»

Это вызвало смѣхъ всей публики и самого Тригоны, когда ему объяснили значеніе этого слова...

По этому поводу и написано мною слѣдующее стихотвореніе:

¹⁾ Такъ называли Людмилу Волкенштейнъ, сокративъ ея имя для удобства при перестукиваніи.

«Стрюцкій, стрюцкій, гдѣ ты былъ?
— Шлиссельбургъ я посѣтилъ.
Что, голубчикъ, видѣлъ тамъ?
Расскажи скорѣе намъ!»

— Я осматривалъ тюрьму,
И никакъ я не пойму,
Почему всѣ говорятъ,
Будто тамъ «людей морять»?...
Такъ гуманенъ комендантъ,
Такъ любезенъ адъютантъ,
Что, повѣрьте мнѣ, друзья,—
Много тюремъ видѣлъ я,
Но никто подобныхъ льготъ
Заключеннымъ не даетъ
Ни въ Европѣ ни у насъ,
Увѣрю честию васъ!—

«Стрюцкій, стрюцкій, полно врать,
Лучше было бъ ужъ молчать!
У тебя, кажись, мой свѣтъ,
Ни стыда, ни чести нѣтъ!»

— Стыдъ давно я потерялъ,
Чести отъ роду не зналъ:
Коли намъ еще да «честь»,
Такъ придется въ петлю лѣзты!

1887 г. декабрь.
Шлиссельбургская тюрьма.

ТИХІЙ УГОЛОКЪ.

Какъ люблю я свой тихій, глухой уголокъ,
Гдѣ весь день провожу одинокъ!
Въ немъ нашель, наконецъ, я душевный покой,
И могу я бороться съ тоской.
На меня здѣсь привѣтливо смотрять кусты,
Мнѣ киваютъ березки листы,
Надо мною синѣтъ лазури шатерьъ,
Подъ ногами зеленый коверъ.
Безпрерывно звучать среди чаши вѣтвей
Разговоры пернатыхъ гостей;
Въ вышинѣ вторять быстрыя ласточки имъ
Щебетаніемъ нѣжнымъ своимъ.
Далеко, далеко гдѣ-то свищетъ куликъ,
Слышенъ чаекъ пронзительный крикъ;
Хищный клекотъ внезапно раздастся порой,
Какъ тревоги сигналъ боевой,—

И смодкаетъ на мигъ перепуганный хоръ,
Къ небесамъ поднимая свой взоръ:
Чуть замѣтною точкою коршунъ парить,
И добычу свою сторожить.
Погруженный въ раздумье въ травѣ я лежу
И за коршуномъ взглядомъ слѣжу...
Мнѣ мучительно страстно хотѣлось бы знать
Все, что могъ бы онъ мнѣ разсказать:
Сколько видѣлъ онъ чудныхъ природы картинъ,
Горъ, потоковъ, морей и равнинъ.
Вѣдь онъ видѣлъ, быть можетъ, какъ царственный Ниль
Свои мутныя воды катилъ,
И чернѣли вдали надъ пустыни пескомъ
Пирамиды въ величьи нѣмомъ.
Заблѣли потомъ паруса кораблей
Средь лазурныхъ Эллады морей,
И за островомъ островъ изъ водъ выступалъ,
Отражая ихъ пѣну отъ скаль.
Онъ парилъ надъ вершинами горныхъ цѣпей,
Надъ просторомъ дунайскихъ степей,
И привѣтствовалъ радостно вешній разливъ
Мощныхъ рѣкъ средь покосовъ и нивъ...

На лужайкѣ, межъ тѣмъ, пестрыхъ кроликовъ ¹⁾ рать
Продолжала безопасно скакать.
Вотъ одинъ подбѣжалъ, мою руку лизнулъ,
И въ траву торопливо шмыгнулъ;
И я вновь возвращаюсь изъ міра чудесъ,
Вѣчно ясныхъ, далекихъ небесъ,
Въ свой забытый и тихій, глухой уголокъ,
Гдѣ весь день провожу одинокъ.
Мой мірокъ не великъ,—до смѣшного онъ малъ,
Но нашелъ я въ немъ то, что искалъ.
Эта зелень, цвѣты, этихъ птицъ голоса,
Совершили во мнѣ чудеса:
Разлетѣлося горе, что сердце гнело,
Стало мнѣ и легко и свѣтло...
Да! Природа вездѣ и во всемъ хороша...
Для того, чья страдаетъ душа,
Стоитъ только ей чудный бальзамъ свой пролить,
Чтобы рану души исцѣлить...

П. С. Поливановъ.

1899 г.

Шансесельбургская тюрьма.

¹⁾ Заключеннымъ въ Шанс. крѣп. было одно время разрѣшено держать кроликовъ, куръ, голубей. У П. С. Поливанова жили въ камерѣ два голубя, а въ садикѣ онъ выстроилъ домикъ для кроликовъ, отгородивъ при этомъ другую половину своего участка проволоочной рѣшеткой, чтобы кролики не бѣгали въ цѣвѣтникъ и не портили насажденій.

Замѣтки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г.

Александръ Николаевичъ Сутгофъ (по иному написанію Сутговъ) былъ однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ возстанія 14 декабря: онъ вывелъ на Сенатскую площадь значительную часть лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и до конца оставался при возставшихъ. Это даетъ особое значеніе сохранившимся замѣткамъ Сутгофа о происшествіи 14 декабря.

А. Н. Сутгофъ родился въ 1801 г. Отецъ его былъ шведскаго происхожденія, а мать малороссіянка. Онъ въ дѣтствѣ былъ отданъ для ученія въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ Москвы, но въ 1812 г. онъ былъ перевезенъ въ Кіевъ, гдѣ въ это время состоялъ на службѣ его отецъ въ чинѣ уже генерала. Обученіе Сутгофа продолжалось, пока онъ въ 1816 г. не поступилъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ въ Петербургѣ. Онъ вступилъ позднѣе въ Сѣверное тайное общество и, будучи уже поручикомъ, принялъ, какъ сказано, близкое участіе въ дѣлѣ 14 декабря. Онъ былъ преданъ верховному уголовному суду, былъ признанъ виновнымъ въ слѣдующемъ: «принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго знанія о сокровенной его цѣли. Принялъ одного члена. Лично дѣйствовалъ. Возмутилъ роту и присоединился къ мятежникамъ. Команда его стрѣляла». Сутгофъ былъ отнесенъ къ 1-му разряду государственныхъ преступниковъ, который былъ приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а за смягченіемъ приговора—къ вѣчной каторгѣ. Сутгофъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими декабристами въ Сибирь; за неоднократными смягченіями опредѣленнаго наказанія сроки пребыванія декабристовъ на каторгѣ были сокращены, и Сутгофъ въ 1836 г. былъ уже на поселеніи; онъ тутъ женился, занялся земледѣліемъ, устроившись подъ Иркутскомъ. Онъ уже не думалъ о дальнѣйшей перемѣнѣ въ своей судьбѣ, какъ вдругъ совершенно для него неожиданно, по хлопотамъ его родныхъ въ 1848 г. онъ былъ переведенъ на Кавказъ, рядовымъ Кубанскаго полка, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ произведенъ въ прапорщики, а послѣ амнистіи 1856 г. ему удалось перейти на службу въ Москву. Здѣсь онъ впрочемъ пробылъ недолго: разстроенное здоровье его требовало южнаго климата, и онъ вернулся на Кавказъ, гдѣ получилъ мѣсто управляющаго водами въ Кисловодскѣ, потомъ въ Боржомѣ. Онъ скончался въ 1872 г.

Въ библиотекѣ Е. И. Якушкина, очень много сдѣлавшаго для

собрания и сохранения матеріаловъ о декабристахъ, сохранились замѣтки о 14 декабря, писанныя Сутгофомъ. Какъ разъ въ 1857 г., когда Сутгофъ переѣхалъ въ Москву, вышло въ свѣтъ третье издание книги Корфа: «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», — первое изданіе «для публики». Въ книгѣ подробно описывались происшествія 14-го декабря и, по просьбѣ Е. И. Якушкина, Сутгофъ написалъ на поляхъ книги свои замѣчанія и возраженія на разсказъ Корфа.

Замѣчанія Сутгофа, писанныя такимъ образомъ, конечно, отрывочны, но они содержатъ много исправленій и дополненій къ книгѣ, обнаруживая общую тенденцію ея, на основѣ официальныхъ донесеній, искажать истину въ извѣстномъ смыслѣ, представлять все въ самомъ неблагоприятномъ видѣ для мятежниковъ. Я приведу здѣсь одно за однимъ замѣчанія Сутгофа, не приводя ихъ въ особую систему и указывая только, къ какому мѣсту книги Корфа они относятся.

Корфъ, говоря о возмущеніи въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, (стр. 127), указываетъ, что *часть* полка устремилась на площадь, а *другая часть* осталась въ казармахъ; Сутгофъ поясняетъ: «Рота гр. Ливена одна осталась въ казармахъ, всѣ прочія, за исключеніемъ немногихъ солдатъ, вышли на площадь».

На стр. 140 Корфъ говоритъ, что въ наружности Якубовича было «что-то замѣчательно отвратительное»: Сутгофъ возражаетъ: «Якубовичъ превосходной наружности». Далѣе Корфъ разсказываетъ, что Якубовичъ ходилъ къ бунтовщикамъ съ порученіемъ Николая Павловича и затѣмъ «подъ личиною возвращенія къ законному долгу» старался развѣдать въ противныхъ рядахъ о положеніи дѣла, чтобы дѣйствовать по обстоятельствамъ. Противъ этого мѣста Сутгофъ на поляхъ замѣчаетъ: «все это несправедливо. Якубовичъ былъ оскорбленъ на площади К. Щепинымъ-Ростовскимъ. Порученіе государя безъ успѣха выполнилъ и, возвратившись вторично, получилъ приказаніе находиться въ свитѣ царской, гдѣ онъ недолго оставался: воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ отправился въ театральную дирекцію, чѣмъ навлекъ на себя сильное, ни на чемъ не основанное подозрѣніе».

«Мятежная рота Московскаго полка стояла въ густой неправильной колоннѣ» — противъ этихъ словъ Сутгофъ приписалъ: «Карѣ». Далѣе (147 стр.) Корфъ со словъ одного случайнаго очевидца описываетъ собравшуюся на площади толпу, представляющую «зрѣлище совершенно своеобразное: шинели съ мужицкими шапками, полушубки при круглыхъ шляпахъ, полотенца вмѣсто кушаковъ и т. п., цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Солдаты, растегнутые, съ заваленными на затылокъ киверами, въ амуниціи безпорядочно накинутой, были большею частью пьяны». Сутгофъ отрицаетъ все это: «очевидецъ или плутъ, или трусъ, всѣ были одѣты прилично; въ народѣ были точно лица, непрезентабельныя, но буйныхъ, пьяныхъ солдатъ не было, до прихода лейбъ-гренадеръ». Московцы стояли въ большомъ порядкѣ». Противъ словъ (стр. 148): «въ рядахъ мелькали по временамъ Александръ Бестужевъ, Рылѣевъ и нѣсколько другихъ, неизвѣстныхъ нашему зрителю лицъ, въ упомянутыхъ фантастическихъ нарядахъ. Одинъ Бестужевъ ходилъ въ мундирѣ; болѣе никого не было

видно въ этомъ мѣстѣ похожаго по одеждѣ на офицера или начальника. Вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ... Выстрѣлы были по генералъ Волковъ». Сутгофъ объясняетъ: «Рылѣевъ, закутанный въ мѣховой воротникъ, только одинъ разъ на нѣсколько минутъ пріѣзжалъ на площадь.—Всѣ офицеры, кромѣ поручика Сутгофа, были въ мундирахъ, шарфахъ и киверахъ.— Въ г. Волкова не стрѣляли, его народъ чуть не убилъ камнями».

По поводу разсказа о появленіи на Сенатской площади гвардейскаго экипажа, Сутгофъ замѣчаетъ: «гораздо прежде гвардейскаго экипажа пришла 1 рота лейбъ-гренадерскаго полка». Онъ исправляетъ указаніе Корфа, будто ротныхъ командировъ въ гвардейскомъ экипажѣ освободили матросы: «Ротныхъ командировъ освободили по совѣту Николая Бестужева младшіе офицеры». Корфъ о приходѣ гвардейскаго экипажа выражается (стр. 149):—«эта новая толпа» расположилась впереди Московскаго полка; Сутгофъ возражаетъ: «экипажъ въ большомъ порядкѣ остановился не передъ Московскимъ полкомъ, а въ колоннѣ къ атакѣ между Московскимъ карѣ (котораго передній фасъ въ это время занимала 1 рота лейбъ-Гренадерскаго полка) и заборами».

Противъ словъ о появленіи Государя на площади передъ мятежниками и выстрѣлахъ въ него (стр. 150)—Сутгофъ приписалъ: «никто не видѣлъ и не стрѣлялъ въ Государя ни въ это время, ни послѣ.»

Корфъ разсказываетъ (стр. 150—151), что пріѣхавъ въ казармы Московскаго полка, часть котораго уже ушла на площадь, а часть не вернулась изъ караула, великій князь Михаилъ Павловичъ нашелъ на мѣстѣ «не болѣе четырехъ ротъ», — «четыре соть человекъ» поясняетъ Сутгофъ, и о приводѣ этихъ людей къ присягѣ разсказываетъ: «Бистромъ не только словами, но и саблею старался заставить солдатъ присягнуть, когда же онъ убѣдился, что его краснорѣчіе не дѣйствуетъ на сборную команду, тогда онъ обратился къ фельдфебелю Бестужева роты и строго приказалъ ему привести къ присягѣ, что и было немедленно выполнено.—Фельдфебель не пошелъ съ ротой на площадь, привелъ команду къ присягѣ и за это былъ разжалованъ въ рядовые въ дальніе сибирскіе батальоны. Когда присягнувшая часть Московскаго полка была выведена къ адмиралтейству и встрѣтила Государя, «офицеры бросились цѣловать ему руки и ноги». «Правда» замѣчаетъ Сутгофъ.

Корфъ, передавая (стр. 156) объ атакахъ конно-гвардейцевъ на мятежниковъ, говоритъ, что атаки были безуспѣшны, были отбиваемы батальнымъ огнемъ. Сутгофъ вноситъ поправку: «первыя атаки производились на лейбъ-гренадеръ и москovieвъ, которые съ большимъ успѣхомъ отражали конно-гвардейцевъ холостыми зарядами; послѣдняя атака была на гвардейскій экипажъ, тутъ имъ не поздоровилось, матросы ихъ встрѣтили боевыми зарядами, ранили полковника Вельо и многихъ конно-гвардейцевъ».

При пріѣздѣ конно-пionеровъ, вопреки разсказу Корфа (стр. 157) «они объѣхали кругомъ и никто имъ не хотѣлъ препятствовать».

Къ разсказу Корфа о лейбъ-гренадерахъ (стр. 160) Сутгофъ дѣлаетъ особенно много поправокъ. На караулѣ въ Петропавловской

крѣпости подъ 14 декабря были не двѣ роты, а 3 разрядъ 1 батальона. Помѣшавшій присягѣ поручикъ Кожевниковъ былъ вовсе не пьянъ, а «трезвый». Далѣе Корфъ передаетъ, что командовавшій фузельерной ротой (Сутгофъ), присягнувшій уже раньше вмѣстѣ съ другими, сталъ уговаривать солдатъ присоединиться къ возставшимъ и общалъ раздать имъ жалованье безъ приказа. Сутгофъ поясняетъ: «лейбъ-гренадерскій полкъ былъ у присяги потому только, что подпоручикъ того же полка Жеребцовъ и гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ графъ Коновницынъ прѣехали объявить поручику Сутгофу, что всѣ полки присягнули и что они сами видѣли, какъ знамена отнесли во дворецъ. Послѣ присяги кн. Одоевскій и подпоручикъ Палицынъ первые сообщили Сутгофу, что Московскій полкъ вышелъ и что на честное слово лейбъ-гренадеръ считаютъ.— О жалованьи разговоръ былъ послѣ, когда лейбъ-гренадеры уговаривали пор. Сутгофа скрыться, онъ отвѣчалъ, что этого никогда не сдѣлаетъ и что къ тому же ихъ жалованье у него въ карманѣ. Солдаты сказали тогда, что они безъ жалованья обойдутся, лишь бы онъ не попалъ въ руки правительства».

По словамъ Корфа, лейбъ-гренадеры направились черезъ Васильевскій островъ и Исаакіевскій мостъ, а Сутгофъ говорилъ, что они пошли «не на Васильевскій островъ, а прямо черезъ ледъ отъ крѣпости къ Сенатской площади».

Когда прѣхавшій полковой командиръ Стюрлеръ сталъ выводить оставшихся людей и готовился вести ихъ по требованію государя ко дворцу, поручикъ Пановъ успѣлъ увлечь нѣсколько ротъ, и по дорогѣ ему, рассказываетъ Корфъ, пришла ужасная мысль завладѣть дворцомъ. Но тутъ ему помѣшалъ бывший во дворцѣ поручикъ того же лейбъ-гренадерскаго полка баронъ Зальца, смутилъ его своими вопросами, а приходъ саперъ заставилъ Панова воскликнуть: «да это не наши, ребята за мною!» и поворотить свою толпу назадъ. Сутгофъ рассказывалъ это иначе:

«Пановъ увлекъ не нѣсколько ротъ, а всѣхъ людей, бывшихъ въ казармахъ, кромѣ 1 взвода государевой роты; никакой ужасной мысли Панову въ голову не приходило; идя мимо дворца, онъ увидѣлъ на дворѣ солдатъ въ шинеляхъ, принялъ ихъ за 1 роту и началъ входить во дворецъ, здѣсь онъ замѣтилъ, что онъ ошибся, закричалъ солдатамъ: ребята, это не наши, и въ ту же минуту вышелъ.— Исторія, рассказанная поручикомъ Зальца, отъ начала до конца, чистая ложь». Когда немного дальше (стр. 164) Корфъ ужасается, что опоздай немного саперы, Пановъ могъ бы почти безпрепятственно исполнить свое звѣрское намѣреніе, со всѣми неисчислимыми послѣдствіями.—Сутгофъ замѣчаетъ: «чистый вздоръ».

Когда лейбъ-гренадеры подъ предводительствомъ Панова пришли на Сенатскую площадь, они «соединившись съ 1 ротой, заняли остальные три фаса каре; москвочки въ это время отъ холода столпились въ средину каре и были въ безпорядкѣ». На свидѣтельство Корфа, что подпоручикъ Тутолминъ образумилъ стрѣлковый взводъ государевой роты лейбъ-гренадерскаго полка, и взводъ былъ приведенъ къ государю, Сутгофъ заявляетъ: «подпоручикъ Тутолминъ ровно ничего не сдѣ-

лалъ, весь стрѣлковый взводъ государевой роты пришелъ съ полкомъ на Сенатскую площадь и пристроился къ 1 ротѣ». Корфъ тутъ-же увѣряетъ, что всякій разъ, какъ государь показывался съ виду сенатской гауптъ-вахты, занимавшей ее караулъ финляндскаго полка всякій разъ отдавалъ честь. Сутгофъ замѣчаетъ: «еслибы государь и показывался, какъ могъ онъ (караулъ) его видѣть?»

По поводу разсказа поручика Зальца, какъ онъ велъ борьбу для спасенія лейбъ-гренадерскаго знамени,—о баронѣ Зальца выше уже было упомянуто,—Сутгофъ заявляетъ: «Все это происходило въ воображеніи поручика Зальца; онъ такъ былъ хорошъ, что полковой командиръ, близкій родственникъ, не могъ рѣшиться довѣрить ему роту».

По словамъ Корфа ротные командиры лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка Пушинъ и Штакельбергъ уже на площади убѣждали свои роты не бунтовать, два другіе офицеры на нихъ кинулись, крича солдатамъ—«ребята, коли ихъ», но солдаты отказались отъ этого кроваваго дѣла. Сутгофъ возражаетъ: «Пушина не было, а Штакельбергъ входилъ въ каре, но не уговаривать солдатъ, а доказывать свое старшинство и право командовать полкомъ, на что Пановъ ему отвѣчалъ, что онъ, Штакельбергъ, какъ под. (подпоручикъ), лейбъ-гренадерами командовать не можетъ. Пушину и Штакельбергу было бы плохо, еслибы гренадеры получили приказаніе приколотъ ихъ, и того, и другого не навидѣли за ихъ злость».

Въ противность словамъ Корфа (стр. 172) Сутгофъ заявляетъ, что возставшія войска «стрѣляли только во время кавалерійскихъ атакъ».

По поводу разсказа, какъ три матроса накинулись на Вильгельма Кюхельбекера за покушеніе его на жизнь великаго князя Михаила Павловича, Сутгофъ замѣчаетъ: «никто Кюхельбекера не тронулъ, его же родной братъ былъ ротнымъ командиромъ въ гвардейскомъ экипажѣ; вся эта исторія очевидцами не подтверждается».

Вопреки словамъ барона Корфа (стр. 179), «лейбъ гренадеръ и гвардейскаго экипажа еще не было на площади, когда митрополитъ подходилъ уговаривать возмутившихся». Когда стали передвигать артиллерию, «къ несчастію было темно и передвиженій этихъ никто не видалъ».

Передъ открытіемъ артиллерійскаго огня по мятежнымъ войскамъ къ нимъ былъ посланъ генералъ Сухозанетъ съ предложеніемъ помилованія. Онъ вѣхалъ въ средину мятежниковъ. Сказанныя имъ слова, по увѣренію Корфа, возымѣли было дѣйствіе на солдатъ, но Сухозанета окружили офицеры и нѣсколько «постороннихъ лицъ распутнаго вида», они спрашивали, привезъ-ли онъ конституцію и грозилась на него. Сухозанетъ въ отвѣтъ имъ сказалъ, что онъ присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ и ускакалъ изъ среды отшатнувшихся передъ нимъ заговорщиковъ. Вслѣдъ ему раздался залпъ, онъ остался невредимъ, но посыпались перья съ его султана (стр. 183—184). Сутгофъ рассказываетъ дѣло совершенно иначе: «Сухозанетъ не доѣхалъ до фронта гвардейскаго экипажа, остановилъ лошадь, хотѣлъ что-то сказать, но только что его узнали, со всѣхъ сторонъ закричали ему—подлецъ, и въ ту же минуту Его Превосходительство легъ на лошадь

и помчался обратно; выстрѣлами его не удостоили. Когда дальше Корфъ приводитъ донесеніе Сухозанета: Ваше Величество, сумасбродные кричатъ: конституція!—Сутгофъ опять замѣчаетъ: «кричали: подлець».

Корфъ рассказываетъ: «Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе сената. На него отвѣчали неистовыми воплями и бѣглымъ огнемъ». «Взоръ» — замѣчаетъ Сутгофъ; «Пушинъ, Оболенскій и Сутгофъ были въ это время впереди шагахъ въ 30, и когда добѣжали до каре, беспорядокъ былъ уже общій и ружейныхъ выстрѣловъ не было».

На указаніе Корфа, будто всѣ «зачинщики и заговорщики» немедленно обратились въ бѣгство, Сутгофъ возражаетъ: «несправедливо, Щепинъ-Ростовскій арестованъ на площади полковникомъ Засомъ, а поручикъ Сутгофъ съ частью лейбъ-гренадеръ отдалъ свою шпагу генералу Шипову. На слова Корфа, что Павловскій полкъ стрѣлялъ съ Галерной по убѣгавшимъ мятежникамъ, Сутгофъ замѣчаетъ: «неправда».

Вотъ и всѣ замѣчанія А. Н. Сутгофа, сдѣланныя имъ на поляхъ книги Корфа. Несмотря на ихъ отрывочность, они вносятъ опредѣленные черты въ рассказъ о происшествіяхъ 14 декабря, и мы не можемъ не цѣнить этихъ замѣчаній, хотя они и писаны были почти черезъ тридцать два года послѣ памятнаго дня.

В. Якушинъ.

Въ Мценской „гостинницѣ“¹⁾.

Если Мценская тюрьма по справедливости слыла «гостинницей» среди тѣхъ, кто попадалъ туда изъ обыкновенныхъ мѣстъ заключенія, то, ужъ конечно, для насъ, только что пережившихъ режимъ централки, Мценскъ долженъ былъ показаться настоящимъ раемъ. Достаточно сказать, что, послѣ строго-одиочнаго заключенія, мы здѣсь свободно распоряжались двумя этажами тюремнаго зданія;— что носили мы всѣ собственное платье;— что, наконецъ, у насъ былъ прекрасный столъ, которымъ завѣдывали мы сами черезъ посредство выборныхъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи нанятыхъ на казенный счетъ слугъ. Можетъ быть, тутъ играла наиболѣе видную роль именно организованность и организація нашего хозяйства. Нашъ выборный староста, получивъ отъ насъ директивы, закупалъ продукты и заказывалъ повару кушанья;— раза 4 или 5 въ день вся компанія собиралась въ особую комнату, столовую, гдѣ образовывалось полное подобіе табльдота;— на особый столъ приносились слугою блюда или самоваръ, пища раскладывалась на тарелки и разливалась въ посуду, которая разносилась каждому къ занятому имъ мѣсту на столахъ; расположенныхъ, въ видѣ буквы л, по стѣнамъ комнаты. Замѣчу, что довольно таки часто, кромѣ «горячихъ» чаю и кофе, на нашемъ столѣ появлялись и «холодные» напитки,—водка, пиво, вино, что еще больше придавало нашей столовой видъ табльдота.

Однимъ словомъ: не житье, а малина...

Зданіе тюрьмы было въ 2½ этажа. Въ подвалѣ помѣщалась кухня и другія службы. Первый этажъ былъ раздѣленъ на камеры; тутъ-же была столовая, умывальная и ватерклозетъ. Въ верхнемъ этажѣ—также камеры и ватерклозетъ; и, кромѣ того, одна изъ комнатъ была отведена подъ контору, въ которой, впрочемъ, принималъ и докторъ своихъ немногочисленныхъ больныхъ (чаще, однако, фельдшеръ), а также стоялъ шкафъ съ кое-какими медикаментами.

Въ камерахъ обыкновенныя деревянныя кровати и у нихъ—

¹⁾ Статья эта служитъ непосредственнымъ продолженіемъ статей того-же автора: „Первое вооруженное сопротивленіе“ и „Въ централкѣ“, помѣщенныхъ въ №№ 2 и 7 „Билого“ за 1906 годъ.

столики. Размѣшались въ камерахъ по сколько хотѣли и кто съ кѣмъ хотѣлъ; были, впрочемъ, и очень маленькія камеры, и любители уединенія поселялись въ нихъ безъ товарищей. Такъ, помню, въ крайней камерѣ верхняго этажа жилъ я; наоборотъ, очень много народу поселилось въ большой комнатѣ, что была первою на лѣво отъ входа въ нижнемъ этажѣ.

Весь день и всю ночь камеры стояли у насъ незапертыми. Публика собиралась группами въ той и другой камерѣ, или же образовывала кучки въ столовой.

Время прогулки было довольно продолжительно (не помню, сколько именно, но во всякомъ случаѣ нѣсколько часовъ). На это время отпиралась дверь, ведущая во дворъ, и туда выходили, кто хотѣлъ, точно также какъ и возвращались въ помѣщеніе, кто хотѣлъ. Такимъ образомъ, на время прогулки къ внутреннему помѣщенію въ наше распоряженіе «прирѣзывалась», такъ сказать, и часть тюремнаго двора. Но тутъ не было никакой растительности и вообще никакого «благоустройства»: просто кусокъ двора, ограниченный каменною оградой—съ одной стороны и глухою стѣною тюремнаго зданія—съ другой. И потому, въ особенности къ веснѣ, прогулкою всѣ мы не особенно-то дорожили.

Когда мы, централисты, прибыли въ Мценскъ¹⁾, то тамъ находилось 4 человекъ заключенныхъ: Ив. Дебагорію-Мокрѣевичъ (братъ знаменитости), Левченко (братъ каторжанина), Казанскій и Пршибысовъ. Послѣ насъ одновременно появились: зеленая молодежь по процессу харьковского профессора Сыцяноко—его сынъ,—Александръ, Филипповъ и Легкій, кievлянинъ Малавскій, харьковецъ Буцинскій, воронежецъ Тулисовъ.

Весною, вообще, стояла у насъ въ тюрьмѣ толчая невообразимая. Безконечныя свиданія, хоровое пѣніе, плясъ, общіе съ пришедшими на свиданіе обѣды и чай (и выпивки), хлопоты со снаряженіемъ въ далекій путь, подчасъ болѣе или менѣе бурныя собранія по хозяйственнымъ дѣламъ или шумныя дебаты по теоретическимъ вопросамъ,—все это вело нашу жизнь въ страшно повышенномъ тонѣ и сильно ускореннымъ темпомъ.

Но, кромѣ жизни на глазахъ у всѣхъ, у каждого изъ насъ была еще своя интимная жизнь.

Неизгладимое впечатлѣніе оставили во мнѣ первое свиданіе съ матерью, а затѣмъ—разставаніе съ нею.

Я успѣлъ уже обмѣняться съ нею письмами, она уже знала, что я—не въ ужасной централкѣ, что жизнь въ Мценской тюрьмѣ—привольная. Но, тѣмъ не менѣе, когда я вошелъ въ контору, гдѣ она въ первый разъ меня ждала, то она кинулась мнѣ на шею и, изнемогая отъ рыданія-вопля и отъ душевной муки, повисла въ полномъ безсиліи... Это была потрясающая сцена!

А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы съ нею прощались. Она была болѣе спокойна, хотя и плакала слегка. Очевидно, то, что она видѣла въ Мценскѣ, заставило ее смягчить свое представленіе объ

¹⁾ Середина октября 1880 г.

ожидающей меня участи. Я также былъ наружно спокоенъ. Но что дѣлалось у меня и у нея въ тайникахъ души,—объ этомъ я не сумѣлъ бы рассказать. Во всякомъ случаѣ, я прощался съ ней навсегда,—а она у меня—единственный полный самопожертванія безкорыстный другъ, котораго я когда-либо зналъ¹⁾.

И между этими двумя моментами въ тѣхъ-же тайникахъ души не переставалъ шевелиться червячекъ: оторванъ отъ жизни,—лишенный правъ каторжникъ,—матеріальныя и всякія другія невзгоды—твоей удѣль до конца жизни...

Конечно, у каждого изъ насъ было если не то же самое, то что-нибудь въ томъ же родѣ. И не рѣдкость было видѣть, что тотъ или другой изъ товарищей начинаетъ грустить, уходитъ въ себя, избѣгаетъ общества.

Было и нѣсколько любовныхъ драмъ...

Мы, централисты, пріѣхали въ Мценскъ буквально еле живыми. Нервная система—ниже всякой критики, питаніе—отвратительное.

И мы первымъ долгомъ принялись за «поправку».

Очень быстро у насъ появились собственныя деньги, которыя, конечно, здѣсь ужъ намъ никто не препятствовалъ расходовать. Но и казенныя кормовыя были очень высоки,—что-то около 40 коп. въ сутки на человекъ. Мало того: скоро было сдѣлано представленіе о необходимости для насъ лучшаго питанія въ виду истощенности нашего организма,—и намъ увеличили кормовыя что-то до 70 коп.²⁾

Въ началѣ мы накинулись на сырое мясо. Помню, я съѣдалъ его чуть не 2 ф. въ день. Мясо конечно, было рубленое и съ приправою; но все-таки долго сырѣемъ мы не въ состояніи были набивать себѣ ротъ.

Да въ этомъ не было и надобности. Столъ у насъ былъ обильный, разнообразный, вкусный.

Утромъ къ чаю мы получали «пеклевашки»,—хлѣбецъ копѣекъ въ 5 цѣною, полубѣлый. Обѣдъ у насъ состоялъ изъ 2 блюдъ. Затѣмъ, безконечное число чаевъ и—ужинъ. Къ этому надо прибавить, что докторъ прописалъ намъ какую-то водочную настойку, а мы, съ своей стороны, нерѣдко покупали себѣ (каждый разъ—съ разрѣшенія смотрителя) пиво, вино и водку. Однимъ словомъ, недѣли черезъ 2 насъ, заморышей—централистовъ, нельзя было и узнать. Помню, когда къ намъ должно было явиться какое то начальство, то мы въ шутку говорили, что нѣкоторыхъ изъ товарищей мы спрячемъ (Здановича, наприм.),—до такой степени они раз-

¹⁾ Къ моему счастью, предположеніе мое не оправдалось: по возвращеніи изъ Сибири въ 1897 г. я засталъ свою мать еще бодрою старушкою, и даже довольно долго прожилъ съ нею подъ одною кровлею, что доставило мнѣ невыразимое наслажденіе. Теперь она уже совсѣмъ дряхла и почти слѣпа.

²⁾ Здѣсь надо напомнить читателю, что дѣло происходило во времена «диктатуры сердца» и что изъ централки мы были вывезены, но высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе вреднаго вліянія, оказываемаго заключеніемъ въ этой тюрьмѣ на состояніе нашего организма.

добрѣли—иначе намъ, моль, никакихъ новыхъ льготъ отъ начальства не добиться. Правда, нѣкоторыхъ изъ насъ, между прочимъ и Здановича, очень скоро и сильно разнесло; но это, конечно, было не важно. За то мы не могли не порадоваться, глядя, какъ приобрѣтаютъ образъ человѣческой тѣ, кого мы готовились въ централкѣ хоронить. Это, между прочимъ, относится къ Джабадари и Сиракову: черезъ мѣсяцъ ихъ здоровье, можно сказать, совершенно возстановилось, тогда какъ въ централкѣ мы со дня на день ждали, что они свалятся въ постель, чтобы уже не встать съ нея.

Къ сказанному едва ли нужно добавлять, что многочисленная колонія родственниковъ, прожившая во все время пребыванія нашего въ Мценскѣ, не оставляла насъ своими приношеніями, и во всевозможныхъ печеніяхъ, соленіяхъ и вареньяхъ у насъ никогда не было недостатка. Въ частности, Рождество 1880 г. и масленную и Пасху 1881 г. мы праздновали на славу.

Конечно, не одинъ столъ способствовалъ тому, что мы быстро поправлялись и что, между прочимъ, за 7—8 мѣсяцевъ нашего пребыванія въ Мценскѣ, среди насъ не было ни одного случая серьезнаго заболѣванія: здѣсь немалую роль играли и условія нематеріальнаго характера, въ которыхъ мы были тамъ поставлены.

Но я долженъ тутъ упомянуть, что намъ пришлось въ Мценскѣ-же ликвидировать печальное наслѣдіе централки.

Съ нами было два умалишенныхъ—Александровъ и Боголюбовъ. Переписка о нихъ шла что-то довольно долго, и, прежде чѣмъ ихъ увезли, намъ пришлось пережить немало тягостныхъ минутъ.

Несчастнаго Александра нельзя было выпускать изъ камеры. Пунктомъ его помѣшательства было то, что онъ давно уже освобожденъ, но по какому-то недоразумѣнію его не выпускаютъ изъ тюрьмы. Поэтому, онъ вѣчно стоялъ въ камерѣ одѣтый, съ шапкою на головѣ и у самой двери, и какъ только дверь открывалась, онъ стремительно кидался вонъ. Тоже было и въ пути въ Мценскѣ, въ вагонахъ, а въ Мценскѣ, когда насъ вывели на платформу, то Александровъ ни за что не хотѣлъ ѣхать съ нами. Жандармскій офицеръ обратился къ намъ за разрѣшеніемъ взять его насильно, и мы скрѣпя сердце, должны были такое разрѣшеніе дать. Жандармы, не причиняя ему боли, насильно усадили его въ экипажъ.

Непріятно было, конечно, расхаживать по тюрьмѣ и пользоваться вообще относительною свободою, когда тутъ же подъ бокомъ одинъ изъ товарищей сидитъ вѣчно подъ замкомъ. Но едва ли не болѣе тягостное впечатлѣніе производилъ разгуливавшій среди насъ, въ видѣ мрачной тѣни, Боголюбовъ. Онъ велъ себя тихо; но разговаривать съ нимъ не было возможности, да и видъ его нависшихъ бровей и полныхъ мрачнаго безумія глазъ заставлялъ всѣхъ испытывать внутреннюю дрожь при каждомъ его приближеніи. Наконецъ, онъ устроилъ намъ ужасную сцену. Онъ созвалъ всѣхъ на «форумъ», т. е. въ столовую, и тутъ разразился цѣлымъ потокомъ обвиненій противъ отдѣльныхъ товарищей—обвиненій, явившихся плодомъ его безумія. Такъ, помню, Здановича онъ обвинялъ въ томъ, что тотъ одѣвался въ централкѣ въ жандармскій мундиръ и посѣ-

щаль камеры товарищей, меня—что я снималъ и вѣшалъ на стѣнку кандалы и ходилъ, въ компаніи съ надзирателями, съ повѣркой,—и т. п. Многие изъ насъ выбѣжали изъ столовой, не будучи въ состояніи выдержать этой сцены; но Боголюбовъ такъ настойчиво требовалъ отчета отъ обвиняемыхъ, такъ убѣжденно доказывалъ справедливость своихъ обвиненій, что удивительныя «пренія» грозили затянуться до безконечности. Тутъ не сдержалъ себя Сажинъ и сталъ рѣзко обрывать Боголюбова, тогда Боголюбовъ отчаянно-грубо выругался и въ безумномъ гнѣвѣ, оглядываясь по сторонамъ, сдѣлалъ жестъ, какъ бы желая схватить что-нибудь и запустить въ Сажина... Къ счастью, дѣло какъ-то обошлось.

Скоро послѣ этого инцидента нашихъ несчастныхъ товарищей увезли. Былъ слухъ, что Боголюбовъ долго мучился въ Казани,—а затѣмъ и умеръ.

Здѣсь, можетъ быть, уместно будетъ упомянуть, что одно время въ тѣсномъ кружкѣ существовало предположеніе, что Боголюбовъ симулируетъ сумасшествіе. Какъ кажется, поводомъ къ возникновенію такого предположенія послужили какія-то сказанныя когда-то самимъ больнымъ слова или фразы. Но для громаднаго большинства уже тогда предположеніе это казалось неосновательнымъ; взглядъ Боголюбова былъ взглядъ безумнаго. Конечно, нечего и говорить, что если бы тогдашнее поведеніе Боголюбова было симуляціей, то онъ давно бы пересталъ уже играть роль сумасшедшаго и былъ бы давно на свободѣ. На самомъ-же дѣлѣ извѣстно, что онъ долго пробылъ въ Казани.

Съ увозомъ отъ насъ Александрова и Боголюбова и до самаго отъѣзда изъ Мценска среди насъ, повторяю, не было ни одного серьезнаго случая заболѣванія; какъ я сказалъ, этому способствовали и условія не матеріальнаго характера нашей жизни въ Мценскѣ.

Смотрителемъ тюрьмы состоялъ *Михаилъ Марковичъ Побылевскій*. Передъ тѣмъ онъ былъ помощникомъ начальника Предварилки. Не знаю, какую память оставилъ онъ по себѣ тамъ; но несомнѣнно, что по характеру своему, это былъ человѣкъ мягкій, добрый и сговорчивый. Допускаю, впрочемъ, что, если того потребовали бы обстоятельства, онъ могъ заставить себя быть и инымъ. Въ Мценскѣ же, по всѣмъ видимостямъ, ему было предписано ладить съ заключенными, и онъ, человѣкъ, при всемъ прочемъ, не безъ лѣнцы, радъ былъ не только не раздражать насъ чѣмъ бы то ни было, но и оказывать намъ снисхожденіе, и даже дѣлать поблажки.

Наблюденіе за тюрьмою имѣлъ еще и исправникъ. Онъ къ намъ частенько захаживалъ. Но я не помню ни одного случая, когда исправникъ вмѣшался бы во внутренній распорядокъ тюремной жизни. Да и онъ былъ человѣкомъ безобиднымъ, по крайней мѣрѣ, ему было предписано быть таковымъ.

Караульные офицеры никогда къ намъ не заглядывали, и вообще мы съ ними никакихъ отношеній не имѣли.

«Помощникомъ» Побылевскаго былъ старшій надзиратель. Это человѣкъ имѣвшій медаль за 25-лѣтнюю безпорочную службу въ по-

лиции, хотя сравнительно еще не старый. Возможно, что онъ былъ приставленъ къ Побывлевскому «на всякій случай». Правда, онъ былъ также мягокъ и безукоризненно вѣжливъ съ нами, и главною заботою его, какъ кажется, было—«аккуратно» вести денежные счета съ нашею артелью,—«аккуратно» въ томъ смыслѣ, чтобы какъ можно больше «заработать» на нашихъ закупкахъ, которыя велись черезъ него. Но это былъ типъ служаки, именно *полицейскаго* служаки. При малѣйшемъ намекѣ со стороны начальства онъ прибѣгъ бы по отношенію къ намъ и къ кулачной расправѣ, какъ къ дѣлу привычному, естественному, разумному. По крайней мѣрѣ онъ производилъ именно такое впечатлѣніе.

Немногочисленный штатъ надзирателей (что-то человекъ 4 или 6) состоялъ сплошь изъ безличностей.

Правильному регулированію взаимныхъ отношеній между администраціею тюрьмы и заключенными много содѣйствовало то обстоятельство, что кромѣ артельного старосты, вѣдавшаго хозяйственныя дѣла (таковымъ все время состоялъ П. И. Войнаральскій), у насъ было еще одно должностное лицо,—«ходокъ», на обязанности котораго лежало входить съ администраціею въ объясненія, обращаться съ просьбами, выяснять вопросы, и пр. Сначала «ходокомъ» былъ избранъ Дмоховскій. Но очень скоро случилось такъ, что часть публики осталась недовольна какимъ-то его дѣйствіемъ. Дмоховскій заявилъ, что онъ отказывается отъ должности, и сколько его ни убѣждали, что въ его дѣйствіяхъ никто не видитъ чего-либо предосудительнаго, или даже просто неловкаго, но онъ стоялъ на своемъ. Были произведены новые выборы, и избраннымъ оказался я—большинствомъ одного или двухъ голосовъ. Я въ шутку говорилъ, что избранъ скандальнымъ «большинствомъ», и подумывалъ также отказаться (я былъ моложе всѣхъ централистовъ). Но меня убѣждали, чтобы я не смущался. Я рѣшилъ принять избраніе и оставался «ходокомъ» до нашего отъѣзда изъ Мценска.

Обыкновенно я въ теченіе дня заносилъ въ записную книжку всѣ обстоятельства, о которыхъ необходимо переговорить съ Побывлевскимъ, и на другой день утромъ «докладывалъ» ему, заглядывая въ книжку, и тутъ-же дѣлалъ отмѣтки о его «резолюціяхъ», которыя затѣмъ передавалъ общинѣ или отдѣльнымъ лицамъ. На моей-же обязанности было напомнить объ окончаніи прогулки и свиданій.

Въ заключеніе достаточно будетъ сказать, что за 7—8 мѣсяцевъ, нашей жизни подъ режимомъ Мценской тюрьмы, у насъ не было ни одного столкновенія съ начальствомъ, сколько-нибудь серьезнаго. Припоминаю случай, когда тюрьма дѣйствительно заволновалась, но случай этотъ я припоминаю только благодаря тому, что мнѣ врѣзалась въ память маленькая фигурка великаго Долгушина, кричавшаго, съ размахиваніями рукъ, по корридорамъ: «на форумъ! на форумъ!»—призывъ къ собранію сходки, самаго же инцидента, его сущности, причинъ, его вызвавшихъ, а также его исхода, я рѣшительно не могу теперь возстановить въ памяти. Полагаю, это лучшее доказательство тому, что серьезнаго здѣсь ничего не было.

Да еще подъ конецъ нашего пребыванія въ тюрьмѣ Побывлевскій

сталъ съ большею осмотрительностью давать разрѣшеніе на покупку спиртныхъ напитковъ. Насколько помню, вызвано было такое отношеніе Побывлевскаго къ дѣлу не злоупотребленіемъ съ нашей стороны его «любезностью»: просто между нимъ и нами пробѣжала черная кошка. Припоминаю такую подробность: я былъ почти увѣренъ въ отказѣ, но какъ «ходокъ» согласился наудачу послать старшаго надзирателя къ Побывлевскому за разрѣшеніемъ намъ купить пива, но старшій пришелъ съ отвѣтомъ, что Побывлевскій «только улыбнулся».

Но это, повторяю произошло что-то къ самому концу нашего сидѣнія въ Мценскѣ. Раньше случалось, мы по многу выпивали и по многу выпивали. Помню, напр. классическую выпивку вечеромъ 1 марта 1881 г.; помню взрывъ всеобщаго веселья отъ выпивки въ день соглашенія группы Мышкина съ нашей группой (Коваликъ, Рогачевъ и др. ¹⁾). А разрѣшеніе почти безконтрольно покупать горячительные напитки, пожалуй, можно назвать поблажкою намъ со стороны администраціи.

Гораздо болѣе важнымъ «сносхожденіемъ», и при томъ имѣвшимъ для насъ несравненно болѣе существенное значеніе, была безконтрольная переписка. Я едва ли поврежу этимъ сообщеніемъ Побывлевскому: онъ теперь или въ отставкѣ, или въ такихъ чинахъ, что разоблаченія ему не повредятъ. Дѣло въ томъ, что онъ охотно пересылалъ на почту наши письма, подаваемые ему въ запечатанныхъ конвертахъ, точно также какъ и передавалъ намъ невскрытыми получаемыя на наше имя письма. Обыкновенно, по соглашенію съ нимъ, посылалось нѣсколько писемъ черезъ канцелярію губернатора,—для отвода глазъ; чтобы устранить опасность, что отсутствіе писемъ отъ насъ возбудитъ въ губернской администраціи подозрѣніе. Большая же часть писемъ шла частнымъ образомъ. Ни тогда, ни теперь у меня не возникали и не возникаютъ подозрѣнія, что Побывлевскій хитрилъ: письма доходили аккуратно и отвѣты на нихъ тоже получались аккуратно.

Само собою разумѣется, что книги, журналы и газеты мы получали безконтрольно. У насъ одно время даже велось реферированіе газетныхъ извѣстій. Обзоръ внутренней жизни Россіи дѣлалъ Мышкинъ, обзоръ жизни другихъ государствъ Коваликъ. Многіе довольствовались тѣмъ, что слышали на рефератахъ, и въ газеты уже не заглядывали.

Нескончаемые разговоры шли съ вновь прибывающими. Тутъ мы впервые познакомились основательно съ господствовавшими въ время нашего сидѣнія въ централкѣ и съ нарождавшимися тогда теченіями революціонной мысли. Но немало поучительнаго могли рассказать другъ другу и централисты разныхъ эпохъ и разныхъ частей Россіи. Такъ, Рогачевъ одно время дѣлалъ въ тѣсномъ кружкѣ систематическое изложеніе своихъ наблюденій надъ психикою и настроеніемъ народа.

Изъ частныхъ, случайныхъ и групповыхъ бесѣдъ вопросы вы-

¹⁾ Объ этомъ и подробнѣе говорю ниже.

носились и на «форумъ». Одно время велись дебаты объ «анархизмѣ» и «государственности». Съ особенною горячностью идею анархїи защищаль В. П. Сажинъ. Изъ «государственниковъ», можетъ быть, наиболѣе чистымъ представителемъ была я, какъ недавній якобинецъ. Какъ мнѣ передавалъ въ послѣдствїи Рогачевъ, я недостаточно сильно защищаль свои положенія, и большинство, какъ кажется, было на сторонѣ Сажина.

Изъ вопросовъ хозяйственнаго значенія выдвигался вопросъ о библиотекѣ. Было рѣшено обратить нашъ книжный инвентарь въ общественную собственность, затѣмъ каждому предоставлялось право составить списокъ книгъ, которыя онъ желаль бы получить. Выказано было предложеніе, не рѣшать ли вопросъ, въ случаѣ предъявленія нѣсколькими лицами требованія одной и той-же книги, по жребію. Но противъ этого возсталъ,—и конечно, совершенно основательно,—Сажинъ, и для разсмотрѣнія этихъ случаевъ была избрана особая коммиссія, въ которую вошелъ и Сажинъ. Дѣло это было закончено вполнѣ успѣшно, и распредѣленіемъ книгъ всѣ, какъ кажется, остались совершенно довольны.

Произошелъ въ общинѣ, впрочемъ, крупный инцидентъ,—къ счастью, единственный. Дѣло шло о томъ, допустить ли въ тюрьму нелегальную литературу, или не допустить. Этотъ вопросъ раскололъ общину на два прямо-таки враждебныхъ лагеря. И въ одномъ, и въ другомъ были весьма солидные люди,—была и молодежь. Нашлись черезчуръ экспансивныя натуры тамъ и здѣсь—возгорѣлась полемика, пошли бурныя сходки, взаимное раздраженіе достигло высшей степени, и дѣло дошло до оскорбленій. Завершилось все тѣмъ, что одинъ изъ сторонниковъ немедленнаго и безконтрольнаго допущенія въ тюрьму нелегальщины, Филипповъ выразился по адресу противниковъ: «это съ вашей стороны *косвенный доносъ!*» Сходка была сорвана, и неосторожное выраженіе вызвало со стороны оскорбленныхъ негодованіе: они вышли изъ комнаты, гдѣ происходило собраніе. Но, конечно, насталь моментъ, когда страсти улеглись, и «враждующія» стороны въ концѣ концовъ примирились.

Впрочемъ, въ самомъ актѣ «примиренія» и въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его и слѣдовавшихъ за нимъ, было очень много характернаго, и я не могу не посвятить этому нѣсколькихъ строкъ.

Довольно долго «стороны» дулись другъ на друга, и вообще между ними были натянутыя отношенія. Впрочемъ, до открытаго разрыва дѣло не дошло,—не было «прекращенія отношеній», «неговореній», и т. п. И вотъ однажды, въ разгаръ этой натянутости, какъ-то за послѣбденнымъ чаемъ, Коваликъ, покуривая свою трубку, сталъ говорить... Сначала онъ обращался къ ближайшимъ сосѣдямъ; но скоро въ столовой стали прислушиваться, и онъ продолжалъ говорить, уже обращаясь ко всѣмъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Тутъ стали ему кричать (чуть-ли не я съ Рогачевымъ первые):

— Сережа, встань! Говори стоя!

Коваликъ всталъ и—полилась его плавная, образная рѣчь... Много ораторовъ приходилось мнѣ слышать съ тѣхъ поръ, въ особенности въ послѣднее время. Но отчего тогдашняя рѣчь Ковалика

такъ неизгладимо запечатлѣлась въ моей памяти? Вѣдь онъ—не то, что современный партійный «ораторъ»: въ ораторскомъ «искусствѣ» ему не угнаться бы не только за «непобѣдимыми» нашего времени, но даже за молодымъ человекомъ, командиремымъ изъ «бюро ораторовъ» на какое нибудь собраніе приказчиковъ, каталей и т. п. Между тѣмъ, впечатлѣніе отъ рѣчи Ковалика было прямо таки неотразимо. Когда онъ кончилъ, всѣ поняли, что и всему недоразумѣнію конецъ,—всѣ поняли, что это было только недоразумѣніе, что всѣ мы—вскормлены однимъ молокомъ и однимъ и тѣмъ же воздухомъ только и можемъ дышать...

Это не было примиреніе: это было возвращеніе къ сознанію, что мириться не въ чемъ. Сообразно съ этимъ, изголодавшійся по общенію души распахнулся во всю. Устроена была знатная пирушка, въ программу которой включили, между прочимъ, и такой номеръ: каждый обязательно долженъ былъ пропѣть что-нибудь, хотя бы не обладалъ ни голосомъ, ни слухомъ, и протанцовать. И, какъ теперь, помню фигуру неуклюжаго Мышкина, отплясывавашаго какой-то невозможный танецъ, съ игривостью шестилѣтняго мальчишки, какъ теперь слышу скрипучій голосъ Дмоховскаго, тшившагося съ развязностью парижскаго уличнаго пѣвца исполнить французскую веселую пѣсенку. Конечно, ни до того, ни послѣ я никогда не видѣлъ Мышкина пляшущимъ, никогда не слышалъ Дмоховскаго поющимъ.

Въ тотъ же вечеръ, имѣвшаяся въ тюрьмѣ нелегальная литература была передана и тѣмъ, кто раньше протестоваль противъ безконтрольнаго обращенія ея среди заключенныхъ, и этимъ «миръ» былъ укрѣпленъ гораздо болѣе, нежели пирушкой.

Для очень многихъ изъ насъ жизнь въ Мценской тюрьмѣ была первымъ шагомъ вступленія въ широкій товарищескій кругъ. Естественно, поэтому, что здѣсь зарождались и вырабатывались симпатїи на всю жизнь. По крайней мѣрѣ, я могу сказать о себѣ, что Мценскъ сыграль для меня именно такую роль. Съ Рогачевымъ у меня, за время жизни въ Мценскѣ, возникли самыя теплыя, интимныя, братскія и товарищескія, отношенія, а традиціи, которыя тогда царили въ кружкѣ Войнарольскій, - Коваликъ, - Долгушинъ, - Рогачовъ, - Дмоховскій, остались для меня руководящими на всю жизнь. Увы! Слѣпой случай, сведшій Рогачева на Карѣ въ могилу, лишилъ меня очень скоро друга—брата, котораго не всякій встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути, да и изъ кружка остался въ живыхъ лишь одинъ Коваликъ, котораго я при томъ потерялъ изъ виду.

Чувства, которыя связывали меня и Рогачева какъ бы въ одно недѣлимое, очень скоро замѣнены были товарищами и подчасъ служили темой безобидныхъ подтруниваній, а кружокъ, о которомъ я только что упомянулъ и къ которому прикнулъ и я, былъ цементированъ опять таки чувствомъ теплой привязанности. Это чувство неизгладимыми чертами запечатлѣно въ моей душѣ, и оно встаетъ во мнѣ всякій разъ, какъ я пожелаю его вызвать въ себѣ,—даже теперь, когда послѣ описываемаго времени прошло ровно 25 лѣтъ.

Помню, подъ конецъ нашего пребыванія въ Мценскѣ у меня начали разстраиваться нервы. Я въ это время занимался съ сыномъ Долгушина. И вотъ какъ то разъ я сказала Долгушину, что долженъ прекратить занятія съ Шурой, такъ какъ чувствую, что нервы раздулись.

— Понимаешь, не могу,—ну, не могу...

Очевидно, у меня было страдальческое лицо, и страданіе слышалось въ моемъ голосѣ.

И Долгушинъ взялъ меня за голову и нѣжно поцѣловаль...

— Ну, такъ о чемъ же и говорить?—промолвилъ онъ.—Успокойся, мой дорогой!

И мнѣ стало легче. Да и могло ли быть иначе при такомъ тепломъ, во-истину родственномъ отношеніи!

А вотъ еще.

Когда мы, при отъѣздѣ изъ Мценска, прощались съ родственниками и знакомыми, то Войнаральскій и Долгушинъ, расцѣловавшись съ моей матерью, съ ласкою въ голосѣ успокаивали ее и давали тысячи обѣщаній, что они будутъ заботиться обо мнѣ, какъ о сынѣ, что они будутъ оберегать меня и мое здоровье. И старуха была покойна.

Нужно ли говорить, что они сдержали свое слово и что много теплыхъ заботъ я видѣлъ отъ этихъ чудныхъ людей и въ пути, и на Карѣ, а отъ Войнаральскаго—въ Якутскѣ?

И такъ, много чувства было въ отношеніяхъ между членами нашего тѣснаго кружка. Но это ни для кого изъ насъ не исключало хорошихъ, даже прекрасныхъ отношеній къ товарищамъ, стоявшимъ внѣ этого кружка. Вообще, процентъ выдающихся или, по крайней мѣрѣ, выдававшихся тогда личностей былъ въ тѣ времена гораздо выше, чѣмъ нынче. Что ни человѣкъ, то яркая индивидуальность, то сила характера, то оригинальность мышленія, то громада ума. Я не говорю о такой личности, какъ Мышкинъ. Это—прямо-таки чудесное явленіе. Его всякій замѣчалъ издали, благодаря особому отпечатку индивидуальности, благодаря сектантскому исканію истины, благодаря оригинальности каждаго его сужденія и замѣчанія. А за Мышкинымъ выступали фигуры Иона, Сажина, Здановича, Сирякова... Достаточно было вамъ поговорить съ любымъ изъ нихъ полчаса,—и за вами оставался рядъ разрѣшенныхъ вопросовъ, и передъ вами вставалъ рядъ вопросовъ, настоятельно требующихъ разрѣшенія...

Вотъ почему, несмотря на то, что мы въ Мценскѣ же разбились на кружки сообразно влеченіямъ сердца и особенностямъ характера, въ общемъ мы были одинаково дороги, одинаково важны другъ для друга.

Да! Это было начало серьезной школы...

Съ другой стороны, не влеченія сердца легли и въ основаніе организациі официальнаго «кружка», зародившагося въ Мценскѣ. Ближайшею задачею кружка была—взаимопомощь на случай побѣга изъ Сибири ¹⁾. Сердце тутъ оставалось въ сторонѣ, и въ «кружокъ» во-

¹⁾ У кружка была и «программа». Но я ее не помню. Да и немудрено: ей нѣтъ въ сущности не придавалъ значенія, такъ какъ передъ каждымъ изъ насъ были годы тюрьмы и ссылки, въ продолженіи которыхъ программы могли забываться не разъ, а 10 разъ.

шло много лицъ, не бывшихъ въ близкихъ, интимныхъ отношеніяхъ къ ядру, и въ немъ не оказалось лицъ, которыя во многихъ отношеніяхъ стояли выше ихъ. Такъ, не вошли въ «кружокъ» Мышкинъ, Ионовъ. Когда я теперь бросаю ретроспективный взглядъ, то готовъ признать, что здѣсь были допущены нѣкоторыя ошибки; но критеріемъ для организаторовъ кружка служило представленіе о большей или меньшей способности того или другого лица къ кружковой дисциплинѣ. Съ этой-то именно точки зрѣнія Мышкинъ, человѣкъ вѣчно чего-то ищущій, вѣчно копающійся внутри у себя и ни въ чемъ не находящій успокоенія своей мятущейся душѣ,—съ этой точки зрѣнія, очевидно, Мышкинъ и оказался забракованнымъ для «кружка».

Я могу покончить съ этимъ «кружкомъ» теперь-же.

Даже послѣ Мценска кружокъ продолжалъ кооптировать членовъ. Такъ, дорогою членомъ кружка былъ принятъ извѣстный въ свое время Аптекманъ. Но, съ другой стороны, естественно, что, по мѣрѣ того какъ члены кружка разсѣивались по различнымъ частямъ Сибири, связь между ними терялась. Для громаднаго большинства членовъ ссылка затянулась на многіе годы, и объ общемъ практическомъ дѣлѣ не могло быть и рѣчи. Единственнымъ воспоминаніемъ впоследствии для нѣкоторыхъ ¹⁾ членовъ кружка была небольшая сумма денегъ, полученная при выходѣ на поселеніе, специально на устройство побѣга изъ Сибири. Но, насколько мнѣ извѣстно, никто не бѣжалъ. Въ частности о себѣ скажу, что полученныя мною деньги (что-то около 200 руб.) мною были впоследствии переданы для побѣга же С. Ф. Михалевичу, о чемъ я его просилъ освѣдомить кое-кого изъ видныхъ представителей ссылки въ Якутской области. Онъ это исполнилъ, такъ какъ нѣкоторые товарищи говорили мнѣ, что Михалевичъ имъ сообщалъ о передачѣ мною ему денегъ ²⁾.

Вышедшіе изъ Централки въ ноябрѣ 1880 г., мы, централисты, къ 1 марта 1881 г. составляли все еще главный контингентъ заключенныхъ въ Мценской пересыльной тюрьмѣ. Въ ней мы застали только Ив. Дебагорію-Мокрѣевича и Левченко (братья своихъ однофамильцевъ-каторжанъ), Пршибысова и, кажется, никого больше. Изъ болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей предшествовавшего времени къ 1 марта 1881 г., насколько помню, среди насъ никто не появился. Такимъ образомъ, о готовящемся новомъ покушеніи на цареубійство всѣ мы знали не болѣе того, что и заурядные обыватели того времени.

Въ числѣ льготъ, предшествовавшихъ переводу насъ изъ Централки черезъ Мценскъ на Кару, было разрѣшеніе получать календари. Попалъ къ намъ и «Русскій календарь» Суворина, въ которомъ, какъ извѣстно, имѣется перечисленіе выдающихся событій въ жизни Россіи за годъ, съ 1 іюля по 1 іюля. Изъ этого-то календаря мы знали

¹⁾ Можетъ быть и для всѣхъ,—я этого не знаю.

²⁾ Я считаю важнымъ отмѣтить этотъ фактъ, такъ какъ до меня тамъ же дошли слухи, что существуетъ противъ меня обвиненіе, будто я далъ деньгамъ «неудачливое назначеніе».

о проявленіяхъ революціонной жизни съ 1 іюля 1879 г. по 1 іюля 1880 г. (въ частности, я тутъ только впервые узналъ, что повѣшены Дробязгинъ и Малинка, которыхъ я хорошо зналъ по Одесской тюрьмѣ; о могущей стрястись надъ ними бѣдѣ я не могъ бы сдѣлать и весьма отдаленнаго предположенія). О покушеніи Соловьева и о его казни узнали мы изъ какого-то духовнаго журнала, которые намъ вообще разрѣшалось читать. Такимъ образомъ, о разцвѣтѣ терроризма вообще и, въ частности, о повторныхъ покушеніяхъ на цареубійство мы имѣли достаточно свѣдѣній. Не сомнѣвались, конечно, что покушенія эти будутъ повторяться и впредь. Но о томъ, что готовятся въ ближайшемъ будущемъ новыя покушенія, намъ, какъ я уже сказала, ничего не было извѣстно.

Помню 1 марта 1881 г., подъ вечеръ, я сидѣла въ какой-то камерѣ, во 2 этажѣ, со своимъ интимнымъ другомъ, Митькой Рогачевымъ, и мы вели, какъ обыкновенно, самую непринужденную бесѣду о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Отворяется дверь и входитъ Петруха Алексѣевъ. Онъ быстро направляется къ намъ и крѣпко пожимаетъ намъ руки.

— Поздравляю: царь убитъ!—дѣловымъ тономъ произноситъ онъ. Мы съ Рогачевымъ были поражены, какъ громомъ...

Свѣдѣнія, дошедшія къ тому моменту до тюрьмы, были, конечно, недостаточно опредѣленны. Разспрашивая Петруху о томъ, что онъ успѣлъ узнать, мы втроемъ кинулись въ нижній этажъ, гдѣ у насъ была столовая.¹⁾

На «форумѣ» (такъ звали мы нашу столовую) собрались скоро всѣ обитатели тюрьмы. Толкамъ и разговорамъ не было конца. Сто разъ передавались подробности, которыя удалось добыть; каждый по своему старался дорисовать неполную картину событія. Но въ общемъ царило необычайное оживленіе, и на лицахъ всѣхъ была написана радость: самый фактъ, что на этотъ разъ покушеніе увѣнчалось успѣхомъ, не вызывалъ никакихъ сомнѣній.

Не скрою, что въ концѣ концовъ рѣшено было справиться по покойникѣ тризну. Намъ смотритель (по всей вѣроятности, не безъ вѣдома высшаго начальства) разрѣшилъ выписывать крѣпкіе напитки. И мы на этотъ разъ воспользовались этимъ разрѣшеніемъ въ довольно широкихъ размѣрахъ... Надо знать, что свѣдѣніе о совершившемся фактѣ дошло до насъ не черезъ смотрителя; поэтому, разрѣшая намъ пирушку, смотритель и не подозревалъ, что именно побудило насъ на этотъ разъ пировать.

Кромѣ старосты (П. И. Войнаральского), завѣдывавшаго нашимъ хозяйствомъ, у насъ бы еще и такъ называемый «ходокъ»—для сношеній съ начальствомъ по не хозяйственнымъ дѣламъ.

Въ таковой должности въ то время (и до нашего отъѣзда изъ Мценска) состоялъ пишущій эти строки. На обязанности «ходока» было передавать различныя просьбы и ходатайства, какъ всей тюрьмы, такъ и отдѣльныхъ заключенныхъ, смотрителю и резолюція послѣд-

¹⁾ Въ Мценской тюрьмѣ все зданіе въ теченіи всего дня было въ нашемъ распоряженіи: камеры не запирались.

няя сообщать тюрьмѣ и отдѣльнымъ просителямъ. «Ходокомъ» посредникъ назывался потому, что ему вмѣнялось въ обязанность не только быть посредникомъ, но и защищать ходатайства передъ лицомъ смотрителя.

Когда я 2 марта кончила свой «докладъ» смотрителю (г. Побывлевскому), то онъ по секрету сообщилъ мнѣ, что Царь убитъ... Мнѣ пришлось изобразить на своемъ лицѣ изумленіе. Г. Побывлевскій просилъ меня сообщить о фактѣ и всѣмъ заключеннымъ. Весьма вѣроятно, конечно, что во время нашей ночной пирушки кто нибудь изъ прислуги¹⁾ или стражниковъ подмѣтилъ, что пируемъ мы не спроста, и это дошло до смотрителя. И, сообщая мнѣ о фактѣ съ просьбой передать это сообщеніе товарищамъ, г. Побывлевскій хотѣлъ, можетъ быть, соблюсти извѣстный декорумъ и обставить дѣло такъ, чтобы мы не имѣли права сказать, будто узнали о фактѣ не отъ него. Возможно, впрочемъ, что онъ не зналъ, что намъ фактъ уже извѣстенъ, и такъ какъ, въ сущности, скрывать его не было никакого основанія, то онъ и поспѣшилъ подѣлиться съ нами извѣстіемъ.

Во всякомъ случаѣ, помню, что разговоръ происходилъ въ присутствіи Мценскаго уѣзднаго исправника. Характерно при этомъ слѣдующее.

Г. Побывлевскій замѣтилъ, что надо ждать крупныхъ измѣненій въ нашей судьбѣ, и именно—въ хорошую сторону.

— Новый государь,—сказалъ онъ,—человѣкъ молодой. Онъ, конечно, понимаетъ духъ времени,—понимаетъ, что этому духу противо-дѣйствовать больше нельзя.

Исправникъ стоялъ тутъ-же и спокойно все это слушалъ. Какъ теперь помню, въ этотъ моментъ его лицо, на которомъ обыкновенно не было написано особеннаго добродушія, слѣдалось какимъ то особеннымъ. Казалось, будто «обыкновенное» его лицо было не обыкновенное,—что это—маска, которую онъ надѣваетъ на себя *ex officio*, а тотъ открытый и простой человѣческой взглядъ, которой онъ въ тѣ минуты переводилъ съ меня на г. Побывлевскаго и обратно, была его неподдѣльная личина *человѣка*. Рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти этотъ моментъ. И въ настоящую минуту, когда съ того времени прошло долгихъ 25 лѣтъ, я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что три лица, ведшія описанный выше разговоръ,—«государственный преступникъ»—каторжанинъ, смотритель «политической» тюрьмы и «полицейскій», которому было ввѣрено правительствомъ Александра II высшее наблюденіе за этою тюрьмою,—что эти три лица въ тотъ моментъ были «ближними»,—людьми «безъ футляровъ»,—человѣческими личностями, которымъ одинаково доступны и одинаково дороги интересы отвлеченной человѣческой личности. . . .

Въ тюремной церкви должна была, конечно, состояться панихида по убитомъ императорѣ. А въ церкви обыкновенно пѣлъ нашъ хоръ. Пѣли мы и на панихидѣ. . . .

—Что это?—спросить читатель.

¹⁾ Прислуга у насъ была вольнонаемная.

Да, мы, заключенные Мценской политической тюрьмы пѣли въ церкви панихиду по убитомъ царѣ.

Скажу больше: я не могу припомнить даже, чтобы кто нибудь протестовалъ противъ этого.

Кто-то высказывался въ томъ смыслѣ, что моль, почему-же и не пожелать «вѣчнаго покоя» Александру II?

Но возможно, что нами роководило здѣсь чувство, аналогичное тому, которое заставило Емельянова броситься на помощь умирающему царю съ тою бомбою подъ мышкой, которая предназначалась для этого же царя, если бы двѣ первыхъ бомбы не достигли цѣли.

Мнѣ кажется, именно, что фактъ свидѣтельствуеъ лишь о томъ, что конечною цѣлью царевубійства было не уничтоженіе личности царя, а созданіе извѣстнаго акта, значеніе котораго гораздо выше прекращенія жизни субъекта верховной власти.

Возможно и то, что передъ нами вставала глубоко-трагическая судьба Александра II,—этого мученика безвременья, которое и до сихъ поръ не пережито Россіей. Мы, конечно, не переоцѣнивали личныхъ качествъ покойнаго; но не могли мы отдѣлаться и отъ мысли, что, поскольку это зависѣло отъ личности носителя верховной власти, именно онъ санкционировалъ освобожденіе крѣпостныхъ отъ рабства. А не слѣдуетъ забывать, что 25 лѣтъ тому назадъ реальнѣе представлялось каждому, даже молодому въ то время человѣку, что такое была крѣпостная зависимость. Напримѣръ, я въ дѣтствѣ видѣлъ въ своемъ домѣ нашихъ бывшихъ «дворовыхъ», я присутствовалъ неоднократно при спорахъ между моимъ отцомъ и бабушкой, которая не иначе какъ съ озлобленіемъ могла говорить объ актѣ 19 февраля, какъ о реформѣ, которая «раззорила» помѣщиковъ,—а 25 лѣтъ тому назадъ мнѣ было всего 23 года! И вотъ, съ одной стороны—личность, съ которой въ исторіи Россіи несомнѣнно будутъ на вѣки вѣковъ связаны событія рѣшительнаго характера и рѣшительной важности (каковы бы ни были другія обстоятельства ея жизни и дѣятельности), а съ другой—сознаніе, что совершенное 1 марта 1881 г. неизбѣжно должно было совершиться по законамъ той же исторіи,— вотъ обстоятельство, которое, какъ мнѣ кажется, несомнѣнно должно было заставить насъ, не разсуждая, безъ критики и анализа, взойти на церковный клиросъ и пропѣть Александру II «вѣчную память».

Теоретическіе разговоры, вызванные въ нашей средѣ актомъ 1 марта, теперь совершенно изгладились изъ моей памяти. Но хорошо помню, что не было среди насъ голосовъ, которые бы, по теоретическимъ-ли или по практическимъ соображеніямъ, отнеслись къ этому акту отрицательно. А между тѣмъ среди моихъ товарищей по заключенію въ то время находились такіе старые «пропагандисты», какъ Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій, Долгушинъ, Рогачевъ... Эволюція мысли, происходившая среди революціонеровъ на волѣ, одинаковымъ образомъ охватывала и тѣхъ, чей умъ продолжалъ работать въ четырехъ стѣнахъ «одиночки», внѣ вліянія идей, развивавшихся за тюремною оградой,—даже безъ сколько нибудь основательнаго знакомства съ фактической стороной того, что за время заключенія совершилось въ русской жизни.

Я упомянулъ выше, что свиданія съ родственниками играли въ нашей жизни очень замѣтную роль.

На свиданіяхъ мы не только узнавали новости дня, но и знакомились съ фактами, явлениями и теченіями революціонной жизни за время нашего сидѣнія въ Централкѣ. Приѣзжіе были изъ различныхъ частей Россіи. Больше, впрочемъ, было южанъ. Но за то одни сообщенія Николая Рогачева (черезъ 2 года повѣшеннаго съ бар. Штромберггомъ за участіе въ военной организаціи партіи Народной Воли) о работѣ на Сѣверѣ были внушительны.

Родственники же помогли намъ на славу собраться въ дальнюю дорогу. Всѣ мелочи были предусмотрѣны. Изъ крупныхъ вещей припоминаю заказъ для всѣхъ изъ насъ поголовно по парѣ сапогъ и по мѣшку изъ брезента.

Свиданія наши носили на себѣ характеръ прямо-таки чего-то гомерическаго.

Прежде всего, укажу на то, что число одновременныхъ посѣтителей было громадно. Стоитъ отмѣтить, кто кого навѣщалъ.

У Дебагоріо-Мокрѣвича бывала жена и дочь, у Буцинскаго—его невѣста, П. И. Чернышева, у Малавскаго—мать, у Тулисова—жена и дочь, у Легкаго—жена, у Сыцяно—отецъ, 2 сестры и маленький братъ, у Филиппова—сестра, у Дмоховскаго—мать, братъ съ женою, 2 сестры, изъ которыхъ одна съ мужемъ, и родственница съ мужемъ, у меня—мать, у Ионовъ—мать и отецъ, у Долгушина—жена и сынъ, у Мышкина—мать, у Ковалика—сестра, у Свитыча—сестра, у Рогачева—братъ и 2 сестры, у Джабадари—отецъ, мать и братъ, у Здановича—кузина, у Сирякова—мать и братъ... Возможно, что я не припоминаю уже теперь всѣхъ посѣтителей. Но вѣдь я и безъ того насчиталъ около 40 человѣкъ.

И представьте себѣ, что вся эта компанія собирается въ верхнемъ этажѣ тюрьмы (главнымъ образомъ, въ конторѣ, конечно), и туда же являются не только тѣ, къ кому пришли на свиданіе, но и вообще всякій желающій. Представьте себѣ, далѣе, что свиданіе продолжается не часъ и не два, а часовъ съ 11 утра (если не раньше) до поздняго вечера, чуть ли не до повѣрки. Представьте себѣ, наконецъ, что тутъ же въ конторѣ вся публика,—т. е. какъ пришедшіе на свиданіе, такъ и тѣ, къ кому пришли, а, кромѣ того, и многіе изъ остальныхъ заключенныхъ,—и обѣдаютъ, и чай пьютъ, и—выпиваетъ. Вотъ если вы себѣ представите все это, то составите нѣкоторое понятіе о томъ, что творилось у насъ въ тюрьмѣ въ послѣднее передъ отправкою въ Сибирь время.

Дѣло не ограничивалось ѣдой и разговорами. Послѣ обѣда собирався въ конторѣ весь хоръ и начиналось веселье. Пѣли пѣсни, большею частью удалыя, а то такъ подъ пѣніе плясали и танцевали. На этотъ случай у насъ были разучены и плясовые, и польки, и вальсы, и кадрили.

Среди насъ было два музыканта—піаниста: Дебагоріо-Мокрѣвичъ и Пршибисовъ. Первый вообще принималъ мало участія въ общественной жизни. Но Пршибисовъ увлекся хоровымъ пѣніемъ, и подъ его умѣлымъ управленіемъ нашъ хоръ изъ 15—16 свѣжихъ молодыхъ голо-

совь приобрѣлъ относительную стройность. Впрочемъ, дѣло ограничивалось исполненіемъ народныхъ и quasi-народныхъ пѣсенъ, причемъ только немногія изъ нихъ были разучены по нотамъ, да участіемъ въ церковной службѣ, и ничего серьезнаго мы не разучивали. Особенною популярностью пользовались у насъ: разученная по нотамъ древняя разбойничья пѣсня: «Ты взойди, взойди, солнце красное» и славянской маршъ: «Мы дружно на враговъ», а изъ плясовыхъ—«Посѣю лебеду на берегу».

Признанными плясунами у насъ были Рогачевъ и младшая сестра Сыцяно. Первый всегда поддѣлывался подъ стать разудалаго добраго молодца, и Сыцяно, не достаточно тогда стройная и не всегда танцовавшая въ тактъ, робѣла передъ нимъ, хотя и «старалась». Но вотъ однажды съ Рогачевымъ, послѣ долгихъ упрасиваній, вышла плясать жена Тулисова, вышла—и сразу же всѣхъ очаровала: столько граціи, столько молодого задора, что нашъ знаменитый «добрый молодецъ» разинулъ ротъ и, вмѣсто того, чтобы вести за собой даму, лишь въ тактъ перебиралъ ногами. Но общій восторгъ вызвала впоследствии пляска Тулисовой съ братомъ Дмоховскаго, Михаиломъ. Если Тулисова плясала граціозно, съ огнемъ, то Дмоховскій оказался прямо артистомъ. Изъ своей пляски онъ дѣлалъ не просто танецъ, а плясовую сцену. Слава Рогачева и М. Сыцяно, такимъ образомъ, закатилась ¹⁾.

Отмѣчу, что Здановичъ лихо отплясывалъ свой національный танецъ—лезгинку.

Здѣсь я долженъ повторить, что среди плясокъ, пѣнія и веселья мы не могли забывать ужаснаго горя нашей жизни. И какимъ-то символомъ этого горя проносится теперь въ памяти послѣдняя кадрили въ Мценскѣ.

Это было наканунѣ отъѣзда. Нѣсколькихъ человекъ изъ насъ должны были заковать. И вотъ, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ остающихся здѣсь нашихъ родственниковъ и знакомыхъ наше общее горе, послѣднюю кадрили танцовали закованные въ кандалы.

— Кадрили кандалниковъ!—закричалъ кто-то.

Хоръ пропѣлъ ригурнель, Тулисовъ и остальные закованные подхватили дамъ и—началась «кадриль кандалниковъ».

Веселье, пѣніе, и плясъ,—но все же мы удручены страшнымъ горемъ нашей жизни, мы—носители идеи, изъ-за которой приходится переживать это горе!

Таковъ былъ смыслъ послѣдней нашей кадрили въ Мценскѣ,—«кадриль кандалниковъ»,—такъ именно понимали ее и мы, и наши посѣтители. И многое изъ того, что таилось въ глубинѣ нашихъ душъ и о чемъ никто никогда не говорилъ, просилось въ этотъ моментъ наружу. Мы глядѣли другъ на друга, отъѣзжающіе на остающихся и остающіеся на отъѣзжающихъ,—но никто не промолвилъ и

¹⁾ Впоследствии Мих. Дмоховскій поступилъ на сцену и выступалъ даже на петербургскихъ подмосткахъ.

слова: каждая сторона была удовлетворена тѣмъ, что, послѣ «кадриль кандалниковъ», сердце сердцу «вѣсть подало»...

А, кромѣ того, не у того, такъ у другого было и личное горе. Одинъ уѣзжалъ съ предчувствіемъ тяжелой личной драмы въ будущемъ, другой оставлялъ эту драму позади себя, у третьяго драма уже развивалась и шла crescendo...

Объ одной изъ драмъ послѣдняго характера можно уже говорить, такъ какъ почти всѣ дѣйствующія лица сошли въ могилу.

Легкій женился, уже будучи осужденнымъ,—кажется, на дѣвушкѣ, которую зналъ весьма мало. Любилъ-ли онъ ее,—я не знаю; но когда эта дѣвушка появилась въ Мценскѣ, окруженная массою лицъ, то ея отношеніе къ мужу вызвало въ немъ если не ревность, то чувство сердечной обиды. Пошли сцены,—тяжелыя сцены для заинтересованныхъ лицъ и для окружающихъ. Дорогой Легкая, явно, отдавала предпочтеніе предъ мужемъ другому... Сцены продолжались. А изъ Иркутска Легкая, разорвавши окончательно съ мужемъ, возвратилась въ Россію.

Повторяю, я не знаю, любилъ-ли Легкій свою жену. Можетъ быть, здѣсь дѣйствовало уязвленное самолюбіе, горькая обида. Но, во всякомъ случаѣ, Легкій жестоко страдалъ,—и сердце ныло, глядя на этого молодого человѣка, почти мальчика. Наконецъ, это разрѣшилось ужасной трагедіей.

Легкій вздумалъ бѣжать изъ Иркутской тюрьмы. Рѣшительно никакой надобности въ этомъ не было: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье, и бѣжать изъ тюрьмы это значило для него къ трудностямъ побѣга изъ мѣста поселенія прибавить ни на что ненужную трату силъ на выходъ за тюремную ограду. Очевидно, такимъ образомъ, что для Легкаго дѣло было не столько въ побѣгѣ, сколько въ томъ, чтобы дать исходъ накопившейся энергіи.

Онъ рѣшилъ оторвать тяжелую желѣзную ножку отъ кровати и подстеречь надзирателя, когда тотъ, по обыкновенію, поздно вечеромъ войдетъ въ камеру, чтобы погасить лампу. Разсчетъ Легкаго былъ таковъ: убить въ камерѣ надзирателя, положить его на свою кровать, самому переодѣться въ надзирательское платье и выйти изъ тюрьмы подъ видомъ надзирателя. Дрогнула-ли у Легкаго въ послѣднюю минуту рука, или же ударъ не былъ достаточно вѣрно рассчитанъ, но фактъ тотъ, что надзиратель, хотя и смертельно раненый, успѣлъ выскочить, обливаясь кровью изъ камеры и поднять крикъ. Прибѣжавшая стража застала Легкаго на корточкахъ въ углу камеры, и онъ, отдаваясь, просилъ только, чтобы его не били. Черезъ день или два надзиратель умеръ. Легкаго судили и приговорили къ смертной казни, и на самомъ дѣлѣ онъ былъ казненъ въ стѣнахъ Иркутской тюрьмы.

Что-то было, конечно, въ Легкомъ не уравновѣшенное отъ природы. Подчасъ, уже когда положеніе его выяснилось, въ его глазахъ горѣло безуміе. Но многіе-ли безупречно владѣли бы собой въ обстоятельствахъ, которая мною описаны?—Иначе, какъ съ чувствомъ тягчайшаго сожалѣнія, я никогда не могу вспомнить о судьбѣ несчастнаго Легкаго...

Эту исторію я рассказываю здѣсь потому, что она всецѣло относится къ нашей жизни въ Мценскѣ.

Въ маѣ 1881 года насъ повезли изъ Мценска. Знали мы, что везутъ насъ въ Сибирь; но на каторгу ли мы попадемъ, или на поселеніе,—никому это не было извѣстно.

У всѣхъ насъ было общее горе, у каждаго въ отдѣльности—свое личное. Но громадное большинство изъ насъ были люди совершенно молодые, а кто постарше, у того все-таки не было ни житейскаго опыта, ни знакомства съ жизнью. Долгушину было, напр., за 30 лѣтъ; но что значило это, если онъ лѣтъ съ 20-ти сидѣлъ въ тюрьмѣ?

И для громаднаго большинства изъ насъ продолжительное, опасное путешествіе въ Сибирь являлось не только «отправкою» на поселеніе или на каторгу, но и первыми шагами на пути обывательской жизни.

Лично я никакого страха передъ грядущимъ не испытывалъ. Какъ ни ужасающи были тогдашнія условія переѣзда въ Сибирь, какъ ни мало сулила радостей и красоть будущая жизнь на поселеніи, но все же я съ любопытствомъ и задоромъ заглядывалъ въ даль и хотѣлъ разсмотрѣть или, по крайней мѣрѣ, разгадать, что это за штука—жизнь, съ которой мнѣ впервые придется столкнуться лицомъ къ лицу. И даже та маленькая сердечная драма, въ тайникахъ моей души, съ которою я уѣзжалъ изъ Мценска, не мѣшала мнѣ съ задоромъ рваться впередъ: я зналъ, что тамъ меня ждетъ life as it is.

Н. Виташевскій.

Открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдачѣ Л. Н. Гартмана.¹⁾

Au Gouvernement français.

«Vous êtes un gouvernement loyal. Vous ne pouvez pas livrer cet homme. La loi est entre vous et lui. Et, audessus de la loi, il y a le droit. Le despotisme et le nihilisme sont les deux aspects monstrueux du même fait, qui est un fait politique. Les lois d'extradition s'arrêtent devant les faits politiques. Ces lois toutes les nations les observent, la France les observera.

Vous ne livrez pas cet homme!»

Victor Hugo.

27 février 1880

Переводъ.

Французскому Правительству.

Вы—правительство лояльное. Вы не можете выдать этого человѣка. Между вами и имъ—законъ, а надъ закономъ существуетъ право.

Деспотизмъ и нигилизмъ—это два чудовищные вида одного и того же дѣйствія, дѣйствія политическаго. Законы о выдачѣ останавливаются передъ политическими дѣянiями. Всѣми народами законъ этотъ блюдетъ. И Франція его соблюдеть.

Вы не выдаете этого человѣка.

Викторъ Гюго.

27 февраля 1880.

¹⁾ Русское правительство требовало выдачи Гартмана, обвиняя его въ участіи въ покушеніи на цареубійство, совершенномъ въ Москвѣ 19 ноября 1879 года. Французское правительство въ выдачѣ Гартмана отказало.

Матеріалы для біографіи Александра Серно-Соловьевича.

Читатели моей работы: «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами» («Былое» 1906 г. сентябрь—декабрь), болѣе или менѣе знакомы съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ. Несомнѣнно, этотъ человекъ производитъ большое впечатлѣніе и своимъ умственнымъ развитіемъ и уровнемъ нравственныхъ убѣжденій. Гораздо менѣе извѣстенъ его непосредственно младшій братъ—Александръ, такъ трагически кончившій свою молодую и очень незаурядную жизнь. Литература о немъ поразительно ничтожна, какъ будто человекъ былъ самымъ рядовымъ, не заслуживающимъ ничего вниманія въ потомствѣ. На самомъ же дѣлѣ это объясняется иначе: въ Россіи, гдѣ Серно-Соловьевича знали очень многіе, писать о немъ не было никакой возможности. Это былъ горячій борецъ за народную свободу, честный, энергичный, преданный и безкрыстный человекъ,—какъ его характеризуетъ анонимный авторъ некролога въ «Народномъ Дѣлѣ». Шелгуновъ говоритъ, что объ Александрѣ Александровичѣ у него сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія. «Это былъ человекъ кипучей энергіи, горячій, скорый, смѣлый и очень умный. По энергіи темперамента, по пылкой страстности характера, по быстротѣ соображенія, тонкому ироническому уму и по беззащитности, съ какой онъ отдавался дѣлу, не думая о себѣ, онъ былъ одинъ изъ самыхъ очень немногихъ людей того времени»¹⁾.

Я очень радъ, что въ моемъ распоряженіи есть цѣнные матеріалы для наброска нѣкоторыхъ чертъ Александра Александровича Серно-Соловьевича. Это пачка писемъ, адресованныхъ юношей своему лицейскому другу и товарищу Ш., оказавшаяся въ копіяхъ въ архивѣ недавно скончавшагося друга Николая Серно-Соловьевича — А. А. Слѣпцова и переданная мнѣ вдовой покойнаго—М. А. Слѣпцовой, за что я и приношу ей мое сердечное спасибо. Г. Ш., занимающій нынѣ видное служебное положеніе, былъ любезенъ не только разрѣшить мнѣ воспользоваться этимъ матеріаломъ, но еще и далъ не мало очень цѣнныхъ указаній, безъ которыхъ моя работа не имѣла бы настоящаго вида и характера. Считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать ему мою искреннюю благодарность.

¹⁾ Изъ павленковскаго изданія сочиненій 1891 г., сожженного комитетомъ министровъ.

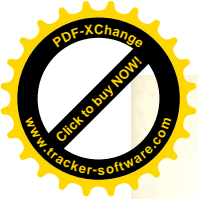

Александръ.

Николай.

Братья СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧИ

Александръ Александровичъ родился въ 1838 г. Объ отцѣ его свѣдѣній у меня нѣтъ. Мать, урожденная Кирилина, была родной сестрой Андрея Николаевича Кирилина, начальника военно-походной канцеляріи Николая I, потомъ управляющаго канцеляріей императорскаго двора. Кирилинъ оказывалъ замѣтное вліяніе на воспитаніе сыновей своей сестры, а потомъ, когда они были юношами, не мало рассказывалъ имъ изъ эпохи Николая, которую послѣ смерти грознаго повелителя окрашивалъ не всегда въ розовыхъ тѣняхъ...

Дѣтство Александра Александровича было не особенно свѣтло и проходило въ совершенно антипедагогической обстановкѣ, въ семьѣ, не знавшей тишины и покоя... Въ 1851 г. онъ поступилъ въ Александровскій лицей, гдѣ былъ уже его старшій братъ, Николай. Тамъ юноша быстро росъ, чему не мало помогала атмосфера учебнаго заведенія, при многихъ своихъ недостаткахъ, вселявшая, однако, либеральныя убѣжденія, традиціонно сохранявшіяся со временъ великаго поэта. Товарищи очень любили Серно-Соловьевича за его рѣдкую сердечность, доброту и прямоту. Онъ былъ, по словамъ г. Ш., несравненно одареннѣе Николая, на котораго, несмотря на разницу въ лѣтахъ, оказывалъ всегда замѣтное вліяніе. Кружокъ товарищей, группировавшійся около Александра Александровича, много читалъ и при томъ всегда отдавалъ преимущество гуманитарнымъ наукамъ, въ особенности же исторіи и литературѣ. Не рѣдко на этой почвѣ возникали горячіе споры, которые, какъ извѣстно всякому, не мало способствуютъ развитію юношей.

Все это не мѣшало братьямъ Серно-Соловьевичамъ быть настоящими франтами, любить пріодѣться, шегольнуть, потанцовать и вообще побыть въ свѣтской обстановкѣ. Не будучи очень богатыми, братья всегда были при деньгахъ и иногда располагали довольно значительными для своего возраста суммами.

За время лицейскаго періода у меня есть шесть писемъ Александра Александровича къ г. Ш. Приведу ихъ съ неизбѣжными пока сокращеніями, не опуская, однако, ничего, что бы могло характеризовать юнаго корреспондента.

Первое письмо относится къ семнадцати годамъ и даетъ возможность оцѣнить сердечность писавшаго.

1.

1855 г. 3 іюля, воскресенье, 2 ч. ночи.
Село Прими Воротинскіе.

Милый, добрый NN, не знаю, какъ просить у тебя извиненія, поведеніе мое относительно тебя достойно болѣе, чѣмъ порицанія, но ты простишь меня, когда по пріѣздѣ въ Петербургъ, объясню въ подробности всѣ обстоятельства, которыми сопровождался мой отъѣздъ. Ты, по свойственной тебѣ добротѣ, уже теперь, вѣрно, не сердись на меня. Письмо твое отъ 19 іюля, которое получилъ я 29-го (такъ долго ходитъ сюда почта), доставило мнѣ больше, чѣмъ радость. Если ты писалъ только съ цѣлью доставить себѣ развлеченіе, то

беру свое слово назад; ежели въ немъ отпечатокъ чувствъ твоихъ ко мнѣ, то прими все писанное мною за чистую монету. Ты знаешь, что я чересчуръ откровененъ, это часто вредитъ мнѣ въ моей лицейской жизни, особенно въ любви товарищей ко мнѣ; много приобрѣлъ я черезъ это враговъ, но увѣренъ, что тѣ, которые знаютъ меня, ежели не любятъ, то, покрайней мѣрѣ, видятъ во мнѣ благороднаго человѣка. Къ числу послѣднихъ причисляю я тебя; въ упрекахъ твоихъ вижу не совершенное равнодушіе ко мнѣ и этого достаточно, чтобы усилить во мнѣ любовь и привязанность, которыя питаю къ тебѣ, какъ къ другу, товарищу и человѣку. Извини, что называю тебя этими тремя словами, но повѣрь, говорю тебѣ чистую правду. Чувства мои къ тебѣ выражаются совершенно въ этихъ трехъ словахъ. Повѣрь, что я одинъ изъ тѣхъ людей, которые болѣе другихъ въ нашемъ классѣ способны понимать тебя, но ты никогда не считалъ меня таковымъ. Однимъ словомъ, чтобы покоячить разомъ о моихъ чувствахъ къ тебѣ, скажу, что люблю тебя очень много, такъ, какъ немногихъ своихъ товарищей.

„Скуку твою понимаю совершенно, потому что самъ хандрю, можетъ быть, болѣе тебя; этому способствуетъ не одна скучная, деревенская жизнь, есть еще много причинъ; ежели тебѣ интересно знать то, что касается меня лично, то потерпи немного, скоро приѣду назадъ (къ 25 или 26 июля) и открою тебѣ душу мою.

„Выѣхали мы изъ Петербурга 16 іюня, въ Москвѣ прожили недѣлю. Прескучный городъ, пустота страшная, нѣтъ даже хорошихъ улицъ; Кузнечій мостъ и Тверская, считающіеся лучшими, въ подметки не годятся ни Невскому, ни Морской, въ родѣ Литейной. 24-го выѣхали въ деревню. Дорогой (мы ѣхали на перекладной) я мучился, трясло ужасно да при томъ недѣля было спать (а ты знаешь, какой я любитель сна), вздремнулъ полчаса и потерялъ съ головы лицейскую фуражку, также разную мелочь, которая была у меня въ узелѣ. Всѣ старанія отыскать ихъ были напрасны, и вещи погибли безвозвратно.

Тотчасъ по приѣздѣ въ Ирицы Вороньскіе (село) разнеслась молва, что приѣхалъ молодой баринъ (Митьковъ¹⁾), а съ нимъ кто то чужой (И.). Личность моя, кажется, очень заняла всѣхъ, такъ что на другой день узнали, какъ меня зовутъ, хотя я еще покоился сладкимъ сномъ. Встаю я въ 11 часовъ. Сначала это всѣхъ очень удивляло, но мало-по-малу они свыклись съ моимъ образомъ жизни. Тотчасъ же ѣду верхомъ. Такъ проходитъ утро, обыкновенно очень скоро. Но вотъ настаетъ длинный вечеръ, продолжающійся у меня до второго и третьяго часа ночи. Такъ привыкъ поздно ложиться, что, несмотря на движеніе, никакъ не могу заснуть раньше. Вечеромъ обыкновенно гуляю по нѣсколькимъ часамъ; здѣсь есть великолѣпная мѣста; курю, читаю. Повидимому провожу время очень весело, но на самомъ дѣлѣ выхожу совершенно противное. Для тѣла, какъ ты видишь, много удовольствій, но для души никакихъ; остается одинъ Митьковъ,—прескучная забава. Представь себѣ, здѣсь ни одной живой души! Крестьянъ, которые слишкомъ необразованы и грубы, я не считаю за таковыхъ. Нѣтъ человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить дружески, которому можно бы налить всю свою душу, для меня же, съ моимъ характеромъ это необходимо. Дома я имѣлъ брата; въ лицѣ—товарищей отъ которыхъ ничего не скрывалъ; здѣсь же, еще разъ повторяю, никого нѣтъ.

¹⁾ Мих. Платоновичъ Митьковъ окончилъ лицей въ 1853 г. и потомъ служилъ въ государственномъ совѣтѣ. Умеръ въ 1889 дѣятельнымъ членомъ петербургской думы.

„Познакомлю тебя короче съ молодымъ Митьковымъ. Онъ препорядочный человѣкъ; съ нимъ можно быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но только до тѣхъ поръ, пока не будешь искать въ немъ того, чего онъ не въ состояннй выполнить. Я увѣренъ, что онъ къ нашему семейству питаетъ столько расположенія, сколько можетъ выѣстить его холодная, эгоистическая натура. Для насъ онъ готовъ сдѣлать все, но не ищи въ немъ этого теплаго участія, этого дружескаго пожатія руки, этого горячаго чувства, которыя необходимы для меня.

„Еще позабылъ сообщить тебѣ одно очень для меня важное неудобство. Отъ природы брезгливаго характера, я всегда питалъ отвращеніе ко всякаго рода насѣкомымъ, въ особенности къ прусакамъ и тараканамъ, а въ деревнѣ все наполнено этой дрянью. Зато я не упускаю случая и истребляю ихъ огнемъ, ногами и папиросами; табачный дымъ страшно ядовитъ для нихъ.

„Что подблываютъ товарищи наши? Гдѣ то они, вспоминаютъ ли о насъ? Вѣрно, большая часть никогда. Что С., несмотря на свое обѣщаніе написать мнѣ? ¹⁾ Не получилъ отъ него ни одного письма. Я также, какъ и ты, помѣшанъ на товариществѣ. Если будешь писать Гревеницу, ²⁾ кланяйся очень отъ меня, поблагодари за письмо, которое онъ писалъ мнѣ, и скажи, что я бы съ удовольствіемъ писалъ ему, но не знаю, куда адресовать. Что дѣлаетъ Николаевъ? ³⁾ Преподобная душа, прекрасный человѣкъ, но, къ несчастью, холоднаго темперамента, кланяйся ему. Ведемъ, кому будешь писать, или кого увидишь, поклонись очень отъ меня.

„Прощай, любезный Ш., желаю тебѣ быть здоровымъ, не скучать и вообще всего лучшаго. Не забывай того, который тебѣ душевно преданъ и который, еслибы въ чемъ нибудь серьезномъ понадобился его помощь, одинъ изъ первыхъ будетъ готовъ всегда подать тебѣ руку.

А. Серно-Соловьевичъ.

„Если будешь писать, что доставить мнѣ большое удовольствіе, то ищи не въ деревню, а въ Москву, на Мясницкую улицу, въ Малютинъ переулокъ, противъ католической церкви, въ д. Митькова“.

Второе письмо—записка, посланная съ оказіей сидѣвшему подъ арестомъ другу Ш.

2.

1856 г. 10 марта, суббота. 7 ч. у.

„Вчера еще хотѣлъ написать тебѣ, дорогой Иванъ Ивановичъ, но боялся предательства, боялся, чтобы З—ъ, которому я не очень доверяю, не передалъ бы письма моего въ другія руки, здѣсь подлець на подлець, подлецомъ по-

¹⁾ А. А. С., окончившій лицей въ 1857 г., одновременно съ Александромъ Серно-Соловьевичемъ, занимаетъ теперь видное служебное положеніе.

²⁾ Варонъ Александръ Александровичъ Гревеницъ окончилъ лицей одновременно съ А. Серно-Соловьевичемъ, служилъ въ канцелярн статсъ-секретаря по принятію прошеній, дв. А. Ф. Голицина, потомъ былъ директоромъ Воспитательнаго дома и умеръ въ 1901 г.

³⁾ Василій Павловичъ Николаевъ, окончившій лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, потомъ служилъ въ департаментѣ удѣловъ, умеръ въ 1898 г.

гоняешь, не на кого рѣшительно положиться (исключение составляет разве одинъ Николаевъ). Успокойся, пожалуйста, начальство не очень сердито на тебя и, вѣроятно, наказаніе твое окончится скоро, воскресеній болѣе двухъ не просидишь, потому что мы говоримъ на 4-й. Старшій классъ нѣсколько не въ претензіи, напротивъ, всѣ очень жалѣютъ тебя; о нашихъ не буду и говорить много; всѣ, всѣ плачутъ по тебѣ и придумываютъ средства, чтобы хоть нѣсколько облегчить участь твою, но самъ знаешь, что можемъ мы, воспитанники, сдѣлать у начальства, окруженные со всѣхъ сторонъ подлецами и шпионами. О себѣ скажу, что арестъ твой привелъ меня въ отчаяніе, наведъ скуку и хандру. Дай Богъ, чтобы ты скорѣй возвратился къ тѣмъ, которые всѣ любятъ тебя и которыхъ одушевляешь ты присутствіемъ своимъ. День вчера былъ удивительно скученъ, хотя погода прекрасная, не весело встрѣчаешь ты первый весенній день. Лекціи всѣ были. Съ Вужо ¹⁾ страшно холодно и никто почти не слушалъ его, Паукеръ ²⁾ — дежурный, кажется очень хорошей человѣкъ. Посылаю тебѣ часы мои, чтобы хоть мысленно могъ ты перенестись къ намъ и знать, что мы дѣлаемъ. Книги у тебя есть. Если же нужно другихъ или вообще что нибудь понадобится, то точнѣе дай мнѣ знать. Если Свѣшневъ ³⁾ вздумаетъ зайти къ тебѣ, что весьма вѣроятно, то зови sur vos gardis, ты знакомишь съ этой скотиной, онъ будетъ выпытывать многое. Тероплюсь готовить репетицію статистики, которая огромна. Прощай, не скучай и молись Богу.

„На всегда преданный и много любящій тебя

А. С. Соловьевичъ.

„Всѣ, всѣ очень и очень кланяются тебѣ“.

Вступивъ въ послѣдній классъ, Серно-Соловьевичъ отправился вмѣстѣ съ матерью, братомъ Николаемъ и родными за границу. Какъ только они обосновались въ Шлангенбадѣ, онъ пишетъ своему другу пространное письмо, проливающее свѣтъ опять таки на нѣжную душу.

3.

1856 г. 17/29 іюня. Шлангенбадъ.

Вторникъ. 8 ч. вечера.

„Прости меня, дорогой Ш., за то, что не написалъ тебѣ до сихъ поръ ни слова. Боюсь, чтобы ты не подумалъ, что я забылъ за границей товарищей своихъ. Нѣтъ, ничто въ мірѣ не замѣнитъ мнѣ пріятельскаго кружка; къ вамъ, друзья мои, стремятся мои мысли, съ вами, и въ особенности съ тобой, привыкъ дѣлить я всѣ радости и горести; теперь, находясь въ разлукѣ, еще болѣе привязанъ къ вамъ и съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда снова буду посреди тѣхъ, которыхъ люблю болѣе всего на свѣтѣ. Что Германія, Парижъ и т. д. „когда нѣтъ друга... кому бы могъ пожать отъ сердца руку и пожелать счастливыхъ много дней“. Эти строки незабвеннаго Пушкина можешь принять на свой счетъ. Въ пять неразлучно проведенныхъ лѣтъ я вполнѣ узналъ и оцѣнилъ *твое сердце, умъ и высокій образъ мыслей*. Но отчего же быть можешь, спросишь ты, цѣлый мѣсяцъ о тебѣ ни слуху, ни духу?“

¹⁾ А. Б. Вужо, преподаватель французскаго языка и литературы.

²⁾ Л. Е. Паукеръ, воспитатель и репетиторъ.

³⁾ Я. Т. Свѣшневъ, воспитатель.

„Отвѣчу на это, что, оставя тебя въ сомнѣніи, какого рода жизнь избрать на предстоящее лѣто, я рѣшительно не зналъ, куда адресовать письма мои—вотъ, что удерживало меня писать и, повѣрь, это была единственная причина. Но живо вообразивъ печальное положеніе твое и скуку, не имѣя близъ себя человека, который бы раздѣлялъ тоску твою, я рѣшился, наконецъ, писать въ лицей. Если письмо мое и не скоро дойдетъ до тебя, то, всетаки, когда набудь, прочти его, ты узнаешь, что есть сердце вполнѣ тебѣ преданное.“

„Начну теперь повѣствованіе о путешествіи нашемъ, но обо всемъ слышавшемъ со мной скажу кратко, въ нѣсколькихъ словахъ, оставляя подробное описаніе до личнаго свиданія, которое, увы, будетъ еще не скоро.“

„Грустно было уѣзжать изъ Петербурга, не простившись со многими товарищами, обѣщавшими пріѣхать проводить меня. Впрочемъ, я ни сколько не въ претензіи, нельзя требовать къ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя самъ питаешь. Только Висковатовъ ¹⁾ и Ж. ²⁾ пріѣхали на пароходъ и добрый Волдукъ ³⁾ провожалъ меня до Кронштадта. Въ первые дни мореплаванія погода благопріятствовала намъ, болѣныхъ было очень мало, все, казалось, шло, какъ нельзя лучше. Но вотъ наступила роковая ночь съ 11 на 12 іюня, которая долго не изгладится изъ моей памяти. Ровно въ 12 часовъ началась жестокая буря, продолжавшаяся до 3 хъ слѣдующаго дня, т. е. до прибытія въ Свиномыдскую гавань. Не буду описывать теперь всѣхъ подробностей, скажу только, что жизнь наша висѣла на волоскѣ, мы только молились Богу, и прощались уже со всѣми малыми сердцамъ нашимъ. Изъ всѣхъ пассажировъ, которыхъ, кстати сказать, было очень много, только я и одинъ русскій помѣщикъ были здоровы. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ морской бури, всего отчаянія погибавшихъ и почти не оставлялъ палубы. Какъ жалки казались мнѣ тогда боитоны петербургскаго общества, зараженные аристократизмомъ, этою подгарою нравственнаго міра... Можетъ быть, ты не повѣришь мнѣ, подумаешь, что изъ мухи дѣлаю слона, но спроси у Кожуховскаго, ⁴⁾ который ѣхалъ на одномъ пароходѣ съ нами (онъ, вѣроятно, возвратится раньше меня въ лицей). Такъ промучившись около 15 часовъ, доплыли мы, наконецъ, до Штетина.“

„Вообрази всеобщій восторгъ и радости! Отдохнувъ немного, отправились на другой день по жел. дорогѣ въ Берлинъ, куда пріѣхали въ среду въ 4 часа пополудни. Что сказать о столицѣ Пруссіи... Полторы недѣли, проведенныя здѣсь, были посвящены обзорѣнн города и его окрестностей. Всѣ достопримѣчательности, какъ-то: дворцы, галерея, университетъ, сады, конечно Потсдамъ, Санъ-Суси и т. д. были осмотрѣны; многое хорошо, но почти ничего не бросается въ глаза. Кто видѣлъ Петербургъ, того удивитъ, развѣ, Парижъ или Лондонъ. Въ Берлинѣ дожидались мы дѣда и тетку, которымъ наши доктора совѣтовали ѣхать въ Теплицъ, но здѣшніе аскулапы (Schönlein, Romberg и Haack) отвергли ихъ мнѣніе и послали мать въ Шлангенбадъ, а тетку въ Висбаденъ, и такъ мы другъ отъ друга находимся въ разстояніи двухъ

¹⁾ Константинъ Александровичъ Висковатовъ окончилъ лицей въ 1857 г. и потомъ служилъ въ канцеляріи государ. совѣта, умеръ въ 1906 г.

²⁾ В. В. Ж., тождъ выпуска 1857 г., потомъ секретарь посольства въ Константинополь.

³⁾ Прозвище Ж.

⁴⁾ Антошъ Антоновичъ Кожуховскій почилиъ (лицей двумя годами позже А. Серно—Соловьевича.

часовъ тьды. Можетъ быть, ты подумаешь, что я не совсемъ доволенъ подобнымъ распоряженіемъ; напротивъ, дѣдъ мой здѣсь совершенно другой человѣкъ, добръ, любезенъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятный спутникъ; наконецъ, это дастъ болѣе свободы брату и мнѣ совершать различныя прогулки по берегамъ Рейна, потому что мать по слабости здоровья не въ состояніи много ходить.

Итакъ, въ настоящую минуту мы находимся въ Шлангенбадѣ, въ герцогствѣ Нассаускомъ, богатомъ всеми минеральными водами. Мѣстоположеніе удивительное, окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами, Taunus Gebirge;—мѣстечко это представляетъ изъ себя родъ ущелья, воздухъ удивительный, но при всемъ томъ мнѣ невыносимая хандра и еслибъ не книги, которыми запаслись мы въ Берлинѣ, я не зналъ бы, что дѣлать. Народу очень много, русскихъ и французовъ бездна, но я не люблю подобнаго общества и теперь на практикѣ доказываю то, что развивалъ въ теоріи. Здѣсь пробудемъ мы четыре недѣли или двѣ, а двѣ въ Швальбахѣ, однимъ словомъ, еще мѣсяцъ въ наассаускихъ владѣніяхъ; отсюда опять на двѣ недѣли въ Остенде, потомъ на три въ Парижъ и, наконецъ, черезъ Швейцарію, Ломбардію и Австрію назадъ въ родимый Питеръ.

Впрочемъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Едва не забылъ сказать, что нѣсколько разъ ѣздилъ въ Франкфуртъ, былъ у Глинки¹⁾, отвезъ письмо отъ сына.

Вотъ въ короткихъ словахъ жизнь моя за границей.

Теперь предложу тебѣ нѣсколько вопросовъ, которые ты, вѣроятно, не оставишь безъ отвѣта. Какъ здоровъ, гдѣ живешь, что дѣлаешь, что дѣлаютъ другіе товарищи, лицей и вообще Петербургъ? Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе и побольше. Адресъ мой: Duché de Nassau, Schlangebad, poste restante; ежели насъ уже здѣсь не будетъ, то на почтѣ будутъ сдѣланы приличныя распоряженія. Мать и братъ очень тебѣ кланяются, а я крѣпко жму руку.

Навсегда твой

А. Серно-Соловьевъ.

„Поклонись отъ меня Сабанскому²⁾ и скажи, что здѣсь много соотечественниковъ его, предубежденныхъ и премилыхъ людей. Поцѣлуй Васку³⁾ и вообще очень кланяйся всѣмъ тѣмъ, которые спросятъ обо мнѣ. Прощай еще разъ и не забывай меня. Прости за нескладное письмо, но головная боль жаръ и мухи мѣшаютъ послѣдовательности мыслей моихъ.

Любопытно, что жившій въ одно время съ Серно-Соловьевичами въ Шлангенбадѣ Щербачевъ, замѣчаетъ, что своимъ умомъ и образованіемъ братья умѣли внести оживленіе въ тихую и однообразную жизнь курорта⁴⁾.

Въ то же лѣто г. Ш. получилъ еще три письма отъ странствовавшего друга.

¹⁾ Отецъ Николая Дмитриевича Глинки, окончившаго лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, посланикъ въ Бразилію, потомъ въ Португалію.

²⁾ Михаилъ Федоровичъ Сабанскій, кончилъ лицей въ 1857 г. и скоро вышелъ въ отставку.

³⁾ В. Н. Николаевъ.

⁴⁾ „Идеалы моей жизни“, М. 1895 г. 187—188 стр.

4.

1856 г. Шлангенбадъ. 4/16 августа. Суббота.

Рѣшительно не знаю, чему приписать такое долгое молчаніе съ твоей стороны. Неужели письмо мое не дошло еще? или же забылъ ты совершенно о существованіи преданнаго тебѣ друга? Такъ или иначе, но вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ мы разстались, и я не знаю, живъ ли ты и что подѣлываешь. Жизнь твоя конечно не весела, но и моя не такъ красна, какъ, вѣроятно думаютъ всѣ тѣ, которые хоть изрѣдка вспоминаютъ обо мнѣ. Несносная грусть тѣснить мое сердце, многіе посмѣются надъ ней, но ты, я знаю, вполне поймешь меня.

Несмотря на молодость мою, я не жажду наслажденій и нахожу удовольствіе въ томъ, въ чемъ другіе не находятъ. Для меня нужны люди, которымъ бы могъ налить душу свою, я ищу дружескаго слова и крѣпкаго пожатія руки. Черезъ три недѣли кончатся каникулы, и вы снова соберетесь въ лицей; счастливыцы—вы будете вмѣстѣ, а я далеко отъ васъ—одинъ. Часто, со многими говорилъ я о нашей братской жизни, но въ продолжительность ея никто не вѣритъ. „Юношеская мечта“—сказалъ мнѣ одинъ человѣкъ. „Подождите еще годъ, свѣтъ раздѣлитъ васъ, а съ этимъ разнесутся и иллюзіи“. Неужели общество дѣлаетъ человѣка такимъ холоднымъ эгоистомъ, да и есть ли это непреложный законъ, которому должны подчиниться всѣ? Нѣтъ, я еще вѣрю въ дружбу, вѣрю, что не всѣ изъ насъ, но нѣкоторые сохранить и послѣ выхода лицейское единство.

Но довольно объ этомъ, не буду болѣе распространяться о моей привязанности къ вамъ—словами подобныхъ чувствъ не выразить.

Въ четвергъ, если не послѣдуетъ contre—ordre, покидаемъ мы, наконецъ, Шлангенбадъ и отправляемся въ Остенде, куда и попрошу тебя адресовать письма (poste—restante). Пожалуйста, пиши все, что дѣлаешь, каждое малѣйшее обстоятельство твоей жизни много интересуетъ меня. На этихъ дняхъ совершили мы съ братомъ¹⁾ маленькое путешествіе по берегамъ Рейна (отъ Майнца до Кельна). Въ Ахенѣ я встрѣтился съ Дурасовымъ—лицейстомъ;²⁾ не могу сказать тебѣ, какъ порадовалъ онъ меня извѣстіемъ о выходѣ Гескетъ³⁾ изъ лицей.

Прости, дорогой NN, за бездѣятность письма моего; охота писать тебѣ велика, но въ материалахъ рѣшительный недостатокъ. Жизнь и занятія наши въ Шлангенбадѣ почти не выходятъ изъ опредѣленной рамы, вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня ночью и ночи днемъ. До свиданія, передай мой поклонъ Сабанскому и всѣмъ товарищамъ. Прошу объ одномъ, не забывайте меня и въ своихъ лицейскихъ бесѣдахъ вспоминайте о другѣ вашемъ, не такъ часто, какъ я, потому что это невозможно, а хоть изрѣдка.

Душевно твой

А. Серно Соловьевъ.

¹⁾ Николаевъ.

²⁾ XVII курса.

³⁾ Эсаулъ Д. Т. Гескетъ былъ однимъ изъ приволампированныхъ къ лицей офицеровъ, ненавистныхъ юношамъ своею казарменною муштровкою.

«Вчера послал барону ¹⁾ просьбу о продолжении отпуска (повѣрь, это не мое собственное желаніе), потрудись узнать о послѣдствіяхъ и увѣдомить меня».

5.

1856 г. Остенде. 28 авг. (9 сент.) 11 ч. веч.

«Въ четвергъ 9 августа покинули мы, наконецъ, ненавистную Германію и благополучно добрались до Остенде, гдѣ находимся въ настоящую минуту. Путешествіе отъ Шлагенбада до Остенде, сначала Рейномъ до Кельна, а потомъ по желѣзной дорогѣ черезъ всю Бельгію, было весьма незамѣчательно. Одно только скажу, что на пароходѣ познакомился я съ Ломоносовымъ, лиценетомъ перваго курса, нынѣ посланникомъ въ Гагъ ²⁾. Съ трепетомъ въ душѣ подошелъ къ нему, надѣясь поговорить съ нимъ о Пушкинѣ, о дорогомъ нашемъ лицѣ, но не нашелъ я въ немъ того, чего искалъ. Забылъ онъ уже товарищей своихъ, а о Пушкинѣ я не могъ ничего сказать. Просилъ онъ меня, однако, смотреть за племянникомъ, Алексѣемъ Ломоносовымъ, поступившимъ въ лицей.

«Остенде съ перваго раза произвело на меня пріятное впечатлѣніе. И дѣйствительно недѣля не восхищаться, сидя на берегу моря. Въ каждое время дня взору твоему представляются новыя картины: приливъ и отливъ, восхождение и заходженіе солнца, вечеромъ фосфорическій блескъ моря; все это такъ хорошо, такъ прекрасно. Народъ самый представляетъ такой удивительный контрастъ съ нѣмцами: живые, веселые бельгійцы (хотя до высшей степени дерзновенные) только и думаютъ о наслажденіяхъ. Театры, балы, вечера, постоянная музыка, однимъ словомъ, все возможныя удовольствія. Не думай, однако же, чтобы я слишкомъ предавался имъ и проводилъ время очень весело. Правда, что я не скучаю уже такъ, какъ въ Шлагенбадѣ, но мысль, что далеко отъ васъ, постоянно со мной. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ здѣсь, былъ тотъ, въ который я получилъ письмо твое. Описать радостное впечатлѣніе, произведенное на меня—это повторять то, что уже было высказано въ предыдущихъ письмахъ. Благодарю, отъ всего сердца благодарю тебя за него и въ особенности за нѣсколько строчекъ, глубоко запавшихъ мнѣ въ душу. Вмѣстѣ съ раздражительнымъ, подчасъ несноснымъ характеромъ получилъ и отъ природы и теплое сердце, которымъ постараюсь, сколько силъ будетъ, отплатить за привязанность ко мнѣ.

«Письмо мое застанетъ васъ уже собравшимися въ лицей. Пожалуйста, передай мой дружескій поклонъ всемъ товарищамъ и проси не забывать меня. Сабанскаго очень благодарю за расположеніе ко мнѣ; увѣрь его, что всегда желаю и желаю ему всего лучшаго. Надѣюсь, что смѣна наша останется почти въ томъ же составѣ и вы не исключите меня изъ нея. Надѣюсь, что ты будешь столь добръ и познакомишь брата моего съ лицейскими правилами и обычаями ³⁾. Ты самъ знаешь, какъ важны первые дни лицейской жизни, и потому прошу тебя не оставь его въ это трудное время. Береги свое здоровье и дѣлись серьезнѣе. Мать и братъ очень, очень кланяются, а я отъ

¹⁾ Баронъ Штейнгель—инспекторъ Лицея, очень любимый воспитанниками.

²⁾ Полномочный министръ при Нидерландскомъ дворѣ.

³⁾ Рѣчь идетъ о братѣ Константиинѣ.

всей души жму руку и мою Создателя, чтобы онъ сохранилъ тебя. До свиданія.

Навсегда твой другъ А. Серно-Соловьевичъ.

«Мой нижайшій поклонъ Лядну ¹⁾, всемъ воспитателямъ и въ особенности Строккву ²⁾. Пишите мнѣ въ Парижъ (poste restante). А. А. ³⁾ мое глубочайшее почтеніе, скажи ему, что видѣлъ отца его и сестеръ въ Соленѣ.

6.

1856 г. 19 (1 октября). Берлинъ. Среда.

(Не показывай никому моего письма).

«Всеобщее желаніе возвратиться скорѣй въ Петербургъ перемѣнило совершенно планъ дальнѣйшаго путешествія, и мы уже на возвратномъ пути. Черезъ недѣлю, много десять дней, я опять въ лицей, посреди васъ. Мы съ братомъ воспользовались долгимъ пребываніемъ нашихъ въ Остенде и успѣли побывать въ столицѣ міра. Парижъ восхитителенъ, въ томъ спорѣ нѣтъ; великолѣпнѣе и веселѣе города я не знаю, волшебнаго, однако, и чего то упоминательнаго, по выраженію всѣхъ почти русскихъ, не нашли мы въ немъ. Но близокъ, близокъ часъ свиданія и тогда на досугъ поговоримъ обо всемъ. Я расскажу все, что дѣлалъ въ четыре мѣсяца, ты, съ своей стороны, отплатишь мнѣ тѣмъ же.

«Оставивъ Остенде (въ которомъ, между нами, оставилъ и сердце свое) пустились мы въ обратное путешествіе, скучное и хандривое до невѣроятія. Въ каждомъ большомъ городѣ останавливаемся, слѣдовательно, возни съ вещами; дѣдъ мой еще несноснѣе, чѣмъ дома; мать, на которую желѣзная дорога имѣетъ весьма неблагоприятное дѣйствіе, раздражая нервы, также безпокойна. Съ одной стороны желаніе поскорѣе увидѣться съ вами, въ особенности съ тобой, въ совѣтахъ котораго нуждаюсь теперь болѣе, чѣмъ когда выбуду; съ другой—тоска по той, которую оставилъ въ Остенде; постоянныя семейныя сцены, которыя хотя и бывали во время вояжа, но рѣдко доходили до такой степени, какъ теперь,—все это такъ отвратительно, что не знаю, какъ выразить тебѣ грусть мою. Единственное утѣшеніе—это написать тебѣ, въ расположеніи котораго убѣжденъ теперь, и ты, конечно, примешь участіе въ печальномъ положеніи моемъ.

«Вообще, любезный Ш., буду просить тебя быть теперь со мною дружнѣе и откровеннѣе по возвращеніи въ лицей и, говоря правду-матку въ глаза, сдѣлать характеръ мой болѣе пріятнымъ для товарищей. Какъ намѣрены вы встрѣтить 19 октября ⁴⁾. Кланяйся всемъ товарищамъ и брату моему, который, кажется, очень доволенъ настоящимъ положеніемъ своимъ.

«Итакъ, до свиданія, обнимаю тебя и остаюсь душевнымъ твоимъ другомъ

А. Серно-Соловьевичъ.

¹⁾ С. В. Лядвъ, воспитатель и репетиторъ въ лицѣ.

²⁾ Алексѣй Николаевичъ Строкквъ, магистръ, преподаватель закона Божія, психологъ и логикъ. Онъ очень былъ расположенъ къ А. Серно-Соловьевичу.

³⁾ С.

⁴⁾ Лицейскій праздничекъ.

„Нюнька очень тебѣ кланяется.
„Не забывай меня“.

Слѣдующее письмо отправлено уже изъ Мариенбада, когда Серно-Соловьевичу было девятнадцать лѣтъ.

7.

1857 г. Мариенбадъ. 8 (20 июля). Понедѣльникъ.

„Большіе часы Мариенбада только что пробили полночь. Вокругъ меня все тихо и спокойно. Обитатели здѣшняго мѣстечка, которыхъ день начинается въ 7 часовъ утра, давно уже въ объятіяхъ Морфея. Одинъ я (а, можетъ быть, есть и другой несчастный, котораго судьба забросила въ это захолустье, такъ далеко отъ всего, что дорого и мило сердцу) бодрствую. Любитель ночныхъ бесѣдъ, не могу не выбрать времени этого, чтобы не побесѣдовать съ вами, любезные друзья, Звѣревъ ¹⁾, Николаевъ и Ш. Можетъ быть, сидите вы теперь за длиннымъ столомъ въ музыкальной, пьете пиво отъ Пискунова, вспоминаете о товарищахъ, а съ ними и о далекомъ другѣ, далеко отъ разстоянію, но душой всегда, какъ и въ настоящую минуту, близкомъ и тѣсно неразлучно соединенномъ съ вами.

„Скоро мѣсяць, какъ я расстался съ вами. Съ каждой минутой пространство между нами становилось все больше и больше, и сироту: неужели съ нимъ исчезла и память обо мнѣ? Невольно долженъ сдѣлать вопросъ этотъ, потому что, къ несчастью моему, не получалъ до сихъ поръ отъ васъ ни строчки. Что за причина? Долго ломалъ голову, придумывалъ все возможное и, наконецъ, пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, уѣхали вы изъ Петербурга; другой причины не могъ прибрать; или можетъ быть ожидали вы отъ меня перваго письма, чтобы испытать, не забылъ ли я васъ? Пренная повадка доказала вамъ противное, а нынѣшняя еще болѣе убѣдила меня, что гдѣ бы я ни былъ, никогда не буду совершенно веселъ и доволенъ въ разлукѣ съ вами. Всякое удовольствіе хотѣлось бы раздѣлить съ тѣми, которыхъ люблю всей душой, которыхъ судьба тѣсно связала со мной. Тѣсный кружокъ нашъ необходимъ для общаго счастья; горе тому, кто первый отстанетъ отъ него.

„Послѣ двухнедѣльнаго странствованія дотопились мы, наконецъ, до Мариенбада, первой цѣли нашего вояжа. Семь дней ѣхали мы до Варшавы, и въ эту недѣлю вполнѣ узналъ я всю пріятность путешествія по Россіи. Бѣда съ женщинами въ собственномъ экипажѣ, гдѣ каждую минуту трепеталъ я за цѣлость кареты! Дѣйствительно, три раза были мы жертвою кулацковъ, которые, какъ хищные звѣри, ожидаютъ прѣзда на станцію и немилосердно грабятъ провѣжающихъ. Жара, блохи, мои вѣчные враги, возня съ жидами и съ поляками въ особенности, все это въ этотъ разъ соединено было, чтобы отвратить меня отъ подобнаго путешествія. Разъ даже ночевали мы въ жиловской корчмѣ, и 18 е іюня останется надолго памятнымъ для меня днемъ.

„Невозможно описать всѣхъ мелкихъ непріятностей, которыя испытывали

¹⁾ Модестъ Ивановичъ Звѣревъ, кончилъ курсъ лицей въ 1857 г. и служилъ въ министерствѣ юстиціи.

мы, потому вы легко поймете, съ какимъ возрастающимъ нетерпѣніемъ приближались мы къ Варшавѣ. Дѣйствительность, однако, не оправдала нашихъ ожиданій. По случаю огромнаго стеченія публики всѣ Hôtel и были заняты, и мы нашли грязную комнату въ четвертомъ этажѣ. Совершенное незнаніе польскаго языка дѣлало еще болѣе невозможнымъ долгое пребываніе въ Польшѣ, такъ что, несмотря на усталость и желаніе отдохнуть, отправились мы на другой же день вечеромъ въ Вѣну. Все это живо напоминало мнѣ прошлогоднюю поѣздку на пароходѣ, которая имѣетъ, всетаки, преимущества; право, лучше 18 часовъ бури, нежели семь дней всевозможныхъ лишей.

„О столицѣ Австріи не могу ничего рассказывать вамъ, любезные друзья, потому что день, проведенный въ ней, былъ посвященъ хожденію по магазинамъ, которыми, впрочемъ, дамы мои остались очень довольны. (Иностранцамъ рекомендую Hôtel zum goldenen Lamm, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ женскомъ по красотѣ лянъ). Вообразите себѣ удивленіе мое, когда у банкира встрѣтилъ я Стефана ¹⁾ съ отцомъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ, согласились мы посмотреть вмѣстѣ Италію, куда отправлялись они послѣ десятидневнаго пребыванія въ Вѣнѣ. Но съ тѣхъ поръ многія изъ обстоятельствъ перемѣнились, и я послалъ письмо къ нему въ Миланъ, въ которомъ извиняюсь, что не могу прѣхать подлѣ предлогомъ будто бы болѣзни маменьки. Вмѣсто того отправляюсь въ Мюнхенъ Митковомъ, котораго нашелъ здѣсь, сначала въ Дрезденѣ, потомъ, вѣроятно, въ Мюнхенѣ, отуда въ Шафгаузенъ, Цюрихъ, Люцернъ, Базель, вообще посмотреть на Швейцарію, а ежели будетъ время, то заглянуть и на югъ Франціи. Я получилъ отъ нашихъ отпускъ на 16 дней, по истеченіи которыхъ долженъ вернуться назадъ въ Мариенбадъ и вмѣстѣ уже ѣхать въ Ахенъ, гдѣ, пробывъ недѣлю, возвращусь назадъ къ вамъ.

„Съ нетерпѣніемъ ожидаю путешествія этого, отчасти потому, что оно очень интересно, частью же оттого, что вздохну свободно послѣ столь долгой кабалы. Теперь болѣе чѣмъ когда либо понимаю всю прелесть свободы и во что бы то ни стало достигну желанной цѣли, живя съ товарищами послѣ выпуска, ежели только позволятъ финансы мои.

„До сихъ поръ отзывы мои о заграничѣ были только съ невыгодной стороны, но, судя строго и справедливо, не могу не отдать полной справедливости устройству жизни, людямъ, однимъ словомъ, всему передъ нашимъ отечествомъ. Еще теперь мы въ Австріи, которая рѣзкими чертами отдѣляется отъ остальной Европы. Какъ помотришь на все это, подивившись нашему застою. Здѣсь все прущее какъ то и потому гораздо счастливѣе, хоть бы, напри- мѣръ, въ настоящую минуту въ Мариенбадѣ, лордъ Dundery съ женой; говорить, одинъ изъ первыхъ богачей Англіи. Онъ ведетъ себя такъ тихо и скромно, ни чѣмъ не отличаясь отъ толпы. Напротивъ того, русскіе, которыхъ здѣсь бездна (въ особенности же дамы), помѣшаны на бонтонахъ, важничаютъ странно, знакомы только съ иностранцами и то съ немногими. Вслѣдствіе этого скучаютъ и носятъ съ собой ту хандру, которая теперь эпидемическая болѣзнь въ нашей сѣверной столицѣ. Изъ русскихъ дамъ здѣсь между прочими мать и сестра лицейста Данзаса ²⁾. Особы эти отвратительны для меня. Mademoiselle

¹⁾ Александръ Густавовичъ Стефанъ окончилъ лицей въ 1856 г. и потомъ служилъ въ военномъ министерствѣ.

²⁾ Борисъ Антоновичъ Данзасъ выпуска 1859 г. служилъ потомъ при посольствѣ въ Берлинѣ.

совершенная собака старость. Безобразовъ ¹⁾, будущій профессоръ лица, возбуждаетъ всеобщій смѣхъ своимъ фатовствомъ. Я, по свойственной дикости характера, рѣшительно ни съ кѣмъ не знакомъ, дни свои провожу въ прогулкахъ по горамъ, наслаждаюсь природой, горы (Egzebirge) похожи на плавенбадскія, но болѣе дики и мрачны. Книгъ здѣсь нѣтъ, кромѣ глупыхъ романовъ; папирсы не доставляютъ мнѣ большого удовольствія, частью потому, что Жернаковъ далъ мнѣ скверный табакъ, частью оттого, что здѣсь такъ сыро.

„Вотъ два дня, какъ у насъ страшная гроза, какой не запомнятъ маріенбадскіе старожилы. Каждый день хожу въ театръ. Недавно пѣли въ немъ пѣвцы, прѣхавшіе изъ Беарніа; я познакомился съ ними, потому что восхищенъ былъ ихъ пѣніемъ. Они пѣли мнѣ *некоторыя* изъ французскихъ пѣсней лицейскаго репертуара, которыя я самъ насвистываю цѣлый день. „*Слава*“ наша пройдетъ со мной по Европѣ: на многихъ столбахъ и бесѣдкахъ напишутъ я любимую пѣсню нашу, и неадѣ буду дѣлать тоже ²⁾. Желаніе учиться нѣмецкому языку осталось только желаніемъ; впрочемъ, не моя вина, что здѣсь нѣтъ учителя. Занятія англійскимъ языкомъ также невозможны, вообще я ужасно облыжня; трудно будетъ въ лицей, особенно по возвращеніи, когда необходимо пріеждѣе взяться за дѣло ³⁾.

„Два листа пишу все о себѣ и не спросилъ еще, что подѣлываете вы, друзья и товарищи, живете ли все еще въ лицей? Катаюсь на лодкѣ, ѣздили ли 24 іюня на Крестовскій? Что твоя диссертація и головныя боли, NN? уѣхалъ ли Мудушка ⁴⁾ изъ Петербурга? А ты, Василій Никитичъ ⁵⁾, мой любезный, вспоминаешь ли обо мнѣ? Отложи ка лѣнь, да напиши подробно о нашемъ житіи. Бываетъ ли у васъ Гриша? ⁶⁾ Я часто и много думаю о немъ, передайте ему мой душевный поклонъ. Имѣеть ли онъ извѣстія объ Ильѣ? ⁷⁾ Не сомнѣваясь въ томъ, что вы напишите мнѣ, попрошу адресовать въ Маріенбадъ, zum goldenen Falken, № 35 да пишите побольше и почаще. Крѣпко жму вамъ руки и остаюсь вашъ другъ и товарищъ.

Лиценствъ А. Серно-Соловьевича.

„Поклонитесь отъ меня товарищамъ, въ особенности Висковатову, Долгово, Ж., Рихтеру ⁸⁾, С., Черкесову и Сабанскому. Послѣдній, вѣрно, въ лицей. Со многими изъ нихъ вы въ перепискѣ; скажите, что я не пишу имъ потому, что вы центръ моей корреспонденціи, и отъ васъ, ежели интересуются, могутъ узнать обо мнѣ. Въ особенности *Тамаръ* ⁹⁾ скажите, что всякій день вспоминаю его и восхищаюсь подвигомъ его. Сабурову и Жадов-

¹⁾ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ.

²⁾ Пѣсня того курса лицейства, къ которому принадлежалъ А. С.-С.

³⁾ Т. е. за подготовку къ выпускнымъ экзаменамъ.

⁴⁾ Прозвище М. Н. Зѣрева.

⁵⁾ Николаевъ.

⁶⁾ Григорій Григорьевичъ Борщевъ, XIX лицейскаго курса, очень близкій къ семьѣ Серно-Соловьевичей; потомъ прасяжанный повѣренный въ Саратовъ.

⁷⁾ Ильа Григорьевичъ Борщевъ родной братъ Григорія, окончилъ лицей въ 1858 г. потомъ безызвѣстный натуралистъ и профессоръ въ кievскомъ университетѣ.

⁸⁾ Андрей Александровичъ Рихтеръ, випуска 1856 г., потомъ мировой посредникъ Калужской губ.

⁹⁾ Прозвище Висковатова.

скому писалъ еще изъ Петербурга и отъ нихъ не имѣю извѣстій. Не знаете ли, гдѣ теперь Гревеницъ? Хотѣлось бы встрѣтить его за границей. Васъ то лично я не благодарить еще за участіе, которое вы оказали мнѣ во время мнимо болѣзни, при отъѣздѣ изъ Петербурга; то, что вы дѣлали, глубоко запечатлѣлось въ памяти моей. Напишите мнѣ, что знаете о другихъ товарищахъ. Бываешь ли въ Парголовѣ, Ш.? не былъ ли недоволенъ букетомъ баронъ, здоровъ ли онъ? Хотѣлъ бы еще продолжить, но уже 3-й часъ, да и бумага пришла къ концу“.

Осенью Александръ Александровичъ вернулся въ Петербургъ. Желая стѣснять себя возможно меньше, братья, Николай и Александръ, въ компаніи съ А. А. Черкесовымъ и Долгово-Сабуровымъ сняли себѣ по окончаніи лица самостоятельную квартиру, довольно хорошо ее обставили, держали повара и еженедѣльно принимали товарищей. Собранія были очень оживленны... Это было время пробужденія русскаго общества послѣ тяжелаго сна при Николаѣ I.. Бесѣды все больше и больше велись на политическія темы и злобы дня. Это, впрочемъ, не мѣшало и карточной игрѣ. Чтобы иллюстрировать тогдашнее настроеніе братьевъ, небезынтересно сообщить слѣдующій фактъ. Какъ то они были на именинахъ въ одномъ знакомомъ домѣ, за городомъ. Былъ нанятъ хоръ конногвардейцевъ. Случайно проѣхалъ мимо дачи Александръ II. Узнавъ, что онъ скоро вернется, Николай Серно-Соловьевичъ очень хлопоталъ, чтобы не пропустить его и во-время сыграть «Боже, царя храни»... Въ этой же квартирѣ была окончательно отредактирована извѣстная записка (см. стр. 173—174 IX книжки за прошлый годъ) Николая къ государю. Александръ Александровичъ настаивалъ на ея подачѣ и только его другъ Ш. былъ противъ этого. Николай подчинился вліянію брата.

Проживъ зиму и весну въ Петербургѣ, Александръ Александровичъ снова въ началѣ лѣта поѣхалъ за границу и оттуда написалъ своему другу одно письмо.

8.

1858 г. августъ.

„Наконецъ-то, и на моей улицѣ праздникъ, долгое ожиданіе вознаграждено: я получилъ ваши письма отъ 27 іюня. Хотя, по совѣти, слѣдовало бы отвѣчать вамъ, но рѣшительно не имѣю времени,—скоро пускаюсь въ обратный путь и занять счетами и т. п. 3/15 сентября, во вторникъ, отправился я на любекскомъ пароходѣ и ежели не утону, то въ пятницу 6-го вечеромъ или въ субботу утромъ надѣюсь быть въ Петербургъ. Какъ порадовало бы меня, еслибъ ктонибудь изъ васъ прѣехалъ встрѣтить. О днѣ и часѣ прихода можно узнать въ почтамтѣ. Еще разъ спасибо вамъ за письма, до свиданія.

Не забывайте

А. Серно-Соловьевича.

„Поблагодари Гришу за его дружеское посланіе; нѣсколько разъ принимался писать ему, набрасывая двѣ-три строчки и не имѣвъ рѣшительно моральныхъ силъ продолжать.

совершенная собачья старость. Безобразовъ ¹⁾, будущій профессоръ лица, возбуждаетъ всеобщій смѣхъ своимъ фатовствомъ. Я, по свойственной дикости характера, рѣшительно ни съ кѣмъ не знакомъ, дни свои провожу въ прогулкахъ по горамъ, наслаждаюсь природой, горы (Erzgebirge) похожи на пилангенбадскія, но болѣе дики и мрачны. Книгъ здѣсь нѣтъ, кромѣ глупыхъ романовъ; папирсы не доставляютъ мнѣ большого удовольствія, частью потому, что Жернаковъ далъ мнѣ скверный табакъ, частью оттого, что здѣсь такъ сыро.

„Вотъ два дня, какъ у насъ страшная гроза, какой не запомнить маріенбадскіе старожилы. Каждый день хожу въ театръ. Недавно пѣли въ немъ пѣвцы, прѣхавшіе изъ Вearnia; я познакомился съ ними, потому что восхищеніе было ихъ пѣніемъ. Они пѣли мнѣ *нѣкоторыя* изъ французскихъ пѣсней лицейскаго репертуара, которыя я самъ насвистываю цѣлый день. „*Слава*“ наша пройдетъ со мной по Европѣ: на многихъ столбахъ и бесѣдкахъ напишутъ я любимую пѣсню нашу, и вездѣ буду дѣлать тоже ²⁾. Желаніе учиться нѣмецкому языку осталось только желаніемъ; впрочемъ, не моя вина, что здѣсь нѣтъ учителя. Занятія англійскимъ языкомъ также невозможны, вообще я ужасно облыжняю; трудно будетъ въ лицей, особенно по возвращеніи, когда необходимо прілежнѣе взяться за дѣло ³⁾.

„Два листа пишу все о себѣ и не спросилъ еще, что подѣлываете вы, друзья и товарищи, живете ли все еще въ лицей? Катаюсь на лодкѣ, ѣздили ли 24 іюня на Крестовскій? Что твоя диссертация и головныя боли, NN? уѣхалъ ли Мудушка ⁴⁾ изъ Петербурга? А ты, Василій Никитичъ ⁵⁾, мой любезный, вспоминаешь ли обо мнѣ? Отложи ка лѣнь, да напиши подробно о нашемъ житьѣ. Бываетъ ли у васъ Гриша? ⁶⁾ Я часто и много думаю о немъ, передайте ему мой душевный поклонъ. Имѣеть ли онъ извѣстія объ Ильѣ? ⁷⁾ Не сомнѣваясь въ томъ, что вы напишите мнѣ, попрошу адресовать въ Маріенбадъ, zum goldenen Falken, № 35 да пишите побольше и почаще. Крѣпко жму вамъ руки и остаюсь вашъ другъ и товарищъ.

Лиценствъ А. Серно-Соловьевичъ.

„Поклонитесь отъ меня товарищамъ, въ особенности Висковатову, Долгово, Ж., Рихтеру ⁸⁾, С., Черкесову и Сабанскому. Последній, вѣрно, въ лицей. Со многими изъ нихъ вы въ перепискѣ; скажите, что я не пишу имъ потому, что вы центръ моей корреспонденціи, и отъ васъ, ежели интересуются, могутъ узнать обо мнѣ. Въ особенности *Тамаръ* ⁹⁾ скажите, что всякій день вспоминаю его и восхищаюсь подвигомъ его. Сабурову и Жадов-

¹⁾ Владимиръ Павловичъ Безобразовъ.

²⁾ Пѣсня того курса лицейства, къ которому принадлежалъ А. С. С.

³⁾ Т. е. за подготовку къ выпускнымъ экзаменамъ.

⁴⁾ Прозвище М. Н. Зѣрева.

⁵⁾ Николаевъ.

⁶⁾ Григорій Григорьевичъ Борщевъ, XIX лицейскаго курса, очень близкій къ семьѣ Серно-Соловьевичей; потомъ прасяжний повѣренный въ Саратовѣ.

⁷⁾ Ильѣ Григорьевичъ Борщевъ родной братъ Григорія, окончилъ лицей въ 1853 г. потомъ небезвѣстный натуралистъ и профессоръ въ кievскомъ университетѣ.

⁸⁾ Андрей Александровичъ Рихтеръ, выпуска 1856 г., потомъ мировой посредникъ Казульской губ.

⁹⁾ Прозвище Висковатова.

скому писалъ еще изъ Петербурга и отъ нихъ не имѣю извѣстій. Не знаете ли, гдѣ теперь Гревеницъ? Хотѣлось бы встрѣтить его за границей. Васъ то лично я не благодарить еще за участіе, которое вы оказали мнѣ во время мнимои болѣзни, при отъѣздѣ изъ Петербурга; то, что вы дѣлали, глубоко запечатлѣлось въ памяти моей. Напишите мнѣ, что знаете о другихъ товарищахъ. Бываешь ли въ Парголовѣ, III? не былъ ли недоволенъ букетомъ баронъ, здоровъ ли онъ? Хотѣлъ бы еще продолжить, но уже 3-й часъ, да и бумага пришла къ концу“.

Осенью Александръ Александровичъ вернулся въ Петербургъ. Желая стѣснять себя возможно меньше, братья, Николай и Александръ, въ компаніи съ А. А. Черкесовымъ и Долгово-Сабуровымъ сняли себѣ по окончаніи лица самостоятельную квартиру, довольно хорошо ее обставили, держали повара и еженедѣльно принимали товарищей. Собранія были очень оживленны... Это было время пробужденія русскаго общества послѣ тяжелаго сна при Николаѣ I... Бесѣды все больше и больше велись на политическія темы и злобы дня. Это, впрочемъ, не мѣшало и карточной игрѣ. Чтобы иллюстрировать тогдашнее настроеніе братьевъ, небезынтересно сообщить слѣдующій фактъ. Какъ то они были на именинахъ въ одномъ знакомомъ домѣ, за городомъ. Былъ нанятъ хоръ конногвардейцевъ. Случайно проѣхалъ мимо дачи Александръ II. Узнавъ, что онъ скоро вернется, Николай Серно-Соловьевичъ очень хлопоталъ, чтобы не пропустить его и во-время сыграть «Боже, царя храни»... Въ этой же квартирѣ была окончательно отредактирована извѣстная записка (см. стр. 173—174 IX книжки за прошлый годъ) Николая къ государю. Александръ Александровичъ настаивалъ на ея подачѣ и только его другъ III. былъ противъ этого. Николай подчинился вліянію брата.

Проживъ зиму и весну въ Петербургѣ, Александръ Александровичъ снова въ началѣ лѣта поѣхалъ за границу и оттуда написалъ своему другу одно письмо.

8.

1858 г. августъ.

„Наконецъ-то, и на моей улицѣ праздникъ, долгое ожиданіе вознаграждено: я получилъ ваши письма отъ 27 іюня. Хотя, по совѣти, слѣдовало бы отвѣчать вамъ, но рѣшительно не имѣю времени,—скоро пускаюсь въ обратный путь и занять счетами и т. п. 3/15 сентября, во вторникъ, отправился я на любекскомъ пароходѣ и ежели не утою, то въ пятницу 6-го вечеромъ или въ субботу утромъ надѣюсь быть въ Петербургѣ. Какъ порадовало бы меня, еслибы кто нибудь изъ васъ прѣхалъ встрѣтить. О днѣ и часѣ прихода можно узнать въ почтамтѣ. Еще разъ спасибо вамъ за письма, до свиданія.

Не забывайте

А. Серно-Соловьевича.

„Поблагодари Гришу за его дружеское посланіе; нѣсколько разъ принимался писать ему, набрасывалъ днѣ-три строчки и не имѣлъ рѣшительно моральныхъ силъ продолжать.

„Не знаю, гдѣ находится Ньюка 1); ежели въ Петербургѣ, сообщи ему о моемъ возвращеніи.

„Крѣпко цѣлую тебя, любезный N N; много придется поговорить намъ и я съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ помышляю объ этомъ времени.

„Пожалуйста, не сердись на меня.

„Превениць всѣмъ очень кланяется“.

Но въ Петербургѣ онъ вернулся ненадолго. Въ концѣ ноября или началъ декабря Серно-Соловьевичъ снова уѣзжаетъ и опять таки съ своими родными за границу, откуда въ теченіе первой половины 1859 г. присылаетъ своему другу девять писемъ, изъ которыхъ ясно уже и будущее юноши и его общественные идеалы.

9.

1859 г. 10—11 января. Берлинъ.

1858 г. 29—30 декабря.

„Первыя замѣрашія, раздравшія душу при прощаніи со всѣмъ дорогимъ и милымъ, прошли, конечно, на время, чтобы снова явиться съ болѣе сильной и ожесточеннѣе; успокоились на минуту, разломанные дорогой, члены моего тѣла, и я впервые могу отдать отчетъ всему тому, что происходило и происходить во мнѣ и кругомъ.

„Прежде всего нѣсколько словъ о путешествіи по Россіи. Оно запечатлѣно глубокими страданіями, каждый суставчикъ вопіетъ громко.

„Въ Лугѣ разстался я съ Митковымъ и, утомленный нѣсколькими бессонными ночами, впечатлѣніями поѣздныхъ дней, забылся и заснулъ. Долго спалъ я непробуднымъ сномъ, ничто не могло воззвать къ жизни, физика брала верхъ. Только ночью, когда колымага наша остановилась, пришелъ я въ себя и глазамъ представилась волнкопѣная картина: кондукторъ грѣетъ руки на спинѣ ящика, ящикъ вымѣщаетъ погон на лошадей; лошади бьютъ копытами землю, не двигаясь съ мѣста; путешественники выльзали изъ экипажа и оглашаютъ воздухъ стонами... Вътеръ воетъ, кругомъ пусто, нигдѣ не видно человѣческаго слѣда. И съ этой самой минуты начались бѣдствія всѣхъ возможныхъ родовъ: дороги отвратительныя, нигдѣ нѣтъ чистой комнаты, нѣтъ свѣжаго куска хлѣба.

We are six. Моимъ собесѣдникомъ, по счастью, случился артиллерійскій полковникъ и бесѣда съ нимъ составляла единственную отраду въ этомъ безвыходномъ положеніи. Твои предчувствія не оправдались. Все располагало къ откровенному слову, и мы, кажется, вполне поняли другъ друга. Затѣмъ архитекторъ, обрусѣлый нѣмецъ, отличавшійся своею нѣжностью къ сестрѣ, маленькому, отвратительному созданію, про которую онъ не иначе выражался, какъ: онъ такъ нѣженъ, такъ деликатенъ, онъ не въ состояніи выдержать зтой вояжъ; французъ-фабрикантъ, потѣшавшій публику площадными восклицаніями, и нѣмецъ—купеческій комиссіонеръ изъ Гамбурга, бѣлокурый юноша страстубадура. Впрочемъ, общество наше, несмотря на всю разнохарактерность, отличалось взаимными услугами и чрезвычайной предупредительностью.

1) Старшій братъ, Николай.

„Отъ Петербурга до Варшавы 1080 верстъ. Пробѣжавъ 638, пересаждали насъ въ сани попарно и повезли на перекладной. Такъ добрались мы до Ковна, гдѣ обѣщанъ былъ дилжансъ на колесахъ. Продержавъ въ этомъ грязномъ городѣ цѣлый день, дѣйствительно дали намъ только не карету, а чортъ знаетъ, что такое, и закихали туда, какъ свиней. Вездѣ щели, отовсюду дуетъ, окно разбито, ни стать, ни сѣсть, ни протянуть ногу, ни сдѣлать малѣйшее движеніе. Послѣ 100 верстъ подобной вѣды, рѣшились мы, наконецъ, съ полковникомъ взять простую телѣгу: болѣе не было возможности терпѣть, уже и такъ поплатился зубомъ, который выдернулъ сегодня.

„И все это могло быть устранено простымъ распоряженіемъ, приказаніемъ заготовить намъ по пути экипажи, а для этого стоило только узнать почтительному начальству почтового управленія, гдѣ кончается зимняя дорога. И мнѣ кажется, что это его прямая обязанность. Но къ чему? Между нами не было ни одного генерала, ни одного сколько нибудь достойнаго уваженія лица. Будьте благодарны и за то, что васъ не кинули посреди дѣл дороги, не бросили на произволъ судьбы, на жертву всѣмъ мерзостямъ. И это уваженіе къ личности, къ праву человѣка!

„Французъ нашъ кричалъ: c'est un vol, но хитрый на выдумки нѣмецъ поддакивалъ и вторилъ ему; архитекторъ не смѣлъ очень громко высказывать своего мнѣнія. Я повторялъ: бѣдная, несчастная Россія!

„Какая то давнищя грусть овладѣвала мной при видѣ этихъ широко раскинутыхъ полей, лѣсовъ и разбросанныхъ кое-гдѣ на далекомъ разстояніи хижинъ, занесенныхъ снѣгомъ. Я пользовался длинными часовыми остановками на станціяхъ и забѣгалъ въ деревни. Какая бѣдность, какая нравственная нищета. Бывалъ ли кто нибудь изъ васъ зимой въ деревнѣ? Я не бывалъ тамъ и лѣтомъ. И воображеніе невольно переносило меня къ *иному міру*, къ *другимъ людямъ*, невольно заглядывалъ я въ себя самого, въ свою собственную душу, въ нашу семью и спрашивалъ: близки ли, знакомы ли намъ вполнѣ подобныя страданія? И какъ то глухо отзывалось внутри.

„Слома голову, не жалѣя ни денегъ, ни боковъ, летѣлъ я въ надеждѣ, если не въ тотъ же вечеръ, то на другое утро непременно уѣхать куда нибудь, только скорѣе прочь. Но иначе вышло на дѣлѣ. Два дня продержали меня въ Варшавѣ, два утра обивалъ я пороги канцелярій, комиссій, таможенъ, аксепцій; 8 бумагъ было написано и переписано изъ-за 5 фунтовъ табаку, изъ-за 5 руб. сер., которые я предлагалъ заплатить при самомъ въѣздѣ въ городъ. И все это оттого, что этимъ людямъ хотѣлось получить денегъ, я даже видѣлъ на заставѣ движеніе руки и подмигиваніе глазъ одного изъ чиновниковъ, но сдѣлалъ видъ, что ничего не примѣчаю. И что за личности, съ которыми пришлось имѣть дѣло! Съ какимъ убійственнымъ хладнокровіемъ, съ какимъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ дѣлаютъ они всѣ эти мелкія придирки, способны вывести изъ себя и возмутить самаго спокойнаго человѣка.

„Презрительной усмѣшкой отвѣчалъ я имъ и только, когда приходилъ домой, чувствовалъ, какъ слабѣлъ. Слезы навертывались на глазахъ, но онѣ не выливались, а только жгли, и разлившаяся желчь подступала къ горлу.

„Нѣтъ, мало посылаемыхъ проклятій, мало изливаемой ненависти, нужно воспитывать ядовитую злобу, летѣть ее, довести до послѣднихъ предѣловъ: пусть будетъ она не вспышками, медленно уничтожающими, а нормальнымъ состояніемъ. Пусть будетъ она девизомъ, вѣчнымъ знаменемъ, съ которымъ

нужно идти на борьбу, потому что невозможно никакое примирение тамъ, гдѣ не хотятъ его знать, гдѣ все окружающее напоминаетъ только о томъ, что ты грязь и ничтожество.

„Во имя всего святого, узами дружбы умоляю васъ, не будьте равнодушны къ общественнымъ интересамъ. Больше энергии, больше жизни; иначе умрешь и сгніешь.

„Я ничего не видѣлъ въ Варшавѣ, да ничего и видѣть не хотѣлъ. Только вечеромъ, когда зажигались огни, выходилъ на улицу и что же: эти самые поляки, за часъ передъ тѣмъ, черезъ часъ послѣ того, готовые броситься въ страстные объятія—съ зажженными свѣчами стоять передъ статуями святыхъ и молиться. Грустный фактъ и вотъ послѣдствія угнетенія: или апатія и равнодушіе или развратъ и мистицизмъ.

„Машина свистнула,—граница, еще разъ—Берлинъ, и я повторяю: „часъ отъ часу нелегче“. Быть можетъ, и вы упрекнете меня въ вѣчномъ недовольствѣ; скажете, что по первымъ впечатлѣніямъ судить нельзя и что сужденія мои незрѣлы, что нужно пожить между людьми, чтобы произнести свой приговоръ, и пожить вообще больше для того, чтобы имѣть право судить. Пусть будетъ такъ и принишите это чему хотите: молодости, идеализму... но здѣсь душа и скверно. Та же тема, только измѣненныя варіація, немного заманчивѣе и лучше. И не забудьте, что эти люди въ своемъ высочайшемъ дошли почти до statu quo, развитіе ихъ едва ли можетъ идти дальше, потому что всякая мысль, выходящая изъ глухо запертаго ихъ круга понятій, дика и непонятна имъ. Наши барскія и господскія удовольствія, пожалуй, еще глуше и пошлѣе, но, согласитесь самъ, что въ кружкѣ пива, въ нѣсколькихъ часахъ безсловеснаго молчанія и безмысленно выпулченныхъ глазъ есть что то страшно уякое и тупое. Вспомните наши споры, вспомните, какъ горячо защищали я чувство собственнаго достоинства трактирной прислуги, и теперь отрекаюсь, отрекаюсь вполне отъ словъ своихъ. Вы, судившіе этихъ людей практически, вы были правы. Не только сапогъ съ нога вашей, но что угодно за золотые. За деньги—все, безъ денегъ—ничего. Дайте деньги и вопреки всякаго желанья, вопреки всякихъ просьбъ, какъ это было со мной, васъ будутъ называть княземъ, графомъ, барономъ. Дайте денегъ, а потомъ приказывайте и дѣлайте все, все, что хотите. Впрочемъ, я дѣйствительно слишкомъ скоръ и по нѣсколькимъ личностямъ заключаю обо всѣхъ.

„Завтра хочу отправиться въ университетъ. Тамъ, безъ сомнѣнія, найду что нибудь отличное, лучшее и болѣе утѣшительное. Можетъ быть, здѣсь придется поселиться, а это для меня въ настоящую минуту одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Четыре мѣсяца займусь нѣмецкимъ языкомъ, накопилъ себѣ уже нѣсколько классическихъ книгъ, а въ Ахенѣ будетъ много свободнаго времени. Тяжело будетъ расстаться со всѣми и страшно трудно отдѣлаться отъ всего роднаго. Одиночество невыносимо, а для меня, можетъ быть болѣе, чѣмъ для кого нибудь. Но вѣдь мы, какъ социалисты, должны смотреть впередъ и повторять: l'avenir est à nous. Впереди видѣется берегъ, берегъ, правда, далекій. Развитие—нужно оно намъ, при поднимающихся вопросахъ, нужно оно для того, чтобы съ большимъ сознаниемъ привести себя въ жертву, ежели того потребуютъ обстоятельства; нужно оно намъ для самолюбія, для того, чтобы быть въ состояніи со временемъ кинуть перчатку людямъ, называющимъ это восторженностью воображенія, и съ большимъ правомъ сказать: смотрите, лѣта насъ не измѣнили, все тѣ же мы, все также горячо любимъ

людей, все также вѣримъ въ ихъ развитіе и мечты, надъ которыми вы смѣялись! Не одинъ идюзай, не одинъ бредъ большой головы!

„Главное—заглянуть строго и безпристрастно въ самого себя, создать цѣль и отъ нея не отступать. И тутъ вы можете помочь—это ваша обязанность и долгъ. Одному заглянуть въ себя страшно, хотя это то и нужно главнымъ образомъ. Первая задача—произнести надъ собою приговоръ. Печальная дѣйствительность лучше заманчивыхъ мечтаній, особенно, когда отъ нея зависитъ многое, ежели не все мое будущее. Будущее... Какъ много въ этомъ словъ, сколько надеждъ, сколько вѣры.

„Но довольно, оставимъ пока все эти большія и малыя цѣли, оставимъ ихъ,—впереди много времени. Мнѣ хочется поговорить еще немного сердцемъ, сладкими воспоминаніями, къ которымъ, вѣроятно, не разъ придется возвращаться. Потолковать о близкомъ прошедшемъ, такъ высоко поднимавшимъ грудь и отъ чего и теперь, когда пишу эти строки, сердце бьется такъ сильно, такъ скоро... А какъ недавно, казалось мнѣ, что эти чувства утрачены уже навсегда, что кровь не можетъ больше броситься въ голову. И думалось мнѣ, что не сильно была натура, которая не только пошатнулась, но и надломилась при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Но тотъ же огонь вспыхиваетъ снова и пробѣгаетъ по жиламъ. И не отдамъ я его ни за что на свѣтѣ. За него все, все лишенія и муки! Для насъ настала эпоха, все мы стоимъ на перекресткѣ и не знаемъ, идти вправо или влѣво. Недугъ нашъ общъ: та же жажда дѣятельности, потребность вылиться въ извѣстную форму. До сихъ поръ мы жили только сердцемъ, и оно выработалось у насъ, струны его при малѣйшемъ прикосновеніи издають звукъ. Теперь пора подумать о другомъ, время серьезнаго труда пришло. Больше работы надъ собой, больше сосредоточенности, больше анализа.

Вотъ вамъ, товарищи, мои желанія на новый годъ.

„Тебѣ Ш., въ моемъ прошедшемъ принадлежитъ одна изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ страничекъ. Тебѣ блаже, чѣмъ кому нибудь, знакомы все мои слабости, все волнованія меня страсти. Кто подавалъ мнѣ всегда руку помощи, кому не чужды и не дико мои сомнѣнія и надежды? Загляни въ нашу лицейскую жизнь, въ прошедшій послѣ выпуска годъ, и въ него то въ особенности. Съ тобой прочность нашихъ отношеній перешла, кажется, границу колебаній. Спасибо, задумевное спасибо и крѣпкое дружеское пожатіе!

„Насъ, Долгово и Черкесовъ, сама судьба сплотила тѣснѣе, вмѣстѣ прошли мы первые шаги въ жизни и вмѣстѣ встрѣтили первый рядъ томительныхъ и удушливыхъ дней, который пронесся надъ нашими головами. Разъѣхавшись, считалъ я домъ вашъ своимъ, вотъ почему разлука съ вами отзывается чувствительнѣе и больнѣе. Мы могли слѣдить другъ за другомъ и послѣ лица и тутъ еще болѣе я оцѣнилъ васъ. Вы оба на отличной дорогѣ, но чувствами останавитесь тѣ же и только больше работайте надъ собой. Сколько вѣжности выказали вы мнѣ и въ это послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ! Спасибо, спасибо и вамъ за все, и тоже крѣпкое, братское пожатіе.

„Съ тобой, Гавриловъ, ¹⁾ мы недавно обнялись. Долго не довърять ты

¹⁾ Михаилъ Ильичъ Гавриловъ окончилъ лицей вмѣстѣ съ Серго-Соловьевичемъ и служилъ въ канцеляріи Ком. Министровъ, а потомъ въ министерствѣ финансовъ; умеръ въ 1901 г.

миѣ, долго сомѣвался—и это испытаніе служить вѣрным залогомъ нашего соединенія. Тебѣ нужно одно: идти непреклонно тѣмъ же путемъ, ты первый изъ насъ сталъ трудиться. Тебѣ честь и слава. Позволь же и тебѣ послать мой горячій поцѣлуй.

„Кто будетъ писать Николаеву, Рихтеру, С. и другимъ изъ нашихъ, не находящихся въ Петербургѣ, всѣмъ передайте мое привѣтствіе.“

„Прощайте, я уѣзжаю въ Ахенъ.“

„Передай, пожалуйста, мой душевный поклонъ и поздравленіе въ особенности Лазаревымъ ¹⁾, Люб. Ив. ²⁾, а черезъ Ньюьку и Алек. Никол. Штапельбергъ, Трубиниковъ ³⁾, Тургеневу ⁴⁾, Вѣрѣ Васильевнѣ ⁵⁾, семейству барона, Гришѣ, Володѣ Миткову. Если увидишь—Петру Васильевичу, Строкину, Неварокому, etc, etc. Когда уѣхалъ Ньюька и какъ ему писать? Въ какомъ положеніи дѣла дома? Гдѣ вы встрѣтили новый годъ?“

„Еще разъ вѣрно цѣлую и тебя. Пиши мнѣ подробно обо всемъ, что интересуетъ меня, а ты это очень хорошо знаешь. Но напередъ всего сдѣлаемъ условіе не считать письмами. Я по своему положенію долженъ писать очень многимъ, потому тебѣ и стыдно и грѣшно будетъ только отвѣчать. Ты знаешь, какъ мнѣ необходимъ разборъ самого себя, и ты долженъ непременно помогать мнѣ въ этомъ.“

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Главное побольше политическихъ новостей.“

10.

1859 г. 10 января. Ахенъ.

N N, я прибѣгаю къ тебѣ съ просьбою, которая, знаю, будетъ стоить огромныхъ хлопотъ, но во что бы то ни стало исполни ее. Мнѣ необходимо 400 р. сер.—Зачѣмъ, не могу теперь сказать—послѣ все унаешь. Дѣло очень важное и не касается меня одного, для многихъ оно должно всегда остаться тайной. Займи у какого нибудь ростовщика, дай ему вексель на свое имя, попроси кого нибудь поручиться. Я даю до 20 июня 600 р. с., т. е. 200%. Въ крайнемъ случаѣ попроси нашихъ (только не всѣхъ) сдѣлать складчину. Конечно, нужно, сколько возможно, держать въ секретѣ.

„Деньги мнѣ необходимы къ 1 марта нашего стила, но, пожалуйста дай скорѣй отвѣтъ, есть ли какая нибудь надежда. Поговори съ Ковковцевымъ ⁶⁾ у него есть акціи; пусть онъ продастъ мнѣ ихъ, я возвращу ему не только съ преміей, но отдамъ ту сумму, которую онъ будутъ стоить въ июнѣ. Ты знаешь, что 15 июня получу я капиталъ свой и въ отдачѣ буду аккуратенъ. Если возможно, устрой съ Ковковцевымъ это, потому что чѣмъ меньше будутъ знать,

¹⁾ Александръ Алексѣевичъ и Ирина Ивановна Лазаревы.

²⁾ Сестра Лазаревой Любовь Ивановна Караулова.

³⁾ Марія Васильевна Трубиникова, урожденная Ивашева, дочь декабриста, чело-
вѣкъ очень заботливый въ общественной работѣ шестидесятихъ годовъ.

⁴⁾ Ольга Борисовна Тургенева, впоследствии Соколовина.

⁵⁾ Родная сестра М. В. Трубиниковой, впоследствии вышла замужъ за А. А. Черкесова и имѣя живущая съ мужемъ въ Херсонѣ.

⁶⁾ Сергій Николаевичъ Ковковцевъ окончилъ лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ и служилъ въ канцеляріи морского министерства.

чѣмъ скорѣе я получу деньги, тѣмъ лучше. Извини меня за неделикатность, но и ты бы на моемъ мѣстѣ поступилъ также.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

А. Серно-Соловьевичъ.

P. S. Получилъ ли ты первое письмо? Я знаю одного господина, у котораго можно занять, это булочникъ Реккеръ, перейдя Намайловскій мостъ съ правой стороны, во второмъ домѣ. Съ поручителемъ онъ дастъ, только не говори, что прислалъ отъ меня. Еще разъ извини. Распечатывать ли мои письма?

11.

1859 г. 17/29 января. Суббота. Ахенъ ¹⁾.

(Пиши, котораго числа получилъ).

„Воображаю себѣ, какъ удивила, какъ озадачила тебя записка, посланная въ письмѣ къ Гаврилову ²⁾. Нелегко было и мнѣ рѣшиться, но, повѣрь, только крайняя необходимость заставила обратиться къ вамъ, которые одни можете вывести меня изъ страшно непріятнаго и щекотливаго положенія. Мысль, что я какъ будто требую назадъ данныя въ займы деньги, долго убивала меня; хотя, конечно, нѣсколько рублей ни въ чемъ не помогли бы и ни на волосъ не улучшили моей тягостной позиціи. Вы, т. е. ты, вѣроятно, это очень хорошо понимаете. Свои люди—сочтемся: вотъ что утѣшало меня и извиняло нѣсколько неделикатную просьбу. Какъ приговора, ожидаю отвѣта. Деньги! деньги! сколько вы заставили меня переносить скорбныхъ минутъ, сколько разъ жестоко страдало изъ за васъ самолюбіе мое! Кто не испыталъ себя на этомъ оселкѣ, тому не достаетъ большой опытности. Впрочемъ, все это вадоръ, непростительная слабость характера, малодушіе, ничѣмъ неоправдываемое. Ставить существованіе свое въ зависимость благороднаго металла несомнѣнно съ свободой челоѣка. Послѣ этого, пожалуй, и принципы и убѣжденія пойдутъ къ дьяволу. Это также одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые нужно обратить вниманіе. Надѣюсь, что для меня былъ послѣдній урокъ.“

„Много ожидалъ я отъ настоящей поѣздки, съ самаго начала колебался въ достиженіи чего либо, теперь снова просвѣчиваетъ лучъ надежды. Отчаяніе, вырвавшееся изъ груди, когда писалъ Долгово, было сильнымъ кризисомъ; нервы не совсѣмъ еще успокоились. Да и что-жъ тутъ удивительнаго: я слишкомъ горячій привязанности оставилъ въ Петербургѣ; немудрено, что сердце часто надрыгается. Однако, чѣмъ глубже всматриваюсь въ себя чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе сознаю пользу заграничнаго путешествія. Вѣдь, вояжъ былъ предпринятъ не зря, для другихъ былъ онъ прогулкой, для меня имѣлъ или долженъ былъ имѣть болѣе серьезный смыслъ. Это совсѣмъ не значить, что вотъ уже все готово, маршъ въ дорогу; совсѣмъ нѣтъ; я даже отъ подобной мысли. Не начато, не рѣшено еще ничего, а только прибавилось больше спокойствія, несмотря на всю нелѣпность обстановки, которая во всякое другое время имѣла бы самыя мрачныя послѣдствія. Письмо твое

¹⁾ Въ верхнемъ лѣвомъ углу почтоваго листа вытисненъ дворянскій гербъ съ инициалами А. С. Александръ Александровичъ пишетъ около него: „корова не моя, а матери“.

²⁾ Предыдущее письмо.

въ этомъ отношеніи не осталось безъ громаднаго значенія. Представь себя, увидя его помѣченнымъ 2-мъ января, а такъ былъ доволенъ, какъ будто ничего болѣе и не хотѣлось (человѣкъ твой, вѣроятно, забылъ отнести его на почту, потому что въ нашемъ почтамтѣ поставленъ штемпель 9 января, да иначе не могъ бы объяснить себѣ, отчего оно шло 14 дней). Прочтя его, еще болѣе убѣдился, сколько добра могу вывести изъ нашей корреспонденціи. Непривычка класть свои мысли на бумагу, хотя и является большой помѣхой, тѣмъ не менѣе восполняется нѣкоторымъ образомъ совершенное отсутствіе въ людяхъ, съ которыми бы можно было перемолвить слово о томъ, о чемъ такъ хочется поговорить. Здѣсь меня никто не понимаетъ: ни свои, ни чужіе. Я, точно, очутился въ другомъ мірѣ, взаимныхъ интересовъ у насъ рѣшительно нѣтъ, не на комъ отдохнуть, не съ кѣмъ подѣлиться. Мнѣ же по преимуществу нуженъ обмѣнъ, нужны, если хочешь, сцена и зрители, тогда являются мысли; въ противномъ случаѣ остаюсь при двухъ—трехъ идеяхъ, далѣе которыхъ не двигаюсь ни съ мѣста. Причина этого заключается, полагаю, въ маломъ чтеніи дѣльныхъ книгъ, и въ безтолковомъ чтеніи прочитанныхъ.

„Вчера вечеромъ получилъ я, наконецъ, письмо твое,—сегодня берусь за перо. Тонъ твой какъ то особенно поразилъ меня, обрадовалъ той довѣренностью, той теплотой, которыми онъ дышетъ. Намъ разлука на довольно продолжительное время сведеть еще крѣпче, мнѣ дастъ еще сильнѣе почувствовать ту нужду, которую имѣю въ себѣ. Не знаю, можетъ быть, нехорошо еще провѣрять себя, но, всетаки, кажется, что люблю тебя сильнѣе, чѣмъ кого либо. Болѣе того,—я съ полнымъ сознаніемъ, съ полной готовностью отвѣтить называю тебя другомъ. Не подумай, что тутъ скрывается англійскіе репезе, невысказанный упрекъ, насколько. Не скривь, конечно, и того, что памятенъ будетъ тотъ день, въ который назовешь ты меня этимъ дорогимъ именемъ. Въ твоёмъ письмѣ вижу вызовъ на болѣе серьезную переписку и съ полною готовностью откликаюсь на нее. Это мое самое искреннее желаніе. Все, что было сказано, писано, сбывается опять таки на общія мѣста. Сегодняшнимъ письмомъ хочу тебя познакомиться съ моей обстановкой, а на всѣ слѣдующіе раза оставить интимную переписку, обмѣняться убѣжденіями, чувствами и сказать другъ другу, какъ ты выражаешься, *sans ménagement*, всю правду.

„Мы остановились на Берлинѣ. Послушать университетскія лекціи не удалось, потому что въ этотъ день онѣ были только въ медицинскомъ факультетѣ. Но есть сказать и о немъ кое что утѣшительное: это необыкновенно милый пріемъ, сдѣланный мнѣ нашимъ священникомъ, къ которому имѣлъ письмо отъ Строккина. Къ несчастію, недолго могъ я бесѣдовать съ нимъ, но все, что было говорено, вѣяло нашими идеями. Послѣднія слова его были: „душевно сожалею, что въ настоящую минуту ничѣмъ быть вамъ полезнымъ не могу; пожалуйста, напишите мнѣ изъ-за границы, ежели будете имѣть хоть въ чемъ нибудь нужду“. Числосердечность, съ которой это сказано было, глубоко тронула меня, и я не могъ не спросить его, покраснѣвъ до ушей, чему обязанъ. Вѣрнѣе сказать, просто хотѣлось узнать, что пишешь про меня Строккинъ. Любезнѣе было удовлетворено только отчасти; письма онъ не показалъ, но на словахъ передалъ рекомендацію, которая превзошла всѣ ожиданія. Вотъ ужъ никогда бы не сказалъ, что А. Никол. ¹⁾ подобнаго мнѣнія обо мнѣ. По-

¹⁾ Строккинъ.

жалуйста, передай Строккину огромную благодарность за лестный отзывъ, скажи ему однако, что это слишкомъ много.

„30-го вечеромъ сѣлъ въ вагонъ, провелъ всю ночь въ разговорахъ съ однимъ англійскимъ лордомъ, удивившимъ меня своей любезностью. Я не видѣлъ, какъ время шло,—такъ было интересно. Много спорили мы на счетъ Россіи, много рассказывалъ онъ про Англію, и мы разстались большими пріятелями. Прощаясь, лордъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ нѣсколько комплиментовъ нашему молодому поколѣнію; я отвѣчалъ тѣмъ же, говоря, что оно полно сочувствія къ Англіи. Меня удивляло, съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ мои нападки, во многомъ конечно, очень невѣрныя, на англійскую аристократію и аристократизмъ вообще.

„31 декабря прибылъ въ Ахенъ, и со второго же дня образъ жизни принять такой однообразный ходъ, что достаточно описать одинъ день, для того, чтобы имѣть полное понятіе о томъ, что я дѣлаю. Въ 8 час. встаю; въ 9 приносятся кофе и газеты; отъ 10—11½ ѣду верхомъ; по приходѣ домой сижу съ вашими, которыми въ это время пьютъ чай; отъ 1 до 2½ занимаюсь нѣмецкимъ языкомъ, перевожу или читаю что нибудь; послѣ обѣда читаю матери часовъ до 5; затѣмъ иду гулять, пью чай, послѣ котораго, глядя по обстановкѣ пишу, читаю или бесѣдую съ дамами. По субботамъ хожу вечеромъ въ собраніе работниковъ (фабричныхъ), которые отлично поютъ; тутъ иногда раздаются сильно демократическія рѣчи, вѣчто въ родѣ митинговъ, остающихся пока безъ послѣдствій. Съ 14 февраля начнутся здѣсь процессы и мнѣ заготовили уже одно изъ лучшихъ мѣстъ.

„Мать моя впала въ совершенный мистицизмъ; иначе и быть не могло. Тетка влюблена въ одного изъ католическихъ петероу. Общество заключается въ нѣсколькихъ духовныхъ, докторѣ и двухъ-трехъ нѣмецкихъ барышняхъ. Я постоянно удаляюсь къ себѣ при появленіи кого нибудь изъ чужихъ. Духовные здѣсь или очень умны, но страшные канальи, или набитые дураки. Есть одинъ порядочный молодой человѣкъ и у него беру уроки на нѣмецкомъ языкѣ. Отношенія съ матерью очень хороши; я по возможности стараюсь ласкать себя и быть внимательнымъ, она очень деликатна и мила. Понятія наши еще болѣе отделились; иногда бывають схватки изъ-за религии, но кончаются всегда мирно. Ты знаешь, однако, что я никогда особенно не любилъ ее. Иногда хочется возбудить въ себѣ это чувство, когда, строго критикуя, не можешь не воздать ей должнаго, просто заставляешь себя развѣжливаться; но вѣтъ, видно, ужъ тутъ ничего не закажешь. Въ моей головѣ теперь бродить планъ оставить ихъ совсѣмъ за границей. Онѣ съ восторгомъ приняли его, но главное препятствіе со стороны дѣда.

„Пожалуйста, отнынь моимъ письмамъ никому не показывай и о семействѣ вообще ничего никому не говори.

„Въ началѣ марта я побѣду путешествовать на двѣ недѣли, но портрета не пришлю, потому что весной лучше его снять. Хотѣлось бы написать С., но время бѣжить безъ оглядки, не успѣваешь ничего сдѣлать. Если ты будешь писать ему, увѣдоми о моемъ мѣстопребываніи. Когда они выѣзжаютъ изъ Ниццы? Нельзя ли намъ назначать гдѣ нибудь rendez-vous? Узнай мнѣ, пожалуйста, все это и дай нѣсколько инструкцій относительно Е. А. ¹⁾

„Прости за отвратительное письмо, но я до многого не хотѣлъ дотроги-

¹⁾ Сестра А. А. С.

ваться, желаю включить въ другой отдѣлъ. Отчего ты ни слова не говоришь о Николаевѣ? Что Гриша? Попроси его написать мнѣ нѣсколько строкъ. Путь избранный вами, очень хорошъ: не забудь, что я руку всѣхъ знаю.

„Поздравляю тебя съ мѣстомъ и окончаніемъ работы.

„Баронамъ и баронессамъ мой поклонъ, старуху поцѣлуй.

„Не забудь узнать все о С—выхъ, да поскорѣй.

„Долгово и всѣмъ нашимъ мой поцѣлуй. Нѣтъ ли чего новаго. Тебя не спрашивалъ ни о комъ, потому что когда думаю о себѣ, тогда думаю и о тебѣ; чего желаю себѣ, того желаю и тебѣ, потому что съ тобой неразлучно и тѣсно связано все свѣтлое, все хорошее, все милое мое.

„Ковчаю отвратительное письмо мечтой, которую веду съ 1 января. Вотъ въ чемъ она заключается: ежели осуществится мое переселеніе за границу, поѣдемъ вмѣстѣ. Выслушай меня безъ гримасъ. Мы будемъ работать для *будущаго*, для *Россіи*, слѣдовательно тутъ всякую деликатность въ сторону. Деньги у меня есть и за прожитіемъ, которое по справкамъ оказалось очень дешево, останется еще маленький капиталъ. Наконецъ, ты мнѣ отдашь ихъ, когда заработаешь. Ежели не служба, а одна церемонія, то это меня глубоко оскорбитъ. Какъ бы это ни показалось тебѣ дико и странно сначала, подумай хорошенько, я требую *спора*. Не прошу этого во имя мое, но умоляю для общественной пользы. Во всякомъ случаѣ займись, т. е. начни читать нѣмецкія книги.

Цѣлую тебя.

Твой другъ А. Серно-Соловьевичъ.

„Рекомендую тебѣ: Шиллера и исторію Гервинуса. Итакъ, до слѣдующаго раза. Пиши каждую недѣлю. Знаете, можно устроить колонію за границей, если залучить Черкесова и Гришу. Скажи нянюшкѣ С—выхъ, что я о ней часто вспоминаю. Спроси, забыла ли она меня? Пришли мнѣ образчикъ письма къ Гаугеру ¹⁾, самаго официального.

12.

1859 г. 12/24 февраля. Четвертъ.

„Вчера получилъ вексель и письмо къ Гаугеру. Крѣпко цѣлую за все. Передай это кому слѣдуетъ, напиши мой адресъ, а меня навѣсти тотчасъ, какъ отдашь. Скоро побѣсѣдуемъ съ тобой побольше, не сердись на меня за то, что медлю отвѣтомъ на два письма.

„Отчего все письма доходятъ до меня черезъ двѣ недѣли, когда самый долгій срокъ восемь дней?

„Также напиши о подробностяхъ вашего свиданія“.

А. С.-С.

13.

1859 г. 17-ю февраля. Вторникъ. Алекъ. 4 часа ночи.
1-ю марта.

„Ровно мѣсяцъ тому назадъ писалъ я тебѣ въ послѣдній разъ, драгоценный Ш. Съ тѣхъ поръ получилъ отъ тебя два приложения и ни на одно не отвѣчалъ. А между тѣмъ послѣ каждого изъ нихъ первымъ порывомъ

¹⁾ Помощникъ управленческаго дѣлами комитета министровъ.

первымъ желаніемъ было броситься къ перу. Всякая почти строка задирала одну изъ самыхъ чувствительныхъ, самыхъ слабыхъ струнъ. Не правильнѣе ли будетъ сказать—изъ самыхъ сильныхъ? Зачѣмъ не поддавался я этому вѣянію? Выслушай мой оправданія.

1. Внутреннее безпокойство, томившее меня, не дававшее столько свободнаго времени, сколько нужно было для того, чтобы отвѣчать такъ, какъ хотѣлось. Причинъ такого состоянія очень много; я постараюсь коснуться до нихъ въ разныхъ мѣстахъ нашей бесѣды.

2. Цѣлая недѣля, проведенная въ ассизномъ судѣ (утромъ и вечеромъ)

3. Зубная боль, продолжавшаяся нѣсколько дней.

Но главной причиной долгаго молчанія была мысль окончить всю переписку, написать всѣ отвѣты, а затѣмъ уже посвятить тебѣ одному нѣсколько дней, дней, въ которые я выложилъ бы передъ тобой душу мою.

„И вотъ, когда всѣ препятствія отстранены, я чувствую себя до такой степени нездоровымъ, что не въ состояніи связать двухъ словъ. Третью ночь не смыкая глазъ, лицо пожелтѣло, какъ лимонъ. Но, несмотря на это, моральныя силы свѣжи и никогда, никогда не было у меня столько энергіи въ душѣ, столько страстности стремленій. Дрожаніе руки напоминаетъ о лихорадочномъ положеніи, голова горитъ, но потребность писать сдѣлалась слишкомъ громадна.

„Всегда соглашусь, что у меня мало еще выработаннаго, мало завершеннаго, но отказать себѣ въ убѣжденіяхъ значило бы уничтожить все прошедшее, признать, что никогда не мыслилъ, не чувствовалъ. Но подобнаго приговора произнести нельзя, какъ бы пуста ни была жизнь моя до сихъ поръ, какъ бы строго не судили меня. Каждое столкновеніе, возникнувшій вопросъ, книги даютъ толчокъ влѣво или вправо, но главная тема должна оставаться и останется неизмѣнной, и если бы для того повадобилась жизнь моя, я и тогда бы не призадумался. Неужели же все, что было говорено,—пустыя фразы, громкія слова, всѣ дѣйствія безсознательныя или по вкопченной привычкѣ? Неужели нѣтъ той искры, которая бы произвела пожаръ? Ты знаешь почти все существованіе мое вдоль и поперекъ.

„Дѣтство мое—борьба съ семействомъ, съ существовавшимъ у насъ порядкомъ, рядъ наказаній, побѣговъ, заправивъ въ дворницкую, розогъ (объ одномъ изъ такихъ безчеловѣчныхъ поступковъ я и теперь не могъ равнодушно вспомнить, хотя это было восемь лѣтъ тому назадъ). Могло ли это даромъ пройти, не оставивъ отпечатка на молодой душѣ. Та же мысль, то же чувство просвѣчиваютъ во всѣхъ поступкахъ, восходя мало-по-малу до совершеннаго сознанія ихъ.

„Лицейская жизнь—опять противодѣйствіе, опять сильныя ощущенія ненависти и симпатіи. Ежели я опустилса послѣ выпуска, ежели не перенесъ прежнихъ стремленій, столкнувшись съ дѣйствительностью, зато и страдалъ я, зато и душило меня по временамъ. И вотъ отчего знакомство съ человекомъ, которому ты передалъ мое письмо ¹⁾, имѣетъ громадное значеніе. Онъ указалъ мнѣ на необходимость серьезной работы, какъ на единственный выходъ изъ того состоянія, котораго послѣдствіями была горячка, или еще хуже нравственная смерть, апатія. Я не вѣрю въ будущій міръ, потому дѣятельность здѣсь составляетъ для меня вопросъ жизни и смерти. Стать на предель

¹⁾ ?

стать и съ высоты величія наблюдать за всіми грехоупрежденіями, не принимая въ нихъ участія, я также не въ состояніи, потому что слишкомъ люблю людей, следовательно, и себя, слишкомъ горячь отъ природы и перегорю. Людей, смотрящихъ съ холоднымъ безпристрастіемъ, никогда не увлекающихся, смѣющихся надъ внутренними страданіями, надъ неравномѣрнымъ біеніемъ сердца потому только, что онѣ имъ незнакомы—я всегда терпѣлъ. Сдѣлаться подобнымъ имъ также трудно, какъ превратиться въ католическаго монаха.

„Можетъ быть, это то же самое, что я писалъ тебѣ въ первомъ письмѣ, въ такомъ случаѣ извини за повтореніе.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Хотѣлъ поговорить о многомъ. Во всякомъ случаѣ можно заняться нѣм. Яз. Будь здоровъ, цѣлую тебя крѣпко. Главное не дай дѣни овладеть“.

14.

1859 г. 22 февраля. Воскресенье. 6 ч. веч.

7 марта.

„Припоминаю сегодня писанное тебѣ во вторникъ, мнѣ пришла мысль просить тебя критиковать письма мои какъ можно строже и безпристрастнѣе. Мнѣ кажется, что я вдаюсь въ очень частыя повторенія. Но это бы еще ничего. Важнѣе то, что читающему ихъ можетъ броситься въ голову претензія на непонятую будто бы натуру и т. п., чего бы мнѣ очень нехотѣлось. Пожалуйста, прими это безъ всякой задней мысли, я говорю то, что думаю. Можетъ быть, на меня бы произвели подобное впечатлѣніе такіа строки. Дѣйствительно, я все кричу о внутреннихъ страданіяхъ, о самопожертвованіи, ненависти. Гдѣ же право? на чемъ оно основано и не противорѣчу ли ежедневно тому, что проповѣдую съ такимъ озлобленіемъ? При томъ такая переписка будетъ полезна для насъ обоимъ, да и, по правдѣ сказать, мнѣ не совсѣмъ извѣстны твои теоріи, съ которыми бы хотѣлось познакомиться во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ.

Съ нашего выпуска меня постоянно преслѣдовало опасеніе, чтобъ ты не сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Выраженіе это такъ неясно, имѣетъ столько значеній и мнѣ слышится вопросъ, что понимаю я подъ нимъ? Трудно хорошо отвѣтить. Конечно, я теперь не думаю, чтобъ пустыя приличія взяли надъ тобой верхъ—для этого ты слишкомъ уменъ; на короткое время, мгновенно—пожалуй. Меня мучитъ совсѣмъ другое. Я опасаясь: 1) чтобъ ты не потерялъ полную чистоту, 2) за твои политическія убѣжденія. Опять двусмысленно. Вотъ что значитъ непримѣчка писать.

Подъ чистотой я понимаю неотступленіе ни въ чемъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ отъ истины, т. е. отъ того, что принимаешь за правду. Другими словами, не дѣлать уступокъ quand même. Нѣсколько выше я дѣлаю то же обвиненіе самому себѣ, но у тебя гораздо больше искушеній. Вотъ къ достиженію этой то чистоты и нужно намъ стремиться, а свѣтскія условія и склонности противоположны ей. Теперь, пока не приходится дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ, все наше поле въ мелочахъ, въ самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ, следовательно, въ ожиданіи будущаго намъ нужно

бороться въ этихъ предѣлахъ. Тогда какъ гостиница заставляетъ часто не только быть уклончивыми, но придавать значеніе такимъ людямъ и вещамъ, отъ которыхъ нужно бѣгать. Уступая въ ничтожностяхъ, дойдемъ мало-по-малу до уступки въ серьезномъ дѣлѣ. Этого я боюсь, зная, какъ одно извиненіе ведетъ за собой цѣлый рядъ. Впрочемъ, долженъ тебѣ сказать, что этого рода опасенія развились сознательнѣе только теперь; въ Петербургѣ они являлись болѣе со стороны формальностей. Въ особенности не могъ я переварить двухъ знакомствъ: Д—выхъ и Т. О первыхъ у насъ былъ разговоръ. Ты отвѣчалъ, что изучаешь людей. Позволь возразить на это, что обстоятельства, служба сталкиваютъ насъ достаточно съ такого рода людьми, для того, чтобы мы еще сами сблизались съ ними. Наконецъ, при нашей незрѣлости, юности слѣдуетъ сначала окрѣпнуть, а пока нельзя безъ боязни бадить всюду. Это страшная самоувѣренность и вѣра въ свои силы. „Итъ здоровья, которое бы вынесло каплю гнилой крови“, а кто ручается, что ты не заразишься. Можетъ быть, верѣдко, не имѣя положительныхъ доказательствъ, а только одно предчувствіе, нюхъ, ты невольно поддаешься противной сторонѣ, которая также бываетъ сильна. Недаромъ одинъ мой знакомый нѣмецъ повторяетъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: *vielen hat seine zweiseiten*.

„Насчетъ опасенія за политическія убѣжденія могу сказать только: боюсь, чтобы мы не разошлись, или правильнѣе боюсь, что ты не примешь крайнихъ, къ которымъ питаю все сочувствіе, имѣю склонность и буду обрабатывать.

„Затѣмъ рѣшительно не знаю, откуда ты взялъ, что я сержусь на тебя что между нами существуютъ недоразумѣнія (въ первомъ письмѣ). Все, что я могъ имѣть противъ тебя это то, что ты не останавливалъ моего дурного поведенія въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ товарищей, въ особенности съ моей нетерпимостью, которая поселила такую страшную вражду во многихъ изъ нихъ. Впрочемъ, не ты ли же одинъ указалъ мнѣ, какъ далеко это поведетъ. Къ несчастію, было уже поздно. Да будто возможно намъ примириться чисто-сердечно съ тѣми, на которыхъ намекаю? Мы идемъ по слишкомъ разнымъ дорогамъ и чѣмъ старше становимся, тѣмъ рѣзче проводится черта. Кто и-будь долженъ уступить, иначе отношенія будутъ вертѣться на дипломатіи и при первомъ представившемся случаѣ разлетятся въ дребезги.

„Въ какомъ положеніи нашъ товарищескій кружокъ?

„О перепечатаваніи сомнѣваюсь.

„Извѣстія о Катковѣ привели меня въ восторгъ и въ бѣшенство. Въ послѣднемъ номерѣ отличный отвѣтъ на письмо русской дамы. Твое и вообще впечатлѣніе протеста на обвинительный актъ? 1).

Сейчасъ получилъ великолѣпное посланіе отъ Ньюйки: онъ сильно арфеть. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. До тѣхъ поръ хотѣлъ бы многое сдѣлать; прочесть еще кое-что, поговорить съ тобой о многомъ, написать Черкасову, Гришѣ (обвинительное письмо), Ньюикѣ, не знаю успѣю ли.

(Съ нетерпѣніемъ жду подробностей нашего свиданія и знакомства).

Неизвѣстно ли чего набудь тебѣ о предположеніяхъ Штакельберговъ на счетъ заграничной поѣздки (это былъ секретъ)? Ежели „задушевный поклонъ“ были подлинныя слова Алекс. Никод., 2), скажи, что они глубоко тронули меня.

¹⁾ Рѣчь идетъ о герценовскомъ „Колоколѣ“, который читался Серно-Соловьевичемъ въ засосѣ. „Отвѣтъ русской дамы“ напечатанъ въ № 36, отъ 15 февраля, а „Обвинительный актъ“ въ 29, отъ 1 декабря 1858 г.

²⁾ Строкины.

„Передай всемъ товарищамъ и знакомымъ, которые помнятъ меня, что я обо всехъ думаю.

„Прощай, бѣгу, у насъ начинается карнавалъ, о которомъ вы не имѣете понятія. Крики, музыка, веселье на пропалую на улицѣ. Я въ отличномъ расположеніи духа, здоровье только свавъ. Пиши же въ Ахенъ, да почаще. Крѣпко цѣлую тебя.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Я думаю, что письма мои хоть отчасти должны доказать, что нисколько не сомнѣваюсь въ чувствахъ твоихъ ко мнѣ. Да и не имѣю права.

О благотворительности мало думаю, но что видѣлъ и узналъ, сообщу объ этомъ.

15.

1859 г. 1—13 марта. Воскресеніе. 10 час. веч.

„Чрезвычайно какъ порадовало меня твое желаніе заняться социальнымъ вопросомъ, и потому съ поспѣшностью сообщаю нѣкоторыя свѣдѣнія объ Овенѣ.

У меня подъ рукой все книги подобнаго содержанія, на которыя съ жаромъ набросился (впрочемъ находящіяся въ моемъ владѣніи болѣе относятся до Германіи и Франціи). Еще разъ, однако, прошу тебя читать по преимуществу нѣмецкія сочиненія, потому что, съ своей стороны, не считаю дѣло наше оконченнымъ, до моего возвращенія и личнаго объясненія.

R. Owen родился въ 1771 г. въ Newton (графство Монгомери) отъ бѣдныхъ родителей. Первое поприще его было торговое. Скопивъ небольшое состояніе, онъ употребилъ его на ученіе. 30 лѣтъ женился онъ на дочери богатаго купца Дала (въ Манчестерѣ), который взялъ его, какъ главнаго ассосіе въ хлопчатобумажную прядильню (New Lenoak въ Шотландіи). Овенъ засталъ жителей этой деревни (основанной самимъ Далемъ) въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Своими трудами, примѣромъ, въ особенности же громаднымъ нравственнымъ влияніемъ преобразовалъ онъ въ 4 года всю деревню, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась примѣромъ по благосостоянію, честности и развитію обывателей. На свой счетъ основалъ онъ здѣсь школу для дѣтей. Ободренный успѣхомъ въ практической жизни, является Овенъ, какъ теоретикъ, въ 1812 г. Систему свою излагаетъ онъ въ первый разъ въ брошюрѣ „New views of society, or essays upon the formation of human character“. Для истребленія бѣдствій и упадка общества, должны, по его мнѣнію, отношенія между людьми совершенно измѣниться, а для этого нужна другая система воспитанія. Принципы, на который онъ опирается: неответственность человѣка относительно его положенія и поступковъ. Слѣдствіемъ этого не должно быть ни вознагражденія, ни наказанія, совершенное равенство въ правахъ и обязанностяхъ, уничтоженіе всякаго превосходства (образованія и капитала).

„Денежными средствами, брошюрами, митингами проводить Овенъ на дѣлъ свои теории. Быстро росло число его приверженцевъ во всехъ сословіяхъ, и по подпискѣ была основана колонія въ Шотландіи. Съ 1816—18 призывалъ парламентъ Овена для составленія законовъ относительно фабричныхъ и народныхъ школъ. Къ этому же времени относится основаніе имъ училищъ для

маленькихъ дѣтей. Огромными суммами поддерживалъ онъ Белье и Ланкастера. Несмотря на весь энтузіазмъ народа и огромное количество послѣдователей, навлекъ Овенъ своими религиозными и политическими проповѣдями противодѣйствіе, особенно со стороны духовенства.

„Преслѣдуемый ругательствами и насмѣшками (послѣ смерти покровителя своего, принца Кентскаго), отправился Овенъ въ 1823 г. въ Соед. Штаты, гдѣ основалъ на свой счетъ общину (коммунистическую). Онъ купилъ колонію (New Harmony) въ штатѣ Индіана, съ 30 т. дес. пахотной земли и жилищами на 2 т. человѣкъ и призывалъ къ себѣ желающихъ работать. Капиталисты были уstraшены коммунистическими правилами и потому къ нему стремились все бѣднѣе. Уже въ 1826 г. оказался страшный дефицитъ въ капиталахъ, и за нимъ пошли безпорядки. Тогда Овенъ вступаетъ въ переговоры съ Мексикою и колонизаціею въ Техасъ, но они не сходятся въ условіяхъ. Въ 1827 г. возвращается Овенъ въ Англію для распространенія коммунизма. Раздавъ все оставшееся имущество дѣтямъ, онъ начинаетъ свое литературное поприще. Съ 1827—37 г. говоритъ онъ 1000 рѣчей, написалъ 500 адресовъ къ народу, 2000 журнальныхъ статей и сдѣлалъ 250 путешествій (2 во Францію). Изъ его сочиненій (которыя онъ написалъ въ формѣ трактатовъ) особенно замѣчательны: „Lectures on a new state of society“, „Essays on the formation of human character“, „Outline of the rational system“, наконецъ, главное — „The book of the new moral world“, въ которомъ онъ называетъ себя изобрѣтателемъ и основателемъ разумной и социальной системы. Однако, въ эти годы не оставлялъ онъ и практической дѣятельности и съ своими учениками (овенитами) былъ душою рабочей общины, изъ которой выродился чартизмъ. Это и новое сочиненіе „National labour equitable exchange“ (въ которомъ онъ намекаетъ на уничтоженіе денегъ) навлекли на него опять гоненія. (Въ 1832 г. основываетъ банкъ, который лопнулъ). Въ 1834 г., когда рабочая община, требуя большаго платы, прекращаетъ работу, является опять Овенъ представителемъ ея. Вскорѣ оставляетъ онъ Лондонъ и является въ Манчестеръ во главѣ Community friendly society“, которая известна подъ именемъ „Association of all classes or all nations“. Въ 1840 г. лордъ Мельбурне доставляетъ ему аудіенцію Викторіи, противъ которой дѣйствуетъ Bischof Henry Phillpotts. Овенъ печатаетъ манифестъ, въ которомъ излагаетъ свою систему подтверждая каждый пунктъ свѣдѣніями изъ практики. Но съ этого времени онъ теряетъ расположеніе народа и въ 1847, какъ кандидатъ Marylebone, получаетъ онъ всего одинъ голосъ. Неудачи не сломали и не поколебали его вѣрованій, и въ 1850 г. издаетъ онъ новое изложеніе своихъ идей — „Revolution in the mind and practice of the human race“. Овенъ умеръ въ концѣ прошлаго года (1858). Смотри въ некрологѣ „Nord“, есть замѣчательный анекдотъ, помнится мнѣ, что я читалъ его передъ самымъ отъѣздомъ. Прочти его, кажется, впрочемъ, что это въ томъ же номерѣ, въ которомъ помѣщено описаніе суда надъ Монгаламберомъ (свѣдѣнія переведены изъ „Real-Encyclopedie“).

„По части судопроизводства не могу дать отвѣта. Мой знаменитый адвокатъ ухалъ въ Берлинъ, а на книгопродавца не могу положиться. Хотѣлось бы раздвинуть шире письмо, сообщить кое-что о благотворительности, но кончаю.

„Моя комната отдѣляется узкимъ проходомъ отъ спальни нашей хозяйки, которая рождаетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Крики и стоны какъ то раздражаютъ и къ тому же наши безпрестанно приходятъ отъ нея ко мнѣ.

„Я все въ томъ же отличномъ настроеніи духа. Цѣлые дни провожу за чтеніемъ; оставилъ прогулки, бѣду и чувствую себя довольнымъ въ этомъ затворничествѣ. Нужно отдать также полную справедливость матери: она чрезвычайно деликатна со мной, почти совсѣмъ не стѣсняетъ моей свободы, такъ что я хозяинъ располагать часы, какъ угодно. Кромѣ того она мнѣ подарила много книгъ, конечно, по моему выбору. Я также приницаю за англійское чтеніе, посвящая ему два часа въ день. Сначала было ужасно трудно, чуть ни каждое слово приходилось отыскивать въ лексиконѣ. Теперь становится легче. Нѣм. языкъ (на счетъ книгъ) идетъ довольно успѣшно. Скажи, пожалуйста что у насъ говорить о войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ страшная. Неужели насъ втянутъ? успѣютъ отвлечь вниманіе отъ домашнихъ дѣлъ? Я слѣжу за политикой, благодаря доктору введенъ членомъ одного общества и пользуюсь даромъ всѣми газетами. Но всѣ онѣ мало касаются Россіи, „Nord“ только посылаетъ хвалебные гимны Наполеону. Правда ли? „Nord“ опять печатаетъ слухъ о назначеніи Ростовцева министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ужасно, если правда.

„Потрудись отослать письмо это по адресу, взявъ въ почтамтѣ росписку для большей вѣрности. Получилъ ли ты письмо съ письмомъ? Я начинаю беспокоиться доходить ли до тебя мои письма. Я писалъ тебѣ съ записочками 30 декабря, 10, 17 января, 11, 12, 17, 22 февраля.

„Я писалъ Володѣ, чтобы онъ отправился къ Лазаревымъ и спросилъ отъ моего имени, не нужно ли имъ что нибудь изъ заграницы купить; я съ радостью исполню всякую комиссію. Это, можетъ быть, покажется очень страннымъ. Объясни П. И., что я выдумалъ этотъ предлогъ для того, чтобы доставить случай Володѣ побывать у нихъ—онъ мнѣ пишетъ письма полныя отчаянія; дѣйствительно, ему тоска невыносимая. Я надѣюсь, что П. И. не будетъ въ претензіи.

„Давай же мнѣ въ самомъ дѣлѣ знать о себѣ почаще. Твой какъ и всегда

А. Серно-Соловьевичъ.

„Ты мнѣ не пишешь, проходятъ ли мои письма черезъ цензуру. Нѣтъ ли радостныхъ новостей? Недавно вышла въ Лейпцигѣ маленькая книга. Не знаю, что за произведеніе. Мнѣ ее только что прислали: — „Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ чрезъ посредство ликвидационныхъ уѣздныхъ конторъ“ князя Львова. Въ какомъ настроеніи Черкесовъ? Сообщишь ли ты ему мой планъ?

16.

1859 г. 20 апрѣля. Четвергъ. Ахенъ.

„Наконецъ то, могу я исполнить твоё давнишее желаніе: послать портретъ мой, отличный по работѣ и столь же хороший по сходству. Такъ говорить всѣ, которые его видѣли. Первый вполнѣ удавшійся снимокъ моего изображенія. Кому же отдать его, какъ не тому, котораго я не переставалъ любить съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, любилъ неровно, то бурно, то тихо, порою бѣшено, порою нѣжно, но всегда тепло, всегда глубоко. Въ моихъ отношеніяхъ къ тебѣ отразилась всего ярче сгорающая, несчастная натура, быстро переходящая отъ страсти къ ненависти, отъ броженія къ покою, отъ

самой возбужденной энергіи къ самой ужасной апатіи. Сильно боролся я съ собой въ эти авторническіе дни, многое старался перешибить, сломить, а на повѣрку выходило, что все тотъ же. Ни горячая слеза вѣры въ людей, ни горечь отчаянія не исправили несправимой головы. Съ тобой дѣлалъ я всѣ темныя и свѣтлыя минуты души, какъ будто ты былъ тутъ и слушалъ меня, какъ будто мы жили вмѣстѣ. Помнишь ли наши ночныя прогулки, наши бесѣды на набережной. Какой свѣжестью, какой силой, какимъ здоровьемъ дышетъ отъ нихъ. Ты прикрѣпленъ какими то желѣзными нитками ко мнѣ и оттого оторвать тебя значить вырвать половину сердца, половину самого себя.

Твой старый другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

17.

1859 г. 12 мая. Вторникъ.

„Три недѣли страдаю я головой и едва въ состояніи сегодня набросать тебѣ нѣсколько строкъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ порученіе, которое, пожалуйста, исполни немедленно и въ точности:

„1. Сходи къ К., узнай въ какой день, какого числа онъ ѣдетъ за границу и какъ: моремъ ли черезъ Штетинъ, Любекъ, Ростокъ или сухимъ путемъ черезъ Варшаву или Кенигсбергъ? Узнавъ у него объ этомъ, отправись на почту и спросишь, когда предполагается пароходу или каретѣ достигнуть одного изъ вышеупомянутыхъ городовъ. Володя писалъ, что онъ выѣзжаетъ 21 мая, но куда и вѣрно ли это? Будь такъ добръ, дай знать *непрямьно* телеграфомъ, письмо не дойдетъ такъ скоро, чтобы я могъ встрѣтить его, а мнѣ необходимо переговорить съ нимъ. Деньги получишь тотчасъ по возвращеніи моемъ, въ денешъ напишешь глухо.

„2. Поздравь Долгово съ именинами, не могу самъ этого сдѣлать по вышеуказанной причинѣ.

„3. Сколько разъ принимался я благодарить Черкесова и вмѣстѣ перетолковать съ нимъ длиннымъ письмомъ.

„4. С. спасибо за его письмо, на которое хотѣлось бы отвѣчать, но въ мозгу страшная революція. С—вымъ никакой поклонъ.

„5. Передъ Штапельбергами я такъ виноватъ, — не знаю, какъ являюсь къ нимъ, вѣдь я даже не благодарилъ его за шубу, безъ которой бы пропалъ. Ему и ей дружескій и душевный *shak-hands*.

„6. Барона поздравь съ 12 маемъ.

„7. Кланяйся Трубинковымъ.

„8. Порученіе Висковатова исполняю; никто ничего не выиграетъ; Володю я просилъ подождать до моего возвращенія.

„9. Тѣмъ, которые забыли меня, напоминаю о своемъ существованіи.

„Мать остается за границей, я возвращаюсь въ самомъ скоромъ времени, жду только отвѣта отъ Н., ¹⁾ который долженъ быть на дняхъ, и возможности видѣться съ К. Последнее много зависитъ отъ твоей аккуратности, а на нее я рассчитываю на этотъ разъ.

„Итакъ, къ 1 іюня нашего стила я надѣюсь быть въ Петербургѣ.

Твой

А. Серно-Соловьевичъ.

¹⁾ Братъ Николай.

Это было послѣднее письмо. Вслѣдъ затѣмъ Серно-Соловьевичъ вернулся въ Россію и вступилъ на поприще общественной дѣятельности, совершенно не желая отдаваться государственной службѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ свѣдѣній о его работѣ. Поневолѣ приходится ограничиться такимъ глухимъ или вѣрнѣе неопредѣленнымъ указаніемъ, которое дѣлается въ некрологѣ «Народнаго Дѣла». Возвратившись изъ-за границы, оба брата, Николай и Александръ, который, между прочимъ, имѣлъ значительное влияние на старшаго брата и который звалъ его на прямое дѣло, оба они стали въ передовые ряды революціонныхъ организаторовъ, время для которыхъ наступило съ лѣта 1861 года, съ появленія «Великорусса». Съ этого времени Николай и Александръ ни минуты не покидаютъ революціоннаго дѣла. Во время осенней студентской исторіи въ Петербургѣ, когда 400 человекъ брошено было въ Кронштадскую и Петропавловскую крѣпости, и когда Шуваловы, Паткули, Игнатьевы и Панины наравили сдать студентскую молодежь въ солдаты и арестантскія роты, на Кавказъ и въ Сибирь, общественная агитація заставила отцовъ отечества остепениться и задержать свою жажду крови. Въ этой агитаціи оба брата играли значительную роль и готовы были итти до крайнихъ мѣръ, полагая, что при дальнѣйшихъ насиліяхъ правительства и при поддержкѣ, которую тогда готовы были оказать молодежи нѣкоторые элементы низшихъ слоевъ, можно будетъ повести общество на энергическую оппозицію правительственнымъ мѣрамъ»¹⁾.

Съ другомъ Ш. и товарищами Александръ Александровичъ былъ уже, въ сущности, не такъ близокъ. Разница ихъ политическихъ убѣжденій дѣлалась все яснѣй и яснѣй. На празднованіи лицейской годовщины 19 октября 1860 г. Серно-Соловьевичъ предложилъ исключить изъ круга товарищей троихъ, ведшихъ вполне свѣтскую, разсѣянную жизнь. Остальные возстали противъ такой мѣры... Это было первое проявленіе отсутствія солидарности... Затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весной 1861 г. г. Ш., въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, гуляя на островахъ, убѣждалъ Серно-Соловьевича вступить на путь открытой общественной работы, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе... Наконецъ, въ январѣ 1862 г. Александръ Александровичъ явился къ нему съ предложеніемъ сдѣлать какое нибудь пожертвованіе въ пользу польскихъ повстанцевъ и получилъ отказъ... Отношенія ихъ окончательно испортились...

Весной 1862 г. Александръ Александровичъ уѣхалъ за границу, чтобы выдержать полный курсъ крайне необходимаго ему лѣченія. Пользовавшіе его доктора настоятельно требовали этого. И только благодаря отъѣзду, онъ не былъ арестованъ вмѣстѣ съ братомъ въ іюль. III Отдѣленіе съ нетерпѣніемъ поджидало его возвращенія въ Россію, но Серно-Соловьевичъ навсегда остался за границей въ качествѣ государственнаго преступника²⁾.

¹⁾ „Народное Дѣло“ 1869 г. №№ 7, 8, 9 и 10, стр. 106—107.

²⁾ Разсказы о томъ, что Александру Александровичу удалось уѣхать только благодаря своевременному предупрежденію о возможности ареста, равно ни на чемъ не основаны.

Что дѣлалъ вначалѣ за границей въ Лондонѣ Александръ Александровичъ? Для отвѣта и на этотъ вопросъ тоже пока имѣется очень мало данныхъ.

Извѣстно, что онъ велъ дѣятельную жизнь вмѣстѣ съ одновременно съ нимъ прѣбывавшими изъ Россіи Николаемъ Утинымъ и Николаемъ Жуковскимъ, что велъ съ Герценомъ какіе то переговоры— вотъ и все. Судя по показанію г. Огаревой-Тучковой, Герценъ былъ къ нему очень расположенъ и, въ свою очередь, пользовался тѣмъ же отъ Серно-Соловьевича.

Разумѣется, двухгодичное заключеніе въ крѣпости брата Николая не прошло безслѣдно. Слабое здоровье Александра сильно разстраивалось, благодаря постоянной мысли о горячо любимомъ петербургскомъ узникѣ. Не мало доставляло горечи и заключеніе Чернышевскаго, къ которому Александръ Александровичъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и просто благоговѣніемъ. По справедливому указанію «Народнаго Дѣла» «еще мучительнѣе становилось положеніе Александра Серно-Соловьевича вдали, изолированное отъ мѣста дѣйствія, когда вслѣдъ за погромомъ 1862 г. уцѣлѣвшіе и новые борцы не захотѣли предательски бросить дѣла, поднятаго старшими братьями и стали сплачивать революціонныя силы молодой Россіи, не взирая ни на какія преслѣдованія правительства, только болѣе вызывавшія энергію и охоту борьбы. Пораженіе польскаго возстанія рядомъ съ пораженіемъ революціонной организаціи въ Россіи тѣмъ болѣе потрясло Соловьевича, что какъ въ той, такъ и въ другой организаціи было много товарищей его и многіе друзья его, польскіе и русскіе, дрались отважно и смѣло съ петербургскимъ императорствомъ въ Польшѣ»...

Дѣятельная натура Александра Александровича не могла допустить отсутствія организованности той массы эмигрантской молодежи, которая хлынула въ 1863 году изъ Россіи и царства Польскаго. Онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ созданіи въ Женевѣ, куда потомъ переѣхалъ, тѣснаго круга, который своею готовностью и положеніемъ могъ бы служить постояннымъ резервомъ пропагандистовъ въ Россіи. На этомъ пути было не мало треній и неприяностей, на немъ же пришлось въ концѣ концовъ порвать со старой эмиграціей, не признававшей открытой революціонной борьбы... Разрывъ этотъ вотъ—вотъ приближался...

1 мая 1866 г. Герценъ такъ отозвался о покушеніи Каракозова: «Выстрѣлъ 4 апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, которую на себя брала *какой то фанатикъ*. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ—первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами»¹⁾.

Молодая эмиграція не могла не осудить эту выходку... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ началѣ 1867 г., Герценъ писалъ статью «Порядокъ торжествуетъ», въ которой умалилъ значеніе Чернышев-

¹⁾ „Колоколь“, № 219.

скаго, бывшаго въ то время нравственной опорой и социалистической и революціонной пропаганды.

Александръ Серно-Соловьевичъ не выдержалъ и разразился очень рѣзкимъ памфлетомъ по адресу главы старой эмиграціи. Это была напечатанная въ Вѣнѣ (1867 г.) брошюра: «*Наши домашнія дѣла, Ответъ г. Герцену на статью «Порядокъ торжествуетъ»*». Сами друзья автора соглашались, что въ нее напрасно внесены тонъ личной насмѣшки и поясненія домашняго характера. Нельзя также не замѣтить, что въ пылу полемики авторъ перешелъ границы, которыя слѣдовало бы, пожалуй, соблюсти именно въ отношеніи Герцена. Но такъ или иначе, брошюра теперь историческій фактъ и, какъ таковой, требуетъ ознакомленія съ нею читателя. Съ этою цѣлью я приведу все наиболѣе замѣчательное.

„Молодое поколѣніе поняло васъ—писалъ Серно-Соловьевичъ—и, понявъ васъ, отвернулось съ отвращеніемъ, а вы все еще мечтаете, что направляетъ его“ (стр. 5). „Вы поэтъ, художникъ, артистъ, разказчикъ, романистъ, вы все, что хотите, только не политическій дѣятель и еще менѣе теоретикъ, основатель школы, ученія“ (6). „Нѣтъ, г. основатель русскаго социализма, молодое поколѣніе не проститъ вамъ отзыва о Каракозовѣ,—этихъ строкъ вы не выскоблите начѣмъ“ (10). Далѣе Серно-Соловьевичъ бросаетъ Герцену очень тяжелый упрекъ, будто онъ позволилъ себѣ „надѣваться, съ обычнымъ остроуміемъ, надъ русскими офицерами, участвовавшими въ возстаніи (въ августѣ 66 года, при мнѣ, на pont des Bergnes) и кричать на Corgaterie, въ Женевѣ, à qui veut l'entendre, что пора перестать деликатничать съ поляками, пора высказать имъ все правду. Исторія видите ли, въ томъ, что вы, не понимая того, что дѣлается кругомъ васъ, не понимая, что не польскія дѣла, а отсутствіе въ васъ внутренняго содержанія, заставило публику отвернуться отъ васъ, принесли паденіе „Колокола“ своимъ симпатіямъ къ полякамъ, которыми, разумѣется, тотчасъ и пожертвовали, когда вопросъ коснулся самолюбія“ (11—12). „Знаете ли, какъ вашъ „братъ и другъ Потебня“ отзывался мнѣ о васъ, когда мы однажды въ Лондонѣ, уже въ послѣднюю его поѣздку въ Англію, выходили вмѣстѣ отъ васъ. Онъ съ озлобленіемъ говорилъ мнѣ о васъ, о вашихъ отношеніяхъ къ офицерскому обществу и въ заключеніе сказалъ: „Герценъ годится уже теперь только на то, чтобы быть убитымъ на баррикадѣ, на которую онъ, впрочемъ, никогда не пойдетъ“ (13).

Затѣмъ, сказавъ о наплывѣ изъ Россіи и Польши въ Женеву и Лондонъ молодежи, Серно-Соловьевичъ продолжалъ: «Когда эти юноши съ святыми ранами, о которыхъ вы проливали слезы, сдѣлались вдругъ эмигрантами и спасаясь въ Швейцаріи отъ каторги и висѣлицы, ободранные и голодные обратились къ вамъ—вождю, миллионеру и неисправимому социалисту, обратились не съ просьбой о насущномъ хлѣбѣ, а съ предложеніемъ общей работы, вы отвернулись и съ гордымъ презрѣніемъ отвѣчали: «Что это за эмиграція? Я не признаю эмиграціи! Не надо эмиграціи!» «Въ то время, какъ вы, неисправимый социалистъ, распивали въ своемъ буасьеровскомъ дворцѣ шампанское за социальную пропаганду и вспрыскивали русскій социализмъ, около васъ русскіе эмигранты не обѣдали по недѣлямъ» (19—20).

Наконецъ, Серно-Соловьевичъ отвѣчаетъ на фразу Герцена о

томъ, что они съ Чернышевскимъ не только не представляли антагонизма, но служили взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.

„Вы дополнили Чернышевскаго! Нѣтъ, г. Герценъ, теперь ужъ поздно прятаться за Чернышевскаго. Troppe tardi, удобное время упущено. Между вами и Чернышевскимъ нѣтъ, не было да и не могло быть ничего общаго. Вы два противоположные элемента, которые не могутъ существовать рядомъ, другъ возлѣ друга. Вы представители двухъ враждебныхъ натуръ, не дополняющихъ, а истребляющихъ одна другую, до того расходитесь вы во всемъ—отъ міросозерцанія до отношеній къ самимъ себѣ и къ людямъ, отъ общихъ вопросовъ до мельчайшихъ проявленій частной жизни. Чернышевскій человекъ по преимуществу логической, сдержанной, строго продуманной мысли,—вы специалистъ по энтузіазму. Чернышевскій человекъ науки, популяризовавшій все послѣдніе выводы ея,—между вами и наукою столько же общаго, сколько между Валуевымъ и свободой. Чернышевскій человекъ объективной истины—вы субъективныхъ ощущеній и восторговъ. Чернышевскій шелъ неуклонно однимъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли,—вы сами сознаетесь, что безпрестанно мѣняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь съ пути. Чернышевскій училъ: не вѣрять ни одному правительству, хотя бы оно состояло изъ ангеловъ, и въ тотъ день, когда я сдѣлался бы правительствомъ, перестаньте вѣрять мнѣ,—вы уміялись передъ идейкой земскаго царя и воскликнули: „побѣдить, Галилеянина!“ Чернышевскій ненавидѣлъ декорации, рози, громкія фразы,—вы олицетвореніе эффекта, театральнаго подмостокъ, крика. Чернышевскій злобно преслѣдовалъ всякое обожаніе,—вы, какъ институтка, все обожаете, кого нибудь, вы молитесь сами себѣ, вы ненавидите того, кто умилительно не смотритъ вамъ въ глаза, кто не исторгаетъ слезъ восторга, слушая, какъ вы читаете собственнаго произведенія. Чернышевскій говорилъ: „и сойдутъ эти (повнимаете?) люди со сцены гордые, но скромные, суровыено добрые, какъ всегда; они сдѣлали свое дѣло, люди получили отъ нихъ пользу, съ нихъ и этого довольно“,—вы чеканите медали съ своимъ портретомъ и формально требуете себѣ исторической благодарности. Чернышевскій со скромностію всѣхъ великихъ людей признавалъ умственное превосходство надъ собой юноши Добролюбова,—вы со скромностію, свойственной вамъ, заявляете себя основателемъ школы. Чернышевскому идеаломъ была истина,—ваши идеалы смѣняются по настроенію духа: сегодня это Прудонъ, завтра Маццини, послѣзавтра Викторъ Гюго, самъ Викторъ Гюго! Чернышевскій, этотъ холодный недоступный Чернышевскій радовался, какъ ребенокъ, всякому проявленію жизни въ Россіи, всякому поступку, выражавшему сознаніе, энергію,—вы до того только поэтъ свободы, что васъ поразилъ и грубо оскорбилъ даже свободный языкъ молодой эмиграціи, и вы совѣмъ растерялись, найдя въ Женевѣ не толпу хамовъ и обожателей, а свободныхъ людей, говорящихъ съ вами такимъ же языкомъ, какъ со всѣми, и примѣнявшихъ къ вамъ тотъ же критерій, что и ко всѣмъ смертнымъ. Чернышевскій основалъ дѣйствительную школу, онъ воспитывалъ людей, онъ образовалъ цѣлую фалангу людей,—гдѣ ваши послѣдователи, не являю. Въ чемъ же, г. Герценъ, дополнили вы Чернышевскаго? (25—28)“.

Этимъ памфлетомъ молодая эмиграція порвала со старой... Разумѣется, здѣсь не мѣсто разбирать, кто и въ какой мѣрѣ изъ нихъ былъ правъ и виноватъ. Для этого даже нѣтъ еще и достаточнаго числа неоспоримыхъ данныхъ...

Помимо посильнаго участія въ русской революціонной дѣятельности, Серно-Соловьевичъ не мало потрудился въ Интернаціоналѣ и при томъ въ самое трудное время его народженія. «Когда онъ былъ нуженъ на трибунѣ, онъ являлся на нее, и не разъ общее собраніе всѣхъ секцій звало его въ президенты собранія. Но гораздо важнѣе, чѣмъ на трибунѣ, была его дѣятельность въ кружкахъ рабочихъ, въ личныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними; тамъ, гдѣ онъ могъ что либо заимствовать для выясненія основныхъ началъ и практическаго пути дѣйствій, тамъ онъ слушалъ жадно и являлся ученикомъ; тамъ же, гдѣ онъ могъ дать что либо отъ своего знанія и изученія, которое столь цѣннѣе работникамъ, неимѣющимъ достаточно ни времени, ни средствъ для самостоятельнаго знанія, тамъ онъ обращался въ искренняго, добросовѣстнаго учителя и будилъ сознаніе въ уснувшихъ, или еще не пробужденныхъ, и вселялъ смѣлость въ робкихъ, и звалъ къ единству разрозненныхъ, и всѣ научились понимать его, всѣ его любили, всѣ его уважали въ Интернаціоналѣ. Ему принадлежитъ заслуга въ томъ, что своей безкорыстной преданностью онъ сдѣлалъ то, что Интернаціоналы встрѣчаютъ радушно и привѣтливо своихъ русскихъ братьевъ,—братьевъ по одному и тому же дѣлу общаго всенароднаго освобожденія, во имя однихъ и тѣхъ же началъ новой народнои жизни!»¹⁾

Извѣстный изслѣдователь исторіи Интернаціонала—Геккъ говоритъ: «Серно-Соловьевичъ въ Женевѣ оказалъ очень большія услуги дѣлу рабочихъ».

И дѣлая дѣло Интернаціонала, Серно-Соловьевичъ не переставалъ думать о своей несчастной родинѣ. Онъ иногда говорилъ: «меня мучитъ, что я не иду въ Россію мстить за гибель моего брата и его друзей, но мое единичное мщеніе было бы недостаточно и безсильно; работая здѣсь въ общемъ дѣлѣ, мы отомстимъ всему этому проклятому порядку повсюду, повсемѣстно»...

Но болѣзнь замѣтно подтачивала жизнь этого человѣка. Кромѣ того, не мало повліяло на здоровье и то нервное состояніе, въ которомъ Серно-Соловьевичъ находился, благодаря любимой имъ женщинѣ, назвать которую мы пока не считаемъ себя въ правѣ, хотя въ литературѣ это почти уже сдѣлано въ весьма прозрачныхъ инициалахъ.

«Постоянно сильное возбужденіе, экзальтація и жизнь во всю разбили наконецъ сильный организмъ, и Серно-Соловьевичъ сошелъ съ ума—говоритъ Шелгуновъ... Въ началѣ болѣзни переменялась со свѣтлыми промежутками и когда свѣтлый промежутокъ приходилъ къ концу и наступалъ приступъ болѣзни, Серно-Соловьевичемъ овладѣвало сильное безпокойство, и онъ очень мучился. Но, должно быть, состояніе помѣшательства было еще мучительнѣе и томило нравственно гордаго и самолюбиваго Серно-Соловьевича, потому что онъ просилъ доктора заведенія, въ которомъ лечился, сказать ему, когда наступитъ послѣдній свѣтлый промежутокъ. И докторъ имѣлъ неосторожность исполнить просьбу больного. Тогда Александръ Александро-

¹⁾ „Пародное Дѣло“, стр. 111—112.

вичъ поставилъ на ночь къ себѣ въ комнату жаровню съ калеными угольями, легъ и кончилась его боевая, дѣятельная и рано погибшая несчастная жизнь»¹⁾.

Это произошло 4—16 августа 1869 г. въ Женевѣ.

Въ заключеніе приведу буквальный переводъ статьи «Освященіе памятника Серно», напечатанной въ „L'Égalité“ 1 января 1870 г.²⁾

„Въ воскресенье 27 декабря, въ Женевѣ, на кладбищѣ Пленпале (Plain-palais) происходило освященіе памятника на могилѣ Серно; при этомъ присутствовали члены Интернаціонала и значительное число русскихъ и польскихъ эмигрантовъ.

„Памятникъ этотъ простой, неотдѣланный, гранитный камень, на одной сторонѣ котораго вѣзанъ большой медальонъ бѣлаго мрамора со слѣдующей надписью:

A la mémoire
D'Alexandre Serne-Solowiewitsch
Les Internationaux de Genève
1839 — 1869.

„Внизу медальона оставлено мѣсто, чтобы награвировать по русски:

Серно-Соловьевичу
политическому осужденному
отъ нѣсколькихъ друзей.

„Речь Перрона (Perrot) прервала глубокую задумчивость присутствовавшихъ. Онъ сказалъ:

„Граждане,

„Когда вѣсть о смерти Серно такъ тяжело поразила насъ, тѣло нашего друга уже было покрыто землей, и никто изъ насъ не могъ присутствовать при его погребеніи.

„Отъ тѣхъ поръ прошло пять мѣсяцевъ, время, котораго часто бываетъ достаточно, чтобы забыть челоѣка, но память о Серно живетъ среди насъ. Она не ослабѣетъ. Рабочіе не могутъ забыть этого преданнаго страстнаго неутомимаго товарища, который разрывался, чтобы оказать помощь и котораго мы находили вездѣ, гдѣ его поддержка была нужна.

„Серно былъ бѣденъ; какъ мы онъ жилъ своимъ трудомъ, но онъ умѣлъ отказываться отъ необходимаго, чтобы смягчить страданія, которыя ему ежедневно встрѣчались. Какъ многимъ изъ насъ онъ помогъ сдѣлать трудный шагъ или не упасть подъ бременемъ нужды! Какъ многихъ изъ насъ въ минуты упадка духа поддержали трогательныя и дружескія заботы этого замѣчательно добраго челоѣка.

„Человѣкъ науки, Серно не вѣрилъ въ Бога, онъ жилъ и умеръ атеистомъ, но онъ любилъ челоѣчество и всѣмъ людямъ онъ дѣлалъ столько добра, сколько могъ. Вся его жизнь—самоотверженіе, долгое мученичество.

„Онъ родился въ Петербургѣ и пробылъ тамъ до тѣхъ поръ, пока императоръ всероссійскій не приговорилъ его къ смерти, какъ революціонера ему удалось бѣжать, но брать его погибаетъ въ Сибири, сестра умираетъ отъ горя, и состояніе его конфисковано.

¹⁾ Изъ вземляра сожженнаго изданія сочиненій.

²⁾ За доставленіе его приношу свою благодарность В. А. Ляцкой.

„Онъ могъ бы вернуться на родину, снова тамъ приобрести состояніе и положеніе—ему стоило только посягнуть совѣту нѣсколькихъ высокопоставленныхъ людей; написать словечко раскаянія Его Величеству... но какъ Бакунинъ, какъ Герценъ, какъ Огаревъ, какъ многіе изъ нашихъ русскихъ друзей, онъ былъ неспособенъ на низость. Онъ остался достойнымъ почтенія и уваженія честныхъ людей.

„Именно тогда прѣхалъ онъ въ Женеву, проживъ передъ тѣмъ нѣкоторое время въ Германіи.

„Вы знаете, граждане, что онъ дѣлалъ, когда былъ среди насъ; позвольте мнѣ коротко сказать вамъ, какое было у Серно великое желаніе, сказать для того, чтобы всѣ мы могли работать для осуществленія его мечты.

„Я былъ близкимъ другомъ Серно, я заботился о немъ въ послѣдніе недѣли его жизни, я проникалъ въ глубину его мысли и могу сказать, что онъ постоянно былъ занятъ изысканіемъ средствъ для улучшенія Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ, организація пока еще неудовлетворительная была по его мнѣнію величайшей опасностью, которой слѣдовало избѣгать рабочему классу.

„Серно не сомнѣвался, что социальная революція близка, потому что онъ лучше чѣмъ кто-либо зналъ, что современное экономическое положеніе близко къ паденію подъ тяжестью неустройствъ и нищеты имъ размноженныхъ; другъ нашъ понималъ, что пробѣтъ часъ, когда на видъ, въ большей своей части, равнодушный, спокойный и смиренный пролетаріатъ поднимется огромный, сплоченный, непреодолимый, чтобы сбросить гнетъ буржуазіи.

„Но этотъ грандіозный переворотъ можетъ оказаться неудачнымъ, если при этомъ для укрѣпленія пути пролетаріата не будетъ просвѣщеннаго и стойкаго вожака; кто же можетъ быть этимъ вожакомъ, этой поддержкой, какъ не Интернаціоналъ? Таково было мнѣніе Серно.

„Въ силу такой важной роли, которую въ недалекомъ будущемъ призвана выполнить наша ассоціація, такихъ людей какъ Серно по справедливости занимала возможность ускоренія полной законченности нашего грандіознаго учрежденія.

„Граждане, члены Интернаціонала, общаемъ на могилѣ нашего друга, всѣми силами содѣйствовать тому успѣху, котораго такъ горячо желалъ онъ; общаемъ принимать въ свою среду людей сердца и энергіи, которыхъ тираны заставляютъ искать у насъ убѣжища, принимать такъ, какъ мы принялъ Серно, то есть, какъ брата, а не какъ иностранца. Главное, сумѣемъ при ихъ жизни признавать отличавшія ихъ большія достоинства, при помощи которыхъ только и можетъ быть упрочено торжество социальной революціи.

„Этими чувствами, граждане, мы воздаемъ истинное почтеніе памяти того, кого мы оплакиваемъ; это лучший способъ освященія скромнаго памятника, который мы нынче воздвигаемъ нашему другу, о которомъ мы такъ скорбимъ—Серно Соловьевичу“.

Шеназъ (Chénaz), предсѣдатель секціи гранильщиковъ и камешниковъ, въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ напоминаетъ о томъ, что для рабочихъ на постройкахъ слѣдалъ Серно во время послѣдней забастовки, приписывая его сверхъ человеческой дѣятельности, его энергіи и совѣтамъ значительную долю успѣха, которымъ закончился этотъ кризисъ и послѣдовавшія затѣмъ улучшенія въ судьбѣ рабочихъ. Онъ заканчиваетъ трогательнымъ прости этому человѣку, котораго они такъ любили.

Уйти отъ имени молодой русской партіи благодарить рабочихъ Женевы за почести, оказываемыя ими памяти Серно, человѣка, всю жизнь свою доложившаго за великое дѣло народа, съ вѣности ушедшаго изъ привилегированнаго круга, чтобы смѣшаться съ классомъ, который буржуа называютъ презрѣннымъ (canaille).

„Серно былъ осужденъ на смерть за стремленіе вести къ свободѣ пролетаріатъ, но придетъ день, когда мы потребуемъ отчета у его убійцъ, которые опираются на законъ и религію, два средства притѣсненія и тираніи; придетъ день, когда наши умершіе братья будутъ отомщены, и въ тотъ день мы не простимъ“.

„Серно, который въ Россіи боролся подъ революціоннымъ знаменемъ „Земля и Воля“, долженъ былъ, укрываясь на западъ, вступать въ Интернаціоналъ, который также хочетъ земли и свободы. Онъ хочетъ земли для людей, которые на ней живутъ, а не для какихъ-то паразитовъ, которые пользуются трудами тѣхъ, кто ее обрабатываетъ; онъ хочетъ свободы, но свободы истинной, свободы, которая опирается на равенство, свободы, которая основана на правѣ жизни, правѣ интегральнаго развитія человѣческихъ способностей, а не такъ называемой свободы, проповѣдуемой буржуа и состоящей въ правѣ эксплуатаціи рабочихъ до смерти.

„Пусть настоящая минута послужитъ союзомъ молодой революціонной Россіи и Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ!“

Гражданинъ Дартуцци (полякъ) прочелъ хвалу усопшему. Онъ воздастъ должное широкому и истинно интернаціональному характеру Серно, видѣвшему въ полякахъ, подавляемыхъ паремъ, братьевъ, которымъ въ день революціи должна быть возвращена свобода и независимость.

Гражданинъ Серебренниковъ, за день или два прибывшій изъ Россіи, пришелъ на могилу соотечественника, чтобы подтвердить, что дѣло, на которое Серно положилъ всю свою жизнь, преуспѣваетъ послѣ его смерти. Социально-революціонное движеніе растетъ въ Россіи, несмотря на всѣ преслѣдованія.

Послѣ этой рѣчи, закончившей погребальное торжество, собраніе безмолвно разошлось“.

Мы слышали, что мѣсто для могилы Серно-Соловьевича было куплено только на десять лѣтъ. Петербургскіе друзья покойнаго рѣшили откупить мѣсто навсегда, и для этого одинъ изъ нихъ ѣздилъ въ 1879 г. въ Женеву. Но оказалось, что онъ прѣхалъ, когда могила была уже скрыта.

Такимъ образомъ ея теперь уже не существуетъ.

Мих. Лемне.

Къ исторіи ограниченія гласности судопроизводства.

(Циркулярное отношеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по Главному Управленію по дѣламъ печати 18-го января 1879 г., № 238, къ начальникамъ губерній).

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ воспретить на будущее время вообще печатаніе самостоятельныхъ стенографическихъ отчетовъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы всякаго рода изданія, какъ повременныя, такъ и не повременныя, ограничивались по этимъ дѣламъ лишь перепечаткою того, что будетъ напечатано: о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда и Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, — въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, а о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Судебныхъ Палатъ и Военныхъ Судовъ, — въ мѣстныхъ официальныхъ изданіяхъ, т. е. въ „Губернскихъ“ или „Областныхъ Вѣдомостяхъ“.

Во исполненіе такового Высочайшаго повелѣнія, покорѣннѣе прошу Васъ, Милостивый Государь, объявить о вышеизложенномъ, за подписками, редакторамъ, выходящихъ въ губерніи повременныхъ изданій и содержателямъ типографій. За симъ, въ случаѣ разбирательства подобныхъ дѣлъ въ районѣ вѣренной Вамъ губерніи, составленіе отчетовъ для мѣстнаго официального органа надлежитъ возлагать, по Вашему усмотрѣнію, на одного изъ состоящихъ въ вѣдѣніи Вашемъ чиновниковъ, или на редактора „Вѣдомостей“, причемъ, однако, отчеты эти должны быть печатаемы не иначе, какъ по одобреніи оныхъ прокуроромъ суда, разсматривавшаго дѣло и съ Вашего письменнаго, на оригиналѣ каждаго отчета, разрѣшенія.

Независимо отъ сего, считаю долгомъ разъяснить, что по смыслу вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія и по самому свойству дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, отчеты по этимъ дѣламъ должны въ большинствѣ случаевъ ограничиваться, по возможности, краткою фактическою передачею судебного разбирательства съ устраниеніемъ всякихъ неумѣстныхъ подробностей, а тѣмъ болѣе какихъ-либо тенденціозныхъ выводовъ со стороны обвиняемаго или его защиты.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ
Статсъ-Секретарь Л. Маковъ.
Правитель Дѣлъ В. Алкаевскій.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. ¹⁾

Изученіе общественныхъ движеній всѣхъ странъ и народовъ даетъ, намъ думается, возможность сдѣлать тотъ выводъ, что формы этихъ движеній всегда находятся въ соотвѣтствіи съ режимомъ страны, или, вѣрнѣе, — съ правительствомъ, находящимся у власти въ моментъ пробужденія народа и стремленія его перейти къ новымъ условіямъ жизни. Чѣмъ упорнѣе и долѣе правительство стремится сохранить старый строй, чѣмъ болѣе проявляетъ оно жестокости по отношенію къ новымъ вѣяніемъ, тѣмъ, въ концѣ концовъ, ужаснѣе проявляется революція, какъ противовѣсь правительственному упорству. Доведенное до отчаянія репрессіями, населеніе выдѣляется изъ своей среды уже не носителей свѣтлыхъ идеаловъ, которыми всегда являются лучшіе и умнѣйшіе люди страны, а фанатиковъ, не менѣе жестокихъ и упорныхъ, чѣмъ само правительство, такъ какъ, изъ чувства простого самосохраненія, является необходимость противъ грубой силы стараго режима выставить не менѣе грубую силу оппозиціи. Вслѣдствіе такого рода условій, освободительное движеніе, въ конечныхъ фазахъ своего развитія, нерѣдко сопровождается весьма тяжелыми явленіями, совершенно противорѣчащими, повидимому, тѣмъ благимъ цѣлямъ, какія имѣется въ виду достигнуть.

¹⁾ При составленіи настоящей статьи я, помимо моихъ собственныхъ статей, воспоминаній и данныхъ, собранныхъ мною въ теченіе 15-ти лѣтняго непосредственнаго участія въ земской жизни (1887—1902 г.), въ качествѣ „третьяго элемента“, пользовался еще ниже слѣдующими литературными источниками: *Самодержавіе и земство*. Конфиденціальная записка министра финансовъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.) съ предисловіями и прилѣченіями Р. П.-С. Печатано „Зарей“, Stuttgart, 1901 г.; Б. Ю. Скалонъ. *По земскимъ вопросамъ*. I. Въ переходное время. 1880—1882 г. Спб. 1905 г.; *Хроника социалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г.г.* Официальный отчетъ (переводъ съ строго-конфиденціального французскаго текста). Изд. В. М. Сабина. Москва, 1907 г.; Н. А. Бьюталовъ. Воспоминанія и другія статьи. Москва. 1897 г.; *Полное собраніе рѣчей Императора Николая II-го*. 1894—1906 г. Составлено по официальнымъ даннымъ „Правительственнаго Вѣстника“. Спб., книгоиздательство „Другъ Народъ“, 1906 г. *Воспоминанія*. Вл. Дебагоры-Мокрѣевича. Спб. 1906 г. *Владиміръ Короленко. Въ голодный годъ*. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изд. ж. „Русское Богатство“. Изд. третье Спб., 1897 г.; *Журналъ собранія нижегородской губернской продовольственной комиссіи 27 мая, 1892 г.*; *Исторія С.-Петербургскаго Комитета грамотности*, состоявшаго при Имп. В. Эк. обществѣ. Составилъ Д. Д. Протопоповъ. Спб., 1898 г. А. В. Пыцеговъ. *На очередныя темы*. Материалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи изд. ред. ж. „Русское Богатство“, Спб., 1904 г.; *Частное сощиваніе земскихъ дѣателей*, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года въ С.-Петербургѣ. Москва, 1905 г. *Неизданные журналы съѣздовъ*

Въ частности русскій режимъ никогда не способствовалъ мирному и планомерному разрѣшенію назрѣвающихъ народныхъ нуждъ. Русское правительство по отношенію къ освободительному движенію во всѣ времена примѣняло, если можно такъ выразиться, шлюзную систему. Какъ только замѣчало оно проявленіе «вольнаго духа» среди населенія, тотчасъ воздвигало шлюзъ. Когда онъ заполнялся недовольствомъ, и послѣднее начинало переливаться черезъ первый шлюзъ, правительство ставило второй, третій и т. д., совершенно не соображая или не желая соображать, что при такомъ способѣ самый источникъ недовольства не только не уничтожался, а страшно возрасталъ, и что, въ концѣ концовъ, никакой шлюзъ уже не будетъ въ состояніи сдержать напора недовольства, которое постепенно переходитъ въ негодованіе, въ злобу, въ отчаяніе.

Эта шлюзная система примѣнена была русскою самодержавною бюрократіею и къ земству.

Земская реформа 1864 года явилась продолженіемъ тѣхъ «великихъ реформъ», которыя осуществились вслѣдствіе несчастной севастопольской войны, какъ реформы 1905 года были слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, позорной русско-японской войны. Тогда, какъ и теперь, обезсиленная войною бюрократія стремилась предупредить «внутреннія осложненія» выраженіемъ нѣкотораго «довѣрія» населенію впредь до того момента, когда, окрѣпнувъ, она сможетъ взять обратно все дарованное.

Совершенно невѣренъ долго господствовавшій взглядъ, будто бы правительство «добровольно» совершило реформу 1861 года, освободивъ крестьянъ, а затѣмъ «дало» земскія учрежденія. Севастопольская война также обанкротила полицейско-бюрократическій режимъ въ 50-хъ годахъ, какъ японцы въ наше время. Тогда, какъ и теперь, воспользовавшись этимъ банкротствомъ, общество стремилось освободиться отъ самодержавнаго ига. Въ этомъ можно легко убѣдиться изъ знаменитаго «Колокола» Герцена, къ властному звону котораго

земскихъ и городскихъ дѣателей за 1905—1906 г. *Неизданное письмо* И. Дурново къ графу И. Д. Деланову отъ 5 февраля 1895 г.; *Былое*: январь, февраль, мартъ, апрѣль, июль и августъ 1906 г.; *Освобожденіе* за все время его изданія; *Русскія Вѣдомости* съ 1890 по 1905 г.; *Право* съ 1900 по 1905 г. *Неизданный журналъ* совѣщаній предсѣдателя губернскихъ земскихъ управъ въ Н.-Новгородѣ 8—11 августа 1896 г.—*Труды Секціи* всероссійскаго съѣзда сельск.-хозяевъ. Москва, 1896 г. *Дневники и Труды сыздовъ* (IX, X и XI) естественнотелителей и врачей: Московскаго за 1894 г., Кіевскаго за 1898 г. и С.-Петербургскаго за 1901 г.; *Журналъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова* за 1906 г.; *Отчетъ по областной с.-хоз. и кустарной выставкѣ Сѣвернаго края* 1903 г., Ярославль, 1905 г.; *Труды императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* съ 1894 по 1900 г.; *Труды комиссіи по вопросамъ земской статистики* Сиб., 1901 г. (статистич. комиссія при III Отд. Им. В. Экон. об-ва); *Словарь* Брокгауза и Ефрона. *Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ* 12 іюня 1890 г. изд. третье. М. И. Мичъ т. I. Сиб. 1900 г. *Сводъ постановленій, журналы, доклады и отчеты нѣкоторыхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ* съ 1865 по 1906 г.

Кромѣ того мнѣ даны были цѣнные матеріалы или указанія Д. Н. Шниновымъ, Ф. А. Головинимъ, В. Е. Ялушкннмъ, В. А. Розенбергомъ, кн. П. Д. Долгоруковымъ, кн. Д. И. Шаховскимъ, П. Б. Струве, В. Г. Короленко, В. Я. Богучарскимъ, С. Ф. Русовой, А. А. Русовымъ, Ф. И. Родичевымъ, Н. Ф. Анненскимъ, Л. Я. Гуревичемъ, Я. Я. Гуревичемъ, И. И. Петрушевичемъ, П. Н. Милановымъ, Е. Д. Бусковой и нѣкоторыми другими, которымъ приношу мою глубокую благодарность.

не могла не прислушиваться бюрократія. Еще до освобожденія крестьянъ рядъ заявленій и адресовъ со стороны лучшаго дворянства, единственной тогда интеллигенціи, хранившей традиціи декабристовъ, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ стремленіи образованной части русскаго общества къ представительному образу правленія, а послѣ реформы 1861 года такого рода заявленія дѣлались еще откровеннѣе. Затѣмъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду громаднаго значенія для русскаго освободительнаго движенія польскаго возстанія въ 1863 году. Въ то время оно сыграло такую же роль, какъ въ 1904—1905 году борьба Финляндіи за свою свободу. Впрочемъ и тогда Финляндія съ ея самостоятельнымъ сеймомъ являлась большимъ соблазномъ для вѣрноподанныхъ Россіи, и здѣсь надо было идти на компромиссъ. Каково было слушать россійскимъ обывателямъ, такое, напримѣръ, обращеніе Александра II къ финляндскому сейму 1863 году: «въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ своими государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Конституціонныя помыслы были настолько развиты, что на эту тему, по словамъ Леруа Болье, Александръ II въ томъ же 1863 году, бесѣдовалъ даже съ Н. А. Милютинимъ, заявивъ послѣднему, что онъ, императоръ, «не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподаннымъ русскимъ», а этихъ Александръ II «не считалъ зрѣлыми для конституціи».

Однако, volens—volens, приходилось дать. И вотъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ выработана была земская реформа, послѣшно осуществленная въ 1864 году, чтобы, между прочимъ, «положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учреждений несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій»,—какъ говорилось въ объяснительной запискѣ.

По этому «Положенію», земскія учрежденія образовывались «для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и cadaго уѣзда». Но мы сейчасъ же должны сказать, что русское земство при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности совершенно вышло изъ намѣченныхъ ему рамокъ и вступило немедленно на политическій путь. И это произошло совершенно естественно, болѣе того—иначе это и не могло быть.

Дѣло въ томъ, что какъ только земство принялось за исполненіе своихъ основныхъ задачъ, какъ только оно пожелало внести широкое просвѣщеніе въ народныя массы и поднять ихъ экономическій уровень,—тотчасъ же на этомъ пути оно встрѣтилось съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ, оказавшемъ земству непреодолимое сопротивление.

Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что земство очень скоро пришло къ непоколебимому убѣжденію въ невозможности работать на пользу населенія, покуда не будетъ свергнутъ самодержавный режимъ. Вотъ почему культурно-экономическія задачи земства должны были отойти на задній планъ, и въ этой области, несмотря на всѣ

усилія, оно не имѣло физической возможности сдѣлать всего того, что проектировало и что могло бы осуществить, при отсутствіи тормазовъ со стороны неограниченной бюрократіи, на которой лежить и вся отвѣтственность за обнищаніе и невѣжество страны. Мы поэтому вовсе почти не касаемся земскаго движенія въ смыслѣ культурно-экономическомъ, а имѣемъ въ виду лишь политическое движеніе, игравшее, какъ мы говоримъ, значительную роль съ самаго момента возникновенія земскихъ учреждений.

Несмотря на всѣ недочеты земскаго положенія 1864 года, построеннаго, между прочимъ, на высококомъ цензѣ, оно дало нѣкоторую возможность къ постепенному проторенію пути не только къ истинному мѣстному самоуправленію, но и къ попыткамъ, объединенными силами земствъ, достигнуть народнаго представительства въ дѣлахъ государственныхъ. На основаніи фактовъ, которые мы ниже приводимъ, для насъ яснымъ дѣлается, что выборное земство, совмѣстно съ земствомъ служивымъ, съ интеллигенціею, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности начало стремиться къ самоуправленію и къ конституціи на чисто демократическихъ началахъ. Уже въ 1865 году оно положило основаніе осуществившейся въ наше время партіи Народной Свободы, почему мы считаемъ послѣднюю по преимуществу земскою партіею. Если бы правительство въ теченіе всѣхъ 40 лѣтъ не вставляло палокъ въ это совершенно планомѣрное движеніе, то, кто знаетъ, быть можетъ мы давно бы уже безъ особенной борьбы, жертвъ и крови, устроили нашъ государственный строй на широкомъ народномъ представительствѣ, но самодержавная бюрократія не могла допустить этого и, отдаливъ на громадный періодъ осуществленіе земскихъ стремленій, превратила страну въ военный лагерь и добилась... революціи, разоривъ предварительно страну. Но не будемъ забѣгать впередъ, а прослѣдимъ земское движеніе, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Правительство начало войну съ земствомъ въ первый же годъ дѣятельности земскихъ учреждений. Дѣло началось съ Петербургскаго губернскаго земскаго собранія, которое въ декабрѣ 1865 года единогласно постановило ходатайствовать объ образованіи центральнонаго земскаго учрежденія для завѣдыванія государственнымъ земскими повинностями, а въ 1867 году уже потребовало участія земства въ законодательныхъ работахъ. Въ отвѣтъ на это правительство закрыло земскія учрежденія С.-Петербургской губерніи, выслало административнымъ порядкомъ въ Оренбургъ предсѣдателя Петербургской губернской земской управы Крузе, удалило въ отставку гласнаго сенатора Любощинскаго, а гласный графъ Шуваловъ принужденъ былъ уѣхать за границу.

Цѣлый рядъ земскихъ собраній въ первыхъ же своихъ сессіяхъ, стремясь къ расширенію и внѣдренію земскаго самоуправления, уже въ 60-хъ годахъ обсуждали вопросъ о мелкой земской единицѣ, земскомъ единеніи и т. д., а правительство тотчасъ же ставило шлюзъ. Оно объясняло, по обыкновенію, земское движеніе «крамольнымъ духомъ» и употребляло всѣ усилія искоренить этотъ «духъ».

Уже, напримѣръ, въ 1866 году, въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября выясняется страхъ предъ служилою зем-

скою интеллигенціею, предъ зарождавшимся «третьимъ элементомъ»: земскіе служащіе — врачи, учителя и т. д. — были поставлены въ полную зависимость отъ администраціи. 21 ноября того же года были изданы законы, въ силу которыхъ ограничивалось право земства въ обложеніи сборами торговыхъ и промышленныхъ заведеній. 16 декабря, разъясненіемъ Правительствующаго Сената, губернаторамъ дано было право отказывать въ утвержденіи всѣхъ избранныхъ собраніемъ лицъ, если губернаторъ признаетъ ихъ неблагонадежными¹⁾. 4-го мая 1867 года тотъ же Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что «постановленіе губернскаго земскаго собранія о сообщеніи возбужденнаго въ ономъ предположенія всѣмъ губернскимъ управамъ другихъ губерній съ той цѣлью, чтобы этимъ путемъ оно могло дойти до такой опредѣленности, которая сдѣлала бы возможнымъ обобщить для всей Имперіи предлагаемую мѣру, представляется не согласнымъ съ закономъ, ограничивающимъ кругъ дѣйствій земскихъ учреждений предѣлами губерній или уѣздовъ, каждому изъ сихъ учреждений ввѣренныхъ». Это въ высшей степени вѣрное «разъясненіе» свидѣтельствуетъ, что уже на первыхъ порахъ земства проявили тенденцію къ единенію, непрерывно продолжавшуюся въ теченіе всего времени существованія земства, и, какъ дальше увидимъ, черезъ 34 года министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ издалъ циркуляръ, съ цѣлью воспрепятствовать земской солидарности. И какъ велико было это стремленіе земства, видно изъ того, что всего черезъ мѣсяць послѣ приведеннаго разъясненія Сената, 13 іюня 1867 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ, безъ разрѣшенія губернатора, воспрещалось печатаніе земскихъ отчетовъ о засѣданіяхъ, преніяхъ и рѣчахъ, бывшихъ на земскихъ собраніяхъ. Въ тотъ же самый день и годъ, т. е. 13 іюня 1867 г., вышелъ законъ, предоставлявшій громадную власть предсѣдателямъ земскихъ собраній до закрытія послѣднихъ включительно, если на собраніи возбуждался какой либо нежелательный вопросъ.

Въ 1868 году министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярами отъ 28 августа и 8 октября опять напоминаетъ о зависимости земскихъ служащихъ отъ правительства и опять требуетъ, чтобы земства не обмѣнивались своими изданіями, печатая ихъ только въ количествѣ, не превышающемъ число гласныхъ. Въ томъ же году Херсонское губернское земство уже жалуется, что правительство не удовлетворяетъ земскихъ ходатайствъ.

Въ 70-хъ годахъ земская оппозиція не только возрастаетъ, но, подъ гнетомъ репрессіи, стремится объединить всѣ земскія оппозиціонныя силы.

Въ 1872 году Владимірское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи всероссійскаго земскаго съѣзда. Конечно, оно получило категорическій отказъ. Тогда другія земства, замаскировавъ основную мысль, стали ходатайствовать объ област-

¹⁾ Въ томъ же 1866 году между земствами Херсонской губерніи и властями вышли такіа пререканія, что губернское земское собраніе требовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшенія при участіи высшаго правительства.

ныхъ сѣздахъ, съ участіемъ «третьяго элемента», для разрѣшенія различныхъ вопросовъ: по страхованію, народному образованію, медицинѣ и т. д. И эти сѣзды не были разрѣшены. Надо было изыскивать иные пути, и земцы стали устраивать частные земскіе сѣзды, нелегальные, такъ сказать, въ родѣ «сѣздовъ» и «совѣщаній» земскихъ дѣятелей, имѣвшихъ мѣсто въ наше время, съ которымъ мы ниже подробно познакомимся. Такихъ сѣздовъ было немного, но на нѣкоторые изъ нихъ являлись представители подавляющаго числа земскихъ губерній. Тогда, какъ и въ наше время, земцы для сѣздовъ пользовались, обыкновенно, всякимъ удобнымъ моментомъ: разрѣшенными профессиональными сѣздами, выставками и т. п. Но были случаи, когда они сѣзжались и безъ «благоприятныхъ обстоятельствъ», вполне конспиративно...

Данныхъ объ этихъ сѣздахъ, покуда, весьма мало. Правительству, насколько извѣстно, ни разу не удалось надлежащимъ образомъ выслѣдить ихъ, а потому оно знало кое что о сѣздахъ, кажется, только изъ туманныхъ и невѣрныхъ показаній извѣстнаго предателя Курицына и изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года. Курицынъ показывалъ, что «когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался сѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ Черниговскаго земства Линденсъ или Линдесъ, то на бышей по этому поводу сходкѣ изъ представителей разныхъ социальнo-революціонныхъ партій и украинофиловъ присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Бернштамъ, съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи». Что эти свѣдѣнія не точны и добыты на основаніи слуховъ, видно уже изъ перевранной фамилии извѣстнаго въ свое время земца Линдфорса въ Линденса или Линдеса. Курицынъ не упоминаетъ о такихъ видныхъ лицахъ, какъ И. И. Петрункевичъ, тогда гласный Черниговскаго земства, о земцѣ Савичѣ, объ украинофилахъ: А. А. Русовѣ ¹⁾, В. Л. Бернштамѣ, М. П. Старицкомъ, Н. В. Ковалевскомъ, И. А. Житецкомъ, профессорѣ Гордѣенко, земцѣ, бывшемъ въ то время городскимъ головою г. Харькова, о трехъ представителяхъ отъ поляковъ ²⁾. Полицейскими же разслѣдованіями дознано было, что такіе сѣзды въ семидесятыхъ годахъ были не только въ Кіевѣ, но въ Москвѣ и въ Харьковѣ. Кіевскій же сѣздъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ принимали участіе и социалисты революціонеры, и украинофилы. Земцы на этомъ сѣздѣ вели переговоры главнымъ образомъ съ революціонерами, предлагая имъ не предпринимать террористическихъ актовъ и работать совмѣстно для достиженія парламентарнаго строя. Переговоры эти, однако, ни къ

¹⁾ Тогда уже бывшимъ статистикомъ Черниговскаго земства.
²⁾ Предъ этимъ сѣздомъ былъ еще предварительный сѣздъ въ г. Пѣкинѣ, Черниговской губ., на которомъ былъ А. Ф. Линдфорсъ, А. А. Русовъ, Н. А. Константиновичъ, секретарь черниговскаго губ. статистическаго комитета, а отъ радикаловъ былъ Віловодскій. Черниговскій губернаторъ Даргаевъ узналъ объ этомъ сѣздѣ, о чемъ самъ говорилъ Константиновичу, но никакихъ печальныхъ послѣдствій не было.

чему не привели, такъ какъ правительство своими дѣяніями продолжало до красна раскалять молодежь.

По этому поводу мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ воспоминаній виднаго революціонера Вл. Дебагорія Мокрѣевича, относящихся ко времени переговоровъ съ земцами: «Русскій терроръ,—говоритъ онъ,— носилъ исключительно политическій характеръ и ни разу не измѣнилъ этому направленію. Правда у насъ поднимались разговоры объ «аграрномъ» и «фабричномъ» террорѣ, но, по счастью, дѣло ограничилось одними разговорами. Этотъ исключительно политическій характеръ нашего террора, или другими словами, террористическая борьба за политическую свободу, къ сожалѣнію, не была понята всѣми. Сами революціонеры не сознавали этого, а это отсутствіе яснаго пониманія отразилось вредно на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Южные террористы—Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность конституціоннаго режима, и на югѣ одно время были шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами, а «Земли и Воли», организовавшаяся около этого же времени въ Петербургѣ, оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою. Въ октябрѣ 1878 года появился №1 «Земли и Воли». Здѣсь опять на сцену выступили социалисты-революціонеры—Стенька Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники, а по вопросу о политической свободѣ сразу наговорено было цѣлый коробъ старыхъ народническихъ глупостей... А какой грубой ироніей звучатъ теперь слова «Земли и Воли», что паденіе современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и что вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Вотъ уже почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, а скоро наступитъ четверть столѣтія... Цѣлая четверть вѣка! Что же, уже не этотъ ли періодъ времени имѣли ввиду землеволюцы, когда писали вышеприведенныя строки? О, конечно, нѣтъ! Да, мы ожидали тогда социальной революціи раньше 25 лѣтъ, не то что какую-то конституцію. Но жизнь жестоко посмѣялась надъ нами, и въ настоящее время мы были бы рады—преады даже плохонькой лорисъ-меликовской конституціи. Пусть бы себѣ на здоровье организовалась наша буржуазія! А то вотъ у насъ до сихъ поръ и буржуазіи нѣтъ, и все еще одни военачальники, какъ у какихъ-нибудь кафровъ или готентотовъ». Далѣе Дебагорію-Мокрѣевичъ сообщаетъ, какъ въ 1878 г. пріѣзжали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украинофилами, а также съ революціонерами относительно совмѣстнаго образа дѣйствій для завоеванія конституціи. «Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій (впослѣдствіи повѣшенный), Ковалевская (впослѣдствіи умершая на каторгѣ) и еще нѣсколько челоуѣкъ.. Помню собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для социалистовъ, такъ какъ даетъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію, нужно было испробовать первоначально всѣ

легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе побольше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабанднымъ путемъ. Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, еслибъ не оказалось одного пункта разногласій. По мѣтнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугавшей извѣстную часть общества, а равно и правительство. Съ этими требованіями террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.¹⁾

Неудачны были попытки переговоровъ земцевъ и въ другихъ мѣстахъ. Тогда они рѣшили образовать собственную нелегальную организацію, получившую названіе «Общество земскаго союза и самоуправленія», сокращенно именовавшуюся также «Земскій Союзъ». Этотъ «Союзъ», какъ въ наше время «Союзъ Освобожденія», занялся широкой пропагандою въ земствахъ, а въ скоромъ времени рѣшилъ завести и собственный органъ за границею. Первая попытка въ этомъ направленіи была неудачна: въ Галиціи, гдѣ предполагалось обосноваться, арестована была и первая земская агитационная литература, и лица, ее напечатавшіе. Въ числѣ этой литературы въ руки полиціи попала и програмная брошюра — «Ближайшія задачи земства», въ которой основными лозунгами земства были поставлены: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ учредительнаго собранія.²⁾

Эта неудача года на два съ лишнимъ отдалила изданіе заграницею земскаго органа, который осуществился лишь въ 1881 году, уже въ царствованіе Александра III.

¹⁾ Въ концѣ своихъ интересныхъ воспоминаній Вл. Дебагоріо-Мокривичъ, на основаніи многолѣтняго опыта своей революціонной дѣятельности, приходитъ къ убѣжденію, что для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданіи правительства или, другими словами, вопросъ о политической свободѣ, самъ собою ставится въ первую очередь. Вотъ этого то мы и не должны забывать.

²⁾ Полная программа «Земскаго Союза» детальнѣйшимъ образомъ касалась всѣхъ сторонъ государственнаго и мѣстнаго широкаго самоуправленія, основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Центральное Управленіе, по этой программѣ, должно было сосредоточиваться въ двухъ «Думахъ»: Государственной и Союзной. Первая, избираемая всеобщей подачей голосовъ, имѣла своимъ назначеніемъ законодательную дѣятельность, приобщая въ внутреннему строителству и вѣдѣннымъ сношеніямъ государства начала братской взаимности, социальнаго справедливости и свободы. Задача Союзной Думы, составленной изъ представителей областныхъ собраній, помимо законодательства соимѣстно съ Государственной Думой, состояла, главнымъ образомъ, въ гарантіи интересовъ отдѣльныхъ областей и націй, входящихъ въ составъ Россіи. Обѣ эти палаты, пользуясь правомъ внутреннего распорядка, должны были собирать въ свои назначенные сроки и засѣдать одновременно. Обѣ онѣ имѣли право запросовъ и выраженія довѣрія или недовѣрія отдѣльнымъ министрамъ и всему правительству. Всѣ законы, а также государственныя бюджеты, не утвержденные обѣими палатами, не имѣли обязательной силы. Пересмотръ конституціи могъ осуществляться лишь по взаимному соглашенію обѣихъ палатъ. Рѣшеніе вопроса о соответствии или несоответствіи новыхъ законовъ Думѣ съ конституціею рѣшается кассационнымъ судомъ. Глава государства обязанъ, подъ ответственностью министровъ, обнародовать законы, признанные кассационнымъ судомъ правильными.

Между тѣмъ, какъ свѣтъ вызываетъ тѣнь, такъ всякое освободительное движеніе вызываетъ правительственныя репрессіи.

Въ семидесятыхъ годахъ онѣ проявились съ особенною силою по отношенію къ обществу вообще и къ земству въ частности. Къ послѣднему самодержавная бюрократія относилась все съ большею и большею подозрительностью и сыпала, какъ изъ рога изобилія, реакціонными законами и циркулярами. Въ 1870 году вслѣдъ за законами 4-го іюля выходитъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го октября, относящійся къ земскимъ служащимъ, въ которыхъ правительство основательно видитъ грядущую силу. Еще и еще разъ оно стремится изъять ихъ изъ рукъ земства и совершенно подчинить своему вѣдѣнію. Въ слѣдующемъ, 1871 году вырабатывается «инструкція» инспекторамъ народныхъ училищъ, учрежденныхъ въ 1869 году. Въ силу этой «инструкціи», инспектора сдѣлались единоличными властителями земскихъ начальныхъ школъ, съ правомъ удалять учителей, которыхъ они найдутъ «неблагонадежными», накладывать veto на всѣ рѣшенія училищныхъ совѣтовъ, входя въ сношенія съ попечителемъ. Но и эти мѣры не успокаивали бюрократію, ясно сознававшую, что съ просвѣщеніемъ народа роль ея низводится къ нулю. Всего черезъ два года послѣ названной «инструкціи» появляется «рескриптъ» на имя министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ указывалось, что въ народной школѣ замѣчается стремленіе отклонить учащихся «отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью которыхъ въ теченіе вѣковъ собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія». На слѣдующій годъ появляется извѣстное «новое» «Положеніе о народныхъ училищахъ» 1874 года, по которому предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ дѣлались предводители дворянства, а неограниченное господство надъ школами переходило къ дирекціи народныхъ училищъ. Ходатайство Казанскаго губернскаго земства о пересмотрѣ этого закона съ участіемъ земскихъ представителей встрѣтило со стороны правительства отказъ. Не увѣнчались успѣхомъ и ходатайства земствъ объ изданіи обще-земскаго органа.

Весьма возможно, что въ 70-хъ годахъ земство низведено было бы къ нулю, если бы правительственный гнетъ не вызвалъ сильное революціонное движеніе, настолько осложнившее внутреннее состояніе страны, что, дабы отвлечь вниманіе общества отъ собственныхъ язвъ, была предпринята «освободительная» война съ Турціею. Когда же и это средство не помогло, какъ въ наше время не помогла война съ Японіею, сдѣлана была попытка обратиться, для уничтоженія крамолы, за содѣяніемъ къ обществу¹⁾.

¹⁾ Напомнимъ здѣсь въ самыхъ краткихъ чертахъ о революціонныхъ проваженіяхъ въ 70-хъ годахъ. Въ 1871 году Незаевское дѣло; начиная съ 1872 года, правительствомъ замѣчается усиленную пропаганду среди народа, причемъ съ 1873 года организаторомъ провагандистовъ является Николай Чайковскій, завязавшій сношенія и съ русскими эмигрантами. Одновременно изъ за границы начинается изданіе «интернациональнаго общества рабочихъ», Бакунина, Петра Лаврова, начавшихъ въ 1873 г. издавать журналъ «Впередъ», Таачева, кн. Кропоткина. Подъ этимъ вліяніемъ въ Россіи начинаютъ организовываться кружки и усиливается пропаганда среди крестьянъ и рабочихъ. Правительство усиленно преслѣдуетъ провагандистовъ и привлекаетъ къ отвѣтственности до 2000 человекъ, по суду предаетъ лишь 193 лицъ. Ихъ судили съ

20 ноября 1878 года, въ Москвѣ, Императоръ Александръ II, обращаясь къ представителямъ различныхъ сословій, сказалъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ въ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое Вамъ, какъ и мнѣ».

Странно было слышать приведенныя слова изъ устъ Верховной Власти. Ясно было, что они внушены были бюрократіею. Въ самомъ дѣлѣ, во всей Россіи совершался ужасающій произволъ. III-е отдѣленіе насмѣхалось надъ законами. Обыски, аресты, административныя ссылки, тяжелое тюремное заключеніе, наконецъ, смертная казнь ¹⁾,—вотъ чему свидѣтелями были всѣ «сословія». Никто не могъ поручиться за завтрашній день, а тутъ говорилось «о законахъ». Нужно ли говорить, что земство не могло не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы не указать правительству на ужасающія нестроенія въ Россіи и указать на тотъ путь, который могъ бы вывести страну изъ невыносимаго положенія. Этотъ путь тогда былъ такой-же, какъ и сейчасъ—это созывъ народныхъ представителей съ законодательными функциями. При томъ ужасѣ, который наводило правительство на все населеніе, нелегко было «земскому союзу» организовать обще-земское требованіе относительно уничтоженія самодержавнаго строя, но все-же пять губернскихъ земскихъ собраній (Черниговское, Тверское, Харьковское, Полтавское и Самарское) открыто высказались за созывъ земскаго собора. Особенно откровенны были адреса первыхъ двухъ земствъ.

Въ Черниговскомъ адресѣ, составленномъ И. И. Петрункевичемъ, указывалось, между прочимъ, на отсутствіе свободы слова, печати, законности, на ужасающій режимъ въ сферѣ высшей и средней школы, который въ то время повелъ уже къ тому, что болѣе шести тысячъ молодежи были выброшены изъ стѣнъ высшихъ учебныхъ заведеній и представляли изъ себя богатый матеріалъ для крайнихъ революціонныхъ партій ¹⁾. Въ силу всѣхъ этихъ и многихъ другихъ

18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., причемъ многие были оправданы и среди нихъ такіе, какъ Желябовъ, Перовская, Левъ Тихомировъ, Квятковскій, Грачевскій, Лешернъ-фонъ-Герингфельдъ, вносавдствіи, поль наорозъ неслихаинныхъ репрессій, превратившіеся изъ мирныхъ пропагандистовъ въ террористовъ. Террористическіе акты начались въ 1878 году покушеніемъ Вѣры Засулицы на Тренина. Въ томъ же году въ Кіевѣ было покушеніе на жизнь товарища прокурора Котларескаго и совершилось убійство жандармскаго капитана Гейкина. Въ Петербургѣ въ 1878 году былъ убитъ начальникъ третьяго отдѣленія шефъ жандармовъ генераль Мезенцевъ.

¹⁾ 2 го августа 1878 года въ Одессѣ былъ казненъ Ковальскій.

²⁾ Съ 1865 и по 1880 годъ, т. е. въ теченіе 15 лѣтъ народнымъ образованіемъ безконтрольно распоряжался графъ Д. А. Толстой. Въ 1865 году онъ сдѣланъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода, а въ 1866 г. и министромъ народнаго просвѣщенія. Быть можетъ, ни одинъ министръ не принесъ столько зла Россіи, какъ этотъ черствый, сухой бюрократъ, стремившійся превратить всю учащуюся молодежь въ бессмысленныхъ манекеновъ, пригодныхъ лишь для укомплектованія кадровъ работающихъ чиновниковъ, единственною задачей которыхъ была бы только поддержка абсолютизма. Изъ

условій, всѣ реформы царствованія Александра II-го стали въ полное противорѣчіе съ существующимъ въ дѣйствительности строемъ. Поэтому и земскія учрежденія совершенно не могутъ стоять на высотѣ своего призванія. «Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться законодательству,—говорилось далѣе въ Черниговскомъ адресѣ,—не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди него идей,—русское общество представляетъ разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но не способную къ борьбѣ». Въ виду этого, «земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства». Другими словами, Черниговское губернское земское собраніе отказывало правительству въ помощи въ борьбѣ съ крамолою.

Тверское губернское земское собраніе точно также, не соглашаясь поддерживать правительство, еще болѣе рельефно выясняло причины крайнихъ революціонныхъ теченій.

Политическія преступленія являются результатомъ глубокихъ недуговъ, которыми поражена страна. Указавъ, какъ и черниговскіе земцы, на тяжелое положеніе высшей и средней школы, на ненормальныя условія, въ которыя поставлено земство, тверское земское собраніе въ концѣ адреса напомнило, что, если Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ труднаго ига болгарскаго народа, признаетъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, независимость суда, свободу печати,—нужно надѣяться, и русскій народъ воспользуется тѣми же благами.

Правительство крайне недовольно было такого рода заявленіями земства на призывъ его къ борьбѣ съ крамолой, и И. И. Петрункевичъ, на примѣръ, былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ Черниговской губерніи, но внутренняя смута достигала такихъ размѣровъ, что приходилось что либо предпринять ¹⁾. Какъ въ наше

профессоровъ университетовъ и учителей гимназій онъ силится также сдѣлать самими заурядныхъ чиновниковъ, молчаливо исполнявшихъ велѣнія его, министра народнаго просвѣщенія. Мы думаемъ, что эта ужасающая „толстовская“ система была и до сихъ поръ еще является источникомъ всѣхъ бѣдъ нашей высшей и средней школы.

¹⁾ Въ 1879 и въ началѣ 1880 года произошли, между прочимъ, такіе событія: въ Харьковѣ былъ убитъ губернаторъ вн. Крапоткинъ, началась сильная пропаганда среди рабочихъ, организованная комитетомъ „Земля и Воля“, результатомъ которой явились невѣстные почти до тѣхъ поръ стачки рабочихъ въ Петербургѣ, (первыя пролазненія ихъ были въ концѣ 1878 г.), покушеніе на шефа жандармовъ Дрентельна, 2-го апрѣля совершено покушеніе Соловьева на Императора Александра II-го, ограбленіе Херсонскаго казначейства, Липецкій сѣздъ и второе неудачное покушеніе на жизнь Императора Александра II-го, на это-западной дорогѣ, третье покушеніе на Императора Александра II близъ Москвы, на моск.-курск. ж. д. Затѣмъ дѣло Осинскаго въ Кіевѣ, дѣло Лизогуба и др. 27 лѣтъ въ Одессѣ и т. д.

Лѣтомъ 1879 г. началъ функционировать партія „Народной Воли“, въ № 3 главнаго того же наименованія отъ 1 января 1880 г. были выставлены такія требованія: 1) созданіе народнаго представительства, облеченнаго полною властью, 2) организація широкаго жескаго самоуправления, основаннаго на выборномъ началѣ, 3) самостоятельность міра (сель-

время, въ 1904 году, являлось намѣреніе, «отдѣлаться отъ смуты небольшимъ довѣріемъ», точно этотъ же рецептъ прописанъ былъ 27 лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1880 года. Мы объ этомъ «довѣріи» узнали отъ князя Святополкъ-Мирскаго, въ 1880 г. о немъ возвѣститъ глава вновь учрежденной Верховой Распорядительной Комиссіи графъ Лорисъ-Меликовъ ¹⁾. Въ воззваніи къ жителямъ Петербурга онъ говорилъ, что «на поддержку общества» онъ смотритъ, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого населенія. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ намѣреній, графъ Лорисъ-Меликовъ упразднилъ ненавистный для всѣхъ застѣнокъ, именовавшійся «III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», а на праздникъ Пасхи 1880 года, въ родѣ «краснаго яичка», послѣдовало удаленіе губителя учащейся молодежи, всѣми ненавидимаго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого. Затѣмъ, въ бесѣдѣ съ редакторами петербургскихъ газетъ и журналовъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, между прочимъ, заявилъ, что въ его программу входитъ—«дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполне воспользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ законами, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстности.... Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ существовавшимъ доселѣ, дать провинціальнымъ

свои общины), какъ экономической и административной единицы, 4) признаніе принципа, что земля есть собственность народа, 5) система мѣръ, позволяющихъ передать фабрики и заводы въ руки рабочихъ, 6) полная свобода совѣсти, свобода печати, совозвышенія, собраний и выборной агитаціи, 7) всеобщее избирательное право, безъ всякаго сословнаго и имущественнаго ограниченія, 8) занятія постоянной арміи — территориальной, 5-го февраля 1880 г. произошло возмущеніе въ Зимнемъ дворцѣ.

¹⁾ Учрежденіе этой комиссіи объясняется серьезными затрудненіями, въ которые было поставлено правительство. Черезъ три дня послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, именно 8-го февраля 1880 г., государь вызвалъ въ себя министровъ—внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, военнаго, фискаловъ и шефа жандармовъ и высказалъ имъ взглядъ, что для борьбы съ крамоломъ необходимо сосредоточить власть въ однихъ рукахъ, именно въ рукахъ графа Лорисъ-Меликова. Министры должны были выработать соотвѣстственный проектъ, и вотъ уже 12 февраля опубликованы были указы Правительствующему Сенату объ учрежденіи «Верховой распорядительной Комиссіи для поддержанія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Члены комиссіи избирались самими ея предѣлителями, т. е. Лорисъ-Меликовымъ; министры, по требованію, также должны были присутствовать въ ней. Лорисъ-Меликовъ, въ качествѣ распорядителя комиссіи пользовался правами главнокомандующаго въ Петербургѣ и окрестности. Вся администрація, на всемъ пространствѣ Россіи, включая генералъ-губернаторовъ, была подчинена ему, причѣмъ Лорисъ-Меликовъ пользовался правомъ личнаго сношенія съ Государемъ. Всѣ мѣры и указы, которые разсматривалъ Лорисъ-Меликовъ, были для всѣхъ обязательны, и съ предѣлителями Верховой комиссіи не могъ ничего сдѣлать даже Сенатъ. Комиссія эта просуществовала до августа, когда Лорисъ-Меликовъ изъ всесильнаго диктатора былъ сдѣланъ просто министромъ внутреннихъ дѣлъ съ расширенными правами. Скажемъ здѣсь въ слову, что черезъ 8 дней послѣ указа о Верховой комиссіи, 20-го февраля на Лорисъ-Меликова сдѣлано было покушеніе Младоземцами, который 22 февраля былъ повѣшенъ.

учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, дознаніе желанія, нужды, состояніе населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе. Нужно ли говорить, что земство не могло не воспользоваться такимъ благоприятнымъ моментомъ для указанія на нужды страны ¹⁾, хотя «лисій хвостъ», какъ прозванъ Лорисъ-Меликовъ, не преминулъ заявить, что «мечтательныя иллюзіи» печати «о привлеченіи общества къ участию въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраний европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ соборовъ»—не значатся въ правительственной программѣ.

«Земскій Союзъ» постыдился созвать съѣздъ, на которомъ было постановлено употребить всѣ усилія для созыва народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія. Земскимъ собраніямъ сессіи 1880 года данъ былъ съѣздомъ соотвѣтствующій лозунгъ и собраніями сдѣланы были нужныя постановленія, но, понятно, въ формахъ и выраженіяхъ, которыя были допустимы на собраніяхъ, на которыхъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, трудно было открыто провести оппозиціонныя требованія. Мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ земское настроеніе въ періодъ Лорисъ-Меликовскаго «довѣрія» ²⁾.

Такъ, въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ 1880 году, гласный г. Румянцевъ, между прочимъ, говорилъ, что земское собраніе боится высказаться по вопросу объ общихъ мѣрахъ къ развитію народнаго благосостоянія. Эта боязнь объясняется тяжелымъ положеніемъ земства, которое принужденно ходить вокругъ да около одной изъ самыхъ серьезныхъ задачъ. Чтобы избавиться отъ такихъ невыносимыхъ условий,—необходимо хадатайствовать предъ правительствомъ о неприкосновенности личности, о томъ, чтобы оно признало, что каждый изъ гласныхъ отвѣтствененъ лишь предъ закономъ и только по суду. Безъ этого земство будетъ безсильно и нѣмо во всякомъ серьезномъ вопросѣ.

Еще опредѣленнѣе въ томъ же году высказался въ запискѣ по продовольственному вопросу гласный того-же земства г. Нечаевъ. Докладывая необходимость дальнѣйшихъ реформъ, чтобы выдти изъ тяжелаго экономическаго положенія, авторъ записки указываетъ, что реформы эти, для того, чтобы получить надлежащую крѣпость и принести

¹⁾ Въ 1880 г., въ Москвѣ подъ редакціей В. Ю. Сивалова, стала издаваться серьезная еженедѣльная газета «Земство», въ которой принималъ участіе много видные писатели и общественные дѣятели, какъ-то: Н. А. Каблуковъ, С. А. Муромцевъ, Н. А. Каршевскій, В. А. Гольцевъ, Д. Н. Ждановъ, З. А. Осиповъ, А. Ф. Фортунатовъ, баронъ Н. А. Корфъ, Ф. Ф. Эриксонъ, С. А. Пржевальскій и др. Газета эта просуществовала лишь до 1881 г. Съ момента наступленія реакціи, въ названномъ году, она получила два предостереженія—за «неодолжительное и несправдливое осужденіе дѣятельности лицъ, занимающихъ важныя государственныя должности», и 10 октября 1881 г. была закрыта.

²⁾ Кажется въ этому времени относится подробно разработанный проектъ конституціи суданскимъ, Курской губ., земствомъ, въ лицѣ, если не ошибаюсь, г. Желудина. Мы когда то читали этотъ проектъ, но, къ сожалѣнію, для настоящей статьи раздобыть его не могли.

желанные плоды, должны соответствовать действительнымъ нуждамъ страны и большинства населенія. Для того, чтобы познаться съ желаніями и нуждами большинства, правительству необходимо выслушать голосъ народа, дать ему возможность и средство высказаться. Что касается земства, то для наилучшаго служенія государству, необходимо многое измѣнить, многое пополнить, а главное—даровать земству широкія права и сдѣлать его действительнымъ представителемъ населенія и выразителемъ его интересовъ; нужно ввести земство въ сѣть государственныхъ учреждений со всѣми необходимыми правами и преимуществами; необходимо сдѣлать земство средоточіемъ всего мѣстнаго управленія, дать ему право свободно высказываться по всѣмъ вопросамъ общественной жизни. Свобода мысли и слова, немислимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширение правъ земства и преобразование его въ смыслъ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь и возможность общенія между земствами остальныхъ губерній—вотъ тѣ принципы, которые должны быть положены въ основу дальнѣйшихъ реформъ.

Черниговское губернское земское собраніе, для выраженія своихъ взглядовъ, воспользовалось случаемъ административнаго произвола.

Въ 1879 году, какъ мы уже знаемъ, былъ высланъ административнымъ порядкомъ гласный черниговскаго губернскаго и борзенскаго уѣзднаго земскаго собранія, И. И. Петрункевичъ. Въ 1880 году, не взирая на отсутствіе, онъ опять избранъ былъ гласнымъ тѣхъ же земствъ, причемъ 37 гласныхъ черниговскаго губернскаго земства сдѣлали слѣдующее заявленіе собранію: «Недовѣріе, выраженное администраціей Петрункевичу, высылкой его безъ суда, не раздѣляется мѣстными жителями, такъ какъ тремя выборами они ясно выразили, что попрежнему довѣряютъ г. Петрункевичу быть ихъ земскимъ представителемъ. Такая противоположность въ оцѣнкѣ дѣятельности одного и того же лица возможна потому, что какъ администрація въ вопросахъ о высылкѣ безъ суда, такъ и земство въ выборѣ своихъ представителей, уполномочены закономъ дѣйствовать вполне дискреціонно. Но само собою разумѣется, что подобная коллизія законныхъ правъ двухъ государственныхъ учреждений—земства и администраціи—въ высшей степени прискорбна, такъ какъ въ основѣ колеблетъ въ мѣстныхъ жителяхъ ту вѣру въ законъ, которая необходима для правильнаго теченія государственной жизни. Гласный черниговскаго губернскаго земства, г. Карпинскій, по поводу той же административной высылки г. Петрункевича, предлагалъ ходатайствовать объ ограниченіи дѣйствій административной власти въ примѣненіи ея къ общественному представительству. Неограниченность власти въ этомъ отношеніи мѣшаетъ, по мнѣнію Карпинскаго, болѣе глубоко-му изслѣдованію причины движенія, мѣшаетъ правильному развитію русскаго общества; оно противно основному принципу самоуправленія—гласности.

Не ограничиваясь политическимъ «вольнодумствомъ», земство проявило его и въ вопросахъ экономическихъ, что особенно

возбудило противъ себя крѣпостниковъ. Характернымъ образчикомъ злобы послѣднихъ явился, между прочимъ, знаменитый харьковскій предводитель дворянства Шидловскій, бывший затѣмъ въ реакціонный періодъ царствованія Александра III го губернаторомъ сначала Орловскимъ, а затѣмъ Костромскимъ. Въ 1880 году онъ на Харьковскомъ губернскомъ собраніи, чтобы сорвать вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, придавъ послѣднему политическое значеніе. Шидловскій проводилъ мысль, что земство, ратуя за устройство земельного банка, «имѣетъ, должно быть, въ виду какое-то учрежденіе политическаго свойства». Исходя изъ факта крестьянскаго малоземелья, земцы, молъ, въ душѣ желаютъ упразднить крупную собственность и раздробить ее на мелкіе участки. Какъ вамъ угодно,—воскликнул испуганный и негодующій крѣпостникъ,—это уже цѣль политическая, стремясь къ которой, «земство выходитъ изъ своей роли». Въ Дорогобужскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи другой представитель крупной земельной собственности, г. Игнатьевъ, въ меньшей степени возмущался «соціалистическими тенденціями» земства. «Жутко не мужику,—говорилъ онъ,—а землевладѣльцу, о которомъ, однако, никто не думаетъ. Насъ спрашиваютъ не о помѣщикахъ, не о священникахъ, а о «господинѣ крестьянинѣ»,—такъ пусть же этотъ «господинъ крестьянинъ» и скажетъ, что ему нужно. А, по мнѣнію Игнатьева,—«зло извести, устранить его, въ нашей власти, слѣдовательно, нечего хлопотать... Пока будетъ существовать община, будетъ и бѣдствіе»...

Черезъ 27 лѣтъ, въ наши дни, предсѣдатель «конституціоннаго» кабинета министровъ исполнилъ, къ слову сказать, завѣты Игнатьева,—формально уничтожилъ общину закономъ 9-го ноября 1906 года,—но прекратится ли отъ этого «бѣдствіе»—покажетъ будущее.

Искренне или неискренне, но Лорисъ-Меликовъ, повидимому, прислушивался къ земскимъ заявленіямъ. По крайней мѣрѣ изъ разговора съ Кошелевымъ, въ 1880 году, выясняется, что графъ бесѣдовалъ на эту тему съ Александромъ II мъ и, «не надѣясь получить соизволенія Государя на созваніе Земской Думы», проектировалъ собрать «Комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ»¹⁾. Однако и «Земская Дума» и «комиссія» Лорисъ-Меликова въ основахъ своихъ совершенно не со-

¹⁾ Нужно думать, что эти взгляды явились действительнымъ политическимъ средствомъ Лорисъ-Меликова. По крайней мѣрѣ въ «Письмахъ о современномъ состояніи Россіи», Р. А. Оадѣва,—бывшаго товарища Лорисъ-Меликова на Кавказѣ,—относительно которыхъ онъ просилъ у Государя разрѣшеніе напечатать за границею и допустить въ Россію и содержаніе которыхъ излагалъ въ своемъ вышеупомянутомъ докладѣ, между прочимъ говорится, — что, — послѣ крушенія дворянства, — «Земство—единственная живая общественная сила, могущая стать для нации такою же несокрушимою опорой, какою было прежде дворянство; и такъ какъ громадное большинство русскихъ людей искренно вѣруетъ въ царскую власть, то земство, выражающее собой это большинство, представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и силу самую благонадежную». «Воспоминанія» извѣстнаго врача П. А. Бѣлоголова точно также подтверждаютъ, что Лорисъ-Меликовъ былъ искренній «уѣренный постепенонецъ», который «не мечталъ ни о какихъ коренныхъ переворотахъ въ государственномъ строѣ». «... Поэтому онъ былъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за самостоятельность науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія и за привнесеніе выборныхъ отъ общества въ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣтательныхъ членовъ. Дальше этого его реформативные идеалы не шли»...

отвѣтствовали земскимъ стремленіямъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, отъ 28-го января 1881 года, онъ, излагая свой взглядъ, между прочимъ говоритъ, что «для Россіи немислима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствіе коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ, представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему». Но что же надо предпринять? Лорисъ Меликовъ проектировалъ сгруппировать матеріалъ, добытый тогда сенаторскими ревизіями и подвергнуть его разсмотрѣнію и обсужденію особыхъ «подготовительныхъ комиссій» изъ лицъ, выбранныхъ правительствомъ и имъ же назначенныхъ чиновниковъ, а также изъ «приглашенныхъ съ Высочайшаго соизволенія свѣдущихъ и благонадежныхъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія и народной жизни». И вотъ такого-то рода комиссіямъ проектировалось поручить «составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею». Законопроекты эти должны были быть направлены въ «Общую Комиссію», которая и являлась россійскимъ парламентомъ. Въ этой комиссіи предсѣдатель долженъ былъ утверждаться Государемъ, а составъ его предполагался такой: 1) предсѣдатели и члены подготовительныхъ комиссій, 2) гласные и другія лица, избранныя губернскими земскими собраніями и думами большихъ городовъ и 3) назначенныя особымъ порядкомъ представители тѣхъ губерній, въ которыхъ не было земскихъ учреждений.

Вотъ, собственно говоря, и вся Лорисъ-Меликовская конституція. По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что самъ авторъ сознавалъ всю несостоятельность такого представительства, но во всякомъ случаѣ оно безусловно не могло удовлетворить земскую партію, что и выяснилось въ 1881 году, тотчасъ послѣ смерти императора Александра II го.

«Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года» видно, что событіе 1-го марта 1881 г. вызвало усиленную дѣятельность «Земскаго Союза». Члены его, спѣшно съѣхавшись въ Харьковъ, въ количествѣ 30 ти человекъ, выработали и отлитографировали программу, названную «Программою Земскаго Союза 1881 г.». Основныя пункты ея были таковы: 1) отрицаніе террора правительственнаго и революціоннаго, 2) упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей, 3) децентрализація государственнаго управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ, 4) центральное народное представительство («Государственная Дума»), въ смыслѣ полноправнаго

законодательнаго органа (избраннаго всеобщимъ голосованіемъ), ограничивающаго и прямо упраздняющаго самодержавную власть¹⁾.

Земскія собранія конечно, не могли такъ откровенно высказываться, но, слѣдя по стопамъ «Союза», и въ рѣчахъ на собраніяхъ дѣлались довольно откровенныя намеки.

Такъ, въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Ждановъ находилъ несвоевременныхъ ходатайствовать «о мелочахъ», а указать на необходимость «расширенія правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны»; въ Новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Нечаевъ, о которомъ мы уже говорили, точно также доказывалъ необходимость, чтобы правительство выслушало «свободный голосъ русскаго народа»; въ Таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Винбергъ говорилъ, что «только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать на средство спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ. Намъ же остается только стремиться, чтобы голосъ народа былъ заслушанъ²⁾».

Въ другихъ земствахъ проводились тѣ же конституціонныя мысли подъ разными видами. Тверское земское собраніе, указывая на событіе 1-го марта, говорило въ адресѣ, что «въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій Царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, неодолимую силу; Казанское собраніе выражало надежду на «завершеніе великаго дѣла обновленія государства», начатаго Александромъ II-мъ и т. д. и т. д.

Но «Земскій Союзъ» недовольствовался дѣятельностью въ однихъ земскихъ собраніяхъ и на сѣздахъ. Онъ рѣшилъ въ 1881 году издавать свой органъ за границей. Земцы вступили въ переговоры съ другимъ извѣстнымъ эмигрантомъ, профессоромъ Кіевскаго университета

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, что послѣ убійства императора Александра II го партія Народной Воли пришла во взглядамъ, очень близкимъ къ земской партіи. Это можно видѣть изъ знаменитаго историческаго письма (отъ 10-го марта 1881 года) Исполнительнаго Комитета названной партіи къ Александру III-му, которое Марксъ и Энгельсъ назвали «положительно прекраснымъ по своей политичности и спокойному тону». «Оно», — говорили далѣе отцы марксизма, — «доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находится люди съ государственной складкой ума». Въ этомъ письмѣ, въ редакціонаніи котораго принималъ близкое участіе П. К. Михайловскій, основными пунктами были: 1) Общая амнистія по всемъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга и 2) Союзъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями». Затѣмъ далѣе, какъ и въ программѣ «Земскаго Союза», выработанной еще въ 1879 году, — о которой мы говорили выше, — въ письмѣ къ Александру III-му говорится о необходимости свободы: выборовъ, печати, слова, сходовъ и избирательныхъ программъ.

²⁾ Скажемъ къ слову, что въ томъ же 1881 году В. К. Винбергъ былъ заочаренъ въ сочувствіи революціонерамъ, причѣмъ дознаніемъ, произведеннымъ Таврическимъ жандармскимъ управленіемъ, обнаружено было, что какъ въ Симферопольской губернской управѣ, такъ и въ Симферопольскомъ обществѣ взаимнаго кредита, предсѣдателями которыхъ В. К. Винбергъ состоялъ, одновременно служили не только лица неблагонадѣжныя, но и политическіе преступники, какъ Софія Перовская, Телламанъ и др., причѣмъ В. К. оказывалъ имъ матеріальную помощь, а нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ и неблагонадѣжныхъ ушли въ имѣніе Винберга на южномъ берегу Крыма и были воспитателями его дочерей. Въ 1881 году Винбергъ былъ высланъ изъ Крыма.

М. П. Драгомановымъ, оставившимъ Россію въ 1876 году, который и сдѣлалъ земскимъ органомъ издававшееся имъ «Вольное Слово», которое сначала служило для всѣхъ оппозиціонныхъ партій, кромѣ террористической ¹⁾).

Такое соглашеніе съ земцами соотвѣтствовало тогдашнимъ взглядамъ М. П. Драгоманова. Въ своей автобіографіи онъ, между прочимъ, писалъ: «Будучи социалистомъ по своимъ идеаламъ,—прибавлю: социалистомъ западно-европейской школы,—я убѣжденъ, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокому развитію массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній»... «Въ Россіи нужно прежде добиться политической свободы; социалистическія же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить же свободу въ Россіи украинской націи, по моему мнѣнію, можно не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма»... «Я дѣйствительно постепенно все больше и больше становился противникомъ русскихъ революціонеровъ. Кромѣ ихъ великорусскаго централизма и антикультурныхъ тенденцій, народническихъ иллюзій, макіавелизма средствъ, меня раздѣляло съ ними и возведеніе политическаго убійства, или, какъ они говорили, «террора», въ принципъ революціонной борьбы, тогда какъ я смотрѣлъ на этотъ терроръ только какъ на естественное, хотя и патологическое, послѣдствіе террора самого правительства»... «Статья моя («Историческая Польша и Великорусская демократія») печаталась въ «Вольномъ Словѣ» въ 1881 г. въ то время, какъ въ «Земскомъ Союзѣ» выработывалась своя программа реформы Россіи,—и оказалось, что наши программы сошлись въ основнѣхъ. Въ концѣ 1882 г. мнѣ было предложено специальнымъ делега-

¹⁾ Любопытно, что въ 1880 году,—въ письмѣ отъ 12-го мая,—къ М. П. Драгоманову обращался А. И. Желябовъ, писавшій, между прочимъ: «Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности раздѣлять ее (программу) путемъ печати. Выходитъ въ результатѣ, что комментаторами ея вообще, и за границей чуть-ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполнѣ или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если бы вы прислали критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены между нами непосредственныя отношенія, и, можетъ быть, и сотрудничество наше въ „Народной Воли“». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: вы, конечно, согласитесь слухать общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщите черезъ подателя письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ борьбѣ для родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многие зовутъ Васъ „батькой“! А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Намъ, убѣжденныхъ автономистовъ, впадаютъ въ централизмъ... за Учредительное Собраніе. Во-первыхъ, не хотѣть понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только дивидендіоналъ концессіи, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть иступленные враги? Гдѣ наши фени, Шарпелъ? Такого положенія вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его эконоическое освобожденіе за существеннѣешее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распадѣнія имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочитаемъ мирянами».

томъ «Земскаго Союза», принять на себя редакцію «Вольнаго Слова». Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказать свободно свои мнѣнія,—прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ; при этомъ я отводилъ въ газетѣ много мѣста социальному вопросу, имѣя въ виду представить русской публикѣ, какъ социалистической, такъ и болѣе консервативной *всѣ* оттѣнки въ постановкѣ социальнаго вопроса въ Западной Европѣ и Америкѣ, чтобы такимъ образомъ отклоняться отъ суммарныхъ приговоровъ всякаго рода по этому вопросу».

Въ тоже время бюрократія, также воспользовавшись событіемъ 1-го марта, рѣшила устроить шлюзъ и закупорить всякое освободительное теченіе, поставивъ крестъ даже надъ Лорисъ-Меликовскою конституціею. Черезъ недѣлю послѣ смерти императора Александра II-го, именно 8-го марта 1881 года состоялось знаменитое огребальное, если можно такъ выразиться, засѣданіе государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ новаго императора Александра III-го. Главнымъ предметомъ обсуждения былъ проектъ Лорисъ-Меликова. Засѣданіе открылось рѣчью императора, который, изложивъ въ общихъ чертахъ исторію этого проекта, просилъ членовъ совѣта откровенно высказаться о немъ, сдѣлавъ при этомъ довольно ясный намекъ, что проектъ еще не былъ утверждёнъ, а потому вопросъ о немъ остается открытымъ. Такое заявленіе, понятно, ободрило представителей реакціи и отняло всякую надежду у сторонниковъ Лорисъ-Меликова. Только графъ Милютинъ болѣе или менѣе стойко защищалъ его проектъ, другіе же, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Валуевъ, Сольскій, Абаза и нѣкоторые другіе говорили болѣе чѣмъ осторожно. Но за то Маковъ и особенно оберъ-прокуроръ Св. Синода произнесли громовые рѣчи противъ «куцой» Лорисъ-Меликовской конституціи. Послѣдній, «блѣдный какъ полотно», говорилъ, что у него «сжимается сердце» при одной мысли объ осуществленіи проекта Лорисъ-Меликова. Если бы это случилось, то, какъ предъ гибелью Польши говорили—«Finis Poloniae», такъ, въ случаѣ осуществленія плана Лорисъ-Меликову пришлось бы воскликнуть—«Finis Russiae»! Всероссийскій мракобѣсъ не преминулъ при этомъ охать земскія и городскія учрежденія и суды, вообще всѣ реформы предшествующаго царствованія. Земскія и городскія учрежденія—это, по мнѣнію Побѣдоносцева,—«говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривъ и вкосъ о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимали лица, не живущія съ своими семьями, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту». Суды—это тоже «говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными». Свобода печати—это «самая ужасная говорильня, которая во всѣ концы необъятной

русской земли, на тысячи, десятки тысяч верст разносит хулу и порицание на власть, посягает между людьми мирными и честными смена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народъ къ самымъ вопиющимъ беззаконіямъ». Закончилъ Побѣдоносцевъ рѣчь свою тѣмъ, что и убійство Александра II явилась результатомъ того, что «всѣ мы» такъ «легко смотрѣли на совершавшееся вокругъ насъ»... «Всѣ мы должны каяться!»—«Сущая правда,—соглашался съ Побѣдоносцевымъ Александръ III,—всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя». И въ этихъ словахъ заключалась вся программа новаго императора: во все царствованіе онъ, согласно взгляду Побѣдоносцева, стремился снять съ себя вину, т. е. не только уничтожить всѣ признаки освободительнаго движенія, но уйти какъ можно дальше назадъ, за царствованіе Александра II-го, ближе къ дѣду своему Николаю I-му.

Проектъ Лорисъ-Меликова былъ проваленъ и дни автора его были сочтены. Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ этого засѣданія, именно 29 апрѣля, былъ обнародованъ манифестъ императора Александра III-го, 4 мая была принята отставка Лорисъ-Меликова, мѣсто котораго занялъ графъ Игнатьевъ. Въ манифестѣ 29 апрѣля, между прочимъ, говорилось: «Посвящая себя великому нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крामолы, позорящей землю Русскую,—къ утверженію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи Благоустроителемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Въ то время никто, конечно, не зналъ о засѣданіи государственнаго совѣта 8 марта и о похоронахъ «конституціи» Лорисъ-Меликова, а потому въ словахъ «къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений» Императора Александра II-го видѣли нѣкоторый намекъ на продолженіе реформъ прошлаго царствованія. Такое мнѣніе еще болѣе утвердилось послѣ опубликованія циркуляра графа Игнатьева, который утверждалъ, что не только права, дарованныя дворянству, земству и городскимъ сословіямъ «останутся, согласно высочайшей воли, въ полной неприкосновенности», но что «правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участию мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній».

Воспользовавшись этимъ манифестомъ и циркуляромъ земства, подъ разными предлогами и въ разныхъ формахъ, опять настаивали на необходимости выборнаго представительства.

Тверское губернское земское собраніе въ 1881 г. заявило, что «никакія, какъ частныя, такъ и общія мѣропріятія или реформы не могутъ достигнуть цѣли, поставленной властью, безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ реформъ выборными представителями всей русской земли».

Новгородская губернская земская управа полагала необходимымъ заявить правительству, что «земство, при настоящихъ условіяхъ своей дѣятельности не можетъ принять участія въ борьбѣ правительства

съ противообщественными элементами и въ преслѣдованіи задачъ, намѣченныхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ вопросъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ общество можетъ оказать правительству желаемое содѣйствіе, безусловно необходимое для достиженія народнаго благоденствія, можетъ получить правильное разрѣшеніе лишь при участіи въ его разсмотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учреждений, выбранныхъ земствомъ специально для этой цѣли.

Череповецкое, новгородской губерніи, земское собраніе заявило, что преобразование мѣстныхъ учреждений «возможно будетъ лишь тогда, когда земствамъ предоставятъ не только право дать свои отдѣльныя письменныя заключенія, но когда представители всѣхъ земствъ получатъ возможность объединить и согласовать заключенія... Если окончательная разработка этого вопроса будетъ возложена на бюрократическіе органы правительства, то весьма вѣроятно, что вниманіе будетъ обращено на тѣ изъ рѣшеній, которыя ближе подходятъ къ видамъ и взглядамъ этихъ органовъ, чѣмъ большинства земствъ».

Харьковское губернское земское собраніе находило необходимымъ, чтобы для разрѣшенія вопроса о преобразованіи крестьянскихъ учреждений былъ созванъ съѣздъ, въ составъ котораго должны входить и депутаты отъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній.¹⁾

Вообще, какъ писалъ Драгомановъ въ заграничномъ земскомъ «Вольномъ Словѣ», заявленія земствъ, поступившія въ то время въ министерство внутреннихъ дѣлъ, вполне соответствовали той программѣ самоуправленія, которая выставлена была названнымъ органомъ.

Но скоро заявленія земствъ о содѣйствіи правительству были прекращены, опубликованія земскихъ постановленій по этому вопросу воспрещены, и вмѣсто всего этого было рѣшено вызывать «свѣдущихъ людей» по усмотрѣнію и назначенію правительства. Съ этими свѣдущими людьми «произошло почти то же самое, что черезъ 21 годъ въ 1902—1903 г. произошло съ устроенными С. Ю. Витте совѣщаніями о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить.

Въ ноябрѣ 1881 года, по Высочайшему повелѣнію была образована коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, почему она и названа была «Кахановскою коммиссіей»²⁾. На нее

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что если въ земскихъ собраніяхъ говорилось о выборности представительствъ только отъ земства, то это объяснялось, во первыхъ, невозможностью въ этой формѣ транзитовать вопросъ на собранія, и во вторыхъ—тѣмъ, что выборные отъ земства, приглашенные въ центральное управленіе, немедленно возбудили бы вопросъ о народномъ представительствѣ.

²⁾ Создану этой коммиссіи, замѣнявшей Лорисъ-Меликовскую «конституцію», предшествовали знаменитыя реакціонныя «Правила объ охранѣ государственнаго строя и общественной безопасности», утвержденныя Александромъ III-мъ 14-го августа 1881 года. Они назывались, по общеповѣнію, «временными», но сохранились собственноручно, до нашего времени. Эти «правила» устанавливали исключительныя мѣропріятія. Вся Россія была отдана частью подъ усиленную, частью подъ чрезвычайную охрану, сообразно чѣму расширялась власть администраціи, особенно генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Серьезное вниманіе было обращено на полицію, особенно на сыскную, которая была «реформирована по европейски», и это явилось

возложено было составление проектов мѣстнаго управления, по программѣ, преподанной комитетомъ министровъ. Какъ матеріалы, ей переданы были все тѣ же данныя сенаторскихъ ревизій, произведенныхъ въ 1880 г., которыя Лорисъ-Меликовъ проектировалъ разматривать въ его «подготовительныхъ» и «Общей» «комиссіяхъ», а также земскіе отвѣты по вопросамъ земскаго самоуправления. Въ комиссію входили ревизовавшіе разныя губерніи сенаторы и представители министерствъ, въ лицѣ, главнымъ образомъ, товарищей министровъ; что же касается «свѣдущихъ людей», то приглашеніе послѣднихъ было предоставлено предсѣдателю комиссіи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Земцы, несмотря на „предупредительныя мѣры“, принятія правительствомъ, высказали рѣзкій протестъ противъ фальсификаціи народнаго представительства. Бессарабское, Владимірское, Казанское, Калужское, Костромское, Новгородское, Петербургское, Полтавское, Псковское, Смоленское, Харьковское и Херсонское губернскія земскія собранія отказались признать «свѣдущихъ людей» компетентными и уполномоченными рѣшать вопросы мѣстнаго самоуправления. «Въ послѣднее время, заявляло, на примѣръ, Владимірское губернское земское собраніе, для разрѣшенія нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ были вызываемы свѣдущіе люди, которымъ, къ сожалѣнію, придается названіе людей земскихъ, такъ что вся неудачная работа ихъ падаетъ упрекомъ на земство». «Мы полагаемъ бы ходатайствовать, чтобы въ числѣ ихъ были лица, избранныя земскими собраніями, которыя вѣрнѣе могутъ выяснить нужды и потребности населенія всѣхъ разнородныхъ мѣстностей, и чтобы выработанный комиссіею проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній». А въ концѣ заявленія, земцы выражали желаніе, чтобы «свѣдущимъ людямъ», вызываемымъ правительствомъ по его усмотрѣнію, не давалось названіе «земскихъ людей». Новгородское губернское земское собраніе согласилось съ мнѣніемъ гласнаго Рагозина, который говорилъ, что «призванные правительствомъ свѣдущіе люди не могутъ быть названы земскими; они составляютъ фиктивное земское представительство, и обсужденіе ими вопросовъ земско-государственной важности поселаетъ лишь недоразумѣніе въ средѣ населенія губерніи, такъ какъ ихъ мнѣніе принимаютъ за мнѣніе представителей земства, посланныхъ населеніемъ, между тѣмъ какъ они въ дѣйствительности выбраны министерствомъ

единственною „европейскою“ реформою“. Была уничтожена гласность политическихъ процессовъ, такъ что послѣдній гласный политическій процессъ былъ—падѣ виновниками 1-го марта, приговоренными къ смертной казни и повѣшенными ровню черезъ мѣсяцъ послѣ событий—1 апрѣля. Наконецъ, „правила“ давали неограниченное право министру внутреннихъ дѣлъ. Къ слову сказать, въ это же время зародились и „истинно-русскіе люди“, образовавшіе „кружокъ добровольцевъ со спеціальнымъ намереніемъ помочь суду и полиціи въ ихъ розыскахъ“. Эта ассоціація называлась „дружиной“ и въ составъ ея входили лица, занимавшія самое высокое положеніе въ столицѣ.

Кромѣ этой высокопоставленной „дружины“, образовалась еще „группа мужественныхъ добровольцевъ“, которая рѣшила организовать съ оружіемъ въ рукахъ тайный брестовый походъ противъ враговъ порядка; цѣлью этого похода—было истребить анархистовъ (родъ тайныхъ судыщъ въ среднѣ вѣка)¹⁾. Отсюда мы видимъ, что 26 лѣтъ тому назадъ было тоже, что и въ наши дни. Исторія, значить, повторяется и ничто не ново подъ луной.

внутреннихъ дѣлъ». Харьковское губернское земское собраніе поручило управѣ ходатайствовать «о постановленіи, взаимнѣ существующаго порядка выбора свѣдущихъ людей, такихъ основаній для выбора ихъ, которыя обезпечивали бы возможность видѣть въ свѣдущихъ людяхъ дѣйствительныхъ представителей общества».

Въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по этому же вопросу были внесены такія предложенія, что предсѣдатель собранія не допустилъ ихъ обсужденія и закрылъ собраніе.

Такое отношеніе земства къ Кахановской комиссіи, въ которой правительство, совмѣстно съ славянофилами и реакціонерами, видѣло единственно допустимую форму представительства, послужило предлогомъ для окончательнаго уничтоженія ненавидимаго бюрократіи мѣстнаго самоуправления, неослабно стремившагося расширить рамки до народнаго представительства.

Съ цѣлью совершенно «укротить» земство и сокрушить крамолу, 30 мая 1882 года былъ призванъ удаленный Лорисъ-Меликовымъ графъ Д. А. Толстой. Тогда составилъ ужасающей триумвиратъ, въ руки котораго отдана была Россія: редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Катковъ, этотъ хамелеонъ, всю жизнь мѣнявшій свои взгляды, ханжа и фанатикъ реакціи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ и мрачный, ненавидимый всѣми бюрократъ Д. А. Толстой, о которомъ мы уже не разъ говорили. Послѣдній сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, при помощи упомянутыхъ товарищей, немедленно принялся за систематическое уничтоженіе малѣйшаго проявленія всякой живой мысли.

По отношенію къ земству онъ, конечно, проявилъ самую усердную дѣятельность¹⁾.

На земскія учрежденія начались систематическія гоненія и примѣнялись самыя крутыя расправы, какъ только то или иное земство

¹⁾ Усиленный надзоръ за провозомъ печатнаго слова изъ за границы заставлялъ земцевъ въ маѣ 1883 года прекратить изданіе „Вольнаго Слова“; одновременно приостановить свою дѣятельность и „Земскій Союзъ“, или, вѣрнѣе, ушелъ въ подполье. По крайней мѣрѣ въ томъ-же 1883 году въ тайной типографіи было напечатано „воззваніе“ „отъ группы русскихъ конституціоналистовъ“, которая вѣроятно все образовалась изъ земской среды, если это не былъ тотъ же самый „Земскій Союзъ“. Въ этомъ воззваніи, между прочимъ, говорилось: „мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской социальна-революціонной партіи, и вступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ насилій и преступленій вызванныхъ дикимъ, безумьемъ, но совѣсти, осуждая рядъ насилій и преступленій вызванныхъ дикимъ, безумьемъ, виновнымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ жалостливый, вѣкованъ насиліемъ само существованіе, чтобы отстоять свое существованіе, чтобы задуднуть, торжму, кандалы и висѣлицу, чтобы дать отчетъ обществу въ невѣроятномъ грабѣжѣ и въ свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабѣжѣ и роднаго имущества“. Далѣе въ „воззваніи“ говорилось: „правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позоритъ и позоритъ держать себя въ вопросахъ международной политикѣ, вадая лишь передъ Бисмаркомъ, заискивая расположенія ижежизненнаго врага свободы и просвѣщенія—царскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ пролито столько русской крови, потрачено столько средствъ, отворачиваются отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, неждѣ отстаивающаго „славянскія основы“ деспотизма, хищничества и „тихого безмолвнаго житья“. Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и бесовскаго проинова, который обратилъ въ гусеницу казарму русскую школу, урода нашихъ дѣтей, сжимая, заглушая у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердыхъ убѣжденій“.

выходило изъ намѣченныхъ рамокъ. Череповецкое, Новгородской губернии, земство было, напримѣръ, совершенно раскассировано и замѣнено «правительственною комиссіею», вслѣдствіе заявленія Новгородскаго губернатора во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ, что названное земство устраиваетъ «систематическую оппозицію правительству».

Но репрессии не помогали: то и дѣло губернаторы доносили о «вредномъ направленіи» земствъ, и на всеподданнѣйшемъ, напримѣръ, отчетѣ Вятскаго губернатора о вятскомъ земствѣ, въ 1887 году, т. е. черезъ 5 лѣтъ послѣ назначенія Толстого, Александръ III дѣлаетъ отмѣтку: «Печально», «Почти вездѣ то же самое».

Слѣдовательно надо было изобрѣсть другія, еще болѣе крутыя мѣры.

И графъ Толстой рѣшилъ покончить съ земствомъ совершенно, вовсе уничтожить его.

Онъ составилъ проектъ «новаго» земскаго положенія.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ этомъ своемъ проектѣ графъ Толстой поставилъ крестъ надъ Положеніемъ 1864 года. вмѣсто земскихъ управъ, какъ исполнительныхъ органовъ собраний, гр. Толстой проектировалъ правительственныя комиссіи—земскія присутствія. Земскія собранія превращались въ совѣщанія свѣдущихъ людей при губернаторахъ. Всѣ, безъ всякаго исключенія, постановленія земствъ, по мысли гр. Толстого, требовали правительственной санкціи. Въ іерархическомъ отношеніи земства совершенно подчинялась администраціи и лишены были даже права обжаловать въ сенатъ дѣйствій административныхъ властей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта «реформа» всесильнаго временщика прошла бы дѣликомъ, но въ 1889 году гр. Толстой умеръ ¹⁾, а государственной совѣтъ выработалъ, собственно говоря, новый проектъ земской реформы, хотя и значительно рознящійся отъ положенія 1864 года, но все же съ нѣкоторыми признаками земскаго самоуправленія. Опубликованное 12 іюня 1890 года «новое» земское положеніе внесло такія измѣненія, сравнительно съ положеніемъ 1864 года: земскія учрежденія признаны государственными установленіями и подчинены по судебнымъ дѣламъ правиламъ, установленнымъ для дѣлъ казенныхъ управленій; усиленъ контроль за земскими учрежденіями въ томъ смыслѣ, что губернатору предоставленъ надзоръ не только за законностью дѣйствій земства, но и за правильностью, и, кромѣ того,—производство ревизіи земскихъ управъ и другихъ исполнительныхъ органовъ земскаго управленія и всѣхъ подвѣдомственныхъ земству учреждений; учреждена новая мѣстная инстанція,—въ видѣ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія,—для обсужденія правильности и законности постановленій и распоряженій земскихъ учреждений; земская служба признана государственной, вслѣдствіе чего установлена дисциплинарная отвѣтственность предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ въ административномъ порядкѣ; министру внутреннихъ дѣлъ и губернатору предоставлена дискреціонная власть не утверждать изъ-

¹⁾ На его мѣсто министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Дурново, занимавшій этотъ постъ до 1899 г.

бранныхъ земскими собраніями лицъ въ должность предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, а министру предоставлено еще право замѣщать въ извѣстныхъ случаяхъ эти должности по назначенію; дворяне выдѣлены въ особое избирательное собраніе и вообще усиленъ элементъ въ земскихъ собраніяхъ, съ такимъ притомъ расчетомъ, чтобы число гласныхъ въ земскомъ собраніи отъ дворянскаго избирательнаго собранія превышало половину всего назначеннаго для уѣзда общаго количества гласныхъ; уничтожено представительство по довѣренностямъ въ земскихъ собраніяхъ, за немногими исключеніями и устранены отъ участія въ земскихъ выборахъ лица духовнаго званія и евреи; уменьшено вообще число гласныхъ земскихъ собраний; установлено правило объ обязательномъ присутствіи гласныхъ на земскихъ собраніяхъ подѣ страхомъ взысканій; установленъ порядокъ обжалованія постановленій земскихъ собраний.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ событію 4 августа 1878 года ¹⁾.

Настоящую замѣтку я составилъ по прочтеніи сообщенія Иванчина-Писарева въ январской книжкѣ «Былого» за этотъ годъ (стр. 41), по поводу участія доктора Веймара въ дѣлѣ объ убійствѣ шефа жандармовъ Мезенцева. Это, конечно, не первый случай, когда суды по политическимъ процессамъ выносили свое обвиненіе на основаніи случайныхъ соображеній, не имѣвшихъ никакого юридическаго характера, и такимъ образомъ осуждали невинныхъ. Сообщеніе объ О. Э. Веймарѣ вызвало во мнѣ воспоминаніе о моемъ собственномъ отношеніи къ этому дѣлу. По просьбѣ Сергѣя Михайловича Кравчинскаго, я выполнилъ одно порученіе, имѣвшее связь съ подготовленіемъ къ убійству шефа жандармовъ, не зная, для чего собственно моя услуга была нужна. Будь я тогда арестованъ, я, какъ и Веймаръ, легко могъ бы быть обвиненъ по дѣлу Мезенцева. Съ другой стороны, моя замѣтка въ историческомъ отношеніи прибавитъ неизвѣстную еще деталь въ дѣлѣ выполненія наиболѣе крупнаго террористическаго акта до-народовольческаго періода.

Не помню точно чиселъ, но это было въ началѣ іюля 1878 г. Одинъ московскій кружокъ, членами котораго состояли главнымъ образомъ студенты московскаго университета, поручилъ мнѣ съѣздить въ Петербургъ для того, чтобы привезти оттуда въ Москву транспортъ заграничной литературы. Я незадолго передъ этимъ пріѣхалъ въ Москву изъ-за границы и зналъ, что большой транспортъ лондонскихъ и женевскихъ изданій находится въ пути въ Петербургъ. Членами этого кружка состояли между прочимъ Л. Г. Левенталь, впоследствии осужденный на каторгу по дѣлу Веймара, не имѣя къ этому дѣлу никакого отношенія, и Татьяна Лебедева, примкнувшая впоследствии къ террористической организаціи партіи «Народной Воли». Въ этотъ же кружокъ, завязавшій сношенія съ рабочими, успѣлъ втереться убитый потомъ провокаторъ Рейнштейнъ.

Въ Петербургѣ я еще не засталъ ожидавшагося транспорта, но А. И. Зунделевича, организовавшаго переправу изданій черезъ границу, ждали со дня на день, и я остался въ Петербургѣ въ ожиданіи его пріѣзда. Будучи нелегальнымъ, я предпочелъ не прописываться и ночевалъ у знакомыхъ, большей частью въ милой семьѣ, изъ которой вышелъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей.

¹⁾ Въ этотъ день въ Петербургѣ били убитъ шефа жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцевъ.

Ред.

На второй или третій день моего пребыванія въ Петербургѣ я встрѣтился на квартирѣ Малиновской съ С. М. Кравчинскимъ, съ которымъ я познакомился еще за границей. Для характеристики его заграничнаго настроенія того періода я хочу здѣсь привести одинъ эпизодъ. Мы видѣлись въ Германіи, гдѣ С. М. былъ проездомъ изъ Швейцаріи въ Россію. Я работалъ въ качествѣ волонтера на машино-строительномъ заводѣ, желая научиться токарному дѣлу на желѣзѣ, чтобы въ Россіи поступить на заводъ въ качествѣ рабочаго. Когда я сообщилъ С. М. Кравчинскому о своихъ намѣреніяхъ, онъ сказалъ со свойственной ему добродушной улыбкой:

— На что вамъ машиностроеніе,—поступили бы лучше на оружейный заводъ. Вотъ, когда мы поднимемъ деревню, намъ нужны будутъ оружейники.

Сергѣй Михайловичъ вѣрилъ тогда въ возможность крестьянскаго возстанія. Но, пріѣхавъ въ Россію, онъ вмѣсто организаціи народнаго возстанія, взялся за выполненіе террористическаго акта.

— Послушайте, обратился ко мнѣ С. М. въ срединѣ разговора съ Малиновской, рисовавшей какой-то портретъ, у меня къ вамъ просьба,—не съѣздите ли по одному дѣлу въ Москву въ ожиданіи пріѣзда въ Петербургъ Зунда?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте сейчасъ, сказалъ С. М.—Дѣло въ томъ, что нужно привезти оттуда нашу пролетку и какъ можно скорѣй, а отсюда некому теперь ѣхать.

— Ладно, отвѣтилъ я и прибавилъ: Очевидно, опять какое-нибудь бѣгство замышляется?

Я имѣлъ въ виду бѣгство П. А. Кропоткина.

— Да, вѣроятно,—отвѣтилъ С. М. сдвинувъ брови,—но лучше не спрашивайте, это не мой личный секретъ. При этомъ онъ какъ то машинально вынулъ изъ кармана короткій кинжалъ въ ножнахъ и снова положилъ его въ карманъ.

С. М. написалъ тутъ же записку въ Москву, вручилъ мнѣ деньги на нужные расходы, и съ первымъ скорымъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Петербурга.

Въ Москву я пріѣхалъ утромъ и отправился сейчасъ же въ Петровскую Академію. Тамъ именно я долженъ былъ передать записку. Лицо, которому я передалъ записку, сейчасъ же отправилось со мной въ одно изъ подмосковныхъ селеній къ распропагандированному крестьянину, у котораго пролетка находилась на храненіи.

Насколько мнѣ помнится, пролетка эта была привезена изъ Петербурга въ Москву для устройства побѣга доктору Ивановскому. Рысакъ «Варваръ», который игралъ роль въ бѣгствѣ Кропоткина и при убійствѣ Мезенцева, тоже былъ привезенъ въ Москву, но ко времени моего пріѣзда онъ уже былъ возвращенъ обратно въ Петербургъ.

Крестьянинъ запретъ свою лошадь въ телѣгу, вытащилъ изъ сараю пролетку, привязалъ ея оглобли къ задку телѣги, и мы вмѣстѣ поѣхали въ Москву на Николаевскій вокзалъ. Тамъ я сдалъ пролетку, какъ товаръ большой скорости на предъявителя. Имя и адресъ

отправителя были вымышлены. Железнодорожные артельщики при мне вкатили пролетку в товарный вагон и за приличное вознаграждение закрыли ее рогожами и привязали к крюкам в вагоне, чтобы она не двигалась. Пролетка была отправлена в Петербург с товарно-пассажирским поездам, а я поехал вечером, скорым. Когда я на следующий день утром приехал в Петербург, пролетка уже была там. На вокзал, согласно посланной мной на адрес Малиновской условной телеграммы, ждал меня Кравчинский. Мы получили с товарной станции пролетку и повезли ее привязанной к задку извозничей пролетки в татерсаль, где находился «Варвар». Там Сергей Михайлович сказал, что он покупает у меня пролетку, просил хозяина татерсаля и конюхов ее осмотреть, и те ее вполне одобрили, как равно и цену, за которую я ее продавал. Чтобы испытать пролетку везд, в нее впрягли «Варвара», и С. М., правя сам лошадью, прокатился со мной по некоторым улицам.

После этого я провёл в Петербурге еще несколько дней. К тому времени приехал Зунделевич; ожидавшийся транспорт прибыл и роздан был разным организациям: лавристам, землевольцам, ткачевцам. При всех теоретических разногласиях, между тогдашними революционными партиями в таких делах, как доставка агитационной литературы, не было враждебного соревнования. Друг другу оказывали помощь; особенно беспартийным был Зунделевич. К тому же времени приехали в Петербург с юга участники неудачной попытки под Харьковом освободить Войнаральскаго, а также бежавшие из Киевской тюрьмы Стефанович, Дейч и Бохановский и еще несколько человек, бежавших из ссылки. Всех беглецов Зунделевич должен был переправить за границу, — и я оставил Петербург после отъезда всей этой компании.

По просьбе моего друга Зунделевича, я должен был проводить на вокзал лиц, бежавших из ссылки, которые не знали, что в одном с ними поезде отправляются за границу также Стефанович, Дейч и Бохановский. Одним из этих беглецов был ныне пишущий под псевдонимом Яковлева сотрудник «Нового Времени», ренегат Исаак Павловский, имевший впоследствии столь тлетворное влияние на Льва Тихомирова.

В Москве, куда я доставил, наконец, нелегальную литературу, я задержался ненадолго, оттуда я отправился с поручениями на юг, и только после 4 го августа, когда был убит Мезенцов, я из газет узнал, для чего понадобилась С. М. пролетка и вместе с этим, по ассоциации идей, мне живо вспомнился тот момент, когда С. М. вынул машинально из кармана кинжал.

С С. М. Кравчинским я встретился за границей снова только года через три с половиной — в 1881 г., и после этого в течение двух лет часто сталкивался с ним, но ни разу он не вспомнил про нашу встречу в Петербурге. Я в свою очередь никогда не предлагал ему по этому поводу никаких вопросов.

В. I.

Въ Архангельской ссылке.

В одну глубокую январскую ночь 1904 года в квартире моей раздался звонок. Я только что вернулся с одного из собраний и утомленный тревожными днями, спал крепким сном, когда у постели моей послышался звонок шпор и топот многих ног.

— Господин Л., потрудитесь проснуться!

Я не без усилий протер глаза, и взору моему представилась хорошо знакомая каждому русскому обывателю картина: у кровати моей стоял бравый полицейский офицер с какою-то бумагой в руках, а вся комната была наполнена множеством людей: тут были и околоточные, и городовые, и дворники и еще какие то совершенно неизвестные личности. Вся эта компания, при тусклом свете крошечной лампы, принесенной посетителями с собою, производила странное впечатление, и только совершенно очнувшись, я понял, что это за люди и зачем они пришли. Обмысл! Что могло быть обычие этого визита во времена всемогущаго Плеве, который всякое частное жилище рассматривал прежде всего как место скопления всякой крамолы, открытое во всякое время дня и ночи вторжению жандармов и полиции.

— Что вам угодно? — обратился я для формы с вопросом к приставу.

— Будьте любезны одеться: я имю предписание градоначальника произвести у вас обыск, а вас арестовать независимо от результатов обыска.

Началась обычная процедура обыска человеческой души. Пристав занял позицию у моего письменного стола, штатский господин и два околоточных занялись книжными шкапами, городовые были разставлены у выходных дверей, квартиры и около моей особы, а дворники, из которых один был мой большой приятель, не раз присутствовавший при обысках в моей квартире, стояли как виноватые, конфузливо переминаясь с ноги на ногу и боязливо поглядывая на начальство.

Заметив, с какою жадностью набрасывались пристав с штатским на всякие брошюры, доклады, рукописи и заметки, имевшие отношение к только что закрытому тогда градоначальником III Всероссийскому съезду деятелей по техническому и

профессиональному образованию, я понял причину появления у меня непрошенных гостей.

26 декабря 1903 года в Петербург происходил выше упомянутый съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию. Не смотря на то, что правительство всеми мерами старалось сначала оттянуть созыв съезда, а затем затормозить и по возможности урезать его занятия, съезд в назначенное время состоялся и привлек больше двух тысяч наиболее демократичных деятелей по народному образованию. Видя крамолу в каждом сообществе людей, министр вн. дѣл В. К. Плеве особенно не любил всякія собрания и съезды. Предвидя настроение III съезда, он назначил весь его президентом и бюро всех его отделов из числа самых надежных людей; отделы съезда были допущены только самые специальные, не был допущен даже отдел „общих вопросов“, в котором на предыдущем съезде был выдвинут и разработан целый ряд самых насущных вопросов народного образования; программа съезда была урежана до такой степени, что казалось, съезд утратит всю свою жизненность и потеряет все свое значение; наконец, занятия съезда были опутаны такою густою сетью всевозможных полицейских правил, что на съезде, по выражению некоторых его провинциальных членов, „дыхнуть нельзя“. Несмотря на все эти препятствия, съезд не только состоялся, но работал с такой энергией и плодотворностью и внес в свои постановления столько горячаго энтузиазма, выказал такое глубокое понимание общенародных нужд и так ярко отразил настроение всей прогрессивной Россіи, что труды его займут почетное место в исторіи развития русской общественности. Работы съезда по многим вопросам можно назвать преддверіем нынѣ переживаемой нами революціи, так какъ съезд впервые во всеуслышаніе провозгласил тѣ демократическія лозунги, которые легли в основу нынѣшней революціи. Правда, большинство постановлений съезда изобличает в авторах их нерѣшительность и половинчатость, но общественное мнѣніе, видя тотъ цензурно-полицейскій прессъ, подъ которымъ съезду приходилось работать, само восполняло эти недочеты и утвердило за съездомъ репутацію предтечи русской революціи. Еще болѣе чутко отнесся къ съезду В. К. Плеве. Находя, что въ дѣятельности съезда не только простой крамолы, но и самой настоящей революціи было болѣе, чѣмъ достаточно, онъ рѣшилъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. По его приказанію, градоначальникъ закрылъ съездъ, не давъ ему дойти до конца свои работы, а затемъ началась расправа и съ участниками съезда. Въ ночь закрытія съезда былъ арестованъ одинъ изъ видныхъ его деятелей Г. А. Фальборкъ. Прошло вѣсколько дней. Все думали, что этимъ ограничится месть В. К. Плеве, гнѣвъ котораго на членовъ съезда не поддавался описанію. Но оказалось, что метительность его этимъ не исчерпалась. Не имѣя возможности посадить въ тюрьму весь съездъ, всемогущій министр обрушился на наиболее безправныхъ его членовъ: всѣ

евреи, участвовавшіе въ съездѣ, были въ 24 часа высланы изъ Петербурга, а затемъ были обысканы и арестованы члены съезда: В. И. Чарюлюскій, Н. И. Воробьевъ и ипущій эти строки; предписано было также арестовать и Н. А. Рубакина, но за болѣзнию онъ былъ оставленъ дома и затемъ ссылка была ему замѣнена обязательствомъ выѣхать за границу.

Потянулись долгиіе дни предварительнаго заключенія. Зная настроеніе министра вн. дѣлъ, я не сомнѣвался въ томъ, что участіе въ съездѣ будетъ вѣнено мнѣ въ политическое преступленіе, я даже готовился къ несенію высшей мѣры наказанія, которою можно было, по тогдашней конъюнктурѣ, покарать за такое „преступленіе“—къ высылкѣ изъ Петербурга на одинъ или два года. Каково же было мое изумленіе, когда, вызванный въ охранное отдѣленіе на допросъ, я услышалъ изъ устъ допрашивавшаго меня жандарма фразы, не оставлявшія никакого сомнѣнія въ томъ, что изъ занятій нашего съезда полиція и жандармерія намѣрены создать чуть ли не цѣлый политическій заговоръ. Въ прочитанныхъ мнѣ жандармомъ выдержкахъ изъ шпионскихъ донесеній, моя скромная фигура рядового работника на съездѣ была возвеличена до степени опаснаго демагога и революціонера, приведеннаго весь съездъ къ совершенію цѣлаго ряда преступленій. Я понял, что вступать въ какія бы то нибыло объясненія и въ опроверженіе показаній „невидимыхъ свидѣтелей“ будетъ бесполезно, и терпѣливо ждалъ рѣшенія своей участи. Вскорѣ послѣ этого я имѣлъ случай приблизительно узнать ожидавшую меня судьбу: сосѣди по заключенію сообщили мнѣ, что арестованный ранѣе меня Г. А. Фальборкъ приговоренъ „особымъ совѣщаніемъ“ къ ссылкѣ на пять лѣтъ въ Якутскую Область. Просидѣвъ еще недѣлю шесть, я узналъ, что мнѣ назначена болѣе легкая кара: ссылка на три года въ Архангельскую губернію. Такой же „приговоръ“ былъ вынесенъ и Н. И. Воробьеву, а В. И. Чарюлюскому срокъ ссылки увеличенъ на два года. Мы избавлены были отъ Восточной Сибири, но причиною этому была, конечно, не „мягкость“ Плеве, а начавшаяся русско-японская война, вслѣдствіе которой перевозка политическихъ въ Сибирь была приостановлена.

Даже по тѣмъ временамъ, такая расправа съ нами поразила русское общество. Лучшие годы нашей жизни намъ предстояло прожить въ неприглядныхъ условіяхъ Сѣверной ссылки, неся наказаніе за провозглашеніе идей, которыя годъ спустя сдѣлались не только не наказуемыми, но даже въ обиходѣ самой бюрократіи—по крайней мѣрѣ болѣе передовыхъ ея слоевъ—казались половинчатыми и устарѣлыми.

II.

Конвоируемый двумя жандармами, я, послѣ долгихъ мытарствъ, прибылъ, наконецъ, въ Архангельскъ. Несмотря на мартъ мѣсяць, числящійся по календарю весеннимъ, стоялъ крѣпкій морозъ, и

Сѣверная Двина, эта краса Архангельска—была скована толстымъ льдомъ и покрыта ярко сверкавшимъ на Сѣверномъ солнцѣ ослѣпительно бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ.

Размѣстившись на двухъ повозкахъ, мы двинулись по направлению къ губернаторскому дому. Проѣзжая по пустыннымъ, еще не проснувшимся улицамъ Архангельска, я съ любопытствомъ разглядывалъ этотъ городъ, съ именемъ котораго связаны судьбы столькихъ русскихъ революціонеровъ. Веселый видъ нарядныхъ деревянныхъ домиковъ, бѣлая отъ пушистаго снѣга улицы, яркій блескъ весенняго солнца придавали городу веселый, привѣтливый видъ и ничто не говорило о той мрачной роли, которую призванъ былъ играть этотъ городъ въ исторіи русской общественности.

Мы подъѣхали къ канцеляріи губернатора. Не смотря на ранній часъ, губернаторъ ¹⁾ тотъ-часъ же меня принялъ. Я предсталъ предъ лицомъ человека, которому была вѣрена моя дальнейшая судьба. Это былъ весьма корректнаго вида господинъ съ немного инглизированной внѣшностью, въ контръ-адмиральскомъ скюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы.

— Вы г. Лавриновичъ?—привѣтливо обратился ко мнѣ губернаторъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

Принявъ отъ старшаго жандарма пакетъ и расписавшись въ полученіи его и прилагаемой къ нему моей личности, Н. А. Римскій-Корсаковъ отослалъ жандармовъ въ переднюю комнату и сталъ разспрашивать меня о дѣлѣ, по которому я подвергнутъ былъ ссылкѣ.

— Я оставилъ бы васъ въ Архангельскѣ, сказалъ онъ, переходя послѣ разспросовъ въ официальный тонъ,—если бы вы дали мнѣ обѣщаніе не участвовать въ беспорядкахъ и сходкахъ и не поддерживать близкихъ отношеній съ политическими ссыльными.

— Я не могу дать вамъ обѣщанія не поддерживать общенія съ ссыльными,—отвѣчалъ я.—Вѣдь это мои товарищи по участи, многихъ изъ нихъ я знаю по Петербургу, да и вообще, это—единственное общество, съ которымъ, въ моемъ положеніи, я могу и захочу сойтись.

— О, нѣтъ,—возразилъ мнѣ губернаторъ,—я вовсе не требую, чтобы вы съ ними не знакомились, но надѣюсь, что отъ этого не произойдетъ никакихъ беспорядковъ.

Я молчалъ; молчалъ и губернаторъ. Прошла минута этого неловкаго молчанія.

— Ну, такъ вотъ,—прервалъ губернаторъ наше молчаніе,—для опыта я оставляю васъ въ Архангельскѣ, но прошу васъ не забывать, что если вы будете не спокойны, то я вынужденъ буду выслать васъ въ уѣздъ.

Я поклонился, и аудіенція наша окончилась. Губернаторъ позвалъ жандармовъ и объявилъ имъ, что конвой для меня болѣе

¹⁾ Контръ-адмиралъ Н. А. Римскій-Корсаковъ, умершій въ январѣ 1907 года. Былъ губернаторомъ въ Архангельскѣ до мая 1904 года.

не нуженъ, и они могутъ возвращаться въ Петербургъ, а мнѣ предложилъ отправиться въ управленіе Архангельскаго полиціймейстера для регистраціи и полученія вида на жительство.

Выйдя изъ губернаторскаго дома, я отправился въ канцелярію полиціймейстера. Почти трехсуточное путешествіе подъ прессомъ жандармскаго конвоя такъ приучило меня къ этому положенію, что я, не вида по бокамъ своихъ конвоировъ, никакъ не могъ себѣ представить, что я свободенъ и могу идти куда хочу, разговаривать съ людьми и быть, вообще, хозяиномъ своихъ дѣйствій.

Въ канцеляріи мнѣ пришлось пройти цѣлый рядъ формальностей и подписать цѣлую кучу всевозможныхъ обязательствъ. Во первыхъ, отъ меня отобрали собственноручное описаніе моихъ примѣтъ; затѣмъ, я долженъ былъ выдать подписку въ томъ, что не буду отлучаться за черту города безъ разрѣшенія начальства; подписать обязательство обращаться по всѣмъ моимъ дѣламъ, требующимъ вмѣшательства губернатора или высшихъ властей—не непосредственно къ губернатору, а черезъ полиціймейстера; наконецъ, я расписался въ томъ, что мнѣ объявлено „Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей“.

Это „Положеніе“, которое въ нашей колоніи въ шутку называли „конституціей“, представляетъ сводъ правилъ, устанавливающихъ обязанности и права состоящихъ подъ надзоромъ полиціи ссыльныхъ. Изданное въ 1882 году, какъ приложение, къ статьѣ I Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, это измышленіе покойнаго В. К. Плеве проникнуто такимъ духомъ мстительности и недоброжелательства, что примѣненіе его дѣлаетъ жизнь въ ссылкѣ невыносимой. Но мѣстная администрація въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивается точнымъ примѣненіемъ „Положенія“; въ большинствѣ случаевъ, къ этому еще присоединяются личное усмотрѣніе и распространительное толкованіе придуманныхъ г-мъ Плеве стѣсненій, и только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаются изъятія, ослабляющія давленіе этого административнаго прессы.

„Конституція“, подъ гнетомъ которой приходится до настоящаго времени томиться десяткамъ тысячъ политическихъ ссыльныхъ, настолько характерна для отживающаго полицейскаго режима, что мы не можемъ не привести здѣсь хотя бы набранныя мѣста ея.

Несмотря на то, что первый пунктъ „Положенія“ говоритъ о полицейскомъ надзорѣ, какъ мѣрѣ *предупрежденія* преступленій противъ существующаго Государственнаго порядка, все „Положеніе“ составлено такъ, что примѣненіе его къ ссыльнымъ является *наказаніемъ* и весьма строгимъ. Вотъ, наприимѣръ, правила объ отлучкахъ, изложенныя въ 7—16 пунктахъ „Положенія“. Тщательнѣйшимъ образомъ регламентируя отлучки ссыльныхъ изъ мѣста ихъ поднадзорнаго жительства, правила предоставляютъ право разрѣшать отлучки: въ предѣлахъ уѣзда—мѣстнымъ начальникамъ полиціи; въ предѣлахъ губерніи—губернаторамъ, и

въ другія губерніи — министру внутреннихъ дѣлъ. Разрѣшеніе отлучекъ обусловлено „особо уважительными причинами“ и „одобрительнымъ поведеніемъ“. Эти два условия дѣлаютъ совершенно фиктивнымъ право ссыльныхъ пользоваться отлучками, такъ какъ исключительно отъ личнаго усмотрѣнія полицейскаго чина или губернатора зависитъ разрѣшить отлучку или нѣтъ, ибо „одобрительность поведенія“ и „уважительность причинъ“ ничѣмъ не регламентированы и всецѣло отъ названнаго властей зависитъ признать наличность требуемыхъ для разрѣшенія отлучки условій: все будетъ зависетьъ отъ того, хорошія или дурныя отношенія установились у васъ съ ближайшими властями.

Пунктъ 17-й обязываетъ поднадзорнаго, „какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и временнаго пребыванія, — являться въ полицію по первому ея требованію“. Это правило даетъ полиціи возможность отравить существованіе ссыльнаго: бывають случаи, что полиція, желая насолить какому нибудь ссыльному, чѣмъ нибудь ей не угодившему, заставляетъ являться въ полицейское управленіе ежедневно и даже по нѣсколько разъ въ день; не говоря уже объ униженности и совершенной безцѣльности такого паломничества въ участокъ, оно разбиваетъ у человѣка весь день, мѣшая ему чѣмъ нибудь заниматься. Такимъ образомъ, одно это правило способно обратить ссылку въ жесточайшее наказаніе.

Такой же произволъ предоставленъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ въ отношеніи и жилища поднадзорнаго: полиція имѣетъ право во всякое время дня и ночи не только входить въ его квартиру, но и производить у него обыски и выемки. Хотя по правиламъ требуется, чтобы о каждомъ произведенномъ обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ, съ изложеніемъ какъ поводовъ къ этимъ дѣйствіямъ, такъ и результатовъ обыска, но это не предохраняетъ поднадзорныхъ отъ безцѣльныхъ вторженій къ нимъ полиціи, къ услугамъ которой имѣется ни къ чему не обязывающая отговорка вродѣ того, что „обыскъ произведенъ по подозрѣнію въ храненіи нелегальной литературы“ (или оружія, прокламацій и т. п.). Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что полиція даже въ Архангельскѣ весьма охотно прибѣгала къ ночнымъ нашествіямъ на квартиры ссыльныхъ, мстя такими визитами за всякое столкновеніе съ нею. Обыски сопровождался такимъ безобразнымъ поведеніемъ полиціи въ домѣ обыскиваемого, что скорѣе носили характеръ разбойничьихъ набѣговъ и являлись для ссыльныхъ настоящимъ бичемъ. Особенно любилъ этимъ заниматься полиціймейстеръ Н. И. Губскій, облюбовавшій для этой цѣли нѣсколько наиболѣе ненавистныхъ ему лицъ, къ которымъ онъ вторгался всегда въ сопровожденіи цѣлой своры городовыхъ и шпіоновъ.¹⁾

¹⁾ Н. И. Губскій при губернаторѣ П. Г. Бюнтингѣ былъ совершенно уволенъ со службы, но вскорѣ ему удалось вновь поступить на полицейскую службу на должность помощника Гродненскаго полиціймейстера. Здѣсь въ него была брошена бомба, тяжело его ранившая. Но оправившись, онъ вновь продолжалъ полицейскую службу.

Ставъ поднадзорныхъ въ такую зависимость отъ личнаго усмотрѣнія полицейскихъ властей, „Положеніе“ и въ остальныхъ отношеніяхъ создаетъ такое ограниченіе правъ ссыльныхъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ *предупрежденіемъ* преступленій. Такъ, пунктомъ 21 поднадзорнымъ воспрещается состоять на государственной или общественной службѣ, 22 — быть учредителями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, председателями и членами конкурсныхъ управленій; 24 — воспрещается: всякая педагогическая дѣятельность; принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ; чтеніе публичныхъ лекцій; участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ и вообще всякаго рода публичная дѣятельность: содержаніе типографій, литографій, фотографій, библиотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненія. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ видите, все, чѣмъ ссыльный могъ бы заработать себѣ на пропитаніе или скрасить свое поднадзорное существованіе удовлетвореніемъ своихъ духовныхъ потребностей, все это представляется для него запретный плодъ. Но и относительно остальныхъ, не перечисленныхъ здѣсь занятій составителями „Положенія“ приняты мѣры: въ пунктѣ 28 сказано, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно служить ему „средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія“.

Насколько вредна для интересовъ ссыльныхъ эта оговорка — пришлось испытать всякому изъ насъ, искавшему труда. Если губернаторъ или полиціймейстеръ ничего не имѣли противъ поступленія кого либо изъ „политиковъ“ на ту или другую должность или работу, то на сцену нерѣдко выступали мѣстные жандармы, выдвигавшіе пресловутые „предосудительные замыслы“ или „опасность для общественнаго порядка и спокойствія“. Вмѣшательство жандармовъ особенно часто практиковалось въ отношеніи нашихъ товарищей-рабочихъ, поступавшихъ на заводы; благодаря этому, многіе хорошіе мастера сидѣли безъ работы, вѣча полуголодное существованіе, въ то время, какъ въ ихъ трудѣ такъ нуждалось мѣстное населеніе. Правда, что интеллигентные ссыльные находились въ этомъ отношеніи въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ; 12 человекъ изъ нихъ даже приняты были на службу въ мѣстную казенную палату, но этимъ они обязаны были либерализму управляющаго палатой г. Ушакова, служебное положеніе котораго не помѣшало ему увидѣть въ „отверженныхъ“ ссыльныхъ талантливыхъ и образованныхъ работниковъ, могущихъ быть весьма полезными для дѣла. И дѣйствительно, группа работавшихъ у г. Ушакова земскихъ статистиковъ, получая грошовые оклады (отъ 25 до 40 рублей въ мѣ-

сящ), произвела по поручению г. Ушакова целый ряд статистических исследований края, давших ценный материал для изучения дальнего севера. Известный доктор С. В. Мартынов, после поездки в Печорский край, вывез оттуда настолько ценные материалы об этом необыкновенном крае, что, обработав их, он опубликовал любопытную книгу „Печорский Край“. — Еще более существенные результаты дала командировка покойного нынче приват-доцента М. Ю. Гольдштейна, геолога г. Пивовара и студента С. С. Иванова на Новую землю для изучения социально-экономического быта самоёдов. Экспедиция эта собрала богатый материал по этому вопросу, но трагическая смерть М. Ю. Гольдштейна помешала разработку и своевременному опубликованию добытых данных.

Однако, большинство и интеллигентных ссыльных, благодаря стеснениям, установленным „Положением о надзоре“, не могли получить никаких заработков, так как почти все профессии были под запретом. Какое отношение имела этот запрет к предупреждению преступлений — известно одному только Богу, да творцу этого замечательного „Положения“.

Стесняя таким образом ссыльных в материальном отношении, под предлогом пресечения преступлений, „положение“ не оставляет без внимания и духовную жизнь плбников самодержавия. Так, оно предоставляет министру внутренних дел в каждом отдельном случае воспрещать поднадзорным непосредственное получение их частной корреспонденции; в таком случае, все письма и депеши, получаемые на имя такого лица, препровождаются почтово-телеграфным ведомством на просмотр к начальнику жандармского управления, а в уездах — исправнику, которые или передают их по принадлежности или, в случае предосудительного содержания корреспонденции, задерживают; равным образом, и поднадзорный всю отправляемую им корреспонденцию обязан представлять на просмотр тем же лицам. Для обеспечения исполнения этих предписаний, местным почтовым и телеграфным учреждениям сообщаются списки поднадзорных, которым воспрещено непосредственное получение корреспонденции, — дабы это ведомство содействовало полиции и жандармерии в их погонях за чтением чужих писем. Таким образом, надзор учреждается не только внешний, но и внутренний, и в то время, как в передней квартиры ссыльного постоянно топчется городской или околоточный, навещающий справки, дома ли такой то и что он делает, — в душу и сердце его постоянно влзает жандарм или полицейский, поирая грязным сапогом все сокровенные его помыслы.

Но кроме этой, так сказать, законной, явной перлюстрации, существует еще сверхзаконная, тайная. Вышеуказанный способ чтения в сердцах применяется обыкновенно лишь по распоряжению министра внутренних дел, но так как местные власти интересуются интимной жизнью ссыльных не только по приказу высшего начальства, а и по своему собственному побуждению, то

корреспонденция ссыльных всегда подвергается тайной перлюстрации и весьма часто перехватывается; в почтовой конторе всегда можно встретить жандарма, трущагося в отделении, где разбирается почта, и только придумывание конспиративных адресов могло избавить нас от перехватывания наших писем. Эта перлюстрация делается так грубо, с таким отсутствием всякого стеснения, что на письмах часто можно было заметить явные следы жандармского любопытства. Большая часть обысков обыкновенно производилась жандармами на основании вычитанных таким образом в наших же письмах сведений.

Такова была наша „конституция“. Каждый пункт ее был ловко приспособлен к тому, чтобы отравлять каждый час нашего существования, но ни один из них не достигал намеченной цели — предупреждения и пресечения преступлений. Наоборот — метительность и несправедливость, положенные в основу „положения о полицейском надзоре“, только способствовали озлоблению и развитию революционного духа у всех, кто подпал под ферулу этих безчеловечных правил. Но об этом я еще буду иметь случай говорить.

III.

Я водворился в Архангельск и этим самым сделался полноправным членом архангельской колонии политических ссыльных.

Я быстро перезнакомился со всей колонией и в течение каких нибудь двух недель знал весь ее состав, организацию и внутреннюю жизнь со всеми ее печалью и радостями.

Архангельская колония была самая многочисленная из всех колоний губернии. Мое вступление в нее совпало со временем самого пышного ее расцвета, как впрочем, и расцвета всей ссылки вообще, обзанной этим усердием В. К. Плеве. Губернская администрация, стремясь к наибольшему разединению ссыльных и, по степени их „виновности“ (в определении которой она могла руководствоваться только сроком ссылки, да скудными данными, имевшимися в „деле“ каждого ссыльного), выбирая для них ближайшие или отдаленные уезды, старалась наиболее революционную молодежь и рабочих разсылать по таким медвжским углам, как Печорский Край, Кола, Александровский уезд, Мезенский и Камский уезды и т. п., в Архангельск же оставались преимущественно люди более зрелых возрастов, „либералы“ и больные, нуждавшиеся в постоянной помощи врача. Но ссыльных было так много и вся губерния была настолько переполнена ими, что в конце концов осуществление этой политики было очень затруднено и сортировка ссыльных утратила свое значение. Таким образом, в Архангельск собралась очень разнообразная публика, и колония наша сделалась наиболее интересною по своему составу. Ко времени

моего прибытія, здѣсь не было и 50 человекъ, а мѣсяца черезъ 2 колонія насчитывала болѣе 100 осмысленныхъ и составъ ея все еще продолжалъ расти — такъ старательно колонизировать В. К. Плеве дальній сѣверъ людьми, не раздѣлявшими его полицейскихъ убѣжденій.

Здѣсь были представители всевозможныхъ профессій и направлений: земскіе дѣятели, врачи, адвокаты, литераторы, учителя и учительницы, земскіе статистики, инженеры, фельдшерицы, акушерки, зубные врачи, ветеринары, техники, студенты и курсистки всевозможныхъ учебныхъ заведеній, рабочіе, крестьяне, приказчики, одинъ приватъ доцентъ. Такъ же разнообразенъ былъ составъ колоніи и по политическимъ убѣжденіямъ ея членовъ: преобладающій, по численности, элементъ представляли социаль-демократы и социалисты-революціонеры, но было много и „освобожденцевъ“, изъ которыхъ, впоследствии образовалась партія конституціоналистовъ-демократовъ; наконецъ, было большое число безпартійныхъ. В. К. Плеве такою щедрою рукою разсыпалъ административныя кары, что въ ссылку попадали не только революціонеры или хотя бы люди, вредные съ полицейской точки зрѣнія для государственнаго порядка, а любой обыватель, не угодившій почему либо мѣстной предрержащей власти, или удостоенный вниманія со стороны какого нибудь шпіона, весьма легко попадалъ въ мѣста не столь отдаленныя. Извѣстно, напримѣръ, что при Плеве, да и до него въ ссылку попадало множество рабочихъ, участвовавшихъ въ экономическихъ забастовкахъ и по большей части не имѣвшихъ никакого отношенія къ политикѣ; также охотно ссылали крестьянъ, попадавшихъ въ какія нибудь аграрныя недоразумѣнія; наконецъ, въ ссылку попадали люди просто „по пьяному дѣлу“, рѣшительно ни въ чемъ, кромѣ слабости къ выпивкѣ, передъ государственнымъ порядкомъ не повинны; такъ, напримѣръ, въ Архангельскѣ былъ сосланъ одинъ обыватель только за то, что послѣ кутежа въ какомъ то значномъ мѣстѣ, онъ, расплачиваясь съ прислугой, недостаточно почтительно отнесся къ рублевой монетѣ, на которой изображенъ былъ царскій портретъ.

Но если высылку бастующихъ рабочихъ или безразличныхъ къ политикѣ обывателей можно было объяснить нежеланіемъ администраціи долго разбираться въ массѣ подобныхъ дѣлъ, то ужъ совершенно непонятною и необъяснимою представляется высылка такъ называемыхъ „либераловъ“, въ числѣ которыхъ насчитывалось много извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Таковыми особенно изобиловала архангельская колонія, и по обстоятельствамъ, приведшимъ ихъ въ ссылку, можно судить о той неразборчивости и безцеремонности въ выборѣ средствъ, при помощи которыхъ В. К. Плеве боролся съ крамолою.

Вотъ, напримѣръ, извѣстный воронежскій врачъ и земскій дѣятель Сергій Васильевичъ Мартыновъ. Онъ былъ сосланъ сюда еще въ 1902 году за участіе въ трудахъ воронежскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. Из-

вѣстно, что когда С. Ю. Витте учреждалъ эти комитеты, то привлекая къ участию въ нихъ общественныхъ дѣятелей, онъ просилъ ихъ высказаться о нуждахъ Россіи съ совершенной откровенностью. С. В. Мартыновъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ легковѣрныхъ людей, которые воображали, что бюрократіи нужна откровенность честныхъ дѣятелей; онъ выступилъ съ докладомъ, въ которомъ указывалъ на необходимость участія народныхъ представителей въ дѣлахъ управления.

Мысль, выраженная въ докладѣ, повторилось вскорѣ послѣ этого совершенно безнаказанно на всѣхъ банкетахъ и митингахъ, но С. В. Мартыновъ за свою „совершенную откровенность“ былъ немедленно схваченъ и подъ конвоемъ жандармовъ отправленъ въ С.-Петербургскій домъ предварительнаго заключенія, а оттуда этапнымъ порядкомъ — въ Архангельскъ. С. Ю. Витте, вызвавшій С. В. Мартынова на столь печальную для него откровенность, умылъ руки, и почтенному дѣятелю пришлось протомиться на сѣверѣ цѣлыхъ два года; только смерть В. К. Плеве явилась для него избавительницей; первымъ дѣломъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополка-Мирскаго было освобожденіе С. В. Мартынова изъ ссылки.

Присяжный повѣренный П. Н. Переверзевъ, сосланный въ Архангельскъ въ февралѣ 1904 г., провинился передъ В. К. Плеве участіемъ въ процессѣ о кишиневскомъ погромѣ. Если министерству внутреннихъ дѣлъ было легко „опровергать“ появившееся въ заграничныхъ газетахъ сообщеніе о томъ, что кишиневскій погромъ былъ организованъ по внушенію свыше, — то сославъ П. Н. Переверзева, В. К. Плеве только утвердилъ въ обществѣ мысль объ участіи своемъ въ организаціи погрома, потому что единственной причиной высылки г. Переверзева послужили разоблаченія, сдѣланныя имъ на судѣ, и доклады, которые онъ дѣлалъ о кишиневскомъ процессѣ въ петербургскихъ кружкахъ. Убравъ этого неудобнаго свидѣтеля, Плеве рассчитывалъ скоро забыть неприятыя впечатлѣнія, но этимъ только подлил масла въ огонь, такъ какъ изгнаніе г. Переверзева окончательно утвердило общество въ мысли о причастности министра внутреннихъ дѣлъ къ кишиневской бойнѣ. Только смерть Плеве возстановила П. Н. Переверзева въ его поправныхъ правахъ, такъ какъ замѣнившій Плеве князь Святополкъ-Мирскій успѣшилъ возвратить и ему свободу.

Еще болѣе замѣчательна высылка въ Архангельскую губернію пяти уфимцевъ: помощника присяжнаго повѣреннаго А. Н. Плакина, секретаря уфимской губернской земской управы П. К. Гудзь, земскихъ статистиковъ Е. В. Пашковскаго, Н. И. Ильинскаго и инженера А. Р. Брилинга. Эти лица, занимавшія въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ видное положеніе, въ одинъ прекрасный день, по приказанію губернатора Соколовскаго, были обысканы и, хотя ничего „предосудительнаго“ у нихъ найдено не было, но ихъ посадили въ тюрьму и немедленно выслали въ отдаленныя уѣзды Архангельской губерніи. Тщетно жены вы-

сланных добивались узнать о причинѣ постигшей ихъ мужей кары; Соколовскій „честнымъ словомъ губернатора“ увѣрялъ ихъ, что онъ тутъ ни причемъ и совершенно не знаетъ, за что высланы ихъ мужья; въ департаментѣ же полиціи имъ объявили, что тамъ не имѣется никакихъ свѣдѣній о виновности высланныхъ, такъ какъ высылка состоялась по ходатайству уфимскаго губернатора, аттестовавшаго высланныхъ, какъ вредныхъ для государственнаго порядка людей. Только впоследствии, для соблюдения декорума, ихъ пристегнули какимъ-то образомъ къ дѣлу объ убійствѣ уфимскаго губернатора Богдановича, хотя никто не могъ имъ объяснить, какъ и почему ихъ считаютъ прикосновенными къ этому дѣлу. Какъ бы для подкрѣпленія этого обвиненія, одного изъ „уфимцевъ“, именно А. Н. Пласина департаментъ полиціи пытался притянуть къ процессу боевой организаціи (дѣло Гершуни и другихъ). Не успѣвъ А. Н. оглядѣться въ мѣстѣ своей ссылки, какъ былъ арестованъ и подъ жандармскимъ конвоемъ отвезенъ въ Петербургъ. Изъ предлагавшихся ему слѣдственной властью вопросовъ, онъ понялъ, что его подозреваютъ въ соучастіи въ убійствѣ губернатора Богдановича. Оказалось, что простого упоминанія его имени извѣстнымъ по процессу Гершуни поручикомъ Григорьевымъ, всѣми мѣрами старавшимся себя выгородить, было достаточно для привлеченія Пласина. Обвиненіе оказалось до такой очевидности нелѣпнымъ, что онъ былъ вскорѣ отъ него освобожденъ и отправленъ тѣмъ же порядкомъ обратно въ Архангельскъ. Нечего и говорить, что послѣ смерти Плеве, всѣ „уфимцы“ были освобождены. Студентъ петербургскаго технологическаго института И. М. Труба былъ сосланъ въ Архангельскую губернію на 3 года по причинамъ, которыя такъ и остались для него неизвѣстными во все время ссылки.

Во время царившей при Спягинѣ и министрѣ народнаго просвѣщенія Н. П. Воголѣповѣ аракчеевщины, когда непокорныхъ студентовъ усмиряли отдачею въ солдаты и ссылкой въ Сибирь, И. М. Труба былъ сосланъ, въ числѣ нѣсколькихъ студентовъ, въ Иркутскую губернію. Все общество было возмущено тогда этой безцѣльной жестокостью властей, думавшихъ задержатъ такимъ образомъ освободительное движеніе. Глухое негодованіе общества заставило правительство отменить эту нелѣпую мѣру и сосланнымъ студентамъ было даровано „прощеніе“. Возвѣстить объ этомъ сосланныхъ студентовъ поручено было состоявшему тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому. Но миссія его окончилась неудачно: студенты не только не выразили раскаянія, но не приняли и прощенія, и вообще, не захотѣли даже разговаривать съ высокопоставленнымъ гонимомъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ они были возвращены въ Россію, хотя болѣе строптивымъ изъ нихъ сохраненъ былъ полицейскій надзоръ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и И. М. Труба, возвращенный изъ Верхнеудинска въ Полтаву. Здѣсь онъ долго, но безуспѣшно, искалъ занятій: куда онъ ни обращался — вездѣ поперекъ дороги становились жандармскія власти, какъ-бы

метившія ему за содѣянные имъ въ Сибири „дерзости“. Въ самый разгаръ своей борьбы съ одолевавшею его нуждой, И. М. Труба былъ неожиданно арестованъ и отправленъ этапнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію; никакихъ обвиненій ему предъявлено не было, на допросъ его не вызывали и, такимъ образомъ, онъ такъ и не узналъ о причинѣ своей новой высылки. Только со смертью Плеве выяснилось, что никакихъ причинъ для высылки не существовало, и И. М. Труба былъ освобожденъ и, по возвращеніи въ Петербургъ, даже принятъ обратно въ технологическій институтъ. Курьезно, что свидѣтельство о благонадежности, требовавшееся для поступленія въ институтъ, выдано было г. Трубѣ тѣмъ же департаментомъ полиціи, который въ 1903 году распорядился о высылкѣ его въ Архангельскую губернію.

Другой студентъ-химикъ юрьевскаго университета Д. Н. Кладищевъ былъ сосланъ за несчастный случай, который едва не стоилъ ему жизни: въ его лабораторіи, во время занятій Д. Н. Кладищева, случился взрывъ, причинившій ему серьезные ожоги и повредившій помещеніе лабораторіи. Никакой политической подкладки этотъ случай не имѣлъ, тѣмъ не менѣе, Д. Н. былъ сосланъ въ Архангельскую губернію, какъ „неблагонадежный“ и „вредный“. Насколько неосновательна была эта высылка, власти могли убѣдиться на дальнѣйшемъ поведеніи Кладищева; уже освобожденный по распоряженію того же кн. Святополкъ-Мирскаго, и слѣдовательно не нуждавшійся ни въ какихъ „милостяхъ“ бюрократіи, онъ заявилъ о своемъ желаніи вступить добровольцемъ въ дѣйствующую манчжурскую армию, желая принять участіе, какъ онъ объяснилъ товарищамъ, въ защитѣ родины отъ грозившей ей отъ вѣшняго врага опасности. Было ли основаніе объявлять „вреднымъ“ этого человѣка, пусть судятъ департаментъ полиціи.

По совершенно нелѣпному поводу попалъ въ Архангельскъ и извѣстный врачъ С. А. Никоновъ, бывший главнымъ врачомъ сева-стопольской городской больницы. Въ высылкѣ его администрація проявила столько цинизма, что было бы ущербомъ для исторіи борьбы русскаго правительства съ крамолою умолчать объ этомъ удивительномъ инцидентѣ. Привожу краткій разсказъ объ этомъ со словъ „Освобожденія“, лично подтвержденный мнѣ С. А. Никоновымъ:

Въ концѣ октября 1903 г., въ Севастополѣ на Сѣверной сторонѣ былъ арестованъ Н. Я. Канторовичъ, завѣдывавшій аптекой при севастопольской городской больницѣ. Послѣ ареста, въ квартирѣ его былъ произведенъ обыскъ, но полиціи не удалось ничего найти. Смотритель больницы В. Т. Голиковъ, не ожидая скорого освобожденія Канторовича, поручилъ своему помощнику г. Петропавловскому освободить его комнату. Исполняя это порученіе, Петропавловскій „нашелъ“ въ комнатѣ Канторовича шесть нелегальныхъ книгъ, о чемъ онъ услужливо сообщилъ полиціи. Отъ градоначальника было получено предписаніе немедленно удалить смотрителя больницы г. Голикова и замѣстить его Петропавловскимъ. С. А. Никоновъ отказался исполнить это требованіе

и, когда оно было повторено, причемъ было предписано удалить г. Голикова въ 24 часа, С. А. Никоновъ подалъ въ отставку.

Городская управа отставку не приняла, а созванный медико-санитарный совѣтъ избралъ на мѣсто смотрителя кандидата, предложеннаго Никоновымъ. По просьбѣ совѣта, Никоновъ взялъ свою отставку обратно. Но новый смотритель не былъ утвержденъ градоначальникомъ, а д-ру Никонову предложено было городскимъ головою г. Максимовымъ назначить Петропавловскаго „хоть временно“ замѣстителемъ смотрителя. Получивъ отказъ, голова созываетъ правленіе больницы, которое также отказывается согласиться на замѣщеніе Петропавловскимъ должности смотрителя, въ виду его непригодности для этого, и заявляетъ, что въ противномъ случаѣ, оно слагаетъ съ себя отвѣтственность за хозяйственную часть больницы и могущія быть послѣдствія. Несмотря на это, управа на слѣдующій день прислала д-ру Никонову предписание передать хозяйственную часть Петропавловскому. На этотъ разъ, не только С. А. Никоновъ, а еще два врача: Л. А. Флеровъ и Н. И. Потоковъ подали въ отставку, а за ними ушли и всѣ фельшерицы, 4 служителя и 3 сидѣлки... Администрація принесла въ жертву одному „благонамѣренному“ господину цѣлую дюжину необходимыхъ для общественнаго дѣла работниковъ. Но этимъ еще не кончился этотъ замѣчательный конфликтъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ д-ръ Никоновъ получилъ отъ властей „приговоръ“ о ссылке его въ Архангельскъ на 3 года. Престижъ власти окончательно... возстановленъ.

Наконецъ, извѣстный московскій присяжный повѣренный и тверской земецъ С. А. Балавинскій былъ сосланъ на пять лѣтъ по причинамъ, которыя такъ и остались неизвѣстны, ибо ему предъявлено было лишь неопредѣленное обвиненіе во „вредномъ направленіи“. Здѣсь Плева разошелся „во мнѣніяхъ“ съ населеніемъ цѣлага края, которое считало С. А. Балавинскаго настолько полезнымъ, что избрало его въ земскіе гласные, въ то время, какъ Плева считалъ его настолько вреднымъ, что ничего, кромѣ ссылки для него придумать не могъ.

Я привелъ лишь весьма немногіе примѣры неразборчивости департамента полици и его вдохновителей въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ. Такихъ примѣровъ, какъ въ самомъ Архангельскѣ, такъ и въ уѣздахъ, было множество. Несмотря, однако, на особенности режима Плева, способствовавшаго наполненію ссылки умѣренными элементами, основу ссылки и наиболѣе вліятельный ея элементъ составляли все-таки революціонеры. Ихъ вліяніе было настолько сильно, что въ немъ расторчалась вся умѣренность либераловъ. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ убѣжденными, глубоко преданными революціонной идеѣ людьми, самые мирные изъ ссыльныхъ убѣждались, что единственный путь, ведущій къ освобожденію народа, представляетъ революція. Тѣ изъ нихъ, которые по природной своей скептичности или флегматичности, избѣгли этой эволюціи, — впоследствии, когда жизнь въ ссылкѣ со всѣмъ ея административнымъ гнетомъ дари-

совывала на ихъ глазахъ картину надругательства надъ человеческой личностью, — также отдавали дань вліянію ссылки, выходя изъ которой былъ только одинъ — въ ряды революціи.

IV.

Колонія наша жила весьма интенсивною внутреннею жизнью, съ необыкновенной чуткостью отзываясь на всѣ событія внѣшняго міра. Въ описываемую мною пору (1904 г.) все общество переживало чрезвычайный годъ и находилось въ состояніи напряженнаго ожиданія величайшихъ событій. Все плотнѣе и плотнѣе стягивавшееся желѣзное кольцо реакціи, при Плева, казалось, готово было совершенно задушить всю Россію; атмосфера сдѣлалась настолько сгущенною, что дальнѣйшій гнетъ, казалось, быть невозможенъ, и котелъ общественнаго терпѣнія готовъ былъ каждую минуту взорваться отъ накопившагося въ немъ негодованія и ненависти. Каждую минуту можно было ждать, что акція выступить противъ реакціи, и хотя Плева старательно открывалъ клапаны... сажая по тюрьмамъ и отправляя въ ссылку все, что было тогда оппозиціоннаго, но съ накопившейся въ обществѣ революціонной энергіей трудно было бороться энергіей полицейской. Всѣ чувствовали, что наступаетъ кризисъ. Не чувствовала этого только бюрократія, ослѣпленіе которой дошло до того, что она сама подписала себѣ смертный приговоръ, затѣявъ русско-японскую войну. На войнѣ-то сосредоточились всѣ чаянія русскаго общества. Уже послѣ первыхъ пораженій, всѣмъ стало понятно, что дѣло бюрократіи безвозвратно проиграно, и что манчжурская авантюра будетъ послѣднимъ актомъ ея своеволия. На войну были обращены всѣ взоры и, хотя революціонеры не считали ее, по примѣру русскихъ либераловъ, панацеей противъ всѣхъ золъ, причиненныхъ Россіи бюрократіей, тѣмъ не менѣе, они старались использовать войну въ своей борьбѣ съ правительствомъ. Занявъ, какъ и все либеральное общество, враждебную, по отношенію къ войнѣ, позицію, революціонеры безпощадно разоблачали всѣ темныя стороны политики правительства, вскрывая, какъ скальпелемъ опытнаго хирурга, злосчастною войною. На свою бѣду, правительство и во внутренней политикѣ дѣлало ошибку за ошибкою. Въмѣсто того, чтобы въ это тяжелое для себя время привлечь на свою сторону либераловъ, бывшихъ тогда очень склонными къ сближенію съ правительствомъ на условіяхъ либеральныхъ реформъ, Плева вступилъ съ ними въ открытую и ожесточенную войну: къ этому именно времени относится разгромъ тверскаго и суджанскаго земствъ, набѣгъ подъ видомъ ревизіи на московское земство, „ликвидация“ земской дѣятельности Д. Н. Шипова, преслѣдованія „третьяго элемента“ и т. п.

Ссылка, чутко вглядывавшаяся въ эту борьбу, не могла относиться къ ней равнодушно, но, изолированная отъ „гущи“ жизни,

естественно, не могла принять въ ней активное участіе, и тѣмъ чувствительнѣе реагировала она на всякій шагъ бюрократіи, направленный противъ революціи. Наша колонія съ жадностью читала извѣстія съ театра войны и разоблаченія нашихъ заграничныхъ журналовъ о подвигахъ бюрократіи и военного начальства. Не имѣя возможности дѣлать активныхъ выступленій, она при всякомъ удобномъ случаѣ отзывалась на тѣ или другія событія, влияя такимъ образомъ на общественное мнѣніе.

Однимъ изъ такихъ удобныхъ случаевъ явилась въ это время довольно странная попытка правительства обезвредить революцію. Предпринята она была по слѣдующему поводу. Вскорѣ послѣ начала Русско-японской войны, одинъ изъ находившихся въ домѣ предварительнаго заключенія студентовъ военно-медицинской академіи подалъ на высочайшее имя прошеніе о зачисленіи его въ дѣйствующую армію, участіемъ въ которой онъ желалъ „загладить“ свое политическое преступленіе. По поводу этого ходатайства было опубликовано повелѣніе, приглашавшее всѣхъ „впавшихъ въ преступленіе противъ государственнаго порядка“, — загладить свою вину вступленіемъ въ ряды дѣйствующей арміи. Это приглашеніе, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, было объявлено во всѣхъ тюрьмахъ и мѣстахъ ссылки съ очевидной цѣлью внести въ среду борцовъ за освобожденіе дезорганизацію и расколъ. Было оно объявлено и всѣмъ ссылнымъ Архангельской губерніи. Въ большинствѣ колоній оно вызвало сильное возбужденіе и рѣзкіе отказы отъ предложенной милости. Нѣкоторыя колоніи рѣшили отвѣтить на этотъ вызовъ и опубликовали цѣлый рядъ протестовъ, характеризующихъ царившее среди ссылныхъ настроеніе. Вотъ, напримеръ, протестъ архангельской колоніи, который мы приводимъ здѣсь, несмотря на его рѣзкость, какъ историческій документъ, вычеркнувъ только нарушающія 103 и 129 статьи угол. уложенія слова:

„Правительство, воспользовавшись единичнымъ случаемъ ребяческаго малодушія, предложило политическимъ ссылнымъ и заключеннымъ „загладить“ свою вину вступленіемъ въ ряды дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи.

„Мы, политическіе ссылные г. Архангельска, усмотрѣвъ: во-первыхъ, что означенное предложеніе правительства является средствомъ очернить российскихъ революціонеровъ въ глазахъ несознательной части общества, либо представивъ ихъ идущими на позорную сдѣлку съ (если они примутъ это предложеніе), либо объявивъ ихъ измѣнниками отечества (если они отвергнутъ „царскую милость“);

„во-вторыхъ, что война, которую ведетъ на Д. Востокѣ правительство, можетъ принести выгоды только капитализму и бюрократіи, за счетъ полного разоренія рабочихъ и крестьянъ, выносящихъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы государственныхъ бюджетовъ, и

„въ-третьихъ, что эта война, искусственно возбуждая лож-

ный патріотизмъ, отвлекаетъ вниманіе населенія отъ господствующихъ въ странѣ тьмы, нищеты и безправія и служить для правительства лишь средствомъ хотя бы на одно мгновеніе уклониться отъ предначертаннаго ему исторіей удара—

„постановили: выразить свое глубокое презрѣніе правительственному акту“.

Въ менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, но съ одинаковою неприимчивостью отвѣчали холмогорскіе ссылные.

„Правительство, заявивъ холмогорцы, движимое желаніемъ внести въ среду революціонеровъ деморализацію и распри, сочло возможнымъ обратиться къ намъ, политическимъ ссылнымъ въ г. Холмогорахъ, съ манифестомъ, въ которомъ намъ предлагается поступить въ дѣйствующую армію на Дальній Востокъ; правительство „движимое чувствомъ милосердія къ революціонерамъ“, даетъ имъ возможность загладить грѣхъ своего прошлаго, принявъ въ ряды борцовъ за интересы его и интересы капитализма на Дальнемъ Востокѣ.

„Возмущенные вождельніемъ правительства пустить кровь революціонизму въ Россіи, мы, политическіе ссылные въ Холмогорахъ, въ количествѣ 18 чел. (единогласно), съ негодованіемъ отвергли предлагаемую милость, какъ новое проявленіе зубатовской политики. Мы не можемъ допустить совмѣстимость достоинства революціонера съ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ арміи ни въ качествѣ рядового, ни въ качествѣ санитара или медика, если это участіе покупается цѣною компромисса. Мы горячо призываемъ и другихъ политическихъ ссылныхъ товарищей, разбѣянныхъ по городамъ и селамъ Архангельской губерніи, присоединиться къ настоящему протесту“.

Совершенно своеобразно реагировалъ на приглашеніе правительства вышеупомянутый С. В. Мартыновъ. Отвѣтъ его, сдержанный по формѣ, но полный ироніи и сарказма, хорошо характеризуетъ настроеніе, въ которомъ находился въ ссылкѣ этотъ добродушный, съ юмористической складкой, человѣкъ. Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Его Превосходительству, г. Начальнику Архангельской губерніи.

„Д-ра С. В. Мартынова, высланнаго за участіе въ комитетахъ о нуждахъ с.-хоз. промышленности въ Россіи.

„9 февраля Ваше Превосходительство изволили обратиться ко мнѣ, также какъ и къ другимъ лицамъ, находящимся въ одномъ со мною положеніи, съ предложеніемъ, принявъ участіе въ настоящей войнѣ, заслужить тѣмъ амнистію. Съ своей стороны полагаю, что Россія не нуждается въ дальнѣйшемъ расширеніи своихъ границъ и что приращенія, сдѣланныя правительствомъ за послѣднее время на Дальнемъ Востокѣ, не будучи вызваны жизненными интересами страны, ложатся тяжелымъ бременемъ на населеніе. Государство, полагаю, слишкомъ нуждается въ коренныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, потребность которыхъ выражается весьма настойчиво не только зажиточными и просвѣ-

ценными классами, но и самим народомъ. Я считалъ бы для себя возможнымъ трудиться только въ направленіи преобразованій народной жизни, на что готовъ отдать въ распоряженіе правительства свои силы и знанія. Всякаго же рода дѣятельность, клонящуюся къ расширенію территоріи или къ сохраненію ненужныхъ для Россіи областей, я считаю несоотвѣтствующей жизненнымъ интересамъ страны и никакого участія въ ней принять не нахожу возможнымъ. Полагать-бы, что ни международнымъ положеніемъ государства, ни потребностью обезпечить свои границы, ни интересами торговли не можетъ быть оправдана русско-японская война. Склоненъ думать, что національное самлюбіе не препятствовало бы прекратитъ разорительную для Россіи войну и, продавъ портовые и желѣзно-дорожныя сооруженія, направить матеріальныя и духовныя силы страны на свои собственные внутренніе интересы.

„Дѣлая такое заявленіе, я, конечно, предвижу, что оно поведетъ новымъ для меня репрессіи со стороны департамента полиціи. Но иного пути я не вижу и могу лишь повторить то, что высказано было мною о потребностяхъ страны въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сел.-хоз. промышленности въ Россіи“.

Такъ отвѣтили политическіе ссыльные на приглашеніе „рассказаться“.

Въ большинствѣ колоній отвѣты вотированы были единогласно или огромнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на присутствіе въ нихъ умѣренныхъ элементовъ.

Съ такою же чуткостью отзывалась колонія и на событія, не имѣвшія прямой связи съ общемою политикою правительства. Изъ такихъ событій особенно сильно волновали нашу колонію разыгравшіяся въ началѣ 1904 года въ Якутской губерніи двѣ драмы, дѣйствующими лицами въ которыхъ были наши якутскіе товарищи. Первая изъ нихъ „Романовскій фортъ“; подъ этимъ именемъ извѣстна она въ публикѣ по заключительному ея акту. Выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями мѣстной администраціи и невозможными условіями существованія, ссыльные, разселенные по улусамъ, вблизи Якутска, собрались въ числѣ 59 человѣкъ въ Якутскѣ, и на требованіе полиціи возвратиться въ улусы отвѣтили отказомъ. Зная, что полиція не остановится передъ насиліемъ, они собрались въ одномъ частномъ домѣ и забаррикадировались, съ цѣлью дать отпоръ угрожавшей полиціи. Последняя, пригласивъ военный отрядъ, повела правильную осаду „Романовскаго форта“, какъ называли эту своеобразную крѣпость, осыпая ее градомъ ружейныхъ пуль. Осажденные также отвѣчали выстрѣлами. Съ обѣихъ сторонъ оказались убитые, причемъ изъ числа революціонеровъ палъ рабочій Матлаховъ. Итоженныя долговременной осадой и не вида никакого выхода, осажденные, послѣ упорнаго боя, сдались. Начался судъ и расправа. Къ всеобщему удивленію и негодованію, судили не администрацію, своими незаконными дѣйствіями вызвавшую это кровавое стол-

кновение, а тѣхъ же жертвъ ея произвола, которыя были ею вынуждены къ единственному, оставшемуся имъ доступнымъ способу самообороны. Въ результатѣ—55 участниковъ были приговорены къ 12-ти лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, а тѣ стѣсненія, изъ-за которыхъ осужденные испили эту глубокую чашу горячи и страданій, были отмѣнены.

Другая драма разыгралась въ одномъ изъ этаповъ, направившихся къ Якутску, вслѣдствіе безчестнаго, грубаго поведенія сопровождавшаго этапъ начальника конвоя поручика Сикорскаго, требовавшаго, между прочимъ, насильственного привода къ нему въ комнату одной изъ политическихъ ссыльныхъ. Слѣдовавшій въ томъ же этапѣ студентъ Минскій застрѣлилъ Сикорскаго, а конвой, мстя за своего начальника, сталъ стрѣлять въ этапъ и убилъ политическаго ссыльнаго Шаца и ранилъ Минскаго.

Эти событія произвели такое потрясающее впечатлѣніе на всю ссылку, что изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Восточной Сибири, гдѣ томилась изолированные отъ всего человѣческаго общества борцы за свободу, полетѣли къ правительству протесты, полные глубокаго негодованія и отчаянной рѣшимости раздѣлить трагическую судьбу якутскихъ товарищей, если правительство не исполнитъ требованій, предъявленныхъ къ нему въ этихъ заявленіяхъ. Къ ссыльнымъ Европейской Россіи сибирскіе товарищи обратились съ просьбой поддержать ихъ требованія, сводившіяся къ ослабленію административнаго произвола и отмѣнѣ противозаконныхъ распоряженій Иркутскаго генералъ-губернатора.

Полученныя въ Архангельской губерніи подробности произошедшей катастрофы произвели на всѣхъ ссыльныхъ ошеломляющее впечатлѣніе. То, что произошло тамъ, въ далекой Сибири, могло вѣдь повториться и здѣсь въ Архангельской губерніи, такъ какъ мѣстнымъ властямъ вездѣ предоставлено одинаковое право во всемъ, что касается ссыльныхъ, нарушать законъ и попирать справедливость. Являлась естественная потребность поддержать товарищей и выразить имъ свое сочувствіе, а правительству—негодованіе. Въ нашу колонію изъ всѣхъ уѣздовъ стали приходить протесты, резолюціи и прокламаціи, выпущенные по этому поводу мѣстными колоніями. Въ однихъ изъ нихъ выражалось сочувствіе пострадавшимъ Якутскимъ товарищамъ, въ другихъ—негодованіе по адресу правительства, третьи были приурочены къ собственнымъ невзгодамъ и заключали въ себѣ рядъ требованій, предъявляемыхъ къ администраціи, четвертые, наконецъ, ставили ребромъ общій вопросъ о положеніи административныхъ ссыльныхъ и требовали его улучшенія, угрожая поддержать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Копія всѣхъ этихъ актовъ, подписанныя полными именами всѣхъ участвовавшихъ въ ихъ составленіи ссыльныхъ, были разсланы министру внутреннихъ дѣлъ, въ департаментъ полиціи, губернатору и мѣстнымъ властямъ, и въ редакціи зарубежныхъ революціонныхъ изданій.

Въ скоромъ времени колонія нашей пришлось выступить съ еще болѣе рѣшительнымъ заявленіемъ.

Поводомъ для этого явилось убійство Плеве. Никогда еще не приходилось мнѣ наблюдать такой радости, какая охватила все общество при извѣстїи объ этомъ событіи. Плеве палъ въ 10 ч. утра 15 іюля, а къ полудню вѣсть объ этомъ прилетѣла въ Архангельскъ и взбудоражила весь городъ. На всѣхъ лицахъ былъ написанъ неподдѣльный восторгъ, и обыватели, при встрѣчахъ со ссылными, поздравляли ихъ, какъ будто получено было извѣстїе не о трагической смерти человѣка, а объ освобожденїи Россїи. Даже чиновники, которыми Архангельскъ изобилуетъ, какъ всякій губернской городъ, не могли скрывать своего удовольствїя и ходили съ радостными лицами, передавая другъ другу потрясающую новость. Нечего и говорить, что наша колонїя провела этотъ день, какъ самый свѣтлый праздникъ. Мы праздновали не только паденїе человѣка, которому всѣ мы были обязаны своимъ изгнанїемъ, долгимъ томленїемъ въ тюрьмахъ и скитанїями по этапамъ.

Но этотъ варьивъ всеобщей радости и ликования не помѣшалъ колонїи вспомнить, что смерть Плеве представляетъ прекрасный моментъ для раскрытїя передъ обществомъ всего зла, причиненнаго Россїи абсолютизмомъ, усерднѣйшимъ слугою котораго былъ погибшїй министръ. И на слѣдующїй же день были опубликованы обращенїя къ мѣстному обществу прокламаціи социалстовъ-революціонеровъ и социаль-демократовъ. Разъясняя смыслъ и значенїе катастрофы на Измайловскомъ проспектѣ, прокламаціи рисовали потрясающую картину зла, причиненнаго Россїи всемогущимъ министромъ, и горячо призывали общество къ безпощадной борьбѣ съ этимъ зломъ и къ низверженїю абсолютизма. Сдѣлавшіеся теперь чуть-ли не анахронизмомъ, эти лозунги произвели тогда сильное впечатлѣнїе, и появленїе прокламацій, выпущенныхъ въ такой удачный моментъ, поставило на ноги всю жандармерию и полицію. Начались самыя жестокіе и бессмысленныя обыски. Жандармы цѣлыми толпами во всякое время дня и ночи врываются въ квартиры наиболѣе излюбленныхъ ими для такихъ случаевъ ссылныхъ, и въ неудержимомъ стремленїи отличиться отысканїемъ хоть какого нибудь намека на участїе намѣченной жертвы въ изданїи прокламацій, производили разгромъ, напоминавшїй разбойничье нападенїе. Но ни одинъ изъ набѣговъ не увѣчался успѣхомъ, и власти въ безсильной злобѣ метили колонїи совершенно произвольной высылкой многихъ ея членовъ въ уѣзды. Обостривъ еще больше отношенїя колонїи съ администраціей, это событїе способствовало большому сближенїю ссылныхъ съ мѣстнымъ обществомъ.

V.

Описанными выше случаями далеко не истерпывалась борьба, которую приходилось вести колонїи съ властями. То была борьба, которая не обѣщала намъ ни побѣды въ близкомъ будущемъ, ни улучшенїя условїи жизни ссылки. Наоборотъ, она при-

носила новыя тяготы въ видѣ каръ за участїе въ опубликованїи протестовъ, за сходки и т. п. Это была своего рода партизанская война, къ которой переходитъ одна изъ сторонъ, тѣснямая численными перелѣтомъ своего противника и не надѣющаяся на скорый исходъ борьбы. Партизанскїе отряды, съ которыми въ данномъ случаѣ можно сравнить отдѣльныя колонїи ссылныхъ, пользуясь всякимъ случаемъ оплошности врага, дѣлаютъ нападенїя на болѣе слабыя его позїціи, ослабляя такимъ образомъ его армію.

Гораздо больше нервовъ и силъ отнималъ другой видъ борьбы, которую неустанно приходилось вести въ ссылкѣ; это—борьба съ мѣстной администраціей за тѣ немногія права, которыя не могла у насъ отнять наша „конституція“, но на которыя постоянно посягали низшіе агенты власти. Особенно ожесточенно приходилось бороться съ поползновенїями властей расселить ссылныхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ не только не было никакой врачебной помощи, но гдѣ пребыванїе само по себѣ представляло опасность для здоровья. Эти поползновенїя, какъ и другія попытки ухудшить положенїе ссылныхъ, представляютъ прямой результатъ установившагося у администраціи взгляда на ссылку не только какъ на мѣру предупредительную, но и какъ наказанїя, причѣмъ функція наказующей власти присвоиваютъ себѣ не только губернаторъ, но даже исправники. Яркій образецъ такого своеобразнаго взгляда на ссылку представляетъ случай, который послужилъ даже предметомъ судебного разбирательства лѣтомъ 1904 года: два политическихъ ссылныхъ, г.г. Чернякъ и Дрейеръ, были назначены Архангельскимъ губернаторомъ въ село Несь, Мезенскаго уѣзда. Прибывъ туда, они тотчасъ же убѣдились, что жить въ этомъ селѣ совершенно невозможно, потому что помимо обычныхъ причинъ, дѣлающихъ жизнь въ такомъ глухомъ углу тяжелымъ испытанїемъ, все населенїе Неси было поголовно заражено сифилисомъ, и Чернякъ и Дрейеръ не могли найти ни одной квартиры, гдѣ бы имъ не угрожала сифилитическая зараза. Никакія просьбы ихъ о переводѣ въ другое мѣсто не помогали, и имъ оставалось только одно средство для сохраненїя своего здоровья—оставить Несь. Они такъ и сдѣлали и самовольно ушли въ г. Мезень, отстоящїй отъ Неси въ 100 верстахъ. Но оттуда они снова были высланы въ Несь и снова же перекочевали обратно въ Мезень. Мезенскїй исправникъ привлекъ ихъ къ суду за самовольную отлучку, но судья призналъ, что условїя, въ которыхъ обвиняемымъ приходилось жить въ Неси, представляли опасность для ихъ здоровья и жизни, и оправдалъ обоихъ. Только послѣ этого имъ было разрѣшено жить въ Мезени.

Случай, вродѣ описаннаго, были такъ часты, что вступать всей ссылкѣ въ борьбу по поводу каждаго изъ нихъ не было никакой возможности.

Но зимою 1905 года въ Печорскомъ краѣ назрѣвало такое столкновенїе ссылныхъ съ администраціей, что вмѣшательство всей архангельской ссылки сдѣлалось неизбѣжнымъ. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время губернская администрація стала

усиленно заселять ссыльными Печорскій уѣздъ, представлявшій огромную необитаемую тундру съ кое-гдѣ разбѣянными селами, заселенными полудикими зырянами. Условия существованія въ этихъ селахъ были настолько невозможны, что только полудикие ихъ обитатели были способны ихъ переносить, для культурныхъ же людей существованіе тамъ было совершенно невозможно. Между тѣмъ, несмотря на наличность другихъ, болѣе пригодныхъ для колонизаціи мѣстъ въ губерніи, администрація продолжала заселять наиболѣе глухіе углы печорскаго уѣзда. Даже въ самомъ этомъ уѣздѣ были два пункта, гдѣ жизнь была сносите и гдѣ можно было рассчитывать, въ случаѣ надобности, на медицинскую помощь. Это были большія села: Усть-Цыльма и Ижма. О переводѣ въ эти села и стали просить всѣ печорскіе товарищи. Власть отказали. Тогда, доведенные до крайности невозможными условиями своей жизни, печорцы рѣшили самостоятельно съѣхаться въ Усть-Цыльму и Ижму и не возвращаться въ дальнія села ни подъ какимъ видомъ, даже въ томъ случаѣ, если къ нимъ будетъ примѣнено насиліе. Принявъ такое рѣшеніе, они привели его въ исполненіе и сообщили объ этомъ губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, ко всѣмъ же уѣзднымъ и архангельской колоніямъ они обратились съ просьбой поддержать предъявляемые ими требованія.

Вся архангельская ссылка немедленно откликнулась на призывъ товарищей и къ губернатору и въ министерство внутреннихъ дѣлъ полетѣли заявленія о томъ, что печорцы будутъ поддержаны въ своихъ требованіяхъ ссыльными всей губерніи, которые не останутся даже передъ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Въ этомъ отношеніи, особенно большія надежды возлагались на поддержку архангельской колоніи, которая была и многочисленнѣе, и насчитывала въ своемъ составѣ не мало авторитетныхъ лицъ. Извѣстіе о готовящемся столкновеніи произвело на нашу колонію сильное впечатлѣніе. На колоніальномъ собраніи рѣшено было энергично поддержать товарищей, о чемъ и довести до свѣдѣній губернской и центральной власти. Составленное колоніей съ этою цѣлью обращеніе, подписанное всѣми членами колоніи, было отправлено губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и въ редакціи газетъ и журналовъ. Обращеніе это въ короткихъ словахъ ярко рисовало положеніе, приведшее печорцевъ къ необходимости заявить такой рѣшительный протестъ, и заканчивалось обѣщаніемъ самымъ энергичнымъ образомъ вступить за товарищей, если ихъ захотятъ насильно удалить изъ Усть-Цыльмы и Ижмы.

Тонъ заявленія архангелогородцевъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что на защиту печорскихъ товарищей встанетъ вся колонія. Съ другой стороны, не было никакихъ основаній надѣяться на то, что администрація пойдетъ на уступки. Создалось такимъ образомъ весьма серьезное положеніе, и на глазахъ всей страны готова была разразиться еще одна катастрофа — на подобіе якутской. Но если якутская трагедія разыгралась

подъ покровомъ тайны, такъ сказать, за закрытымъ занавѣсомъ и при всеобщемъ гробовомъ молчаніи, то печорская, наоборотъ, сразу привлекла къ себѣ вниманіе многихъ тысячъ людей, такъ какъ заявленіе архангельскихъ ссыльныхъ было предано широкой гласности. Но благодаря-ли именно спасительной гласности или, вообще, наступившимъ новымъ временамъ, такъ какъ хотя знаменитая эра „довѣрія“ и была уже ликвидирована, но въ воздухѣ носились предвѣстники грядущей свободы — печорскій конфликтъ окончился совершенно мирно. Съѣхавшіеся въ Усть-Цыльму и Ижму печорцы, ожидая, что исправникъ потребуетъ, чтобы они разъѣхались по своимъ селамъ, готовились оказать ему сопротивленіе, а всѣ колоніи, принявшія участіе въ протестѣ, были наготовѣ, чтобы вступить за товарищей. Но прошло больше мѣсяца, а миръ нигдѣ не нарушался, и къ своему удивленію, печорцы вскорѣ узнали, что губернаторъ прислалъ исправнику бумагу, предписывавшую оставить всѣхъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вздумали поселиться. Такимъ образомъ, все окончилось благополучно, и уступчивостью администраціи было достигнуто спокойствіе, отъ котораго выиграли обѣ стороны.

VI

Послѣ смерти Плеве вся Россія зажила новою жизнью. Атмосфера прояснилась, и обыватель вздохнулъ свободнѣе. Еще никакихъ признаковъ грядущей весны не было, да и судя по предшествовавшимъ событіямъ, нельзя было ожидать ея, такъ какъ до сихъ поръ на каждый террористическій актъ правительствомъ отвѣчало новыми репрессіями, назначая на мѣсто убитаго администратора еще болѣе свирѣпаго чиновника. Но вся Россія поняла, что наступилъ переломъ и что реакціи трудно снова поднять голову. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ еще не былъ назначенъ, но всѣмъ было ясно, что преемника, похожего на Плеве или на Сипягина, не найдется. Первымъ признакомъ „весны“ былъ новый языкъ, которымъ заговорила печать. Началось это съ того, что газеты очень „смѣло“ высказывались по поводу убійства Плеве, и въ ихъ сужденіяхъ на эту тему не было ни прежней оглядки, ни суесловія; даже репутильныя газеты оставили свой специфическій тонъ, которымъ принято было клеймить „гнуемыхъ злодѣяніи“ и заговорили о необходимости устраненія причинъ, вызывающихъ политическія убійства. Затѣмъ понемногу газеты стали высказываться на тему о томъ, что „такъ дальше жить нельзя“. Съ каждымъ днемъ печать становилась смѣлѣе, и обыватель пересталъ узнавать свои газеты — такъ онѣ сдѣлались живы и интересны.

Нечего и говорить, что ссылка также встрепенулась. Извѣстія изъ столицъ доходили до насъ медленно, но волна всеобщаго возбужденія опередила факты, и докатившись до нашей глуши, захлестнула не только насъ, но и все окружающее насъ

сонное царство. Мы еще не знали, какъ отразится смерть Плеве на нашей судьбѣ, но не сомнѣвались въ томъ, что для всѣхъ насъ наступаетъ новая пора. Прошло двѣ недѣли со дня катастрофы на Измайловскомъ проспектѣ, какъ произошло событіе, имѣвшее огромную важность для міра заточенія и ссылки: родился наследникъ престола.

По этому случаю, 11 августа 1904 г. были опубликованы манифестъ, коснувшійся и ссылки. Какъ и слѣдовало ожидать, „милости“, оказанныя политикамъ, были довольно проблематичны; онѣ сводились къ тому, что срокъ ссылки былъ сокращенъ на одну треть, полное же освобожденіе получили лишь тѣ, которые были административно высланы на срокъ менѣе трехъ лѣтъ, и несовершеннолѣтніе. Последняя категория ссылныхъ была вскорѣ разочарована, такъ какъ оказалось, что подъ несовершеннолѣтними манифестъ разумѣлъ не тѣхъ, которые были таковыми въ моментъ совершенія „преступленія“, за которое они были сосланы, а лишь тѣхъ, которымъ не исполнилось 21 года ко дню опубликованія манифеста. Какъ бы то ни было, но свободу получили многіе изъ нашихъ товарищей, срокъ ссылки нѣкоторыхъ, за скидкой одной трети, оканчивался тотчасъ же по примѣненіи къ нимъ манифеста; много оказалось и такъ называемыхъ „малолѣтковъ“, т. е. лицъ моложе 21 года — лучшая иллюстрація неразборчивости Плеве, не стѣснявшагося ссылать и прятать по тюрьмамъ подростковъ, почти дѣтей. Въ общемъ, во всей губерніи освобождалось немедленно или черезъ нѣсколько недѣль послѣ опубликованія манифеста нѣсколько сотъ человѣкъ, т. е. цѣлая половина всей архангельской ссылки. Освобожденные члены архангельской колоніи тотчасъ же снялись и уѣхали, и число колонистовъ у насъ значительно поубавилось.

Въ это время, пустовавшій полтора мѣсяца постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ замѣщенъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, крылатая слова котораго о „довѣрїи“ вызвали въ обществѣ столько надежды и упованій. Пробудили они надежды и у насъ. О томъ, что пора репрессій миновала и не вернется, мы уже не говорили — это разумѣлось само собой. Но мечты наши шли дальше, и фантазія разыгрывалась до того, что мы уже строили предположенія о будущемъ россійскомъ парламентѣ, намѣчая тѣхъ или другихъ лицъ въ число его членовъ.

Такъ жили мы въ гаданіяхъ и волненіяхъ. Со времени вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго прошло уже около мѣсяца. Печать все еще пережевывала его либеральную болтовню съ иностранными журналистами, дѣлала робкіе намеки на необходимость приступить къ исполненію обѣщаній, данныхъ министромъ; въ воздухѣ носились если не признаки реформъ, то микробы свободы, отравлявшіе наше воображеніе и волновавшіе всю колонію. Наше начальство было, однако, иммунно къ этой „заразѣ“, и политика „твердой руки“, провозглашенная Плеве, считалась здѣсь еще неотъемлемой. Но, вотъ, скоро и къ намъ стали прилетать первыя „дас-

точки свободы“, такъ поэтично называли у насъ отношенія департамента полиціи къ губернатору объ освобожденіи то того, то другого изъ нашихъ товарищей. Первымъ былъ освобожденъ С. В. Мартыновъ, но такъ какъ ему и безъ этого оставалось всего нѣсколько недѣль до окончанія срока ссылки, то это освобожденіе не имѣло для насъ симптоматическаго значенія. Вся наша колонія отправилась провожать всѣми уважаемаго товарища. Прощаясь съ нами на пароходѣ, отвозившемъ его на вокзалъ, С. В. Мартыновъ предсказывалъ, что мы всѣ скоро послѣдуемъ его примѣру.

Предсказаніе его сбылось, но лишь отчасти. Вскорѣ послѣ отъѣзда С. В. Мартынова, получилось извѣстіе объ освобожденіи В. И. Чарюлускаго; затѣмъ были освобождены Н. И. Воробьевъ и я; такимъ образомъ было ликвидировано „дѣло“ о III съѣздѣ по технич. и профес. образованію (одновременно съ нами были возвращены изъ Сибири и Г. А. Фальборкъ). За нами слѣдовали П. Н. Переверзевъ, И. М. Труба, всѣ пять „уфимцевъ“, Д. Н. Кладичевъ, С. А. Балавинскій и еще нѣсколько товарищей. Всѣ мы были сосланы „въ порядкѣ охраны“ и числились въ ссылкѣ „либералами“, „культурниками“, „освобожденцами“. Поэтому и наше освобожденіе, зависѣвшее всецѣло отъ усмотрѣнія министра, все еще не знаменовало собою поворота въ политикѣ, это была только ликвидація нествѣтъ покойнаго Плеве, который кн. Святополкъ-Мирскій, повидимому, не хотѣлъ брать на свою совѣсть. Мы отпраздновали свое освобожденіе, колонія устроила намъ торжественные проводы, и этимъ, казалось, окончилась пора ожиданій. Отъ новаго министра, повидимому, большого ждать не приходилось, и всей ссылкой оставалось ждать освобожденія отъ самого народа, въ которомъ освободительное движеніе уже начинало принимать форму, граничившую со стихійностью. Впрочемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ нашего освобожденія, а именно въ ноябрѣ, кн. Святополкъ-Мирскій еще разъ заставилъ встрепенуться всю ссылку. Онъ освободилъ около 100 социаль-демократовъ въ архангельской губ. и нѣсколько десятковъ въ Сибири и Вологдѣ. Изъ нашихъ товарищей благодаря этому очутились на свободѣ какъ разъ тѣ, которыхъ наши административные царьки считали наиболѣе опасными и выслали незадолго до этого въ уѣзды.

Всѣ снова стали ждать общаго освобожденія. „Если начали освобождать революционеровъ, значитъ ссылкѣ приходитъ конецъ“, разсуждали оптимисты. Газеты заестрѣли именами освобожденныхъ — также новость по тѣмъ временамъ, такъ какъ во времена Плеве газеты не смѣли и пикнуть о высылкахъ и арестахъ и, вообще, о всемъ, что касалось застѣнчивой дѣятельности правительства. Появились и статьи на эту тему. Извѣстный фельетонистъ А. А. Яблоновскій написалъ въ „Сынѣ Отечества“, только что начавшемъ выходить въ изданіи С. П. Юричина, остроумный фельетонъ объ „архангельскихъ грѣхахъ“... Но ожиданія и на этотъ разъ не оправдались: кн. Святополкъ-Мирскій, повидимому подъ чьимъ то давленіемъ, пересталъ гнѣшить общество подобными

приятными сюрпризами, и оставшимся в ссылке так и не удалось испытать на себе всю благодать министерского либерализма.

VII.

Получив свободу без ограничений в выборе места жительства, я вернулся в Петербург, но с моим освобождением не прекратилась моя связь с Архангельском, где остались близкие мне люди и многие товарищи по неволе. Окунувшись с головою в водоворот петербургской жизни в самый разгар начала освободительного движения, я поддерживал однако постоянные сношения с нашею колонией и знал всю ее жизнь, все события, происходившие там после моего отъезда. Летом 1905 года я вновь посетил Архангельск и прожил в колонии почти до самого конца „до-конституционной“ ссылки, до знаменитой октябрьской амнистии. Таким образом, и этот период жизни колонии мне приходилось близко наблюдать, и некоторые эпизоды его я уже рассказал в предыдущих главах. Мне остается сказать очень мало о последних моментах архангельской ссылки.

После разъезда товарищей, освобожденных по манифесту 11 августа и по распоряжению министерства внутренних дел, архангельская колония просуществовала еще целый год. В ней уже не было оживления, которое раньше отличало нашу колонию, потому что число ее членов уменьшилось на половину и уже до самого роспуска почти не возрастало, так как вследствие применения нового закона (июньский закон 1904 г.) о передаче всех политических дел в особые присутствия судебных палат, приток новых ссыльных прекратился, и архангельская колония пополнялась лишь время от времени теми ссыльными, которых губернатор переводил из уездов. Но настроение колонии оставалось прежне. Она чутко присматривалась к все более развивавшемуся освободительному движению. В эпоху либеральных банкетов, происходивших по всей России, колония решила использовать приподнятое настроение местного общества, и организовала в Архангельске несколько публичных банкетов, на которых члены колонии пропагандировали идею учредительного собрания и призывали граждан к борьбе за освобождение России. Когда в Петербурге открылся знаменитый ноябрьский съезд представителей земств, колония откликнулась и на это событие, стоившее ей многих волнений. По поводу съезда было создано колониальное собрание, на котором решено было послать съезду срочную приветственную телеграмму; смысл этой телеграммы сводился к пожеланию, чтобы в вырабатываемую съездом политическую платформу было включено требование созыва учредительного собрания. По краткости ли срочной телеграммы, или по уверенности колонии в достаточной революционности настроения самых земцев, но в резолюцию не было вклю-

чено требование известной демократической четырехчленной формулы, на основе которой должно быть создано учредительное собрание. Это обстоятельство породило в колонии раскол и чуть не нарушило цельность задуманной манифестации; уже под телеграммой собрано было больше половины подписей, когда группа особенно радикально настроенных товарищей потребовала пересмотра резолюции в смысле включения в нее упомянутой формулы.

Начались снова споры; часть подписавшихся взяла свои подписи обратно, и телеграмма была отправлена не от имени колонии, а от имени подписавшихся ссыльных, протестанты же на своем собрании выработали особую резолюцию, посланную для напечатания в революционные газеты. Вот эта резолюция: „Принимая во внимание: что съезд председателей управ не обладает полномочиями от народа для выработки того „основного закона“, который должен лечь в основу будущего правового порядка; что только учредительное собрание, избранное всем населением, может взять на себя эту задачу—собрание приходит к заключению, что главная и единственная задача съезда должна заключаться в требовании немедленного созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного для всех голосования“.

Результаты занятий съезда и в особенности последующие съезды земцев показали, что они были вовсе не так революционно настроены, как это казалось большинству нашей колонии, и напоминание им демократической формулы было далеко не лишнее.

После этого произошло столько крупных событий, следовавших одно за другим с такою головокружительною быстротою, что колония не успевала отозваться на них, да и что она могла прибавить своими отзывами к потрясающему красноречию развертывавшейся перед взорами всего мира всероссийской драмы. Указ 12 декабря 1904 года, обещающий стране „охранение полной силы закона“, трагедия 9 января, бомба Ивана Калаяева и следовавший за нею рескрипт на имя Булыгина о разработке закона о Государственной Думе, Мукденская катастрофа, Цусима, возстание „Потемкина“, заключение мира с Японией, Манифест 6 августа о созыве Государственной Думы, великая политическая забастовка, подарившая России манифест 17-го октября, обнародование конституционного манифеста и, наконец, амнистия 21 октября, вот те гигантские шаги, которыми шла история нашей родины в коротенький промежуток каких нибудь 10—11 месяцев. Колония с замиранием сердца следила за этим небывалым шествием. Нужно ли говорить о том настроении, которое царило в ней, о тех чувствах, которые она переживала. Это было настроение и чувства всей мыслящей России. Но не одним этим жила в то время ссылка. Каждое новое событие пробуждало у истомленных изгнанников надежду на то, что освобожденная Россия разрушит, наконец, Бастилию и даст борцам за ее счастье давно желанную свободу. Начиная со слов кн. Свято-

подк-Мирскаго о „довѣрїи“, ссылка не переставала надѣяться на амнистію и съ жадностью ловила всѣ слухи о ней; а на слухи эти столичныя газеты были особенно падки. Но дни шли за днями, одно событіе смѣнялось другимъ, а желанной вѣсти все не приходило, и обманутыя надежды повергали плѣнниковъ въ уныніе. Вывали дни, въ которые казалось, что вотъ вотъ раздастся магическое слово „амнистія“; сроки амнистіи даже указывались печатью на основаніи „самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“, но ожиданіе ихъ оканчивалось разочарованіемъ: бюрократія упорно не хотѣла выпустить изъ своихъ когтей борцовъ, свобода которыхъ несомнѣннѣе была съ ея существованіемъ. Только, когда народъ сдѣлался, хотя и временно, хозяиномъ положенія, и пролетаріатъ властно диктовалъ правительству свои требованія, идея амнистіи претворилась въ фактъ и подъ первымъ же натискомъ овладѣвшей позиціями демократіи подались двери тюремъ и жандармскія заставы ссылки. Вся ссыльная и почти вся тюремная Россія была объявлена свободною.

Наша колонія торжествовала побѣду. Еще амнистія не была объявлена, но знаменательныя слова о народопривствѣ были произнесены, и никто не сомнѣвался ни на минуту въ томъ, что ссылкѣ пришелъ конецъ. Ей, дѣйствительно, былъ объявленъ конецъ черезъ пять дней послѣ 17 октября, но раньше, чѣмъ пала послѣдняя преграда, отдѣлявшая подневольный міръ отъ міра свободнаго, колонія пришлось пережить жестокою потерю. Раздавленная, казалось, реакція не хотѣла сдаваться, и уступая вездѣ свои позиціи, метила пролитіемъ потока крови многихъ невинныхъ жертвъ. Это была такъ называемая контръ-революція, объединившая всѣ темныя силы, всю несознательную массу въ борьбѣ съ Новой Россіей, рвавшейся къ свѣту и свободѣ. Такою искупительною жертвой былъ и Михаилъ Юрьевичъ Гольдштейнъ, бывший все время душою нашей колоніи. Онъ во всѣ выдающіеся моменты ея жизни всегда шелъ впереди колоніи и былъ ея вдохновителемъ. Какъ только прилетѣла въ Архангельскъ вѣсть о манифестѣ 17 октября, колонія откликнулась на это событіе рядомъ митинговъ и манифестацій. Эти митинги, на которыхъ М. Ю. явился вдохновеннымъ ораторомъ, какъ нельзя лучше показали силу освободительнаго движенія въ мѣстномъ обществѣ. М. Ю. воспользовался энтузіазмомъ, овладѣвшимъ публикою; въ рѣчи своей, въ которой онъ пѣлъ восторженный гимнъ свободѣ, онъ призывалъ гражданъ свободной Россіи къ дальнѣйшей борьбѣ съ реакціей и къ защитѣ завоеванной свободы. Восторженная толпа торжественно клалась не отдавать свободы ея палачамъ и довѣрить судьбу Россіи только великому Учредительному Собранію. Но не на однихъ митингахъ царило такое настроеніе. Весь городъ переживалъ состояніе великаго энтузіазма и представлялъ какъ бы огромный сплошной митингъ. Не радовалась только одна реакція, и на улицахъ ея царилъ зловѣщій мракъ. Въ Архангельскѣ, въ сущности, не было реакціонныхъ партій, и какъ это ни странно для захолустнаго губернскаго города, переполненнаго

чиновниками—этимъ прочнымъ оплотомъ бюрократіи,—все население города было „заражено“ освободительными идеями. Была только небольшая кучка реакціонеровъ, отъ всей души ненавидѣвшихъ все, что рвется къ свободѣ. Это были мѣстные промышленники, безсовѣстные эксплуататоры рабочаго населенія, которыми, въ сущности, не было никакого дѣла ни до бюрократіи, ни до демократіи, но которые видѣли, что освободительныя идеи уже захватили рабочій людъ, который начинаетъ вырваться изъ ихъ когтей и вступать съ ними въ борьбу за свои права на лучшую жизнь. Эти люди отлично знали, что такимъ поворотомъ въ отношеніи къ нимъ со стороны рабочихъ они обязаны пропагандѣ, ведущейся политическими ссыльными, и ненавидѣли нашу колонию всей душой. Въ этой ненависти они могли срываться только съ полиціей, и въ союзѣ съ нею они всегда стремились къ мести. Настоящій моментъ оказался какъ нельзя болѣе подходящимъ для выполненія адекаго замысла: на одномъ изъ митинговъ, кѣмъ то изъ публики, а можетъ быть и провокаторомъ, былъ разорванъ царскій портретъ. Этого было достаточно для черносотенцевъ. Они начали вести дѣятельную агитацію среди подонковъ архангельскаго рабочаго люда, убѣждая ихъ въ томъ, что социалисты хотятъ убить царя, и привода въ доказательство случай съ портретомъ; они склоняли невѣжественную толпу, не понимавшую значенія происходящихъ событій, истребить ненавистныхъ социалистовъ и тѣмъ совершить патриотическій подвигъ. Сѣмя было брошено на благодарную почву, и на слѣдующій день, когда организованная колонією манифестаціонная процессія вошла въ городъ, она была встрѣчена выстрѣлами черносотенной толпы, вооруженной револьверами, дубинами и кольями. Среди манифестантовъ произошло замѣшательство, большинство ихъ разбѣжало, и на улицѣ осталась лишь небольшая кучка ссыльныхъ въ нѣсколько десятковъ человекъ. Черносотенцы съ гикомъ бросились на нихъ, немилосердно избивая беззащитныхъ людей, не разбирая ни женщинъ, ни дѣтей. Съ особенною ожесточенностью набрасывались на тѣхъ, которыхъ указывали ихъ вожаки, повидному заранее намѣтившіе своихъ жертвъ. М. Ю. Гольдштейнъ, окруженный толпою хулигановъ, тщетно отстрѣливался, и когда онъ выпустилъ послѣдній зарядъ изъ своего револьвера, злодѣи оглушили его брошеннымъ въ голову камнемъ и добили его кольями. Несчастный М. Ю. былъ доставленъ въ городскую больницу еще съ признаками жизни, но черезъ нѣсколько минутъ скончался, не приходя въ сознаніе. Ненасытный Молохъ чело-вѣкоенавистничества принялъ эту крупную жертву. Остальные колонисты были жестоко избиты, а изъ числа обывателей убита молодая учительница А. Покотило.

Все архангельское общество было до глубины души возмущено этимъ звѣрскимъ преступленіемъ, невозмутимою осталась только одна бюрократія, совершенно открыто радовавшаяся успѣхами черной соты: архангельскій вице-губернаторъ Хрипуновъ цѣловался на улицахъ съ черносотенцами, пожимая ихъ обгарен-

ныя кровью руки, а власти ничего не сдѣлали не только для того, чтобы покарать убійцу, но даже для предотвращения побоища, въ которомъ участвовала и полиція.

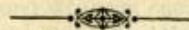
М. Ю. пользовался рѣдкой популярностью не только въ тѣсномъ кругу нашей колоніи, но и во всемъ мѣстномъ обществѣ. Его разностороннія, богатая познанія въ области науки и искусства и открытый, добродушный и привѣтливый характеръ влекли къ нему всѣхъ, кому когда либо въ жизни приходилось съ ними сталкиваться. Чуткій и отзывчивый, онъ старался прийти на помощь всякому своими знаніями и опытомъ, и двери его квартиры были широко открыты для всѣхъ. Талантливый химикъ, онъ щедро дѣлился своими обширными знаніями съ товарищами по ссылке, читая имъ лекціи по химіи и давая даже отдѣльные уроки, конечно, бесплатно. Его попытки подѣлиться своими знаніями съ болѣе широкимъ кругомъ слушателей путемъ организаціи публичныхъ лекцій встрѣтили неодолимое препятствіе въ нашей вѣтхой „конституціи“, запрещающей ссылнымъ всякое публичное выступленіе, и обществу такъ и не удалось воспользоваться рѣдкимъ въ этомъ глухомъ углу случаемъ вкусить истинной науки. Вообще, бессмысленно свирѣпое отношеніе правительства къ ссылнымъ всегда стояло преградой на пути М. Ю., и этотъ богато одаренный человѣкъ, по волѣ тупой администраціи влачилъ свою жизнь въ крайней нуждѣ въ то время, какъ люди подобные М. Ю., были такъ нужны населенію края. Съ большимъ трудомъ добился М. Ю. разрѣшенія на устройство въ Архангельскѣ химической лабораторіи, но положеніе ссылнаго и здѣсь ставило ему препятствія, и прекрасно оборудованная по послѣднему слову науки лабораторія, могущая служить украшеніемъ любого университетскаго города, здѣсь пустовала, не принося никому никакой пользы. Тоскуя по наукѣ, М. Ю. съ нетерпѣніемъ ждалъ амнистіи, чтобы вернувшись изъ ссылки, отдаться любимымъ своимъ занятіямъ. Еще живя въ Новгородѣ, онъ былъ избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета профессоромъ химіи, но ссылка помѣшала ему занять эту кафедру, теперь онъ мечталъ о возвращеніи къ университетской работѣ, но черная реакція пересѣкла его жизнь на самомъ порогѣ осуществленія его мечты.

Похороны М. Ю. произведены были на счетъ архангельскаго общества. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и погребено на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, гдѣ могила его была покрыта цѣлою горою вѣнковъ, возложенныхъ всевозможными революціонными и общественными организаціями и друзьями и почитателями М. Ю. вмѣстѣ съ его останками, увезенными изъ Архангельска, выѣхала и вся наша колонія.

Политическая ссылка была ликвидирована, но, какъ очень скоро оказалось—лишь на время. Мѣста ссылки не успѣли еще окончательно освободиться отъ своихъ невольныхъ обитателей, задержанныхъ тамъ бездорожьемъ, какъ бюрократія, подыавшая снова голову послѣ короткихъ дней свободы, стала вновь ихъ

заселять и такъ энергично, что времена Плеве показались дѣтской забавой въ сравненіи съ временами П. Н. Дурново, заткнувшаго своего бывшаго шефа за поясъ жестокостью и массой пролитой крови. Многие изъ моихъ товарищей по Архангельску и по уфаднымъ колоніямъ уже успѣли испытать на себѣ тяжесть „новаго режима“, и вновь попали на сѣверъ Россіи и въ Сибирь, или сидятъ по тюрьмамъ въ ожиданіи новой ссылки, а нѣкоторые не миновали и каторги или ждутъ суда по предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ. Архангельская губернія въ настоящее время переполнена ссылными такъ, какъ никогда, да и другія мѣста сплошь переполнены ссылными.

Ю. Лавриновичъ.

По поводу статьи Н. С Русанова „П. Л. Лавровъ“.

(Былое, 1907 г., февраль).

Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду указать на небольшія неточности, вкравшіяся въ указанную статью г. Русанова и касающіяся нѣкоторыхъ эпизодовъ моей литературной дѣятельности. Въ этой статьѣ г. Русановъ между прочимъ пишетъ.

„Духовному вождю (разумѣется Н. Г. Чернышевскій) тогдашней революціонной (?) интеллигенціи, очевидно казалось, что Лавровъ черезъ-чуръ завертываетъ прогрессивный характеръ своихъ воззрѣній въ аппаратъ излишней эрудиціи, сбивая тѣмъ лишь съ толку русскую читающую публику, для которой по мнѣнію Н. Г. Чернышевскаго, нужны прежде всего ясныя и опредѣленные взгляды. А ученики Чернышевскаго преувеличивали такое отношеніе Николая Гавриловича и доходили, разъ ступивъ на такую почву, уже до явной несправедливости (курсивъ мой, А.).—Такъ, когда П. Л. Лавровъ прочиталъ въ 1860 году въ пользу литературнаго фонда—однимъ изъ первыхъ членовъ котораго онъ былъ—три публичныя лекціи о значеніи философіи (три бесѣды о современномъ значеніи философіи, напечатанныя въ „Отеч. Записк.“ 1861 г.), онъ подвергся *рѣзкой критикѣ* (курс. мой, А.) М. А. Антоновича. И послѣдній повторилъ *нападеніе на Лаврова* (курс. мой, А.) по поводу „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“, начавшаго выходить въ 1861 г. подъ общей редакціей Краевскаго, при редакціи по философскому отдѣлу Лаврова, скоро ставшаго главнымъ редакторомъ. Тутъ что называется, *свои своихъ не познаша* (кур. мой, А.); въ то время какъ архіереи и свѣтскіе доносчики, въ родѣ Аскоченскаго призывали на голову Лаврова-правительственныя громы за безбожіе, проповѣдуемое „Энциклопедическимъ Словаремъ“, и требовали наказанія церковной анафемой (?) и царской каторгой, Антоновичъ обрушивался на редактора Словаря за умѣренность его взглядовъ. Насколько эта полемика противъ Петра Лавровича *держалась на недоразумѣніи* (кур. мой, А.), видно было изъ того, что вскорѣ послѣ того *самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову* (кур. мой, А.) свое сотрудничество въ Словарѣ и далъ, между прочимъ, статью объ Евангеліяхъ, которая подобно многимъ вещамъ Антоновича, была написана очень ясно и талантливо и произвела въ свое время большой фуроръ.“

Совершенно вѣрно, что я подвергъ рѣзкой, можетъ быть даже очень рѣзкой, критикѣ не только указаннаго три бесѣды, и всю тогдашнюю философію Петра Лавровича Лаврова. («Современникъ» 1861,

№ 4). Но къ этой критикѣ никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено изреченіе: *своя своихъ не познаша*. Точно также она вовсе не была плодомъ *недоразумѣнія*. И я смѣю думать, что въ ней не было не только *явной*, но даже и скрытой *несправедливости*.—Не нужно упускать изъ виду, что Лавровъ въ тогдашнихъ своихъ первыхъ статьяхъ по философіи, былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ является въ послѣдующихъ и особенно въ послѣднихъ его статьяхъ. Лаврова по тогдашнимъ его философскимъ воззрѣніямъ я ни въ какомъ случаѣ не могъ и не имѣлъ основанія считать *своимъ*, равно какъ и онъ по моимъ статьямъ въ «Современникѣ» не могъ признавать меня *своимъ*. Мы были люди разномыслящіе, философскіе противники и я рѣзко критиковалъ *не своею единомышленника, а своею* противника. И никакого *недоразумѣнія* тутъ и не могло быть. Моя критика, по моему искреннему убѣжденію, была вполне добросовѣстна, чистосердечна и руководилась справедливыми побужденіями, исключавшими всякую несправедливость.—Всѣ мои утвержденія я доказывалъ подлинными словами Лаврова, такъ что читатель имѣлъ полную возможность проверить меня. Да наконецъ, кто же какъ не тотъ же Чернышевскій напечаталъ мою статью въ «Современникѣ». Еслибы онъ замѣтилъ въ ней хоть малѣйшіе признаки недоразумѣнія, пристрастія или несправедливости, то онъ или не напечаталъ-бы ее, или предложилъ-бы мнѣ передѣлать ее.

Въ своей статьѣ я старался изобразить два типа нашихъ тогдашнихъ философовъ, старыхъ и новыхъ. Самымъ выдающимся представителемъ новыхъ философовъ я призналъ Лаврова и поставилъ его гораздо выше Эдельсона и даже Страхова, о которомъ сказалъ только нѣсколько словъ. Я думаю, что съ моей стороны это была справедливость относительно Лаврова. Далѣе, я отдалъ полную справедливость новымъ философамъ, значитъ главнымъ образомъ Лаврову, и поставилъ ихъ безконечно выше старыхъ. Именно я писалъ: «Наши новые философы составляютъ совершенную противоположность старымъ; они не вѣрятъ *абсолюту* (послѣднее слово вставлено по цензурнымъ соображеніямъ Чернышевскимъ, а у меня въ рукописи было: *во вѣнѣ міровое и управляющее міромъ существо*), не толкуютъ о безусловныхъ вѣчныхъ идеяхъ, не слишкомъ убиваются изъ-за ограниченной морали, никого не пугаютъ страшными привидѣніями, хотятъ быть современными, придерживаются новыхъ философскихъ системъ, признаютъ полноправность философіи и самозаконіе разума, который знаетъ только себя и никому подчиняться не обязанъ». И въ другомъ мѣстѣ я писалъ о Лавровѣ. «Съ цѣлію предупредить и отвратить его (Лаврова) отъ эклектизма и сдѣланы были нами нѣкоторыя замѣчанія, за которыя г. Лавровъ не будетъ на насъ въ претензіи, судя по его искренности и по тому философскому благородству, просто рыцарской мыслительной честности, которая замѣтна почти на каждой страницѣ его статей». И наконецъ одну отрасль философіи Лаврова я характеризовалъ такъ. «О практической философіи Лаврова мы не будемъ говорить; правила ея заслуживаютъ полного уваженія и дѣлаютъ большую честь высокимъ практическимъ идеаламъ г. Лаврова; но метафизическія основанія, изъ которыхъ выведены эти

правила, тоже неудовлетворительны». Приведенные отрывки показывают, что мою критику можно характеризовать как угодно, что она может быть была очень рѣзка, несдержанна, придирчива, заносчива, непочтительна—и все такое; но назвать ее несправедливой—это въ высшей степени несправедливо.

Съ чѣмъ я былъ согласенъ въ статьяхъ Лаврова, противъ того я не возражалъ и можетъ не все то указалъ въ своей статьѣ. Я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду всю философскую систему, все общее міросозерцаніе Лаврова. И эту систему я находилъ—справедливо или нѣтъ, это другой вопросъ—совершенно неудовлетворительной.—Прежде всего Лавровъ много занимался вопросомъ, что такое философія; и послѣ долгихъ разсужденій далъ на него такой отвѣтъ: «философія есть процессъ отождествленія мысли, образа и дѣйствія». Назвать это опредѣленіе наборомъ непонятныхъ словъ, какъ это сдѣлалъ я, ужели это будетъ несправедливостью.—Вся теоретическая философія Лаврова была въ то время компромисной мозаикой отдѣльныхъ отрывковъ изъ разныхъ философій. Прежде всего онъ признаетъ основной принципъ кантовой философіи: «мы не можемъ знать сущности вещи, а знаемъ только явленія». Слѣдуя Гегелю, Лавровъ утверждалъ: «все сущее представляется намъ фактомъ феноменологии *нашего* духа». Чистый гегельянецъ впрочемъ вычеркнулъ бы изъ этой фразы слово *нашего*, а вмѣсто его поставилъ бы *всеобщаго* или *абсолютнаго*. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ Лавровъ, какъ человѣкъ убѣдился (вотъ видите не философы, а вообще человѣкъ, такъ сказать человѣчество) убѣдился, что онъ сознаетъ не сущность вещей, но только явленія, и даже не внѣшнія явленія, а только внутреннія собственнаго процесса мышленія, чувствованія, желанія, съ тѣхъ поръ необходимость психологіи, какъ центра всѣхъ прочихъ міровъ (?), представлялась болѣе и болѣе ясно человѣку». Это преувеличенное значеніе психологіи Лавровъ позаимствовалъ у существовавшей въ то время школы эмпириковъ-субъективистовъ, которые все основывали на внутреннемъ опытѣ и наблюденіи надъ собственной душой, субстанціально отличной отъ тѣла и которые вообще были крайними спиритуалистами. Они и упрекали идеалистовъ, какъ упрекали ихъ и Лавровъ, будто они не придавали психологіи первенствующаго значенія и не занимались внутреннимъ самонаблюденіемъ и самопознаніемъ. Но почему въ основѣ не только всей философіи, но и «всѣхъ прочихъ міровъ» должна лежать спиритуалистическая психологія, а не антропологія, напр., какъ требовалъ Фейербахъ или Чернышевскій,—этого не разъяснили и не доказали ни эмпирики-субъективисты ни Лавровъ. Наконецъ Лавровъ не прочь бы былъ включить въ свою философскую коллекцію даже матеріализмъ, противъ котораго онъ вообще ратовалъ и привелъ много ходячихъ и своихъ собственныхъ возраженій и который, по его мнѣнію, призываетъ человѣчество «увѣровать и поклониться новому кумиру—веществу». И послѣ этого онъ произнесъ такой приговоръ матеріализму. «Какъ метафизическая теорія, матеріализмъ, имѣя преимущество предъ нѣкоторыми другими ученіями, неполонъ, потому что не обнимаетъ теоріи явленій сознанія, слѣдовательно пока нельзя на немъ остановиться, какъ нельзя

остановиться ни на одной изъ существующихъ системъ идеализма». А если матеріализмъ имѣетъ преимущества передъ другими ученіями и если нельзя остановиться на идеализмѣ, то почему же тогда не остановиться на матеріализмѣ. А иначе на чемъ же окончательно остановиться.

Итакъ тогдашняя философія Лаврова представляла собою не сцементированный конгломератъ изъ нѣсколькихъ кусковъ, отбитыхъ отъ разныхъ философскихъ системъ; въ немъ рядомъ лежали идеализмъ, спиритуализмъ и отчасти даже матеріализмъ. Такая разношерстная философія казалась мнѣ неудовлетворительной, нелогичной, не-поучительной и не прогрессивной. Я былъ вполне убѣжденъ, что она можетъ произвести только путаницу и сумбуръ въ головахъ читателей, особенно тогдашнихъ, совершенныхъ новичковъ въ философіи. И потому я считалъ своимъ долгомъ бороться съ такой философій и дискредитировать ее въ глазахъ читателей.—Г. Русановъ рассказываетъ въ своей статьѣ, что однажды, когда онъ представилъ Лаврову для напечатанія въ журналѣ «Вѣстникъ» продолженіе своей статьи, начало которой уже было напечатано въ этомъ журналѣ, то Лавровъ забраковалъ это продолженіе, возмутился имъ и грозилъ отказаться отъ редакторства, если продолженіе будетъ помѣщено въ журналѣ. Впослѣдствіи, когда г. Русановъ познакомился съ Лавровымъ, послѣдній по поводу продолженія сказалъ ему, что онъ лично ничего не имѣлъ противъ него и что если онъ далъ «черезчуръ рѣзкій отзывъ» о продолженіи, «то дѣлалъ это въ силу сознанія долга...» Вотъ это и я имѣю право сказать про мой можетъ быть тоже черезчуръ рѣзкій отзывъ о философіи Лаврова.

Но помимо неудовлетворительной философіи въ статьяхъ Лаврова было не мало ересей уже не философскихъ, а чисто научныхъ, совершенно опредѣленныхъ, относительно которыхъ уже невозможны были никакія сомнѣнія, возможныя относительно умозрительныхъ сюжетовъ философіи. Вотъ, напр., что писалъ Лавровъ. «Для явленій, обозначаемыхъ названіемъ духовныхъ, материализмъ можетъ быть въ теперешнемъ состояніи науки *только вреденъ* (курс. мой. А.), потому что отклоняетъ большинство ученыхъ отъ точныхъ психологическихъ изслѣдованій, возможныхъ и теперь, чтобы гнаться за мечтою, которую физиологія еще очень долго не въ состояніи выполнить». И это было написано въ то время, когда уже зарождалась новая наука психо-физика, которая стремилась органически слить материалистическую физиологію со спиритуалистической психологіей. И написано было послѣ того, какъ материалистическая физиологія дала опытные доказательства, подтверждающія въ извѣстномъ смыслѣ основной принципъ Канта и показала, что мы не знаемъ не только сущности вещей, но не знаемъ непосредственно даже явленій вещей и ихъ дѣйствительнаго отношенія къ намъ, на что указывалъ знаменитый Гельмгольцъ.—Далѣе Лавровъ, подобно старымъ философамъ, признавалъ, что въ природѣ существуетъ причинная цѣлесообразность, что въ ней все совершается по кѣмъ-то предустановленной гармоніи и по кѣмъ-то предначертанному плану. И на этомъ основаніи онъ писалъ вотъ что. «Одинъ пунктъ въ развитіи организмовъ слу-

жить для противниковъ матеріализма *могущественнымъ* (кур. мой, А.) аргументомъ: это присутствіе извѣстнаго плана въ развитіи. Организмы строятся по нѣкоторому первообразу (?).» Это было напечатано въ то время (1861), когда уже явилась на свѣтъ (1859) теорія Дарвина,—которая уже имѣла блестящіе успѣхи въ ученѣмъ мірѣ, но съ которою Лавровъ вѣроятно еще не былъ знакомъ въ то время. Меня, въ то время горячаго послѣдователя и поклонника дарвинизма, просто возмутилъ этотъ аргументъ, признававшій предначертанный планъ и какой-то первообразъ въ эволюціи органическихъ формъ, и потому я отвѣтилъ Лаврову репликой, можетъ быть несдержанной и черезчуръ рѣзкой. «Что же касается присутствія плана въ развитіи организмовъ, то, представьте себѣ, матеріалисты видятъ въ немъ могущественное доказательство въ пользу своего принципа; по всей вѣроятности они не читали статьи г. Лаврова; по ихъ словамъ, оно свидѣтельствуетъ о томъ, что разнообразныя организмы произошли отъ одного организма, и это единство ихъ происхожденія обнаруживается ихъ сходствомъ и тѣмъ именно указываетъ на развитіе и происхожденіе организмовъ изъ одного общаго источника. Посмотрите, съ какою радостью они ухватились за Дарвинову теорію видовъ; эта теорія и другія въ томъ же родѣ,—прочитайте Льюиса въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—по ихъ мнѣнію очевидно докажутъ, что рыбы и птицы не явились самостоятельно и независимо другъ отъ друга и высшія животныя появились не независимо отъ низшихъ формъ, а что всѣ организмы произошли отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ типовъ и даже отъ одного; оттого-то, что они выросли, такъ сказать, изъ одного корня и имѣютъ общее начало, намъ и кажется, что они строятся по нѣкоторому первообразу. Какъ ни видоизмѣняли ихъ внѣшнія обстоятельства, но не могли уничтожить признаковъ ихъ общаго происхожденія; общій типъ организмовъ,—это то же, что фамильное сходство въ нѣкоторыхъ семействахъ, сходство между бурбонскими носами и подбородками». Далѣе для меня было большимъ сюрпризомъ встрѣтить въ одной статьѣ Лаврова такую непростительную для него научную ересь. «Механическая теорія матеріалистовъ, писалъ онъ, еще далека отъ своего осуществленія въ самой области явленій, подлежащихъ чувствамъ. Въ явленіяхъ свѣта не доказано прямымъ наблюденіемъ существованіе волнообразнаго движенія». Напротивъ очень доказано; измѣрена даже длина волнъ и волнами объяснена интерференція свѣта. А въ настоящее время доказано, что электрическіе герцовскіе лучи тоже настоящія волны. Эта ересь сильно поколебала въ моихъ глазахъ ученый авторитетъ Лаврова.

Все изложенное даетъ мнѣ право еще разъ повторить, что моя критика философіи Лаврова и разныхъ его утвержденій не была недоразумѣніемъ и къ ней вовсе непримѣнимо изреченіе «своя своихъ не познаша». Впослѣдствіи послѣ личнаго знакомства съ Лавровымъ въ бесѣдахъ и спорахъ съ нимъ я убѣдился, что онъ постепенно освобождался отъ эклектизма и старался придать своему міровоззрѣнію болѣе цѣльный, однородный и научно-состоятельный видъ. И мы сошлись съ нимъ если не во всемъ, то во многомъ въ области философіи. Г. Русановъ свидѣтельствуетъ, что «по мѣрѣ того, какъ

деспотизмъ все больше и больше снималъ съ себя либеральную маску, Лавровъ все далѣе и далѣе *передвигался влѣво*» (курсивъ мой, А.) и что въ началѣ 60-хъ годовъ взгляды Лаврова подверглись первому наиболѣе замѣтному преобразованію на пути отъ либерализма къ социализму». Вотъ такая же эволюція произошла и въ философіи Лаврова; онъ очень полѣвѣлъ и въ этой области. Если бы Лаврову въ старости показали его стихотвореніе «отзывъ на манифестъ», о которомъ говоритъ г. Русановъ и которое цѣликомъ напечатано въ той же книжкѣ «Былого», то онъ навѣрное сказалъ бы: это я написалъ тогда, когда легковѣренъ и молодъ я былъ. Я думаю, что онъ сказалъ бы тоже самое и про свои первыя философскія статьи.

Что же касается «Энциклопедическаго Словаря», то г. Русановъ представилъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто въ то время, когда архіереи и свѣтскіе доносчики грозили «Словарю» анафемой и каторгой, я съ своей стороны поджигалъ и подбивалъ редакцію его къ неумѣренности, т. е. былъ въ нѣкоторомъ родѣ провокаторомъ изъ за враждебности моей къ Лаврову, и какъ будто «Словарь» былъ для меня только поводомъ и предлогомъ повторить «нападеніе на Лаврова» и «обрушиться» на него. Все это крайне не точно. Рецензія на «Словарь» была напечатана анонимно, («Современникъ», 1861, № 7) безъ моей подписи; но она дѣйствительно написана мною и я признаю ее своею. Рецензія говоритъ *только* о I томѣ «Словаря», который былъ редактированъ не Лавровымъ. И потому въ рецензіи я судилъ и рѣшилъ вовсе не о Лавровѣ, а о неизвѣстной безличной «редакціи», и если обрушивался накогонибудь, то на эту «редакцію», но никакъ не на редактора и въ частности на Лаврова. И обрушивался я на редакцію за весьма многое, но никакъ не за умѣренность ея взглядовъ. Нашъ споръ можно было бы рѣшить моментально; мнѣ слѣдовало бы только сказать: прочитайте, читатели, мою рецензію и вы увидите, что въ ней нѣтъ ничего того, что говоритъ г. Русановъ. Но къ сожалѣнію это значило бы требовать неисполнимаго, невозможнаго. Поэтому я поневолѣ принужденъ хоть кратко указать, что содержится въ моей рецензіи. Прежде всего я упрекалъ редакцію за то, что она не уяснила себѣ и не опредѣлила плана и существеннаго характера своего изданія. «Словарь» могъ бы быть или просто справочной книгой, перечнемъ голыхъ фактовъ, безъ всякаго освѣщенія, безъ всякихъ обсужденій и толкованій, или же книгой поучительной, по которой можно было бы изучить тѣ или другіе сюжеты и почерпнуть изъ нея такой или другой взглядъ на нихъ. Редакція говорила въ предисловіи, что она желаетъ дать то и другое,—что я считалъ невыполнимымъ и не по силамъ редакціи, и что поэтому было бы лучше, если бы редакція держалась одной какойнибудь цѣли и тѣмъ болѣе, что сама редакція повидимому склонялась въ пользу голы фактичности и говорила: «мы стремились не проповѣдывать какое либо ученіе (?), но поставить читателя на современно научную (?) фактическую точку зрѣнія». Затѣмъ я упрекалъ опять таки редакцію, а не редактора и не Лаврова за то, что она напихала въ «Словарь» разный негодный хламъ и всякую дребедень, никому не нужную и совершенно лишнюю, что она не выполнила даннаго ею обѣщанія подробно говорить о русскихъ

сюжетахъ. Какъ на примѣръ хлама я указалъ на такую статью, «ААА, химическая аббревіатура. Подъ этими тремя буквами въ старинныхъ химическихъ сочиненіяхъ понимали амальгаму, сплавъ металловъ съ ртутью». А какъ на доказательство неисполненія общіянія редакціи я указалъ на то, что напр. Августину отведено больше печатнаго листа, а нашему протопопу Аввакуму только 4 странички. Упрековъ же редакціи «за умѣренность» не было въ рецензіи никакихъ ни явныхъ ни даже сокровенныхъ, езоповскихъ. Что у меня не было предвзтой враждебности къ Словарю—это доказываютъ между прочимъ слѣдующія мѣста. «Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что въ I томѣ «Словаря» есть нѣсколько статей очень дѣльныхъ, составленныхъ тщательно, съ знаніемъ дѣла...» — «Статья объ аграрныхъ законахъ составляетъ блистательное исключеніе изъ всѣхъ статей историческихъ... она изложена ясно и отчетливо, безъ ученыхъ замашекъ и ежеминутныхъ ссылокъ на ученые авторитеты...» — «Статьи по расколу также замѣтно выступаютъ изъ кучи другихъ статей и имѣютъ въ себѣ задатки для того, чтобы быть интересными.» Кончилъ я свою рецензію слѣдующими словами:

„На дняхъ вышелъ и второй томъ „Энциклопедическаго Словаря“. Онъ похожъ на первый, несмотря на перемѣну общаго редактора. Это мы хотимъ объяснять тѣмъ, что много матеріаловъ новый общій редакторъ получилъ по наслѣдству отъ прежняго. Чтобы судить о будущности «Энциклопедическаго Словаря» при новой общей редакціи, надобно подождать третьяго тома, при составленіи котораго г. Лавровъ будетъ менѣ спутанъ рухлядью, заготовляющею еще при г. Краевскомъ“.

Послѣ всего этого утверждать, что я по поводу и подъ предлогомъ «Словаря» «повторилъ нападеніе» и обрушился лично на редактора «Словаря» и именно на Лаврова,—по моему мнѣнію невѣрно и несправедливо. Такъ же точно невѣрно и несправедливо то, будто бы «самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову свое сотрудничество въ Словарѣ». Я всегда отлично понималъ, что предлагать свое сотрудничество — дѣло рискованное и навязчивое; а въ данномъ случаѣ это было бы большой безтактностью и даже нѣкоторымъ нахальствомъ. Предлагать кому нибудь сотрудничество въ дѣлѣ, по поводу котораго обрушивался на него за это дѣло,—это было бы чѣмъ-то неслыханнымъ. Я никогда и ни къ кому не навязывался съ своимъ сотрудничествомъ. И въ данномъ случаѣ Лавровъ предложилъ мнѣ сотрудничество, и я, склонившись на его очень резонныя, основывавшіяся на моей рецензіи убѣжденія, принялъ его предложеніе.

Далѣе г. Русановъ говорить, будто моя статья объ Евангеліяхъ «произвела въ свое время *большой фуроръ*». Это тоже не точно. Дѣйствительно, статья обратила на себя вниманіе столичныхъ читателей—о провинціальныхъ ничего не знаю—главнымъ образомъ тѣмъ, что въ ней были приведены рѣшительные и рѣзкіе факты, сильно колебавшіе традиціонное понятіе о евангеліяхъ. Но сказать, что статья произвела «*большой фуроръ*»,—это преувеличенно.

Г. Русановъ въ своей статьѣ мимоходомъ коснулся одного сюжета, къ которому я также былъ прикосновененъ. «Когда въ Петербургѣ, разсказываетъ онъ, стало основываться Общество Женскаго труда, при

ближайшемъ участіи Стасовой, Анны Павловны Философовой и графини Ростовцевой, приглашенный въ члены Лавровъ представилъ въ свою очередь списокъ новыхъ членовъ. И характеръ этихъ членовъ, навербованныхъ почти исключительно изъ нигилистокъ, показался учредительницамъ настолько страшнымъ, что онѣ отказались принять кандидатокъ Лаврова. На это послѣдній отвѣтилъ рѣзкою рѣчью о филантропіи праздныхъ барынь и насущной потребности въ трудѣ дѣловыхъ женщинъ». Въ числѣ учредительницъ была еще А. Н. Энгельгардтъ, горячая и энергическая пионерка по женскому дѣлу. Я также предполагался въ члены общества; но я самъ не навязывался въ члены, а меня опять таки пригласилъ и убѣдилъ вступить въ общество тотъ же Лавровъ. На тѣхъ предварительныхъ собраніяхъ, на которыхъ я присутствовалъ, Лавровъ не предлагалъ въ члены нигилстокъ и не произносилъ обличительной рѣчи. Но дѣйствительно въ возникавшемъ обществѣ сразу образовались двѣ враждебныя партіи, которыя не могли согласиться и спѣсьса между собою. Такъ на одномъ собраніи одна партія предлагала въ предсѣдательницы общества даму изъ высшаго круга, а другая протестовала противъ этого и требовала, чтобы предсѣдательницей была избрана наборщица Нагорнова. Лавровъ дѣйствовалъ при этомъ нейтрально и даже въ примирительномъ духѣ. Долженъ сознаться, что я по своей безтактности, но неумышленно и ненамѣренно мѣшалъ примиренію. Когда на этомъ собраніи Лавровъ представилъ меня одной изъ учредительницъ и рекомендовалъ какъ усерднаго члена, и когда она стала благодарить меня, то я отвѣтилъ ей такой репликой: мадамъ, не вы должны благодарить насъ, а напротивъ мы должны быть глубоко благодарны вамъ за то, что вы, движимыя гуманнми чувствами, рѣшились придти на помощь нашимъ женщинамъ, которыя знаютъ трудъ не по наслышкѣ только, которыя работаютъ до изнеможенія, чтобы добыть себѣ скудное пропитаніе; поэтому мы, мы должны быть благодарны вамъ, а не вы намъ. И я внутренно гордился и воображалъ, какой ловкій комплиментъ я отпустилъ свѣтской дамѣ. Но увы! оказалось, какъ объяснили мнѣ пріятели, что это не комплиментъ, а если не оскорбленіе, то во всякомъ случаѣ не тонкая, но злая иронія.

М. Антоновичъ.

По поводу „Воспоминаній Народовольца“ А. Н. Баха.

Въ январской книжкѣ «Былого» (стр. 119) Бахъ говоритъ: «Росси былъ взятъ на похоронахъ Судейкина и, кажется, погибъ въ Петропавловской крѣпости». Последнее невѣрно. «Симпатичный» Росси, такъ «нравившійся» автору, вскорѣ послѣ своего ареста, «вывернулъ кафтанъ» и далъ обстоятельнѣйшія, предательскія показанія относительно всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ убійству Судейкина (въ томъ числѣ и обо мнѣ). Эти показанія были *единственною* уликою противъ Стародворскаго и Конашевича до собственнаго признанія Стародворскаго, которое повлекло за собой и признаніе Конашевича. Росси выговорилъ себѣ одно: чтобы его не ставили публично на судъ лицомъ къ лицу съ преданными имъ людьми. Это условіе было исполнено и онъ, по свидѣніямъ, сообщеннымъ суду департаментомъ полиціи, былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Западную Сибирь, гдѣ онъ и находился во все время нашего процесса ¹⁾. Гдѣ онъ теперь,—я не знаю.

Многочисленныя «субъективности» автора «Воспоминаній Народовольца» я оставляю безъ оговорокъ, такъ какъ исправленіе ихъ потребовало бы обстоятельнаго, связнаго разсказа о дѣлахъ того времени, на что у меня пока нѣтъ охоты. Но я позволю себѣ исправить мимоходомъ маленькую «абerraцію памяти» почтеннаго автора только по одному пункту (Февраль 1907, стр. 20).

Не знаю,—насколько энергично противился Бахъ помѣщенію въ № 10 «Н. В.» некролога Бердичевскаго до моего приѣзда въ Ростовъ; но помню твердо, что, когда я приѣхалъ туда и, узнавъ отъ него о помѣщеніи этого некролога, сказалъ, что я не могу допустить этого, онъ всѣми силами возсталъ противъ меня, говоря между прочимъ: «это потребуетъ переверстки всего перваго листа. Типографшики ни за что не согласятся на это. Вы только взбунтуете типографію!»— Не беспокойтесь. Я сумѣю найти слова, которыя заставятъ ихъ повиноваться мнѣ.—«Вы не знаете этихъ людей; это безуміе; я вамъ не дамъ ни сигнала, ни пароля». Разъ что я знаю адресъ типографіи, я обойдусь и безъ пароля.—«Васъ застрѣлятъ. Они твердо рѣ-

шили не даваться живыми; а къ нимъ никто не ходитъ; значитъ всякій неожиданный посѣтитель есть врагъ; повторяю,—васъ застрѣлятъ»—Авось нѣтъ. Для пули мѣста много, какъ говаривалъ на такія угрозы одинъ знакомый мнѣ сибирскій разбойникъ. Въ меня уже не разъ стрѣляли, а я все еще живъ.—закончилъ я смѣясь.

Съ дачи въ Ростовѣ я явился уже въ сумерки. Пройдя дворомъ, я беззвучно вошелъ въ квартиру, черезъ незапертую по оплошности дверь. Меня услышали только, когда я кашлянулъ, стоя посреди гостиной, гдѣ было уже совсѣмъ темно, а огонь не былъ еще зажженъ. «Кто вы? Что вамъ нужно?» сурово воскликнулъ выросшій передо мною хозяинъ. Въ то же время за перегородкой послышался подозрительный шорохъ: выдвигали ящикъ комода. «Господа! громко сказалъ я, не трогаясь съ мѣста—не спѣшите хвататься за револьверы. Я одинъ, значитъ съ этимъ дѣломъ всегда поспѣется. Я пришелъ безъ пароля; но хозяйка знаетъ меня въ лицо,—позовите ее». Хозяинъ на секунду исчезъ, и я услышалъ шопотъ: «онъ одинъ и говоритъ, что ты его знаешь; выходи,— хуже не будетъ». Еще черезъ секунду передо мною стояла маленькая женщина и тщетно старалась распознать меня въ темнотѣ и въ смущеніи. Я положилъ ей руки на плечи и, наклонясь къ ея уху, сказалъ тихонько: «Руна! не узнаешь? А Садовая?!» Она взвизгнула и бросилась мнѣ на шею. Затѣмъ все шло «по хорошему». Я послалъ за Антоновымъ и разъяснилъ всѣмъ—почему Распорядительная Комmissія, вполне понимая и раздѣляя ихъ товарищескія чувства къ Бердичевскому, не можетъ допустить помѣщенія такого некролога такъ сказать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» партіи. Никто не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и всѣ принялись поспѣшно переверстывать первый листъ.

Кстати уже: на стр. 214 Бахъ говоритъ: «Часть этой суммы я передалъ Лопатину». Изъ всѣхъ денегъ, полученныхъ разновременно Бахомъ съ К-ва и изъ другихъ источниковъ, онъ вручилъ мнѣ ровно 200 рублей для совершенно спеціальнаго назначенія. Позже были высланы мнѣ въ Петербургъ съ тою же цѣлью еще 300 руб., но, послѣ моего ареста, они были выданы обратно отправителямъ (собственно С. Иванову) моимъ посредникомъ по денежной части.

Еще слово. Какъ извѣстно, *народный* «аграрный терроръ» выражается прежде всего поджогами,—подпусканіемъ «краснаго пѣтуха», чѣмъ и объясняется данная мною «молодымъ народовольцамъ» кличка, представлявшая краткую характеристику практической *программы* дѣйствій, а не насмѣшку надъ *личностями*, какъ можно пожалуй подумать изъ словъ Баха. (Февр., стр. 201). Когда всѣ недоразумѣнія выяснились и уладились, безъ всякаго умиротворяющаго посредничества Баха, Якубовичъ и К^о были моими дѣятельнѣйшими сотрудниками и наши взаимныя отношенія стали самыми тѣсными и сердечными.

Германъ Лопатинъ.

¹⁾ По всѣмъ извѣющимся у насъ даннымъ, Росси въ Западную Сибирь высланъ не былъ. Какъ итальянскій подданный, онъ, вѣроятно, воспользовался своимъ правомъ быть высланнымъ вмѣсто Сибири за границу.
Ред

Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ.

Скончался замѣчательный литературный труженикъ, угадала одна изъ тѣхъ большихъ силъ, безъ наличности которыхъ не могло бы существовать,—и притомъ существовать прочно,—ни одно широко поставленное литературное дѣло. Журналъ «Миръ Божій» въ теченіе многолѣтняго существованія своего являлся несомнѣнно однимъ изъ тѣхъ огоньковъ, откуда распространялся свѣтъ во время самыхъ беспросвѣтно-темныхъ періодовъ русской жизни, откуда пробивались на просторъ черезъ всѣ цензурныя заставы лучи свѣтлой человѣческой мысли, откуда поддерживалась вѣра въ лучшее будущее. А «Миръ Божій» и А. И. Богдановичъ одинъ отъ другого рѣшительно неотдѣлимы.

Велика въ исторіи русскаго освободительнаго движенія роль такъ называемыхъ «толстыхъ журналовъ». Достаточно припомнить, что въ качествѣ ихъ фактическихъ редакторовъ или идейныхъ вдохновителей въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ являлись одинъ за другимъ такіе выдающіеся люди, какъ Новиковъ, Рылѣевъ, Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Салтыковъ, Михайловскій. И это только «главные», не говоря уже о цѣломъ рядѣ «второстепенныхъ», но такихъ «второстепенныхъ», мимо имени которыхъ никогда не пройдетъ историкъ нашей литературы и тѣсно связанныхъ съ нею судебъ нашего освободительнаго движенія.

За послѣдніе 3—4 года надъ русской литературой пронесся какой-то смерчъ: одинъ за другимъ сошли въ могилу К. М. Станюковичъ, Н. К. Михайловскій, А. П. Чеховъ, В. В. Лесевичъ, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенскій, Н. Г. Михайловскій-Гаринъ, В. А. Гольцевъ.

Все это люди не только съ крупными литературными именами, но и съ крупными заслугами передъ родиной въ дѣлѣ борьбы за ея освобожденіе. Въ частности смерчъ, о которомъ мы говоримъ, особенно тяжело отозвался на «Миръ Божіемъ». Давно ли мы, работавшіе въ этомъ журналѣ, встрѣчали тамъ въ качествѣ членовъ редакціи В. П. Острогорскаго, А. А. Давыдову, Л. К. Туганъ-Барановскую? Изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ никого. Оставался А. И. Богдановичъ, стоявшій,—безъ преувеличенія можно сказать,—на своемъ тернистомъ журнальномъ посту въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ вѣрный своему долгу часовой.

И вотъ, не стало и его...

Не богата внѣшними событіями жизнь Ангела Ивановича: полякъ по національности, онъ тѣломъ и душой былъ преданъ дѣлу служенія интересамъ трудящихся массъ всей Россіи. Это служеніе онъ началъ еще съ университетской скамьи. Читатели, знакомые съ печатавшимися у насъ «Воспоминаніями Народовольца» (А. Н. Баха), припомнятъ и тѣ мѣста изъ этихъ воспоминаній, въ которыхъ говорится объ А. И. Богдановичѣ. Преданный кievскому военно-окружному суду за то, что при обыскѣ въ его квартирѣ была найдена «81 точка типографскаго шрифта», Богдановичъ произнесъ остроумную защитительную рѣчь и былъ оправданъ. Оправданіе, какъ водится, не помѣшало администраціи заставить «оправданнаго» покинуть Кіевъ и тѣмъ не дать ему возможности окончить университетъ. Благодаря этому, Богдановичъ появляется въ Поволжьѣ (онъ окончилъ гимназію въ Нижнемъ Новгородѣ) и начинаетъ усиленно работать въ поволжской прессѣ. Въ дѣлѣ этомъ онъ обнаружилъ сразу недоужинное дарованіе, и скоро въ средѣ провинціальныхъ писателей приобрѣлъ себѣ замѣтное имя. Въ началѣ 90-хъ годовъ Богдановичъ переселился въ Петербургъ и одно время работалъ въ «Русскомъ Богатствѣ»; къ этому времени относится его энергическое участіе и въ возникавшей тогда политической партіи «Народнаго Права». Среди членовъ этой партіи онъ былъ однимъ изъ выдающихся публицистовъ: его перу принадлежитъ, между прочимъ, напечатанная партіей извѣстная въ свое время нелегальная брошюра «Насущный Вопросъ». Но объ участіи Богдановича въ этой партіи быть можетъ когда нибудь расскажетъ подробнѣе кто либо изъ людей, знакомыхъ лучше насъ съ этимъ періодомъ его жизни.

Въ «Мирѣ Божіемъ» Богдановичъ началъ работать съ самого возникновенія этого журнала, являясь его главнѣйшей рабочей силой. Нельзя было не изумляться той трудоспособности, которой обладалъ этотъ человѣкъ: самый внимательный просмотръ огромнаго количества рукописей, требующій весьма большого напряженія силъ, собственно редакторскій трудъ, сношенія съ сотрудниками, типографіей, цензорами, чтеніе новыхъ книгъ и журналовъ и собственныя ежемѣсячныя «Критическія Замятки»,—и такъ изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ, почти безъ отдыха, безъ передышки... Надо было любить журнальное дѣло такъ, какъ его любилъ Богдановичъ, чтобы выносить, казалось, безъ усталости прямо таки непосильный трудъ.

По убѣжденіямъ Богдановичъ былъ социаль-демократъ, но социаль-демократъ широкой, терпимый, чуждый всякаго фанатизма и сектантства.

Миръ праху труженика на нивѣ родной литературы и дѣятеля на аренѣ борьбы за свободу!

В. Б.

Историческая библиография.

- А. Н. Брянчаниновъ. *Роспуск Государственной Думы*. Причины—послѣдствія. Съ приложеніемъ офиц. документовъ. Псковъ. 1906 г. Ц. 60 к.
- Проф. Т. В. Локоть. *Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ*. Москва. 1907 г. Книгоиздательство „Польза“. Ц. 1 р.
- В. П. Алексѣевъ. *Первый русский парламентъ*. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. Москва. 1906 г. Ц. 15 к.
- Проф. Т. В. Локоть. *Первая Дума*. Статьи, замѣтки, впечатлѣнія. Книгоизд. „Польза“. Москва. 1906 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Н. Езерскій. *Государственная Дума перваго созыва*. Пенза. 1907 г. Ц. 80 к.
- П. П. Семеновъ. *Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть*. Въ очеркахъ и картинахъ. С.-Петербургъ. 1907 г. Ц. 50 к.
- М. Б—овъ и Ф. Данъ. *Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ*. Книгоиздат. Глаголевой. Годъ несобозначенъ. Ц. 60 к.
- В. Г. Танъ. *Мужики въ Государственной Думѣ*. Москва. 1907 г. Ц. 10 к.
- В. В. Брусилкинъ. *Судьба первыхъ депутатовъ*. Книгоизд. „Современникъ“. С.-Петербургъ. 1906 г. Ц. 20 к.

Первая Государственная Дума, ея дѣятельность, роспускъ и послѣдствія породили въ короткое время междуумья значительную литературу, давшую въ общемъ счетѣ нѣсколько десятковъ книгъ, множество брошюръ и неисчислимое количество статей въ периодической печати. Разобраться въ этой литературѣ, дать ей оцѣнку, отдѣлить плевелы отъ здоровыхъ всходовъ и привести ее въ библиографическую систему—составляетъ хорошую плодотворную и нелегкую задачу будущимъ библиографамъ. Пока же эта литература растетъ, множится и, вѣроятно, долго еще первая Государственная Дума будетъ привлекать вниманіе историковъ и публицистовъ. Поэтому, не представляется никакой возможности подвести теперь же итогъ названной литературы. Для историческаго журнала, какимъ является „Выдое“, литература о Гос. Думѣ имѣетъ значеніе богатаго историческаго матеріала, характеризующаго первые шаги нашего парламента, условія его дѣятельности и дающаго оцѣнку какъ момента, недавно нами пережитаго, такъ и созданнаго имъ политическаго положенія. Разсмотрѣвъ ее подъ этимъ угломъ зрѣнія и составляя задачу настоящей статьи. Вообще понятно, что для выполненія этой задачи нѣтъ ни возможности, ни необходимости разсмотрѣть все, что въ этой области появилось до сихъ поръ. Поэтому, въ свой обзоръ мы включили по возможности такіа работы, которыя или выдаются глубиною анализа, или даютъ освѣщеніе вопроса съ точки зрѣнія определенной партіи, или интересны общимъ освѣщеніемъ дѣятельности Думы, или, наконецъ, характеризуютъ ту или другую группу депутатовъ, какъ представителей определенной политической идеи.

Къ числу книгъ первой категоріи слѣдуетъ прежде всего отнести книгу проф. Т. В. Локотя „Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ“. Основной его тезисъ сводится къ констатированію политическаго безсилія Думы. Выясненію характера и причинъ этого безсилія и посвящена большая часть книги.

Констатируя блестящій въ смыслѣ интеллигентности и знаній составъ Думы и ясность политическаго положенія, авторъ съ первыхъ же строкъ заявляетъ, что „политическая мысль и характеръ политической дѣятельности первой Думы совершенно не вылились въ тѣ определенныя, отчетливыя, ясныя и категорическія формы, которыхъ, какъ будто, можно бы было ожидать отъ нея. Ни одна политическая партія или группа Думы не обнаружилась вполнѣ отчетливаго, строго продуманнаго и до конца послѣдовательнаго плана политической дѣятельности Думы, плана осуществленія той основной политическаго задачи, которая, казалось бы, столь ясно стояла передъ Думой. Мало того, ни одна партія и ни одна группа не обнаружила даже вполнѣ яснаго, политически-трезваго, реальнаго пониманія какъ того момента, который переживала тогда Россія, такъ и той роли, какую могла и должна была играть Дума именно въ этотъ моментъ, при данномъ сочетаніи и соотношеніи политическихъ силъ страны“ (стр. 4). Въ дальнѣйшемъ анализѣ 72 дневной работы Думы, авторъ еще безпощаднѣе вскрываетъ непрактичность ея политической мысли, окрашенной „историческимъ идеализмомъ“, противорѣчіе ея внутренняго, теоретическаго пониманія борьбы за власть съ практическимъ ея осуществленіемъ. Не отрицая того, что Дума ясно сознавала свое безсиліе измѣнить политическій строй безъ поддержки реальныхъ силъ страны, авторъ упрекаетъ ее въ томъ, что она въ своей дѣйствительной политической тактикѣ увлеклась иллюзіей, позволившей думать, что соотношеніе этихъ силъ всетаки продолжало оставаться столь же благоприятнымъ для освободительной борьбы, какъ и въ октябрьскіе дни. Впавъ въ эту ошибку, Дума, „забывшая объ истинныхъ реальныхъ движущихъ силахъ той борьбы, центромъ которой она сама явилась, или замалчивавшая эти силы, нежелающая поставить ихъ исходной точкой для своей политической дѣятельности—такая Дума неизбежно должна была быть разогнанной“. Читая эти строки, можно думать, что авторъ считалъ бы нецѣлесообразною, ошибочною такую тактику, въ основу которой должны быть положены категорическія требованія народа, заявленныя въ октябрьскіе дни: вѣдь такіа требованія только тогда имѣли бы реальное значеніе, если бы они были подкрѣплены стоящею за Думою реальною силою, а этой силы, по признанію г. Локтя, не было. Между тѣмъ, авторъ считаетъ „еще большимъ вопросомъ, какой путь къ достиженію Думой хотя бы минимальныхъ конституціонныхъ гарантій былъ бы правильнѣе: путь ли рѣшительнаго, категорическаго заявленія Думой народныхъ *требованій*, въ формѣ ультиматума, влекшаго за собою или роспускъ Думы или уступки,—или же тотъ, гораздо менѣе рѣшительный, обходной, „строго—конституціонный“ путь, на который въ дѣйствительности вступила Дума, подчинившись вліянію охватившихъ ее иллюзіей, противорѣчія и непослѣдовательности“. Какъ видно изъ дальнѣйшаго, г. Локоть даже склоняется къ пользѣ перваго изъ путей: „если бы Дума стояла на почвѣ рѣшительности, прямолинейности и категоричности, то ей не пришлось бы переходить къ тѣмъ крайне обостреннымъ вѣдшимъ формамъ ея отношеній къ правительству, которыя, во всякомъ случаѣ, не составляютъ положительной стороны дѣятельности первой Думы“ (24). Но для такой рѣшительности, по

признанию самого автора. Дума не располагала достаточными силами. Поэтому, отвергнув этот крайний путь и путь „компромиссного минимума“, на который готовъ былъ „старый строй“, она „пошла по среднему, промежуточному пути, крайне неровному, беспоследовательному, противорѣчивому и — въ конечномъ результатѣ — столь же практически бесплодному, какъ и оба вполнѣ послѣдовательные пути“ (стр. 28).

Дѣлая такую оцѣнку тактики Думы, авторъ, однако, не винитъ ее за такой выборъ: „стремленіе къ „практическимъ“ результатамъ, конечно, обязательно для политическихъ дѣятелей“ — но въ этомъ поведеніи онъ и усматриваетъ политическое безсиліе или, во всякомъ случаѣ, слабосиліе Думы.

Въ заключительной главѣ г. Локоть дѣлаетъ опыты прогноза для второй Думы. Учитывая участіе во второй избирательной кампаніи крайнихъ лѣвыхъ, авторъ хотя и не рассчитываетъ на избирательные успѣхи с-ровъ и с-двѣ (вълѣдствіе крайняго произвола и репрессій со стороны властей), тѣмъ не менѣе предсказываетъ имъ въ Думѣ большое значеніе, соответствующее значенію этихъ партій въ демократическихъ массахъ. Въ зависимости отъ этого, авторъ хотя и отводитъ кадетамъ въ будущей Думѣ руководящую роль, но не сомнѣвается въ томъ, что имъ придется „въ гораздо болѣе чувствительной степени поддѣлиться успѣхами“ съ лѣвыми. На „полъвѣніе“ правыхъ г. Локоть возлагаетъ надежды главнымъ образомъ потому, что отъ нихъ должны отклониться тѣ трудовые элементы, которые вовлечены въ союзъ только обещаніями матеріальной поддержки, до сихъ поръ неисполненными и не могущими осуществиться. Такимъ образомъ, создается очень лѣвая Дума, и контроль-конституціонныя выступленія старой власти окажутся бесплодными. При такомъ положеніи, Думѣ съ первыхъ же шаговъ придется возбудить вопросъ о пересмотрѣ основныхъ законовъ, созданныхъ 20 февраля и 23 апрѣля, объ амнистіи и о созданіи отвѣтственного министерства. Насколько оправдались предположенія автора — знаетъ теперь уже вся страна. Автору нельзя отказать въ извѣстной степени политической прозорливости, но и онъ могъ довести свой прогнозъ лишь до первыхъ шаговъ второй Думы. Сказать, чѣмъ кончатся конфликты ея со старой властью и пойдетъ ли вторая Дума по стопамъ первой въ ея „строго-конституціонной тактикѣ“ или заявитъ открыто народныя требованія — авторъ не берется и лишь заявляетъ себя сторонникомъ рѣшительной тактики даже въ томъ случаѣ, если рѣшительность вызоветъ немедленный роспускъ Думы.

Мы съ большимъ интересомъ дочитали до конца книгу г. Локтя. По проявленной авторомъ вдумчивости и аналитическому чутью, она ярко выдѣляется изъ многихъ книгъ, посвященныхъ Думѣ и помогаетъ читателю разобраться во многомъ, что ему въ дѣятельности Думы и ея судьбѣ было непонятно.

Совершенно другой характеръ имѣетъ книга А. И. Брянчанинова: „Роспускъ Государственной Думы“. Авторъ написалъ ее какъ будто съ цѣлью „облегчить своимъ согражданамъ уясненіе истиннаго значенія происходившихъ событий“ — по крайней мѣрѣ, онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ началѣ своей книжки, — а между тѣмъ, прочтя ее, читатель только окончательно запутается. Выдерживая октябристско-мирообновленческій тонъ, авторъ освѣщаетъ вопросъ о Думѣ и объ отношеніи ея къ правительству такъ односторонне, что получается не уясненіе, а только затуманиваніе „происходившихъ событий“.

Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось автору утверждать, что московское возстаніе произошло „неизвѣстно, въ пользу кого и чего“, если всему міру извѣстны причины этого возстанія, да и авторъ не отрицаетъ, что однимъ изъ причинъ возстанія была оттяжка созыва Думы и несовершенство выборнаго закона (стр. 4.) Выходки г. Брянчанинова (по адресу революціонеровъ, помимо ихъ непристойности, отличаются изрядной неправдивостью, и напоминаютъ собою черносотенные листки, въ которыхъ о правдѣ никто не думаетъ. Характеризуя стремленія социаллистовъ къ новому строю, авторъ ничто же сумящеся заявляетъ, что они хотятъ „привести людей въ первобытное состояніе“ (стр. 27), что это — „люди, подкапывающіеся подъ свободу народа, что это худшіе изъ его враговъ“. За то лучшими людьми авторъ считаетъ такихъ господъ, какъ Гурко. Разнеся кадетскій проектъ аграрной реформы и аграрныя домогательства лѣвыхъ въ Думѣ, г. Брянчаниновъ характеризуетъ ихъ, какъ бессмысленныя мечтанія и находитъ, что по аграрному вопросу съ трезвыми рѣчами выступала гг. Стшинскій и Гурко (37).

Не лучше „освѣщаетъ“ авторъ и дѣятельность самой Думы. Дума была труба, говорилъ и неблагодарна Государю за призывъ ея къ работѣ. Отъ такой Думы, конечно, нельзя было ожидать толку: вмѣсто того, чтобы вѣжливо и почтительно ходатайствовать передъ Государемъ о помилованіи пострадавшихъ за освободительное движеніе, Дума грубо требовала амнистіи для убійцъ, грабителей и смутьяновъ войска. Поэтому, „несмотря на все желаніе Государя поладить съ Думой, онъ не могъ согласиться на такую (курсивъ автора) амнистію“. „Амнистія — поименная дайте авторъ — была замѣнена частичными освобожденіями отдельныхъ лицъ, заключенныхъ или сосланныхъ“ (стр. 12). Здѣсь убѣдительности автора сильно мѣшаетъ враждебное отношеніе его къ правдѣ: вся страна помнитъ, чѣмъ замѣнена была требовавшаяся не только Думой, но и всей страной амнистія. Именно къ этому времени относится расширеніе „мѣстъ отдаленныхъ“ приспособленіемъ для административной ссылки Нарымскаго края и Туруханска, а г. Брянчаниновъ говоритъ о нѣкоторомъ невѣдомыхъ и вовсе не имѣвшихъ мѣста частичныхъ освобожденійхъ смыслахъ. Это грубое уклоненіе отъ правды не случайный lapsus, а повидному — основа той системы, на которой г. Брянчаниновъ строитъ „освѣщеніе происходившихъ событий“. Такъ, заступаясь за покойнаго нынѣ главнаго военнаго прокурора ген. Павлова, г. Брянчаниновъ осуждаетъ нападки Думы на этого „исполнителя закона“ и при этомъ замѣчаетъ: „вмѣсто того, чтобы налить свою злобу на личность военнаго прокурора и попусту задѣвать честь арміи (деп. Яковсонъ), надлежало немедленно выработать законопроектъ, отмѣняющій смертную казнь“ (стр. 13). Кто хоть сколько заинтересовался дѣятельностью первой Думы, тотъ не могъ не знать, что единственный законъ, который успѣла Дума выработать и окончательно принять за короткое время своего существованія, былъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни. Изъ „освѣщенія“ же г. Брянчанинова читатель узнаетъ, что Дума не только не хотѣла выработать такого закона, но замѣнила эту дѣятельность бесполезными „словопрѣціями“. Такъ пишетъ исторію г. Брянчаниновъ.

Не смотря на всѣ свои стремленія обвинить Думу, установить ея нетактичность, неспособность и отсутствіе истиннаго патриотизма, авторъ въ концѣ концовъ все-таки приходитъ къ выводамъ весьма нелестнымъ и для кабинета г. Столыпина и для всей бюрократіи. Говоря объ обстоятельствахъ роспуска Думы и о содержаніи изданнаго по этому поводу манифеста, авторъ

укоряет „бюрократовъ-совѣтниковъ Государя“ въ безтактности, а о манифестѣ замѣчаетъ, что онъ прозвучалъ на страну впечатлѣніе „прежнихъ холодно-вымученныхъ чиновничьихъ писаній, пропитанныхъ неискренностью и самовосхваленіемъ.“ „Фальшь и самохвалство, опротивѣвшія русскому народу до тошноты, звучать въ этомъ манифестѣ, и тѣ совѣтники, которые поднесли его въ такомъ видѣ Государю, были плохіе совѣтники“ (стр. 55).

Весьма критически относится авторъ и къ дѣятельности кабинета г. Столыпина послѣ роспуска Думы: безпричинное закрытіе цѣлаго ряда газетъ, введеніе всюду исключительнаго положенія, массовые аресты и высылки по голымъ доносамъ полиціи и жандармовъ, безсудныя и военно-полевые казни, отдачу всей Россіи на расправу мѣстнымъ генераламъ-администраторамъ, законодательство на основаніи 87 ст. осн. законовъ и самую программу министерства, опубликованную 24 августа, г. Брянчаниновъ безъ обиняковъ характеризуетъ, какъ произволъ. Правда, что все это снабжено вѣскими оговорками, а столь порицаемый произволъ г. Столыпина авторъ рекомендуетъ замѣнить диктатурой временныхъ совѣтовъ подъ предѣлательствомъ губернаторовъ и при участіи прокурора, предѣдателя губернской земской управы и городского головы, но критика все же остается критикой и именно въ устахъ г. Брянчанинова эта критика „успокоительной“ дѣятельности кабинета разгона Думы приобретаетъ такую силу и значеніе, какихъ не могла бы имѣть самая безопасная критика дѣлныхъ. Если въ мѣропріятіяхъ г. Столыпина не можетъ усмотрѣть ничего, кромѣ произвола, даже г. Брянчаниновъ, не брезгающій, какъ мы видѣли, даже неправдой, для того, чтобы очернить въ глазахъ народа первую Думу, то повидному, оправдать прославленнаго дѣянія „либеральнаго“ кабинета будетъ послѣ этого положительно некому—въдъ г. Брянчаниновъ по своимъ взглядамъ является представителемъ того значительнаго слоя буржуазіи, которая, отрещиваясь отъ дѣлныхъ, отличается отъ подлинной черной сотни только „октябрьскимъ“ либерализмомъ, не помѣшавшимъ ей впрочемъ, на выборахъ почти вездѣ идти за одно съ союзомъ русскаго народа. Прочитавъ книгу г. Брянчанинова, можно сдѣлать выводъ, что только въ союзѣ русскаго народа можетъ найти кабинетъ г. Столыпина поклонниковъ его кроваваго либерализма, и то, что авторъ при всемъ своемъ желаніи не могъ подсказать читателю иного вывода, и составляетъ единственную цѣнность труда г. Брянчанинова.

Къ тому же, что и рассмотрѣнныя выше двѣ книги, типу аналитическихъ опытовъ оцѣнки первой Думы слѣдуетъ отнести брошюру В. П. Алексѣева: „Первый русскій парламентъ“. Авторъ задался цѣлью изучить тѣ законодательные акты, на основаніи которыхъ дѣйствовала распущенная Дума, и отвѣтить на вопросъ, возможно ли вторую Думу ставить въ тѣ же условія и вообще возможно ли функционированіе народнаго представительства и установленіе конституціоннаго образа правленія при сохраненіи законовъ 20 февраля и 26 апрѣля.

Большую часть разсматриваемой брошюры авторъ посвятилъ анализу упомянутыхъ двухъ законовъ. Въ сжатомъ, литературнымъ языкомъ написанномъ изложеніи, г. Алексѣевъ устанавливаетъ совершенную неконституціонность законовъ 20 февраля и 26 апрѣля, отрицающихъ у Думы даже призракъ полноты законодательной власти. Разсматривая дѣятельность Думы, сжатую въ рамкахъ или, вѣрнѣе, въ тискахъ, этой своеобразной конституціи, г. Алексѣевъ отмѣчаетъ, что эти неблагоприятныя условія, сведившія работу Думы къ

борьбѣ съ правительствомъ, не помѣшали Думѣ постепенно укрѣплять въ народномъ сознаніи идею парламентаризма. Дума, такимъ образомъ, явилась лучшей практической школой для политическаго воспитанія народа. Авторъ, въ оцѣнкѣ первой Думы, идетъ даже дальше, утверждая, что борьба ея съ правительствомъ привела къ установленію фактической отвѣтственности министерства. Но съ этимъ послѣднимъ положеніемъ г. Алексѣева едва ли можно согласиться. Если можно сказать, что выраженное Думой недовѣріе правительству и требованіе его смѣны имѣло огромное нравственное значеніе, то о какомъ бы то ни было фактическомъ значеніи этого акта не можетъ быть и рѣчи, и послѣдовавшій вскорѣ разгонъ Думы служить лучшимъ подтвержденіемъ этого.

Да едва ли и самъ авторъ вѣрить въ то, что онъ сказалъ объ отвѣтственности министерства, такъ какъ въ концѣ своей брошюры онъ приходитъ къ совершенно естественному послѣ критики нашей конституціи выводу, что „Дума по законамъ 20 февраля и 26 апрѣля безсильна что либо измѣнить въ существующемъ порядкѣ. Все осталось по старому, какъ было до Думы“. Только такой выводъ и могъ привести автора къ вполнѣ справедливому заключенію, что „члены второй Думы должны прежде всего добиваться намѣненія ихъ юридическаго положенія—новая Дума должна обладать всей полнотой законодательной власти, имѣть дѣятельный контроль надъ администраціей и располагать парламентарнымъ, отвѣтственнымъ передъ народными представителями министерствомъ“.

Изъ числа книгъ, представляющихъ общій очеркъ дѣятельности первой Думы наиболѣе выгодно отличается книга уже знакомаго намъ профессора Т. В. Локтя „Первая Дума“. Въ объемистомъ томикѣ авторъ собралъ очерки главнѣйшихъ моментовъ въ жизни и дѣятельности первой Думы. Очерки эти печатались въ свое время въ „Кіевскихъ Отголоскахъ Жизни“ и въ „Нашей Жизни“, и такимъ образомъ, уже извѣстны читающей публикѣ. Но книга г. Локтя интересна не этими бѣглыми очерками, довольно поверхностно рисующими настроеніе и работу Думы. Значительную часть книги составляютъ статьи о выборномъ періодѣ, характеризующія роль политическихъ партій въ провинціальныхъ выборахъ, предвыборныя собранія и ходъ выборовъ, народныя требованія и ожиданія, отношеніе избирателей къ политикѣ и къ еврейскому вопросу. Въ этихъ статьяхъ авторъ какъ бы подготавливаетъ читателя къ составу и характеру, настроенію и дѣятельности Думы и помогаетъ разобраться во всемъ, происходившемъ въ ней въ теченіе короткой ея сессіи, чѣмъ восполняется до нѣкоторой степени краткость и неполнота фактическаго матеріала, собраннаго въ вышеупомянутыхъ очеркахъ. Очерку партійной группировки первой Думы авторъ также посвящаетъ большую статью. Останавливаясь здѣсь на природѣ конституціонно-демократической партіи, авторъ предсказываетъ ей въ будущемъ положеніе могущественнаго „либеральнаго центра“, если же въ первой Думѣ эта партія оказалась скорѣе революціонной, чѣмъ конституціонной, то революціонность эта, по мнѣнію г. Локтя, была чисто стихійной, подневольной. Во всякомъ случаѣ, к.-д. партія авторъ ни въ какомъ случаѣ не считаетъ представительницей и выразительницей истиннаго характера первой Думы. „Первая Дума, говоритъ г. Локоть, была Думой стихійно-революціонной, и въ ней не было той политической партіи, которая

съ полнымъ правомъ могла бы быть признана выразительницей этого стѣхійно-революціоннаго характера" (стр. 121). Съ этой точки зрѣнія авторъ и освѣщаетъ дѣятельность первой Думы. Если такой взглядъ находитъ себѣ въ которое оправданіе въ поведеніи кадетовъ во время обсужденія горемыкинской деклараціи, законопроекта объ отбѣнѣ смертной казни и нѣкоторыхъ запросовъ, то еще больше основаній было бы утверждать противоположное, т. е. что на настроеніе Думы кадетская партія имѣла огромное вліяніе, и это особенно ярко сказалось въ самые рѣшительные моменты дѣятельности Думы. Такіе важные акты, какъ отвѣтныи адресъ, обращеніе къ народу по земельному вопросу, выборгское воззваніе составлены были всецѣло подъ вліяніемъ кадетовъ и потому они и не выражаютъ того революціоннаго настроенія, какимъ было проникнуто большинство Думы во время принятія этихъ актовъ. Учетъ это вліяніе въ смыслѣ опредѣленія его историческихъ послѣдствій едва ли теперь еще возможно, но умалять его, какъ это дѣлаетъ г. Локоть-ошибчово.

За кадетовъ вступается въ своей книгѣ „Государственная Дума перваго созыва" г. Н. Езерскій—также бывшій депутатъ и, притомъ, членъ кадетской фракціи. Защищая партію отъ нападковъ за ея умѣренность, медлительность, колебанія, авторъ доказываетъ, что „она жила въ Думѣ наиболѣе интенсивною жизнью изъ всѣхъ партій, потому что ей принадлежать почти всѣ проекты, внесенные въ Думу, а въ главныхъ чертахъ—и весь планъ думской кампаніи".

За то для критики трудовиковъ г. Езерскій не пожалѣлъ ни красокъ, ни желчи. Нельзя сказать, чтобы авторъ предъявлялъ имъ несправедливыи обвиненія: трудовики страдали всѣми тѣми недостатками, которыми страдала и вся Дума въ цѣломъ; въ основѣ всѣхъ этихъ недостатковъ лежала переобѣнка силъ. Но едва ли они одни повинны въ этомъ грѣхѣ, а одно изъ крупныхъ обвиненій г. Езерскаго по адресу трудовиковъ—ихъ многорѣчивость,—пожалуй, съ такимъ же успѣхомъ могло бы быть предъявлено и кадетамъ.

Если оставить въ сторонѣ этотъ споръ, неизбежный между столь близко соприкасавшимися людьми на такой аренѣ, какъ политическая, то за книгою г. Езерскаго можно признать много достоинствъ. Авторъ прекрасно владѣетъ литературнымъ языкомъ и въ работѣ своей очень умѣло отбѣнилъ выдающіяся стороны дѣятельности Думы, избѣгая деталей и мало характерныхъ подробностей. Г. Езерскій задался цѣлью показать, „какъ естественно развивался конфликтъ съ исполнительной властью, вытекавшій изъ общихъ условій, въ какія была поставлена Дума"—и эту цѣль онъ исполнилъ вполне удовлетворительно. Въ сжатомъ изложеніи авторъ знакомитъ со всѣми перипетіями борьбы Думы съ правительствомъ и даетъ совершенно ясное представленіе о характерѣ работы нашего перваго парламента. Разсипанна по книгѣ замѣчанія не бесполезно прочесть и членамъ нынѣшней Думы: въ соображеніяхъ автора о парламентскомъ тактѣ многие изъ нихъ найдутъ цѣнныи въ практикѣ депутата указанія. Изъ недостатковъ книги слѣдуетъ отмѣтить обобщенія, которыя авторъ дѣлаетъ для всей Россіи, основываясь на опытѣ такой петлицкой области, какъ пензенская губернія; это замѣчаніе особенно относится къ главѣ „Выборная кампанія".

Чтобы покончить съ сочиненіями описательнаго характера, намъ остается

сказать нѣсколько словъ о небольшомъ сочиненіи П. П. Семенюты: „Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть". Составленная изъ бѣглыхъ очерковъ, повидимому печатавшихся въ какой-нибудь газетѣ, эта книга не претендуетъ на освѣщеніе дѣятельности Думы съ какой либо партійной или групповой точки зрѣнія. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за работою Думы, за общественнымъ настроеніемъ, которое создавали ея созывъ и дѣятельность, и добросовѣстно знакомитъ съ тѣмъ и другимъ читателей въ живыхъ, легкихъ очеркахъ. Не давая ничего новаго въ смыслѣ уясненія политическаго настроенія депутатовъ и объясненія тактики Думы, книга г. Семенюты представляетъ полезное чтеніе для широкихъ слоевъ публики, незнакомыхъ съ общою картиною работы первой Думы и созданнаго ею политическаго положенія.

Совершенно особое значеніе имѣетъ книга М. В—ова и Ф. Дана: „Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ". Книга эта написана социаль-демократами меньшевиками и, повидимому, преслѣдуетъ прежде всего цѣли агитаціонныя. Въ этомъ отношеніи авторы отлично выполнили свою задачу: каждый болѣе или менѣе значительный шагъ Думы разсмотрѣнъ и оцѣненъ ими съ точки зрѣнія задачъ россійской с.-д. рабочей партіи, а въ очеркахъ г.г. В—ова и Дана россійскому пролетариату и всѣмъ борцамъ за его благо преподавъ толковый урокъ пониманія партійныхъ цѣлей, стремленій и программы. То же самое можно сказать о критикѣ входившихъ въ Думу партій и группъ, сдѣланной авторами.

Но не одну только агитаціонную въ узкомъ смыслѣ цѣль имѣли въ виду г.г. В—овъ и Данъ. Они удѣляютъ значительное вниманіе вопросу о политическомъ значеніи самой Думы, о роли, которую она должна была играть въ вызвавшемъ ее къ жизни всенародномъ движеніи. Въ этомъ отношеніи, авторы, разумѣется, расходится съ авторами всѣхъ книгъ, разсмотрѣнныхъ нами выше. Въ то время, какъ эти послѣдніе разсматриваютъ Думу, какъ учрежденіе чисто законодательное, созданное для перестройки русской жизни путемъ законодательнымъ, г.г. В—овъ и Данъ совсѣмъ иначе представляютъ задачи Думы: „стать во главѣ народнаго движенія, слиться съ этимъ движеніемъ, сдѣлаться его душой, опираться на него во всякомъ своемъ шагѣ... рѣшить твердо и безповоротно всѣми помыслами своими, всѣми своими поступками и рѣшеніями обращаться „книзу", къ народу, а не „кверху", не къ власти нмущимъ, наперекоръ самодержавію бюрократіи провозгласить самодержавіе народа" (стр. 14)—вотъ что должна была сдѣлать Дума, по мнѣнію нашихъ авторовъ. Исполнила ли она эту задачу? На этотъ вопросъ получается отрицательный отвѣтъ. „Дума явилась всенароднымъ агитаторомъ огромной силы", но „для организаціи народныхъ силъ, для указанія имъ дѣйствительнаго пути къ свободѣ, къ землѣ, Дума сдѣлала очень мало, почти ничего" (стр. 173). Въ этомъ неходѣ авторы винятъ к.-д. партію, которая „и въ отдаленной степени не понимала дѣйствительныхъ задачъ Г. Думы". „Они (кадеты) употребляли всѣ усилія, чтобы отдѣлать „парламентскую" дѣятельность цѣлою пропастью отъ революціоннаго движенія народа" (стр. 15). Такимъ образомъ, если Дума и послужила дѣлу революціи, то „косвенно, противъ воли своего большинства" (стр. 16).

Въ этой оцѣнкѣ значенія кадетской тактики въ Думѣ есть большая доля истины, ибо всѣмъ извѣстно, что к.-д. партія вліяла сдерживающимъ образомъ на революціонно настроенную лѣвую, но едва ли можно согласиться съ авто-

рами въ опредѣленіи причинъ кадетской сдержанности. Говорить, какъ дѣлаютъ это авторы, что думское большинство, (т. е. кадеты) „боялось, разбудивъ народныя силы, потерять власть надъ ними; боялось, что революціонный народъ зайдетъ въ своемъ движеніи „слишкомъ далеко“, занесетъ руку надъ интересами не только реакціи, но и либеральныхъ помѣщиковъ, либеральныхъ купцовъ и фабрикантовъ; оно боялось, что придется слишкомъ многимъ поступиться въ пользу народа“ (стр. 174) говорить это, значитъ во первыхъ приписывать кадетамъ такое вліяніе на народъ, которымъ не только они, но и болѣе демократическія партіи не располагали, а во вторыхъ—совершенно невѣрно опредѣлять значеніе всей борьбы, которая велась въ первой Думѣ. Если исключить аграрный вопросъ, въ которомъ кадеты еще можно было бы упрекнуть въ снисходительности къ помѣщикамъ, всѣ поднимавшіеся въ Думѣ вопросы въ одинаковой степени касались интересовъ всѣхъ классовъ, всего народа, и приписывать въ этой борьбѣ кадетамъ особая поположенія узко-классоваго характера, значитъ оказывать исторіи весьма плохую услугу.

Совершенно неосновательно винять авторы думское большинство и въ томъ, что оно не осмѣлилось объявить актъ распушенія Думы незаконнымъ, а Думу продолжающе существовать. Имъ, какъ и всей Россіи, должно быть извѣстно, какъ реагировалъ народъ на роспускъ Думы, какой результатъ дала попытка отвѣтить на роспускъ всеобщей забастовкою и, вообще, какую возможность имѣла Дума для того, чтобы противостоять насилію правительства. Поэтому, разсужденія г.г. Б—ова и Дана на эту тему представляютъ голую фразеологию. О примѣненіи авторами такихъ приѣмовъ приходится очень пожалѣть, такъ какъ они вредятъ общему характеру книги, заслуживающей большого вниманія.

Г. Танъ въ своей брошюрѣ „Мужики въ Государственной Думѣ“, также, какъ и авторы предыдущей книги, задался цѣлью нарисовать картину представительства въ Думѣ трудящихся, но уже не рабочихъ, а крестьянъ. Авторъ, впрочемъ, совершенно иначе использовать свою тему: онъ далъ не исследование дѣятельности трудовой группы, а рядъ набросковъ, характеризующихъ настроеніе крестьянской массы, поскольку оно выразилось въ настроеніи ея депутатовъ, профили нѣкоторыхъ трудовиковъ. Очерки эти написаны живо, мѣстами остроумно и много облегчаютъ читателю уяснить фазіономию и внутреннее содержаніе представленнаго въ первой Думѣ крестьянства.

Брошюра В. В. Брусаянна „Судьба первыхъ депутатовъ“ относится уже къ междудумскому періоду. Собранный въ ней матеріалъ важенъ не столько для выясненія того, что случилось съ первыми депутатами, сколько для характеристики нашей бюрократіи и нѣкоторыхъ слоевъ русскаго общества, поскольку она выразилась въ гоненіяхъ, которымъ подверглись съ ихъ стороны многіе депутаты. Хотя авторъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ почти никакихъ обобщеній и выводовъ, но приводимые имъ факты говорятъ сами за себя, и небольшая книжка г. Брусаянна представляетъ довольно основательную часть того литературнаго памятника, который воздвигнуть первому русскому парламенту и россійской общественности этой эпохи.

Ю. Лавриновичъ.

И. П. Ювачевъ (И. П. Миромолобовъ). Шлиссельбургская крѣпость. Изд. книгоиздательства „Посредникъ“. № 639. Москва. 1907 г. Цѣна 80 к. I—XVI. 232 стр.

Страшное впечатлѣніе произведетъ эта книга на современнаго читателя, хоть сколько-нибудь умѣющаго мыслить политически. А сознательный читатель изъ молодежи, навѣрное, презрительно отброситъ ее въ сторону не дочитавши.

Изъ всей огромной уже литературы о русскихъ политическихъ узникахъ и ссыльныхъ это чуть ли не единственная книга, въ которой мягкому и благодушному тону совершенно соответствуетъ почти идиллическая манера разсказа и чисто младенческая наивность анализа.

Изъ подъ пера г. Ювачева даже генералы, привозившіе въ Шлиссельбургъ „громъ и молнію“ и откровенно бросавшіе циничныя резолюціи, вроде: „отсюда не выходить, а выносить“,—даже эти генералы выглядятъ изъ подъ пера нашего автора добродушными и стыдливими буршами, за которыхъ онъ мысленно краснѣетъ, воображая ихъ смущеніе при входѣ къ страдающему узнику (стр. 84). Даже знаменитый Иродъ, который теперь перейдетъ и въ исторію подъ этимъ именемъ, для него былъ только неподкупный служака, упоенный сознаніемъ того, что онъ исполняетъ долгъ службы, и тягостный для заключенныхъ, главнымъ образомъ, своимъ обращеніемъ съ ними на ты (стр. 30, 31). А вся администрація (очевидно, высшая) повинна только въ ошибкахъ (стр. 31), да въ недосмотрѣ или невѣдѣніи (стр. 147, 148), либо недостаткѣ соображенія (стр. 78). Я нарочно подчеркивалъ терминъ *неподкупный* въ отношеніи ротмистра Соколова (Ирода), до такой степени онъ показался мнѣ неумѣстнымъ. Какъ будто г. Ювачевъ не знаетъ, что этотъ палачъ былъ именно подкупленъ (точнѣе—*закупленъ*) немалымъ высокимъ окладомъ, которымъ наградило его правительство (Д. Толстой и Плева), посылая на это человекоубійственное дѣло! Вѣроятно небезызвѣстно автору и то, что этотъ ротмистръ успѣлъ сколотить себѣ домишко въ Петербургѣ отъ своихъ трудовъ „праведныхъ“.

По своему составу, книга представляетъ изъ себя также страшный вынегретъ. Наполовину она состоитъ изъ очерковъ, печатавшихся въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и описывающихъ то, что авторъ самъ пережилъ въ заключеніи. Въ другой половинѣ перемѣшана древняя и новѣйшая историческая хроника, относящаяся къ Шлиссельбургу, съ личными впечатлѣніями автора при посѣщеніи крѣпости въ мартѣ 1906 г., когда туда пускали публику. Въ заключеніи нѣсколько главъ о личности княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой и объ ея посѣщеніи Шлиссельбурга въ послѣдній годъ.

Такъ какъ авторъ самъ жилъ въ Шлиссельбургской крѣпости только 2 г. и въ самое глухое время, ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній посредствомъ стука, а встрѣчался тамъ только съ Морозовымъ и нѣсколько разъ съ Юрковскимъ, то ничего о жизни товарищей *непосредственно* онъ и знать не могъ. Все же, что онъ говоритъ о нихъ во второй части, онъ рассказываетъ уже исключительно съ чужихъ словъ. Отъ этого всѣ разсказы выходятъ необыкновенно поверхностны, какъ у туриста, который пробѣжалъ по странѣ, записать въ книжку разговоры съ ямщикомъ и составить по нимъ географическое описаніе ея.

Когда мы въ Шлиссельбургѣ прочли одинъ изъ очерковъ г. Ювачева, помѣщенный въ январской кн. „Историческаго Вѣстника“ за 1902 г., мы порѣшили согласно, что авторъ многое забылъ за давностью лѣтъ, а много не могъ

сказать по условиям тогдашней цензуры. Увы, он и при свободѣ печати оставилъ этотъ очеркъ въ томъ же самомъ видѣ, точно и теперь ему грозитъ какое-нибудь возмездіе за излишнюю откровенность. И когда въ изданіи, вышедшемъ въ мартѣ 1907 г., прочтешь тѣ же самыя слова, которыя были напечатаны еще при Сипягинѣ, а именно: „можетъ быть, теперь нѣтъ ничего подобнаго въ современныхъ тюрьмахъ“ (стр. 72), то не знаешь, чему больше дивиться, небрежности ли автора при переизданіи, опасности его, или чисто дѣтскому невѣдѣнію.

Что авторъ многое забылъ, въ этомъ онъ отчасти самъ сознается, когда описываетъ, какими маленькими показались ему размѣры камеры, въ которой онъ, сидѣлъ 20 л. назадъ (стр. 147). Забылъ онъ, конечно, не только вѣшную обстановку, въ описаніи которой дѣлаетъ немало погрѣшностей, не только такія важныя для одиночки вещи, какъ способъ перестукиваться (35 стр., сноска), но и многое другое, существеннаѣе. Этимъ забвеніемъ можно объяснить и такой lapsus linguae, что черныя хлѣбъ казался ему „несравненно вкуснѣе сахарныхъ булочекъ“ (стр. 50); и такой, что въ заключеніи „умъ освобождается отъ узъ и способность къ мысленію усиливается“ (стр. 41. Срав. эпитафія къ гл. XVII, слова П. С. Поливанова), и, наконецъ, такой, что „можно въ одиночномъ заключеніи просидѣть и 10 лѣтъ, и все-таки сохранить здоровый разумъ *въ прежнемъ видѣ*“ (стр. 56).

Можетъ быть, эту же тогдашнюю ненормальность нужно объяснить и нежеланіе г. Ювачева перестукиваться съ сосѣдями, которое такъ неумно онъ старается аргументировать и оправдать (стр. 36). Другіе наши товарищи, которые иначе чувствовали и иначе понимали свои обязанности по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ, нуждавшимся въ словѣ участія и утѣшенія, совершенно иначе рѣшали для себя этотъ вопросъ, и притомъ безъ всякой софистики. Одни стучали совершенно открыто, отсиживали за это въ карцерѣ цѣлые мѣсяцы и успѣвали добиться того, что самъ Иродъ говорилъ имъ, какъ, напр., В. С. Пякратову: „стучи, да чтобъ я не видѣлъ тебя!“ Другіе припоминали заповѣдь о мудрости змѣиной и практику *укрываетельства*, широко допускаемую во всѣ эпохи гоненій, и освященную всей мученической исторіей христіанства первыхъ 3 вѣковъ.

Я отвѣсь бы къ винѣ забывчивости автора и ту оговорку, что онъ успѣлъ за 2 года въ Шлиссельбургѣ прочесть нѣсколько разъ Библію гражданскаго печатн, читая по 1 стр. въ день (стр. 50, 106 и 107). Въдѣ въ этой Библіи ровно 1278 страницъ! (Изданіе третье, 1882 г.)

Напрасно мы стали бы искать у г. Ювачева святого негодованія на порядки, дѣлающіе возможнымъ Шлиссельбургскій режимъ, или открытую укрывану по адресу лицъ, сознательно и планомерно создавшихъ этотъ режимъ со всѣми его скорострѣжными смертями. Онъ какъ будто никогда не читывалъ ни всемирныхъ исторій, ни Кеннана, ни Кропоткина. Иначе они доказали бы ему съ подавляющею очевидностью, что свирѣпость и кровожадность находятся въ природѣ того политическаго уклада жизни, который манифестомъ 17 октября объявленъ подлежащимъ упраздненію и въ Россіи. Для нашего сердца-большаго автора есть только несчастные, и на стр. 77 онъ съ поразительною неразборчивостью называетъ несчастными и Грачевскаго, доведеннаго до ужаснаго самоожоженія, и тюремщиковъ, которые довели его до этого!

Я уже предупредилъ вначалѣ, что читатель не найдетъ въ этой книгѣ признаковъ политическаго смысла или политическаго пониманія судебъ госу-

дарственныхъ „преступниковъ“. Авторъ ее какъ будто даже не слышалъ, что кромѣ „самоотверженныхъ женщинъ въ великосвѣтскомъ обществѣ“ (стр. 211) есть знаменитый „красный крестъ“ въ козачкахъ, который уже цѣлыхъ 80 л. организуетъ дѣло помощи политическимъ узникамъ и продолжаетъ до сихъ поръ приносить имъ широкую помощь, несмотря на всѣ препоны, которыя ставить ему администрація.

Но въ этой книгѣ есть кое-что такое, за что автору можно извинить указанные выше недостатки. А именно: та подкупающая сердечная доброта, гуманность и человѣчность, то уваженіе и преклоненіе предъ страдавшими „за идею“, то отвращеніе ко всякому мучительству, которыя до сихъ поръ далеко еще не стали всеобщими въ русскомъ царствѣ и далеко еще не достигли торжества въ нашей государственной жизни. Далеко не всѣ еще скажутъ нынѣ вмѣстѣ съ г. Ювачевымъ:

„Я самъ удивляюсь этимъ людямъ и преклоняюсь предъ ихъ нравственною силою, предъ ихъ страданіями“ (стр. 124). Эти люди оказались въ своемъ родѣ тоже богатырями духа. Они не сдались, не вошли въ сдѣлку со своей совѣстью,—и они побѣдили! Съ какой бы точки зрѣнія ни взглянули на нихъ, за ними навсегда останется ореолъ мучениковъ за идею“ (стр. 127). Или: „Я предвижу, что на этомъ островѣ, политомъ кровью и слезами политическихъ и религіозныхъ мучениковъ цѣлаго ряда (?) столѣтій, самъ русскій народъ выстроитъ грандіозныхъ храмъ, который осѣнитъ кости погибшихъ въ борьбѣ за вѣру и свободу“ (стр. 232).

До сихъ поръ такъ писали только „революціонеры“. И можно отнѣтитъ, какъ знаменіе времени, что подобныя строки могли появиться въ изданіи Суворина А. С., у котораго въ „Новомъ Времени“ продолжаютъ еще наиснуировать по адресу политическихъ „преступниковъ“.

У г. Ювачева, навѣрное, найдутся свои читатели. Всѣ тѣ, кому запрещается брать въ руки „антиправительственную“ печать, и кто составляетъ свои сужденія по релиціямъ прокуроровъ, жандармовъ и охранниковъ, прочтутъ эту книгу съ огромною пользою для себя. Она не обременитъ ихъ мозги идеями, но, можетъ быть, заставитъ задать себѣ хоть однаъ вопросъ:

„Почему это люди, которые еще 2—3 г. назадъ третировались, какъ величайшіе злодѣи, вдругъ становятся теперь, по словамъ вѣрующаго и благонамѣреннаго автора, и „мучениками, достойными преклоненія“, и, страшно сказать,—даже „богатырями духа“, конхъ еще недавно такъ тщетно искали для помѣщенія во 2-ю Государ. Думу?“

Эту книгу особенно полезно прочесть названнымъ писателямъ изъ „Россіи“, которые съ 1/2 г. назадъ въ своемъ отамвѣ о журналѣ „Высше“ не задумались обозвать „преступными типами“ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье долго страдать за свободу своей родины и сохранить свое имя совершенно непричастнымъ къ интересамъ карьеры, личной выгоды и житейскаго благополучія.

Въ книгѣ помѣщено много снимковъ, виды крѣпости и тюрьмы. Нѣкоторые изъ нихъ появляются въ печати впервые.

27 марта.
Выборгъ.

М. Новорусскій.

Галлерей шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакцію. Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Болугарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Часть I. Съ 29 портретами. Весь чистый доходъ предназначается въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Спб. 1907. 298 стр. Цѣна 3 рубля.

Долгое время господствовало мнѣніе, что въ Шлиссельбургской крѣпости запираются накрѣпко не только люди, но и государственныя тайны; можно было опасаться, что общество никогда не узнает ни условий суровой жизни въ этомъ мрачномъ застѣнкѣ, ни его исторіи, ни исторіи заключенныхъ въ немъ людей. Это опасеніе не оправдалось, и настоящій сборникъ даетъ длинный рядъ очень цѣнныхъ работъ, освѣщающихъ эту исторію. Онъ открывается исторіей Шлиссельбургской крѣпости, какъ государственной тюрьмы, написанной А. С. Пругавинымъ. Исторія крѣпости, какъ тюрьмы, какъ оказывается, начинается съ начала XVIII вѣка, и одною изъ первыхъ заключенныхъ въ ней была Евдокія Лопухина, первая жена Петра Великаго, и царица Марія Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михайловича. Далѣе казематы Шлиссельбурга видѣли Бирона и велѣдъ за нимъ несчастнаго императора Юанна VI Антоновича. Въ концѣ XVIII вѣка въ нихъ томился знаменитый работникъ на нивѣ русскаго просвѣщенія Н. И. Новиковъ. Такимъ образомъ, каменные мѣшки Шлиссельбургскихъ казематовъ раскрывались въ XVIII в. безразлично и для благороднѣйшихъ жертвъ деспотизма, и для деспотовъ, пережившихъ свое паденіе. Въ XIX вѣкѣ Шлиссельбургская тюрьма оживаетъ, но составъ ея подневольнаго населенія становится болѣе однороднымъ: она дѣлается мѣстомъ заключенія сразу цѣлыхъ десятковъ русскихъ и польскихъ политическихъ борцовъ за свободу.

Велѣдъ за статьей Пругавина въ сборникѣ помѣщены воспоминанія Л. Мельникова о Шлиссельбургской крѣпости, которую авторъ посѣтилъ послѣ ея упраздненія; статья называется: „Раскрытый тайникъ“.

Но главное мѣсто въ сборникѣ занимаютъ 30 биографій различныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей, либо томившихся въ крѣпости, либо людей, все отношеніе къ Шлиссельбургской крѣпости которыхъ ограничивается тѣмъ, что они были въ ней казнены. Тутъ мы находимъ четырехъ декабристовъ: Пушкина, Ник. и Мих. Бестужевыхъ и Поджіо (написанныя В. Богучарскимъ, С. Венгеровымъ и В. Семеновымъ); за ними слѣдуетъ малоизвѣстный польскій революціонеръ Валеріанъ Лукасинскій, который, просидѣвъ въ заключеніи въ разныхъ тюрьмахъ 9 лѣтъ, начиная съ 1822 г., въ 1831 попалъ въ Шлиссельбургъ и, обоеденный амнистіей по поводу коронаціи Александра II, умеръ въ немъ въ 1868 г.; итого 46 лѣтъ непрерывнаго одиночнаго заключенія въ ужасныхъ условіяхъ. Между тѣмъ преступная дѣятельность этого Лукасинскаго заключалась только въ томъ, что онъ основалъ тайный союзъ „Вольнодумства Народоваго“ (національный союзъ массеновъ) и послѣ закрытія этого союза, раскрытаго властями, — другой союзъ, подъ названіемъ „Патріотическое Товарищество“. Оба эти союза вмѣстѣ существовали не болѣе 3 лѣтъ и ничего не успѣли сдѣлать. Арестованный по доносу нѣкоего Карскаго, артиллерійскаго капитана, которому Лукасинскій неосторожно довѣрился, онъ въ минуту слабости сдѣлалъ признаніе, которое и привело къ гибели и его самого, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. За Лукасинскимъ слѣдуетъ біографія Гудака, товарища Н. И. Костомарова по дѣлу Кирилло-Мефодіевскаго братства, арестованнаго въ 1846 г. и сидѣвшаго въ крѣпости съ 1847 г. по 1850 г. (умершаго только въ 1899 г.). Далѣе слѣдуетъ біографія и характеристика Бакунина, написанная Е. Тарле, и затѣмъ уже біографіи дѣятелей эпохи Земли и Воли и Народной Воли. Многіе изъ нихъ, какъ Лопатинъ, Лукашевичъ, Морозовъ, Новорусскій и другіе, воскресли къ новой жизни и жи-

вуть теперь среди насъ, другіе погибли въ крѣпости, не перенеся продолжительнаго заключенія, или же на висѣлицѣ, или подъ пулями.

Находя біографіи этихъ людей, мы не находимъ здѣсь біографій дѣятелей XVIII в. — имѣвшихъ несчастіе познакомиться съ Шлиссельбургомъ, какъ Новикова съ одной, и Евдокіи Лопухиной, Юанна Антоновича или Бирона — съ другой стороны; не находимъ также Балмашева и Калеза, которые погибли въ Шлиссельбургской крѣпости. По всей вѣроятности, указанные пробы будутъ заполнены во второй части „Галлерей“, которая обещана редакторами. Пока же подборъ біографій въ первой части оказывается нѣсколько произвольнымъ, или, можетъ быть, случайнымъ. Но это не мѣшаетъ ей быть въ высшей степени интересной. Біографіи старыхъ дѣятелей, какъ Лукасинскаго и декабристовъ, представляются цѣлыми изслѣдованіями, произведенными на основаніи изученія всѣхъ доступныхъ источниковъ; біографіи новѣйшихъ дѣятелей являются по большей части воспоминаніями людей, лично и притомъ близко знавшихъ этихъ дѣятелей. Въ нихъ числѣ выдѣляются біографія и характеристика Германа Лопатина, написанная Н. Кудринимъ, А. И. Ульянова, написанная его сестрой Анной Ульяновой, двѣ характеристики Вѣры Фигнеръ, данная С. Едпашевскимъ и ея товарищемъ по Шлиссельбургскому заключенію С. Ивановымъ. Въ свою очередь В. Фигнеръ дала характеристики своихъ товарищей: Морозова, Антонова, Похитовова, Лукашевича, Новорусскаго и Фроленко. Всѣ эти біографіи, начиная съ первыхъ біографій декабристовъ и кончая послѣдними біографіями нашихъ, живущихъ еще современниковъ, представляютъ одинъ въ высшей степени интересный мартирологъ борцовъ за русскую свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный обвинительный актъ противъ русскаго правительства. Со времени Александра I, чрезъ времена Николая I, Александра II и Александра III до нашего времени русское правительство въ своей неослабной жестокости остается всегда вѣрнымъ самому себѣ.

Къ каждой біографіи приложенъ очень хорошо исполненный портретъ; отсутствуетъ только портретъ Поджіо, котораго, по объясненію редакторовъ, имъ не удалось найти.

Интересующимся столь недавней еще исторіей русскаго освободительнаго движенія эту книгу можно порекомендовать отъ всей души.

В. Водовозовъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Преступленіе и наказаніе (Прошлое, настоящее и будущее уголовн. права). Изъ публ. лекцій М. Н. Гернетъ въ Н.-Новгородѣ. Ц. 5 к.
 Русская Историческая Библиотека. Убийство императора Павла I. Разказы современниковъ. Подъ ред. П. Е. Щеголева. К-во „Донская Рѣчь“. Ц. 20 к.
 Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средство ея возрожденія. Ц. 25 к. Москва.
 Д. Ефременковъ. Забѣтки изъ исторіи славянофильства. Воронежъ. Правописаніе Сербовъ и Болгаръ.
 В. Ефременковъ. По поводу обзора русской исторіи, печатаемаго въ журналѣ „Миръ Божій“.
 42 книжки на еврейскомъ языкѣ. К-ва „Дерь Вельтъ“, Вильна, 1907 г.
 Популярная б-ка № 23. О. Тищенко. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Ц. 5 к. К-во „Новое Товарищество“.
 К-во „Сѣверная Россія“. Современные вопросы. Сборникъ I. Ц. 15 к. Москва. 1907 г.
 Для народа. Статьи по современнымъ вопросамъ III. Ц. 20 к. Москва, 1907 г.
 Народный сборникъ по современнымъ вопросамъ II. Ц. 17 к. Москва, 1907 г.
 Шейкманъ. Каталогъ социалиста. К-во „Волна“, Ц. 7 к. Москва, 1906 г.
 К-во Л. И. Комватова. Послѣдняя исповѣдь. Ц. 3 к.
 Маленькій Наполеонъ. (По В. Гюго). Ц. 7 к.
 В. Кокосовъ. Разказы о Карійской каторгѣ. Изд. „Русское Богатство“ Ц. 1 р. СПб., 1907 г.
 М. И. Боголъповъ. Финансы, правительство и общественные интересы. Ц. 1 р., Изд. О. Н. Поповой СПб., 1907 г.
 Политическая Энциклопедія. т. I, вып. IV., Изд. „Ключъ“. СПб., 1907 г.
 Собраніе сочиненій Виктора Гюго. кн. 42-ая, б-ка „Сѣверъ“, СПб., 1907 г.
 „Сборникъ статей“. К-во „Наша Мысль“ № 1, СПб., 1907, ц. 25 к.
 Сборникъ статей. К-во „Воля труда“, № 1, Москва, 1907.
 А. Лотоцкій. На поворотѣ СПб., 1907.
 Н. Махлецова (Дегаева) Предатель. Повѣсть изъ жизни „Народной Воли“. Ц. 75 к., СПб., 1907.
 Н. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Изд. редакціи журн. „Былое“, СПб., 1907. Ц. 1 р. 35 к.
 Николай Морозовъ. Периодическія системы строенія вещества. Изд. Т-ва Сытина, Ц. 3 р. 60 к., Москва 1907.
 Записки княг. Дашковой подъ ред. и съ предисл. Н. Чечулина. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1907.
 Цареубійство 2 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. А. С. Суворина СПб., 1907.
 Къ солдатамъ, № 2. Тюмень. 7 февр. К. Т. О. п. с.-р.
 Къ товарищамъ солдатамъ 9-го Тобольскаго полка. Союзъ солдатъ, № 3. п. с.-р.
 Т. О. Къ всѣмъ бакинскимъ рабочимъ, ноябрь 1906 г. Бак. Ком. п. с.-р.

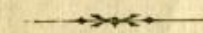
Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П. Изд. Амур. Гр. Соб. Союза Р. С.-Д. Р. П. янв. 1907.
 Граждане! Изд. Ам. гр. Соб. Союза Р. С.-Д. Р. П. янв. 1907.
 Соціалдемократъ № 1. 1 окт. 1904 г. Р. С.-Д. Р. П.
 Ко всѣмъ партійнымъ организациямъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Письма 8-ое, 11-ое (14 фев. 1907).
 Ко всѣмъ партійнымъ организациямъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1 февр. 1907.
 Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П.
 Открытіе Госуд. Думы } Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ П. К. Р. Годовщина 19 февр. } С.-Д. Р. П.
 Наказъ нижнихъ чиновъ арміи и флота депутатамъ С.-Д. Р. П. въ Гос. Думѣ. Пет. Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П.
 Пролетарій, № 2. 29 ав. 1906 г. Орг. Моск. П. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Солдатская бесѣда, № 4. Воскр. 12 нояб. 1906 г. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Списокъ выборщиковъ блока лѣвыхъ различныхъ частей СПб-га.
 Предвыборный плакатъ лѣваго блока. (Выборы 1907).
 Списокъ выборщиковъ пар. народ. свободы и (предвыб.) воззваніе пар. нар. своб.
 Крестьянскій Листокъ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 (16 мая 1906 г.—28 янв. 1907 г.).
 Вят. Ком. п. с.-р.
 Рабочій классъ и его представители. Пет. Ком. п. с.-р. 21/2 1907.
 Всероссийскій союзъ равноправія женщинъ. Женщины Россіи!
 Солдатская Мысль № 2 и 3 (окт.—дек. 1906). Изд. Воен. Рев. Орган. Пет. Воен. Округа.
 Солдатская бесѣда № 5 и 6 (2 и 23 декаб. 1906 г.). Изд. Цент. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 Казарма, № 6, 8, 10 и 12 (авг., окт., ноябрь 1906 и февр. 1907). Орг. Пет. Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П.
 Граждане! Выбирайте не кадетовъ, а социалдемократовъ!
 Кризисъ. } Избирательные
 Граждане! Выбирайте социалдемократовъ! } листки Р. С.-Д.
 Выкупъ или конфискація. } Р. П.
 Даровое обученіе.
 О гражданскихъ свободахъ.
 Къ солдатамъ. Товарищи—солдаты! Воен. Орг. при Краснояр. Ком. п. с.-р.
 Къ крестьянамъ. Киев. Отд. Всерос. Кр. союза.
 Ко всему трудовому народу. Раб. орг. Симфероп. Ком. Тавр. союза п. с.-р. Мартъ 1907.
 Къ солдатамъ и матросамъ Севастопольскаго гарнизона. Всерос. Воен. Союзъ п. с.-р. Мартъ 1907.
 О двухъ великихъ дняхъ 19 и 20 февраля 1907 г.) Елизаветград. Комит. п. с.-р.
 Къ гражданамъ.
 Къ учащимся. Учащіяся.
 Голосъ революціи. № 4. Декабрь 1906 г. Изд. Краснояр. Ком. п. с.-р.
 Сибирскій путь. № 1. 10 февр. 1907 г. Красноярскъ.
 Къ крестьянамъ виленской губ. п. с.-р. Вилен. Ком. п. с.-р.
 Письмо отъ русскихъ крестьянъ царю Николаю Второму. Типогр. Вил. Ком. п. с.-р.
 Извѣщеніе по поводу покушенія на Родзѣвскаго. Орг. Боев. Друж. при П. К. п. с.-р.
 Письмо отъ депутатовъ. Члены 2-й Госуд. Думы.
 Земля и Воля. Крестьянская газета № 1. 20 янв. 1907 г. Ц. 5 к.
 Партійная извѣстія № 5. 15 февр. 1907 г. Изд. Ц. К. п. с.-р.
 Товарищи—крестьяне! Крестьян. Орг. П. К. п. с.-р. февр. 1907 г.
 Революція, принятая на митингѣ рабочихъ Трубнога завода и др. Екатер. желѣзно-дор. мастер. 28 фев. 1907 г. Федерация рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ Трубнога завода.
 Солдатъ, № 31. 23 февр. 1907. Орг. Либав. С.-Д. Воен. Орг.
 Товарищи! Батум. организ. учащихся Дашнакистовъ. 17 февр. 1907.
 Ко всѣмъ гражданамъ! Елизаветгр. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
 Къ морякамъ. Стачечный комитетъ моряковъ.

Ко всѣмъ рабочимъ брянскаго завода. Федерация рабочихъ анархистовъ брянскаго завода.
 Наказъ солдаты и рабочимъ г. Севастополя гр. с.-р. и трудовиковъ въ Гос. Думѣ.
 7 листовъ на еврейск. яз. изд. „Бунда“.
 Царская милостыня евреямъ Ц. К. „Бунда“, сент. 1904 г.
 Всероссийскій Военный Союзъ. Товарищи-солдаты! Тип. Вил. Ком. п. с.-р. Граждане! Чит. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
 Борьба № 1, 20 марта 1907 Орг. Моск. Окр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 Товарищи новобранцы! Солдаты Воен. Революц. Организ. Варш. Воен. Окр. Февр. 1907 Варшава.
 Наша платформа (июль 1906 г.) Офицерская Рев. Организ. Изд. Воен. рев. орг. Варш. Воен. окр.
 Солдатская Доля. (доб. къ № 16-му) Изд. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр. Мартъ 1907 г.
 Крестьянскій Листокъ № 1. Изд. Черниг. Ком. п. с.-р. Ноябрь 1906 г.
 Царь Николай II-й! Письмо отъ русскихъ крестьянъ Николаю Второму. Переизд. Черн. Ком. п. с.-р. 1906 г. дек.
 Отчеты Чернигов. Ком. п. с.-р. на 1 окт. 1906 г. и съ 1 окт.—1 янв. 1907 г. Ко всѣмъ избирательнымъ курямъ. Черн. Ком. п. с.-р.
 Варшавянка
 Украинська сільська пісня. Дек. 1906 г.
 „Воля“, № 75 и № 76, изд. с.-р. Нагасаки Японія (окт. 1906 г.).
 Партийныя извѣстія № 1 и № 2 Изд. Объед. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. фев. и мартъ 1906.
 Козарма, 15 фев. 1906 г. № 1.
 Солдатская доля! Изд. Воен. рев. орг. Варш. Воен. Окр., № 6 1906 г. 1/2.
 Социалист. газета Ростовъ на Д. организ. с.-р. № 1 ав. 1905 г.
 Голосъ солдата № 3 Изд. Пет. Воен. орг. п. с.-р. 15 авг. 1906 г.
 Солдатская Мысль № 1 сент. 1906 г. Изд. Воен. Рев. орг. Пет. Воен. окр.
 Извѣстія Южно-русскаго Областн. Ком. № 2 май 1906 г.
 Голосъ рабочихъ № 1 Изд. П. К. п. с.-р. янв. 1907 г. Предвыборн. Листокъ.
 Рабочая газета № 4 мартъ 1906 г. Изд. Моск. Ком. п. с.-р.
 Предвыборныя листки пар. с.-р.:
 Почему всѣ прогрес. избиратели должны голосовать за с.-р.
 Куда идутъ народныя деньги.
 О парти, „мирнаго обновленія“:
 Царская власть и народовольцы.
 Инструкция по выборамъ, къ выборамъ въ Г. Д. Къ гражданамъ.
 2-е письмо отъ депутатовъ 15 марта 1907 г. Чл. Г. Д. с.-р. труд. В. К. С.
 Ар. парт. дашнакцонъ.
 15 июля 1904—1905 г. п. с.-р. Ц. К.
 Летучій Листокъ п. с.-р. апр. 1905 г.
 Къ солдатамъ.
 Письмо Каляева. | Сам. Ком.
 Къ обществу. | п. с.-р.
 Къ рабочимъ. | 1905 годъ.
 Ко всему трудящемуся люду.
 Къ представителямъ Самарскаго земства и думы.
 Амфитеатровъ. Сказаніе объ одной головѣ и ея обладателѣ.
 Письма къ молодежи Е. Брешковской переп. изъ Р. Р. 1905 г.
 Извѣщеніе отъ Комит. Труд. группы авг. 1906 г.
 Варш. Почт. Телегр. союзъ. Товарищи! авг. 1906 г.
 В. Ад—ръ. Царская власть ц. 5 к.
 Извѣстіе Волжск. Судходной организ. п. С.-Р. Мартъ, 1907 г., № 2 Типогр. В. С. О. 2 экз.
 Извѣщеніе Виленск. С.-Д. комитета „Бунда“.
 Товарищи! (По поводу годовщины казни Шмидта и др.) П. С.-Р., 1907, мартъ.
 Отъ еврейск. пролетаріата къ с.-д. фракціи Г. Д. (О законѣ 15 ноября 1906 г.).

Проектъ программы еврейск. с.-д. р. п. „Поалей-ціонъ“, предлагаемый Ц. К., 1906, мартъ.
 Соціалистъ, № 3. Уфимск. рабоч. союзъ П. С.-Р., Уфа, Мартъ., 1907. Типогр. Уф. К. П. С.-Р.
 Думское Эхо. № 1 Изд. Севастоп. ком. П. С.-Р., Мартъ, 1907, № 1.
 Вторая Госуд. Дума и армія. Изд. Моск. орган. Всерос. военнаго союза.
 Инструкция затонскимъ группамъ. Центр. бюро Волжск. судох. орг. П. С.-Р. мартъ, 1907 г.
 Чего хочетъ к.-д. партія. Изд. Елизаветградск. отдѣла партіи.
 „Молоть“, № 1. Изд. Бакинск. орг. П. С.-Р.
 „Трудъ“. (Рабочая газета) № 10, Изд. Петерб. К. и Совѣта Рабочаго Союза. Мартъ, 1907.
 2-е Письмо отъ депутатовъ, Марта 15-го, 1907, СПб.
 Рѣчь Г. А. Гершуни на экстренномъ съѣздѣ П. С.-Р., 1907. ц. 2 к.
 О солдатской службѣ въ Россіи и друг. государствахъ; выпускъ 1. Приложение къ № 1 „Народной Арміи“, Изд. Всероссийск. Офиц. союза.
 Первое письмо отъ депутатовъ.
 М. М. „Земля и воля“ (черносотенная брошюра), Москва, 1906. Университ. типографія, Страстной бульваръ ц. 5 к.
 Извѣстія Курскаго К—та П. С.-Р. № 1, февраль, 1907. Изд. Курск. К—та П. С.-Р.
 Прибавленіе къ № 1 Курскихъ Извѣстій П. С.-Р., Изд. Курск. К—та П. С.-Р.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ получено:

Отъ рабочихъ Т-ва Нобель для ссыльныхъ Нарымскаго Края 25 р. Отъ Анны Лебензовой изъ Михайлова, Рязанской губ. 6 р. Отъ студента Теофила Степановича Война 25 р. Отъ Г. А. А. со спеціальнымъ назначеніемъ 8 р. Отъ д-ра И. В. С. для ссыльныхъ 20 р. Отъ Р. Н. К. изъ Вильны для акатуйцевъ 100 р. Отъ Е. З. Х. въ пользу полит. ссыльныхъ изъ Харькова 27 р. 25 к. 1/2 отчисленіе черезъ М. П. 20 р. Сборъ черезъ Ш. 16 р. Отъ типографіи Г. Б. 4 р. 19 к. Отъ служащихъ Г. Б. 17 р. 81 к. Изъ Балты 35 р. Отъ Виленскаго союза равноправія женщинъ, служащихъ на жел. дорогахъ, 40 р. 70 к. 1/2 отчисленіе отъ служащихъ конторы Т-ва Амурскаго пароходства 41 р. 25 к.
 Деньги переданы по назначенію.

Отъ Петербургскаго Общества Народныхъ Университетовъ.

Настоятельная необходимость распространенія образованія въ широкихъ слояхъ населенія давно уже сознается всѣми, и давно уже идея народныхъ университетовъ, которые на Западѣ получили разнообразное и широкое развитіе, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе русскаго интеллигентнаго общества, дѣлающая немало попытокъ къ ея осуществленію. Этому требуютъ жизненные интересы родной страны. Всѣ члены семьи культурныхъ народовъ, сознавая великую зиждительную силу просвѣщенія народныхъ массъ, дѣлають въ немъ быстрые успѣхи. Въ настоящее время начинающагося обновленія наша великая неотложная задача — энергично бороться съ народною темнотою и широкою рукою насаждать учрежденія для умственнаго просвѣщенія народныхъ массъ. Въ предстоящей работѣ должны сойтись на почвѣ безпартійности представители всѣхъ слоевъ общества, всѣ, кому дороги правильное развитіе и преуспѣваніе родной страны.

Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ, задающеея цѣлью внѣшкольного образованія, представляетъ собою одну изъ попытокъ удовлетворенія этой неотложной всенародной нужды. Общество возникло въ предположеніи, что открытіе его дѣйствій послужитъ исходнымъ пунктомъ для организациіи ряда автономныхъ отдѣловъ на всемъ пространствѣ Россіи¹⁾. Несмотря на то, что инициатива его въ этомъ направленіи пока все еще встрѣчаетъ нѣкоторыя препятствія, Всероссийское Общество Народныхъ Университетовъ, объединенное въ своихъ частяхъ одною просвѣтительною мыслью, — дѣло ближайшаго будущаго. Пока Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ получило возможность дѣйствовать только въ Петербургѣ и его губерніи. Не прошло еще и года со времени начала его дѣятельности, а она уже обратила на себя общественное вниманіе. Въ работѣ Общества приняли участіе 170 лекторовъ, которые образовали 5 секцій (общественно-юридическую, физико-математическую, естественно-историческую, гуманитарную и секцію новыхъ языковъ). Организовалось чтеніе лекцій и курсовъ и руководство занятіями по отдѣльнымъ областямъ научныхъ и техническихъ знаній.

Въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ аудиторіяхъ Общества (всѣхъ аудиторій — одиннадцать) на чтеніяхъ по различнымъ отраслямъ знанія перебивало свыше 10000 слушателей.

Для начала цифры утѣшительныя, но что онѣ въ сравненіи съ огромными

¹⁾ По извѣстнымъ свидѣніямъ слѣдующія общества народныхъ университетовъ уже начали дѣйствовать: Московское, Псковское, Воронежское; организуются: Рижское, Либавское, Тверское, Орловское, Казанское, Смоленское, Екатеринодарское, Полтавское, Ягивское, Тифлисское, Астраханское и Ярославское.

размѣрами нужды въ просвѣщеніи, нужды въ борьбѣ съ невѣжествомъ и безграмотностью... Для ея удовлетворенія необходимы большія денежные средства, необходимы трудовыя силы, и Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ обращается ко всѣмъ слоямъ русскаго народа, ко всѣмъ, кому не чуждо пониманіе жизненныхъ интересовъ родины, кому дорого ея культурное развитіе, съ горячею просьбой о поддержкѣ его дѣятельности, какъ вступленіемъ въ члены Общества и привлеченіемъ въ число ихъ другихъ лицъ, такъ и всѣми иными путями, которые могутъ вести къ одной великой цѣли — просвѣщенію родныхъ народныхъ массъ.

Въ составъ Совѣта Общества входятъ слѣдующія лица: Н. П. Азбелевъ, П. Н. Бекетовъ, акад. В. М. Бехтеревъ, проф. А. А. Врандтъ, проф. П. Н. Броуновъ, С. С. Григорьевъ, Н. В. Дмитріевъ, Д. А. Дриль, проф. А. А. Исаевъ, проф. Н. И. Карбевъ, проф. М. М. Ковалевскій, А. Л. Ковалева, П. Г. Мижукъ, проф. П. Н. Милковъ, проф. Н. Н. Митинскій, В. Д. Набоковъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, докт. мед. М. П. Нижегородцевъ, А. И. Никольская, докт. мед. Д. П. Никольскій, акад. С. Ф. Ольденбургъ, А. Я. Острогорскій, Л. Ф. Пантелъевъ, М. И. Петрукевичъ, проф. Н. І. Рачинскій, проф. А. Д. Романовъ, Н. А. Рѣзцовъ, Л. М. Рѣдько, проф. С. Е. Савичъ, прив.-доц. В. В. Святловскій, А. С. Таль, акад. кн. Н. Р. Тархановъ, прив.-доц. А. Г. Тимофеевъ, проф. Л. В. Ходскій, В. І. Шиффъ, и прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ.

Предсѣдатель Совѣта С.-Петербургскаго Общества Народныхъ Университетовъ Д. Дриль.

Секретарь Совѣта прив.-доц. П. Шмидтъ.

Книгоиздательство Н. Е. Парамонова

„Донская Рать“.

№	Беллетристика.	цѣна.	№	цѣна.
1	Короленко—Пріемшъ	2	39 ² Мать (съ армянскаго)	1 1/2
2	Дмитріева—Майна-вира	3	40 Остов—Поденщикъ	2
3	Чириковъ—Маленьк. грѣшникъ.	1	41 Некрасовъ и Накитинъ	4
4	Андреевъ—Баргам. и Гараска.	1 1/2	42 Бунинъ—Байбаки	3
5	Кретперъ—Истор. чер. сюртука.	1	43 Петровскій—Не дался	1
6	Крандівская—Для души	2	44 Дмитріева—Вѣлыя крылья	2
7	Чириковъ—Свища	2	45 Серафимовичъ—Въ бурю	3
8 ²	Н.-Данченко—Старый замокъ	3	46 Яблоновскій—Ковокрадъ	3
9	Свирскій—Забракованный	2	47 Франко—На дѣѣ	9
10 ²	Костинъ—Ошибка	3	49 Н.-Данченко—Воскрес. пѣснь	5
11	Дмитріева—Ее всѣ звать	3	50 Вересаевъ—Повѣтріе	4
12	Станюковичъ—За „Щуплень.“	2	51 Бѣлоконскій—Деревня Печаль.	3
13	Митропольскій—Вода	2	52 Дмитріева—Волки	3
14	Серафимовичъ—Местъ	3	53 ² Мирбо—Война	3
14 ²	Курочкинъ—Принцъ Лутова	6	55 Короленко—Черкесъ	4
15	Мельшинъ—Искорка	3	56 Вересаевъ—Звѣзда (вост. сказ.)	1 1/2
16	Мельшинъ—Чортовъ Яръ	4	57 Телешевъ—Противъ обычая	2
17	Андреевъ—Гостинецъ	2	58 Яблоновскій—Въ консультаціи	3
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2	59 Пѣсни труда	8
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3	60 Темный—Сироткинъ	3
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2	61 Кранд.—Только часть и др. разск.	10
21	Бѣлоконскій—Страховка	2	61 ² Сазановъ—Въ пути	3
22	Ивашева—Мой день	2	62 Бунинъ—Надъ городомъ	1
23	Короленко—Ночью	5	63 Измайловъ—Мать	3
24	Тимковскій—Среди людей	5	64 Станюковичъ—Эмигрантъ	3
25	Русова—Биографія Гарибальди	4	65 Избр. стихотв. Надсона	3
26	Отч. Пар. не выуч. грам.	3	66 Андреевъ—Анелочекъ	3
27	Златовратскій—Мечтатели	4	67 Андреевъ—Жили-были	3
28 ²	Н.-Данченко—Махмудины дѣти	3	69 Серафимовичъ—Въ камышахъ	2
29	Ожешко—Гedaли	3	70 ² Бѣлоконскій—За что и почему	3
30	Юшкевичъ—Ханжика и Юська	2	71 Яблоновскій—Завѣтная мечта	3
31	Вересаевъ—Въ пути	1	72 Присяжн. засѣдатель	2
32	Франко—Самъ виновать	1 1/2	73 Вересаевъ—Къ спѣху	1
33	Александръ—Изъ-за хлѣб. насущ.	1 1/2	74 Серафимовичъ. На льдинѣ	3
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3	75 Мельшинъ—Маленькіе люди	4
35	Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ	2	76 ² Франко—Лѣса и пастбища	2
36	Митропольскій—Отгорочка	1	77 ² Яковлева—Свидѣтель	8
37	Яблоновскій—Удружиль	1	243 Шатрианъ—Исторія крестьянина	20
38	Франко—Хорошій заработокъ	1	276 Мирбо.—Дурные пастыри	10
			278 Вересаевъ—Честнымъ путемъ	7

№	цѣна.	№	цѣна.	
304	Ярошъ—Послѣдній король	20	130 Пругавинъ—Миллювъ	6
253	Гра—Марсельцы	25	131 ² Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь	5
325	Морозовъ—Стихотворенія	25	132 Гези—Благотворительность	2
292	„Впередъ“, Сборникъ стихотвор.	20	135 Короленко—Чудная	3
80	Короленко—Соколинецъ	7	137 Разрушенный моля	1
82	Елеонскій—Огорченіе	3	138 Успенскій—Невълѣчный	5
83	Русова—Братья Гракхи	3	139 Погорѣловъ—Въ глуши	2
84	Телешевъ—Нужда	1 1/2	139 ² Бунинъ—Черноземъ	2
84 ²	В. Гюго—Клодь Ге	3	140 Л. Андреевъ—Предст. кража.	1 1/2
86 ²	Молодая жизнь	7	141 Конопницкая—Дымъ	1 1/2
87	Золя—Кровь	3	143 Амчись—Красная гвоздика	2
88	Бѣлоконскій—Фейга	3	147 Вирскій—Вѣзь исхода	3
89	Успенскій—Будка	3	149 Совѣ подъ 1-е мая	3
90	Короленко—Мгнов. и огоньки	2	199 Мельшинъ—Школа въ каторгѣ	7
91	Пѣсни мира. Сборн. стих.	2	200 Короленко—Совѣ Макара	
92 ²	Бѣлоконскій—Дерев. консп.	2	200 ² Наши братья	8
93	Бѣлоконскій—Странное мѣсто.	1 1/2	401 Радловъ—Популяри	4
94	Мирбо—Вродяга	1	402 Русова—Луиза Мшель	5
95 ²	Гези—Анг. Матье (жизнь руд.)	3	403 Рыбацкій—Шестиушый	1
96	Тимковскій—Травля	5	404 Питоментъ воспитателя. дома	2
97	Наживинъ—Волось Мадонны	1	405 Ямайкинъ—Поручикъ Эрве	1
98	Франко—Къ свѣту	3	406 Юшкевичъ—Ита Гайне	2
99	Чириковъ—Въ отставку	7	407 Какъ муж. наш. то, что нужно	2
100	Зарницы—Сборникъ стихотвор.	5	408 Врусянинъ—Заразные люди	2
101	Андреевъ—На станціи	1	409 Ежъ—На разсвѣтѣ	
102 ²	Бѣлоконскій—На высотѣ своего призванія	3	153 ² Джаво (перев. съ армянск.)	1 1/2
103	Рубакинъ—Искорки	5	157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ...	3
104	Ханжъ Гершковичъ	5	160 Л. Толстой—О смертной казни	8
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5	163 Радловъ—Котлощитъ Ваня	5
106	Мирбо—Крест. и Пропов.	1 1/2	165 Журавлевъ—Убийство	2
107	Андреевъ—Валя	2	166 Юшкевичъ—Левко Гемъ	1
109	Короленко—Послѣдній лучъ	3	167 Пѣсни борцовъ—Сборн. стих.	3
110	Короленко—Морозъ	4	168 Конопницкая—Юзефова	3
111 ²	Малатеста—Въ кофейнѣ	7	170 Дѣти рабочихъ	9
112	М. Сибирякъ—Въ худихъ душ.	4	171 Серафимовичъ—Подъ землей	1
113	Чириковъ—Тавино счастье	7	172 О. Завицкій—Въ чертѣ осыдл.	3
114	Рубакинъ—Книгоноша	20	173 Ив. Наживинъ—Братья	1
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3	174 Ивановичъ—Не понравилось	2
116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3	178 Костинъ—Одинъ	6
117	Наживинъ—Ложь	1 1/2	179 Шевченко—Избранный стихотвор. (малор.)	3
118	Суздальцъ—Ричардъ Остл.	3	180 Полиановъ—Кончился	4
119	Крюковъ—Въ родн. мѣстахъ	5	181 Какъ мужикъ въ долгу остался	3
120	Короленко—Госуд. Ямщика	7	182 Не въ моготу	1
121	М. Конопницкая—Ястоиъ	1 1/2	183 Почему бѣдна Россія	3 1/2
122	А. Яблоновскій—Нухимъ	3	184 Пѣсни рабочихъ	
123	П. Бугосинъ—Случай № 212	1	185 Иованевъ—Должностное лицо (палачъ)	1 1/2
125	В. Короленко—На затменіи	3	187 ² Радловъ—Семей	5
126	Сказка о 4 братьяхъ	4	192 Какъ господа 1-ое мая празд.	1 1/2
127	Юшкевичъ—Кабач. Гейманъ	4		

№	цѣна.
330 К. Шмидтъ—Общая безработица и борьба съ ней.	10
228 Струмилинъ долой забастовщик.	10
321 Люсиа. Существуетъ ли барщина	5
335 Герровъ—Судн. день капитализ.	6
240 Федоровъ. Воин. пов. въ Россіи	8
81 ² Маньковск.—У поднож. висѣл.	6
300 Жоресъ и Гудъ—Так. с.-демокр.	6
318 Петровъ—Прогрес.-эконом. пар.	8
322 Данъ—Исторія рабочаго движенія въ Россіи	15
186 Товаришъ, не измѣй!	2
305 Мазовецкій—Полит. пар. въ Пол.	12
337 Загаровъ—Партія правов. поряд.	7
339 Арну—Коммуна	50

Въ помощь читателю:

198 ¹	Обзоръ литературы по	Аграрн. вопросъ в. I.	5	
198 ²			Рабочій вопросъ	5
198 ³			Избирател. право	5
198 ⁴			Историческія книги.	5
198 ⁶			Беллетристика.	5
198 ⁷			Практич. политика.	5
198 ⁸			Аграр. вопросъ в. II.	5
198 ¹⁰			" " в. III.	5
198 ¹¹			Крестьянск. вопросъ.	5

Русская историческая библиотечка.

307 Государственный преступ. т. I. 1 р. 50

Главный складъ: Ростовъ н-Д. Казанская, 42.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Лиговская, 44, кв. 22. Москва, Стрѣтенка, Ащеуловъ пер., д. 13.
 Кіевъ, Крещатикъ, д. 27, кв. 13. Одесса, Колодезный пер., д. 4, кв. 29.
 Ница. Nice. Avenue de la gare 62. Agence Générale pour la Riviera. De la pressee Russe. M. Hirschman.

*Книжные склады и магазины пользуются 30% скидки.

Пересылка за счетъ издательства при заказахъ на 75 р. послѣ скидки.

Лица, выписывающія на 3 руб., за пересылку въ Европейской Россіи не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга:

„ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ“

подъ редакціей *Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богугарскаго, В. И. Семевскаго и Л. Ф. Якубовича.*

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

НОВАЯ КНИГА

НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ.

Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.

ИСТОРИЯ

ВОЗНИКНОВЕНІЯ АПОКАЛИПСИСА.

Съ рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ Пулковской обсерваторіи.

Изданіе редакціи журнала „БЫЛОЕ“.

X+304 стр.

Цѣна 1 руб. 35 коп.

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17. Въ нихъ помѣщ.:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщений. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ПЕРВЫЙ**. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціей и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева**. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей **В. Л. Бурцева**. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. **В. Я. Богучарскаго**. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей **В. Л. Бурцева**. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ**. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. **ТОМЪ ТРЕТІЙ**. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Выпускъ первый. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго**. Ц. 30 к.

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. **В. Л. Бурцева**. Ц. 6 к.

14) Литература партіи Народной Воли. Выпускъ второй. Ц. 1 р.

15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ **Н. Павлова-Сильванскаго**. Ц. 70 к.

16) Убіиство императора Павла. (Разказы современниковъ). Подъ редакціей **П. Е. Щеголева**. Ц. 20 к.

17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. **Н. А. Виташевскаго**. Ц. 8 к.

Печатаются:

18) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева**.

19) Общество „Земля и Воля“. **І. В. Аптекмана**.

20) Къ событію 1-го марта 1881 года. **А. В. Тыркова**.

21) Государственныя преступленія въ Россіи. Т. IV. Сборникъ подъ редакціей **В. Я. Богучарскаго**.

22) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ за 1901 годъ.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрь 1905 года, получаютъ за внесенную ими плату первый, второй и третій тома „Государств. преступленій“ и три тома